

О
ВРЕМЕНИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ
СЛАВЯНСКИХЪ ПИСЬМЕНЪ.

СОЧИНЕНИЕ

О. Бодянского.

СЪ 19-ТЮ СНИМКАМИ.

МОСКВА.

1855.

О

ВРЕМЕНИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ

СЛАВЯНСКИХЪ ПИСЬМЕНЪ.

времни происхожденія
СЛАВЯНСКИХЪ ПИСЬМЕНЪ.

СОЧИНЕНІЕ

О. Бодянского.

СЪ 19-Ю СНИМКАМИ.

МОСКВА

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1855.

Въ предлагаемомъ изслѣдованіи разсматривается мною одно только обстоятельство изъ жизни незабвенныхъ просвѣтителей Славянскаго племени, вопросъ о *письменихъ*, приписываемыхъ нѣкоторыми одному изъ нихъ, а другими обоимъ вмѣстѣ. О жизни ихъ такъ много писали уже, что почти нѣтъ въ ней ничего такого, о чемъ бы не было предложено нѣсколькихъ мнѣній, какъ водится, самыхъ разнорѣчивыхъ, а нерѣдко и совершенно противоположныхъ одно другому. Тѣмъ не менѣе, многое и многое въ житіи Солунцевъ заставляеть насъ еще желать лучшаго и точнѣйшаго разъясненія; а изъ этого многого въ особенности нуждается въ томъ вопросъ о времени составленія письменныхъ знаковъ для передачи звуковъ Славянскаго языка. Открытіе въ наши дни нѣсколькихъ новыхъ памятниковъ, относящихся къ этому предмету, или

II

вѣрнѣе, старыхъ, но забытыхъ было небрежнымъ пометствомъ, и то обстоятельство, что никто еще не воспользовался ими во всемъ ихъ объемѣ, побудили меня сличить съ показаніями, представляемыми ими, показанія прежнихъ свѣдѣтельствъ и сдѣлать отсюда выводъ. Другіе, статья можетъ, сдѣлаютъ другой выводъ; но, во первыхъ, сколько головъ, столько и умовъ, говоритъ пословица; а во вторыхъ, радъ буду, что своей, какой ни есть, работой, ускорю этотъ лучший выводъ, вызову болѣе счастливые труды. Первоначально я хотѣлъ было присоединить къ предлагаемому сочиненію и етъ, въ полномъ смыслѣ, *вновь* открытые, источнички, равно какъ и важнѣйшіе изъ извѣстныхъ уже: тѣ и другіе, разумѣется, сличивъ по нѣсколькимъ, доступнымъ мнѣ, спискамъ, съ разнословіями въ концѣ; но непредвидѣнныя препятствія удержали меня отъ того на нѣкоторое время. Теперь же представляю 19-ть снимковъ со всѣхъ, бывшихъ у меня подъ руками, рукописныхъ памятниковъ по изслѣдывавшему вопросу. Они сдѣланы съ возможной точностью извѣстнымъ художникомъ, І. Т. Шелковниковымъ. Очень жалѣю, что не могъ прибавить къ нимъ снимка и съ старѣйшаго до сихъ поръ рукописнаго Храброва сказанія «*О писменелѣ*», находящагося въ Московеквой Синодальной Библиотекѣ № 143, и составленнаго, вмѣстѣ со многимъ другимъ, для Булгарскаго царя, Александра, тахомъ священно-

III

мнокомъ Лаврентіемъ въ 1548-мъ году; въ первый разъ оно напечатано, какъ известно, К. О. Калайдовичемъ, при его «Іоаннѣ, Екзархѣ Болгарскомъ», въ Москвѣ, 1824, въ XI-мъ Приложеніи (стр. 189—192).

Судя по етому уже одному вопросу, очевидно, что пересмотръ свѣдѣній нашихъ о дѣятельности Славянскихъ благовѣстниковъ желателенъ въ высшей степени. Быть можетъ, кто ни будь ето и сдѣлаеть къ тому времени, которое получено мною какъ итогъ, послѣ всесторонняго изслѣдованія его; быть можетъ, и я самъ буду имѣть возможность къ той порѣ что ни есть сдѣлать для того; но крайней мѣрѣ, отъ души желалъ бы видѣть самый точный, самый добросовѣстный, пересмотръ тому.

СОДЕРЖАНІЕ.

Введеніе.....	Стран.	1
---------------	--------	---

ГЛАВА I.

ОБЗОРЪ ИСТОЧНИКОВЪ или СВѢДѢТЕЛЬСТВЪ.

A. ИСТОЧНИКИ.

I. Г р е к е с к і е.

1. Житіе св. Климента, епископа Булгарскаго	9
2. Неизвѣстнаго Грека, у Бандури.....	13

II. З а п а д н ы е.

1. Папа Іоаннъ VIII.....	18
2. Anonymus Salisburgensis.....	26
3. Vita SS. Cyrilli et Methodii cum translatione S. Clementis, или Первое, иначе Итальянское, Сказаніе	27
4. Второе или Моравское Сказаніе.....	28
5. Житіе Людмилы, и Житіе Вячеслава.....	29
6. Сказаніе о Сазавской обители	32
7. Градишгскій или Опатовицкій черноризецъ.....	33
8. Дюклејскій или Дуклянскій священникъ	—
9. Archidiaconus Spalatensis.....	36
10. Бернардъ Крёмсмонстерскій	—
11. Авентинъ.....	37

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стран.

III. *О т е т е с т в е н н ы е.*

г. Паннонскія Житія Кирилла и Меодія.....	37
ё. Паннонское Похвальное Слово Кириллу и Меодію....	42
ѳ. Похвальное Слово Климента Кириллу.....	48
ѿ. Іоаннъ Екзархъ Болгарскій	49
ѿ. Храбръ	51
ѿ. Несторъ	61

Б. П О С О Б І Я.

I. *П р о л о ж н ы я.*

а) Проложное Житіе Кирилла	65
б) Проложное Житіе Меодія.	70
в) Проложное Житіе Меодія по хараейному списку Сербскаго извода.....	75

II. *Л ь т о п и с н ы я.*а) *Булгарскаго извода:*

1) Сказаніе отъ сотворенія міру.....	79
2) Показаніе о днѣ кончины Меодія въ рукоп. Апосто- лъ XII.....	81
3) Показаніе древней Службы св. Меодію.....	82

б) *Сербскаго извода:*

1) Лѣтописецъ по списку Сечепіевскому.....	88
2) Лѣтописецъ по списку Рацкому.....	—
3) Сказаніе вкратцѣ отъ Адама до нынѣшняго времени..	89
4) Показанія Сяпаксарей.....	90

в) *Рускаго извода:*

1. Палтя по Псковскимъ спискамъ	91
2. Хронографы или Временники.....	111
3. Приниски при Лѣтописцѣ вкорѣ Цареградскаго патри- ярха Никифора.....	116
4. Житіе В. К. Владимира по Круничпольскому списку Ичелы.....	136
5. Апоологіонъ и т. п.....	138

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

ГЛАВА II.

РАЗБОРЪ СВѢДѢТЕЛЬСТВЪ.

а) По вѣку рукописей.....	141
б) По содержанію свѣдѣтельствъ.....	144
в) О лицѣ составителя Славянскихъ писемъ.....	148
г) О мѣстѣ, гдѣ письма Славянскія появились.....	161

ГЛАВА III.

ИСТОРИЯ ВОПРОСА.

М н ѣ н і я.

Болландиста Геншена.....	172
Паджи.....	173
Ассемани.....	—
Добнера.....	174 и 269
Карамзина.....	176
Евгенія, митрополита.....	177
К. О. Галайдовича.....	178
О. М. Новицкаго.....	179
Добровскаго.....	182
Шафарика.....	188 и 206
Палацкаго.....	194
М. А. Максимовича.....	195
С. П. Шевырева.....	196
Ваттенбаха.....	199
Макарія, епископа Винницкаго.....	201
Филарета, епископа Харьковскаго.....	204
Копитара.....	213
Я. Гримма.....	266
Миклошича.....	267
В. П. Григоровича.....	197 и 268
Дуриха.....	271
Линггарта.....	272
Антоня.....	.....

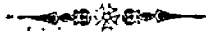
ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
Фриша.....	275
Г. П. Коля.....	—
А. Фойгта.....	279
Венелина.....	280
Драгосавлѣвича.....	296
Шлейхера.....	301
Папловскаго.....	302
К. А. Ф. Перца.....	309
Н. П. Срезневскаго.....	320

ГЛАВА IV.

ЦАРЬ ГРАДЪ.

а) Разсмотрѣніе Храброва показанія о времени происхожденія Славянскихъ племенъ.....	342
б) Паннонскихъ Житій и т. п.....	348
в) Рѣшеніе.....	367

О

ВРЕМЕНИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ

СЛАВЯНСКИХЪ ПИСЬМЕНЪ.

Сиде ко и Дюписки стѣи глѣтъ,
рекѣи: естъ неподобно мѣню, како
же и крико, нже не снае и разоу-
моу взвншати, нъ глѣтъ.

Номъ Ексархъ Българскѣи.

Прологъ къ книгѣ «Несеса.»

Und die aufgefundene *russische* Acte macht eine Revision alles bisher über diese Materien im Publico verhandelten, nothwendig: ganz neue Data erscheinen, aber auch neue Widersprüche: ob und wie diese letztere alle zu heben sind? da sehe die bedächtige Kritik zu.

A. L. von Schlözer.

(*Исторь, III, Кар. X. S. 242; съ Рус. II, стр. 582.*)

11

Въ жизни народовъ, какъ и челоуѣка, бываютъ событія, воспоминаніе конхъ всякой разъ погружаетъ мыслящіе умы въ невольныя думы. Особенно это надо замѣтить о годовщинѣ ихъ, когда они, такъ сказать, сами напрашиваются. Тутъ, иногда, приходится раздуматься и самой даже неповоротливой, самой разсѣянной, головѣ. Цѣлыя поколѣнія пытаются свои умственныя силы надъ тою, другою стороною ихъ, оставшейся недовольно еще освѣщенной, загадочной. По тому что любознаніе наше безгранично; мы часто не въ состояніи остановиться и тамъ, гдѣ, по видимому, нѣтъ ни какой надежды на успѣхъ. Чѣмъ больше неудачъ, тѣмъ сильнѣе во многихъ разгарается духъ пытливости. Авось, не

поднимется ли на сколько ни будь завѣса таинственности, не подается ли, хоть на шагъ, впередъ вѣковая работа, — и я ужь не напрасно жилъ, — думаетъ разоблачитель неразоблаченного. Да если и ничего не сдѣлаю, — это не значитъ, чтобы она рѣшительно была не подъ силу человѣческому духу, а просто только то одно, что я, одинъ лишь я, не доросъ еще до нея. Что отъ человѣка, то по человѣку и для человѣка, и въ семь-то смыслѣ справедливо сказалъ лучшій изъ Римскихъ писателей: «*Nil mortalibus arduum est.*» (Carm. V.) И то правда, даромъ ничего не дается въ жизни совершить особеннаго, какъ замѣчаетъ тотъ же илѣвецъ: «*Nil sine magno vita labore dedit mortalibus.*» Самыя, такъ называемыя, дѣла случая, требуютъ, по крайней мѣрѣ, не случайнаго ума, чтобы схватить предлагаемое имъ указаніе, понять намекъ, разгадать, къ чему дается ключъ, открыть сокрытое. Сдѣсь та же, по видимому, игра, какую представляютъ, не рѣдко, счастье. «*Помилуйте, сегодня счастье, завтра счастье, послѣ завтра счастье, всю жизнь счастье, да счастье; надо же когда ни будь и хоть крошку ума,*» отвѣчалъ нашъ несравненный полководецъ, когда ему, какъ-то, передавали отзывъ другихъ объ его побѣдахъ. И точно, въ противномъ случаѣ, и золотая посредственность выигрывала бы битвы при Арбелахъ, Фарсалѣ, Акціумѣ, Полтавѣ, Нови, Ваграмѣ. открывала бы Америки, порохъ, компасъ, типографскій станокъ, законы тяготѣнія, пара, свѣтлописи, создавала бы Иліады и Одиссеи, и т. п., что только носить на себѣ приznakъ творчества, печать гения. Сколько милліоновъ людей каждый день видѣло и видитъ паденіе всякаго рода тѣлъ съ извѣстной высоты на землю, и, однако же, только Нютоновъ умъ вызванъ былъ унавшимъ близъ него яблокомъ къ думѣ о тяготѣніи и стремленіи тѣлъ внизъ и, вдумываясь въ причину того, объяснилъ намъ тайну движенія міроздаія. Въ природѣ меньше, чѣмъ полагаютъ, непонятнаго для умѣющаго читать ея буквы, ума быстрого, вникательнаго, сообразительнаго. Міръ человѣческій, равнымъ образомъ, доступенъ такимъ избранникамъ. Цѣлыя столѣтія пролетали надъ исполинскими постройками Египта, цѣлыя поколѣнія глядѣли на письма, начертанныя на нихъ, равно какъ на письма

на скалахъ Мидіи, обломкахъ царскихъ зданій Пипевіи, Вавилона и т. п., частью на поверхности земли, а частью въ развалинахъ, покрытыхъ вѣковымъ хламомъ и мусоромъ; а только Шампольонъ далъ намъ ключъ къ іероглифамъ, которые Лепсіусъ съ такимъ успѣхомъ читаетъ намъ теперь; только Гротенфендъ да Ролинсонъ разгадали клинообразные знаки; только Бюрнуфъ воскресилъ Зендъ; только Боппъ открылъ дверь къ познанію истинной сущности языковъ Индоевропейской семьи, и тѣмъ положилъ камень во главу угла новому вѣдѣнію, основанному на историческомъ сравненіи; только Лассенъ представилъ жизнь старой Индіи во всемъ ея богатствѣ, доступномъ современной наукѣ; Бунзенъ судьбы древняго Египта, Пибуръ Ветхаго Рима, Гротъ своеобразной Греціи. Значить, повторяю, для ума проницательнаго едва ли есть случай. Обыкновенно, имъ называютъ событіе, причины коего сокрыты, и по тому неожиданностью своей поражаютъ насъ. Но кто въ состояніи постигать отношеніе явленій къ ихъ двигателямъ, слѣдовательно, разгадывать сцѣпленіе обстоятельствъ, переплетеніе ихъ и взаимное дѣйствіе однихъ на другія, а разгадывая, видѣть, куда что стремится, и, согласно съ тѣмъ, направлять ходъ ихъ по своему соображенію, или же ставить себя вѣ ихъ ударовъ, для того вовсе нѣтъ нечаянностей, по крайней мѣрѣ, какъ можно меньше. Исключенія составляютъ такія происшествія, корни которыхъ слишкомъ далеко ужъ скрываются за чертою круга, въ коемъ суждено намъ дѣйствовать. Стало быть, все тутъ зависитъ отъ склада собственнаго нашего ума и объема сферы, въ коей движемся, позволяющей на большее, или меньшее разстояніе раздвигать свой кругозоръ. О тѣхъ, кто имѣетъ всѣ етѣ необходимыя условія, не безъ основанія пословица говоритъ: «На ловца звѣрь бѣжитъ.»

Если это справедливо вообще, взятое по отношенію ко всему, что совершается вокругъ насъ, и что не безмысленно проходитъ мимо мужа съ думой на челѣ, то тѣмъ болѣе справедливо по отношенію къ событіямъ важнымъ, которые однимъ уже появленіемъ своимъ невольно приковываютъ къ себѣ его пытливые взоры. По этому, и событія годовицинныя

о конхъ я упомянулъ въ самомъ началѣ, и къ конхъ все это веду, проносящіяся надъ головой большинства совершенно незамѣченными, не могутъ не затрогивать собой вниманія, привыкшаго наблюдать и вдумываться въ проходящее передъ его глазами. Въ самомъ дѣлѣ, не говоря уже ни слова о прочемъ, привлекающемъ его къ нимъ, довольно одной урочности ихъ, чтобы, любознательный и отчетливый, остановился онъ на нихъ и захотѣлъ разузнать, что и отъ чего они; разузнавая же ихъ прошедшее и встрѣчая въ немъ многое въ темномъ, или загадочномъ, видѣ, естественно, пожелаетъ то уяснить себѣ. Такимъ образомъ, любознательство его, эта вообще самая щекотливая сторона природы нашей, задѣто, какъ мы привыкли въ подобныхъ случаяхъ выражаться, за живое, пища дѣятельности его пашлась, и—вотъ онъ, не удовлетворяясь сдѣланнымъ до него, съ самоотверженіемъ бросается въ поле, предѣлы коего чѣмъ далѣе идти, тѣмъ болѣе отдвигаются. Ни мало, однако, не робѣя передъ безбрежностью своего странствія, медленно, но осторожно, подвигается впередъ, твердо рѣшившись самъ исходить все поле разыскиваемого имъ, измѣрить его во всѣхъ направленіяхъ, и, подъ конецъ, непосредственно провѣрить правдивость показаній другихъ. Единственнымъ побужденіемъ къ тому, его путеводной звѣздой, — стремленіе найти истину, или, по крайности, подойти къ ней, какъ можно ближе; во имя науки и для науки предпринимаетъ онъ переслѣдованіе. Конечно, выборъ вполне зависитъ отъ него; но нельзя же ужъ быть на столько равнодушнымъ къ окружающему насъ, чтобы совершенно чуждаться его, жить въ одномъ лишь томъ кругѣ, который сами мы создали для себя. Сколько чрезмѣрная привязанность къ настоящему, событіямъ дня и мгновенія, вредна, столько и совершенное безчувствіе къ нему неизвинительно: и то, и другое — крайность, неестественно, отзывается предубѣжденіемъ, намѣренностью. Благоразумное желаніе постигнуть совершающееся передъ нами врожденно существу, получившему отъ самаго Бога способность постиженія. Одни животныя безчувственны къ тому; да и тѣ, въ чрезвычайныхъ случаяхъ, обнаруживаютъ нѣчто, похожее на влеченіе узнать виновника, на-

рушившаго однообразіе прозябательной ихъ жизни. Кѣмъ и для кого егѣ волны житейскаго моря? Не ужь-то всё онѣ — дѣло слѣпаго случая и для слѣпцовъ? для каменія и тернія? Не ужь-то мы тутъ — посторонніе зрители, защищенные отъ всякихъ тревоженій самымъ положеніемъ своимъ, зрители, какихъ, иногда, видимъ на стѣнахъ многихъ нашихъ общественныхъ и частныхъ зданій, которые съ одинакимъ глубокомысліемъ устремляютъ взоры свои на сцену, когда на ней разыгрывается драма тмами темъ, и тогда, когда все такъ молчитъ, какъ гробовая доска? Поступать такъ, значитъ вовсе не сознать себя, своего опредѣленія, поступать не по человѣчески: «*Nonno sum, humani a me nil alienum puto;*» (Ter. Неха.) тѣмъ болѣе, когда въ событіи затронута еще бываетъ наша собственная, или же народная, личность.

Второй половиной нашего столѣтія открывается въ жизни Славянскаго народа непрерывный рядъ тысячелѣтнихъ торжествъ въ память событій, записанныхъ исторіей, и при томъ такихъ, послѣдствія которыхъ имѣли, а многихъ и теперь еще имѣютъ, и будутъ имѣть, пока самое племя существуетъ, рѣшительное вліяніе на жизнь всего его, или же какой ни будь его части. Цервенство между етѣми торжественными празднествами принадлежитъ тысячелѣтню *изобрѣтенію*, или точнѣе, *составленію письменъ*, предназначенныхъ для всѣхъ Славянскихъ народовъ, и дѣйствительно употреблявшихся большинствомъ ихъ; стало, они открываются событіемъ, касающимся всѣхъ Славянъ. Когда же именно случилось это событіе?

Подъ Славянскими письменами, обыкновенно, разумѣется, такъ называемая, *Кириллица*, по имени изобрѣтателя или составителя ея, и объ ея-то времени появленія я едѣсь пускаюсь въ поиски. Етѣмъ уже исключаются отсюда всё изслѣдованія о томъ, имѣли ли Славяне какія либо письмена до нея; далѣе, въ какомъ отношеніи находится она къ другой, тоже Славянской и, какъ показываютъ новѣйшія розысканія, почти современной ей, азбукѣ, именно Глаголицѣ или Глаголитницѣ; напоследокъ, какая связь обѣихъ ихъ съ

азбуками прочих Индоевропейскихъ народовъ? Всѣ стѣ вопросы, какъ ни любопытны сами по себѣ, и какъ, по видимому, ни тѣсно связаны съ задачей моей, скорѣе умѣстны въ подробномъ изслѣдованіи вообще о письменахъ Славянскихъ, или же въ критическомъ изложеніи жизни составителя ихъ, нежели при разсмотрѣніи одной только части стѣхъ предметовъ. Тамъ ихъ настоящее мѣсто, а по тому и желанное рѣшеніе.

Г Л А В А I.

Обзоръ источниковъ или свидѣтельствъ.

Gratius ex ipso fonte bibuntur aquae.

O v i d.

(3 P. 5.)

Всякое разслѣдованіе наше, если хотимъ сообщить ему прочную опору и достигнуть надежныѣ задуманной цѣли, должно быть произведено по, такъ называемымъ, *источникамъ*. Источники слагаются изъ современныхъ извѣстному происшествію, или, по меньшей мѣрѣ, ближайшихъ и непосредственныхъ, показаній, очищенныхъ, разумѣется, критикой. Позднѣйшія свѣдѣнія принимаются съ крайнею осторожностью, и только при отсутствіи первыхъ. Стройное исчисленіе тѣхъ и другихъ касательно нашего вопроса представлено славнымъ Шафарикомъ въ безцѣльномъ сочиненіи его: «Славянскія Древности» (1); но съ тѣхъ поръ число ихъ возрасло значительно, и при томъ, нѣкоторые изъ первыхъ чрезвычайной важности. Съ открытіемъ ихъ какъ исторія принятія Христіанства Славянскими народами изъ устъ Цареградскихъ благовѣстниковъ, такъ и, неразрѣдно соединен-

ное съ нимъ, появленіе у нихъ особыхъ писемъ, бывшихъ естественнымъ послѣдствіемъ того, во многихъ отношеніяхъ, въ глазахъ спокойнаго изслѣдователя, принимаетъ совѣтннй видъ. Не приступая еще къ самому разъясненію своей задачи, полагаю необходимымъ, прежде всего, назвать источники, прежніе и новыя, доставившіе мнѣ основу для соображеній и выводовъ, сказать о нихъ свое мнѣніе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, выслушать ихъ показанія.

Казалось бы, скорѣе и болѣе всего сохранили намъ данныхъ о нашемъ предметѣ тѣ, которые были прямо замѣшаны въ немъ, составляли именно источникъ всего дѣла, т. е., *Греки*, ихъ тогдашніе лѣтописцы, съ такой подробностью передающіе намъ даже самыя пустыя происшествія своего вѣка и народа. Вышло наоборотъ. Гордые своимъ образованіемъ и гражданственностью, они съ презрѣніемъ смотрѣли на всѣхъ тѣхъ, кто только не принадлежалъ къ нимъ, и, по тому, неохотно и сколько можно короче, отзывались о послѣднихъ, какъ бы ни было важно событіе, приводившее, такъ называемыхъ ими, варваровъ въ столкновеніе съ ихъ народомъ; не рѣдко же случалось, что и вовсе умалчивали о происшествіяхъ всемірнаго значенія. Я уже имѣлъ разъ случай, въ другомъ сочиненіи, близкомъ по содержанію къ нынѣшнему (2), говорить объ этомъ странномъ явленіи, особенно по отношенію къ Славянамъ, стараясь разгадать причину онаго. «Извѣстна, — говорилъ я тамъ, — старинная, наследственная, народная ненависть Грековъ къ Славянамъ, своимъ постояннымъ сосѣдямъ, которая, соотвѣтствуя такой же враждѣ Нѣмцевъ къ Славянамъ Западнымъ, дѣлится, сколько исторія запомнитъ, и которая, прибавлю, и теперь ни чуть не измѣнилась ни въ объемѣ, ни въ силѣ своей. Она-то была причиною, что етѣ народы — сосѣди, находясь въ вѣчномъ столкновеніи и схваткахъ другъ съ другомъ, такъ мало оставили рассказовъ о своихъ взаимныхъ сношеніяхъ и отношеніяхъ. Каждый изъ нихъ считалъ для своей народной гордости обиднымъ искреннюю повѣсть о неудачахъ и проигрышахъ етѣхъ варваровъ (такъ они взаимно величали себя), и упоминалъ тогда только, ко-

гда ни какъ нельзя было миновать того; но и тутъ замѣчае видимое неудовольствіе и принужденность. Прибавьте къ сему чтеніе книгъ на своемъ языкѣ новообращавшимися Славянами, которое могло быть не совсѣмъ приятно и Грекамъ (судя по поступкамъ ихъ даже въ наши дни въ Македоніи, Фракіи и Булгаріи) (3), и по тому могло наложить молчаніе на уста современниковъ о семъ событіи,» и проч. Вотъ по чему и о годѣ составленія Славянской азбуки, какъ вообще и о цѣломъ событіи, коего оно только часть, ни одинъ современній Византіецъ не сказалъ намъ ни слова въ своемъ сочиненіи; позднѣйшіе лѣтописцы, почерпавшіе свѣдѣнія свои уже не изъ первыхъ рукъ, но изъ мутнаго, во многихъ отношеніяхъ, народнаго преданія и стороннихъ писателей, говорятъ только вообще о принятіи крещенія Булгарскимъ Государемъ, Борисомъ, повторяя, большею частью, одинъ другаго (4), а по тому и не могутъ составлять собой, въ теперешнемъ нашемъ изслѣдованіи, ни какого источника.

Есть, однако же, и на Греческомъ языкѣ одно сочиненіе, весьма важное и рѣшительное во многомъ для насъ. Это — *«Βίος καὶ πολιτεία, ὁμολογία τε, καὶ μερική θαυμάτων διήγησις, τοῦ ἐν ἀγίοις πατρὸς ἡμῶν Κλήμεντος, ἀρχιεπισκόπου Βουλγάρων.»* «Житіе Святаго Климента, Епископа Булгарскаго,» ученика Кирилла и Меодія, писанное, какъ сказано въ самомъ заглавіи его, Теофилактомъ, архіепископомъ Первой Юстиніаны и всей Булгаріи, что, по розысканіямъ, основаннымъ на этомъ сочиненіи новѣйшимъ издателемъ его, ошибочно; наоборотъ, оно памятникъ X вѣка, составленный однимъ изъ учениковъ Славянскихъ благовѣстниковъ, по происхожденію Булгаромъ, а Теофилакту приписанъ, конечно, въ послѣдствіи, для внушенія къ нему въ другихъ большого довѣрія и важности (5). Примѣры подобнаго приписанія спискомъ часты и обыкновенны не въ одной древности, будутъ ли побужденія къ тому болѣе, или менѣе чисты, т. е., происходятъ ли они съ доброю цѣлью, или, по незнанію настоящаго творца, опираются на одномъ гаданіи, или же съ намѣреніемъ, слѣдовательно, имѣютъ въ виду вы-

дать одно за другое, новое за старое, поддѣлку за подлинникъ (6). Но что за причина, заставившая Буггара писать жизнь своего учителя не на родномъ языкѣ? Миѣ кажется, что подлинникъ ея былъ составленъ на Славянскомъ, и только въ послѣдствіи переведенъ къмъ-то на Греческій. Грекъ, по сказанному выше вообще объ его отношеніяхъ къ Славянину, не въ состояніи былъ съ такой теплотою, участіемъ и подробностью передавать дѣйствія чужеродца; да етому противорѣчить и прямое указаніе сочинителемъ на его Буггарское происхожденіе (гл. XXII): «Κλήμης τοῖς Βουλγαρίαις ὑμῖν παρέδωκε.» А чтобы Буггарь рѣшился промѣнить отечественный языкъ на другой, хотя бы самый образованный, невѣроятно по тогдашнимъ отношеніямъ всѣхъ Буггарскихъ писателей къ Грекамъ и самимъ себѣ. Обыкновенно, не только въ первыя времена какой либо письменности, но и послѣ довольно долго еще, горячка родолюбія и отвращеніе ко всему чужому, царятъ, можно сказать, безгранично надъ умами, воображеніемъ и волей ищущей братіи. Тогда больше пытаются свои силы въ своемъ, либо переносятъ съ чужаго на отцевскую пиву, но не на оборотъ, по самой простой причинѣ — отсутствію, пока, достойнаго предмета для перевода. «Но не для описанія на иноземномъ языкѣ?» Конечно, въ етомъ не бываетъ недостатка у всякаго народа для умнаго и неупрежденнаго чѣмъ либо противъ него писателя; однако же, Греки не представили собой исключенія въ отношеніи къ изслѣдываемому мною предмету. Етѣ соображенія заставляють меня относить и «Житіе Св. Климента» не къ Греческимъ, но къ Славянскимъ источникамъ, хотя мы теперь имѣемъ его на одномъ лишь Греческомъ языкѣ. Я той мысли, что когда ни будь, при большемъ знакомствѣ съ сокровищами нашей Церковнославянской письменности, откроется и самый Славянский подлинникъ онаго. Вотъ, однако, свидѣтельство, предлагаемое етѣмъ памятникомъ о нашемъ предметѣ (7):

«Μεθόδιος, ὃς τὴν Πανόνων ἐπαρχίαν ἐκόσμησεν ἀρχιεπίσκοπος Μοράβου γενόμενος, καὶ Κύριλλος ὁ πολὺς μὲν τὴν ἔξω φιλοσοφίαν πλείων δὲ τὴν ἔσω, ... εἶχοντο μὲν ἰκανῶς λόγου δι-

δασκαλικού, ἑλλάδι γλώσση προφερομένου, καὶ πολλοὺς εἶλεν ἡ τῆς τοιαύτης σοφίας ἄλυσις· ἐπεὶ δὲ τὸ τῶν Σθλοβενῶν γένος εἶτ' οὖν Βουλγάρων ἀσυνέτως εἶχον τῶν ἑλλάδι γλώσση συντεθειμένων γραφῶν, ζημίαν ἠγοῦντο τοῦτο μεγίστην οἱ ἅγιοι, καὶ τὸ μὴ τὸν λύχνον τῶν γραφῶν ἐπανάπτεθαι τῷ τῶν Βουλγάρων αὐχμηρῷ τόπῳ ἀπαρακλήτου λύπης ἐπιούντο ὑπόθεσιν· ἤλυον, ἐδυσφόρουν, ἀπελέγοντο τὴν ζωὴν· τί γοῦν ποιούσι; πρὸς τὸν Παράκλητον ἀροβλέπουσιν οὐ πρῶτον δῶρον αἱ γλώσσαι καὶ τοῦ λόγου βοήθεια. καὶ παρὰ τούτου τὴν χάριν ταύτην αἰτοῦνται, γράμματά τε ἐξευρέσθαι, δασύτητι Βουλγάρου γλώσσης κατὰλληλα, καὶ δηνηθῆναι τὰς θείας ἱεραγὰς πρὸς τὴν φωνὴν τοῦ ἔθνους τῇ ἐρμηνείᾳ μεταγαγεῖν. ἀμέλει καὶ νηστεία εὐτόνω καὶ προσευχῇ ἐπιμόνω κακώσι τε σώματος καὶ ψυχῆς συντριβῇ καὶ ταπεινώσι ἐκδόντες ἑαυτοὺς τοῦ ποθομένου τυγχάνουσιν·... τυχόντες οὖν τοῦ εὐκταίου τούτου χαρίσματος ἐξευρίσκουσι μὲν τὰ Σθλοβενικά γράμματα, ἐρμηνεύουσι δὲ τὰς θεοπνεύστους ἱεραγὰς ἐκ τῆς ἑλλάδος γλώσσης εἰς τὴν Βουλγαρικὴν, ποιοῦνται δὲ σπουδὴν τοῖς ἄξυτέροις τῶν μαθητῶν παραδόναι τὰ θεία μαθήματα· οὐκ ὀλίγοι γὰρ τῆς διδασκαλικῆς αὐτῶν πηγῆς ἔπινον, ὧν ἔγκριτοί τε καὶ τοῦ χοροῦ κορυφαῖοι Γοράσδος τε καὶ Κλήμης καὶ Ναὺμ καὶ Ἀγγελάριος καὶ Σάββας (γλ. II).» И ниже (γλ. IV, по новѣйшему изданію): «Οὐ μὴν ἀλλὰ καὶ τὸν τῶν Βουλγάρων ἄρχοντα Βορίσην, ὅς ἐπὶ τοῦ τῶν Ῥωμαίων βασιλέως Μιχαήλ ἦν, καὶ τοῦτον ὁ μέγας Μεθόδιος καὶ πάσαι μὲν τέκνον ἐπαίησατο, καὶ τῆς οικείας γλώσσης τῆς πάντα καλῆς ἐξηρτήσατο καὶ τότε δὲ ταῖς τῶν λόγων εὐεργεσίαις ἀδιαλείπτως εἶχε δωρούμενος· ἦν γὰρ ὁ Βορίσης οὗτος καὶ ἄλλως γνώμης δεξιᾶς καὶ τοῦ ἀγαθοῦ δεκτικῆς, ἐφ' οὗ καὶ τὸ τῶν Βουλγάρων ἔθνος τοῦ θείου τε καταξιούσθαι βαπτίσματος καὶ χριστιανίζειν ἤρξατο· ὅτε δὴ καὶ οἱ ἅγιοι οὗτοι, Κύριλλος, φημί, καὶ Μεθόδιος, τὸ πλῆθος τῶν πιστευόντων ἰδόντες... γράμματα ἐξεύροντο καθ' ὃ προειρήκαμεν, καὶ τὴν τῶν γραφῶν ἐπὶ τὸ

Βουλγαρικὸν μετάθεσιν ἐποίησαντο, ἵνα τὰ γεννηθέντα τέχνα τοῦ Θεοῦ καὶ Θείας τροφῆς ἱκανῶς ἔχαιεν, καὶ οὕτω τῆς σκυθικῆς πλάνης τὸ τῶν Βουλγάρων ἔθνος ἀπαλλαγέν· ·· τὸν Χριστὸν, ἐπέγνωσαν, ὁψέ μὲν καὶ περὶ τῆν ἐνδεκάτην ἢ δωδεκάτην τὰς Θεῖον δ' οὖν ἀμπελῶνα εἰσεληλυθὸς τῆ τοῦ καλέσαντος χάριτι ἐν ἔτει γὰρ ἑξακισχιλιοστῷ τριακοσιοστῷ ἐβδόμηκοστῷ ἐβδόμῳ τῆς τοῦ κόσμου γενέσεως ἢ τούτου τοῦ γένους κλήσις γεγένηται.

Methodius, qui Panonum eparchiam ornavit, archiepiscopus Moravi creatus, et Cyrillus, multus in exteriori philosophia, sed major in interiori, satis quidem pollebant oratione didactica, quae graeco sermone profertur, multosque trahebat hujus sapientiae catena: cum autem Slovenorum gens siue Bulgarorum non intelligeret libros graece conscriptos, damnum hoc maximum reputabant Sancti, et facem scripturarum caliginosae Bulgarorum regioni non accendi inconsolabilis doloris faciebant materiam: conturbati erant, ferre non poterant, vitam abdicabant. Quid tandem faciunt? Ad Paracletum respiciunt, cujus primum donum linguae et sermonis auxilium, et ab illo gratiam petunt *litteras inveniendi* asperitati Bulgarorum linguae respondentem, ut possint sacras scripturas ad linguam hujus gentis interpretatione transferre. Et revera jejuniis intensis et orationi constanti, corporis macerationi et animi contritioni et humiliationi cum se dedissent, cupitum consequuntur. Nacti igitur hanc gratiam *excogitant slovenicas litteras* et divinitus inspiratas scripturas e graeca lingua in bulgaricam vertunt et magna cum diligentia acutioribus discipulis tradunt sacras doctrinas. Non pauci ex eorum doctrinae fonte biberunt, quorum praecipui sunt et chori coryphaei: Gorasus et Clemens et Naum et Angelarius et Sabbas.

Quin etiam Bulgarorum ducem Borisen, tempore Romanorum imperatoris Michaël regnantem, quem magnus Methodius jam olim filium suum fecerat, et suae linguae omnino pulchrae affixerat, tunc sermonis beneficiis indesinenter donans captabat: erat enim Borises hic ingenii dextri et boni capax, sub quo Bulgarorum gens christianizare coeperat, quando Sancti hi, Cyrillus inquam et Methodius, multitudinem cre-

dentium videntes, *litteras excogitarunt*, ut supra diximus, et scripturarum in linguam bulgaricam versionem fecerunt, ut nati filii Dei divinum cibum haberent; sic scythico errore Bulgarorum gens liberata Christum cognovit, sero quidem et circa undecimam aut duodecimam vineam divinam ingressa vocantis gratia. Anno enim sexies millesimo trecentesimo septuagesimo septimo a mundi creatione hujus gentis vocatio facta est.» (Edit. Pamper. p. 103, 107—108; ed. Mikl. p. 2—3; 6—7; Interpret. X, XII).

Совѣтъшаго рода и свойства извѣстiе, заключающееся въ отрывкѣ, напечатанномъ Бандури въ его «*Imperium Orientale*,» (p. 112 — 116), равно какъ и въ его же «*Animadversiones in Constantini Porphyrogeniti librum de administrando imperio*» (Ed. Bonn. 357 — 366), съ Латинскимъ переводомъ, откуда послѣднiй повторенъ Штритгеромъ въ «*Memoriae populorum*,» (Томъ II, p. 959 — 967). Отрывокъ этотъ писанъ, по увѣренiю Бандури, нашедшаго оный въ рукописи Кольтертовой библиотеки, подъ № 4432-мъ, новѣйшимъ почеркомъ: «*quam (historiam) reperi in codice ms. Colbertino recenti manu conscripto.*» Въ немъ разсказывается объ обращенiи Русовъ въ Христiянство, но, — говоритъ Шлѣцеръ (Несторъ, III, S. 221 — 222, Руск. II, 542 — 543), — «здѣсь отъишно смѣшно перемѣшаны (auf eine gar lächerliche Weise) Моравы, Россы и Руссы (Рως und Russen), и времена Рюриковы съ временами св. Владимира,» что до него еще замѣтилъ самъ Бандури. То есть, дѣло въ томъ, что прежде всего излагается посольство Рускаго великаго князя (ὁ μέγας ἄρχων) въ разныя земли для испытанiя, которая Вѣра самая лучшая; послы посѣтили Римъ, а за нимъ Царьградъ и, возвратясь, донесли ему, что, хоть они точно видѣли въ Римѣ много великаго и блистательнаго, но видѣнное въ Царьградѣ превышаетъ всякое воображенiе человѣческое. Послѣ сего в. князь Рускiй (μέγας ρῆγας) проситъ царя прислать ему епископа, который бы крестить его и народъ его, что тотъ и исполняетъ, отправивъ къ нему благочестиваго и добродѣтельнаго епископа съ двумя товарищами, Кирилломъ и Аѳанасiемъ, тоже извѣстными

добродѣтелию, ученостію и умомъ, чрезвычайно свѣдущими какъ въ Св. Писаніи, такъ и въ Словесности, доказательствомъ чему служатъ сочиненія ихъ. Прибывъ туда, они крестили Русовъ и наставили въ начаткахъ Христіанскаго ученія. Но видя, что народъ тотъ совершенно варварскій и необразованъ, а по тому не въ состояніи выучить 24 Греческихъ буквъ, изобрѣли и начертали для него 35 буквъ, которыя такъ звучатъ (слѣдуетъ названіе каждой, что смотри ниже, въ самомъ Греческомъ изложеніи). Егѣ 35 Рускихъ буквъ заучиваются ими, а съ тѣмъ усвоится истинное познаніе благочестивой Вѣры: ὡς δὲ τότε Βασίλειος ὁ ἐκ Μακεδονίας ὁ τὰ τῶν Ρωμαίων σκήπτρα διέπων ὅς καὶ μετὰ χαρᾶς μεγάλης τοὺς σταλέντας ἐκ τῶν ἐκεῖσε ἀνθρώπους δεξιόμενος ἀρχιερέα τινὰ αὐτοῖς ἐξέπεμψε, ἐπ' εὐλαβείᾳ καὶ ἀρετῇ διαβόητον, καὶ σὺν αὐτῷ ἄνδρας δύο, Κύριλλον καὶ Ἀθανάσιον, ἐναρέτους καὶ αὐτοὺς ὄντας καὶ πάνυ λογιωτάτους καὶ φρονιμωτάτους, καὶ οὐ μόνον τῆς θείας γραφῆς ἦσαν ἔμπλοιοι, ἀλλὰ καὶ τοῖς ἔξω καλῶς ἐξησκημένοι, ὡς τὰ τε γινόμενα ὑπ' αὐτῶν γράμματα μαρτυροῦσι τοῦτο καλῶς. οὗτοι δὲ ἐκεῖσε ἀπελθόντες πάντας ἐδίδασκον καὶ ἐβάπτισον καὶ πρὸς τὴν τῶν Χριστιανῶν εὐσεβείαν ἐνήγον. βάρβαρον δὲ πάντῃ καὶ σόλοικον βλέποντες τὸ τοιοῦτον ἔθνος, οὐκ εἶχον οἱ ῥηθέντες λογιώτατοι ἄνδρες ὅπως καὶ τὰ τῶν Ἑλλήνων εἴκοσι τέσσαρα γράμματα αὐτοῖς διδάξαι, μήποτε πάλιν τῆς εὐσεβείας παρεκκλίνωσι. διὸ καὶ τριάκοντα πέντε στοιχεῖα γραμμμάτων αὐτοῖς ἐνεχάραξαν καὶ ἐδίδαξαν. ὧν περ καὶ ἡ κλησις ὀνομάτων ἐστὶν αὕτη, ἄς, μπούκη, βέτθ, γλαῶθ, δοпрῶ, γέεστι, ζηβήт, ζελῶ, ζеплѣа, ἦ, ζεῆ, κάκω, лουθία, μή, νᾶς, ὦν, ποκόη, ριτχίη, σθλόβω, νтеβѣрдω, ἦк, фѣρωт, χѣр, ὠт, тχῆ, тчѣрβη, сѣа, сθία, γѣор, γερῆ, γѣр, γѣат, γίου, γѣους, γѣа. ταῦτα μὲν εἰσι τὰ λέ γράμματα τῶν Ῥωσῶν ἅπερ καὶ ἕως τοῦ νῦν μανθάνουσι πάντες, καὶ καλῶς τὴν εὐσεβείαν γινώσκουσι. Tunc porro Basilii Macedo Romanorum sceptrā moderebatur; qui exceptis cum gaudio magno huiusmodi legis episcopum eo misit pie-

tate et virtute clarum, cum comitibus duobus, Cyrillo et Athanasio, qui et ipsi virtute, eruditione et prudentia ornatissimi erant, neque solum divinae scripturae notitia repleti, sed etiam in humanioribus literis probe exercitati, ut eorum scripta testificantur. eo profecti illi omnes edocuerunt et baptizarunt et Christianae pietatis rudimentis instituerunt. cum autem gentem eam omnino barbaram et rudem cernerent, ac nullo modo possent doctissimi viri viginti quattuor Graecorum literas ipsos edocere, ne rursus a pia religione deflecterent, *triginta quinque literas ab se inventas et exaratas iisdem tradiderunt*, quarum nomina haec sunt: *As, Mpuçi, Betd, Glaod, Doppo, Geesti, Zibit, Zelo, Zeplea, I, Sei, Caco, Ludia, Mi, Nas, On, Pocoli, Ritzii, Sthlobo, Nteberdo, le, Pherot, Cher, Ot, Tzi, Tzerbi, Saa, Sthia, Geor, Geri, Ger, Geat, Giu, Geus, Gea*. Haec sunt triginta quinque Russorum literae, quas hactenus omnes ediscunt, atque rectam piae religionis notitiam obtinent.» За снмъ разсказывается чудо съ Евангеліемъ, которое епископъ бросилъ въ зажженный костеръ, по требованію князя и народа, и когда оно осталось нетронутымъ, какъ было, «*επερ ιδόντες οί βάρβαροι καί τῷ μεγέθει καταπλαγέντες τοῦ θαύματος, ἀνευδοιάστως πρὸς τὸ βάπτισμα ἤτομόλου, καί καθαιρόμενοι τὸν νοῦν τὸν σωτήρα ἔδῶξαν κύριον*. Quod conspicati barbari, ac magnitudine miraculi percussi, sine mora vel dubitatione ad sanctum baptisma sponte accesserunt, ac mente purgati salvatorem dominum laudibus celebrarunt.» Оставляя другимъ, вмѣстѣ съ Шлѣцеромъ, погнаться промахами етого Грека противу языка, его неумѣльемъ назвати, какъ должно, наши буквы, равно какъ и мнѣніемъ о причинѣ, побудившей изобрѣсти ихъ, и пр., т. е., можемъ замѣтить, что, хотя составитель етого разсказа дѣйствительно не силенъ въ исторіи и путается времена, лица и событія, однако, надо признаться, иначе и быть не могло, когда источники его тоже самое представляютъ. Источники етѣ, мнѣ кажется, были, преимущественно, разные лѣтописные сборники наши. Въ похвѣзу такого мнѣнія говорятъ: а) чрезвычайная подробность въ изложеніи повѣсти объ испытаніи Вѣрѣ, совпадающей во многомъ съ находящимся въ

нашихъ источникахъ; б) изъ нихъ только могъ онъ узнать объ Анастасіи, какъ поправляетъ Добровскій, т. е., знаменитомъ Настасѣ или Анастасѣ Корсунянинѣ, котораго обративъ въ Анастасію, сдѣлалъ товарищемъ Кириллу, а обонхъ епископу или архіепископу (митрополиту) Греку. О Кириллѣ дознался онъ тоже изъ нашихъ лѣтописей и, подобно имъ, отпавилъ его учить нашихъ предковъ. Стался могло, что Анастасіи поставленъ у него вмѣсто Меѳодія, согласно съ нѣкоторыми Хронографами нашими, какъ увидимъ ниже; в) названіе буквъ нашихъ, въ которомъ, при всей порчѣ, нельзя не замѣтить, что онъ списалъ его съ произношенія Рускихъ, и притомъ Южныхъ. Это доказываетъ первое: поставленіе буквы *і* впереди *иже*, — совершенно по обычаю Малороссійскому, между тѣмъ, какъ Великороссіянне дѣлаютъ то на оборотъ (*иже, і*); второе: произношеніе полугласныхъ и помѣщеніе носовыхъ. Изъ первыхъ написаніе *з, γέορ*, близко подходитъ къ Малороссійскому названію его *ѣромъ*; въ противномъ случаѣ онъ написалъ бы, какъ и слѣдующія (*ы, ѡ*), безъ *о* послѣ *ѣ*. Замѣтитъ: «*о* употреблено имъ для выраженія твердаго произношенія этого звука.» Согласенъ; но точно такъ и Малороссіянне его употребляютъ для того же самаго въ формѣ *іо* (или, по нашему образу писанія, *ѣ*), какъ онъ *ѣо*. Изъ вторыхъ *юсъ* (*ж*), *γέους*, и *я, γέα*, поставлены на самомъ концѣ опять по обычаю Малороссіянъ, наблюдавшемуся прежде въ грамѣткахъ Славянскихъ. Последнее, *я*, смѣшивалось, по причинѣ потери истиннаго его звука въ устахъ большей части Славянъ, съ буквою *и*, употребляясь одно вмѣсто другаго какъ въ произношеніи, такъ равно на самомъ письмѣ и въ печати; въ послѣдней *я* даже взяло перевѣсъ надъ *и*, оставивъ ему только нѣсколько словъ и случаевъ. Но бывало, что и въ азбукѣ отдѣляли то и другое; тогда порядокъ всѣхъ етѣхъ буквъ являлся именно тотъ самой, какой и у этого Грека: *ъ, ы, ѡ, т, ю, ж, я, и, г*) Названіе буквы *р* словомъ *ριτζιη* скорѣе напоминаетъ, какъ называютъ этотъ звукъ тоже въ Южной Руси, нежели въ Сѣверной, разумѣю: *ирцы*, а не *рцы*. д) Названіе буквы *икъ* (*ηκ*, *іс*) вмѣсто *укъ* (*оукъ*), рѣшительно по обычаю Малорускихъ букарей, которые часто называли въ старину,

а можетъ быть и теперь еще кое-гдѣ, такъ *укъ*, а не рѣдко и тремя разомъ именами: *икъ*, *укъ*, *онькъ*, указывая тѣмъ на тройное ея начертаніе, перенесенное съ Греческаго и въ Церковнославянскій: *υ*, *ου*, 8 (*υ*, *υ*; *ου*, *ου*; 8, 8), которыя всѣ три стояли вмѣстѣ, обокъ. Съ Малорусами согласны и Румыны (Валахи въ Валахіи, Молдавіи, Бессарабіи, Буковинѣ, Угрии, Седмиградіи, Банатѣ, Македоніи, Фессаліи, Албаніи и др.) въ названіи всѣхъ, упомянутыхъ тутъ, звуковъ, за исключеніемъ поставленія *и* и *і*, въ чемъ сходятся они съ Великорусами, да буквы *р*, которая у нихъ совершенно такъ звучитъ, какъ назвала ее Грекъ, рыцы, *ριτζιη*, и буквы *икъ* (довольствуясь только *укомъ*, 8, и *онькомъ*, *ου*). (8) Самой же поводъ къ разсказу слѣсъ о буквахъ могла подать ему либо наша Степенная Книга, въ которой именно говорится о нихъ подъ однимъ годомъ съ княженіемъ Аскольда и Дира, ихъ походомъ подъ Царьградъ, крещеніемъ при Василии Македонѣ, чудомъ съ Евангеліемъ, и т. д.: «Не предо многими бо лѣты преже крещенія блаженныя великія Ольги начало бысть Рускія азбуки, ихъ же составиша дивніи философы Меводіи и Константинъ самобратніи, иже отъ Солуня посланы быша Михайломъ Царемъ въ Болгары, по прошенію Князей Болгарскихъ, при немъ и крещены быша Болгары. По немъ же Кіевстии Князи, Оскольдъ и Диръ, и сін пѣляху Римлянскую страну,» и проч.; либо же другой какой лѣтописный сборникъ, особливо Временникъ или Хропографъ, служившій источникомъ и для составителей самой Степенной Книги и Никоновской Лѣтописи, въ которой встрѣчаемъ почти тоже, съ нѣкоторою только разницею въ выраженіяхъ и пропускомъ извѣстія объ азбукѣ. Этой канвы довольно было для сметливаго, чтобы по ней вывести уже самому любого рода узорочья, каковы: число буквъ и ихъ названія, которыя могли показаться Греку очень стоящими любопытства и, какъ такія, передачи своимъ соотчичамъ. Перечислить же ихъ могъ онъ пожелать точно такъ же, какъ и сочинитель Проложнаго Житія Кирилла, въ которомъ, впрочемъ, насчитано 38 словъ, что въ Четыр-Минее названо уже письменами, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ, а у этого Грека ихъ только 35. Но «извѣстія объ Аскольдѣ и Дирѣ,

равномѣрно и о крещеніи ихъ, могъ онъ вычитать и не изъ Рускихъ источниковъ.» Да, по не въ томъ видѣ, въ какомъ находимъ ихъ у него, не съ тѣми подробностями. Далѣе, у Византійцевъ (Амартола, К. Багрянороднаго, Кедрина, Зонары, Глики и др.) многого имѣтъ изъ передаваемого имъ; и, напоследокъ, всѣ извѣстія ихъ перенесены уже въ Рускіе Временники или Хронографы, иначе, какъ не рѣдко величали ихъ, Графографы (коиъ столько обязана и наша, такъ называемая, Никоновская Лѣтопись, какъ откроется ниже), гдѣ и могъ онъ встрѣтиться съ ними, и при томъ съ готовой обстановкой, которою и воспользовался по своему, перемѣшавъ все еще пуще, чѣмъ его руководители, кои (какъ покажу послѣ) страшно противорѣчатъ сами себѣ, рассказывая одно и тоже въ одномъ случаѣ такъ, а въ другомъ иначе. Если моя догадка справедлива, тогда вѣкъ составленія этого отрывка ни коимъ образомъ не старѣе вѣка упомянутыхъ выше Рускихъ лѣтописныхъ Сборниковъ, и по тому, повторю съ Добровскихъ (Sugill u. Meth. §. 9): «Мы не можемъ полагаться на сказанія, въ немъ заключающіяся,» какъ на современный, или, по крайности, ближайшій къ тому источникъ.

Гораздо любознательнѣе, а, можетъ быть, и безпристрастнѣе, былъ *Западъ*, который оставилъ намъ нѣсколько свѣдѣтельствъ объ изслѣдуемомъ событіи. Такъ, отъ *папы Иоанна VIII* дошло до насъ нѣсколько *посланий* (epistolae), важныхъ для нашего предмета (9). Этотъ папа, одинъ изъ достойнѣйшихъ преемниковъ Николая I-го, перваго и по желанію отцещиться отъ Восточнаго Православія, нѣсколько разъ колебался между двумя спорящими сторонами въ земляхъ Паннонскихъ и Иллирскихъ, и по тому, смотря по перевѣсу главныхъ своихъ отношеній къ Царьграду, переходилъ то къ тѣмъ, то къ другимъ. Такъ, по жалобѣ Пфемцкаго духовенства на появленіе Меѳодія въ Панноніи и вообще Великоморавіи въ званіи епископа и съ богослуженіемъ на Славянскомъ языкѣ (870), принесенной панѣ Адриану II, но, по смерти его (872), рѣшенной его преемникомъ (Іоанномъ VIII), Славянскій языкъ въ Церквѣ былъ запрещенъ особымъ посланіемъ папы, отиравленнымъ, черезъ

Ликонскаго епископа, Павла, какъ нарочнаго папскаго посла (Legata) въ Германію и Паннонію: «ne in ea lingua (barbara, hoc est, in slavina) sacra missarum solempnia celebrares, sed vel in latina vel greca lingua, sicut ecclesia Dei toto terrarum orbi diffusa, et in omnibus gentibus dilatata cantat.» Спустя 4 года (въ 874), тотъ же папа писалъ уже къ Карломану, сыну Людовика II-го, совѣтъ противное, вѣроятно, подвигнутый къ тому мирнымъ договоромъ Святополка съ императоромъ, воевавшимъ весьма неудачно, и по тому принужденнымъ помириться во что бы то ни стало: «modo, quo potuit, sibi Winidos reconciliavit» (Hinc. Remens.). Именно, тамъ читаемъ слѣдующее: «Reddito ac restituto nobis Pannoniensium episcopatu, liceat fratri nostro Methodio, qui illic a sede apostolica ordinatus est, secundum priscam consuetudinem libere, que sunt episcopi, gerere.» Въ Паннонскомъ Житіи Меодія сказано, что папа къ етому побужденъ былъ посольствомъ Моравлянъ, писавшихъ: «яко и первѣе оуби илши ѿ сѣго петра крещенне приимаи, то даже илмъ Меодіа архієпіа и оучителя.» который, между тѣмъ, послѣ торжественнаго состязанія своего съ Нѣмецкими священниками, когда возвратился въ Паннонію изъ втораго путешествія въ Римъ, былъ сосланъ въ Швабію («къ Свѣзлы»), гдѣ и оставался «полтретья лѣта» (2½ года): 871 — 874. По противники Православія не теряли надежды на успѣхъ. Своими наговорами имъ удалось заподозрить Меодія у Святополка, по собственному признанію, мало понимавшаго догматическія тонкости Вѣроученія: «Ἐγὼ μὲν ἔμαχτηρὸν πολὺν τὸν ἰδιωτισμὸν σύννομα, καὶ ἀπλοῦς εἰμὶ τὰ δογματικά· καὶ τί γὰρ ἢ ἀγράμματος; τοῦ μέντοι χριστιανισμοῦ μεταποιῶμαι τε καὶ μεταπειρήσομαι» (Vita S. Clem., c. XI, pag. 16.). Ego quidem magnae imperitiae mihi sum conscius et simplex sum quoad dogmatica: quid enim nisi illiteratus? Christianismum tamen mihi vindico et vindicabo» (Id., pag. XV.), который, однако, принявъ его, первоначально, съ большимъ радушіемъ и поручилъ ему «къса цркви и стрижынкы къ всѣхъ градехъ (Житіе Меодія).» Слѣдствіемъ того было отправление имъ священника Іоанна (вѣроятно, «ex Venetiis,» котораго употреблялъ онъ передъ тѣмъ, за 4 года, въ сношеніи своемъ съ Людовикомъ) къ папѣ

съ посланіемъ о разрѣшеніи недоумѣліи его касательно Меѳодіева ученія. Въ отвѣтъ папа прислалъ посланіе къ обоимъ, Меѳодію и Святополку, въ іюлѣ 879. Первому писалъ: «*Audivimus, quod non ea, que sancta Romana ecclesia ab ipso apostolorum principe didicit, et cottidie predicat, tu docendo doceas, et ipsum populum in errorem mittas. Unde his apostolatus nostri litteris tibi iubemus, ut, omni occasione postposita, ad nos de presenti venire procures, ut ex ore tuo audiamus et cognoscamus, utrum sic teneas, et sic predices, sicut verbis ac litteris te sancte Romane ecclesie promisisti, aut non, veraciter cognoscamus doctrinam tuam. Audimus et iam, quod missas cantes in barbara, hoc est, in sclavina (al. cod. sclavonica) lingua.*» Второму же: «*Quod autem, sicut Johanne presbitero vestro, quem nobis misistis, referente didicimus, in recta fide dubitetis. Monemus dilectionem vestram, ut sic teneatis, sic credatis, sicut Sancta Romana Ecclesia ab ipso Apostolorum principe didicit, tenuit, et usque ad finem seculi tenebit.... Quia vero audivimus quia Methodius vester archiepiscopus ab antecessore nostro Adriano scilicet Papa ordinatus, vobisque directus, aliter doceat, quam coram Sede Apostolica se credere et verbis et litteris professus est, valde miramur. Tamen propter hoc direximus illi, ut absque omni occasione ad nos venire procuret, quatenus ex ore eius audiamus, utrum sic teneat et credat, sicut promisit, aut non.*» Впрочемъ, въ концѣ посланія своего къ Меѳодію, папа запрещаетъ не безусловно употребленіе Славянскаго языка въ богослуженіи; онъ соглашается, чтобы проповѣданіе слова Божія и объясненіе его производились и на етомъ языкѣ, что составляетъ замѣчательную уступку, и, съ одной стороны, связывая новое распоряженіе съ предыдущими нѣкотораго рода послѣдовательностью, оставляетъ возможность ему, съ другой, перейти къ противному распоряженію, слѣдовательно, заготовляетъ уже, такъ сказать, заблаговременно мостикъ для перехода на другой берегъ: «*Predicare vero, aut sermonem in populo facere tibi licet, quum psalmista omnes commonet Deum gentes laudare, et apostolus omnis inquit lingua confiteatur, quia Jhesus in gloria est Dei Patris.*» Эта, можетъ быть, смутно предчувствованная имъ при написаніи сего посланія (раз-

умѣется, на основаніи всего прежняго), перемена, черезъ годъ же, не болѣе, дѣйствительно совершилась. Въ іюнѣ 880 года вотъ что писалъ уже папа къ Святополку черезъ Меѳодія, который, явившись, по требованію, въ Римъ, совершенно оправдался передъ нимъ во взведенныхъ на него павѣтахъ ожесточенными его и паствы его противниками: «Igitur hunc Methodium venerabilem archiepiscopum vestrum interrogauimus, coram positis fratribus nostris episcopis, si orthodoxae fidei symbolum ita crederet, et inter sacra missarum sollenia caneret, sicuti sanctam Romanam ecclesiam tenere, et in sanctis vniuersalibus synodis a sanctis patribus secundum euangelicam Christi Dei nostri auctoritatem promulgatum atque traditum constat. Ille autem professus est, se iuxta euangelicam et apostolicam doctrinam, sicuti sancta Romana ecclesia docet, et a patribus traditum est, tenere et psallere. Nos autem illum in omnibus ecclesiasticis doctrinis, et vtilitatibus *orthodoxum*, et proficuum esse reperientes, vobis iterum ad regendam commissam sibi Dei ecclesiam remisimus; quem veluti pastorem proprium vt digno honore, ac reuerentia, laetaque mente recipiatis, iubemus.... Presbiteros vero et diaconos, seu cuiuscunque ordinis clericos, siue Sclauos, siue cuiuslibet gentis, qui intra prouinciae tuae fines consistunt, praecipimus esse subiectos et obediētes, in omnibus iam dicto *confratri nostro* archiepiscopo vestro, ut nichil omnino praeter ipsius conscientiam agant. Quodsi contumaces et inobediētes existentes, scandalum aliquod, vel schisma facere praesumpserint, et post primam et secundam admonitionem se minime correxerint, quasi zizaniorum seminatores ab ecclesiis et sinibus vestris auctoritate nostra praecipimus procul esse abiiciendos, secundum auctoritatem capitulorum, quae illi dedimus, et vobis direximus.» Тоже самое, и почти слово въ слово, находимъ и въ посланіи папы, приводимомъ въ Паннонскомъ Житіи Меѳодія, т. е., когда, собравъ «люди Моравьскыя велахъ проунсти предъ нами испостолню, да быши слышали изгълнише его,» о которомъ недоброжелатели распустили было слухъ, надѣясь, преждевременно, на осужденіе папой поступковъ Меѳодія, «поутьше апостолыкыи книги (посланіе), обрътоша писаніе, яко братъ нашъ Меѳодій правокръстнъ есть и лилько дѣланіе дѣлаетъ, и въ роукоу его соуть ѿ Бѣ и ѿ апѣскаго

стола кся словѣнскихъ стрѣлы, да его же проклянетъ, проклять да боуди.» Послѣ чего, прибавляетъ жизнеописатель, «посрамльшеса, разоидошася яко ингла, съ стоудѣмъ.» Причины такого неожиданныго оборота дѣла надобно искать, кажется, въ боязни папы потерять и Паннонію, какъ, не за долго передъ тѣмъ, потерялъ Булгарію и Иллирикъ, отошедшія, по общему опредѣленію Цариградскаго собора (869 — 870), отъ Рима къ Царьграду, которыхъ теперь надѣялся снова возвратить, при помощи разныхъ уступокъ и непрерывныхъ увѣщательныхъ посланій то къ Булгарскому государю и его боярамъ, то къ духовенству Булгарскому и своимъ тамъ нунціямъ, то къ самому патріярху, то, наконецъ, къ Хорватамъ и ихъ властямъ, склоняя, «ut nihil dubitantes de parte Graecorum vel Sclavorum, ad gremium Romane ecclesiae revertantur» (Epist. ad Salonitanos ad ann. 878—880), и пр. Онъ даже, для достиженія этой цѣли, составлявшей задушевное желаніе его и его предшественниковъ, тайную причину ихъ дѣйствій и, въ послѣдствіи, главную причину отдѣленія Рима отъ Восточной Церкви, т. е., для подчиненія себѣ Славянскихъ земель, между Адриатическимъ и Чернымъ морями лежащихъ, согласился было признать снова Фотія, вторично вступившаго на патріяршій престолъ по смерти Игнатія (878), того самаго Фотія, который, изза етѣхъ же народовъ, 10-тъ лѣтъ тому назадъ, предалъ папу, Николая I-го, проклятію (867). Къ этому можно прибавить, конечно, и вѣроятныя представленія Меѳодія папѣ о той чрезмѣрной привязанности Славянъ ко всему народному, особенно къ языку и славословію на немъ Бога, которой всегда и всюду племя наше отличалось и отличается и которая именно и побудила его преимущественно войти въ сношенія съ Греками, охотибе, чѣмъ Латинамъ, допускавшимъ и прочія нарѣчія при богослуженіи: «людемъ нашимъ поганьствъ сѧ шѣврѣннимъ, и по крѣтльнескъ сѧ законъ дрѣлхннимъ, оучителя не имамъ такового, иже бы ны въ скон азыкъ иствию верѣ крѣтльнескъ сказалъ, да быхъ и ны стрѣны того зраче, подобни бы сѧ имъ. то послѧ ны, кѣко. еѣкъ и оучитель таивъ. ѿ кастъ во на всѧ страны късегдѧ добрымъ законъ исходи» (Житіе Кирила.) Въ Житіи Меѳодія перечислены и самые етѣ учителя по ихъ происхожденію, приво-

дившіе, своимъ разногласнымъ ученіемъ (полагаю, преимущественно о происхожденіи Св. Духа, освященіи и жертвоприношеніи агнца, по обычаю Евреевъ, на алтарѣ, вмѣстѣ съ Святыми тайнами, и т. п. *Mansi XV, 355. Mabillon Comm. in ord. Roman. в Museum ital. II, pag. CXIX ss.*), Славянѣ, понимавшихъ языкъ ихъ, въ смущеніе, а не понимавшихъ просто въ отчаяніе: «и соуть въ ны вѣшаль оучители мнози крѣстиани, изъ Влахъ и изъ Гръкъ и изъ Итмыцъ, оучаще ны разнумъ, а ны Словѣни проста умдъ, и не имамъ, иже бы ны поставилъ ил истинноу и разоумъ съкзала. то, добрии вѣдо, послаи такъ моужь, иже ны исправитъ вьсакоу правдоу», т. е., просили именно наставниковъ на своемъ языкѣ; самыхъ Греческихъ проповѣдниковъ, учившихъ не по Славянски, не понимали, какъ и всѣхъ прочихъ. Слѣдовательно, «ѿ насъ ко имъ вся стлны вьсегда добрии зконѣ исходѣи» должно разумѣть только относительно готовности, которую Греческое духовенство показывало къ Христіанскому Вѣроученію и богослуженію, соглашаясь на допущеніе и прочихъ языковъ, сверхъ трехъ «Плациныхъ» («ио Пилатовоу исланию, иже имъ крѣсть Гѣи илниса.» Житіе Меѳодія). Туземное духовенство, уже въ то время довольно численное (судя по тому, что, при погребеніи Меѳодія, сочинитель Житія Климента насчитываетъ 200 человекъ онаго: *δηλοῖ δὲ καὶ τὸ πλήθος τῶν τε πρεσβυτέρων καὶ διακόνων καὶ ὑποδιακόνων, ὅς τελευτῶν διακόνους τῇ ἐνορίᾳ τῆς οἰκείας ἐκκλησίας ἐγκατέλιπον.* (Сар. VI.), слѣдовательно, по знанію Славянскаго языка, со вліяніемъ на народъ, доставляю, съ своей стороны, значительную опору Меѳодіевымъ представленіямъ папѣ о необходимости оставить языкъ Славянскій при богослуженіи; въ противномъ случаѣ, неудовольствіе было неизбежно, по крайней мѣрѣ, въ большинствѣ населенія, и тогда отпаденіе отъ Рима Моравскоіи іерархіи рѣшено. Да и вѣшняя обстановка не могла радовать Юліана VІІІ-го: внутренняя борьба съ Итальянскими князьями и потомками Карла, вѣчно несогласными, и по тому усобищными, равно какъ борьба съ Сарацинами и, пуще всего, іерархическое соперничество съ Греческимъ патріархомъ, столь удачно начатое и поведенное двумя его предѣльниками, обѣщавшее, съ первенствомъ. распространеніе предѣловъ духовнаго владычія надъ милью-

нами еще свѣжаго и нетронутаго племени; все это невольно склоняло папу къ умѣренности и терпимости, до болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ, а по сему и къ допущенію внутри Церкви нѣкоторыхъ различій даже во взглядѣ на самыя догматы, не окрѣпшіе еще, по своей новостн, тѣмъ болѣе на часть обрядную. Отъ того, онъ легко, кажется, уступилъ представленіямъ Паннонскаго архіепископа въ извѣстномъ Вѣроученіи («злвистынкъ уѣкѹю родоу въздннже истрѣи нмъ (на Меѳодіа), яко Длоуилъ и Авиронл изъ Моста, оуки имѣ, а дроу-гылъ тлн, нже болатъ ноплаторскою ересю и славаншл ствращають къ себѣ съ правяго поути.» Жит. Меѳ.) , котораго, по всему суду, Меѳодіи никогда не признавалъ, тѣмъ болѣе, что оно, при жизни его, не успѣло еще обратиться въ непремѣнное вѣрованіе Запада; по крайности, какъ видѣли выше, папа не упоминаетъ о томъ въ письмѣ къ Свитополку о право-вѣрїи Меѳодіа, но только выражается, что онъ нашелъ его мыслящимъ согласно съ ученіемъ Церкви Римской и постановленіями Вселенскихъ Соборовъ (10). Но и того съ большею охотою попустилъ папа въ другой ереси, далеко уступавшей, сущностью своей, въ важности первой, хотя не менѣе значительной по вліянію своему, долго и сильно въ послѣдствїи волновавшей міръ Западный, а съ нимъ и Славянскїи, ереси трезычной: «Бадхоу же истрѣл многлъ уадѣ, нже оуудхоу Словѣнскыма кннгы глѹще, яко недостонты нн которемоу же нзѹкоу нмѣти боукоуъ своуѣхъ, рздитъ Евренъ и Гръкъ и Латннѣ, по Пиллатовоу нсплншо, нже нзъ крѣсть Гїи нннслъ, нже апостолнѣкъ нлѣтѣмъ и трѣмъзѣтуѣннкы нлреклъ проклатъ» (Житіе Меѳодіа), что еще въ первое посѣщеніе Меѳодіа съ братомъ своимъ, Константиномъ, произнесено было папой Адріаномъ II-мъ (867—869); а по етому, теперь, тѣмъ удобнѣе казалось Іоанну утвердить такое распоряженіе своего предшественника: «Оумыслихомъ нспытатѣше посѣлати Меѳодіа, сїише и съ оуученнкы, нзъ стрлнѣи влшл, моужл же ствѣршнл разоумѣмъ и правкоуѣрнл, да кѣи оууитѣ, яко же несте проснлн, стѣкзала кннгы въ нзѣкѣи влшѣ, по нссемоу црѣкѣннмоу унноу нспѣлнмъ, и съ стѹю нлшею рекѣше съ слоужбею и крѣщеннємъ, яко же нестѣ фнлософѣ нлзулѣ Костантннѣ» (Житіе Меѳодіа);—распоряженіе, уже однажды и имъ самимъ допущенное (874). Отъ того, продолжая посланіе

къ Святополку, папа Юаннъ VIII-й, прежде нежели рѣшается произнести вновь позволеніе на введеніе при богослуженіи Славянскаго языка, упоминаеть вкратцѣ объ изобрѣтеніи письменъ для него Константиномъ и, въ слѣдъ за тѣмъ, приводитъ причины, по чему восхваленіе Бога на етомъ, и всякомъ другомъ, языкѣ, сверхъ трехъ «Пилатныхъ» непротвнво ни здравому уму, ни Правовѣрію, подтверждая все это ссылкой на Священное Писаніе: *«Litteras denique sclauonicas (11), a Constantino quondam philosopho repertas, quibus Deo laudes debite resonent, iure laudamus, et in eadem lingua Christi Domini nostri preconia et opera ut enarrentur, iubemus: neque enim tribus tantum, sed omnibus linguis Dominum laudare auctoritate sacra monemur, quae praecipit dicens: Laudate Dominum omnes gentes, laudate eum omnes populi. Et apostoli repleti Spiritu sancto locuti sunt omnibus linguis magnalia Dei. Hinc et Paulus, coelestis quoque tuba insonat monens: Omnis lingua confiteatur, quia Dominus noster Jesus Christus in gloria est Dei Patris. De quibus etiam in prima ad Corinthios epistola satis et manifeste nos admonet, quatenus linguis loquentes, ecclesiam Dei aedificemus. Nec sanae fidei, vel doctrinae aliquid obstat, siue missas in eadem sclauonica lingua canere, siue sanctum euangelium vel lectiones diuinas noui et veteris testamenti bene translatas, et interpretatas legere, aut alia horarum officia omnia psallere: quoniam qui fecit tres linguas principales, hebraeam scilicet, graecam, et latinam, ipse creauit et alias omnes ad laudem et gloriam suam. Jubemus tamen, ut in omnibus ecclesiis terrae vestrae propter maiorem honorificentiam euangelium latine legatur, et postmodum sclauonica lingua translatum in auribus populi, latina verba non intelligentis, annuncietur; sicut in quibusdam ecclesiis fieri videtur. Et si tibi et iudicibus tuis placet, missas latina lingua magis audire, praecipimus, ut latine missarum solennia tibi celebrentur.»* Читая это въ посланіи папы, невольно припоминаете себѣ многое изъ посланія другаго папы, его предшественника, къ Ростиславу и подручнымъ его князьямъ, приводимаго составителемъ Меоодіева Житія: «съ же еднимъ христити обыхан, да на мѣши първѣю убоугъ аплъ и кеванганіе римскы, тауе словѣнскы, да са испзанить бннжьмоу сло-

ко, яко възскалатъ Гѣ къси мзъци, и другонце вси възгѣтъ мзъки раздунути велуныи божи, яко же дасть имъ стѣни дѣти бившавати.» Вся рознища тутъ только въ одномъ размѣщеніи. Конечно, при составленіи этого посланія въ Куріи Шапской имѣлось въ виду и первое; отсюда, естественно, объясняется такое сходство ихъ въ приведенныхъ словахъ; а жизнеописатель Меѳодія тоже, вѣроятно, имѣлъ послѣднее передъ глазами, можетъ быть, даже самый подлинникъ. Такое согласіе двухъ, независимыхъ одно отъ другаго, показаній, составленныхъ въ разное время, разными лицами, на разныхъ языкахъ и въ разныхъ мѣстахъ, говоритъ о подлинности того и другаго. Стало, свѣдѣтельство папы Іоанна VIII-го, какъ современника Константина и Меѳодія, лично знавшаго обоихъ, посланіе котораго, кажется, только 10-ью годами отдѣлено отъ кончины перваго, чрезвычайно замѣчательно. А что это точно было такъ, т. е., что онъ хорошо зналъ составителя писемъ Славянскихъ, на то указываетъ одно выраженіе, находящееся въ его посланіи, разумѣю, «*quondam*,» которое, по повѣиіиному и самому вѣроятному объясненію Шафарика (Slov. star., str., 815, pozn. 90, Руск. пер. II, кн. 2-я, стр. 325), не рѣдко означаетъ въ средневѣковой Латини не, «нѣкоторый, какой-то,» но «извѣстный.»

Кромѣ папы Іоанна VIII-го, второе извѣстіе, современное Кириллу и Меѳодію, предлагаетъ намъ неизвѣстный Зальцбургецъ, *Anonymus Salisburgensis: De conversione Bagoariorum et Carantanorum* an. 873» (12), который, перечисляя, въ послѣдовательномъ порядкѣ, кратко Зальцбургскихъ архіепископовъ и ихъ дѣянія, замѣчаетъ, при одномъ изъ нихъ, и о появленіи въ Панноніи, принадлежавшей къ ихъ церковному округу, Меѳодія, заставившаго удалиться изъ оной намѣстника ихъ, протопресвитера Рихвальда (pag. LXXV): «*Post illum vero (Swarnagalum, praesbyterum) Altfredum presbyterum et magistrum ejusque artis Liuprammus illic direxit; quem Adalwinus successor Liuprammi archipresbyterum ibi constituit, commendans illi claves ecclesiae, curamque post illum totius populi gerendam. Similiter, eo defuncto, Rihbaldum constituit archipresbyterum. Qui multum tempore ibi*

commoratus est, exercens suum potestative officium, sicut illi licuit archiepiscopus suus, usque dum quidam graecus, methodius nomine, noviter inventis sclavinis litteris, linguam latinam doctrinamque romanam atque literas auctoriales latinas philosophice superducens, vilescece fecit cuncto populo ex parte missas et evangelia ecclesiasticumque officium illorum, qui hoc latine celebaverunt. Quod ille ferre non valens sedem repetivit Juvavensem.»

Третье известіе составляетъ: «*Vita SS. Cyrilli et Methodii cum translatione Sancti Clementis,*» изданное Болландистами, по рукописи Дюканжа, въ «*Acta Sanctorum,*» подъ 9-мъ Марта (Vol. II, p. 19 sq.). Такъ какъ Левъ де Марси (de Marsi), Монтекасинскій монахъ, потомъ кардиналъ-епископъ Остіиискій (de Ostia), жившій въ XII-мъ вѣкѣ (13), дѣлаетъ выписку, въ лѣтописи своего монастыря, изъ этого сочиненія, то отсюда заключаютъ, что оно было уже извѣстно, по меньшей мѣрѣ, въ XI-мъ столѣтіи. Одинъ изъ издателей его, отецъ Геншенъ (Godefroi Henchenius (14), полагаетъ, что етъ «*Vita et Translatio*» сочинены Гавдерикомъ, епископомъ города Велитры, т. е., что оно составляло часть какого-то творенія его, теперь уже утраченнаго. Добровскій, въ сочиненіи своемъ «*Кирилъ и Меѳодій*» (стр. 15, Руск. пер: 10), называетъ «*Vita et Translatio*» *Легендою*, и при томъ *Итальянскою* или *первою*, въ отличіе отъ *второй* или *Моравской*. Онъ напечаталъ ее, вмѣстѣ со второю, основанною преимущественно на ней до самой кончины Кирилла, въ 1826 годѣ, и сопровождалъ учеными замѣчаніями. По сему и эта *Вторая* или *Моравская Легенда* (15), какъ дословное почти повтореніе Итальянской въ первой своей части, съ перемѣною лишь выраженій, сокращеніемъ нѣкоторыхъ подробностей, риторическими украшеніями и собственными догадками или выдумками составлявшаго ее, можетъ быть причислена, если не къ современнымъ источникамъ (по тому что появилась, по мнѣнію Добровскаго (16), вѣроятно, въ XIV стол.), то къ такимъ, которые несомнѣнно и очевидно по нимъ составлены, и показанія ея должно, по крайности, сличать съ первообразомъ ея. Свѣдѣтельства етъхъ обоихъ Сказаній или Легендъ о нашемъ предметѣ предлагаютъ слѣдую-

щес. *Итальянское Сказаніе*: «Cumque ad partes illas, Deo praeparante, venisset (Constantinus cum suo fratre Methodio), cognoscentes loci indigenae adventum illorum, valde gavisi sunt, quia et reliquias beati Clementis secum ferre audierant, et *Evangelium in eorum lingua a Philosopho praedicto translutum*. Exeuntes igitur extra civitatem obviam honorifice et cum ingenti laetitia recipiunt eos. Coeperunt itaque ad id, (ad) quod venerant, peragendum, studiose insistere et *parvulos eorum literas edocere*, officia ecclesiastica instruere et ad correptionem diversorum errorum, quos in populo illo repererant, falcem eloquiorum suorum inducere, sicque abradis et extirpatis de agro illo pestifero multifariis vitiorum sentibus, divini verbi gramina seminare.» *Моравское Сказаніе* такъ: «Cumque viri Dei ipsum Regem cum populo suo religiosa sollicitudine ad fidei lumen omnino provocassent, illis deinde vetus et novum testamentum vigilantia cura (Bolland. deest «vig. cura») exponentes et informantes eos, *plura de Graeco et Latino transferentes*, in Sclavonica lingua canonicas horas et missas in ecclesia Dei publice statuerunt decantare.» И такъ, по Первому Сказанію философъ, т. е., Константинъ, принесъ съ собою Евангеліе въ Моравію, уже переведенное, и, вмѣстѣ съ Меѳодіемъ, началъ учить грамотѣ учениковъ (parvulos), конечно, приготовляя въ нихъ себѣ причетниковъ; слѣдовательно, письма были составлены имъ еще до прихода въ эту страну. А по Второму сказано только, что оба братья ревностно объясняли уже *готовый* (предложеніемъ) Ветхій и Новый Заветъ и многое переводили не съ одного Греческаго, но и съ Латинскаго; послѣднее едва ли въ строгомъ смыслѣ справедливо, т. е., касательно перевода съ Латинскаго, по тому что самый переводъ Библии указываетъ на подлинникъ Греческій, кромѣ нѣкоторыхъ апокрифическихъ книгъ, переведенныхъ, дѣйствительно, съ Вульгаты въ послѣдствіи. А что въ нѣкоторыхъ древнѣйшихъ Глагольскихъ памятникѣхъ, равно какъ и въ Кирилловскихъ, списанныхъ съ нихъ, изложеніе напоминаетъ Вульгату, то это произошло, по объясненію Добровскаго, скорѣе отъ того, что переводчикъ пользовался Греческимъ подлинникомъ, такъ называемою, Западною семью или, по Церковнославянски, извода (рецензіи), съ коею

Вульгата, какъ извѣстно, наиболѣе сходится, нежели отъ того, что переводъ сдѣланъ былъ прямо съ послѣдней. Впрочемъ, Шафарикъ, возражая Добровскому, замѣчаетъ, что переводившій только справлялся съ Вульгатой: «*že původce hlaholské recenzi nahlížel do Vulgaty,*» по тому что Латинь была въ большомъ употребленіи въ той странѣ, въ которой онъ жилъ (Македоніи и Далмаціи) и, слѣдовательно, не могла быть ему неизвѣстной, а съ ней и Вульгата (*Pramátky hlaholského písemnictví. Praga, 1853; str. XXXVI — XXXVII, XXXIX*). Сверхъ того, въ Моравскомъ Сказаніи говорится еще о Славянскомъ Служебникѣ и Часословѣ (*Liturgiaron, missarum liber, et Horologium*); стало, также принесенныхъ въ готовности; слѣдственно, и по Второму или Моравскому Сказанію письма Славянскія сославлены до прибытія Солунцевъ въ Моравію.

Тоже слѣдуетъ замѣтить и о «*Житіи св. Вячеслава,*» написанномъ Христаномъ и составившемъ собой вторую половину Моравской Легенды, хотя и въ первую вошло достаточно изъ него, что и образовало, съ Сказаніемъ Гавдерика, эту часть (*Cyryll und Method, S. 17, Рус. 11—12*). Впрочемъ, Вторая Легенда скоро была вытѣснена новою, основанною на ней и Христанѣ, съ прибавленіемъ вновь кой-чего (17), и названа Добровскимъ *Третьей*. Етого Христана не должно смѣшивать съ извѣстнымъ сыномъ Чешскаго князя, Болеслава I-го, жившимъ въ X-мъ вѣкѣ (18) и бывшимъ Бенедиктинскимъ монахомъ (какъ того хотѣли нѣкоторые, достаточно опровергнутые Добровскимъ), хотя за такого онъ и выдаетъ себя въ своемъ сочиненіи: онъ былъ составитель Житія св. Вячеслава и Житія св. Людмилы, и жилъ въ концѣ XIII, или началѣ XIV вѣка, скорѣе всего игуменъ Бенедиктинскаго Бревневскаго монастыря близъ Праги (1279—87), и дѣйствительно носилъ имя Христана (въ дипломахъ *Cristannus*) (19). Для перваго черпалъ онъ многое изъ Житія св. Вячеслава, написаннаго неизвѣстнымъ, по распоряженію императора Оттона II-го (973—83) (20), для втораго—Житіемъ XIII-го вѣка (21) и другимъ половиною XIV (22), по коимъ и составилъ свой трудъ (23), хотя послѣднее, можетъ статья, въ первобыт-

номъ своемъ видѣ не уступаетъ въ древности Житію св. Вячеслава. Творенія его послужили, въ свою очередь, источникомъ для другихъ, между прочимъ и упомянутому выше составителю Моравскаго Сказанія (24). Въ томъ и другомъ (въ Сказаніи о Людмилѣ по древнѣйшему и по передѣлкѣ его Христаномъ) находимъ извѣстія о нашемъ предметѣ такого рода. *По легендѣ о Св. Людмилѣ*: «Sanctus Cyrillus graecis et latinis apicibus sufficientissime instructus, postquam Ungariam ad fidem Jesu boni convertisset, in nomine sanctae trinitatis et individuae unitatis Moraviam est ingressus, ubi omnipotenti Deo, cum eius adjutorio, non modicum populum acquisiuit. *Inventisque novis* apicibus siue *litteris* vetus et novum testamentum pluraque alia de graeco siue latino sermone in Sclauonicum transtulit idioma, missas caeterasque canonicas horas resonare sclauonica voce in ecclesia statuendo, quod usque hodie in Ungaria et in pluribus Sclauonorum regionibus observatur, multaeque ex hoc animae Christo Domino acquiruntur.» *По Христановой передѣлкѣ*: «Siquidem Quirillus quidam natione graecus, tam latinis quam ipsis Graecorum apicibus instructus, postquam Bulgarii crediderant, aggressus est in nomine Sanctae trinitatis et individuae unitatis etiam supra dictae genti, Moraviae degenti, fidem Domini nostri J. Chr. praedicare, et cooperante gratia diuina, postquam illos Christo lucratus erat, etiam apices vel *characteres novos comperit*, et vetus novumque testamentum pluraque alia de graeco siue latino sermone in Sclauonicum transtulit idioma, missas caeterasque canonicas horas resonare sclauonica voce in ecclesia statuendo, quod usque hodie in Ungaria et in pluribus Sclauonorum regionibus observantur, multaeque ex hoc animae Christo Domino acquiruntur.» Очевидно, что Сказаніе о Людмилѣ, ничѣмъ не обязанное Итальянскому Сказанію, служило, однако же, какъ замѣтилъ уже Добровскій, источникомъ для Сказанія Моравскаго и Христанова о Славянскихъ нисъменахъ и богослуженіи, съ тою, впрочемъ, разницею, что извѣстіе объ обращеніи Константиномъ Угрии въ Христіанство до прибытія своего въ Моравію, а также и о существованіи того и другаго въ ней и многихъ Славянскихъ земляхъ, прибавлено отсюда, а Христаномъ измѣнено въ извѣстіе о Българіи. Оно перешло, повторю, и во

Вторую или Моравскую Легенду, по тому что Сказанія сїи (о Людмилѣ и Вячеславѣ) составитель ея имѣлъ въ виду при повѣствованіи о посольствѣ Константина и Меодія къ Ростиславу: «Egressus vero venit (Constantinus) primo ad Bulgaros, quos divina cooperatrice gratia sua praedicatione convertit ad fidem.» Еще больше: извѣстіе это находимъ даже въ 6-ти «*Lectiones de Cyrillo et Methodio*» въ древнемъ Оломуцкомъ Служебникѣ (ex veteri ms. Breuiario Olomuc.), слово въ слово почти сходно съ Христановымъ. Такъ и въ немъ читасмъ: «*Beatus Cyrillus natione Graecus, tam Latinis quam ipsis Graecorum apicibus instructus, postquam Wulgari crediderunt, aggressus est, in nomine sanctae Trinitatis et indiuiduae unitatis, etiam genti Moraviae fidem Domini nostri Jesu Christi praedicare. Et cooperante Diuina gratia, postquam illos Christo lucratus fuerat, etiam apices et characteres novos comperit, et vetus nouumque Testamentum, pluraque alia de Graeco seu Latino Slauonicam in linguam transtulit, ac missas praeterea ceterasque canonicas horas in Ecclesia resonare statuit. Quod et usque hodie in partibus Slauorum agitur, maxime in Wulgaris, multaeque ex hoc animae Christo Domino acquiruntur.*» Это сходство объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, по замѣчанію Добровскаго (Cyrill. und Meth. §. 3), что всѣ три: Христанъ, Вторая или Моравская Легенда и этотъ Служебникъ, списывали только одинъ другаго: Служебникъ и Моравская Легенда Христана, а онъ Легенду о Людмилѣ, переѣнивъ лишь «*Vulgarii*» въ «*Bulgarii*.» Вѣроятно, писавшій Житіе Людмилы знаетъ уже о Житіи Климента, составленномъ однимъ изъ учениковъ его и сохранившемся на Греческомъ языкѣ, гдѣ именно сказано тоже самое, т. е., извѣстіе о пребываніи Константина и Меодія въ Булгаріи помѣщено прежде прибытія ихъ въ Моравію, что встрѣчаемъ также и у другихъ: продолжателя Константина Багрянороднаго, Скилицы, Кедрина, Дуклянскаго священника, Градиштскаго или Опатовицкаго монаха, въ Проложвнхъ Житіяхъ Кирилла и Меодія, Несторовой Лѣтописи и др.; послѣдніе, впрочемъ, посылаютъ Кирилла изъ Моравіи въ Булгарію, но все же такъ посылаютъ въ нее.

Того же самаго значенія, то есть, какъ писатели, хотя не современные, но ближайшіе къ современнымъ, непосредственно слѣдовавшимъ за ними, сохранившіе воспоминаніе, или преданіе, старшихъ, были еще:

I. Въ *Чехахъ*: такъ называемый, *Сазавскій монахъ*, въ разсказѣ о св. Прокопѣ (основателѣ монастыря на рѣкѣ Сазавѣ, въ которомъ богослуженіе совершалось на Церковнославянскомъ языкѣ и въ которомъ онъ былъ игуменомъ (1035 года), равно какъ и въ разсказѣ объ его обители (уничтоженной изгнаніемъ монаховъ изъ Чехъ и отдачей монастыря ихъ Католикамъ 1097 г.). Тутъ сказано, что онъ зналъ Славянское письмо, изобрѣтенное св. Кирилломъ: «Tempore siquidem praefati Ducis Oudalrici fuit heremita *Procopius* nomine, natione Bohemicus de villa Chotun, *Sclauonicis litteris, a sanctissimo Quirillo Episcopo quondam inventis et statutis, canonice admodum imbutus, in seculo praesbiter eximius, honesta vitae et casta mysteria celebrans, postmodum infula monasticae parmatus professionis, solus cum solo Deo in fidei pignore inconuulsus deguit.*» Извѣстіе это составляетъ вставку въ лѣтописи Козьмы (Script. rerum Bohem., ed. Pelcel et Dobrowski, I, p. 90) подъ 1038 г. Согласно съ стѣмъ монахомъ и другими Чешскими сказаніями и *Далимилъ*, Чешскій писатель, или тотъ, кого подъ симъ именемъ согласилась Чехи разумѣть и относить къ 1282 — 1314 г., въ своей *Хроникѣ Чешской*, рассказывая въ стихахъ о крещеніи Боривою, упоминаетъ только, что онъ, не допущенный Святополкомъ къ столу, какъ язычникъ, тотчасъ:

«prosi krsta ot Svatopluka moravského,
a ot Methodieie arcibiskupa velehradského.
Ten arcibiskup Rusin (въ др. Rusenín, Rusky) biéše,
mšu svú slovansky slúžieše.
U Velehradie krsti Čecha prvého,
Bořivoie knieze českého,
leta ot narozenie božíeho
Po osmi set po devietidsát čtvrtého.»

Но объ изобрѣтеніи письменъ онъ рѣшительно ни слова не говорить (25).

II. Другой монахъ жилъ въ *Moravia*, въ половинѣ XII вѣка, и извѣстенъ подъ именемъ *Градичтскаго* или *Опатовицкаго монаха*: онъ, приписывая обоимъ братьямъ изобрѣтеніе письменъ, называетъ ихъ Булгарскими (26): «*Nac ipsa tempestate Cyrillus et Methudius, inventis Bulgarorum literis, verbum Dei praedicaverunt Moravicis.*»

III. Къ етому же времени (1150 и слѣд. г.) относится и преданіе объ изобрѣтеніи нашей азбуки въ *Далмаціи*, записанное неизвѣстнымъ *Диоклейскимъ* или *Дуклянскимъ священникомъ* (*Anonymus presbyter Diocleas*) въ лѣтописи, первоначально составленной на Сербскомъ или Хорватскомъ языкѣ, а послѣ переведенной на Латинскій (27). Въ этой послѣдней сказано, что Константинъ, по обращеніи Козарской земли (*Caesarea, pro Cosarea или Cosaria*), пошелъ въ Булгарію, которую тоже привелъ въ Христіанство: «*Post haec convertit totam gentem Bulgarinorum et similiter baptizati sunt in fide Sanctae Trinitatis;*» между тѣмъ, папа Стефанъ, слыша о такихъ подвигахъ Константина, пригласилъ его къ себѣ. На пути въ Римъ, онъ проходилъ черезъ землю, въ коей владѣлъ тогда Святополкъ, который принялъ его съ почестями и былъ обращенъ въ Христіанскую Вѣру. Между отбытіемъ Константина въ путь, по волѣ папы, и приходомъ къ Святополку помѣщено извѣстіе объ изобрѣтеніи имъ письменъ и переводѣ книгъ. Я приведу все это въ томъ видѣ, какъ оно находится у Дуклянца: «*Inter haec mortuus est rex Saramirus, et accepit regnum eius Sfetopelek nomine. Regnante vero rege Suetopelek, misit papa Stephanus litteras ad venerabilem virum Constantinum doctorem, vocans eum ad se: audierat enim de eo, quod sua praedicatione converti fecerat innumerabilem gentem, et ob hanc caussam desiderabat eum videre. Itaque Constantinus vir sanctissimus ordinavit presbyteros, et litteram lingua Sclavonica componens, commutavit Euangelium Christi, atque Psalterium, et omnes divinos libros veteris et novi Testamenti, de Graeca litera in Sclavonicam, nec non et Missam eis ordinans more Graecorum, confirmavit eos in fide Christi. Et valedicens omnibus, quos ad fidem Christi conuerterat, secundum Apostolicum di-*

ctum, Romam pergere festinabat. Dum autem pergeret transiens per regnum regis Sphetopelek, honorifice ab eo susceptus est. Tunc vir Dei Constantinus, cui nomen postea Kyrillus a papa Stephano impositum est, quando consecrauit eum monachum, coepit praedicare regi Euangelium Christi et fidem sanctae Trinitatis; ad cuius praedicationem rex Sphetopelek credidit Christo, et baptizatus est cum omni regno suo, et effectus est orthodoxus, et verus sanctae Trinitatis cultor. Aliquantis post haec diebus immoratus cum rege vir beatissimus, confirmauit eum in fide atque doctrina Christi; et valefaciens omnibus Christicolis, Romam profectus est» (apud *Lucium*: De regno Dalmatiae et Croatiae etc. Amstl. 1666, fol., 288 sq.). Въ недавно открытомъ и изданномъ въ свѣтъ подлинникѣ этой лѣтописи, тоже самое разсказано по Славянски (по Сербски или Хорватски, т. е., нарѣчьемъ Далматскимъ), стихами (ст. 319—379), съ небольшоими измѣненіями, каковы: вм. Suetopelek читаемъ *Budimir*, а послѣ оба являются, сперва Будимиръ, по ходу рѣчи, король Българскій, который отправляется въ Козарию, гдѣ принимаетъ его *Svetipuk*, государь ея, обращенный, какъ и Будимиръ, въ Христіанство Константиномъ, а потомъ (ст. 388 и слѣд.) *Svetipuka* видимъ опять лицомъ особеннымъ, которое, какъ и у Дуклянца, позволяетъ Христіанамъ-Латинцамъ возвратиться въ свои мѣста свободно и возобновить города и крѣпости, разоренныя язычниками, и, наконецъ (ст. 428 и сл.), отправляетъ съ Будимиромъ посольство къ папѣ Стефану, съ просьбой, прилать учителей въ Вѣрѣ и т. д. Вообще, въ лѣтописи Дуклянскаго священника, какъ въ подлинникѣ, такъ и переводѣ, царствуетъ страшное смѣшеніе именъ и событій, Богъ вѣсть откуда взятыхъ и неразгаданныхъ. Въ ней часто пропущено известное и не подлежащее ни какому сомнѣнію стоитъ объ руку съ такимъ, которое, по всему, либо чистая выдумка, либо же, по крайней мѣрѣ, съ большою примѣсью изъ мутнаго источника родныхъ преданій, а не рѣдко привнесено составителемъ лѣтописи даже изъ чужой исторіи, и при томъ, большею частью, безъ должнаго различенія мѣста, времени, лицъ и т. п. Примѣръ тому смѣшеніе, какое видимъ въ приведенномъ мною пропущеніи, въ коемъ собы-

тія Великоморавскія перепутаны съ Хорватскими , а отчасти и съ Козарскими, не говоря уже ничего о времени и лицахъ, каковы, на примѣръ, имя папы Стефана, сюда вовсе не принадлежащее , равно какъ обращеніе Святополка Константиномъ и т. п. Видно, что въ основѣ всего этого лежитъ истинное событіе , т. е., проповѣдь Константина въ Козарской , Булгарской и Моравской земляхъ , путешествіе въ Римъ къ папѣ (добровольно, или же по приглашенію), составленіе Славянскихъ писемъ и переводъ богослужебныхъ книгъ на языкъ Славянской. Последнее не сказано прямо , гдѣ произведено имъ; можно догадываться только по ходу разсказа о мѣстѣ и времени, какъ это увидимъ въ послѣдствіи. Ясно, что и Далматскіе Славяне , зная и видя на самомъ дѣлѣ , какое благо для народа богослуженіе на своемъ языкѣ , но, съ другой стороны , не желая совершенно прервать всякое общеніе съ Западнымъ первосвященникомъ , скрѣпяемое какъ сосѣдствомъ , связями, такъ равно и временемъ, пытались примирить въ этомъ сказаніи столько противоположныя основы и, такимъ образомъ , примкнуть и себя къ общему благодѣянію для Славянскаго племени, оказанному безсмертными трудами Селунскихъ благовѣстниковъ. Естественно, отъ стремленія совмѣстить столь несомѣстимое , должно было произойти смѣшеніе и несообразности въ разсказѣ. Тѣмъ не менѣе , цѣль очевидна , и попытка достигнуть ея не разъ повторялась послѣ тутъ же и тѣмъ же народомъ. Впрочемъ, замѣчательно, что въ Славянскомъ изложеніи этого сказанія «*lingua Sclauonica*» названа «*knjiga hârvacka.*» «... i tada biše Papa Stipan, i posla listove ka svetu mužu Kostancu zovući ga k sebi, jere slišao biše, kako pripovidaše viru Isusovu, i da biše tolik puk obratio na viru Isusovu, i za to ga viditi želiše. I tako sveti muž Kostanc naredi popove i knjigu Hârvacku, i iztumači iz gârëkoga hârvacku knjigu , hârvacki iztumači evangjelja , i sve pištule crkvene , i tako staroga, kako novoga zakona, i učini knjige s papinim dopušćenjem, i naredi misu, i utvârdi zemlju u viru Isukârstovu, i vase prošćenje, i obrati k Rimu put svoj, koji mu pod posluh sveti zapovidan biše.... и пр. (ст. 334—333).» Слово книга употребляется въ Сербскомъ не только въ смыслѣ нынѣшнемъ , но также и въ старинномъ,

сдвали не первоначальному, т. е., въ смыслѣ буква, письмо, языкъ, и тому подобн., откуда теперешнее простонародное, Сербское, книга, наше письмо, грамотка. (См. Сербскія народныя пѣсни, изд. Вукомъ Стеф. Караджичемъ и другими).

IV. Въ XI-мъ столѣтїи *Томла*, архидїаконъ *Сплитскій* (*Spalatensis*), передавая опредѣленіе Собора, держаннаго въ Салонѣ во второй уже разъ (въ первой 925 г.) противъ соверпившихъ службы Божїя на Церковнославянскомъ языкѣ, рассказываетъ, что отцы Собора, между прочимъ, по тому возставали на такое богослуженіе, что письмена-то стѣ были выдуманъ, какъ они говорили, извѣстнымъ еретикомъ, Меѳодїемъ, и назвали ихъ, конечно, по стойй причинѣ, Готскимъ (28). «Fuerat siquidem tempore Domini Alexandri Papae et Joannis decessoris Laurentii supradicti, a domino Maynardo quondam Pomposiano Abbate et postea Episcopo Cardili, quaedam Synodus omnium praelatorum Dalmatiae et Chroaciae multum solemniter celebrata, in qua multa fuerunt conscripta capitula, inter quae siquidem hoc firmatum et statutum, ut nullus de cetero in lingua Slavonica praesumere divina mysteria celebrare, nisi tantum in Latina et Graeca, nec aliquis ejusdem linguae promoveretur ad sacros. Dicebant enim Gothicas literas a quodam Methodio haeretico fuisse repertas, qui multa contra Catholicae fidei normam in eadem Slavonica lingua manendo conscripsit. Quam ob rem divino judicio repentina morte fuisset damnatus.» (*Archidiaconus Spalatensis*, ap. *Schwandtneri* Scriptores rerum Hungaricarum, III; *Fartati*, *Illyria sacra*, III, и проч.).

V. *Бернардъ Креммонстерскій*, по замѣчанію Добровскаго (*Cyrill und Method. § 9*), не выразумѣвъ словъ неизвѣстнаго сочинителя исторїи крещенія Баварцевъ и Хорутанцевъ, обратилъ Рихвальда въ Освальда, а сказаніе своего источника о Меѳодїи въ Паннонскомъ краѣ измѣнилъ въ слѣдующее: «Interjecto aliquo tempore supervenit quidam Sclavus ab Histriae et Dalmatiae partibus nomine Methodius, qui adinvenit slavicas litteras et slavice celebravit divinum officium et vile-

scere fecit latinum; tandem fugatus a Karantanis partibus intravit Moraviam ibique quiescit.»

VI. Извѣстный *Авентинъ* (собственно *Іоаннъ Турмайръ*, 1466 — 1534), основываясь на Западныхъ писателяхъ, тоже повторилъ только то одно, что вычиталъ въ своихъ источникахъ, а по тому, какъ большая часть ихъ, считать *Меодія* составителемъ Славянскаго писема. «Eadem tempestate Methudius Philosophus Venedas (hoc est, Slavicus) invenit litteras veritque divina oracula in vernaculum Slavorum sermonem (*Annal. Bojorum.*)»

Но если ни Востокъ, ни Западъ Европы не оставили намъ больше свѣдѣній о такомъ важномъ, во всѣхъ отношеніяхъ, событіи, каково было принятіе Христіанства отъ Грековъ изъ рукъ Солунскихъ благовѣстниковъ, на языкѣ новообращенныхъ и, естественное послѣдствіе того, составленіе особыхъ писемъ, за то сами *предки наши* вознаградили отчасти это упущеніе далеко просвѣщеннѣйшихъ себя соотѣдей, но дѣйствовавшихъ, въ отношеніи къ нимъ, не всегда безпристрастно. Извѣстія етѣ оставлены намъ самими *сотрудниками Славянскихъ апостоловъ, а также преемниками и послѣдователями ихъ непосредственныхъ учениковъ.* Я разумѣю: 1) «Житіе и жизнь и подвизи, иже въ стѣхъ оца нашего Константина философа, прьего иаставника и оунтела Словенскоу языку; 2) Памать и житіе бжеваго оца нашего и оунтела Меодия, архіеппа Моравьск.» Оба етѣ памятника не рѣдко встрѣчаются въ нашихъ рукописяхъ, слѣдовательно, хорошо были извѣстны предкамъ нашимъ; такъ, о первомъ говорится съ похвалою уже въ XI-мъ вѣкѣ, въ Сборникѣ 1076 г., принадлежавшемъ прежде Ермитажной библиотекѣ, а теперь Императорской Публичной въ Петербургѣ (29): «Послушати жытя стѣго Василія и стѣго Іоанна Златоустаго и стѣго Кириал философа и иныхъ многъ стѣхъ, како и ти сърьва повѣдють о нихъ рекоунте: измлада прижемахоу стѣхъ книгъ, тоже и на добриа дѣла подигоушася» (стр. 7). Такъ, Несторъ извѣстіе свое объ изобрѣтеніи нашихъ писемъ и переводѣ книгъ и т. п., преимущественно, какъ увидимъ ниже, основывалъ на нихъ; такъ, все Житіе обоихъ Святыхъ просвѣтителей, находящееся

въ печатной Четви-Миней, есть не иное что, какъ передѣлка Житія Кирилла; на его указываютъ и слова, выставленные тутъ же, на поляхъ: «Отъ различныхъ хартенныхъ Уетин сокращення.» Следовательно, въ послѣднихъ находились оба Житія, особенно Кириллово. И точно: то и другое, сколько я знаю теперь, помѣщены, во первыхъ: въ извѣстныхъ большихъ «Макарьевскихъ Четвяхъ-Минейхъ», въ которыя вошли, какъ я лично убѣдился въ томъ, многіе памятники, цѣлкомъ списанные съ харатейныхъ рукописей; во вторыхъ: Житіе Меодія въ Четви-Миней на апрѣль и май, принадлежащей Московской Духовной Академіи (бум. рук. въ листъ, полууст., № 94.); въ третьихъ: въ другихъ сборникахъ, о коихъ скажу ниже, и изъ коихъ нѣкоторые далеко идутъ назадъ въ древность. Какъ восхищался Житіемъ Кирилла Шлѣцеръ (въ своемъ Несторѣ II, §. 234 — 241, въ Руск. III, 567 — 578), извѣстнымъ ему только по печатному источнику, и по одному уже ему охотно отдавалъ первенство нашей Четви передъ Латинской! Сдѣсь видѣнъ глубокій и проницательный его умъ, который угадывалъ источникъ повѣствуемому въ Житіи, утверждая, что въ немъ все далеко правдивѣе, чѣмъ въ «Acta SS,» не смотря на нѣкоторые промахи противу времени и т. п. Согласуясь въ существенномъ, — продолжаетъ Шлѣцеръ, — съ свѣдѣніями, доселѣ извѣстными, оно и противорѣчитъ онымъ во многихъ другихъ, а это указываетъ намъ на то, что сочинитель сего Житія заимствовалъ совсѣмъ изъ иныхъ источниковъ, нежели сочинители Латинскихъ Легендъ. За то, какъ промахнулся Добровскій, который, дѣлая свои замѣчанія на Шлѣцера Нестора, между прочимъ, выразился объ этомъ высококомъ уваженіи совѣстливаго ученаго къ нашей Четви-Миней не совсѣмъ почтительно! Увлеченія безъ изслѣдованія ни куда не годятся и дѣлаютъ насъ смѣшными у самаго поздняго потомства. Какъ бы то ни было, только не ранѣе 1843 года обращено было на етѣ два памятника должное вниманіе ученыхъ статей, помѣщенной въ VI-й книжкѣ (стр. 406—434) «Москвитянина» (30) и принадлежащей одному изъ достойнѣйшихъ и заслуженнѣйшихъ профессоровъ Московской Духовной Академіи, который открылъ ихъ въ бумажной рукописи

XV-го в. (въ л.), находящейся въ библиотекѣ той же Академіи (31). Сдѣсь, въ первый разъ, сообщены изъ нихъ, въ лѣтописной послѣдовательности, выписки разнаго объема, сопровождаемыя историческими и археологическими разысканіями и замѣчаніями, отличающимися въ сочинителѣ свѣтлый умъ, большую начитанность и во многомъ вѣрныя приемы. Объясненія его нѣкоторыхъ темныхъ мѣстъ весьма удачны, а другія невольно вызываютъ къ новымъ поискамъ. Но, хотя то и другое Житіе составляетъ безцѣнный памятникъ общеславянской старины, предлагающій множество новаго для усненія такой отдаленной древности, тѣмъ не менѣе, къ крайнему удивленію, онъ нашелъ издателя себѣ спустя только десять лѣтъ, и то не у насъ: равнодушныя, ничѣмъ неизвинимое! Именно: въ 1-й части «Югославянскихъ памятниковъ» («*Práhky dŕevního písemnictví Jihoslovánův*» или: «Изборъ Югославянскихъ достопамятностей», изданныхъ въ 1851 г. (32), въ Прагѣ, и содержащихъ въ себѣ древнѣйшіе письменные остатки Сербской словесности, Кириллицей писанные, обоихъ разрядовъ (Церковнославянскіе подъ вліяніемъ Сербскаго, и Сербскіе подъ вліяніемъ Церковнославянскаго). Изъ нихъ одно только Житіе Меодія помѣщено Шафарикомъ въ самомъ началѣ, по тому что Житіе Кирилла напечатано имъ тамъ по списку Рыльскаго Булгарскаго монастыря, взятому изъ рукописи Похвальныхъ словъ и Житій Булгарскихъ и Сербскихъ святыхъ, писанной грамматикомъ Владиславомъ, 1479 г., въ Жеглиговѣ, подъ Черною горой, въ Македоніи, слѣдовательно, извода Сербскаго, хотя, очевидно, какъ этотъ списокъ, такъ и прочіе (извѣстные доселѣ изводы, коихъ Шафарикъ насчитываетъ 6-ть, ему доступныхъ, кромѣ упомянутого, и кои суть: Московскій Макарьевской Четы-Минен; Львовскій 1-й XV-го в. Сербскаго разряда; Львовскій 2-й Рускаго разряда, находящійся въ монастырѣ св. Онуфрія; Римскій XVI—XVII ст. въ Ватиканской библиотекѣ, и Сѣвероугорскій пергаменный, но неполный, въ частныхъ рукахъ), составляютъ противни съ Булгарскаго подлинника. Такое предпочтеніе свое Сербскому изводу Шафарикъ основываетъ на томъ, что онъ принадлежитъ извѣстной странѣ, въку и представляетъ цѣлое съ начала до конца, чего въ

прочихъ онъ не видитъ. Древнія грамматическія формы во всѣхъ почти всюду замѣнены новыми; Московскіи далеко больше содержитъ въ себѣ толкованій и порчи, нежели Владиславовъ, съ чѣмъ, однако, я не могу согласиться. Да если бъ и такъ, все же онъ гораздо ближе, по складу своего языка, къ подлиннику, чѣмъ Сербскіи. Львовскіи 1-й не полонъ, 2-й совершенно передѣланъ по свойству Рускаго языка, и при томъ содержитъ вставку о владѣнн Моравскихъ князей на Русь, а Ватиканскіи наибольшимъ подвергся передѣлкамъ. А какъ изданіе назначено предпочтительно для историческихъ, а не филологическихъ и подобныхъ, цѣлей, то, по тому, допущены были исправленія по другимъ спискамъ только самыхъ очевидныхъ промаховъ Сербскаго писца. Второе же Житіе помѣщено въ етѣхъ памятникахъ по списку, упомянутому выше, полученному издателемъ изъ Москвы, съ небольшими переменами, не измѣняющими сущности ни мало (33). Давно уже оба етѣ Житія изготовлялись мною къ напечатанію въ «Чтеніяхъ въ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ,» и при томъ по двумъ, доступнымъ мнѣ тогда, спискамъ; я предполагалъ было помѣстить ихъ въ одной изъ книжекъ 1848, или 1849, года, по открытіи въ нихъ особаго отдѣла для Славянскихъ матеріаловъ.

Раздѣляя мнѣніе Шафарика, выраженное имъ уже въ 1848 году, въ сочиненіи его: «Разцвѣтъ Славянскои письменности въ Булгаріи» (34), о томъ, что первое изъ сихъ Житій составлено ученикомъ Солунскихъ братьевъ, Климентомъ (35), замѣчу, что, вчитываясь въ Житіе Кирилла и сличая со всѣмъ, извѣстнымъ мнѣ о немъ изъ другихъ источниковъ, я убѣдился, что и, такъ называемая Добровскимъ, первая или Итальянская Легенда, есть не что иное, какъ только сокращеніе етого Житія. Кѣмъ оно сдѣлано, повѣрное сказать нельзя, хотя нѣкоторые и приписываютъ ето Гавдеріку. Можетъ быть, епископъ Велистрскіи воспользовался Житіемъ Кирилла, составленнымъ Климентомъ и, безъ сомнѣнія, ходившимъ по рукамъ у Славянъ западныхъ и южныхъ, изъ коихъ знающій могъ сдѣлать изъ него сокращеніе по Латыни; или же Гавдерікъ пользовался, для значи-

тельной части своего сочиненія, однимъ и тѣмъ же источникомъ, что и Климентъ, т. е., сочиненіемъ Кирилла: «Прѣнне съ Магометаны и Жиды въ Козарѣхъ,» которое писано было по Гречески, а на Славянскій переведено Меѳодіемъ, раздѣлившимъ его на восемь словъ, и извѣстно намъ еще въ XII вѣкѣ подъ заглавіемъ: «Кирилъ Словѣнскыи,» но теперь уже, кажется, исчезло: «ѿ многа же ны се оукрауше, въ млаѣ положихомъ селанко, памати ради, а иже хощеть съиршенныхъ беседахъ сихъ стѣхъ искати, въ книгахъ его обратиеть а, иже прѣложи оучитель илны и архидиѣи Меѳодіи, братъ Константина философа, раздѣль ѣ на осемъ словесъ, и тоу оузритъ словесноюу силоу ѿ бѣна блгодати, яко и паметь памати изъ противныа,» говоритъ творецъ Житія Кирилла, заключаая прѣнне его съ Иудеями въ присутствіи Козарскаго Кагана (а не всѣ прѣнни въ Козаріи, по тому что они продолжались еще и на другой день). Существенныхъ прибавленій со стороны сократителя очень не много, а что лишняго противу Житія, относится болѣе къ случившемуся на Западѣ, следовательно, привнесено, какъ дополненіе туземца. Если моя догадка справедлива, въ такомъ случаѣ всѣ свѣдѣтельства Западныхъ источниковъ, за исключеніемъ дипломатическихъ сношеній, т. е., посланій папы Іоанна VIII-го, перестаютъ быть первостепенными источниками, но переходятъ въ разрядъ второстепенныхъ, которые, какъ составленные вольно со словъ другихъ, естественно, должны были, въ послѣдствіи, подвергаться дальнѣйшимъ измѣненіямъ, передѣлкамъ и тому подобному, что и видимъ уже на второмъ или Моравскомъ Сказаніи. Мнѣ сдается, что первая или Итальянская Легенда находится точно въ такомъ отношеніи къ Климентову Житію Кирилла, въ какомъ нѣкоторыя изъ Сказаній о Меѳодіи, встрѣчаемыхъ въ нашихъ рукописныхъ Прологахъ. Или же тутъ правда на оборотъ, то есть, Славянское Житіе Кирилла составляетъ распространеніе Латинскаго, приписываемаго Гавдеріку? И это дѣло статочное. Кто ни будь изъ учениковъ Кирилла, или Меѳодіи, вообще изъ современниковъ, даже нѣсколько близкихъ къ тому времени Славянскихъ княжескихъ людей въ земляхъ Славянскихъ Оракійскаго полуострова, имѣя въ рукахъ жизнеописаніе незабвеннаго про-

свѣтителя и наставника своего племени на языкѣ, невѣдомомъ для большинства облагодѣтельствованныхъ имъ, могъ рѣшиться оказать услугу ету предложениемъ оного, дополнивъ его другими, извѣстными ему, данными, состоящими, большею частью, въ размноженіи второстепенными свѣдѣніями заключающагося уже въ разсказѣ. То ли, иное предположеніе болѣе справедливо, во всякомъ случаѣ неопровержимо чрезвычайно поразительное сходство обоихъ Житій между собою; отъ того заимствование одного у другаго яснѣе самаго солнечнаго дня. Указать, кто тутъ кого списывалъ, при тщательномъ состояніи нашихъ свѣдѣній объ стѣхъ намятникахъ, рѣшительно невозможно.

Что до мнѣнія, высказаннаго тоже и тамъ же Шафарикомъ, о сочиненіи Житія Меѳодіева Моравцемъ Гораздомъ, назначавшимся имъ, по смерти своей, въ преемники (36), то съ онымъ я не могу согласиться, и вотъ по чему. Въ одномъ пергаменномъ Прологѣ Московскаго Успенскаго Собора, въ л., въ два столбца, уставомъ, по каталогу 1814 года, № 179, принадлежащемъ XII-му вѣку, между прочимъ, помѣщены (на стр. 192-й, во 2-мъ столбцѣ, и слѣдующ.): а) упомянутое выше Житіе Меѳодія, подъ заглавіемъ: «Мѣдъ и мѣдъ въ 1 днѣ и мѣдъ и житіе вѣженго оца и мѣдъ и оучителя Меѳодія, архіепископа Моравскаго» и, въ слѣдъ за нимъ: б) «Слово похвалы на мѣдъ стѣхъ и прѣдвѣдѣхъ оучителя Словацкаго языка, сътвореннаго (такъ!) писменъ и мѣдъ, предложена повѣдъ и ветѣхъ законъ въ языкъ ихъ, вѣженго Кривоу и архіепископа Панонскаго, и (такъ!) Меѳодію.» Послѣ второе встрѣтилось мнѣ какъ въ упомянутыхъ Макарьевскихъ Четвяхъ - Минейхъ, такъ равно и въ Четвяхъ-Миней на апрѣль и май Московской Духовной Академіи, тоже названныхъ уже мною выше. Впрочемъ, въ Макарьевскихъ Четвяхъ оно помѣщено подъ 14-мъ февралемъ и 6-мъ апрѣлемъ, и при томъ въ томъ и другомъ случаѣ непосредственно за самымъ Житіемъ, какъ бы необходимое сопровожденіе того и другаго, между тѣмъ какъ въ обѣихъ Академическихкихъ рукописяхъ, т. е., въ той Четвяхъ-Миней и бумажномъ сборникѣ, № 63-й,

XV-го в., Похвальное Слово слѣдуетъ только за Житіемъ Меодія (какъ и въ Успенской Четви на апрѣль). Уже одно такое непосредственное помѣщеніе этого Похвальнаго слова за Житіемъ Меодія въ древнѣйшемъ ихъ спискѣ (XII-го вѣка), нѣкоторымъ образомъ, наводитъ на мысль, что оба они, вѣроятно, твореніе одного и того же лица. Вѣроятность эта обращается въ убѣжденіе, если сравнимъ слогу того и другаго, согласіе историческихъ данныхъ, въ нихъ высказанныхъ, на примѣръ: о правленіи Меодія въ званіи воеводы княженіемъ Словѣнскимъ, удаленіи его на Олимпъ, облеченіи въ черныя ризы, отреченіи отъ архіепископскаго сана и принятіи игуменства въ монастырѣ Полвхронѣ (37); далѣе, о приходѣ въ Моравію, путешествіи въ Римъ, годѣ кончины Кирилла, возвращеніи къ Ростиславу, Святополку и Коцелу съ посланіемъ папы, и проч.; потомъ, сходство самыхъ выраженій: «сего же вса добриа дѣтели и подвигы прилагюше сихъ оудоднишехъ по единомуу не постыдимьса, оветъ бо ранихъ ехъ, оветъ же млы млыни, а друугъныхъ болии, словесныхъ дѣтелю прасптъ, а дѣтелныхъ словъ, встемъ бо са оудодобъ, встехъ образъ ил себъ вылаше,» читаетъ въ Житіи о Меодіи, и то же въ Словѣ Похвальномъ о немъ, съ небольшою только перестановкою: «встемъ себе оудодобъ, встехъ образъ ил себъ поношь, оветъ раныхъ ехъ, оветъ млыни, а друугъныхъ прасптъ силою и дѣтелю и подвигы, встемъ же яко сѣнце лоухами притъухлами и възаншемъ.» Придайте сюда сходство выраженій въ посланіи папы Адріяна II-го въ обоихъ твореніяхъ. Конечно, въ Словѣ Похвальномъ посланіе это короче; но что сохранено, то сохранено дословно. Подобное же сходство встрѣчаемъ и въ другихъ твореніяхъ Климента, который, какъ обыкновенно водится за писателями, имѣлъ свои любимыя слова и обороты; такъ въ Житіи Меодія, по случаю жалобъ Нѣмецкаго духовенства на Меодія непріятелю Моравскаго короля (Карломану, къ владѣніямъ коего принадлежало княжество Блатенское, въ которомъ Меодіи находился у Коцела, послѣ вторичнаго возвращенія своего изъ Рима; либо же это относится къ Людовіку Нѣмецкому, отцу Карломана, правившаго еще при жизни Людовика (876) Хорутаніей и Шан-

поніеі съ властію королевскою), «иже на нашихъ области оуцѣтъ,» говорили жалобщики, сочинитель выразился о причинѣ того: «по семь же старши врагъ, завидливыи доброу и противныи истинѣ, въздвиже сѣдѣе врагоу Моравьскаго корола иже съ вѣстѣи снѣтъ;» а въ «Похвалѣ стѣмъ Клименту патриарху Римьскы,» списанной «Климомъ испѣмъ,» говоря о поводѣ къ мученію св. Климента, онъ употребляетъ тѣже самыя выраженія: «ревнитель же и завистникъ доврѣ старши врагъ дьяволъ илюсти итерд салгу своего авфимѣа ил игемонѣ, да скратитъ вскорѣ болюбезное его житіе (38).» Думаю, что и слѣдующее мѣсто изъ Житія св. Климента на Греческомъ языкѣ можетъ нѣсколько (отнюдь же не окончательно), при другихъ данныхъ, подкрѣпить мое мнѣніе о причисленіи Житія Меодіева къ твореніямъ Климента: «*Σκοπὸν δὲ τοῦ βίου τὸν μέγαν ἐποιεῖτο Μεθόδιον, καὶ πρὸς ἐκεῖνον ἀπευθυνόμενος μὴ ἀποτυχεῖν ἠπαίγετό τε καὶ ἤρχετο, καὶ δίδόν τινα πίνακα σοφοῦ τὴν τέχνην ζωγράφου τὸν ἐκείνου βίον καὶ τὰς πράξεις τῆς οἰκείας ἀγωγῆς προστησάμενος ἑαυτὸν ἐζωγράφει πρὸς τοῦτον ἐπιμελῶς. τὸν γὰρ τούτον βίον ὡς οὐδεὶς ἄλλος ἐγίνωσκεν, οἷα ἐκ νέου ἔτι καὶ ἀπαλοῦ ἐκείνω παρηκολουθηκῶς καὶ ὀφθαλμοῖς πάντα τὰ τοῦ διδασκάλου παρεληφώς* (Vita S. Clementis, cap. XXII, p. 27, ed. Mikl.). Если етѣ слова снесемъ съ тѣмъ, что говоритъ сочинитель Житія Климента, въ слѣдъ за симъ, ниже о немъ, т. е., нечисливъ творенія его (Слова или проповѣди на праздники, Похвалы Богородицѣ, Иоанну Крестителю, Житія пророковъ, апостоловъ, страданія мучениковъ), спрашиваетъ читателя: «*ποθεῖς καὶ πατέρον ὁσίων ἀγωγὴν, καὶ ζηλωτῆς εἰ πολιτείας ἀσάργου μικροῦ καὶ ἀναίματος; εὐρήσεις ταύτην Βουλγάρῳ γλώσσῃ πονηθεῖσαν τῷ σοφῷ Κλήμεντι· φέρονται γὰρ ταῦτα πάντα παρὰ τοῖς φιλοπόνοις σωζόμενα, τοῦτο μὲν εἰς πολλοὺς τῶν ἁγίων συντεθειμένα, τοῦτω δ'εἰς τὴν πανάμωμον τοῦ θεοῦ μητέρα ἱκετηρίαις, εὐχαριστηρίαις, καὶ ἀπλῶς εἰπεῖν, πάντα τὰ τῆς ἐκκλησίας, καὶ οἷς μνημαθίου θεοῦ καὶ ἁγίων φαιδρύνονται, καὶ ψυχαὶ καταυσοῦνται, Κλήμησ τοῖς Βουλγάροις ὑμῖν παρέδοκε;*» то не можемъ подуматъ, чтобы онъ, столько старавшіися подражать ему во всемъ, опи-

сывавшій жизнь и дѣянія святыхъ мужей, равно какъ и восхвалявшій ихъ въ особыхъ Словахъ, оставилъ въ сторонѣ Житіе своего учителя и образца, не прославилъ его своимъ витійствомъ. Последнее, какъ видѣли уже выше, дѣйствительно сдѣлано было имъ какъ для него, такъ и брата его, Константина. При томъ, можно ли допустить, чтобы, написавъ отдѣльно «Похвалоу святомоу Кирилоу оучителю Словѣнскоу азыкоу» («сътворено Климентомъ епископомъ,» сказано въ самомъ заглавіи «Похвалы» (39), и его «Житіе» (въ чемъ теперь, послѣ всего сказаннаго доселѣ, кажется, никто не усомнится), равно какъ такую же Похвалу обонимъ вмѣстѣ, онъ не сдѣлалъ того же самаго и въ отношеніи къ Меѳодію, объ особенной любви къ которому біографъ его именно замѣчаетъ намъ? А если Слово Похвально Кириллу и Меѳодію вмѣстѣ, и отдѣльно одному первому, равно какъ и Похвала Клименту Римскому, составляютъ трудъ Климента, епископа Словѣнскаго, то само собою слѣдуетъ, что и Житіе Меѳодія, въ силу приведенныхъ сейчасъ доказательствъ, должно принадлежать ему же. Вообще, Славянскій Климентъ любилъ писать Похвалы или Слова Похвальные: это говоритъ намъ и жизнеописатель его, замѣчая, что съ него только появились «Βουλγάρων γλώσσα πανηγυρική.» Такъ: «Συνιδὼν δὲ τὸ τοῦ λαοῦ παρὰ καὶ περὶ τὸ νοῦσαι γραφὰς ἀτεχνῶς δερμάτινον, καὶ ἱερεῖς δὲ πολλοὺς Βουλγάρους δυσξυνέτως ἔχοντας τῶν γραικικῶν ὧν περὶ τὴν ἀνάγνωσιν μόνην ἐνετρίβησαν γράμμασι, κἀντεῦθεν κτηνώδεις ὄντας, ὡς μὴ ὄντος Βουλγάρων γλώσση πανηγυρικοῦ λόγου, ταῦτα τοίνυν συνεγνωκῶς μηχανᾶται καὶ πρὸς τοῦτο, καὶ καθαιρεῖ τὸ τῆς ἀγνοίας τεῖχος τῷ μηχανήματι λόγους γὰρ συντεθεικῶς εἰς πάσας τὰς ἑορτὰς ἀπλοῦς καὶ σαφεῖς καὶ μηδὲν βαθὺ μηδὲ περινενοημένον ἔχοντας, ἀλλ' οἷους μὴ δεαφεύγειν μηδὲ τὸν ἡλιθιώτατον ἐν Βουλγαρίαις, διὰ τούτων τὰς τῶν ἀπλουστέρων ψυχὰς ἐθρέψατο γάλακτι ποτίσας τοὺς μὴ δυναμένους στερεωτέραν τροφήν προσήκασθαι, καὶ Παῦλος ἄλλοις τοῖς Βουλγαρίαις Κορινθίοις ἄλλος γενόμενος δι' αὐτῶν γὰρ τῶν τε Χριστοῦ καὶ ἐπὶ Χριστῷ τελουμένων ἑορτῶν ἕξεισι μαθεῖν τὰ

μυστήρια καὶ τῆς πανάγνου Θεοτόκου ταῖς μνήμας πολλάκις, ὡς ἴστε, γινόμεναι τοῦ ἔτους ἑγκόμια καὶ διηγῆσεις τῶν περὶ αὐτὴν θαυμασίων διὰ τῶν λόγων ἐκείνων ὁ Κλήμης πεφιλοτήμηται· οὐδὲ τὸν Βαπτιστὴν εὐρήσεις ἀνεγκωμιάστον, ἀλλὰ καὶ τὰς τῆς κεφαλῆς αὐτοῦ θαυμαστάς εὐρέσεις μαθήσῃ, καὶ προφητῶν καὶ ἀποστόλων ἐντεύξῃ βίαις καὶ περιόδοις, καὶ μαρτύρων ἄθλοις περωθήσῃ πρὸς τὸν ἐκείνους διὰ τοῦ αἵματος αὐτοῦ προσλαβόμενον (caput XXII).» Да и творенія его, дошедшія до насъ (40), тоже самое подтверждаютъ. Въ нихъ встрѣчаемъ (сколько доселѣ извѣстно) 9-ть Похвальныхъ словъ и только 4 Поученія, да два Житія (всего 15-ть), хотя, какъ видѣли выше, и етѣхъ послѣднихъ написалъ онъ много (41). Сочинитель статьи о Кириллѣ и Меѳодіи (въ «Москвитяиниѣ» 1843 г.) первый, основываясь на сходствѣ нѣкоторыхъ словъ и выраженій, въ Житіяхъ обоихъ святыхъ встрѣчаемыхъ, сказалъ, что они принадлежатъ одной странѣ и одному времени, но отнюдь не утверждалъ, чтобы были произведенія одного лица, какъ это полагаетъ Шафарякъ (въ предисловіи къ Житію Кирилла, стр. IV): вѣроятно, онъ вывелъ такое заключеніе изъ образа выраженія сочинителя, употребившаго слово «жизнеописатель» одинаково о томъ и другомъ Житіи, такъ что легко можно было подумать, будто онъ считаетъ виновникомъ ихъ кого либо одного (стр. 405 — 409). За то, первый, подавшій голосъ въ пользу принадлежности етѣхъ Житіи одному лицу, былъ В. М. Удольскій, поставивъ ихъ въ числѣ твореній Климента Словѣнска въ письмѣ, писанномъ ко мнѣ въ мартѣ 1848 г., и напечатанномъ мною въ предисловіи къ «Славянорусскимъ сочиненіямъ въ пергаменномъ сборникѣ покойнаго И. И. Царскаго» (въ «Чтеніяхъ въ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ», 1848 г., кн. VII, стр. XI). Разумѣется, и онъ, какъ и я, имѣлъ на то достаточныя причины, которыя не мѣсто было ему излагать тогда въ упомянутомъ письмѣ, содержаніе котораго преимущественно составлялъ разсказъ объ открытіи имъ твореній Климента (когда и какъ), вызванный мной къ нему о томъ вопросомъ.

Но такъ ли, иначе, только въ Житіяхъ Кирилла и Меѳодія встрѣчаемъ весьма важное свидѣтельство о нашемъ предметѣ. Пригласивъ Константина въ собраніе, нарочно составленное по случаю посольства отъ Ростислава, князя Моравскаго, царь Михаилъ «призва Константина философа, и сътвори и слышати рѣчь сію, и рече: кѣмъ та троудемъ соущи, философе, по достонть тебе тамо ити, сѣа бо рѣчи не можеть ниь никто же испрѣвити, яко же ты. ѿвѣра же философъ: и троуденъ съ теломъ и боленъ, радъ идоу тамо, аще имоуть боукки въ ѡзыкъ слов. и рече црь къ нему: дѣдъ мой и ѿцъ мой, и ииѣи мнози, не скажѣе того, не обрѣаи соуть, то яко азъ то могоу обрѣсти; философъ же рече: то кто можеть изкодъ бесѣдоу илислати, или еретнѣско ина събѣ обрѣсти; ѿвѣра емоу илкъ црь и съ Вардою оуемъ своимъ: аще ты хоцѣши, то можеть Бгъ тебе дати, иже дасть всѣмъ, иже просати несоуинтѣемъ и ѿвръзаетъ тѣлоушимъ. шедъ же философъ по ирѣкмоу обыаю на молитвоу са илложи и съ иитѣи съносѣтѣшныи, въскоря же са емоу Бгъ ми, послоушѣа молитвы рѣчь своихъ, и аене сложи писмена, и илха бесѣдоу писати евангелскоу: неconi бѣ слово, и слово бѣ оу Бгѡ, и Бгъ бѣ слово, и проуаа.» И въ посланіи Михаила къ Ростиславу, приведенномъ тутъ же въ слѣдъ: «и послѣ и съ дары многы, илислкъ къ Ростиславоу епистолю сице: Бгъ, иже велитъ всакому, дабы къ рѣзоумъ истинѣи прислѣз и на большѣи са уиѣ стажалъ, видѣвъ крѣоу твою и подвигъ, сътвори и иыѣ къ наша лѣта, икѣа боукки въ вашъ ѡзыкъ, его же не бѣ дѣно было, токомо къ перѣа лѣта, да и вы приутетеса келницѣхъ ѡзыцѣхъ, иже слыати Бгѡ своимъ ѡзыкомъ.» А въ Житіи Меѳодія нѣсколькѣ короче разсказывается его событіе: «тѣгда црь Михаилъ рече къ философоу Константиноу: слышиши ли, философе, рѣчь сию (посланіе Ростислава); ниь сего да не можеть сътворити, рѣзѣ: тебе. тѣ на ти дары мнози, и поимъ братъ слов, игоуменъ, Мефедни, иди же. кы бо неста Селоуанинѣ, да Селоуанѣ всѣи (въ другихъ списк.: «все») хисто Словѣнскы бесѣдоуютъ. тѣгда не съмастѣа ѿрсѣи ни Бгѡ, ни цря, по словеси стѣо аѣаа Петра, яко же рече: Бѡ бонтеса, цря уѣтѣте. иъ вели(коу) слышѣахъ рѣчь, на молитвоу са илложиста и съ иитѣи, иже балхоу того же дѣа, иго же и си, да тоу иви Бгъ философоу Словѣнскы кынгы, и аене оустроикъ писмена и бесѣдоу съставля, поути са итъ Моравьскаго, поимъ Меѳедни.»

Но, доказывая принадлежность Меѳодіева Житія одному и тому же лицу съ сочинителемъ Житія Кириллова (42), я, съ тѣмъ вмѣстѣ, назвалъ уже и *третій отечественный источникъ* для изслѣдуемаго мною дѣла, т. е., «Слово похвально на память стѣмъ и прѣславныимъ оучителемъ Словѣнскоу изыкоу, сътворшеша писмени кѣмоу, прѣложышеша новын и вѣтъхын законъ въ изыкъ ихъ, блаженому Кѣрилоу и архиепѣоу Панонскоу Меѳодію,» въ которомъ больше, чѣмъ въ какомъ либо другомъ памятникѣ, говорится объ этомъ, хотя, по самому свойству сочиненія, безъ всякихъ дальнѣйшихъ подробностей. Такъ, выслушаемъ все это. «Законъ же Бжии соугоуво прѣложыш, къ новын изыкъ прѣдста, и писмена сътво рѣша кѣмоу.... слоузѣ и проповѣдѣтеле мвнстася, лѣхомъ соупроуажникъ, на тоже дѣло извѣрши. вѣсь мвслѣно на ramoу своєю въсприимъши, вѣсю вѣселсною обвѣдста, исплнѣнѣюща оуучениемъ та мвстѣ... по тѣмъ же стопамъ и си ходѣща и того же дѣлѣ исполнѣн ѿ Бжї, томоу же словеси быстѣ проповѣдѣникъ и новла айѣл, не на тоужемъ основанин своѣ дѣло полагающѣа, нѣ изнова писмена въображыш, и съкѣршистѣ въ изыкъ повѣ... Упомянувъ о проповѣди ихъ въ Срацигѣхъ и Козарѣхъ, гдѣ «въ соборѣхъ срѣциньстѣхъ и жидовскѣхъ обрѣтъшася, своимъ имъ книгамъ и изыкѣмъ, Божїимъ вѣдѣн и жидовскоу злобоу доуховнѣимъ мѣумъ ѿстѣжыш, потребнстѣ, ѣко пѣвель,» духовный витїя обращается къ тому, какъ они «прѣидоста ѿтоуду на западнѣмъ страны, вѣговѣствѣюущѣа слово Бжїне въ изыкъ повѣ, и вѣсь црѣквнѣын законъ прѣложыш ѿ Грьускаго, въ скон имъ изыкъ прѣдста, тѣмъ изыкѣмъ же зълобоу изъложыш, потребнстѣ, ѣко пѣвель ѿ писменицѣ ѿвращыш, тѣ унѣсто црѣквн и светообразно жито прѣдста. къ западнѣмъ же странѣхъ Панонстѣхъ и Моравскѣхъ странѣхъ, ѣко сѣнци вѣсимъкъш, мравѣ грѣховнѣа ѿгнѣвѣш, просвѣтнстѣ боукъвами, и наоуушѣа оуученикы црѣквнѣоמוу унѣмоу испѣань.» Наконецъ, припомнивъ еписистолю папы «къ княземъ страны томъ (Ростиславѣоу, и Стѣопѣлѣоу, и Коцѣлоу),» приводитъ изъ нея, между прочимъ, слѣдующія слова: «сълемъ вѣрѣта нѣшго, уѣстнѣго Меѳодіа сѣрѣнѣа на архиепѣство на странѣ вѣшѣа, ѣко же несте проснѣи оу нѣсѣ, дѣ вѣи оуунѣтѣ, къ изыкъ прѣлагѣа книгы, дѣ са испѣанѣтѣ црѣквнѣоу слово, ѣко же рѣшѣа: хѣланте Гжї вѣси изыци, и похѣланте нѣго вѣси люднѣ,» и проч. Сюда

же должно отнести и «Похвалоу скатому Кирялоу, оуучителю Словянскоу азыкоу, сътвореноу Каниситомъ Епископомъ.» Въ этой «Похвалѣ» однако, рѣчь о нашемъ предметѣ ведется только стороною, именно: «Словянскоу же азыкоу, къ неразюмѣн и ирдѣт грѣхоннѣ соуцоу, милостію и уеловѣткоюлюбіемъ Гдѣ илшего Ісѣ Хрѣта пакленъ бысть пастырь и оуучитель, ниже златуе оустѣ иво лвомъ триазыунымъ сретникомъ, иже заивнстію омыруннлса и галголахоу: недо-стонтъ иныиъ азыкомъ салити Бѣга, токмо Жидомъ, ти Роуимомъ, ти Сланиномъ, приуастиныи са злобою Ниллтоу твораше, ихъ же блади рлзори мсныи притхали, илаа силоу престѣго Дѣа, преложн и весь церкокинъ оуставъ отъ Греуескаго ил Словянскѣи азыкѣ.» И ниже: «Кое бо мѣсто оукрыса, сго же не освати сто-пани сконни; какъ же ли хитрость оутантса блженныа сго дѣшл; встиъ бо азыкомъ сокрокенныа танны во извѣтѣхъ сло-весныхъ разоумно инокѣдаа склзл, окомоу писмены, око-моу оуученіемъ.... Нанослѣдокъ: «илии же боготканныиъ кенцемъ оуказе многоплоднаго азыка Словянска, томоу бо съ новымъ апо-столаъ посланъ бысть, отъ тѣхъ оубо оустѣ истеуе истоуиикъ живот-ныхъ словесъ, нанала пресохиною соухотоу илшоу (стр. 29).»

Четвертое свидѣтельство составляетъ «Полиъ прозвѣтеръ Ек-сархъ Българскынъ» въ «Прологѣ» къ «прѣложению, прѣдобымаго уърноризыца и прозкоутера Полиа Даласкыннска, слова о ирлвѣи кѣрѣ» или къ «Книгѣ Небесаъ» иначе «Богословію.» Онъ жилъ, по соображе-ніи всѣхъ мѣстъ, встрѣчающихся о немъ въ твореніяхъ его, въ правленіе Булгарскаго царя, Симеона (888—927), занимая весьма важное званіе ексарха, означавшее, по древнему объясненію, намѣстника патріаршаго, обязанностию коего было наблюдать за сохраненіемъ церковнаго порядка, посредничать между Цер-ковью своего народа и верховной духовной ея главою. Я не думаю, чтобы нашего Іоанна можно отождествить съ Іоанномъ пресвитеромъ, упоминаемымъ въ посланіи папы Іоанна VІІІ-го, 879 года, къ Великоморавскому Святополку, котораго етотъ послѣдній отправилъ было къ нему по дѣламъ вѣро-исповѣднымъ, и отъ котораго папа узналъ о сомнѣніяхъ его въ Правовѣрїи: «Quod autem, sicut Johanne presbitero vestro, quem nobis misistis, referente didicimus, in recta fide dubite- tis, etc. (Epistola 201, pag. 77, ap. Boczek, Codex diplomat.

et epistol. Moraviae, № LVIII, I, pag. 41).» Это тотъ самый пресвитеръ Іоаннъ, котораго Святополкъ, какъ я сказалъ уже однажды, и какъ основательно замѣтилъ сочинитель «Beitraege zur Geschichte der christlichen Kirche in Maelren und Boehmen» еще въ 1849 году, употребилъ было уже разъ, тоже въ сношеніи своемъ съ королемъ Пфемцкимъ, Людвигомъ, 874 г., и извѣстенъ подъ именемъ «Johannes de Venetiis». Стало бытъ, Іоаннъ Ексархъ вовсе не былъ въ Моравіи. Калайдовичу простительно было сблизать етѣхъ Іоанновъ между собою, но въ наше время подобныя промахи мѣнѣе извинительны (43). Чтобъ удержать старое мнѣніе, нужно опровергнуть новое, противоположное ему, тѣмъ болѣе, когда оно высказано до нашего труда въ такомъ сочиненіи, которое прямо относится къ предмету, изслѣдываемому нами, и не принадлежитъ къ разряду дюжинныхъ явленій. Незнаніе о существованіи етого изысканія—не извиненіе, по тому что изслѣдователь прежде всего долженъ знать, что было сдѣлано до него по предмету, занимающему его. Возвращаясь къ Ексарху, замѣчу, что онъ предпочтительно отличился переводами съ Греческаго, къ которымъ, однако, составлялъ свои дополненія, объясненія, введенія и тому подобнос. Видно, что онъ въ особенности любилъ Іоанна Ламаскина, коего перевелъ Богословіе, Философію, Грамматику Греческаго языка, съ приспособленіемъ къ Славянскому, равно какъ свв. Василія и Северіана Габальскаго Шестодневъ или толкованіе первыхъ главъ книги Бытія о сотвореніи міра; кромѣ того, оставилъ нѣсколько собственныхъ поученій на праздничные дни. Извѣстно изслѣдованіе о немъ незабвеннаго труженника на полѣ древней нашей словесности, К. О. Калайдовича, изданное у насъ ровно 30 лѣтъ назадъ; къ сожалѣнію, съ тѣхъ поръ доселѣ свѣдѣнія наши объ Ексархѣ и знакомство съ твореніями его ни на волосъ не подвинулись впередъ. Въ упомянутомъ сочиненіи помѣщены только, для образца, отрывки изъ Ексарховыхъ сочиненій (числомъ 9-тъ), и при нихъ нѣсколько (3) отрывковъ изъ другихъ старинныхъ памятниковъ, а частію вполнѣ нѣкоторые небольшія сочиненія (5-тъ); все это сопровождается множествомъ примѣчаній (119), въ которыхъ разбросаны самыя любопытныя вы-

писки изъ старинныхъ рукописей и иногда довольно удачныя догадки и объясненія; сверхъ того, въ концѣ довольно палеографическихъ снимковъ, сдѣланныхъ чрезвычайно отчетливо. Это—наше первое замѣчательное археолого-филологическое сочиненіе, имѣвшее у насъ, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, впрочемъ, извиняемыхъ временемъ, самое благотворительное вліяніе на изученіе родной старины. Вотъ, однако, что Екзархъ говоритъ, въ упомянутомъ выше Прологѣ къ «Богословію» или къ «Книгѣ Невесл.» о нашемъ предметѣ (44): «Пошеже оубо скати условьтъ Бѣни Къстатинъ философъ река, многи троды приа, строа писмена Словетнскихъ кънигъ, и отъ свителна и лѣла прѣлази изборъ, ианко же достиже, живи къ ширѣ семь тымытъ, толико же прѣложъ, прѣстоуни къ бесконьчѣни (по другимъ спискамъ, въ Синодальномъ же неправильно въ бесконца и) светъ, приатъ дѣлъ своихъ мздоу, съ симъ же (по другимъ списк., въ Синодальномъ «съ симъ же») съ и оставилъ его къ жити семь, иеликы Бѣни архиепископуъ, Мефодии, братъ его, прѣложи вса оуставыла кънигы .ѣ. отъ Бѣнискъ азъкиа, иже естъ Гръуьскъ, къ Словетнскъ».

Пятый отечественный источникъ: «О писменехъ, уръноризца Хрлбра (45), или «Сказаніе, како състави стѣи Курилъ Словетномъ писмена противуѣ изыкоу» (46). Только по первому заглавію узнаемъ имя и званіе сочинителя, между тѣмъ какъ въ другомъ того не находимъ. Конечно, оба заглавія принадлежатъ не самому писателю, но сдѣланы послѣ, и первое, кажется, должно признать древнѣйшимъ, когда еще извѣстно было, кому именно сочиненіе это приписывалось. Разсматривая Сказаніе о составленіи Кирилломъ Словетнскихъ писменъ, видимъ, прежде всего, что оно *не есть* самостоятельное *цѣлое*, писанное съ желаніемъ передать потомству это событіе, но что оно, напротивъ, часть другаго сочиненія, вѣроятно, въ тѣсной связи съ нимъ бывшаго. На его указываетъ уже самое начало Сказанія, въ которомъ второе слово: «оубо,» послѣ «прежде» («Прежде оубо Словѣне не имѣхъ книгъ» (или, по другимъ, «писменъ»), какъ частица заключительно-окончательная (*igitur, itaque etc.*), прямо указываетъ собой на связь послѣдующаго съ предыдущимъ, т. е., того,

что послѣ него слѣдуетъ, съ тѣмъ, что передъ нимъ говорилось. Далѣе, сочиненіе сіе не было единственнымъ трудомъ Храбра объ этомъ предметѣ; по крайней мѣрѣ, изъ словъ его: «саять же и нинъ отвѣти, же ииде рсумъ, а нинъ нѣсть вртма», можно заключать, что онъ собирался еще разъ говорить о немъ. Время сочиненія открывается изъ самаго содержанія его и нѣкоторыхъ выраженій. Въ немъ сочинитель, рассказывая о происхожденіи письменъ у Славянъ, впереди всего выставляетъ, что они въ язычествѣ не имѣли книгъ, употребляя только черты и рѣзи, а по крещеніи начали, по нуждѣ, пробиваться Римскими и Греческими буквами, какъ пошло, по тому что не было еще до того изобрѣтено ни какого строя письменнаго, другими словами: не было знаковъ, принаровленныхъ къ ихъ звукамъ, къ природѣ языка ихъ. «Прежде оубо Словѣне не имѣхъ книгъ, нѣ урѣзани и рѣзани ухтѣхъ и глѣзѣхъ, погани сѣще, крѣстившежеся, Римскими и Гръцкими писмены иждадохъся писати Словѣнскѣ рѣчи безъ оустроеннѣ». За симъ слѣдуютъ примѣры въ доказательство недостаточности обыкновенной Греческой азбуки для выраженія Славянскихъ словъ (губ. ъ, нин. и свистящ., мягкихъ гласныхъ и согласныхъ, полугласныхъ и носовыхъ). Неустройство это прекратилось съ изобрѣтеніемъ знаковъ для Славянскихъ звуковъ Кирилломъ Философомъ, частью взятыхъ имъ просто изъ Греческой азбуки, а частью новыхъ,—согласно съ свойствами Славянской рѣчи: «Но томъ же ѹколювьць Кѣ, строанъ вѣса и не оставѣта ѹѹа рода безъ разоумѣ, нѣ вѣса къ разоумоу привода и силсенню, помозовакъ родъ Словѣнскъ, послазъ имъ стѣго Константина Философа, нарицаемаго Кирила, ижда праведна и истинна, и створи имъ писмена тридесѣте и осми, ова оубо по униоу Гръцкихъ писменъ, ова же во Словѣнскѣи рѣчи» (первыхъ 24, послѣднихъ 14, всѣхъ же 38). Послѣ этого сочинитель обращается къ возраженіямъ, изъ коихъ первое противу числа письменъ: «а можеться и меншииъ того писати» (меньшимъ числомъ знаковъ), подобно Грекамъ, и отвѣчаетъ, что етѣми буквами «не изпѣвѣватьсѣ книги ихъ» (Грековъ), а по тому, нужно было добавить къ нимъ еще 15-ть (11 двогласныхъ, да 3 для чиселъ). что и составило всѣхъ 38, именно, столько, сколько и для Славянъ понадобилось: «тѣмъ же томоу подобно и къ тѣжде

образъ сътвори стѣи Кирилъ тридцатѣ писменъ и осмь.» Второе, противу возраженія: «Уесомоу же сѣтъ Словѣтскыи писменѣ (книгы)» Вѣдь ихъ не сотвори.тъ Богъ, или ангели, ни они «иже отъ коиа сѣтъ («ископши») какъ Жидовскія, Римскія и Еллинскія, принятія самимъ Богомъ, повелѣвшимъ только на сихъ трехъ языкахъ «киггмъ быти», и освященныя надписью на крестѣ Спасителя? На стотъ вопрось, какъ извѣстно изъ Жизнеописанія Кирилла и Мефодія и подлинной перенесеннѣи паны Юанна VIII-го, поднятыи Латинско-Нѣмецкихъ духовенствомъ, противнымъ Славянскому богослуженію, и составлявшій, по видимому, самое неопровержимое доказательство ихъ, сочинитель Сказанія о писменехъ Словѣтскихъ отвѣчаетъ, вооружась всею своею ученостію «отъ стѣхъ кнѣгъ, цко же илоуучомса,» и называетъ его безумнымъ: «Къ тѣмъ что галголемъ, или что реусмъ къ тацѣмъ бездоумнымъ?» Тутъ ясно слышится голосъ человѣка, если не современника самому событію, то весьма близкаго къ нему, когда пылъ страстей еще не совсѣмъ было погасъ. Богъ,—говоритъ онъ,—всякой вещи назначилъ свой рядъ; не стѣ языки были первобытными, но «Сирскыи, или же и Адамъ галгола;» по смѣненію же языкъ, «са разитисна и нравн, и обычае, и оустли, и законн, и хитрости ихъ азъкн;» каждому народу дано свое: «Египтянамъ землемѣріе, Персамъ, Халдеямъ и Ассиріямъ звѣздочетство, волхвованіе, врачеваніе, и всѣ хитрости человѣческія; Евреямъ—Святыя книги, а Еллинамъ—грамматикни и философия.» Прежде они не имѣли своихъ писменъ, но употребляли Финикійскія, что дѣлалось много лѣтъ. Тутъ опять слѣдуетъ разсказъ о постепенномъ изобрѣтеніи Греческихъ буквъ, съ указаніемъ на самыхъ изобрѣтателей: Паламидъ нашель 16-тъ, Кадмъ 3, Симонидъ 2, Енихаріи 3, что и составило 24, къ конмъ, снустя довольное время, Дионисій грамматикъ прибавилъ еще 6-тъ двоегласныхъ, за нимъ кто-то другой 5, и, въ заключеніе, три для числительныхъ («численигла»), всего 38; по томъ опять прошло очень много лѣтъ, когда переведено было и Священное Писаніе 70-тыю мужами съ Жидовскаго на Греческіи. Между тѣмъ какъ столько времени и лицъ потребовалось для составленія Греческой азбуки и перевода слова Божія, для Славянъ одинъ лишь человѣкъ все это сдѣлалъ, и при томъ въ самое короткое вре-

ми, *нынѣ*: «а Словѣнскыя книги единѣ стѣи Костантинъ, нарицаемыи Кирилъ, и писмена нынѣ створи и книги прѣложи въ мѣстѣхъ лѣтѣхъ.» Тамъ трудились многіе и много: 7-мь надѣ письменамъ и 70-тъ надѣ переводомъ, сдѣсь же одинъ, и не долго: «а они мнози многы лѣты, седмь ихъ писмена оустрои, а седмьдесѣть прѣложенис;» по сему, «Словѣнскѣи писмена стѣиша сѣтъ и устѣиша, стѣ бо имѣ створиша и естъ, а Гръцкѣи Еллингъ погли.» Но, скажутъ, — продолжѣетъ далѣе Храбръ приводить возраженія противниковъ, конечно, своего и предшествующаго времени:—«Не хорошо, де, устроить, по тому что все еще построятъ ихъ;» на его отвѣтимъ: и Греческія тоже долго и нѣсколько разъ строились, на примѣръ, Акилла, Симмахъ и многіе другіе: легко послѣ добавлять къ тому, что уже разъ сдѣлано, нерестранвать: «оудовѣ бо естъ послѣде поткорити, неже прѣвое сткорити.» При томъ, многіе ли изъ Грековъ знаютъ имена изобрѣтателей своихъ письменъ и время изобрѣтенія ихъ? Напротивъ, Славянскіе книжники всѣ вѣдаютъ составителя ихъ буквъ и переводчика книгъ; да не только имя его, но и время, даже государей, въ правленіе коихъ это случилось, по тому что еще живи тѣ, которые видѣли изобрѣтателя и брата его, помощника: «Аще бо въпросиши книгъуча Гръцкыя, гла: кто вы естъ писмена створиша, или книги прѣложилъ, или въ кое время; то рѣдѣи отъ нихъ вѣдати. Аще ли въпросиши Словѣнскыя воукъра, гла: кто вы писмена створиша естъ, или книги прѣложилъ, то вси вѣдати, и отвѣщавше рекають: стѣи Костантинъ философъ, нарицаемыи Кирилъ, тѣи имѣ писмена створи и книги прѣложи, и Меѳодіе братъ его. сѣтъ бо еще живи, неже сѣтъ видѣли ихъ. И аще въпросиши, въ кое время; то вѣдати и рекають, яко въ времяхъ Мухиалъ цѣр Гръцкѣи, и Корисѣ князѣ Балгарскѣи, и Растицѣ князѣ Моравскѣи, и Коцелѣ князѣ Болгарскѣи, въ лето же отъ създавша къ сего миру „ѣтѣгъ.“ Слѣдовательно, выраженія, первое: «нынѣ створи,» принадлежащее списку монастыря св. Саввы, въ Далмаціи, и второе: «сѣтъ бо еще живи, неже сѣтъ видѣли ихъ,» находящееся въ спискѣ библиотеки Московскои Духовнои Академіи, прямо опредѣляютъ время написанія Храброва Сказанія. Если бы кто назвалъ етѣ мѣста вставкой, то, во первыхъ: вставка эта сдѣлана очень рано, при томъ, «тѣми, кои имѣли

причины догадываться о времени, когда жилъ Храбръ, или, быть можетъ, и знали о томъ изъ другихъ источниковъ,» какъ дѣльно замѣтилъ уже его издатель Храброва Сказанія по Саввинскому списку (стр. 31—32); во вторыхъ: къ чему предполагать такой подлогъ? Ссылка, влагаемая другими въ уста сочинителя о томъ, что составленіе Славянскои азбуки произошло почти въ наши дни, по тому что много еще въ живыхъ, лично знавшихъ виновниковъ ея, ни къ чему не могла пригодиться вставщикамъ, такъ какъ сущность дѣла отъ того и безъ того ни мало не измѣнилась. Это доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что во всѣхъ прочихъ спискахъ слова сии пропущены, конечно, по тому, что они казались уже переписчикамъ тѣмъ не современными, а по тому и не идущими прямо къ дѣлу. Да притомъ, слова, слѣдующія за тѣмъ: «и аще въпросиши, въ кое время; то вса издати и рекати,» нѣкоторымъ образомъ, указываютъ уже на недавнее еще время составленія Славянскихъ писемъ; въ противномъ случаѣ «Славянскіе букари,» какъ выражается Храбръ, то есть, люди книжные (знакомые съ буквами или письменами, слѣдов., письменные, какъ говорятъ въ Малороссіи, или грамотные, какъ величаютъ ихъ въ Великороссіи; по Хорут. буква, буквъ дерево, а букве, им. мн., книга, откуда búkvice, книжка), не могли бы, конечно, помнить о томъ, ибо по недавности письма и, стало, рѣдкости его, книжное дѣло было не въ большомъ ходу, записки о томъ, если и существовали, не успѣли еще распространиться до того, чтобы говорить о времени изобрѣтенія азбуки по нимъ, а не по преданію, изустной памяти.

Однако, если мы теперь узнали время составленія Храброва Сказанія о нашихъ письменахъ, т. е. что это было, по всему вѣроятію, X-е столѣтіе (47), все таки свѣдѣнія наши о *самомъ Храбрѣ* ни сколько не увеличились. Знаемъ только, что онъ былъ черноризецъ или мнихъ, и мнихъ, какъ показываетъ сочиненіе его, просвѣщенный, довольно знакомый съ Греческой Словесностью, прекрасно владѣвшій роднымъ словомъ, которымъ выражался точно, плавно и сильно. Быть можетъ, со временемъ узнаемъ и другія его творенія. Но *гдѣ* онъ жилъ? Если бы твореніе его дошло до

насъ въ списокѣ старше XIV-го вѣка, по крайности, такомъ, въ которомъ, не смотря на молодость противня, переписчикъ не измѣнялъ ничего въ выраженіяхъ и вообще складѣ и ладѣ грамматическомъ и лексическомъ (чего, въ строгомъ смыслѣ, по сю пору, не знаемъ ни за однимъ нашимъ памятникомъ, писанъ ли онъ на Руси, въ Панноніи, Българіи, или въ Сербіи), тогда бы уже по одному языку можно было, съ большею, меньшею достовѣрностью, опредѣлить вѣкъ сочиненія, стало быть, и вѣкъ самаго сочинителя. Но всѣ списки этого сочиненія, доселѣ намъ извѣстные, не переходятъ за половину упомянутаго выше столѣтія, а по языку одни указываютъ на составленіе ихъ въ Новобългарскомъ Царствѣ, другіе въ Сербскихъ земляхъ, третьи же на Руси и т. д. (48). Отъ того мѣсто жительства Храбра и прочія обстоятельства жизни его остаются неразгаданными для насъ, если не захотимъ остановиться на одномъ выраженіи Вратиславскаго списка, важность коего открывается уже изъ того, что Шафарикъ внесъ изъ него довольно въ свой, по возможности, восстановленный, древній текстъ этого Сказанія, и тѣмъ отдалъ должное открытому и изданному нѣкогда мною списку. Мѣсто это читается такъ: «Се иже сѣтъ писмена словенска, сице ихъ подобаетъ писати: ѿ, ѿ̃, ѿ̄, даже до ѿ, и ѿ̄ снхъ вснхъ сѣтъ ѹетыры междесѣтъл подобна Греускымъ писменомъ.» Сдѣсь особенно бросается намъ въ глаза слово «ѹетыры междесѣтъл, междоу десѣтъл, обыкновенно въ Церковнославянскомъ выражаемое «дѣвдесѣтъ ѹетыре.» Оно было уже разъ мною объяснено, при изданіи самаго списка (стр. 29—39), и по тому мнѣ остается теперь только повторить сказанное тамъ, то есть, что формула эта въ Церковномъ языкѣ одна изъ самыхъ рѣдкихъ, такъ что Добровскій въ своей Грамматикѣ этого языка могъ привести для нея одинъ только примѣръ (Instit. ling. Slav. dial. vet. II, с. 2, §. 22, pag. 509, Руск. пер. стр. 64). Изъ всѣхъ нынѣшнихъ Славянскихъ нарѣчій одно лишь Чениское представляетъ, въ своихъ письменныхъ памятникахъ, примѣры такого способа составленія этого числительнаго, удержавшагося даже въ наше время въ устахъ простаго народа и въ языкѣ книжномъ, т. е., въ немъ двойств. «междуу (въ Остромъ, Ев. чаще межда, что едва ли правильно) десѣтъл упо-

требляется только для числительныхъ отъ 20 до 30, и звучало въ старину по Чешски «*mezi desjetma*,» которое сокращалось постепенно: «*mez dsjetma*, *mez dcjetma*, *mez cjétma*, *mecítma*.» Эту формулу можно означить числами такъ: $10 + 1 + 10 = 21$, $10 + 2 + 10 = 22$, $10 + 3 + 10 = 23$, и т. д., а словами: *единъ между десятима*, = *jeden mezi desjetma* (или *mez dsjetma*, — *dcjetma*, — *cjétma*, *mecítma*), «*два между десятима*,» = *dva mezi desjetma*, и т. д., до «*девятъ между десятима*,» *devjet' mezi desjetma* (*jedenmecítma*, *dvamecítma*, *trímecítma*, *čtyřmecítma*, *pětmecítma*, *šestmecítma*, *sedmmecítma*, *osmmecítma*, *devětmecítma*) (49). Догадываются, что такое образование произошло у насъ точно такъ же, какъ и Римское «*un de viginti*», т. е., $X + 1 + X$, одинъ между десятию, *единъ между десятима*, *jeden mezi dvěma desítma* (50). Но это едва ли такъ. Тогда слѣдовало бы допустить, что Чехи сняли свою форму съ математической формулы $(X + 1 + X)$, чего нельзя предполагать, слѣдов., подражали, слѣдов., оно принадлежитъ книжному языку, между тѣмъ какъ дѣло было совершенно на оборотъ: слово это встрѣчается равно въ старинныхъ и простонародныхъ памятникахъ. При томъ, самое объясненіе невѣрно, по тому что «*un de viginti*», собственно значить не «одинъ между десятию», но «одинъ отъ двадцати», *unum de viginti* ($1 - 20 = 19$, или $20 - 1 = 19$), т. е., безъ одного двадцать, точно какъ «*duo de viginti*» вмѣсто *decem et octo*, два отъ двадцати или безъ двухъ двадцать, двадцать безъ двухъ: *duo* (2) *de viginti* ($- 20$), т. е., $2 - 20 = 18$ или $20 - 2 = 18$, что повторяется, такимъ же образомъ, и для выраженія 28, 29 до 98 и 99 включительно: *duo de triginta* (28), *undesexaginta* (59), *undecentum* (99), и проч. Тутъ же и самая формула этого числа говоритъ противъ (XVIII, а не $X + II + X$) (51). Впрочемъ, все дѣло въ томъ, что форма эта, уцѣлѣвшая лишь въ Чешскомъ, встрѣчается и въ самомъ Церковнославянскомъ, по своимъ наблюденіямъ, только въ такихъ его памятникахъ, которые, всѣми своими свойствами, указываютъ на перенеску ихъ съ Глагольскаго письма; а Глагольское письмо, какъ видно изъ новѣйшихъ розысканій Шафарика (52), по всей вѣроятности, имѣло колыбелью своей земли, лежа-

щія на западъ отъ Оракин и Булгарин, особенно Македонію и Албанію, гдѣ находилась Велицкая епархія, такъ названная по горѣ и рѣкѣ Велицѣ (впадающей въ Струмицу), съ городомъ (теперь селеніемъ) Велицей, и смѣшанная прежнюю знаменитую Тиверіопольскую епископію, въ землѣ Славянъ Драговичей. По крайней мѣрѣ, это вѣроятно въ отношеніи къ Глагольскимъ памятникамъ Булгарскаго извода или разряда, по тому что Далматскіи или Хорватскіи разрядъ ихъ, конечно, такъ же древнѣе на Адриатическомъ поморьѣ, какъ тотъ въ названныхъ земляхъ, по сю пору не обследовавъ съ надлежащей точностью и не выказано отношеніе его къ Булгарскому. Отсюда, при теперешнемъ состояніи сего вопроса, нельзя еще сказать, который изъ нихъ старѣе, первобытнѣе. Трудность рѣшенія увеличивается, сверхъ того, близостью сихъ странъ другъ къ другу, отъ чего появившееся въ одной легко могло перейти въ другую, и на оборотъ. Какъ бы то ни было, едѣсь, въ окрестностяхъ Охрида, какъ главному пребываніи своему, на разгранѣхъ Македоніи, Фессаліи, Дарданіи и Албаніи, дѣйствовали довольно долгое время Климентъ, знаменитѣйшій изъ учениковъ и послѣдователей Кирилла и Меѳодія о которомъ, какъ замѣчено было уже выше, во второмъ Греческомъ Житіи его или Сказаніи (меньшаго объема), отзываются, какъ объ изобрѣтателѣ особенныхъ Славянскихъ письменъ, яко бы, болѣе ясныхъ, чѣмъ тѣ, кои составлены были учителемъ его, Кирилломъ: «Ἐσοφίσατο δὲ καὶ χαρακτηῆρας ἐτέρους γραμμάτων πρὸς τὸ σαφέστερον ἢ οὓς ἐξεῦρεν ὁ σοφὸς Κύριλλος. Καὶ δι' αὐτῶν τὴν θεόπνευστον πᾶσαν γραφὴν καὶ τοὺς πανηγυρικοὺς τῶν λόγων καὶ μαρτύρων καὶ ὁσίων βίους ἀγίων, καὶ ἱερὰ ἄσματα γραφῆ παραδέδωκεν, ἃ καὶ ἐπιμελῶς τοὺς εὐφροστέρους τῶν παιδῶν ἐδίδασκεν, ἐξ αὐτῶν δὲ τοὺς ἀξίους καὶ πρὸς ἱερατικοὺς βαθμοὺς ἀνεβίβασε καὶ βάρβαρον οὗτο καὶ ὠμὸν ἔθνος εἰς ἔθνος ἅγιον διὰ τῆς οικείας σπουδῆς μετεποίησεν, ἀποστολικὸν ἔργον ἀνύσας καὶ ἀποστολικῆς διὰ τοῦτο κῆλιθεις χάριτος.» *Excogitavit etiam alias litterarum formas, quae praeberent majorem perspicuitatem, quam quas sapiens Cyrillus invenerat, et per illas formas universam*

scripturam a Deo inspiratam et panegyricos sermones martyrumque et sanctorum divinatorum vitas et carmina sacra tradidit, quae quidem industrie docuit pueros ingeniosiores, et qui ex his digni erant ad gradus sacerdotales evexit, itaque gentem tam barbaram rudemque in gentem sacram proprio studio commutavit, apostolicum opus perficiens et apostolica gratia propterea dignatus» (53). Подъ етѣми же особенными письменами, Шафарикъ доказываетъ, можно разумѣть Глаголицу. Ибо, хотя точно въ древнѣйшихъ памятникахъ Церковнославянскихъ встрѣчаемъ довольно слѣдовъ Глаголицы, указывающихъ, что они списаны съ Глагольскихъ противней (пужды нѣтъ, писаны ли были первоначально Глаголицкой, или же только списаны съ Кириллицы, и по томъ съ Глаголицы опять Кириллицей), и хотя древнѣйшіе Глаголитскіе памятники тоже содержать въ себѣ тѣ сочиненія, о коихъ говорится въ етомъ Житіи Климента (въ большей, меньшей, мѣрѣ), однако, *навѣрно* сказать нельзя, чтобы Глаголица принадлежала Клименту. Въ особенности сему противорѣчитъ не столько выраженіе «*ενοφίβατο*,» употребленное сочинителемъ етого извѣстія о новыхъ знакахъ, приписываемыхъ имъ Клименту, и означающее, если не «изобрѣлъ,» то, по крайности, «придумалъ,» что одно отъ другаго не Богъ вѣсть какъ далеко, сколько то обстоятельство, что въ твореніяхъ самаго Климента, изъ коихъ нѣкоторые дшли до насъ въ довольно древнихъ спискахъ (даже XII-го в.), не встрѣчаемъ, по замѣчанію Шафарика (Památky Slavoholského písemnictví, стр. XVIII), ничего, чтобы малѣйше намекало на Глаголицу въ какомъ угодно отношеніи. Если Климентъ дѣйствительно «*придумалъ*,» что либо для письма, казавшееся, или бывшее въ самомъ дѣлѣ, болѣе яснымъ буквъ, изобрѣтенныхъ Кирилломъ, то подъ етѣмъ не слѣдуетъ ли понимать тѣхъ измѣненій, о которыхъ уже, близкій къ тому времени, Храбръ замѣчаетъ, говоря: «*Аще ли кто речесть, яко несть оустроилъ добръ, понеже ся постраждатъ и еше, отвѣтъ речемъ симъ: и Грэхъскы ткожде многожди сѣтъ пострадан. . . оудобъе бо ссть послѣждс поткорити, неже пръвое створити?*» Шафарикъ, ссылаясь на етѣ слова, прибавляетъ, однако, что подъ ними скорѣе слѣдуетъ разумѣть небольшія измѣненія и по-

правки въ Кириллицѣ, каковы, на примѣръ, њ вм. ѝ (у Сербовъ), џ вм. џ (которое, замѣчу съ своей стороны, встрѣчаемъ уже въ памятникахъ XII-го вѣка), и т. п., нежелитѣ, какія можно предполагать, судя по словамъ этого Сказанія о Климентѣ. Другіе думаютъ, что измѣненія Климента ограничивались только нѣкоторыми чертами въ буквахъ, составленныхъ Кирилломъ по Греческому первообразу (54), ибо Славянская азбука Кирилла слишкомъ уже походила на Греческую, а по тому измѣненія Климента отдалили ее нѣсколько отъ своего образца. Но памятники свидѣтельствуютъ противное: формы Греческихъ буквъ съ VIII даже до XIII в. столько сходны съ нашими Церковнославянскими (разумѣю, съ уставомъ, по тому что онъ преимущественно употреблялся тогда), что, какъ сказано уже разъ, если бы не содержаніе, легко можно принять одніе за другія. Нанослѣдствъ, догадываются, что Климентъ вовсе не изобрѣталъ новой азбуки, а только исправлялъ ту, которая уже была въ обычаѣ. Какъ разумѣть етѣ слова! Относятся ли они къ Кириллицѣ? Въ такомъ случаѣ мнѣніе ето сходится съ мнѣніемъ Шафарика, упомянутымъ выше, хотя неизвѣстно, въ какой степени допускаются тутъ исправленія въ Кириллицѣ. Или же ето относится къ измѣненію формъ Глаголицы для большей ясности, что точно сочинитель утверждаетъ въ первой части своего періода («Но Житіе говоритъ, что Климентъ измѣнилъ формы *Глаголицы* «для большей ясности»)? Но, допуская и етого возможность (да и по чему нѣтъ, если допускаемъ то въ отношеніи къ Кириллицѣ?), замѣчу, впрочемъ, что въ Житіи Климента вовсе не употреблено слово «Глаголица», ниже что либо, похоже на нее. Во всякомъ случаѣ, взаимное вліяніе етѣхъ двухъ Славянскихъ азбукъ, по всему современнымъ, т. е., одной на другую, уже въ первые, кажется, годы обращенія нашихъ предковъ, особенно въ мѣстахъ, близкихъ къ колыбели Православія, не подлежитъ теперь ни какому сомнѣнію. И по тому, что дивнаго, если обѣ онѣ извѣстны были и Храбру, хотя онъ, въ своемъ Сказаніи о племенехъ, говоритъ лишь объ одной? если выраженія, встрѣчающіяся намъ преимущественно въ памятникахъ Глагольскихъ, указывающихъ на земли, почитаемыя перво-

родиной ихъ, понадаются въ сочиненіи Храбра, и тѣмъ даютъ, нѣкоторымъ образомъ, знать о мѣстѣ, откуда онъ происходилъ, по крайней мѣрѣ, въ общихъ чертахъ намекаютъ на это? Дошло же, полагаю, не даромъ, до насъ твореніе его въ списокѣ, который, по даннымъ, содержащимся въ немъ, переписанъ Кириллицей съ Глаголицы, въ списокѣ, сохранившемъ его, чрезвычайно важное извѣстіе, не встрѣчающееся ни въ одномъ изъ прочихъ, довольно таки уже многочисленныхъ: я разумѣю знаменитое: «сѣт бо еше живи, иже сѣтъ видѣли ихъ (Кирилла и Меѳодія).» Слѣдовательно, мнѣхъ Храбръ жилъ бы, въ такомъ случаѣ, въ западной части Булгарскаго Царства, то есть, тамъ, гдѣ подвизались, со времени удаленія своего изъ Великоморавіи по смерти Меѳодія, и прочіе товарищи Климента, Паумъ, Горазль и Константинъ (55).

Шестой отечественный источникъ: *Несторово* сказаніе, находящееся въ его «*Повѣсти временныхъ лѣтъ, откуда есть пошла Русская земля,*» подъ 898-мъ, изложенное имъ послѣ извѣстія о приходѣ Угровъ въ предѣлы Славянскіе, покореніи ихъ и о воеванъ на Грековъ, Мораву и Чехы. Коснувшись послѣдняго, лѣтописатель вспомнилъ, что Славяне, сидящіе на Дунаѣ и покоренные Уграми, принадлежатъ къ одной и той же семьѣ съ Моравой, Чехами, Ляхами и Полянами, называвшимися уже въ его пору Русью, и что для всѣхъ ихъ переведены были, когда-то, книги съ Греческаго въ Моравѣ (или Маравѣ), при пособіи особенныхъ писменъ, прозванныхъ, съ того времени, грамотой Словѣньскою, употребляемой въ Руси и въ Дунайской Булгаріи: «*Есть единъ языкъ Словѣньскъ: Словѣни, иже сядяху по Дунаевѣ, ихъ же приша Угри, и Маравѣ, Чеси и Ляхове, и Поляне, иже нынѣ зовоша Русь. Силъ бо первое преложены книги Маравѣ, иже прозвася грамота Словѣньская, иже грамота есть въ Руси и въ Болгарьхъ Дунайскихъ*» (Пол. собр. Русск. лѣтописей, томъ I-й, стр. 11). За снмъ, естественно, слѣдовало ему рассказать, какъ это случилось, что и сдѣлалъ онъ. Разсказъ этотъ принадлежитъ собственно лѣтописцу, т. е., изложенъ имъ своими словами и выраженіями; тѣмъ не менѣе, основанъ

онъ на другомъ, и при томъ письменномъ источникѣ, на который указалъ первоначально тотъ же самый, кто познакомилъ насъ такъ обстоятельно и умно съ Паннонскими Житіями, а за нимъ и другіе (56), вопреки нѣкоторымъ, приписывающимъ теперь честь эту себѣ (57). Такимъ источникомъ для Нестора было «Житіе Меѳодія». Опираясь на него, дѣлописецъ нашъ передастъ намъ то только, что шло къ его предмету, именно: посольство Ростислава, Святополка и Коцеля (прибавленнаго имъ изъ хода разсказа Житія, по тому что въ этомъ источникѣ первые два названы поименно: «Прилоуижеся въ ты дѣи Ростиславъ князь Словѣньскъ съ Стопѣлкымъ, посласта изъ Моравы къ црѣю Михаилоу;» въ Житіи же Кирилла, бывшемъ тоже не безызвѣстнымъ Нестору, рѣчь идетъ объ одномъ Ростиславѣ, а о Святополкѣ и Коцелѣ сказано общимъ выраженіемъ «Князи»: «Ростиславъ, Моравскыи князь, Бгѣомъ оустимъ, съвѣтъ сътвори съ Князи своими и съ Моравляны, послахъ къ црѣю Михаилоу;» а какъ и въ «Словѣ Похвальномъ» всѣ они три упомянуты, одинъ за другимъ, именно, въ епистолинѣ «къ княземъ страны тоя, Ростиславоу и Стопѣлкоу и Коцелоу», то, дѣло возможное, что и этотъ источникъ былъ извѣстенъ Нестору, стало, могъ быть принятъ имъ въ соображеніе, сверхъ Паннонскаго Житія Меѳодія, и изъ него-то, безъ дальняго, взято свѣдѣніе и о Коцелѣ, будто участвовавшемъ въ семъ посольствѣ) въ Царыградъ къ Михаилу царю, о присылкѣ учителей, которые бы объяснили Священное Писаніе и разумъ его; тогда царь созвалъ всѣхъ ученыхъ и объявилъ имъ прошеніе Словѣньскихъ князей, а тѣ указали на двухъ образованныхъ сыновей одного Селунянина, Льва, искусныхъ въ языкѣ Словѣньскомъ. Когда они были вытребованы къ царю, послѣдній объявилъ имъ желаніе приславшихъ Славянъ, и уговорилъ ихъ отправиться къ нимъ, между тѣмъ какъ въ Житіи Меѳодія Кириллъ представленъ присутствующимъ уже въ собраніи ученыхъ, и Михаилъ прямо къ нему обращается съ предложеніемъ пуститься съ братомъ къ приглашавшимъ, такъ какъ оба они родомъ изъ Селуня, въ которомъ говорятъ чисто по Словѣньски: «дѣ Селоуяне вси (или «все») унсто Словѣньскыи бесѣдоують,» и они, не смѣя отказать, согласились пойти въ Моравію. По

Нестору, оба брата, по приходѣ уже въ послѣднюю, составили азбуку Словѣнскую и преложили Апостолъ и Евангеліе, а за тѣмъ и прочія богослужебныя книги, что привело въ большую радость Славянъ, когда слышали они славословіе Божіе на родномъ языкѣ: *«Сима же пришедъшема, начаста съставляхаси писмена азбукыная Словѣнски, и преложиаста Апостолъ и Евангеліе. Ради быша Словѣни, яко слышаша величъ божья своимъ языкомъ.»* Въ Житіи же Меѳодія на оборотъ: писмена Славянскія изобрѣтаются въ томъ мѣстѣ, откуда они посланы были, и при томъ младшимъ братомъ, философомъ; слѣдовательно, согласно съ показаніемъ Житія сего послѣдняго. За тѣмъ, въ Житіи кратко сказано о прибытіи ихъ въ Мораву, трехлѣтнемъ въ ней пребываніи и приглашеніи напои въ Римъ, о посвященіи тамъ Меѳодія на «поповство» (по слову Похв. «презкоуѣрство»), возстаніи «стероїи многої чадїи» противу перевода Библии на Славянскій языкъ, чадїи, опиравшейся на надписи на крестѣ Христовомъ только на трехъ языкахъ, что, однако, папа не одобрилъ и предалъ ее за то проклятію, назвавъ Пилатниками и триязычниками. Еще больше: онъ велѣлъ одному изъ такихъ епископовъ посвятить нѣсколько учениковъ Славянскихъ. За симъ говорится о кончинѣ Кирилла, посольствѣ Коцеля къ папѣ съ просьбой отпустить къ нему Меѳодія, и тотъ, исполняя желаніе князя, отправляетъ его съ посланіемъ, наполненнымъ похвалами тремъ князьямъ Словѣнскимъ, ихъ Славянскому языку, и повторяетъ клятвы на хуителей его за употребленіе въ богослуженіи. Изъ всего этого Несторъ удержалъ у себя, въ сжатомъ извлеченіи (по все почти словамъ Житія), только рассказъ о хуителяхъ Словѣнскихъ книгъ, послѣ чего тотчасъ замѣчаетъ, что возвратившись назадъ, одинъ изъ братьевъ (Кириллъ) вскорѣ отправился на проповѣдь въ Булгарію, а другой (Меѳодій) остался въ Моравіи. Это опять противорѣчитъ показаніямъ Житія. Но далѣе снова, за одно съ етѣмъ Житіемъ, пишетъ, какъ Коцель поставилъ Меѳодія епископомъ въ Панніи (Панноніи), т. е., отправивъ его для того вторично къ папѣ «съ ѿ. мѣ. моужь устыити уади, да и смоу стити ихъ епшество къ Пшонни, на столъ стго Айдруинка апа ѿ ѿ. ѿ.» Къ послѣднему Несторъ прибавляетъ отъ себя: *«ученика святаго апостола Павла,»* и, вспомянувъ, словами Житія, (вы-

хваченными изъ самаго конца онаго) о переводѣ Меѳодіемъ въ полгода Свящ. Писанія съ Греческаго языка, при пособіи двухъ поповъ скорописцевъ, еще разъ замѣчаетъ о томъ, что «Меѳодіи — настолиникъ Андроника, посѣщавшаго Моравы, (впрочемъ, и въ «Похвальномъ Словѣ» говорится объ этомъ въ выраженіяхъ, весьма близкихъ къ Житію Меѳодія и Несторову извѣстію: «срѣше же прхустьязго и вѣоустьязго Меѳодия на архипѣство на столѣ стго Андроника лѣла въ Панонии ѿ .ѿ., поустниа и на страни Словѣнскы оуунтъ въ изумкѣ ихъ»), а черезъ Андроника и апостола Павла, который училъ тутъ, по тому что тутъ Ілюрикъ, до коего доходилъ онъ и въ комъ прежде всего («первѣ») жили Словѣни; стало быть, Павелъ былъ учителемъ и Словѣнскому языку; а какъ и мы Русь, — говоритъ Несторъ, — того же языка, то, по тому, и намъ учитель Павелъ; Словѣнскіи же языкъ и Русьскіи — одно и тоже; Русьскимъ же прозвался онъ по Варягамъ Руси, по первоначально былъ Словѣнскіи, а Русь — Словѣне, не смотря на то, что нѣкогда Русь называлась еще Полянами, т. е., по тому, что жила въ поляхъ; однако, она говорила и говоритъ Словѣнскою рѣчью.» Судя по такому ряду умозаключеній, очевидно, что весь этотъ рассказъ, вызванный нашествіемъ Угровъ на Словѣнъ, вставленъ тутъ лѣтописцемъ для того лишь, чтобы доказать, что всѣ племена Славянскія, не смотря на различія ихъ названія, суть одинъ народъ какъ по языку, пребыванію или жилищамъ, такъ и по принятію Христіанства, крещенію и самой грамотѣ, изобрѣтенной именно только для нихъ однихъ, и по тому прозавшейся «грамотой Словѣнской» (Славянскою). Начавъ положеніемъ: «*бы единъ языкъ Словѣнскъ,*» онъ и кончилъ тѣмъ же самымъ положеніемъ: «*языкъ Словѣнскыи единъ* (58).» Сверхъ того, это доказывается и тѣмъ обстоятельствомъ, что разсужденіе сіе помѣщено между разсказомъ объ Уграхъ: «Въ лѣто 6410 (о 6407—6409 годахъ нечего было сказать, а поставлены они имъ сдѣсь только для одного числительнаго порядка) Леонъ царъ на Угры на Болгары,» и проч. Отсюда ясно открывается, что Несторъ не былъ простымъ списочникомъ чужихъ словъ; на оборотъ, заимствуя изъ другихъ, позволялъ себѣ, по поводу того, другаго обстоятельства, собственныя соображенія, не рѣдко совер-

шенно противоположныя своему источнику, какъ это видимъ и въ передачѣ имъ разсказа о нашемъ предметѣ. Такая двойственность характера Несторовыхъ сказаній заставляетъ насъ отвести имъ мѣсто между собственными источниками и источниками второстепенными, дѣлаетъ ихъ между тѣми и другими посредствующимъ звеномъ.

А второстепенные источники или, какъ называютъ ихъ обыкновенно, вспомогательные, *пособія*, принадлежатъ не личнымъ свидѣтелямъ, очевидцамъ, или, по крайности, современникамъ, но ближайшимъ къ нимъ, равно какъ и слѣдовавшимъ за ними, которые пересказываютъ сказанное уже другими, изъ другихъ рукъ. Таковы въ нашемъ вопросѣ:

а) *Прологи* или коротенькія Житія, въ видѣ извлеченія изъ большихъ; говорю въ видѣ извлеченія, по тому что въ дошедшихъ до насъ печатныхъ и рукописныхъ спискахъ можно замѣчать и явныя заимствованія изъ пространныхъ Житій и, съ тѣмъ вмѣстѣ, изъ другихъ какихъ-то источниковъ, оказывающіяся, большею частью, смѣшеніемъ исторически извѣстнаго съ неизвѣстнымъ. Таково, на примѣръ, въ «*Проложномъ Житіи Кирилла*» (59) увѣреніе, какъ онъ молитвою уморилъ еретика Замбрія (или Замврія, по другимъ Замбля), подговаривавшаго другихъ посягнуть на жизнь его. Все, что до этого темнаго извѣстія ни говорится въ семъ Проложномъ Житіи, очевидно, составляетъ извлеченіе изъ большаго его Житія (Паннонскаго), даже коегдѣ дословное; но отсюда начинается уклоненіе отъ него. Такъ, сказавъ, согласно съ своимъ источникомъ, объ отходѣ Кирилла на Мораву и о наученіи имъ многихъ Вѣрѣ Христовой, вдругъ прибавляетъ, что онъ тамъ умертвилъ какого-то еретика, по имени Замбрія. За тѣмъ, по словамъ его, Кириллъ отправился на проповѣдь въ Булгарію (согласно съ показаніемъ Нестора), и это составляетъ новое отступленіе отъ прежняго источника; изъ Булгаріи въ Словены и на Дунай: «По сѣмъ иде въ Моракоу, и многы злоуунъ вѣрвати Хѣи, и Замбрія еретика молиткою оумори, иже злоуунъ оувити стго. По сѣмъ иде въ Болгары, проповѣдалъ Хѣ. Тако жъ и во Словены пришедь, вса гряды злоуунъ и по Доуляю вѣра Хѣѣ;» тутъ поставляется въ

епископа въ Канаонъ градъ, для жителей коего, послѣ сорокадневнаго поста и моленія, составляетъ, по просьбѣ ихъ, 38-мь словъ: «и молиши и, да мноуити а книгамъ своимъ азыкомъ. Онъ же постився .л̄. д̄н̄и, къ Б̄гоу моляся, и написа нмъ .л̄. словъ и .н̄.» очевидно, буквъ или письменъ, по тому что въ слѣдъ же за симъ сказано: «и тако мноуи а книгамъ Словенскимъ азыкомъ, сего ради Словенскимъ оуителъ истрееса, и тако позннъ и уюдеса сътворъ, въ старости добръ къ Г̄доу отиде, и погребенъ бысть въ Канлонъ градъ.» Да и въ «Книгѣ Житіи» или нашей печатной «Четы Миненъ» въ Житіи Кирилла и Меѳодія, подь 14-мь февраля, мѣсто ето, съ ссылкою на Проложное Житіе Кирилла, передано въ томъ смыслѣ, въ какомъ слѣдуетъ понимать его по ходу рѣчи: «Онъ же перже постиса д̄н̄и четиридесать, и поспѣшествиюренъ емъ благодати С̄тго Д̄х̄а, изобрѣте Азбукъ Славенскы, низцью къ себѣ тридесать и осмь писменъ» (Кіев. изд. 1700 г., стр. 541). Слѣдовательно, конецъ етого Проложнаго Житія нѣсколько измѣненъ противу большаго Житія, и измѣненъ, полагаю, позднѣйшими составителями Проложныхъ Житій, принадлежащихъ, какъ извѣстно, къ разряду чисто Славянскихъ произведеній (а не переводовъ съ Греческаго). Отъ того тутъ сказано даже изъ сколькихъ именно буквъ состояла азбука, изобрѣтенная Кирилломъ для какихъ-то Канаонянъ.

Дѣйствительно, городъ *Канаонъ* или *Каонъ*, даже *Каинъ*, по сю пору остается загадкою для всѣхъ. Отправляясь отъ мысли, что Прологи не принадлежатъ къ переводной письменности нашей, и зная общій ихъ характеръ, я, послѣ разныхъ соображеній, наконецъ предложилъ себѣ вопросъ: Не есть ли тутъ Канаонъ или Каонъ просто *Катаонъ* или *Катаинъ*, откуда Катавскій вмѣсто Костанскій, или Костенскій, Костенчскій, по имени края на границѣ Македонин, изъ коего родомъ былъ другой Кириллъ, тоже философъ, прозванный Костенскимъ, Костенчскимъ или, по нѣкоторымъ рукописямъ, Костанскимъ, Катавскимъ, также много трудившійся для Славянской письменности и писавшій объ азбукѣ Славянской? Отсюда, заключалъ я, легко могли смѣшать его съ Кирилломъ Селунскимъ, приписать дѣяствія и творенія одного другому, какъ ето точно замѣчаемъ въ

и некоторых известіяхъ о томъ и другомъ (60). Догадка моя не обманула меня. Изучая Хронографы исліячая известія, находящіяся въ нихъ: «О предложеніи книгъ отъ Грецескаго адыка изъ Словенскихы,» которыя всѣ почти схожи одно съ другимъ, какъ увидимъ ниже, я, однако, нашелъ въ двухъ, сверхъ обычнаго известія, т. е., «О предложеніи», еще «Въкратцѣ сказаніе о рожденіи и житіи сѣаго Кирила философа», которое есть не что иное, какъ наше «Проложное Житіе». Только тутъ оно далеко исправлѣе и коегдѣ полнѣе, нежели во всѣхъ прочихъ, известныхъ мнѣ доселѣ, спискахъ (61). Но главное достоинство етѣхъ двухъ Хронографныхъ списковъ состоитъ въ предполагавшемся мною названіи Канаона именовъ города Катаона. Списки етѣ находятся, одинъ въ Хронографѣ № 393, писанномъ на бумагѣ, въ листъ, церковникомъ Никитой Александровымъ (62) и доведенномъ по «цѣство всемъ Россіи цѣа Михаила Сеодоровича», въ 169-ти главахъ (63), а другой въ Хронографѣ же № 394-й, тоже бумажномъ, въ листъ, и относящемся къ одной порѣ съ первымъ, въ 178 главахъ, изъ коихъ послѣдняя озаглавлена: «О болгарскомъ державствѣ Московскаго государства» (64). Оба принадлежатъ къ богатому собранію рукописей В. М. Ундольскаго, и, заключеніемъ небольшихъ разнословій, большею частью въ правописаніи, почти во всемъ сходны между собою. Вотъ какъ читается въ обоихъ ихъ мѣсто, относящееся къ нашему предмету: «По семъ же иде въ Колгары, проповѣдала Хрѣта, тако же и въ Словены пришеде, и вса гряды по Двиавѣ плзуну вървати Хрѣтовки (или «ко Хрѣта»). И поставленъ бысть еписѣпоу въ Катаонѣ градѣ; и моаншася ему, да плзунитъ ихъ книгамъ своимъ ихъ языкомъ. Онъ же постиса м. днен, моалса Бгъ, и написа имъ по ихъ языку м.и. словъ, и тако плзун ихъ книгамъ Словенскимъ языкомъ, и сегю рдн изреусн бысть Словенскн хунтель. И тако пожнкъ, и многи тряды и подниги подьемъ ѿ вѣрт Хрѣтовъ, и уюдеса многа сотворнкъ, во старости добръ ко Гдѣ ѿнде, и погребенъ бысть въ Катаонѣ градѣ.» Слѣдующее за симъ прибавленіе указываетъ, по моему мнѣнію, и некоторымъ образомъ, на народъ, мѣсто и время составленія этого Проложнаго Житія: «Мы же Словенскн и Колгарскн языкъ да глѣмъ стѣмъ оѣмъ ишемъ и зѣтлю Кѣрѣлаъ (или «Кирилъ») философа, вѣтнала памать!» Послѣ, наводя справки, я увидѣлъ, что это же самое находится также

и въ двухъ Хронографахъ Румянцевскаго Музея, описанныхъ А. Х. Востоковымъ подъ № CCCCLVII и CCCCLIX, оба, XVII-го вѣка, изъ конхъ первыи писанъ полууставомъ разныхъ почерковъ въ л. на 931, а второй неполный (недостаетъ начала до 104-й главы), въ 4-ку на 534 л., скорописный. Въ полууставномъ, передъ главою 171-й, говоритъ описатель, помѣщено изъ Пролога: «*О преложени кнѣзъ изъ Словенскѣи и вѣратцѣ сказаніе о рожденіи и житіи сѣго Кирилла Философа*», слѣдов., заглавіе почти до слова одинаковое съ заглавіемъ нашихъ Хронографовъ; только изъ одного заглавія ничего нельзя еще узнать, каково въ этомъ спискѣ названіе разыскаемаго города; вѣроятно, такое же, какъ и во всѣхъ прочихъ, судя по тому, что оно не выписано; напротивъ, въ скорописномъ Хронографѣ названіе его совершенно сходно съ названіемъ Хронографовъ, рассмотрѣнныхъ нами, что открывается изъ сличенія окончанія этого Житія, помѣщеннаго въ 171-й главѣ и приведеннаго разбираннымъ его (стр. 777, столб. 2-й «*Опис. Румянц. Музея*»): «*погресевъ бысть въ Катлонъ градѣ. Мы же Словенскѣи и Болгарскѣи изыкъ дѣ глѣ сѣиъ оуѣ ииъиъ и зѣхлю Кирилу Философу вѣуиъиъ ииъиъ*» (65). Я такъ думаю: составитель Проложнаго Житія, державшійся, до самаго путешествія Кирилла въ Моравы, подробнаго Житія его, когда дошелъ до этого событія, вдругъ, не извѣстно по чему, оставилъ свой источникъ, и началъ примѣшивать къ вѣрному и неизвѣстное намъ ни откуда, по крайней мѣрѣ, по сю пору не уясненное еще ни кѣмъ. О путешествіи же въ Булгарію, послѣ Моравы, онъ могъ узнать изъ словъ Нестора: («*Костянтинъ же възвратився възплатъ, и иде учитъ Болгарьскаго лзыка*»); а о возвращеніи его къ Словенамъ Подунайскимъ, статья можетъ, заключилъ изъ того обстоятельства, что Кириллъ былъ учителемъ у нихъ и избрѣтъ для нихъ письмена. Бывши вѣроучителемъ, рассуждалъ онъ, могъ быть и епископомъ; по какимъ же? Вѣроятно, Катанскимъ или Катаонскимъ; вѣдь помнится же, подъ 21-мъ марта, Кириллъ, епископъ Катанскій? Конечно, это—одно и то же, а Катанскій тоже, что Кастанскій или Костанскій, Костенскій, по горному хребту *Kastagna*, упоминаемому старинными путешественниками (XV и XVI стол.), по Турец-

ки Костендже, а по Славянски Костеница или Костаница, который находится не далеко верховьевъ рѣки Мьсты (древнихъ Nestus) и Марицы, на разгранѣхъ Булгаріи, Оракіи и Македоини. И точно, тутъ были, по словамъ Белюни, путешествовавшего въ XVI-мъ вѣкѣ, четыре монастыря, и тутъ же, какъ мы знаемъ, родился другой Константинъ, жившій при Сербскомъ деспотѣ, Стефанѣ, сынѣ Лаазаря, погибшаго на Косовомъ полѣ (1389 г.) въ битвѣ съ Турецкимъ Султаномъ, Мурадомъ, и описавшій жизнь етого деспота (1389 — 1427). Онъ извѣстенъ, кромѣ того, также и филологическимъ сочиненіемъ о Славянскомъ языкѣ, изъ коего до насъ дошло только извлеченіе, въ которомъ онъ названъ прямо «*Константиномъ философомъ Костенскимъ и учителемъ Сербскимъ*» (66). Всего етого довольно было, чтобы сдѣлать упомянутыя посылки, вывести оттуда заключеніе о сходствѣ всѣхъ етѣхъ, столько несходныхъ и отдаленныхъ временемъ и мѣстомъ, лицъ и, стало быть, перемѣшать одно съ другимъ, и т. д. Что ето дѣйствительно такъ происходило, доказательствомъ тому служатъ сходныя выраженія, особливо въ заключеніи Проложнаго Кириллова Житія, съ такимъ же Житіемъ Кирилла, епископа Катанскаго. Въ первомъ: «и тако познавъ и уюдеса створь (въ друг. «створи, створишь»), въ старости доврѣ (въ др. «добрви») къ Гѣоу отъиде [въ др. «престанися»]; прои. «къ Гѣоу»), и погребениъ вместе въ Клилонѣ градѣ тѣно.» А во второмъ: «и инѣхъ же не мало сътвори уюдеса, въ глѣвокоу старости дошедъ, къ Гѣу отъиде, и положениъ вместе въ томъ островѣ тѣно.» Я привожу ету выписку по Проложному Житію Кирилла, епископа Катанскаго, помѣщенному въ Макарьевскихъ Четяхъ-Миняхъ подь 21-мъ марта, и при томъ въ двухъ спискахъ (что не рѣдкость въ Прологахъ етѣхъ Миней): первый на листѣ 47и (въ началѣ втораго столбца), второй же на 48и; оба въ сущности сходны, но въ выраженіяхъ значительно отличаются. Слѣдовательно, смѣшеніе тѣмъ вѣроятнѣе возможно было, что оба Кирилла философа принадлежали, по рожденію, почти одной и той же странѣ, и при томъ колыбель одного не въ дальнемъ разстояніи отъ колыбели другаго. Далѣе: оба они назывались философами, словомъ, которое, кажется, охотно давалось въ старину у насъ людямъ, отличавшимся особенной ученостью, или умомъ,

обогащеннымъ начитанностью и т. п.; такъ, на примѣръ, известно же намъ «Слово изъ Соворъ Архистратига Хрѣта Михаила и проухъ безплотныхъ силъ небесныхъ,» передъ коимъ читаемъ прибавленіе: «ниже во стыхъ ѿѣ нашего Кириллѣ философа» (подъ 11-мъ ноябрѣ), первоначально напечатанное въ 4-й книжкѣ «Твореній свв. Отцевъ въ Русскомъ переводѣ (годъ 1-й)», гдѣ сказано, что подъ еѣмъ Кирилломъ философомъ слѣдуетъ разумѣть Кирилла, епископа Ростовскаго; потомъ г. А. Розовъ отыскалъ полнѣе списокъ и прислалъ его ко мнѣ, который и былъ обнаругованъ мною въ VII-й книгѣ «Чтеній въ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ» 2-го года; по мнѣнію нашего шаго, Слово это должно оставить за Кирилломъ II-мъ, митрополитомъ Русскимъ (жившимъ нѣсколько позже Кирилла, Ростовскаго), которому обыкновенно приписывается оно (67).

Подобно Кириллу, и Меѳодіи имѣеть свое *Пролѣзное Житіе*, въ которомъ тоже является Замбрій, но уже съ прибавкой «родомъ Козаринъ, а вѣрою еретикъ,» какъ противникъ Меѳодіеву ученію, и при томъ съ 2,000 сообщниковъ, разсѣявшихся послѣ гибели своего предводителя; кромѣ того, Замбрій тутъ имѣеть у себя помощникомъ какого-то Сьдислава или Седислава (который, судя по имени, былъ представителемъ языческихъ Славянъ, недовольныхъ Христіанствомъ?), и градъ Каонъ (или, по другому списку, Канъ), куда Меѳодіи, какъ и Кириллъ, поставленъ епископомъ въ Царѣградѣ, и въ коемъ все это происходило. Во первыхъ: очевидное смѣшеніе одного съ другимъ, т. е., дѣйствія одного приписаны другому, по тому что не могли же оба они быть въ одно и то же время и въ одномъ и томъ же городѣ епископами, равно какъ и имѣть дѣло съ Замбріемъ, котораго первый «мѣткою оумори» еще въ первое посѣщеніе свое Моравы за намѣреніе убить его, послѣ чего отправился къ Болгарамъ, отъ коихъ, возвратясь къ Дунайскимъ Славянамъ, былъ поставленъ ими въ епископа въ Канаонѣ градѣ и т. д.; а второй, на оборотъ, посланъ былъ въ этотъ самый городъ патріархомъ, въ санѣ епископа, когда онъ, тоже вторично, собирався къ Моравамъ, прибывши къ коимъ многія сотворилъ чудеса, между прочимъ, погубилъ, послѣ прѣнія въ сбо-

рѣ, составленномъ Моравскимъ княземъ, Жидовъ и еретика, Козарина Замбрія, съ его единомышленниками. Такое протнворѣчивое извѣстіе, безъ сомнѣнія, привнесено составителемъ (а можетъ и составителями) Проложнаго Житія того и другаго, позволившаго себѣ прибавленія, по своимъ соображеніямъ, къ первоначальному источнику. Допускаясь, откуда бы этотъ еретикъ попалъ сюда, я остановился на сказаніи Георгія Амартола въ его «Книгахъ временныхъ и образныхъ» или «Временникъ въпростъ ѿ различныхъ хронографъ и сказатель», именно въ отдѣлѣ «ѿ хрестыанскихъ црѣхъ.» Сдѣсь, сказавъ о воцареніи Константина Великаго по Максентіи, Георгій излагаетъ исторію Сильвестра, папы Римскаго, т. е., его прѣніе, по волѣ императора, съ Жидами: «Бѣтвѣному же Констаниноу собракшоу Жиды, иерѣи же и книгъхнн р. ѣ., да са прать съ Силекстромъ, да са мвнть истина вса на развращеные жидовскаго вестоуды.» Когда онъ, послѣ долгаго словопрѣнія, остался побѣдителемъ, вдругъ одинъ изъ среды ихъ, по имени Замбрій, озвался съ упрекомъ къ одновѣрцамъ: «Аще ли Силекстрова слова внимаете, моужа есть оубскаихъ словеса и законъ оставити.» и тутъ же обратился съ прошеніемъ къ царю позволить «на гланыемъ, по вѣщымъ мвнти истиноу,» т. е., онъ требовалъ привести быка, на которомъ вызвался «мвнти силоу бѣ своюго», говоря, что произнесеніемъ одного имени этого умертвить его: «здне нма бѣа нашего ни едина творена кстьстка оуслышавши, жива боудеть,» что и сдѣлано было имъ; но Сильвестръ потребовалъ, чтобы онъ же и воззвалъ убитаго снова къ жизни; «мвнть накъ призови къ оуши волоу тоже нма и живъ боудеть, и разоумекъ вси въ нма то втравати.» Замбрій не взялся, общаясь, самъ и всѣ Жиды сдѣлаться Христіанами, если Сильвестръ возвратитъ погубленнаго имъ: «такъ нма главы црѣвы: вси Жидове, оставивше законъ, къ Хртыанстѣи верѣ притѣчемъ.» Епископъ Христіанскій, послѣ молитвы къ Богу, оживилъ и поставилъ убитаго «съ кссю аспотою,» послѣ чего видѣвшіе его «здало уюдишса и крестилса (68). Явно, что событіе это припоминаетъ намъ подобное же, случившееся за три вѣки, въ томъ же самомъ мѣстѣ, съ апостоломъ Петромъ и Симономъ волхвомъ, когда, по выраженію Амартола, «вмсть къ Римѣ матсжь многъ и сѣристаніе Петра ради и Симона, яко предъ обою уюдсса твораюутса»; когда послѣдній,

какъ и Замбрій, «повелѣя привести юнецъ превелѣи, възгѣла къ оубѣ емѣ, и оумре юнецъ; Петръ же помолася, воскреси и; людѣ же видѣше, дивншася, глюще: констипоу еже ожити плаче оумранѣи кацшии есть уюдо,» и многія другія «назиданія створиста, и словесы богословныи и родословныи глѣста межю собою не тоуѣю къ Римѣ, но и во Асирїи древле, иже Каникъ Римлянищъ, прѣврѣи оубѣицъ Петровъ и съмъзретики съдѣательственнѣше исповѣдасть (69)». Безъ сомнѣнія, сходство етѣхъ событїи въ существенномъ, т. е., препиранїе Христїанъ съ Жидами, не смотря на несходство времени, мѣста, народовъ и дѣйствователей, было главной причиной, что составитель Проложныхъ Житїи напихъ апостоловъ считалъ себя вправѣ перенести изъ одного изъ нихъ, извѣстнаго ему (прѣнїя Сильвестрова), то, что, по его мнѣнїю, шло и къ прѣнїю описываемыхъ имъ: я разумѣю имя Замбрїя, котораго онъ представилъ Козаринномъ, принявшимъ Жидовство, болѣе другихъ состязавшимся съ Солунцами и противившимся ихъ ученїю, но, наконецъ, побѣжденнымъ ими. Въ Житїи Кирилла о гибели его сказано просто, что тотъ «его мѣтвою оумори,» а въ Житїи Меѳодїя говорится: «Замъврѣи оубѣ расъдеса.» Можетъ быть, первую мысль вывести его лице подало сказанїе Паннонскаго Кириллова Житїя (служившаго ему, большею частью, какъ замѣчено, руководной нитью) о томъ мужѣ, котораго Козары выслали Кириллу и Меѳодїю на встрѣчу къ Каспїйскимъ вратамъ, который еще до прибытїя къ Кагану, вступилъ уже въ препиранїе, и который, по етому Житїю, былъ человекъ хитеръ и заскопивъ: «Въстѣдъ же къ корлемъ, поутн са изъ Козарьскаго, изъ Меѳотское иезеро и Каспїиска врата Каякъмѣтскихъ горъ. Послаша же Козари противоу юмоу моужъ лоукавъ и заскопникъ, иже бесѣдоу съ нимъ сиидеса.» Судя по содержанїю вопросовъ етого хитреца и отвѣтамъ на нихъ Кирилла, то былъ Жидовинъ, либо же, по меньшей мѣрѣ, послѣдователь Жидовства. Замѣчательно сходство Пролога о Меѳодїи съ сказанїемъ Амартола о Сильвестрѣ даже въ самомъ прїемѣ разсказа о началѣ прѣнїя и концѣ его. Какъ Константинъ, такъ и князь Моравскїй собираетъ соборъ: «и повелѣя кѣзъ Моравьскимъ быти соборъ», на который явилось съ Замбрїемъ двѣ тысячи, между тѣмъ какъ въ Римѣ только сто двадцать. По одержанїи побѣды Сильвестромъ надъ Замбрїемъ, Жиды крестїансь:

«и бы радость велика, црь же и людие зовоуще вси по двою улоу, и рекоша: великъ Бъ крѣтънескъ.» Сдѣсь же побѣжденные «разъзгошася», но и ради же быша крѣтъне (по друг. списк.: «радость же бысть христіаномъ»), и изрекоша и (Меоодія) оуста Хѣа».

Во вторыхъ: въ этомъ Прологѣ встрѣчаемъ извѣстіе, что Кириллъ упросилъ Меоодія сопутствовать ему къ Козарамъ, по той причинѣ, «яко оумзаше языкъ Словѣнскъ.» Можетъ быть, сдѣсь источникъ мнѣнію о Славянскомъ происхожденіи Козаръ, которое не рѣдко попадаетъ намъ въ нашихъ лѣтописныхъ сборникахъ и которое заставило прибавить въ Четьи-Миней, въ слѣдъ за Житіемъ, особую статью «О Козарехъ», въ коей, между разными историческими извѣстіями о нихъ, утвердительно сказано, что это «баше народъ Скуфскій, языкъ Славенскаго или Рускаго (л. 542),» и что, послѣ разныхъ перемѣнъ, Козаровѣ имни память оста въ Малоросійскомъ имѣ Коністѣ крѣпкомъ, подобя томъ, зело мало пременио именяемомъ» (л. 543). Дѣйствительно, въ разныхъ Малоросійскихъ лѣтописяхъ не разъ встрѣчается мнѣніе это. Но скорѣе всего, кажется, было на оборотъ, т. е., повода къ такому мнѣнію составителя Проложнаго Меоодіева Житія о Козарахъ Славянахъ должно искать въ самомъ названіи этого народа, которымъ въ средніе вѣки объясняли не шутя значеніе имени Козакъ, перешедшаго первоначально на южныхъ Русовъ, а отъ сходства или сродства имени, для многихъ даже тождества, заключили о сходствѣ, сродствѣ или тождествѣ и народовъ, носившихъ оныя. И не одни только наши ученые вѣрили въ Славянство Козаровъ: сочинитель «Commentarii praevidi de Sanctis Cyrillo et Methodio» въ «Acta SS.», тоже самое доказывалъ, противъ чего возставали уже Ассемани и Шлецеръ (70). Буде же послѣднее предположеніе вѣроитѣе, тогда время составленія обонхъ Проложныхъ Житій Кирилла и Меоодія нѣкоторымъ образомъ разоблачается: имъ будетъ то пространство его, когда начали сблизять названія Козаровъ и Козаковъ между собою и одно другимъ объяснять. Отсюда самъ собою вытекаетъ вопросъ: стало быть, Кириллъ не зналъ Славянскаго языка? И для кого же? Для Козаръ языкъ Славянскій! При томъ, самъ Меоодій, приглашенный братомъ,

какъ знавшій языкъ Славянскій, выучился ему, по словамъ этого Пролога, только во время своего управленія Славянскою областю въ званіи князя или воеводы: «и прѣбывъ тамо лѣтъ .л. извѣше языкъ Словенскій.» Слѣдовательно, оба наши аностоялы первоначально не знали Славянскаго языка, а выучились ему въ послѣдствіи, стало быть, не въ Солуни, и т. п.!

Во всякомъ случаѣ, путешествіе Меѳодія съ Константиномъ въ Козары, вовсе не есть чье либо мнѣніе, но оно опирается на показаніи обоихъ Панионскихъ Житій ихъ, Похвального Слова имъ, а также Проложнаго Житія Меѳодія Сербскою семьею, о коемъ сейчасъ поведу рѣчь ниже. Такъ, въ Житіи Кирилла читаемъ: когда, на возвратномъ пути изъ Козаръ въ Царьградъ, Кириллъ пришелъ въ безводныя мѣста, и, терпя страшную жажду, рѣшился, не дожидаясь, пока принесутъ ему воды сопровождавшіе его, иснить «къ слатнѣвъ водницю», которая «бѣаше аки и златъ», то, обратясь къ Меѳодію, просилъ его почерпнуть ея: «и рече къ Меѳодію братоу своему: не трѣбно оубо жжда, да поурати оубо воды селъ,» и проч. А въ Житіи Меѳодія читаемъ: «прикаюущиюжеся времени такомуу, и послалъ ирѣ по философа, брата него къ Козары, да поитъ и съ собою изъ помощи, владюу бо тамо Иудове крѣпильскою втроу немалн хощаще. онъ же рече, яко готовъ есмь да крѣпильскою втроу оумрѣти, и не ослоушася, иъ шѣдъ слоужн яко рабъ мѣлшоу братоу, повиноуися немоу. Съ же мѣткою, а философъ словесы преможесть а, и посрамисте.» Что значать, противъ етѣхъ прямыхъ и ясныхъ показаній лучшихъ, первостепенныхъ, источниковъ для исторіи нашихъ аностояловъ, всѣ кривыя соображенія, выводимыя изъ невѣрно понятыхъ словъ Климентова жизнеописателя, объ особенной привязанности Климента къ Меѳодію? Напротивъ, можно полагать, что онъ, какъ слѣдовавшій всюду за учителемъ своимъ, послѣдовалъ и тутъ за нимъ, въ Козары, и, будучи очевидцемъ обрѣтенія мощей Климента, нами Римскаго, Константиномъ, не только, по мнѣнію Шафарика (71), составилъ Сказаніе о томъ, но даже рѣшился, изъ особеннаго уваженія и благоговѣнія къ сему святителю, принять на себя имя его при постриженіи своемъ въ монашество. Еще больше: онъ-то лучше всякаго другаго могъ описать намъ жизнь Константина и Меѳодія, какъ неразлучный спутникъ и соуча-

спинки ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто же, какъ не очевидно, въ состояніи былъ передать, съ такой подробностью, хоть, на примѣръ, состязаніе обоихъ братьевъ съ Латинскимъ духовенствомъ? Чтобы отвергать показанія такихъ источниковъ, какъ оба Житія, и мнѣніе такого ученаго, какъ Шафарикъ, нужно, по крайней мѣрѣ, первыя хотя прочесть со вниманіемъ и сообразить прочтенное, а послѣднее раскинуть умомъ-разумомъ, на чемъ, де, основалъ онъ такое свое мнѣніе.

б) *Проложное Житіе* или *Сказаніе* о Кириллѣ и Меѳодіи, находящееся въ одномъ харатейномъ Прологѣ, писанномъ полууставомъ, въ листъ (на 171), не позже XIII вѣка, по замѣчанію Калайдовича (Юан. Екс. Болгарскій, стр. 90), можетъ быть, Сербомъ, въ Хиландарскомъ монастырѣ, на Аѳонѣ (или начала XIV в., по словамъ А. Х. Востокова въ «Описаніи Румянц. Музея», коему и принадлежитъ, подъ № СССХІХ, стр. 447—454). Прологъ этотъ содержитъ въ себѣ полныя 12-ть мѣсяцевъ, но въ этомъ списокѣ первый изъ нихъ, сентябрь, уже утраченъ; къ краткимъ жизнеописаніямъ святыхъ присовокуплены иногда тропари. Вообще, етѣ Житія не рѣдко расходятся съ подробными. Подъ 25-мъ августа въ этомъ Прологѣ помѣщена также «Паметь къ светыхъ и истиннъ прендобноиу отцоу нашею Архієпископоу Моравьскоу Констандину, нарицаемаго Кирила философа, и Меѳодіа брата его, и оучителя соуца Словеньскоу езыкоу.» За симъ прибавлено тутъ же: «И творить же память ею .ѣ. Апрель мѣсецъ и кельми Церкви празднуеть къ день памяти ею». Издатель его (Калайдовичъ) прибавляетъ къ этому, что Православная Церковь празднуетъ память сихъ Славянскихъ учителей еще 11 мая и 6-го апрѣля, а Кирилла и особенно, февраля 14-го дня; Чехи и Моравцы марта 9-го, какъ это видно изъ «Acta Sanctorum,» т. II. Языкъ Пролога вовсе не Булгарскаго, но Сербскаго, разряда или извода; первоначальное же составленіе Житія очень можетъ быть Булгарское. Не смотря на всю краткость его, въ немъ довольно новаго. Такъ, судя по заглавію, и Кириллъ былъ архієпископомъ Моравскимъ, слѣдов., это согласно съ позднѣйшими Моравскими Житіями (72); но, кажется, тутъ, просто, опска писца, или же скорѣе, заглавіе сдѣлано къмъ-

то не по содержанию Житія, но по памяти и понятію о сихъ учителяхъ нашихъ, по тому что въ самомъ изложеніи, какъ замѣтилъ уже и Добровскій (въ *Maehrische Legende von Cyrill und Method*, S. 65), архіепископомъ названъ только Меѳодіи, Кириллъ же учителемъ: «Ты блаженъ оубо и прелодобныи отецъ нашъ Меѳодіе, Архіепископъ Вышнюю Моравоу, братъ соучъ преподобилго Кирила философа, прѣваго оуучителя Словенскихъ книгъ, родомъ соуча Солунитинн.» Далѣе замѣчательно, что Меѳодіи, какъ я сказалъ уже выше, отиравается съ Константиномъ къ Сарацинамъ и Козарамъ: «Бѣ же сынъ Методіе съ своимъ братомъ въ Срацинтхъ и Козартхъ, оууче съ нимъ православннн вѣрѣ.» Какъ понимать это? Что Меѳодіи сопровождалъ брата въ Козарскую землю, это намъ извѣстно уже изъ подробнаго Житія его. Но о сопутствіи Меѳодія Кириллу въ Срацины, кромѣ Слова Похвальнаго, нигдѣ и никто, сколько я знаю, не говоритъ; а по тому, не отсюда ли составитель Пролога взялъ это извѣстіе? или, не на живомъ ли участіи Меѳодія въ дѣлѣ брата своего основалъ онъ догадку также и объ участіи его въ посольствѣ къ Срацинамъ, бывшемъ на 24 году отъ рожденія Константинова (851), тѣмъ болѣе, что и въ Козартхъ Константинъ пренирался, кромѣ Жидовъ, тоже и съ Сарацинами? Дальнѣйшее согласіе этого Житія съ пространными Житіями Кирила и Меѳодія состоитъ въ извѣстіи о пребываніи ихъ въ Моравѣ, приготовленіи способныхъ причетниковъ и путешествіи съ ними въ Римъ, гдѣ Римляне «дѣлаю сѣ скато и апостольско идрекше, посланившие презвитере Словенскіе оуученики», самаго же Меѳодія «влнежъ постави Архіепископа на стоахъ Андроника апостола Плионьскіа овалсти (73), идрже оууче, многи нахлсти и пхкости пострда отъ сѣрѣуьскихъ Епископъ и презвитерѣ, противещиныхъ прлвнн вѣрѣ,» т. е., рѣчь объ извѣстныхъ козняхъ Латинско-Нѣмецкаго духовенства. Находясь на семъ столѣ, онъ «въ земли Моравьстн преложи все ѣ книгъ Кетхлго и Покаго Закопа отъ Грѣуьскл въ Словтнсьскн;» это совпадаетъ почти дословно съ показаніемъ Іоанна Ексарха Болгарскаго: «прѣложи вса оуставнныа кнннгы ѣ. отъ Елннсьскл азѣкх, иже исть Грѣуьскъ, въ Словтнсьскъ,» между тѣмъ какъ въ Житіи Меѳодія сказано вообще: «прѣложи вѣвѣрзе вса кнннгы, вса исноднѣ, рлхвнн Мавлвнн, ѿ Грѣуьскл азѣкх въ Словтнсьскъ,» за чѣмъ указывается и самое время предложенія,

т. е., полгода (съ марта по 26 октября); тутъ же, на оборотъ, означенъ даже самый годъ, что, собственно, и нужно намъ для нашего изслѣдованія: «въ 7 индиктѣ, въ 3 сотное 7 ѳ и третіе лѣто, при Святѣмъ Царѣ въ тогда Грыномъ Касиліѣ, а Болгаромъ отъ Бога Кнезь Корьсь и Крале Немеускимъ людемъ.» Означеніе года сбивчиво, и сбивчиво по ошибкѣ писца, по тому что такъ, какъ выставлено сдѣсь, не считаютъ не только въ Славянскихъ земляхъ, но и нигдѣ въ мірѣ: въ шести сотное, триста, четыреста третіе лѣто. Калайдовичъ, не могши объяснить такого счисленія, поставилъ послѣ него вопросительный знакъ въ скобкахъ, а Добровскій (*Machrische Legende*, S. 66, Anm.) объяснялъ такъ: «Слово: «сотное» и слѣдующее твердо (т) переставлены, буква же т сдѣсь означаетъ тисоѹца (т. е., «сотное» относится къ «тисоѹца,» и при томъ вмѣсто «соѹшное,» что Сербъ, по свойству своего языка, легко могъ обратить въ «сотное»), а по тому, все это значить: «въ шести тисоѹшное четыреста и третіе лѣто,» 6403, что составляетъ 895 годъ. А какъ 895 не совпадаетъ съ 3-мъ Индиктомъ, то, — продолжаетъ Добровскій, — тутъ надо разумѣть одинъ изъ слѣдующихъ трехъ годовъ: 855, 870, 885. Что до «Крала Немеускимъ людемъ,» то уже тотъ проныцательный изслѣдователь замѣтилъ, что послѣ «Крала» пропущено «Карль», въ чемъ ни какъ нельзя сомнѣваться, разумѣя подъ нимъ либо «Карла» (III-го, Толстаго), либо же «Карломана,» смотря по тому, къ какому году приурочимъ 6403 годъ. Я полагаю, что показаніе года можно еще и такъ объяснить, т. е., что «сотное» поставлено писцемъ вмѣсто «тисоѹшное» или «тисоѹшное, 7 означаетъ триста (7), а «ѳ» должно раздѣлить: о отнести къ т (въ выраженіи словами «трисото»), у вмѣсто у, означающаго 90, т же вмѣсто г: тогда выйдетъ 7907 годъ, тотъ самый, какой встрѣчаемъ и въ иностранномъ Житіи Меѳодія (885), и, что замѣчательно, тотъ же самой Индиктъ (г) въ обоихъ. Разница лишь въ томъ, что сдѣсь годъ тотъ составляетъ годъ перевода книгъ Меѳодіемъ, а тамъ — годъ смерти его, о переводѣ же рѣчь идетъ въ слѣдъ за рассказомъ о возвращеніи его къ царю и патриарху. Въ заключеніе говорится о кончинѣ Меѳодія, предсказанной имъ за три дня, и мѣстѣ погребенія: «Лежитъ же въ келици церкви

Моравьстан, отъ лѣвою страпоу въ стѣнѣ за олтареиъ свѣтые Богородице.» Добровскій извѣстіе его назваѣтъ «страннымъ» (sonderbare Nachricht), спрашивая, гдѣ эта «великая церковь Моравьская?» Но на это же самое мѣсто указываетъ и Панионское Житіе Меѳодія: «и положиша и въ съборнѣи цркви.» Этой великой или соборной церковью въ Моравіи, конечно, могла бытъ только церковь стольнаго города ея, мѣстопробыванія великаго князя и архіепископа. Такимъ же стольнымъ городомъ Ростислава и Свѣтополка былъ Велеградъ (74), на рѣкѣ Моравѣ, развалины котораго извѣстны теперь подъ именемъ «Градишта» (городища), основаннаго, послѣ разрушенія перваго Уграи (907 и слѣд.), только въ началѣ третьей четверти XIII столѣтія (1258 г.). Прямое показаніе сихъ двухъ Житій о погребеніи Меѳодія въ Моравіи подтверждается и «Слоужбою» ему и Кириллу, въ которой, въ одномъ мѣстѣ, между прочимъ, такъ восхваляются они: «Ѡ влоу стѣхъ хвалѣтся славно градъ Солоуѣискии Курѣмъ стѣ и Меѳодіе, Мисла и Паноина (Панонна) и Моравьска бѣжене зѣмѣ, сѣзвации и вѣнѣци: бѣмъ Бѣ.»

«Сѣе Меѳодіе, оучителю прѣмадре.... та бѣжене поеть зѣмѣ Моравьскал ѣстѣно твоѣ тѣло пѣмѣи и Паноиньскал стѣно, просвѣщенѣ тобож, и людие ею, съшедшея прѣздноуѣ твоѣа памѣть.» (75).

Такое согласное показаніе этого Житія съ Панионскимъ Житіемъ Меѳодія въ данныхъ, заключающихся преимущественно съ такой отчетностью единственно въ нихъ, даетъ мнѣ поводъ предполагать, что Житіе это чуть ли не есть просто извлеченіе или сокращеніе пространнаго, и при томъ сдѣланное ученикомъ Меѳодія, который одинъ лишь въ состояніи былъ означить такъ вѣрно мѣсто погребенія его, конечно, самъ присутствуя при ономъ, по меньшей мѣрѣ, видя его гробъ: «въ велицѣи церкви Моравьстан, отъ лѣвою страпоу, въ стѣнѣ, за олтареиъ свѣтые Богородице.» Такъ говорятъ одни только очевидцы. Могло даже статься, что это писано и не зависимо отъ пространнаго Житія, но такимъ же лицомъ, какъ и первое, т. е., непосредственнымъ ученикомъ Меѳодія, коротко знакомымъ съ жизнію и самымъ мѣстомъ дѣятель-

ности своего учителя. На это указываетъ и поставленіе имени князя Святополка прежде именъ другихъ государей, употребленныхъ имъ для означенія времени перевода Св. Писанія на Словѣнскій языкъ, хотя можетъ быть, уже не въ Моравин, но въ Булгаріи, и при томъ Булгарскимъ, по происхожденію, Славянскомъ: «а Българомъ отъ Бога Кнезь Корыскъ» — тутъ ясно слышимъ голосъ одноземца и одноподданца сего князя.

в) Разныя показанія послѣдующихъ *Лѣтописей, Лѣтописцевъ, Временниковъ или Хронографовъ*, такъ называемыхъ, *Сказаній*, и т. п. По свойствамъ языка, который всюду Церковнославянскій или Словѣнскій, но по изводу своему или редакціи содержатъ уже въ себѣ примѣсь другаго, хотя родственнаго, показанія егѣ принадлежатъ *Булгарамъ*, послѣ разрушенія ихъ перваго Царства, далѣе *Сербамъ*, и наконецъ *Рускимъ*.

Изъ *первыхъ* (Булгарскихъ) въ нынѣшнее время могу назвать: 1) «Сказаніе ѿ сотворенія мироу,» т. е., краткое исчисленіе замѣчательнѣйшихъ событій, найденное мною, въ 1842 году, въ концѣ одного рукописнаго Служебника, вмѣстѣ съ Храбровымъ Сказаніемъ о писменехъ; оно принадлежитъ Вратиславской Гимназической библиотекѣ при церкви св. Магдалины. Сдѣсь, въ концѣ этого лѣточислительнаго Сказанія, предъ самымъ Сказаніемъ Храбра, читаемъ коротенькій итогъ времени, прошедшаго отъ Р. Х. до Михаила, царя Греческаго: «Ѿ Хѣя Рождства до първаго прѣвотриаго цѣря Костатина лѣтъ лѣтн. (318), Ѿ Константина цѣря до Михаила цѣря Греческаго лѣтъ .фѣж. (542). Вѣсьхъ лѣтъ ѿ Адама .сѣже. (6865).» За симъ слѣдуетъ самое свѣдѣтельство, какъ увидимъ сейчасъ ниже, о крещеніи Моравы, посланіи въ нее Кирилла и Мефодія и переводѣ ими Св. Писанія на «Словенскій языкъ на Българскій». Послѣднія слова составляютъ, какъ уже было доказано разъ мною въ особой статьѣ, единственное прямое свѣдѣтельство, дошедшее до насъ отъ древности, о томъ, на какой именно языкъ переведено Священное Писаніе. А какъ лѣточисленіе тутъ доведено только до 18-го года царствованія Михаила III-го, т. е. $318+542=860$, то это указываетъ намъ на самое время составленія онаго; послѣ того указаніе на 6865 годъ отъ со-

творенія міра принадлежитъ послѣдующему времени, т. е., тому лицу, которое, выставивъ етотъ годъ въ семь лѣточисленіи, прибавило еще отъ себя извѣстіе о принятіи Христіанства Моравскими Славянами и посылкѣ къ нимъ Селунскихъ апостоловъ, переведшихъ Св. Книги съ Греческаго языка на Славянобългарскіи. Стало быть, етѣмъ опредѣляется самое время происхожденія нашего свѣдѣтельства, именно: это будетъ половина XIV-го вѣка: 6865 г. отъ Адама и 1357 отъ Рожд. Христова, т. е., при Шишманѣ, послѣднемъ царѣ Българскомъ, преемникѣ Александра, при коемъ списанъ былъ, попомъ Филиппомъ, Сборникъ, содержащій въ себѣ, между прочимъ, «Събраніе лѣтн (Временникъ) прѣмудраго Манхссін», 6653 (1345) г., по сию порю, къ сожалѣнію, не обнародованное. Это подтверждается и самымъ языкомъ Сказанія, который, не смотря на то, что содержитъ въ себѣ много старины, по правописанію, принадлежитъ къ разряду Среднебългарскому (76). Въ етомъ-то лѣточислительномъ Сказаніи читаемъ, послѣ означенія 6865 года отъ Адама или 1357 отъ Р. Х., тотчасъ свѣдѣтельство о занимающемъ насъ вопросѣ: «Въ црѣство сего Михаила црѣ крѣщенъ бысть Словенскыи языкъ Моравъ, и дѣиъ бысть низъ епѣкъ Меѳодіи, и поиде съ нимъ братъ его Кирилъ, шѣл философа сѣцѣл, сѣл лѣшновѣ, Селовитиннѣ. Сѣа жъ прѣложнѣста късе Бѣгъствѣное писаніе Грѣцескыхъ книгъ изъ Словенскыи языкъ изъ Българскыи.» Стало, по етому показанію, Меѳодіи выдвинуть на первое мѣсто, а Кирилла приданъ ему, конечно, по тому, что тотъ названъ въ немъ епископомъ: совершенно на оборотъ противу свѣдѣтельства Житія Меѳодіева, въ коемъ сказано, какъ мы видѣли уже, что Константинъ, «оустронкъ писменѣ и бесѣдоу составлѣ, поутѣ сѣ изъ Моравьскаго, поидѣ Меѳодіи,» гдѣ послѣдній «ишлѣтъ пакы съ покорѣмъ повинноуасѣ слѣжити философу и оучити съ нимъ;» тутъ «пакы» составляетъ намекъ на первое покорное служеніе его младшему брату въ Козарахъ. Впрочемъ, въ заглавіи къ Проложному пергам. Житію ихъ XIII или XIV-го в., находящемуся въ Румиц. Музеѣ, оба они, какъ извѣстно намъ, названы даже архіепископами. На послѣдокъ, достойно примѣчанія, что тоже оба они поименованы философами и переводчиками (послѣднее встрѣчаемъ и въ другихъ показаніяхъ) Св. Писанія

именно на Славянобългарскій языкъ, что совершено ими въ 860 г., или въ слѣдъ за тѣмъ. Годъ этотъ открывается изъ показанія лѣтъ отъ Р. Х. до Константина Великаго, а отъ него до Михаила III-го, протекшихъ, т. е., $318+542=860$.

2) Показаніе о «*днѣ кончины Меводія, архієпископа Моравска,*» заключающееся въ рукописномъ «*Апостолѣ*» XII-го в., найденномъ въ Охридѣ и замѣчательномъ, между прочимъ, тѣмъ, что въ немъ есть двѣ страницы, писанныя на половину Кириллицей и Глаголицей, а, сверхъ того, и въ другихъ мѣстахъ встрѣчаются какъ отдѣльныя буквы, такъ и цѣлыя реченія Глагольскія. Нашедшій относитъ его къ XII-му вѣку; но, судя по сообщенной имъ выпискѣ (всего 4 строчки), можно сказать навѣрное только то одно, что памятникъ этотъ списанъ съ Глаголицы (77). Вотъ это показаніе: «*Въ тожде днѣ поумъ блаженъ ѿнъ изшъ Меводіе архієпъ Моравскъ, оучитель Словѣнскоу азбуку, иже приложи въскресъ, поставль фати ѿ Греуьска въ Словѣнскъ азбуку* (78).» Безъ сомнѣнія, подъ «*въскресъ*» разумѣется тутъ либо 1-я глава Евангелія отъ Иоанна, читаемая въ Свѣтлое Воскресеніе Христова, либо же, точнѣе всего, Евангелія на дни воскресныя или недѣльныя, «*Апракосъ*.» Слѣдовательно, етѣмъ утверждается участіе Меводія даже въ переводѣ Воскресныхъ Чтеній, обыкновенно приписываемыхъ одному Константину. Далѣе: «*поставль фати ѿ Греуьска въ Словѣнскъ азбуку,*» по моему мнѣнію, означаетъ не то, чтобы одинъ лишь онъ сталъ писать съ Греческаго по Славянски, т. е., Греческими буквами, примененными къ свойству Славянскихъ звуковъ, но только вообще, что и онъ, какъ братъ настоящаго изобрѣтателя Славянской азбуки по образцу Греческой, принадлежитъ къ первымъ, начавшимъ употреблять ее. О Кириллѣ же не сказано слѣсъ по тому, что онъ «*поумъ*» не «*въ тожде днѣ*.» Иначе, слѣдовало бы показаніе его поставить выше всѣхъ другихъ показаній и, согласно съ нимъ, приписать, вопреки свѣдѣтельству всей древности, переводъ Воскресныхъ Евангелій, а съ тѣмъ и изобрѣтеніе письменъ, не Константину, но Меводію, какъ того (т. е., послѣдняго) дѣйствительно и хочетъ сочинитель статьи «*О древней письменности Славянъ* (стр. 67—89).» Но,

чтобы доставить мнѣнію своему какую либо степень вѣроятности, надлежитъ, прежде всего, доказать несостоятельность всѣхъ прочихъ свѣдѣтельствъ, въ пользу Кирилла говорящихъ, что, надѣюсь, едва ли возможно.

3) Показаніе древней «*Службы св. Мефодію*» находящейся у того же самаго лица, что и предыдущее, въ одномъ тропарѣ коей онъ названъ «*обратникомъ буквъ*»: «*Законъ благодати и благодать стажакъ си, сію Мефодіе, тѣмъ оубо вьстѣ святымъ боуквамъ и рѣшждѣ обратникъ и рѣдѣмъ еси своимъ людемъ и стадоу оученіе ихъ, ни иже утѣще и поучающеся къ святымъ книги благовсловахъ Господа*» (стр. 68). Сдѣсь слово «*обратникъ*» можетъ представлять два смысла: по первому оно то же, что *обратитель*, отъ *обратити*, оборотить, слѣдственно, тотъ, кто обратилъ что либо отъ чего либо и къ чему либо, тутъ — Греческія письмена въ Славянскія, т. е., сдѣлавъ ихъ Славянскими, припаровивъ или примѣнивъ къ звукамъ Славянскимъ, стало быть, обратникъ то же, что примѣнитель. По второму смыслу обратникъ то же, что обрѣтатель, находчикъ, отъ *обрѣсти*, т. е., допустивъ, что въ немъ ъ измѣнилось въ а, какъ въ Церковнославянскомъ прѣславьмъ, грѣхъ; Полабскомъ мѣлака, цѣлавакъ, дара, пина, панѣ, Любемаръ, и под., вмѣсто, прѣславьмъ, грѣхъ; мѣлѣко, цѣлавѣкъ (человѣкъ), дѣра, пинѣ, пѣна, Любомѣръ (79). Изъ стѣхъ двухъ объясненій трудно сказать, которое вѣроятнѣе; но, во всякомъ случаѣ, отъ того ли, другаго будемъ производить его, главный смыслъ одинаковъ — изобрѣтеніе или нахожденіе буквъ Мефодіемъ для Славянскихъ звуковъ, намекалъ ли писавшій стѣмъ на простое обращеніе Греческаго письма въ Славянское посредствомъ снаровки или примѣненія чуждыхъ знаковъ къ новымъ, что, судя по большинству буквъ, взятыхъ изъ Греческаго алфавита, вѣроятно; или же видѣлъ въ этомъ только обрѣтеніе, иначе изобрѣтеніе, составленіе. Судя по выраженію «*оученіе ихъ*», т. е., познаніе, которое передать онъ «*своимъ людемъ и стадоу*», естественнѣе будетъ предполагать послѣднее толкованіе. Но подъ стѣмъ я понимаю только примѣненіе Греческихъ буквъ къ Славянскимъ звукамъ, отнюдь же не къ какому-то извѣстному уже въ Славянскомъ языкѣ буквамъ

(80), слѣдовательно, существовавшимъ до Константина и Меѳодія, которыя, во первыхъ, вовсе не извѣстны, а допускаются только утверждающимъ это, какъ извѣстныя, и, во вторыхъ, если бы это было такъ, то не для чего было бы тогда и трудиться обращать ихъ. «Однако,» — замѣтятъ мнѣ, «такъ ли, иначе, все же Меѳодій, а не другой кто, не Константинъ или Кириллъ, братъ его, по прямому смыслу этого показанія, былъ обратникъ или обрѣтникъ, обрѣтатель Славянскихъ буквъ?» Свѣдѣтельство это принадлежитъ къ числу тѣхъ, въ которыхъ составленіе нашей азбуки, дѣйствительно, приписывается старшему изъ двухъ братьевъ. Уже Добровскій обратилъ на это обстоятельство вниманіе, и по тому, въ сочиненіи своемъ о Кириллѣ и Меѳодіи, распредѣлить всѣ свѣдѣтельства объ изобрѣтеніи письменъ въ этомъ отношеніи на три разряда: на свѣдѣтельства, приписывающія то одному Кириллу, Меѳодію и, на послѣдокъ, обоимъ вмѣстѣ. Замѣтимъ, что второе мнѣніе утверждали до сихъ поръ только Западныя показатели, но отнюдь не очевидцы, хотя отчасти и современники, именно: неизвѣстный Зальцбургскій сочинитель исторіи обращенія въ Христіанство Баварцевъ и Хорутанцевъ, и Салонскій Соборъ. Это и естественно было, по тому что и Зальцбургское и Далматское Католическое духовенство больше и дольше всего соприкасалось и спорило не съ Константиномъ, который промелькнулъ въ Моравскихъ и Паннонскихъ странахъ какъ бы молніей (всего съ небольшимъ 4 года, а по другимъ и меньше), но съ Меѳодіемъ, которой трудился тутъ около 20-ти, и даже, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, за 20 лѣтъ одинъ, и при томъ, какъ верховный духовный пастырь обширѣйшей іерархіи. Отправляя богослуженіе на языкѣ народа Славянскаго, для котораго отыскиались даже особыя письмена, получившія, съ той поры, названіе Славянскихъ, Меѳодій особенно былъ непріятенъ Латинскому священству, которое, въ жалобахъ своихъ, прямо высказываетъ это, ни мало не скрывая причины ненависти къ нему: «*Quidam Graecus nomine, noviter inventis Slavinis literis, linguam latinam doctrinamque romanam atque literas auctorabiles latinas, philosophice superducens, vilescere fecit*» (*Anonymus Salisburg.*); «*qui (quidam Methodius haereticus) multa contra catholicae fidei normam, in eadem*

Sclavonica lingua manendo conscripsit (*Archidiaconus Thomas Salonit.*)» А что къ сему чужимъ свѣдѣтельствамъ присоединяется теперь и Славянское, причину тому, полагаю, слѣдуетъ искать не въ етѣхъ свѣдѣтельствахъ, но, скорѣе, въ нѣкоторыхъ туземныхъ показаніяхъ. Таковы, прежде всего, отчасти неточныя выраженія самыхъ Житіеописаній Кирилла и Меѳодія въ разсказѣ объ изобрѣтеніи письменъ. Въ первомъ читаемъ, какъ Константинъ, склонясь на увѣщаніе царя, «но прѣкноюмъ обгылю, на иѣткою сѣ илжози, и сѣ иѣтми сѣ и освященныи;» а во второмъ увѣщаніе царя обращено къ обоимъ братьямъ, которые «не съмастѣса брѣци ни бѣ, ни цѣ... иѣ вели(вою) слышмкъша рѣчь, на молиткою сѣ илжозиста и сѣ иѣтми, иже бѣахоу того же дѣа, иго же и си.» Если взять етѣ слова отдѣльно, то не только, прежде всего, подумаешь, что оба брата участвовали въ изобрѣтеніи, но даже при пособіи другихъ посвѣщениковъ, бывшихъ одинаковаго съ ними духа (разумѣется, больше всего, учениковъ и сотрудниковъ въ дѣлѣ обращенія народовъ въ Христіанство), между тѣмъ какъ, снесши это мѣсто съ предыдущимъ и послѣдующимъ, откроемъ, что все споспѣшествованіе Меѳодія и иныхъ единомысленныхъ ограничивалось въ семъ случаѣ только общей молитвой. Да при томъ, въ томъ и другомъ Житіи, при разсказѣ о самомъ изобрѣтеніи письменъ, прямо указывается на одного только Константина: «вѣскоря емоу (Константину) бѣъ иви, послоушши иѣткы рѣчь своихъ, и тогда сложи писмена, и илжа вѣсѣдоу писати Склизльскоую.» И ниже, въ посланіи Михаила къ Ростиславу: «и то ти посладохомъ того, емоу же са бѣъ иви, моужа устни и бѣаговѣри, книжи зѣло, и философѣ.» Последнее названіе во всѣхъ источникахъ усвоется всегда почти одному лишь Константину или Кириллу. А выраженіе: «посладохомъ того, емоу же бѣъ са иви,» какъ сходное съ предыдущимъ, относящимся къ явленію ему Богомъ письменъ, т. е., внушенія касательно изобрѣтенія ихъ, и сдѣсь должно, по тому, означать тоже. Въ Житіи же Меѳодія прямо сказано объ изобрѣтеніи азбуки нашей именно философомъ: «да тоу иви бѣъ философѣу Словѣнскы книги, и аѣис оустранѣкъ писмена и вѣсѣдоу съставлямъ, поути са иѣтъ Морѣвскаго, понѣкъ Меѳодіа.» Слѣдовательно, Меѳодій въ семъ дѣлѣ, т. е., въ

самою изобрѣтеніи, является, собственно говоря, въ сторонѣ, равно какъ и при переводѣ бесѣды Евангельской (Евангелія отъ Іоанна), а за нимъ и прочихъ Воскресныхъ или Недѣльныхъ чтеній (въ переводѣ коихъ, можетъ быть, и участвовалъ, но не въ переводѣ, по крайней мѣрѣ, 1-й главы отъ Іоанна, что принадлежитъ, по прямому смыслу Житія Константина, одному лишь Константину), и только послѣ совершенія всего этого, Месодіи, бывшій, статья можетъ, въ то время все еще настоятелемъ Полнхронской обители, присоединяется къ Константину, отправляется съ нимъ въ Моравію и начинаетъ опять помогать ему въ новомъ подвигѣ. «Низъ сего да не можетъ створити, разятъ тебе,» говоритъ царь Константину; «тъ изъ ти дары мнози, и пониъ братъ свои, игоумень Месодии, иди же... изуать (Месодіи) павы съ новорымъ книноуаса слоужити философю и оучити съ нимъ.» Да и царь Михаилъ, въ упомянутомъ выше посланіи своемъ къ Ростиславу, ничего не говоритъ объ участіи Месодія въ изобрѣтеніи письменъ, между тѣмъ какъ тутъ-то и было самое настоящее мѣсто къ тому, если бы старшій братъ, по крайности, сколько ни будь замѣшанъ былъ въ этомъ дѣлѣ; если бы сочинитель Житія зналъ что либо о томъ, сочинитель, съ такою обстоятельностью и подробностью изобразившій намъ жизнь его. При томъ, Константинъ отличался особеннымъ даромъ и способностью къ языкамъ, а Месодіи совсѣмъ другими, не менѣе важными, но все же другими, способностями и свойствами. Такъ въ самыхъ дѣтскихъ лѣтахъ, когда отланъ былъ «къ оученію княжесю, Константинъ снхше пхуе всѣхъ оученикъ въ книгахъ, паматию и хытростию (быстрою ума) доброю вельми, яко и дикитса встемъ, сѣдаше во къ домоу своемъ, оуучае кингамъ издоусть;» вызванный логоветомъ Феоктиетомъ, родственникомъ своимъ, ко Двору, въ товарищи при ученіи молодому Михаилу, «илывуе къса (Салннскы оученіи), яко же ни единъ ѿ нихъ (соучениковъ), скоростъ са съ примежаніемъ съклоуи, съ теми бесѣдоваше, съ нимъ же блаше полезитъ, оуучаидаса ѿ оуководящихъ къ стропытл.» По совершеніи же образованія, его уговорили «оуучительныи самъ прѣати, оуучити философию своа земца и стрлнныа.» Въ этомъ званіи онъ показалъ себя особенно въ прѣвнн съ патриархомъ Анніемъ, иконоборцемъ, въ присутствіи царя и высшаго

духовенства (843, на 16 году отъ рожд.); потомъ не менѣе отличался въ прѣвѣнїи съ Сарацинами (851, на 24 г. отъ рожд.) о Святой Троицѣ, требовавшими нарочно для того лучшаго философа изъ Грековъ (кажется, у Мелитенскаго емира, Аммермана); по возвращенїи оттуда, удалился въ безмолвіе, на гору Олимпъ, къ брату Меодію, тоже проводившему тамъ жизнь въ отшельничествѣ, «только книгами вѣсело.» Такіе успѣхи побудили царя отправить его и къ Козарамъ, просившимъ прислать къ нимъ «моужа книжна, да препрїти Еврея и Срацины,» склонявшихъ ихъ въ свою Вѣру, и соглашавшихся послѣ того принять Греческое исповѣданіе: «то по вѣшоу ся вѣроу имемъ.» Достоинно вниманія, что и тутъ, какъ послѣ, при отправленїи къ Славянамъ, императоръ замѣтилъ ему: «ниъ бо никто не можетъ сего достоино сътворити.» Потому—то и писавшій Похвальное Слово ему выразился о немъ: «родъмъ сы мѣни бѣжнѣи Костайтинъ, а оумъи и добродетельни кыспрь къзѣтѣа яко же орьлѣ дховьныи крїмомѣ и свѣтѣа вѣсемъ оуеннѣсмъ философскѣмъ... слово растъвак комоужьдо изъикоу протикоу скоенѣмоу рѣзоумѣоу, бѣ бо кѣмоу дѣмъ даръ дховьныи изъыкы гѣти яко и аѣлоу.» Напротивъ, Меодію, по словамъ жизнеописателя его, отличаясь благообразіемъ, любя «издѣтскѣи уѣстныи вѣсѣды,» сначала быстротою своею (способностями) побудилъ царя дать ему «внѣженіе държати Словѣнско,» которое, однако, послѣ 10-ти лѣтняго управленія, оставилъ, замѣтивъ много безчиннаго въ жизни сей и, не хотя «уѣстныи дѣшѣи орьлѣтнѣти (навлечь на себя роптанія благородныхъ душъ), облѣуеса въ уѣрны рѣзы,» удалился на Олимпъ въ уединеніе, гдѣ тоже «прїлежаше», между прочимъ, «и книгамъ». Тѣмъ же самыми красками изображаетъ его и сочинитель Похвальнаго Слова: «изъмада житнѣскѣи санѣи наухѣи прїимѣти, моудрѣстнѣи бо яко цѣтѣа бѣгоуханѣи цѣтѣи, вѣсемѣи влѣдѣнѣи кѣи любѣнѣи, къ вѣсѣдахъ яко Соломонѣи мѣвѣмѣсѣа, днѣнѣи прѣтѣи и нахѣдѣи и въпрѣшѣнѣи износѣи, ил слоужѣа вѣсемъ оугоднѣи, яко и крѣдѣа обрѣтѣмѣсѣа, и на вонѣи яко и Самѣсонѣи и Гедѣонѣи и Ісѣи Навѣнѣи, тѣмъ же и кожеводѣскѣи санѣи прїимѣи.» По удаленїи на Олимпъ, «бѣ повнѣоумѣа вѣсемъ съ покорѣнѣсмъ и съ мѣрѣнѣсмъ, въ вѣдѣнѣи и молѣтѣа; къ сътоужѣнѣи и слоужѣа, къ издѣрадѣи поренѣи, въ трѣзкѣнѣи вѣсѣгда, въ оуиренѣи дховьныи, къ наухѣи бѣзѣа, ѿ оуѣю истѣиинѣа испѣуѣнѣа яко рѣкоу, и тою оумѣ-

какъ все тело свое, пльгскаго поком отиноудь некъдын, клькъ
 ксть, нъ нх всьскоу ноцѣ стои, ѿ заходяща снцѣ до въсходяща не
 для снѣ оуниа своимѣ, ни вѣжмѣ си дремлениа, ни покои брѣвѣмѣ
 своимѣ, пооуаюса въ всамѣхъ и ивниихъ и пѣсньхъ дѣовьныхъ,
 снѣодвижаасѣ снѣостигноути житиѣ сѣхъ оѣ, ѡкы же прѣситъ кро-
 тостию и мѣлуаннемъ, а друугымъ постѣмъ и бѣдѣнемъ и мѣтвюю и
 сѣмѣреннемъ издрядно, и тако именитъ бѣзистъ въ всѣхъ оѣихъ,
 подобьихъ великому Арссению и Антонию и Савѣ, всѣхъ житиѣ собою
 сѣвршилѣ.» Такое подвижничество обратило вниманіе на него
 всѣхъ прочихъ подвижниковъ, которые, съ согласія патріарха,
 желали поставить его митрополитомъ «въ устьвѣ мѣстѣ,» но, не
 могли убѣдить его къ тому, склонили принять игуменство въ
 Подихронскомъ монастырѣ, одномъ изъ богатѣйшихъ на Азіат-
 ской сторонѣ Мраморнаго моря (81). Впрочемъ, и жизнеописа-
 тель Кирилла, рассказывая о Ростиславовомъ посольствѣ и со-
 вѣщаніи царя на особенномъ соборѣ, снова влагаетъ въ
 уста Михаила то же самое, что прежде, при отправленіи
 къ Козарамъ, и тѣмъ, какъ нельзя лучше, опредѣляетъ
 отличительную черту свойствъ младшаго изъ братьевъ, ко-
 торыми онъ превосходилъ всѣхъ своихъ современниковъ,
 слѣдоват., и брата своего, т. е., глубокую *ученость и языко-
 вѣдніе*. Посobie же Меодія младшему брату въ такомъ вы-
 сокомъ дѣлѣ, совершенное, съ особенной кротостью, и въ
 этотъ разъ, какъ и прежде (въ посольствѣ, конечно, къ
 Козарамъ), стало, ограниченіе себя второю ролью (что жизне-
 описатель и выставляетъ на видъ); далѣе, ученіе съ нимъ
 вмѣстѣ и въ одинаковомъ духѣ, равно какъ долговременная
 дѣятельность послѣ смерти братьевъ и особенная заслуга въ
 окончаніи перевода Божественнаго Писанія на Славянскій, пре-
 имущественно ему приписываемая біографомъ его: все это,
 въ совокупности взятое, очень могло навести на мысль чи-
 тавшихъ его жизнь, что и онъ былъ участникомъ въ состав-
 леніи письменъ для того народа, для котораго столько
 потрудился. Это и видимъ мы (не говоря уже о неизвѣ-
 стномъ сочинителѣ исторіи обращенія Баварцевъ и Хору-
 танъ, равно какъ и о Сплитскомъ архидіаконѣ Оомѣ) въ
 Несторовомъ рассказѣ, который, какъ замѣчено уже, состав-
 вилъ его преимущественно по Житію Меодіеву, и который

сдѣлалъ участникомъ и Меѳодія въ изобрѣщеніи азбуки: «Сима же пришедъшема въ Словѣнскую землю (къ Ростиславу), начаста съставлявати писмена азбуковѣныя Словѣнски, и преложи ста Апостолъ и Евангеліе (П. С. Р. Л. I, стр. 11).» Сообразивъ всѣ етѣ обстоятельства, и я спрашиваю, на оборотъ: можно ли заключать, что «Меѳодіи сталъ первый писать Греческими буквами въ Славянскій языкъ?» (82).

Изъ *вторыхъ* (Сербскихъ) относятся сюда показанія, встречаемыя въ *небольшихъ Сербскихъ летописяхъ*, изъ коихъ двѣ обнаружены уже Шафарикомъ въ его «Югославянскихъ памятникахъ», именно:

1) «Летописецъ» по списку Сеченіевскому, около 1501 года, въ которомъ читаемъ: «Въ лето .,ѣѣѣ. (6360—852) написа се се словеса скетини Кирилломъ.»

2) По списку *рукописи Рацкой* (изъ Рачи) около 1671 года: «Въ лето .,ѣѣѣ. (6360—852) написа се наша словеса скетини Кирилломъ философомъ и оучителемъ Българскаго языка, при цари Грццццц Мехиде и Феодори матери его, иже оутвърдише казнати се светини иконини.» (83). Кромѣ указанія на годъ изобрѣщенія «пизнихъ словесъ» Кирилломъ, важно въ последнемъ еще названіе его «оучителемъ Българскаго языка» (народа). Если это мнѣніе и не слишкомъ отдаленной древности, все же оно обличаетъ взглядъ людей, по крайней мѣрѣ, XVII-го вѣка, видѣвшихъ въ Кириллѣ наставника Славянъ Булгарскихъ, по тому что подъ «Българскимъ языкомъ» сдѣсь, конечно, должно разумѣть не собственныхъ Булгаръ и языкъ ихъ, т. е., племя, принадлежащее къ Сѣверной вѣтви языковъ, родичей Гуновъ, Обровъ, Козаръ, Печенѣговъ, Шоловцевъ, Татаръ, Турокъ, и т. под., но народъ и языкъ Славянскій, покоренный Булгарами и въ это время успѣвшій уже побѣдителей своихъ и владыкъ почти совершенно слить съ собою, за исключеніемъ одного имени, оставшагося на память прошедшаго, какъ наше имя Русь, свидѣтельствующее тоже о подобномъ отношеніи двухъ народовъ, кромѣ покоренія, замѣннаго у насъ призваніемъ.

3) Свѣдѣтельство «Сказаніа въкратцѣ свѣѣннѣ ѿ Адамъ до дѣньшиного вѣрмене,» помѣщеннаго въ концѣ одного сборника разныхъ подлинныхъ и переводныхъ (съ Греческаго) сочиненій на Церковнославянскій языкъ по Сербскому изводу (редакціи), прежде принадлежавшаго Черногорскому Владыкѣ, Петру Петровичу Пѣгошу 1-му, и подареннаго имъ извѣстному Польскому ученому, Андрею Кухарскому, во время его путешествія (ок. 1830 г.) по Славянскимъ Землямъ, съ цѣлію занять кафедру Славянскихъ нарѣчій въ прежнемъ Варшавскомъ Университетѣ (84). Въ 1842 году я имѣлъ случай разсматривать етотъ сборникъ въ самой Варшавѣ и сдѣлать изъ него большія выписки, изъ коихъ одну, именно, относящуюся къ теперешнему предмету моего изслѣдованія, обнарудовалъ тотчасъ по возвращеніи своемъ въ Москву (85). Сказаніе ето составляетъ окончаніе сборника, состоящаго изъ 4-хъ книгъ, изъ коихъ первой недостаетъ уже начальныхъ 14 листовъ, и состоитъ изъ 5 статей. Сказанію предшествуетъ «Житіе и жизнь прѣпо помѣннаго словцаго бѣгоуствнаго гдѣ деспота Стефана, съислино повелѣннѣмъ и попоужденнѣмъ стѣншаго патрїарха земле тое Сръбскѣе, крѣ Никонномъ и полатїи нлуелннѣ,» и проч.; а выше (№ 49): «Геѡргїа шнокъ о Моухвмде,» равно какъ (№ 48) «о преставленїи деспота Гюрга въ граде Смедерекѣ» (6965—1457); въ срединѣ же 4-й книги (№-и 25): «Новѣсть изложена о Сръбскѣи госпѣ, иже пожнше въ земли Сръбстїи бѣуствїа своего, колнко кто пожнть, и бѣкдѣ нлуелство просебе, и кто по кѣ высть, и кяковѣи концѣмъ прїде.» Самое Сказаніе содержитъ исчисленіе замѣчательнѣйшихъ событїи съ прїуроченїемъ ихъ къ году. Судя по слѣдующимъ словамъ: «Въкоупѣ ѿ Адамъ дозѣ лѣ. ꙗѡнн,» (6856—1348), видно, что Сказаніе сіе первоначально оканчивалось въ етомъ мѣстѣ, и что дальнѣйшее, въ которомъ чрезвычайно много и точно говорится объ отношенїяхъ Сербовъ къ Греческой и Турецкой Имперїямъ, а также и прочимъ сосѣдямъ, составлено было уже послѣ, и при томъ въ нѣсколько прїемовъ. Ета вторая часть его доведена до зѣнн (7082—1574) лѣта: послѣднее извѣстіе о преставленїи «прѣѡсвѣннаго архїейнопа Дїѡнїа, тоежде црѣкве Пѣкскѣе архїейнопте» (86). Въ его-то первой части читаемъ слѣдующее извѣстіе: «Михаилъ снѣ Осѡфїлокъ съ матерїю сн Осѡрою,

лѣ .кѣ. и съ Василѣемъ Македономъ лѣто едно, и мѣъ .д̄. При сиѣхъ обновлени се Православїе и иконн стѣе въ цркви вьсталише се пакы, и Българи хрѣтїаны быше, и словеса Словенскѣа състакнише се стѣмъ Курїлѣмъ въ лѣ .стѣ. (6360—852). Василѣе Македонъ .ѡ. лѣ. При сѣ Роуспи крѣтиши се и быше Хрѣтїане.»

Наконецъ, къ Сербскому разряду относится и показаніе «Синаксаря» или Святцевъ при *Псалтыри*, печатанной въ Черногорьѣ, на Цетинѣ (въ 4-ку, на 347 лист.), 1495 года, второй изъ напечатанныхъ тамъ книгъ (первая, Октоихъ или Осмогласникъ 1494 г., въ л., на 270 л., отъ коей сохранился только одинъ листъ въ мѣстѣ печатанія своего), и дошедшей къ намъ только въ одномъ экземплярѣ, который, какъ сказано было г. Кухарскому, уступленъ въ одно изъ Рускихъ книгохранилищъ (87). Въ Синаксарѣ этой псалтыри читаемъ, подъ 14-мъ февраля: «Светаго Кирила философа и оучителя Словенскаго» (88). Слѣдовательно, изъ этого узнаемъ только, что Кирилъ философъ и по свѣдѣтельству одной изъ древнѣйшихъ первопечатныхъ книгъ Кириллицей былъ *учителемъ Славянскими*. Въ другихъ же, какъ древняго, такъ и послѣдующаго, времени Мѣсяцесловахъ, рукописныхъ и печатныхъ, не рѣдко и того менѣе говорится о немъ. На примѣръ, въ Синаксарѣ, при извѣстномъ Остромировомъ Евангелїи: «Ѧи (февруара) ѡнъ прїѣззѣаго Аѡхсѣнта хоудотворица, и прїѣззѣаго оѡца нѣшего Константина философа, нареуѣнаго въ урьнѣуѣство нѣенымъ Курїлѣмъ» (оборот. 265 листа, столб. 2). А въ Синаксарѣ харатейнаго (или пергаменнаго) Евангелїя «Аиракосъ», принадлежащаго Московскому Архангельскому Собору, № 3-й, въ л., (на обор. 251 л., столб. 1), подъ 6-мъ апрѣля: «Въ .ѣ. стѣхъ сїѡномъ .ста. и .ѣ. и стго оѡца, Сѣтѣха архїеѡпа. И стго Мефодїа архїеѡпа, и Курїла брата ѣго.» (89) На оборотъ, въ Святцахъ нѣкоторыхъ, весьма старинныхъ, рукописныхъ Евангелїи и т. п. (на прим., при пергаменномъ Мстиславовомъ Евангелїи, хранящемся въ Московскомъ Архангельскомъ Соборѣ, 1125 г., № 1-й; при такомъ же Евангелїи 1144 г., Московской Синодальной Библиотеки, и др.), вовсе не находимъ ни одного изъ Селунскихъ просвѣтителей Славянъ.

Изъ Третьихъ (Русскихъ) принадлежатъ сюда:

1) *Сказанія Рускихъ Хронографовъ*, изъ коихъ, въ нынѣшнее время, доступны мнѣ слѣдующія: а) *Сказаніе Хронографа, писаннаго на бумагѣ, въ 4-ку, полууставомъ, конца XV-го вѣка (1494 года), въ Школь, Дьякомъ съ Дубкова или изъ Дубкова (въ подлинникѣ Сдубкова), и находящагося въ Румянцевскомъ Музеѣ, въ Петербургѣ (въ мал. л., на 475 л., въ два столбца, полууст.)*. Сказаніе это напечатано при сочин. Добровскаго «Кириллъ и Меѳодій» въ Рускомъ переводѣ, въ числѣ «Приложеній» (III-е, стр. 108 — 120); самъ же Хронографъ подробно описанъ А. Х. Востоковымъ (въ «Описаніи Русскихъ и Словенскихъ рукописей Румянцоваго Музея,» подъ № ССССЛIII, стр. 725—734). Отсюда узнаемъ, что онъ «содержитъ въ себѣ сначала *Палею*, т. е., Священную Исторію по книгамъ Ветхаго Завѣта, со вставками изъ апокрифическихъ книгъ, потомъ Исторію Монархіи по Временнику Георгія Амартола, а Русскія происшествія только до Владиміра, въ немногихъ краткихъ выпискахъ. Начинается шестодневомъ, т. е., описаніемъ сотворенія міра, съ богословскими толкованіями, большею частію по шестодневу Іоанна Ексарха; при чемъ сочинитель часто обращаетъ слово свое къ Жидовину, приводя противъ него изъ Ветхо-Законныхъ книгъ доказательства о истинѣ Евангелія.» Такъ какъ въ этомъ спискѣ первые листы утрачены (до описанія 3-го дня), то и нельзя знать, каково было, собственно, начало его; но, судя по Сборнику подъ № ССССЛXI (въ мал. л., на 347 л., полууст. исхода XVI, или начала XVII в., заключающаго въ себѣ только изъясненіе Книги бытія до Авраама, послѣ чего слѣдуютъ разныя историческія и богословскія статьи; стр. 517—519), содержащему въ себѣ тоже *Палею*, заглавіе было: «*Палея пріодовнаго оїа илшего Іоанна Дамаскина.*» Въ другихъ спискахъ (Собранія Гр. Толстова I, 78, и V, 50) она приписана Іоанну Златоусту. *Палея* эта, замѣчаетъ Востоковъ (тамъ же), совершенно отлична отъ *Палеи*, находящейся въ Румянц. Музеѣ подъ № ССХСХVII (въ 4-ку, 310 л., полуустав. XVII в., подходящимъ къ скорописи), собранной изъ Хронографовъ и тому подобныхъ источниковъ (стр. 421—422), съ довольно длин-

нымъ заглавіемъ (90). Послѣ взятія Царяграда Турками, слѣдуетъ, съ 287-го л., краткое повѣствованіе о Рускихъ происшествіяхъ отъ Рюрика до Михайла Федоровича. За то Хронографъ дьяка съ Дубкова, судя по описанію его, совершенно сходенъ съ «Палеей», принадлежащей В. М. Ундольскому, въ л., на бумагѣ, полууставнаго, довольно четкаго, письма, на 885 л., съ таковымъ заглавіемъ (писаннымъ золотыми буквами и киноварью): «Сѣа книга нарицается Палеа толкована. Съ Бгомъ поумишемъ. Гл̄ бѣ.» За тѣмъ самое начало, одинаковое съ Палеей Дамаскинскою: «Вѣ прежде всѣхъ вѣкъ ни изхала ниъ, ни концъ, яко Бг̄ силенъ,» и проч. Конецъ же ея почти до слова одинаковъ съ концемъ Хронографа какъ передъ послѣсловіемъ, такъ и послѣ него; но самое послѣсловіе въ обѣихъ рукописяхъ различно и указываетъ на время, по крайней мѣрѣ, переписки той и другой. Въ первомъ оно такого содержанія (л. 454): «В лѣ .ѣ. кроу сѣпю .л̄. лѣ .і. ниди .ѣ. написаны были снз книги въ граѣ бгомъ снсаемъ во ѡсковѣ пре великѣ кнзи ꙗра всеи рꙋсі нхне васнабвннх и при кнзи великѣ вноукѣ его дмитріи ивановннх и при всео҃сїрнѣ архїеиѣ великого новгорода и ѡскова и҃це геладїи. и при кнзи ѡсковскѣ клсидн феѡровннх при посадинѣ ѡсковскѣ степенѣ якоже афилѣвннх и лешнтен тнлофевннх. снса сѣбѣ из оутѣшенне многорѣшнмому самꙋрлн днскоꙋ сдꙋекова из ѡслошаннѣ б҃олюбнвѣ хр̄тїанѣ и кто по нѣ изнѣ уести дан емꙋ гн илѣт свою и илѣтꙋ деднꙋ и о҃тнꙋ и и҃трнꙋ яко ѣ нннѣ илѣтл о҃тна и и҃тра оутвержетъ дошн улѣѣ вѣѣ и рѣ. яко гн сѣ еси реклѣ любан илѣ и словеса мол совмодѣ и ил реклѣ еси сосоꙋдѣ скон извернннх пѣлѣ илѣѣ любарн бѣ все поснткаѣ во бѣгоѣ. дан емꙋ гн бѣ многолѣткѣ в сѣ вѣце со бѣгннх дѣла пожнтї въ илѣтн твоѣн. илѣтлнн прѣтѣх твоѣн илѣтн полꙋчнтн о҃стакленне грѣховѣ влѣ ѡ вѣкѣ е҃лѣ хо҃решн прнлѣ вѣздати по дѣлѣ нннѣ коꙋѣѣ самꙋ бо гн реклѣ в стѣ е҃лѣн прѣснрнмꙋ дѣсѣ толкꙋрнмꙋ ѡвержетѣ нрꙋщенѣ ѡврнрѣ. яко илѣт илѣвѣ глѣт е҃гѣ ѡко не ил ни оꙋхо не слыша ни ил сѣце улкꙋкꙋ вѣдѣ е҃гѣ бѣ оꙋготова любарн е҃го. И сконꙋлнн были кнги снх мѣл апрн дї из илѣт и н во стѣ ѡлѣ ннѣ нснѣтнн илртннх ннн рїскѣ.» (91) Во второмъ послѣсловіе ето стоитъ совершенно на томъ же самомъ мѣстѣ, но, гдѣ нужно, приспособлено писцемъ къ себѣ тѣми же выраженїями, что и въ первомъ: «В лѣ .ѣ. с. бѣ. написана бѣ снз книга. и лѣтн во граѣ бгомъ снсаемъ во ѡсковѣ. при великѣ кнзи ꙗра

(последнее слово приписано мелкимъ почеркомъ) всехъ рвси ил-
 сиахи ивлювиуи, и при велѣи кѣзи велѣи (такъ-съ!) .юрип. и смеѣоне. дми-
 трини. и андрини брѣ его. и при обѣщииѣ митрополите всеа рвси. царлине. и
 при илмеснииѣ исквѣскѣи ивѣ касильскѣиуи. и андрини Савурока. и при дьяке
 велиго (такъ-съ!) кѣзи миханеа григорьевнуи. списѣ себѣ на утешеніе
 мнѣ грешнонѣе костаити и оупѣ служителю дѣа стѣго изъ домаитове
 стени.» Далѣе слѣдуетъ, слово въ слово, сходное съ Хроно-
 графнымъ, продолженіе до самаго означенія мѣсяца и дня,
 когда окончена переписка: «и скончана быша (такъ-съ!) книга
 сна мѣа .сеиѣ .нѣ. стѣго мѹуеникл. соустѣфна яалниды. и ѣи ѣ. и двюю
 уаду его. втѣ днѣ илмѣ стѣи мѹиикъ иновѣдѣниикъ великѣи кѣзи мн-
 хиллѣ уерниговскѣо. и фѣѣора водрипи его. вкѣне пострѣдѣкшиѣ за
 кѣрѣ ирѣославнию. ѣ неѹтиго ѣра вѣтѣл. того же лѣ на кромѣ
 ирѣсло стени постѣкѣи ѣ тѣснетовѣ коѣрѣ до перѣѣ .фрѣлиинѣ. дѣ
 тонже ѣсени дѣтѣа присла подъ опеука. сеѣ .нѣ. а писѣлъ есмѣ грѣвни
 слѣтѣ. а шию понеже скорости ради гдѣ боудѣ ѣписѣлѣа шию же
 ганно делѣ и вы братіе и оѣи утѣте и ирѣкѣте собою. понеже
 ирѣвлена естѣ скорости ради. а иашеа грѣвности не бесцѣствѣн-
 те. дѣ и на васѣ поучѣлѣте ѣне каѣвѣиѣ всегда шиѣ и ѣрѣно и
 во веки и иѣтѣ мнѣ. арипѣ (съ обор. 835 по обор. 836 .лѣста)
 (92). И такъ, Палѣя ета составляетъ, просто на просто, про-
 тивенъ съ, такъ названнаго, Хронографа, писаннаго дьякомъ съ
 Дубкова. Хотя въ немъ начало утрачено, однако, судя по содер-
 жанию, оказавшемуся съ Палѣей по па Константина почти до
 мелочей сходнымъ, кажется не погрѣшимъ, если возвратимъ ему
 настоящее его названіе, т. е., станемъ и его тоже называть
 Палѣей, тѣмъ болѣе, что она совершенно отличнаго состава
 отъ большаго числа Хронографовъ, доселѣ известныхъ намъ.
 Можетъ быть, пошѣ Константинъ имѣлъ передъ глазами у
 себя списокъ самаго Дубковского дьяка; впрочемъ, судя по
 тому обстоятельству, что послѣдняя статья Дубковского спи-
 ска не имѣетъ конца, равно какъ и по включенію двухъ,
 трехъ статей, отличныхъ отъ этого, также опущенію столь-
 кихъ же, вѣроятно же думать, что Домонтовскіи священникъ
 списывалъ съ другаго экземпляра, потерпѣвшаго уже нѣко-
 торыя измѣненія въ своемъ составѣ на разстояніи четверти
 столѣтія (1494—1518). Кто бы ни составлялъ, однако, Па-
 лѣю, известную намъ, пока, по двумъ спискамъ, нельзя пе

замѣтить, что та часть ея, въ коей заключаются свѣдѣнія, относящіяся къ нашему предмету, представляетъ, какъ нарочно, самое странное смѣшеніе извѣстій, взятыхъ на поддержку изъ разныхъ источниковъ, Богъ вѣсть кѣмъ составленныхъ, но списанныхъ обоими писцами со всею добросовѣстностью. Замѣчательно, что такая путаница существуетъ только въ одной етой статьѣ. Извѣстія етѣ, по видимому, всѣ подбирались, преимущественно, для уясненія начала крещенія Руси и, по поводу оногo, начала грамоты въ ней и богослужебнаго языка. Доказательствомъ тому служить то обстоятельство, что въ етомъ хронографическомъ показаніи встрѣчаемъ нѣсколько разъ, кстати и не кстати, рассказъ о началѣ Христіанства на Руси и, съ тѣмъ вмѣстѣ, Славянской азбуки, изобрѣтенной, яко бы именно для Рускаго языка, Рускимъ и на Руси: мѣніе, которое довольно рано начинается уже показываться въ нашей письменности подъ разными видами, и которое вкралось даже въ изложеніе Паннонскаго Житія Кирилла, какъ видѣли выше, въ томъ его мѣстѣ, гдѣ рассказывается о пребываніи послѣдняго въ Херсонѣ и изученіи языковъ Еврейскаго и Самарійскаго, равно какъ, по нѣкоторымъ спискамъ, и въ изложеніе Храброва Сказанія о писменехъ, въ коихъ извѣстіе о «Словѣньскихъ книгахъ» всюду примѣнено къ «Роускимъ», хотя это было въ совершенномъ разладѣ съ предыдущимъ и послѣдующимъ, не говоря уже о самомъ содержаніи сказанія. Такъ, на примѣръ, въ статьѣ (по счету 26-й): «Преложеніе грамотамъ», найденной мною въ извѣстной (разумѣется, больше по названію) «Чепи златой» (93), по списку въ Чегли-Мишен митрополита Макарія (помѣщенной послѣ 31-го июля, начиная съ 1897 листа, и составляющей свободную передѣлку Сказанія Храбра), читаемъ: «Прежде же всѣхъ бысть Жыдовьская грамота. С той слыша Сланистѣи грамотунницы, тае по сихъ Римьская и проуи и нии мнози. По мнѣхъ же лѣтехъ Рвьская, послѣ же всѣхъ Пермьская.» Послѣднее слово указываетъ на вѣкъ составленія етой статьи, что еще больше видно изъ того мѣста, гдѣ сочинитель, подобно Храбру, отстаиваетъ се отъ нареканій, и при томъ почти его словами и выраженіями: «А Греческою азѣфавитоу Сланин, не крѣстѣи свѣе, съставилили свѣе. Такъ и по

тому жъ Иривская грамота, науде Сланинская, южъ Стефанъ сътвори, но Кирилъ философъ способлаше многожды братъ его Мефодъ, или грамоту складывати, или азбукку състаканвати, или книги преводити. Стефану жъ никто жъ обрѣтлетса помощникъ, развѣс токмо едѣнъ Кѣъ нашъ приближисъ и сила, помощникъ къ скорбѣхъ, обрѣтшихъ ны зело.» Наконецъ, мѣсто о времени и годѣ составленія азбуки такъ передѣлано: «И аще въспросиши Русьскыя грамотныкы, гдѣ: кто вы есть грамота сътворилъ и книги претакновалъ, то вси вѣдють и вскоре отвѣряють, рекоуще: сѣынъ Константинъ философъ, марицемиъ Кирилъ; ты намъ грамоту сътворилъ, и книги преложила съ Грецескаго языка на Русьскыи съ братомъ си съ прѣимъ съ Мефодомъ, иже высть послѣднъ еипѣ Моравьскыи....» Вѣроятно, такая передѣлка Храброва Сказанія произошла, по крайней мѣрѣ, въ XV столѣтѣи, т. е., скорѣ послѣ кончины изобрѣтателя Пермской азбуки (1396 г.); слѣдовательно, нѣтъ ничего удивительнаго, что мифическое ето встрѣчается намъ въ Палѣѣ и служило, такъ сказать, путеводною мыслью при составленіи свѣдѣнія о началѣ нашихъ письменъ, *сложеннаго* кѣмъ-то изъ Паннонскаго Житія Кирилла и тому под. Въ послѣдствіи, етѣ извѣстія, отовсюду собранныя, были кѣмъ-то спутаны самими странными образомъ, такъ что въ буквальномъ смыслѣ слова представляютъ собою «*membra disjecta*». Пересмотримъ же составъ етой статьи со всеми ея излучинами, безъ чего не можемъ имѣть яснаго понятія о достоинствѣ ея и отношеніи къ изслѣдываемому нами вопросу.

Статья наша соприкасается съ статьей, содержащей въ себѣ сказаніе о «Царствѣ Римскомъ,» отъ Ромула до Константина. Извѣстія етѣ чрезвычайно кратки, особливо со времени Константина, и при томъ переплетены, на своихъ мѣстахъ, вставками о рожденіи, жизни, страданіи и т. д. Христа, осадѣ и взятіи Іерусалима, Оригенѣ, Манентѣ, мученикахъ при Максимилианѣ и Диоклитіанѣ, 7-ми соборахъ, Бахметѣ или Магометѣ, Петрѣ Гугнивомъ и о Латинахъ. Самыя же вставки всѣ имѣють свой смыслъ и мало нарушаютъ стройность цѣлаго, что продолжается до самаго Михаила, сына Теофилова, т. е., того самаго, съ коего и Несторъ повелъ свой разсказъ о Рускомъ народѣ и его соплеменникахъ. Но тутъ начина-

ются пополненія нашего издѣлія, въ сущности ничѣмъ не хуже такихъ же въ другихъ Временныхъ Книгахъ, только, какъ сказано, страшно перебиты въ обѣихъ спискахъ Палѣи. Сказавъ о числѣ лѣтъ царствованія Михаила, прежде всего сообщается извѣстіе о крещеніи Болгаровъ и переводѣ книгъ съ Греческаго на Славянскіи: «По Феофанѣ же црѣткова Михаилъ сѣтъ его с мѣры с Феоѡороу лѣ .д., а еѡинъ .і. лѣ, а съ Каснаемь лѣ .а. и при семъ црѣткн, во .б. с лѣ црѣтнл его, крѣпнл въ землѣ Болгарсклм, и преложнл кннгл ѡ Греуклго изыкнл ил Словенскым изыкѣ, Кирилъ философъ с Меѡедьемъ, а влѣ .г.ст. .н. .зг., при Корнскнѣжн Болгарскемъ.» За симъ слѣдуетъ разсказъ о походѣ Володимера (ошибочно, вмѣсто Аскольда и Дира) въ Греки, въ 200 ладіяхъ 6374 (866) года, съ замѣчаніемъ, что «преже тѣхъ лѣтъ Словени и Кривичи ходншл къ Варгому», прося, для наряду въ ихъ землѣ, дать имъ «кнлзн, дл влзднютъ ннм.» Вмѣсто того, чтобъ продолжать извѣстія изъ Рускихъ лѣтописей, тутъ неждано встрѣчаемъ поворотъ къ прежнему: «Снѣ оубо нл предлеллцнл дл возратнссл,» т. е., о томъ, какъ мать Михаила царя, Теодора, снова «оутвердн прлстосллкнзю вѣрл (Правослвнѣ) и стѣхъ нконѣ полкллннѣ.» Послѣ этого опять обращеніе къ разсказу о приходѣ Руси на двухъ стахъ лодьяхъ: «По снхъ же црѣ нл Аглрлмн нде воеклтл,» и, дошедши «верннмъ рѣкн,» получили вѣсть отъ епарха, «нко Рѣсь нл Костлннтнѣ грлдъ ндетъ,» ея разсѣпнн и т. д. За тѣмъ объ убіеніи Михаила Василіемъ Македоняниномъ, замѣчая, что до этого событія прошло отъ 7-го Собора 64 года и 9-ть мѣсяцевъ; за Василіемъ исчисляются его преемники, съ означеніемъ лѣтъ царствованія, до Константина Багрянороднаго, при коемъ «воекл Семѣѡ с Колгары,» а «в лѣтѣ .г.с. н .ѣ. н .лн. нде Игорь нл Грѣ въ .і. корлбл,» за чѣмъ, какъ и съ извѣстіемъ объ Аскольдовомъ походѣ, поворотъ къ прежнему, т. е., о томъ, кто послѣ Константина былъ царемъ: «По Костлннтнѣ црѣтквл Ромлнѣ, поставленъ по Костлннтнѣ црѣмъ н Ннколлоу нлтрнлрхомъ,» и, какъ ни въ чемъ не бывало, «В лѣтѣ .г.с. н .ѣ. н .лн., лндннтл Юѡ же мѣл въ .і. днѣ, прнлвлшл Роѡ нл Костлннтнѣ грлдѣ в лоднлхъ .і. н н скѣ глмѣ, ѡ родл Варлжскл свнрнѣ,» и пр. Явно, что лѣточисленіе, поставленное выше, должно стоять тутъ, а послѣднее совершенно неу-

мѣстно, и скорѣе относится не къ Игореву походу на Греки, но къ походу на Печенѣгы, равно какъ и къ извѣстію о воцареніи Романа, дѣйствительно случившемся около того времени, а по другимъ, въ этотъ самый годъ; но это, какъ и многое другое, по обычаю, перемутано. Конечно, такая путаница произошла частью отъ самаго собирателя извѣстій, а частью и отъ переписчиковъ. Такъ, рассказавъ о разсѣяніи «людей Руси», онъ обращается къ царствованію Романа, который, «долгою старостью и недвгомъ изнемогъся, во прпродѣхъ раяжснлго Костантнна повеле,» а «къ лѣ 75. и 76. и 77. индикта 7 по радѣ на второе и третеею скоя снѣ, мжъ о нѣ мни, оутверди,» и какъ на него возсталъ сынъ его, Стефанъ, «с полты зле сведе оѣа, и стронкъ, оземьствова, и постриже и уерноризуѣ, оствлзл самодер жець Костантннъ сего за, мѣа дсѣра къ 78.», а въ лѣто «75. и 76. и 77. Романъ же црѣ во остроке оумре.» Сдѣсь, въ первомъ лѣточислительномъ показаніи пропущено цѣлыхъ 50 лѣтъ, между тѣмъ какъ во второмъ цифра эта на своемъ мѣстѣ, и пропущена едва ли дьякомъ съ Дубкова, или попомъ отъ Домонтовой стѣны, въ коихъ одинаково ее встрѣчаемъ; показаніе же, само по себѣ, вполне вѣрно. За нимъ ужь слѣдуютъ выписки о занимающемъ насъ предметѣ; но, какъ говорится, спустилъ впередъ, а пошелъ назадъ: годъ составленія Славянской грамоты, одинаковаго свойства съ годомъ 6403-мъ, т. е., какъ тамъ опущено число «и» передъ «гъ», такъ и тутъ «ѣ» передъ тою же самою числительной: «К лѣ 75. 76. 77. Константинъ философъ нарнучемн Кирилъ створилъ грамоту Словенскимъ (въ спискѣ Дьяка «словеснымъ») «изыкомъ, глнзю лнтію, во днн Михаилъ црѣ Греускаго и во днн князю Люрика (въ спискѣ священника поправлено «Рюрика») Новгородскаго (въ 1-мъ спискѣ («Новгородскаго»), егѣ снѣмъ Рвскя земля пренде.» Кромѣ, упомянутой уже выше, ошибки въ годѣ, указаніе на царствовавшихъ государей во время составленія Славянской грамоты говоритъ не въ худую сторону этого извѣстія, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ.

Да и въ другомъ отношеніи оно замѣчательно: я говорю о названіи грамоты Словенскаго языка словомъ «*литцил*,» которое уже подало поводъ однимъ видѣть въ этомъ

намекъ на Глаголѣтицу, т. е., Глаголѣтику (94), а другимъ просто обращеніе на Рускій ладъ Латинскаго *littera*, *litterae*. Которое изъ сихъ двухъ мнѣній справедливѣе, пока, ничего не скажу, предоставляя полную волю историческому изложенію хода дѣла. Шафарикъ въ новѣйшемъ своемъ трудѣ «Памятники Глагольскои письменности» (стр. XXIV—XXV), разбирая послѣднее мнѣніе, говоритъ: «Что же касается свѣдѣтельства Сказанія о Русскомъ письмѣ и переводѣ, найденномъ Кирилломъ, то я думаю, что его можно съ основаніемъ относить только къ Варягамъ—Руссамъ въ Тавріи и Готскому письму, по тому что, умалчивая уже о ненадежности показанія сего касательно происхожденія и времени, я не нахожу въ словахъ «Святцевъ» и «Службы» того значенія, какое насильственно придаютъ имъ. И точно, горько и даже рѣшительно невѣроятно, думать, чтобы Меѳодіи, отвергая Славянскую азбуку Кирилла, и замѣняя ее своею Греко-Славянскою, старался самъ помрачить славу брата своего, правда, младшаго, но далеко ученѣйшаго и при томъ умершаго уже. Никогда *непозволительно* рѣшать предметы такого рода, и при томъ столько темные еще, словами того, или другаго посторонняго свѣдѣтеля, но рѣшать должно согласнымъ показаніемъ всѣхъ настоящихъ очевидцевъ. Въдъ это же самое сказаніе въ другомъ мѣстѣ утверждаетъ, что Кириллъ только въ послѣдствіи, именно, по возвращеніи изъ Тавріи, изобрѣлъ Славянскія письмена въ Царьградѣ, узнавъ изъ устъ самаго императора, что Славяне не имѣютъ еще ни какой азбуки, которая бы годилась для написанія священныхъ и богослужебныхъ книгъ? Да и современный черноризецъ, Храбръ, утверждаетъ, что Славянское письмо составлено было на основаніи Греческаго; съ етимъ согласуются показанія напы Іоанна VIII-го, епископа Гавдерика, лично знавшаго Кирилла, неизвѣстнаго Хорутанца и Іоанна Ексарха Болгарскаго, жившаго въ самомъ началѣ X-го столѣтія: всѣ они въ одинъ голосъ говорятъ о новостіи письменъ и переводѣ книгъ на Славянскій языкъ. Сличая стѣ прямыя свѣдѣтельства съ толкованіемъ темныхъ и ложно понятыхъ словъ о Кириллѣ въ Тавріи по Румянцевскому Хронографу XV-го вѣка, послѣдній можно назвать просто «ды-

моль и пароль.» Въ другомъ мѣстѣ, именно въ предисловіи къ «Житію блаженнаго учителя нашего Константина философа,» напечатанному имъ въ концѣ 1851 года (въ Прагѣ) въ «Памятникахъ древней югославянской письменности,» а также и въ общемъ предисловіи къ послѣднему, онъ говоритъ почти то же самое. Въ первомъ (стр. IV): «Житіе его распространено по многимъ землямъ и рукописямъ, и изъ него выписывались и вставлялись цѣлыя статьи въ другія старинныя сочиненія; таковыя, на примѣръ: объ осми словахъ Константина, переведенныхъ Меѳодіемъ, о содержаніи философіи, о поставленіи человека среди Ангеловъ и животныхъ, о чествованіи Константина у Катана, о подписи на Соломоновой чашѣ и т. д. Какъ бы то ни было, Житіе наше, не смотря на позднѣйшія поповленія и вставки, въ нѣкоторыхъ спискахъ содержитъ въ себѣ доказательства того, что оно произведеніе близкаго очевидца всѣхъ дѣлѣй и предвріятій св. Константина. Впрочемъ, къ таковымъ обновамъ и вставкамъ не принадлежитъ, по моему мнѣнію, извѣстіе, упоминаемое въ VIII ѣ главѣ о Русскомъ языкѣ и письмѣ, по тому что здѣсь слово «Русскій,» употреблено еще въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно было въ ходу ок. 857 года, и относится не къ Славяно-Руссамъ, но къ Варяго-Руссамъ въ Тавринѣ, преемникамъ Готскаго богослуженія. Тутъ *Русскія письма суть Готскія письма.* Еще болѣе: можетъ быть, мѣсто въ XVI-ой главѣ, въ которой исчисляются «Готен, Обри, Турси,» обремененное столькими разпорѣчіями, первоначально читалось «Готен ти Руси (Ръси)». Во второмъ (стр. VI): «Къ сказанному въ предисловіи къ Житію св. Кирилла касательно объясненія мѣста въ VIII-й главѣ о Русскомъ Евангелии и Псалтыри, прибавлю здѣсь еще, что, хотя, прочитавъ даже новѣйшія сочиненія Погодина, Круга, Куника и Крузе, считаю правдоподобнымъ извѣстіе сказанія о поселеніи и крещеніи Варяго-Руссовъ (Бравалина и другихъ) въ Тавринѣ до 860 года, однако же, охотиѣе отношу слово «Русскій» къ Готамъ. Другіе, статья можетъ, скорѣе захотятъ видѣть въ этомъ «Главолюское письмо.» Я даже и того не вижу въ этомъ сказаніи, что видитъ Шафарикъ, т. е., чтобы въ немъ рѣчь шла о Варяго-Руссахъ и Готскомъ пись-

мѣ. Конечно, отдѣльныя лица изъ Варяго-Русовъ могли уже во время пребыванія Константина съ Меодіемъ у Козарь въ Крымѣ (857 — 858, по другимъ 861), быть Христіянами, но не могли имѣть Евангелія и Псалтыри на *своемъ* языкѣ, по тому что въ Сказаніи рѣчь идетъ объ егѣхъ книгахъ, найденныхъ Константиномъ и писанныхъ Рускими буквами, равно и о человекѣ, говорившемъ на етомъ языкѣ, съ которымъ побесѣдовавъ, Константинъ узналъ силу языка, и по томъ, примѣняя его къ своему и разбирая по складамъ, вскорѣ выучился чтенію и произношенію: «Обрѣте же тоу Бгѣе и жалтырь Роуѣскимъ писменъ писано, и уѣка обрѣтъ гѣюща тоу бесѣдою, и бесѣдова съ нимъ, и сила рѣчи прѣнхъ, свои бесѣды прикладхъ раздѣлуахъ писменъ, галсилъ и согалсилъ, и къ Кѣоу мѣтвоу творъ, въскорѣ научатъ уести и сказати, и мнози са емоу дивлахоу, Бгѣ хвалцис.» Очевидно, тутъ и помину иѣтъ объ языкѣ Готскомъ, или, положимъ, другомъ какомъ, на которомъ писаны были найденныя имъ Евангеліе и Псалтырь: рѣчь шла только о человекѣ, вразумившемъ Константина въ етой, а не другой какой, грамотѣ, грамотѣ иного происхожденія, хотя Варяго-Русь, если разумѣть подъ нимъ Норманна (Шведа, Датчанина, Нѣмца, Англичанина?), въ состояніи еще былъ въ ту пору понимать названныя книги и на языкѣ Таврическихъ Готовъ (даже по переводу Ульфильма), кои давно считались Христіянами и составляли особую Епархію, зависѣвшую отъ Греческаго патріарха. Въ VIII-мъ стол. они, предводимые епискомъ своимъ, Іоанномъ, довольно противились Козарамъ (95). Тоже самое сказать должно и о предположеніи, будто ето извѣстіе о нахожденіи Константиномъ Евангелія и Псалтыри на Рускомъ языкѣ, ни мало не даетъ повода къ уменьшенію заслугъ св. Кирилла и Меодія и не опровергаетъ того, что они были изобрѣтателями Славянскихъ письменъ: по тому что «такой переводъ,—говорятъ намъ,—хотя и могъ существовать, однако жъ, онъ могъ быть писанъ *Греческими буквами*» (Казанскія Губерн. Вѣдомости 1842 года, № 20). Если бы етотъ переводъ былъ писанъ Греческими буквами, въ такомъ случаѣ Константинъ не сталъ бы учиться чтенію его, хоть бы, можетъ быть, и не совсѣмъ понималъ читаемое. А изъ того, что онъ самъ не умѣлъ читать етого перевода (что очень страшно звучитъ

при Греческой *транскрипціи*), ни какъ не слѣдуетъ еще предпологать, что етотъ переводъ былъ писанъ Глагольскими письменами. Прежде всего надобно доказать, что «Росьскыи писмены» и Глагольскыи — одно и тоже, къ чему упомянутое извѣстіе не даетъ ни малѣйшаго повода. Отъ того я все таки рѣшаюсь считать его извѣстіе скорѣе позднѣйшей вставкой въ Житіе Кирилла, съ цѣлю объяснить, откуда въ Константинолѣ знаніе языка Славянскаго, которыйи здѣсь разумѣется подъ именемъ Рускаго (тѣмъ болѣе, что на Константина и брата его по большей части смотрѣли, какъ не на Славянъ, откуда въ Проложныхъ Житіяхъ ихъ, какъ мы видѣли уже, замѣчаемъ тоже самое намѣреніе уяснить знаніе Славянскаго языка, по крайней мѣрѣ относительно Меодія, выучившагося ему во время своего правленія Славянскимъ Княжествомъ; слѣдовательно, мнѣніе его показалось тогда, когда стали забывать, или мало обращать вниманія на Селунское происхожденіе ихъ), Житіе, изъ котораго оно перенесено и въ Палѣю, чѣмъ существенной частью онаго, принадлежащей составителью самаго Житія, по тому что тогда, по замѣчанію Шафарика, дѣйствительно произошло бы тотъ случай, о которомъ онъ упоминаетъ, т. е., послѣдній самъ бы себѣ противорѣчилъ, представляя вскорѣ за тѣмъ рассказъ о посольствѣ Ростислава въ Царьградъ, и тутъ же объ изобрѣтеніи Славянскои азбуки, какъ послѣдствіи етого событія, азбуки, уже до того, по собственнымъ же его словамъ, отысканной Константиномъ «въ Козарѣхъ.» Подобныхъ вставокъ, дышащихъ ревностью не по разуму къ своему, довольно встрѣчается въ письменности каждаго народа, слѣдовательно, и нашего, на что, если нужно, можно представить цѣлыя десятки примѣровъ. То не оправданіе, что «на святыхъ братьевъ, Кирилла и Меодія, глядѣли у насъ постоянно, какъ на Грековъ, и, стало быть не могли назвать роднымъ языкомъ ихъ языка Славянскаго (96).» Во первыхъ, не «постоянно,» и во вторыхъ, развѣ большинство такъ глядѣвшихъ на нихъ исключаетъ возможность взглянуть кому либо иначе, и такойи взглядъ свой записать кстати, съ цѣлю передать его потомству? Взглянулъ же иначе кто-то въ етой сэмой Палѣи (и соединяю однородное въ ней вмѣстѣ, хотя оно

разбросано) на принятіе Русью Вѣры, пошедши въ слѣдъ за егѣмъ извѣстіемъ о Рускихъ письменахъ въ Херсонѣ, включенномъ сюда, очевидно, изъ Житія Кириллова, и, развивая все далѣе и болѣе сказанное въ началѣ только какъ бы намекомъ, въ двухъ мѣстахъ. Въ этомъ взглядѣ, высказанномъ подѣ конецъ тоже опять по поводу выписки о смерти Кирилла, кажется, изъ какого-то Синаксаря, вклеенной сюда, очевидно, по тому лишь, что о немъ выше говорено было, уже не довольствуются тѣмъ, что Константинъ обрѣлъ Евангеліе и Псалтырь на Рускомъ языкѣ, равно какъ и челоуѣка, бѣсѣдовавшаго по Руски, но прямо утверждаютъ, что, какъ «втроу Роуѣны изыкъ ни ѡкоуду же прѣи,» такъ точно «и грамоту Роуѣскоую,» которая «мнкимъ же мвлена, но токмо самемъ Бѣмъ вседержителемъ, Ѡдѣи, и Сѣомъ и Сѣмъ Дѣомъ». Первую «Володимероу Сѣмъ Дѣмъ вдохмоуаъ прѣити, и крѣпѣе ѡ Грекъ и проуни нарѣ прѣкшны,» а вторая «мвлена Бѣомъ дѣи кѣ Корсоуе Роуѣсноу, ѡ немъ же влоуѣнса философъ Костантинъ, и ѡтоуду сложивъ и написалъ книги Роуѣскимъ гласомъ... (въ Моск. Акад. № 19 списокъ «изыкомъ») тѣмъ же моуаъ Роуѣннъ вѣмъ вѣговѣрнъ (въ Моск. Акад. «и живаже вѣговѣрн»), помѣи и добродѣтели, въ уѣти вѣрѣ, единъ оуѣдиниса, и тѣ единъ ѡ Роуѣска изыкъ писна прѣже крѣтъннъ, и невѣдомъ никымъ же, ѡкоуду еъ вѣмъ.» Сдѣлалъ Константинъ ужь даже «и написалъ книги Роуѣскимъ гласомъ» или «изыкомъ.» Далѣе: опять рѣчь поведена о Константинѣ, какъ продолженіе извѣстія, представленнаго выше, и говорится, что онъ жилъ «в дѣи Михаиладъ црѣи и вѣговѣрнхъ Причы (?), посланъ бѣмъ (въ Моск. Акад. сп. прибавлено: «философъ Костантинъ») в Морякоу (опять прибавл. тамъ же: «Михаилѣ црѣсмъ») Моравскемоу кѣзю, просникшо философа, и тамо шедъ, влоуѣи Моравкоу, и Лахи, и Уехи, и проула изыны, и веру прѣхосалвиоую оутверди в нихъ (Моск. Ак. «и Лахи, и Уехи, и проула азыки, и вѣрѣ оутверди вѣи прѣхосалвиоу»), и книги написалъ ннъ Роуѣскимъ глѣмъ (Моск. Ак. «и книги написалъ Рускѣмъ изыкомъ»), и добре влоуѣивъ, и ѡтоудѣ иде в Римъ, и тоу разболѣкса, ѡблеуѣ в уерныи ризы, и иареноша нма سموу Кирилъ, и тои болезни и престависа (Моск. Ак.: «добре... ѡтѣдѣ... разболѣкса, и облеуѣса вѣ уерныи ризы... Кирилъ, и вѣ тои волести престависа») (97). Извѣстіе это, конечно, весьма важное, но отнюдь не строго историческое, составляеть дальнѣйшее чье-то предположеніе, основанное на

непререкаемомъ событіи, т. е., пребываніи Константина у Моравскаго князя. Опираясь на его, вывели, яко бы оны «и Ляхи и Чехи» лично «научи, и книги написа имъ Рускимъ гласомъ.» Названіе языка Свящ. Книгъ, переведенныхъ (разумѣется, не всѣхъ), Константиномъ, языкомъ Рускимъ, конечно, должно принимать въ томъ смыслѣ, въ какомъ не рѣдко, Славяне и иноземцы, величали такъ языкъ Церковнославянскій въ средніе вѣки, понимая подъ нимъ языкъ Славянскаго Православнаго богослуженія, въ противоположность Западному Католичеству на языкѣ Латинскомъ, или даже Славянскомъ, но письмомъ Глагольскимъ и т. п.; на примѣръ, въ посланіи папы Юанна XIII-го къ Чешскому князю, Болеславу II-му, принесенномъ сестрой его, Младой, по возвращеніи ея изъ Рима (967), въ которомъ дозволялось устроить пребываніе епископа въ Прагѣ, при церкви св. Вита, а при церкви св. мученика Георгія—первый женскій монастырь по обряду св. Бенедикта, подъ вѣдѣніемъ той же княжны, посвященной въ игуменьи: «verumtamen non secundum ritus aut sectam Bulgariae gentis vel *Russiae*, aut Slavonicae linguae, sed magis sequens instituta et decreta apostolica, unum potiore totius Ecclesiae ad placitum eligas in hoc opus clericum, *latinis* adprime *litteris* eruditum, qui verbi vomere novalia cordis gentilium scindere, et triticum bonae operationis serere, atque manipulos frugum vestrae fidei Christo reportare sufficiat (98).» Или, въ извѣстной припискѣ къ, такъ называемому, Реймскому Евангелію, сдѣланной по Чешски, по Глагольскимъ письмомъ: «зеть гѣхъ. Ѹ-ѣ-ѣ-ѣ. тѣто еѣидне л еѣидне. есто сѣ писани словѣтѣскимъ зѣземъ. ти ѣмѣ спиевѣли еѣти нь (л) годн. иджи оѣтъ подъ корѣну миѣ слѣжи. А дѣрѣа стра на тнеѣто книжекъ. книжъ ѣ подѣтъ рѣсскѣго зѣил. исаль ѣ стѣ про копъ оѣтъ свѣ рѣкѣ. а то писмо рѣсскѣ дѣль иѣбожтѣи вѣрель уѣртѣи цѣрь рѣимски.» и проч. Ясно, что сдѣсь Рускимъ закономъ, т. е., обрядомъ, и *Рускимъ* письмомъ названы Православіе Руское и языкъ богослужебныхъ книгъ, употребляемыхъ при немъ на Руси, сгѣдоват., такъ называемый нами, Церковнославянскій, и что книги, на немъ писанныя, противопоставляются книгамъ Глагольскимъ, тоже находящимся съ первыми въ одномъ и томъ же переплетѣ, и по тому, видя ихъ

вмѣстѣ, Чешскій инокъ обители Емаусской въ Прагѣ, созданной императоромъ и королемъ, Карломъ IV-мъ, именно для отправленія на Церковнославянскомъ языкѣ по обряду, однако, Римскому, особенными монахами, вызванными имъ для того нарочно изъ Далмаціи, считалъ необходимымъ, въ 1395 году, сдѣлать, въ концѣ Глагольской части (или, по его страніи), на всякой случай, надпись Глагольскими буквами, но Чешски, что, между прочимъ, говоритъ объ его пронохожденіи. Надпись эта, слѣдственно, показываетъ его и, можетъ быть, также современниковъ его, взгляды на етъ два вѣроисповѣдныя обряда, а съ тѣмъ вмѣстѣ, и двѣ азбуки, употребляемыя въ ихъ служебныхъ книгахъ (99). Стало, повторю, такой взглядъ на Кирилла и Меѳодія, если бы онъ былъ дѣйствительно общимъ нашимъ предкамъ, не мѣшало бы вставкѣ этого сказанія ни въ Житіе Кирилла, ни изъ него въ спутанное сказаніе Палѣи. Приводить же въ дополнение его другое сходное сказаніе, находящееся въ одномъ изъ Хронографовъ Рускихъ XV вѣка, точнѣе Палѣи, не слѣдуетъ, по тому что это послѣднее не идетъ сюда, не составляя собою ничего новаго, но находясь именно вмѣстѣ съ первымъ сказаніемъ и, такимъ образомъ, принадлежа съ нимъ къ одному и тому же роду, — компиляціи составителя Палѣи.

Сказавъ, какъ мы видѣли уже, объ изобрѣтеніи азбуки Кирилломъ при Михаилѣ, царѣ Греческомъ, и Рюрикѣ, князѣ Новгородскомъ, составитель хотѣлъ было далѣе представить объ этомъ событіи нѣкоторыя подробности, судя по заглавію, тутъ же имъ выставленному (и при томъ, въ строку): «**О грамотѣ**». Для того онъ сталъ выписывать изъ Храбра свѣдѣнія о составленіи, прежде всего, азбуки Греческой, какъ первообраза Славянской: «Греческую грамоту створиша ѿ мѹжъ: Платидѣ, Кадѣ Миласѣи, Сионѣ, Фихарѣи, Дионисѣ» (имена, по большей части, приведены въ превратномъ видѣ), и, не докончивъ выписки, тотчасъ перескочилъ къ другому предмету, къ молитвѣ, принадлежащей, по его и многихъ другихъ мнѣнію, Кириллу: «Снѣ же рече стѣи Кирилъ: «**Азъ снѣ словомъ молю Бѣоу,**» и проч. Въ спискѣ Домонтовскаго попа, въ верху оборота 811 листа, читаемъ, какъ заглавіе киноварью: «**О сотвореніи**

грамоты Словенскимъ языкомъ,» а въ верху 812 листа, «Мѣта. сѣ. Кир. ѿ сотворенїи Словенскїа лѣтїцы, и грамоты: антеры.» Етѣмъ подтверждается упомянутое выше мнѣніе, что слово «*лѣтїца*» есть просто передѣлка Латинскаго «*littera*,» въ объясненіе котораго прибавлено тутъ же «*грамоты*,» слѣдовательно, о Глаголѣтїцѣ въ этомъ случаѣ и помину быть не можетъ. Молитва сія часто встрѣчается въ «Толковыхъ Азбукахъ,» въ коихъ выдается, какъ сказано выше, за твореніе Кирилла (собственно же принадлежащую ученику его, Константину), конечно, по сходству свѣтскаго имени Кирилла съ именемъ послѣдняго (100). Кончивъ эту молитву, составитель выписокъ снова обратился къ прерванному извѣстію Храбра объ Греческой азбукѣ: «я по семь Діонїи,» и, опять не кончивъ, безсмысленно выхватываетъ изъ Храбра же 6-ть Славянскихъ буквъ изъ числа 14-ти, приводимыхъ имъ въ началѣ своего сказанїа: «ъ, ѡ, ѣ, ѡ, ю, ѡ» оставивъ даже послѣднюю букву невыписанной (а), по тому что странно было бы считать етѣ буквы относящимися къ выписываемому изъ Храбра извѣстію о составленїи Діонисомъ для Греческой азбуки 6-ти двогласныхъ: «Но мнозѣхъ же лѣтѣхъ Діонисъ Граматикъ шесть двогласныхъ обрете,» тѣмъ болѣе странно, что въ спискѣ Папѣи Домонтовскаго священника етѣхъ буквъ не шесть, но семь, именно, вставлена еще ѡ передъ ю. За тѣмъ опять переходитъ къ крещенію земли Руской при Владимирѣ; «Нотомъ же илѡ днѣмъ мноуѡшнїмъ, крѣченъ бѣ земаля Роуцкля ѡ дѣи благовернаго кѣзѣ Владимира, сѣл Святослава (такъ-сѣ!), квоука Нгорска и Олжвнѣ, положиша первое нахлѡ крѣченїю в земаля Роуцкля, а прѣпоуѣл Луриковѣ, в лѣтѣ .ѣ. и .ѣ. и .ѣ.», послѣ чего обращается къ Житїю Кирилла и выписываетъ изъ него, сперва разговоръ логовѣта съ Константиномъ о философіи, за тѣмъ прѣніе его съ патріархомъ (Анїемъ), далѣе переходитъ прямо къ прибытію Константина въ Срацины и бесѣдамъ его съ тамошними учеными, изъ коихъ, однако, приводитъ только начало, о крестномъ знаменїи, и тотчасъ обращается къ бесѣдѣ съ Иудеями (о любви къ врагамъ); не кончивъ того, выписываетъ вопросы «хитра и заскопнѣва Козарина» (высланнаго ему на встрѣчу Козарина, когда тотъ отправился къ Кавказскимъ горамъ и Каспійскимъ вратамъ) о поставленїи царя изъ другаго рода, и о ссылакахъ

на книги, а не на свой умъ, въ словопрѣиин; тутъ слѣдуетъ бесѣда съ каганомъ за обѣдомъ и споръ съ Жидами о Троицѣ, послѣ обѣда о законѣ, Христѣ и иконахъ (все чрезвычайно отрывисто), и, не доводя до конца, вдругъ, какъ говорится, ни съ сего, ни съ того, вновь повелѣтъ онъ рѣчь объ изобрѣтеніи Славянской Азбуки, которую, де, Кириллъ передалъ Моравцамъ, Чехамъ, прочимъ языкамъ, а потомъ и Руси: «Сгда же Константинъ философъ сию грамоту (какую сию?) створи, и предѣлю Мораве, Уеховланомъ (въ друг. списк. «Уехомланомъ») и прочимъ азыкомъ и потомъ Роуѣ.» У помянувъ о грамотѣ, отправляется ко второй части Кириллова Житія, и выписываетъ изъ него, съ прежней небрежностью, соизнание Кирилла о грамотѣ съ Латинами въ Венециі, на пути въ Римъ. Надобно сказать, что тексты, приводимые въ Паллѣ (изъ коихъ все почти словопрѣиіе ето состоитъ), представляютъ много отличнаго въ выраженіяхъ и словахъ отъ тѣхъ же самыхъ текстовъ, находящихся въ Папиноскомъ Житіи Кирилла, что, конечно, произошло отъ того, что переводъ Св. Писанія подвергался у насъ и, статья можетъ, и у прочихъ Православныхъ соплеменниковъ, нѣсколькимъ пересмотрамъ (101). Напослѣдокъ, слѣдуетъ, приведенное мною выше, мѣсто о смерти Кирилла въ Римѣ и обрѣтеніи Владимиромъ Руской грамоты, вмѣстѣ съ Вѣрою, въ Корсунѣ и проч., что еще разъ, въ заключеніе отрывка, повторяется такъ: «Се же бы того убое, яко единомуу Володимеруу дати бѣ пріести к Роукоую землю веру и грамоту и крѣсти, и книги обрѣсти, Евангеліе, Апостолъ и Псалтырь, и поны, и Кланейтовы мощи, и вса сосоудѣ црковныя, иконы, и крты, и прише въ Роу и крѣти вса люди Роуцкыя земля.» Прочее состоитъ изъ похвалы Владимиру въ витійственномъ духѣ, весьма напоминающемъ, по настроенію и оборотамъ, Похвалу митрополита Иларіона и Іакова мниха (102); съ послѣднимъ совпадаютъ даже дословно многія выраженія; на примѣръ, сличимъ, съ приведеннымъ сейчасъ, слѣдующее: «вымысан же и на Греуевскыи градѣ Корьскыи, и сице молансся князь Володимеръ Господу: Господи Боже, Владыко всахъ, сего у тебе прошу, даси ми градъ, да приму и, да приведу люди Христанны, и илхуати люди законъ крестьянскыи, и послушають Господи молитвы его. И приа градъ Корьскыи, и въ за сосяды црковныя и иконы.

моцн святаго свещенноученнѣа Климента ꙗ ннхъ свѣтъхъ.» Въ «Житїи св. и равноапостолнаго вел. княза Кїевскаго Владимѣра, всеа Россїи самодержца, избраномъ зъ лѣтописца Рускаго прѣлѣга Нестора Печерскаго,» о которомъ вскорѣ поведу рѣчь, тоже сказано: «Привѣзъ тебѣ на тои улѣзъ зъ собою и моцн стго сщенноученнѣа Климента, и зѣнѣа его Ага-ангела, и ннхъ не мало, образи, книги, аппарати и ннша научннѣа црковнѣа, сщениковъ, дѣкововъ, ѣвко, дѣковъ и розмантнхъ ремесннковъ зъ Греціи до Кїева.» Да и въ Несторовой лѣтописи читаемъ: «Володимеръ же по семь поемъ царицю и Настаса (въ др. «Анастаса»), и пошы Корсуньскы, съ мощами святаго Климента и Фифа (въ др. «Фива»), ученика его, доима съсуды церковннѣа, ик-сны на благословенье себѣ (П. С. Р. Л. I, стр. 50).» Которое изъ етѣхъ извѣстїи подлинникъ, а которое списокъ, не мѣсто и не время мнѣ разбирать теперь. Судя же по слѣдующему заключенїю: «О сталъ цра (последнее слово пропущено въ 1-мъ спискѣ Пахѣи) Константинъ и Колодимеръ, помозите ѡа противннѣа срдннкомъ вѣю, и люди извѣвалнѣа ѡ всакомъ вѣды креїнѣа и Роускыа, о мнѣ грѣшнѣмъ молнѣа Кбѣу, вѣю извѣще дръзновеннѣа в Кбѣу, да снсоуся вѣю цѣтвѣамн, молнѣа и мнѣса дѣю спнслннѣмъ грамотнѣа сна млы, юже похвалѣа вѣю, ялннѣа недостоннѣа,» можно полагать, что это взято изъ «Грамотицы» (т. е., сочиненїя, письма) современника, и при томъ похвальной или Похвалы (Похвальнаго Слова): «юже (грамотнѣу), похвалѣа вѣю, ялннѣа.» Можно бы думать, что это писалъ даже родственникъ: «помозите ѡа противннѣа срдннкомъ вѣю»; но такъ какъ слѣбъ рѣчь идетъ и о Константннѣ, то, естественнѣе, выраженїе это принимать болѣе въ общемъ значенїи, разумѣю, родство духовно-христїанское, или же народное, племенное, хотя, конечно, слова: «и люди извѣвалнѣа ѡ всакомъ вѣды креїнѣа и Роускыа,» указываютъ на голѣсь, если не вполне современника восхваляемому, то очень близкаго, жившаго въ пору «крѣпкой бѣды Руской», т. е., Княжескихъ усобицъ.

Надобно еще замѣтить, что между началомъ отрывка, къ коему относится это заключенїе («По Михаилѣ же вышъ цри мнози, и потомъ цра бѣ Ромлнѣа») и сказанїемъ о Константннѣ, помѣщено также свѣдѣнїе о Войтѣхѣ, извѣстномъ Чепскомъ

епископѣ (Адальбертѣ), какъ ревнителя Католичества и, стало быть, противникѣ и гонителѣ Православія въ Чехи, Морави, Угрии и Польшѣ, въ конхъ истреблялъ онъ съ тѣмъ вмѣстѣ и Славянское письмо, которое тутъ опять названо «Руской грамотой»: «Потомъ многымъ лѣтомъ мнозишшии и пришедъ кон Латиньскии в Моравоу, и в Уехи, и в Лахи, разрушиша (!) вѣроу правохроуоу, и Роукоуоу грамотоу ѿтверже, а Латиньскоу грамотоу и вѣроу постави, правых вѣрхъ иконы поуже, а еишы посеуе, а дрюдъ разгилеи, и иде в Роукоуоу землю, хотя и тѣ во свою вѣроу привести, и тамо повеиенъ бы кон Латиньскии.» Откуда это извѣстiе? Навѣрное нельзя сказать, но должно думать, что оно гораздо старѣе времени перенески Палѣи дякомъ съ Дубкова и попомъ отъ Домонтовы стѣны. Оно находится и на концѣ Житiя Кириллова по списку упомянутой выше рукописи Московской Духовнои Академии № 19 («Толкованiе Пророковъ»), вмѣстѣ съ извѣстiемъ: «Се же вѣди вѣдомо вѣши изыки и вѣши людми, яко Рѣскии изыкъ ни ѿвѣду же прѣхъ вѣрхъ сѣа стѣхъ, и грамота Рѣскаа ни кымже икленѣ, но токмо самыиъ Бгѣомъ Вѣседръжителемъ, Оишъ и Стѣиы Дхѣомъ» (оборотъ 389 л.), точъ въ точъ, какъ въ Псковской Палѣѣ по обѣимъ спискамъ; стало, новое доказательство въ пользу нашего мнѣнiя объ источникахъ для составителя етои послѣдней. Въ упомянутомъ сейчасъ Академическомъ спискѣ извѣстiе о Войтѣхѣ гораздо точнѣе сохранилось, именно: «Потомже многомъ лѣтѣ мнозишии, прише Вѣнтѣ въ Моравъ, и въ Уехи, и въ Лахи, разруши вѣрхъ правю, и Рѣскию грамоту ѿверже, а Латиньскю вѣрхъ и грамоту постави, и правых вѣрхъ еишы и нони пѣсѣкуе, а дрюгылъ разгилѣ, и иде въ Прѣвѣску землю, хотя и тѣ въ вѣрхъ привести, и тамо вѣиенъ бы Вѣнтѣ, Латиньскии пискуишъ» (л. 390). Ясно, что имя «Войтѣхъ» было уже для вносившаго его извѣстiе въ Палѣю непонятно, и по тому онъ сдѣлалъ изъ него «конъ», тѣмъ болѣе, что слово кониъ, конихъ, и ихъ производныя, не рѣдко пишутся, въ старыхъ рукописяхъ, съ ѣ (вѣнишъ, вѣнишъ); а какъ дѣло шло о Латинствѣ, то, естественно, изъ второй половины собственнаго имени «Вонтѣхъ» (тѣхъ), онъ образовалъ «Латиньскии»; такимъ образомъ, составилось изъ «Вонтѣхъ» «кон Латиньскии», съ чѣмъ согласованъ уже и глаголѣ, къ нему относящiйся и стоящiи позади, «разрушиша» вмѣсто «разруши», хотя все послѣдующее оставлено нетронутымъ,

а самое «вои Латинскѣи» изъ множ. числа обращено, подлѣ ко-
нецъ, въ единственное. И въ другомъ спискѣ Житія св. Ки-
рилла, находящемся у меня и принадлежащемъ по письму
XVII-му вѣку, встрѣтилиъ я это же самое извѣстiе, и при томъ
въ заключенiе Житiя; въ немъ говорится о книгахъ Кирилла,
переведенныхъ Меѳодiемъ и раздѣленныхъ на 8 словъ
(103). Тутъ оно въ существенномъ согласно съ Академиче-
скимъ, кромѣ слѣдующаго оборота: «изъкъ Ржсквою и писмо
бкерже, Латинсквою же върѣ встави и грамотъ, а правокерныи еѣни
и поны извееуе;» но названiе самаго гонителя Православiя и
Православныхъ сохранено точно: «иришѣ Контѣ... оуѣтѣ въ Кон-
тѣхъ, вислоупѣ Латинскѣи» Академическiй списокъ Кириллова
Житiя етѣмъ оканчивается; но въ моемъ извѣстiе о судьбѣ
Православiя идетъ далѣе. Вотъ кто, по словамъ его, послѣдова-
тели Православнаго исповѣданiя: «И не тоѣмо Моуравлание, Уехи,
Козари, Каркати, Сѣбы, Бѣгари, Ахи и земля Моунтанская, вса
Далматiа и Диокантiа, и Волохи выша Роуѣ, Словаѣскѣи азъмкѣ
и писмѣ Бѣ хвалиша, въроу Греуескоюу держаша, но и король
Вгерскiй въроу Греуескоюу держалъ, яко ѡ тѣмъи вѣ житiи стѣо Савы
Сервсклго достатоуие широко выписоуѣтъ,» и проч. (104). Слѣдо-
вательно, послѣднее (Житiе Савы) служило источникомъ для
этого извѣстiя. Какъ бы то ни было, все, до сихъ поръ
сказанное мною объ этомъ отрывкѣ изъ Псковской Па-
лѣи показываетъ намъ, что извѣстiя, въ ней заключающiя-
ся и относящiяся къ нашему предмету, внесены въ нее,
въ высшей степени, небрежно. Небрежность эта до того,
наконецъ, простирается, что два мѣста изъ Житiя Кирилла,
изъ коихъ первое относится къ истолкованiю надписи
на потирѣ Соломоновомъ, а второе къ роду его и вложено
въ уста Козарскаго кагана предъ объѣдомъ: «Каганъ вѣроси фило-
софа: вѣа хѣтъ, да не поладимъ тебе на своемъ униоуѣ» (по Паннонско-
му списку Житiя исправиле: «вѣа естъ твоа хѣстъ, да та поса-
дѣтъ на своемъ униа»), помѣщены въ Палѣѣ, одно черезъ цѣ-
лыхъ 8-мь листовъ, совершенно особнякомъ, между извѣстiе-
мъ «ѡ Фарѣ і о Аврѣ и ѡ црѣвѣи кнѣи,» и «ѡ прѣруехъ и ѡ прѣрѣдѣи,» а
другое и того далѣе, между Инполитовымъ извѣстiемъ «ѡ ѡб-
лѣи стѣи,» и изреченiемъ одного святаго («Нинѣ ѡ стѣихъ реуе») о
сотворенiи человѣка и поставленiи его межъ «аиѣхъ и свѣты»,

что, въ другихъ рукописяхъ, приписывается тоже Константину Философу. Послѣ толкованія о погирѣ (недостающаго въ 1-й Палѣѣ, по причинѣ потери 450 — 451 листовъ) прибавлено: «Сихъ же стиховъ никто не можетъ протолковать, но протолковалъ древле, иже приходи въ Роу филосоъ Костантинъ, иррицлемы Кирилъ» — извѣстіе одинакого достоинства съ другими, утверждающими тоже, какъ увидимъ вскорѣ ниже. Слѣдовательно, на такомъ мутномъ источникѣ, очевидно, вставленномъ въ послѣдствіи кѣмъ-то изъ Рускихъ книжниковъ какъ въ Житіе Кирилла, по справедливому замѣчанію напредшаго его («Москвитянинъ», 1843 г., стран. 409 и 414), такъ равно и въ самую Палѣю, не слѣдуетъ слишкомъ опираться, равно какъ и отставать, основываясь на немъ одномъ, «возможность Рускаго перевода нѣкоторыхъ богослужебныхъ книгъ въ IX-мъ вѣкѣ, сдѣланнаго до Кирилла и Меодія (105). Наконецъ, должно замѣтить, что все это спутанное сказаніе Палѣи по обоимъ Пековскимъ спискамъ, доселѣ намъ извѣстнымъ, отыскалось еще въ одномъ Хронографѣ, разобранномъ въ Описаніи Румянц. Музея (стр. 754—761) подъ № CCCCLVI, по письму XVII-го вѣка (скорписью, а потомъ полууставомъ, на 518 л.), со многими вставками и добавленіями. Впрочемъ, Хронографъ этотъ названъ (на 12 листѣ) «Прологъ сбирку собраніе ѿ многихъ летописецъ, ѿ многа изъ излю.» Сказаніе наше помѣщено въ немъ послѣ 3 гл. ст. 167, начинаясь словами, въ видѣ заглавія : «**Ѡ** Словенехъ», за коимъ тотчасъ: «Къ лѣто рѣтѣ Михаилъ цѣра и истрѣи его Феодоры илудеа призывати вм. «прозывать») Руска земля,» и т. д., а потомъ наше извѣстіе: «Къ лѣто рѣтогъ во днѣ Михаилъ цѣра Греускаго и во днѣ княза Ререка Новгородскаго, его же сѣомъ Руска земля яренеде, стѣи Коимъстантинъ философъ, иррицлемы Кирилъ, сотвориша грамоту Словенскимъ азыкомъ, глѣмю литицу.» Въ слѣдъ за тѣмъ, какъ и въ обоихъ спискахъ Палѣи, заглавіе: «**Ѡ** грамоте,» и за тѣмъ: Греускую грамоту сотвориша ѿ мужъ,» и т. д., до самаго конца, въ коемъ тоже обращеніе къ Константину и Володимиру, но, вмѣсто «срединкомъ» читаемъ «среднимъ,» а «и люди избавляете ѿ всякоа беды крѣпимъ и Роускимъ,» измѣнено въ «и люди избавляти ѿ всякоа бѣды стѣю Греуское и Руское,» равно какъ «молю в милъса дѣю спийнемъ грамотѣи силъ

млы, юже похваламъ влю, и писа недостонныи», обращено въ «молюся и мислѣ дѣлю списанна слова сего малго в похвалоу влю и писахъ недостонныи.» Но важнѣйшее различіе заключается не столько въ этомъ, такъ же и не въ замѣненіи имени Люрника именемъ Рерика, или перестановкѣ членовъ этого періода (въ Палѣѣ сперва говорится объ изобрѣтателѣ литицы, потомъ означается, въ чье царствованіе, а въ Прологѣ на оборотъ: сперва царствованіе Михаила и Рерика, а потомъ уже имя изобрѣтателя и самаго изобрѣтенія), сколько въ означеніи самаго года изобрѣтенія грамоты, который по Палѣи ѓѣт (6303), а по Прологу ѓѣтот (6373=865). Спрашивается: кто кому служилъ источникомъ: Палѣи ли Прологу, или Прологъ Палѣи?

б) Сказанія собственно *Хронографовъ* или *Временниковъ*, которые, къ стыду нашей Археологин, по сю пору не только не оцѣнены сколько ни будь ученымъ образомъ, но даже не показаны происхождение и виды или разряды ихъ. Описаны только нѣкоторые изъ нихъ по содержанию неутонченнымъ знатокомъ письменной старины нашей, А. Х. Востоковымъ (въ «Опис. Румянц. Музея,» числомъ 10-ть, подъ №№ ССССЛІІІ—ССССЛХІІ, да извлеченія изъ двухъ, ССССЛХІІІ и ССССЛХІV, стр. 725—790). Ни мѣсто, ни время не позволяютъ мнѣ пополнить теперь этотъ недостатокъ. Скажу только, что во всѣхъ, рассмотрѣнныхъ мною, Временникахъ, принадлежащихъ Императорскому Обществу исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ (6-ть), дагѣ, В. М. Ундольскому (тоже 6-ть), и, наконецъ, мнѣ (1-нѣ), я замѣтилъ, при большемъ сходствѣ, большое и разногласіе какъ въ порядкѣ статей, такъ содержаніи, числѣ, языкѣ, времени, до котораго простирается каждый изъ нихъ, равно какъ и различныхъ дополненійхъ. Почти во всѣхъ етѣхъ Хронографѣхъ разныя извѣстія о Славянахъ начинаются съ царствованія Михаила, сына Θεοφιлова, обыкновенно статьею «О словенскомъ языкѣ и о Рускомъ (по Несторовой лѣтописи: «Въ столпотвореніи, егда раздѣли Богъ челоуѣкы на 72 языка,» и т. д., до извѣстія объ Уграхъ при Иракліи), за кою слѣдуетъ «О крещеніи Болгарскомъ» три статьи, дагѣ «О хлѣвѣ царевѣ (мраморной конюшнѣ); потомъ «О при-

шествиі Руси на Царьградъ (подъ Аскольдомъ и Диромъ: «Иногда прїидоша Русь на Царьградъ къ двою стѣ лодинъ,» и т. д.); черезъ двѣ статьи («Объ убїеніи Варды кесаря, и поставленіи Василия Македонянина на царство,» т. е., соправителемъ Михаилу) «О князѣхъ Рускихъ,» т. е., посольствѣ за море Новгородцами и союзниками ихъ и призваніи оттуда Рюрика и пр. («При Михаилѣ и Василии ѿѣмъ и при Фотїи патрїхрскъ прїидоша Русь Словенъ и Крикиихъ къ Варягомъ и рѣшл: земля ишла велика и обильна,» и т. п.); за симъ, еще черезъ три статьи («О разбїеніи зерцала,» «О убїеніи Михаила царя,» и «о царствѣ Василия Македонянина»), «О князѣ Рустѣмъ,»—повтореніе разсказа объ Аскольдовомъ и Дировомъ приходѣ подъ Царьградъ, но уже со словъ другаго лѣтописца («Роди же, изрицелїи Русї, иже и Кумли,» и пр.); наконецъ, послѣ сказанія «О смерти Василия царя,» слѣдуетъ «Царство Льва Премудраго, сына Василюева.» Тутъ-то встрѣчаемъ извѣстіе: «О преложенїи книгъ ѿ Греускаго изыкх на Словенскїи,» а въ нѣкоторыхъ еще прибавлено «и къратцѣ склзїиіе о рожденїи и о житїи сѣлго Кирилл философ.» Хотя по заглавію слѣдовало бы, прежде всего, услышать о переводѣ, но въ тѣхъ, въ коихъ и то и другое помѣщено (именно въ 3-хъ Хронографахъ собранія В. М. Ундольскаго, №№ 393, 394 и 397, и въ 3-хъ же Общ. истор. и древн. Росс.), послѣднее предшествуетъ первому, т. е., сперва читаемъ вкратцѣ сказаніе о Кириллѣ, которое, какъ замѣчено было выше, есть, такъ называемое, Проложное его Житїе, разобранное уже мною въ своемъ мѣстѣ довольно подробно. Что же до сказанія о преложенїи книгъ, то оно представляетъ тоже нѣкоторыя особенности: въ однихъ спискахъ это событіе приурочивается къ 6409 (5-ти Общ. ист. и др. Росс. №№ 280—281, 283—284, 287, и 2-хъ В. М. Ундольскаго №№ 394 и 397), а въ другихъ къ 6414 (1 Общества исторїи и древн. Росс. № 282, и 4-хъ В. М. Ундольскаго №№ 392, 393, 395 и 396, да въ Шконов. лѣтописи), или къ 901 и 906 по Р. Х. Сверхъ того, по однимъ имя князя Паннонскаго или Блатенскаго звучало Кочуль (Общ. истор. и древн. Росс. №№ 281 и 287), Кочюль (того же № 283, Унд. 394—397), Кочель (Шконов. лѣтоп.), и даже, на выворотъ, Колецъ (Унд. № 393 и Общ. ист. и др. Росс. 282), и нѣкоторыя другія, меньшей важности, осо-

бенности. Но вотъ въ какомъ видѣ является намъ самое сказаніе это, сличенное по всѣмъ, доступнымъ мнѣ, спискамъ: «Въ лѣто ѿ Адама ρσϣϑ (ρσϣδι), а ѿ седмалго собора πв лѣта, въ .βι. е лѣто Льва Прейраго, а ѿ крѣсенія Болгарскаго .λ. лѣтъ, Константинъ Философъ и братъ его Мефодѣи преложиша стѣа книга ѿ Греческаго на Словенскыи языкъ. Болгари же, и Словане, Сербы, и Арванасы, и Косаме и Роуци, во всѣхъ тѣхъ единыи языкъ. Стѣи же Константинъ Философъ многи кѣги преложивъ, и ѿнде зунти пререуциныи языкы, и предати нмъ стое писаніе по ихъ языкоу. Брата же его стѣа Мефодѣа кѣзь Коуюль постави еѣкна во Исплѣи (такъ-сть!), во градѣ Моравѣ, еже есть Плирикъ, до него же мѣлъ Павелъ ходилъ, проповѣдаа Хртѣа, многи же кѣги тамо пресмыла преложи.» Сколько несообразностейъ въ этомъ извѣстїи въ одномъ означенїи года преложенія книгъ Константиномъ и Мефодѣемъ, не говоря уже о томъ, что онъ въ разныхъ спискахъ разно выставленъ! Видно, что подбиравшїи его, подбирали на удачу. Нельзя сказать, чтобы всѣ означенія этого сказанія были совершенно несостоятельны: они несостоятельны только относительно единицы столѣтїа; но самое столѣтїе, (за исключенїемъ указанія на него по счисленїю отъ сотворенія міра), вѣрно, даже означавшїи его близко подошелъ и къ самому десятку столѣтїа, конечно, смотря по тому, какой переводъ будемъ разумѣть. Далѣе, развѣ это не хронографшикова догадка (просто ли хронографшика-списчика, или же хронографшика-составителя), когда онъ вычисляетъ народы, для которыхъ переводъ этотъ сдѣланъ, и которыхъ будто бы Константинъ лично училъ и преподавалъ имъ Священное Писаніе? Положимъ, что подъ Булгарами и Славянами онъ разумѣлъ еще два народа, господствующїи въ Царствѣ Булгарскомъ и принадлежащїи, какъ извѣстно, по повѣишимъ изслѣдованїямъ, къ Чудско-Татарскому или Турецкому племени, и другой, подчиненный, то есть, Славянъ Мизїйскихъ, Оракїйскихъ и Македонскихъ; но Арванасы-то (Албанцы) какъ сюда попали? Развѣ не разумѣть ли подъ ними Славянъ, живущихъ даже и теперь (а тогда далеко въ большемъ числѣ и на большемъ пространствѣ) въ сѣверной и сѣверовосточной части Албанїи? Но и тогда все же останется чистымъ предположенїемъ мысль, чтобы Кирилъ Сербамъ, Босня-

камъ (т. е., тѣмъ же Сербамъ, только въ Босніи, такъ названной по рѣкѣ Боснѣ, протекающей по срединѣ ея, съ юга на сѣверъ, и впадающей въ Саву близъ города Брода) и Руси проповѣдывалъ Евангеліе и т. д. Форма названія одного изъ упомянутыхъ тутъ народовъ, именно: «Арбанасы (ед. Арбанасъ, также Арбанаса, откуда Арбанія, Албанія), указываетъ намъ и на самый источникъ, откуда это извѣстіе списано, т. е., это было какое ни будь Сербское сказаніе о Кириллѣ и Меѳодіи (въ Хронографѣ, или отдѣльно), по тому что форма эта принадлежитъ преимущественно Сербамъ, и образована ими, по свойству своего языка, допускающаго замѣну одного плавнаго звука другимъ, особенно въ иностранныхъ словахъ; отсюда изъ формы Албанасъ, Албананъ, Албанецъ (л въ р, и, на оборотъ, р въ л) произошло Арбанасъ и т. д. Егѣмъ же естественно объясняется и включеніе Арбанасовъ или Албанцевъ въ число Славянскихъ народовъ, яко бы просвѣщенныхъ Константиномъ-Философомъ, какъ сосѣдей Сербовъ. Не меньше сбивчиво и безсознательно сказанное Хронографами о братѣ Константина. Нельзя незамѣтить въ основѣ его того же самаго источника, изъ котораго черпалъ и нашъ Несторъ, или же, статья можетъ, послѣдній и былъ для него единственнымъ источникомъ. Ясныя слова нашего лѣтописца запутаны еще разными дополненіями: «По семь же Коцель князь постави Меѳедья епископа въ Паніи на столѣ святаго Онѣдроника апостола, единого отъ ѡб. (70), ученика святаго апостола Павла» (П. С. Р. Лѣт. I, стр. 11). Изъ Коцела хронографщикъ сдѣлалъ Кочула, Кочюла, Кочела, даже Колеца, что встрѣчаемъ и у другихъ (даже въ нѣкоторыхъ спискахъ Паннонскихъ Житій Кирилла и Меѳодія), а изъ слова (испорченнаго уже и у Нестора) «Паніи» (вмѣсто Панноніи), бывшаго непонятнымъ для него, по очень напоминающимъ звуками своимъ Испанію, образовано имъ это послѣднее слово. А какъ передъ симъ у Нестора сказано: «а Меѳодіи оста въ Моравѣ;» Моравѣ же употреблена тутъ Несторомъ безъ дальнѣйшаго опредѣленія, что она такое, страна, или же городъ, то хронистъ, судя по такому выраженію, очень намекающему на городъ, и принявъ ее за городъ, тѣмъ болѣе, что и во второмъ мѣстѣ, въ коемъ слово это употреблено Несторомъ (нѣсколько ниже), оно тоже

стоитъ безъ всякаго поясненія, и тоже очень похоже на прежнее: «въ Моравы бо ходилъ, и апостолъ Павелъ училъ ту; ту бо есть Иллирикъ, его же доходилъ апостолъ Павелъ.» Принявъ «Моравы» за стольной градъ Испаніи, въ которой, по его, Кочулъ поставилъ Меодія епископомъ, онъ думалъ пояснить то, написавъ, въ слѣдъ за словомъ, «Моравъъ», слова: «еже есть Иллирикъ, до него же шлъ Павелъ ходилъ,» давая тѣмъ знать, что Моравы и Иллирикъ одно и тоже, т. е., столица Испаніи, гдѣ, пребывая, онъ перевелъ многія книги, разумѣется, сверхъ Св. Писанія, которое, какъ я сказалъ еще прежде, съ братомъ своимъ предложилъ. Какъ ни дико кажется все это, но, право, оно ни чѣмъ ни лучше, ни хуже извѣстіи Палги. Оба етѣ свѣдѣнія, безъ прекословія, порожденіе того вѣка, когда сказанія первохристіанской старины нашей сдѣлались уже довольно темными, и по тому позволяли лѣтописцамъ всякаго рода гаданія и поясненія, большею частью, какъ показываетъ опытъ, неудачныя и еще пуще запутывавшія дѣло. А что лѣтописцы, особливо хронографы, дѣйствительно допускали себѣ подобныя толкованія, примѣромъ тому можетъ служить любой изъ нихъ. Не ходя далеко, возьмемъ етѣ же самыя Хронографы. Вотъ какъ, на примѣръ, въ «Сказаніи о плулахъ Рѣскихъ кнѣзевъ», объясняется наше племенное имя, Славининъ (стр. 331): «Слова же нарицахуса ѿ многихъ словъ именованго разумъ, понеже егда Кириллъ Философъ наука творити бѣху, но не выршиша слово малыи писмены, яко же въ проуихъ языцехъ, и сего ради нарекошася Словамы, рече, великословы ирѣсметъ бо Рѣскѣи языкъ ѿдъ писмены, но и тогда тѣснота рѣчи выветъ, въ проуихъ же языцехъ имѣе тридцати, и со днѣфонглии исполняется число (106).» Другой примѣръ оттуда же, касательно того, какъ хронографы обращали мало вниманія на выборъ извѣстій о какомъ либо лицѣ, или событіи, изъ разныхъ источниковъ, и по тому не рѣдко изъ одного дѣлали два и болѣе, какъ бы совершенно отличныя. Выписавши изъ Греческаго лѣтописца извѣстное сказаніе о склоненіи Болгарскаго царя, Бориса, въ Христіанство сестрой его, захваченной еще въ юныхъ лѣтахъ Греками въ плѣнъ и воспитанной при Императорскомъ дворѣ, внесшій въ Хронографъ Славянскія извѣстія, продолжаетъ: «Пріиде же Болгар-

свѣи кнѣзь Борисъ въ Црьградѣ, проса стѣго крѣщенна со всемъ Кѣженіемъ своимъ, и ѣжтвенною бѣтню сподобенса приати, и ѿ купели приати его црѣ Михаилъ, и илреуе его по своему имени Михаилъ.» И, въ слѣдъ за симъ, тутъ же, ставитъ снова сказаніе, яко бы «Ѡ дръзыхъ кнѣзь Болгарскомъ, и ѿ крѣщеніи Болгаръ, иже крѣтишаса въ лето зѣтос. (6376—868).» Сдѣсь представляется, какъ царь Михаилъ, съ кесаремъ Вардой (дядей по матери), «иде Болгаръ воевати», которые, страдая отъ страшнаго голода, просили «Хрѣтіане быти», и князь ихъ является самъ съ Болгарами въ Царьградъ, гдѣ крестился и «приати его ѿ кнѣзлн црѣ Михаилъ, и илреуе имя снз Симеонъ,» а съ нимъ и бояри его, и проч. Оба егѣ извѣстія относятся къ одному и тому же лицу; вся разница въ томъ, что первое читается въ одномъ, а другое въ другомъ Византіицѣ, называющемъ крестившагося Болгарскаго государя не Борисомъ, но Симеономъ; изъ этого хронографъ вывелъ уже отъ себя, что князь Булгарскій, принужденный пашествіемъ Греческаго царя и голодомъ къ крещенію, долженъ быть лицомъ, отличнымъ отъ Бориса, тѣмъ болѣе, что и имя-то ему «Симеонъ;» отсюда явилось у него два государя, крестившихся въ одно и тоже время, между тѣмъ какъ въ сущности всѣ лѣтописцы рассказываютъ его дѣло объ одномъ лишь лицѣ, хотя нѣкоторые изъ нихъ и называютъ его иначе. Свѣдѣнія егѣ, однако, о Болгарскомъ крещеніи пригодятся намъ въ своемъ мѣстѣ отчасти и для занимающаго насъ предмета.

2) Разныя *лѣточислительныя приписки*, Булгарскаго и Русскаго происхожденія, встрѣчаемыя при извѣстномъ «Лѣтописцѣ въскортъ», составленномъ Цареградскимъ патріархомъ, Никифоромъ, преемникомъ Тарасіа, предѣлательствовавшаго на седьмомъ Вселенскомъ Соборѣ. Онъ извѣстенъ сочиненіями своими противъ иконоборцевъ, удалившихъ его, по приказанію императора, Льва Арменина (на 6-мъ году патріаршества и 2-мъ правленія Льва) въ заточеніе, въ монастырь Теодора Студита, гдѣ и скончался. Но изъ всѣхъ сочиненій его наибольшее распространено было «*Χρονολογία συντομικῆς*,» *Chronographia brevis*, и.и. какъ наши предки перевели, «Лѣтопи-

свѣтъ въскорѣ», напечатанный первоначально при Хронографіи Георгія Синкелла, въ Парижскомъ (1652 г., стр. 395—420) и Венеціанскомъ (стр. 315—335) изданіяхъ Византійцевъ, и перепечатанный при немъ же въ Боннскомъ 1829 (vol. I, pag. 737—788) В. Диндорфомъ, съ Латинскимъ переводомъ, сдѣланнымъ еще Анастасіемъ Библиотекаремъ. Эта Хронографія, какъ сказано въ самомъ надписаніи ея, простирается отъ Адама до императора Михаила и сына его, Θεοφιλου: «ἀπὸ Ἀδάμ μέχρι χρόνων Μιχαήλ καὶ Θεοφίλου, υἱοῦ αὐτοῦ;» ab Adamo ad Michaelis et Theophili ejus filii tempora. Сомнѣнія, представляемыя самымъ заглавіемъ, объясняются просто, т. е., Никифоръ сдѣлалъ одно только общее заглавіе своему сочиненію («Χρονογραφία σύντομος»), дальнѣйшее же все принадлежитъ другому, «qui opus manibus exserit atque debuit in titulum praefigere *μέχρι χρόνων Μιχαήλ καὶ Θεοφίλου υἱοῦ αὐτοῦ,*» какъ справедливо замѣчаетъ писавшій «in Breviarium Chronographicum Nicephori patriarchae Cr. breves annotationes» (ed. Bonn., pag. 551). Это случилось, прибавляетъ тотъ же объяснитель, около смерти императора Михаила и восшествія на престолъ сына его, Θεοφιλου, послѣдовавшихъ спустя четыре мѣсяца по кончинѣ Никифора, случившейся 13-го іюня, 828 или 829 года (послѣ 14-лѣтняго заточенія), смотря по тому, отъ сентября ли, или же генваря станемъ считать по Юліанскому календарю годы. Да и другія слова, въ заглавіи этого сочиненія находящіяся, именно: «τοῦ ἐν ἀγίαις πατρὸς ἡμῶν,» Sancti patris nostri, ясно говорятъ, что надписаніе его въ томъ видѣ, въ какомъ оно дошло до насъ, принадлежитъ не самому творцу, но сдѣлано другимъ, стало «Лѣтописецъ въскорѣ» дѣйствительно составляетъ трудъ Никифоровъ, тѣмъ болѣе, что и Анастасій Библиотекаръ, современникъ и переводчикъ его, слѣдовательно, не могшій не знать, по своему мѣсту и значенію, чье сочиненіе переводить, прямо приписываетъ оное ему, а не иному кому либо; прибавленія же въ немъ, какъ и въ другихъ, указываютъ только на немедленное же распространеніе этого творенія, которое всякой воленъ былъ вести далѣе и пополнять по своему усмотрѣнію. А по тому все, что находимъ въ немъ послѣ кончины творца его, должно считать какъ въ Греческомъ подлин-

никѣ, такъ равно и нашемъ Славянскомъ предложеніи, позднѣйшими вставками, дополненіями и продолженіями. Таковы въ первомъ: означеніе лѣтъ царствованія Михаила Косноязычнаго, Теофила, Михаила III-го и Василія; впрочемъ, при послѣднемъ не выставлены годы царствованія его, но тотчасъ подведенъ еще разъ общій счетъ лѣтамъ отъ одного всемірнаго событія до другаго, оканчивающійся 6348, т. е., 848 по численію Никифора, принимающаго до Р. X. 5500 лѣтъ, или же 840 по обыкновенному. Изъ сего открывается, что въ этомъ небольшомъ пространствѣ времени замѣтны вставки не одного, но нѣсколькихъ: годы правленія Косноязычнаго и Теофила—одного, Михаила III-го—другаго, общій счетъ—третьяго, а первый годъ Василія—четвертаго. Кромѣ того, кажется, Никифорово же лѣточисленіе, съ небольшими разногласіями, имѣемъ: а) при «Прологѣ о Хѣ связанныа сѣго ѣвнгелна, сътворенъиъ Константннъиъ, ннъ же и прѣложенне бысть тогожде связанныа иккнгельскаго.» Сдѣсь оно помѣщено въ концѣ, подъ названіемъ: «Историкни зѣ Бѣ въбрѣтъцѣ одръжащи лѣ отъ Адама до Хѣа пришьствна и пакы отъ Хѣ до настоцѣалго въ (!) ѣи индикта». По нему отъ Адама до потопа 2262, отъ потопа до Авраама 1070 или отъ Адама 3332; отъ Авраама до исхода изъ Египта 505 или отъ Адама 3837; отъ исхода до Саула 547 или отъ Адама 4384; отъ Адама до Александра 5029, а отъ Адама до Р. X. 5500; отъ Адама до Константина 5843; оканчивается 7-мъ годомъ царствованія Льва Мудраго, т. е., $886+7=893$, или $887+7=894$, до котораго, отъ «пропѣтна Хѣа девѣтъ сътъ ѣи» ($5533+918=6451$), а «отъ Адама до настоцѣалго въ ѣи индикта естъ лѣ „s. ѣг.“» (6406), что соотвѣтствуетъ 906, считая по его (5500 отъ Р. X.), или 898, по обыкновенному численію; по упомянутой счетъ отъ распятія Христова «до Льва црѣа илнѣиъиъалго», очевидно, ошибоченъ; слѣдовательно, и сдѣсь нѣсколько счетовъ или приписокъ, вставокъ, какъ хотите назовите. б) Кодицъ Георгіиі, Куропалатъ или начальникъ Царскаго Двора при послѣднихъ императорахъ, составившій описаніе чиновъ, зданій, св. Софій и самаго начала Царяграда, равно какъ и краткое лѣточисленіе отъ сотворенія міра до взятія Византіи, въ которомъ, по царствованію Михаила III-го, слѣдуетъ Никифору, считая,

какъ и етотъ, 5500 лѣтъ до Р. Х., и полагая правленіе послѣдняго въ 6349; но до перваго Христіанскаго государя приводитъ только одни итоги большихъ эпохъ счисленія, а съ Константина начинается вычислять всѣхъ егò преемниковъ съ годами ихъ правленія, какъ въ «Историкѣ вѣкратцѣ». Въ Славянскомъ же переводѣ Никифорова Лѣтописца привнесенія идутъ гораздо далѣе, смотря по тому, къ какому вѣку относится самый памятникъ, въ которомъ «Лѣтописецъ вѣскоръ» или «вѣборъ» (ибо и ето встрѣчается въ нѣкоторыхъ спискахъ) помѣщенъ, или же независимо отъ того списанъ. Такимъ образомъ: а) въ спискѣ, приложенномъ къ, такъ называемой, «Лѣтописи, по Никоновому списку, въ концѣ 1-й ея части (приложеніе III), подъ заголовкой «Никифоръ, патрїарха Царяграда, Лѣтописецъ вѣскоръ;» дополненія идутъ до 7-го года царствованія Константина Багрянороднаго, при коемъ въ Русѣ князѣи поух Игорь, а Олегъ ѹре.» б) Въ «Лѣтописца ѿ созданія міра вѣкратцѣ», помѣщенномъ въ Хронографѣ, писанномъ церковникомъ, Никитой Александровымъ (см. выше, стр. 67), содержащемъ тоже только годы большихъ эпохъ до Р. Х., а оттолѣ прямо до Константина (5812), съ коего по Соборамъ; послѣ послѣдняго изъ нихъ, бывшаго въ 6296, слѣдуетъ счетъ Славянскимъ событіямъ, изъ коихъ до «крщенія Болгарскаго» прошло, де, отъ Р. Х. 1206, что, будто бы, отвѣчаетъ 6377 году отъ Адама (по Никиф. 877, по обыкн. 869); «а ѿ крщенія до преложенія книгъ изъ Словенскїи изыкъ стѣи Кирилъ а (30) лѣ, ѿ Адама ꙗꙋзъ (6407=907 или 899), а ѿ седмаго Собора до преложенія книгъ бꙋзъ (873 или 865); а к Русѣи князѣи Рюрикъ к лѣто ꙗꙋе (6375=875 или 867); ѿ преложенія книгъ до крщенія Рускаго рѣт»: ясно, что тутъ счетъ не отъ 907, 899 и даже не 873, но лишь отъ 865. Слѣдовательно, очевидныя противорѣчія етѣхъ счетовъ самимъ себѣ говорятъ намъ о томъ, что они не могутъ принадлежать одному и тому же лицу. Завершается же етотъ лѣтосчетъ указаніемъ, сколько прошло времени отъ крщенія Руси до начала сельмой тысячн: «а ѿ крщенія Рускаго до конця седима [неправильно, вмѣсто «шестыя] тысячн», или же «до начал седима тысячн, лѣтъ .фд.» (1492?). в) Въ третьемъ спискѣ Никифорова Лѣтописца, встрѣченномъ мною въ Палтѣ по списку мона Константина (см. выше, стр. 92 и слѣд.), съ заглавіемъ въ строку: «Гра-

нографъ ѿ Адамъ» и на полѣ: «Лѣтоисчисленіе Адамово» (стр. 834), на сборотъ, сначала выставлены лѣта каждой главной эпохи до Р. Х., по томъ показывается, за сколько лѣтъ жила до этого же времени Іовъ, Моисей, Давидъ, Самуилъ, Соломонъ, Іеремія, Езекия, Агей, Захарія, Даниилъ, Ілия, Елсей, равно время пребыванія сыновъ Израилевыхъ въ Египтѣ, послѣ чего, снова счетъ идетъ отъ вознесенія Христова до Константина, отъ котораго далѣе опять по однимъ Соборамъ, изъ коихъ отъ послѣдняго прошло «до Михилова крѣткѣ и до преложенія свѣтлѣ кнѣи изъ Словенскыи языкъ Кирилѣ философѣмъ лѣтъ 796», что сложивъ съ 796, прошедшими до седьмаго Собора по счету этого лѣтописца, получимъ 857, по обычному 865, «а ѿ преложенія свѣтлѣ кнѣи до крѣткѣ Рускомъ землѣ лѣтъ 86 (857+86=943, или, по обычному счисленію, 988 (иначе годъ припятія Христіанства Владиміромъ); ѿ Константина цѣря до Михила цѣря въ всѣхъ лѣтъ 652 (542), т. е., отъ перваго лѣта Константинова до 1-го лѣта Михилова послѣ матери (842+14=856). г) Въ той же Палѣ, съ 853 по 855 л., помѣщенъ, послѣ статьи «И еще ѿ всѣхъ свѣтлѣхъ сборѣхъ, ѿ времени, унѣ и которыи по которыи бы», второй такой же Лѣтописецъ, озаглавленный на полѣ кинварью: «Ѿ лѣтоисчисленія второе». Онъ почти во всемъ одинаковъ съ предыдущимъ, за исключеніемъ того, что при каждомъ Соборѣ показанъ и годъ отъ сотворенія міра. Послѣдній происходитъ, какъ и по первому, отъ Адама 6296—5500=796 (а по обычному 788), отъ котораго до Михила 61 годъ, т. е., то же, что и выше (857 или 865). По далѣе иной счетъ, именно: «Въ лѣтъ 796, видикта .лѣ., наущенія Михилова крѣткѣвати, изуати именованіа Руска землѣ», т. е., 6360—5500=860 или 6390—5508=882; а «ѿ Михила до крѣткѣ Колгарскѣи землѣ к лѣтъ 796. (вмѣсто лѣтъ .лѣ. = 860 + 17 = 877 или 852 + 17 = 869); ѿ крѣткѣ Колгарскѣи до преложенія кнѣи лѣтъ .лѣ. (877+29 = 906 или 898); ѿ преложенія кнѣи до крѣткѣ Рускомъ землѣ лѣтъ 86», (т. е., 906 + 92 = 998 или 990.) д) На послѣдокъ, Палѣ Домонтовскаго свещенника предлагаетъ намъ и третье еще лѣтоисчисленіе, именно, въ самомъ концѣ своемъ, т. е., тѣмъ статьямъ, которыми завершается этотъ списокъ Палѣи, по тому что списокъ 1-й или дѣика съ Дубкова, судя по описанію его А. Х. Востоковымъ, прерывается въ самомъ началѣ

этого третьяго лѣтописца («Декеи ѿба и мѣць г. и зюкоати въ... на тоѣгъ»); но и во 2-мъ спискѣ начала ему тоже недостаетъ; онъ соприкасается съ концемъ предпоследней статьи «Сѣго Василиа т(оль) сѣенихескѣ униа», «вдругъ на 881-мъ листѣ словами: «и мѣць .ѿ. при сѣ боиоѣ Вигѣи мѣиъ» (т. е. «Тронхъ, лѣ ѿи»); Андрейкиъ лѣ .б.», и т. д. Передъ статьей, предшествующей ему, помѣщенъ рядъ статей подобнаго же содержания, начинающихся, на 864-мъ л., началомъ статьи «Ѡ мѣтосунслейи ,ѿѿ лѣ, а родо ѿ» (какъ выставлено на полѣ, вверху, киноварью); тутъ говорится только о рожденіи Христа, крещеніи, распятіи, воскресеніи, вознесеніи и ниспосланіи Св. Духа»; за тѣмъ «Дорофѣи епѣ Тваровскѣ ѿ дзвиза .т. апѣа»; послѣ чего «Того ѿ .б. зѣнкъ.» Сличивъ этотъ лѣтописецъ съ напечатаннымъ при Никоновской Лѣтописи, я увидѣлъ, что онъ вполне съ нимъ сходенъ въ имѣющемся на лицо, кромѣ пустыхъ разпорѣчій, происшедшихъ больше отъ писца, да отмыгъ правописанія. Также весьма совпадаетъ и съ своимъ Греческимъ подлинникомъ, за исключеніемъ нѣкоторой разности въ числахъ, очевидно, отъ небрежности переписчиковъ происшедшей; по годы, протекшіе, отъ одного Собора до другаго, равно какъ и имена лицъ, противъ которыхъ они держаны были и за что, составляютъ либо наше прибавленіе (т. е., Славянское, что подтверждается самобытнымъ означеніемъ мѣстной ересеначальниковъ, на примѣръ: противу Арія, «раздѣлающаго Божество»; на Македонія, «доуховорца»; на Несторія, «человѣкслужебника»; на Евтихія, Диоскора и Севтира, «сѣмоущенъ и размѣшенъ въкодацихъ»; на блади Оригеонови»; на Арія, Кира и Макарія, «едини вола ереси»; по Никои. списку: «единовольныа ереси»; на «Иконоборецъ»), либо переводъ съ Греческаго списка, нѣсколько отличнаго отъ того, который присоединенъ къ Синкеллу, либо же, наконецъ, составляетъ попытку передать, въ подлинникѣ заключающагося, какъ можно самостоятельнѣе, по своему, т. е., согласно съ духомъ Славянскимъ и свойствами его языка. Окончаніе же обоихъ списковъ, при Лѣтописи по Никоновскому списку и въ Псковской Псалѣи по рукописи священника Константина, однаково, т. е., и тамъ и тутъ завершается началомъ правленія въ Грекахъ Константина Багрянороднаго, а въ Русѣ Игоря (913-мъ годомъ). Что до вставокъ, то

онѣ въ томъ и другомъ спискѣ состоятъ въ слѣдующемъ: «Михилъ, сѣъ его (Феофила, въ Никоповскомъ «Феодула»), съ Феодоромъ матерно его, и съ Ускавою, сестрою его, лѣ .дѣ. (пропущено противу подлинника: «а мѣъ. 'а. дѣни бѣ). Михаилъ (т. е., «единъ», какъ въ другихъ, подобныхъ Лѣтописцахъ, читаемъ) лѣ .лѣ. (въ «Историкѣ въкраткѣ»: «лѣ .лѣ. а мѣъ а. дѣъ. ѿ.» что ближе къ подлиннику: «Μιχαήλ μόνος ἔτη ἅ, μῆνα ἕνα, ἡμέρας θ'»; а въ «Лѣтописцѣ въкраткѣ» при Изборникѣ 1073 года: «Михаилъ ѣдинъ, коушно съ Кардож Кесарьмъ, лѣ .лѣ. и оуенѣна быста ова»), съ Васильемъ лѣ и мѣъ .дѣ, и звалъкъ бысть (въ Палѣи «заколенъ бѣ»); въ подлинникѣ: «ἐσφάγη ἐν τῷ παλατίῳ τοῦ ἀγίου Μάμαντος, in palatio S. Mamtantis dicto occisus est»; но въ Никон. пропущ. «лѣ»). Тутъ первая вставка, относящаяся къ Руси: «При сего цѣтви приходша Роусь, Юды, Словене (въ Палѣев. «Словени»; въ Никон. прибавлено «Новгородцы») и Кривичи (Палѣев. «Кривичи») къ Варогомъ, рѣшл: земля наша велика и обилна, а наряда въ неѣ нѣтъ; поидите княжити и владѣти илии, просиша кѣъза и взяша три брата съ роды сконни, Люрика, Синеоусъ и Троуколя (по Палѣѣ, въ коеѣ, послѣ «великѣ», слѣдуетъ: «просиша кѣъза», и проч., а въ Никон. послѣ: «съ роды сконни» тотчасъ: старей Рюрикъ седе в Новгороде, Синеоусъ из Белл озере, Труворъ во Изборскѣ). Потомъ «ѿ Аллама лѣ .с. и .т. ѿ», 6370, т. е., 862 по обыкновенному счету, которому, разумѣется, считавшій слѣдовалъ, потому что по пятисотному (5500), или Никифоровому, выйдетъ 870, что противорѣчить, какъ и выше, всеѣмъ прочимъ, предыдущимъ и послѣдующимъ, событіямъ. За снмъ: «по двою лѣтѣ Синеоусъ и Труворъ оуири и приа всю власть в Роусѣи Рюрикъ», что по Палѣи: «По .лѣ. ю лѣ преставѣ Синеѿ и Труволя, Люрикъ ѿживѣ.» Далѣе, опять по Греческому Лѣтописцу, по какому, не извѣстно; вѣроятно, по тому самому, по коему выставлено все счисленіе, по смерти Никифора, которое, какъ мы видѣли уже, почти во всеѣмъ согласно, съ одной стороны, съ находящимся при подлинникѣ послѣдняго, а съ другой, съ прочими, дошедшими до насъ и доступными нынѣ мнѣ, подобными же Лѣтописцами, т. е., при твореніи Константиновомъ и Изборникѣ Святославовомъ. Вся розница ихъ противу Греческаго состоитъ только: а) послѣдняго въ томъ, что въ немъ Михаилъ II-й царство-

валъ лѣтъ 9, мѣсяць 9 и дней 9, между тѣмъ какъ во всѣхъ прочихъ лѣтъ 8 и мѣсяць 9; б) опущены 20 дней царствованія Теофилова въ немъ и въ «Историкки възрѣтъцѣ;» в) тоже опущено 20 дней по «Историкки» въ царствованіи Теодоры съ Михаиломъ (вмѣсто 22 только 2), а въ Изборниковомъ, Никоновскомъ и Палѣевскомъ не упомянуты какъ мѣсяць, такъ и дни. Что до правленія Михаила одного, то съ подлинникомъ, какъ показано уже, сходится вполнѣ «Историкки,» прочіе же показываютъ 12 в. 11 лѣтъ, 1 мѣсяца и 9 дней, что произошло, конечно, отъ того, что въ спискахъ «Никонов. и Палѣи» соцарствованіе Василія съ Михаиломъ выставлено отдѣльно: 1 годъ и 4 мѣсяца; слѣдовательно, круглое число послѣдніе предпочли подробному. Отъ того, слѣдующее показаніе, какъ я сказалъ, вѣроятно Греческаго происхожденія, какъ и предшествующія, подъ коимъ вписаны чисто Рускія, естественно, должно имѣть въ спискахъ Никоновскомъ и Палѣи разницу въ означеніи лѣтъ государствованія Василія однимъ годомъ съ небольшимъ противу показаній въ другихъ такихъ же Лѣтописцахъ. И точно, въ первыхъ двухъ сказаніи: «По Михаилѣ цѣ Василей лѣт. ѿн. и цѣрѣ ѿн.», а по Лѣтописцу Изборника: «Василіосъ и Кон. стѣпѣнъ сѣъ его лѣт. ѿн. и ѿн. дѣт.», по Константиновскому же: «Василь ѿн. лѣт.» Напротивъ, въ Греческомъ подлинникѣ лѣта Василіева правленія вовсе неозначены, но выставлено одно лишь его имя: «*Βασίλειος*» (Basilius), и тотчасъ подведенъ итогъ по главнымъ событіямъ отъ Адама до Христа (5500), а отъ Христа до Константина Великаго, отъ него же къ Теофилу, что, согласно съ замѣченнымъ мною уже выше, указываетъ на 840 годъ, а не на 848-й, какъ бы можно было думать, полагая, что подводившій етотъ итогъ слѣдовалъ въ немъ 5500-му счисленію, но тогда оно указывало бы уже на правленіе Теофилова сына, а не самаго Теофила. Или же, желая отстоять 5500-лѣтнее счисленіе, нужно будетъ допустить, что счетчикъ употребилъ тутъ отцовское имя вмѣсто сыновняго. Какъ бы ни было, только подъ царствованіемъ Василія занесено въ Никоновскій и Палѣевскій списки «Лѣтописца възрѣтъцѣ» два событія изъ жизни Славянскаго народа: одно касается Славянъ Булгарскихъ, именно, крещенія

ихъ, а другое Славянъ Рускихъ, т. е., смерти перваго великаго князя ихъ: «Въ .л̄. лѣ црѣтъ его крѣпнл бѣ земля Кольгарьскаа ѿ Адама лѣ .҃. и .тоз̄.», и «въ .л̄. лѣ црѣтъ его оуире Рюрикъ (Люрикъ оуирѣ), и дѣсть княжение (кнѣзьне Олгови), сродинкоу скоемоу, и сѣа мхлаго, Игоря». Годы того и другаго показаній, равно какъ и предыдущихъ, относящихся къ намъ, Славянамъ, совершенно совпадаютъ съ такими же Несторовой лѣтописи; и не одни годы, но и самый образъ выражений почти одинъ и тотъ же съ Несторовымъ. Въ заключеніе: «Левъ и Александръ, сѣа Васильа црѣа, лѣ .л̄. Въ .л̄. е лѣ црѣтъ его преложены вышл книги ѿ Греускаго азукл (въ Пал. «ѿ Грѣкъ») на Словенскыи (въ Палѣи «азукъ»), а ѿ крѣпнл Болгарьскаго до преложенна книгъ (въ Палѣи) «на Роуѣ») лѣ .л̄.; а ѿ .з. свора до преложенна книгъ (последнійя два слова не находятся въ Палѣи) лѣ .оӯ., а ѿ Адама лѣ .҃. и .҃. и .л̄.». Ясно, что все это собрано вмѣстѣ для одной и той же цѣли, т. е., опредѣленія времени преложенія книгъ; но, во первыхъ: число лѣтъ правленія царей Льва и Александра неточно, по какому бы мы численію ни означали годы правленія ихъ: вмѣсто 20 другіе полагають 25 и 26 лѣтъ; последнее встрѣчаемъ въ Лѣтописцѣ при Изборникѣ 1073-го года: «Леонъ и Александръ, сѣа Васильевъ, лѣ .л̄. и҃. дѣи л̄.»; да «Александръ ѣдинъ лѣ .л̄. дѣи л̄.». Дѣйствительно, по выкладкѣ Круга, лѣти Василія царствовали съ 30-го августа 886: первый по 11-е мая 912, а второй по 6-е іюня 913 года; стало, первому вышло, говоря круглымъ числомъ, 26 лѣтъ, а второму годъ съ небольшимъ; да и въ частностяхъ вычисленіе Круга совершенно совпадаетъ съ показаніемъ Изборникова Лѣтописца (107). Во вторыхъ: 12-е лѣто, по тому, правленія императора Льва будетъ приходится 898 года, что совершенно согласно и съ, присоединенными въ слѣдъ за тѣмъ къ опредѣленію перевода Священныхъ Книгъ, двумя вычисленіями, т. е., показаніемъ лѣтъ, протекшихъ отъ крещенія Болгарскаго и отъ Адама. 30-е лѣто перваго падаетъ на 898 годъ, считая отъ втораго года Васильева правленія (868-го), а 6405 отъ сотворенія міра, по обыкновенному численію, тоже указываетъ на это же самое (898-е) лѣто. Она лишь выкладка времени отъ Седьмаго Собора не оправдывается, по тому что, откуда бы мы ни счита-

ли етъ 77 лѣтъ, отъ 783, 787, 795, 805, 806 и т. п., во всякомъ случаѣ протекшее время укажетъ не на Львово, но на другаго царствованіе; слѣдовательно, эта выкладка принадлежитъ и другому лицу и къ другому предложению относится. Какое же изъ сихъ послѣднихъ будетъ относиться къ нашему предмету, увидимъ въ своемъ мѣстѣ; по тому что опредѣленіе предложенія на Славянскіи языкъ Св. Книгъ 12-мъ годомъ царствованія императора Льва, не относится прямо къ теперешнему нашему розыску, хотя, конечно, можетъ и должно быть во многомъ принимаемо въ соображеніе. Последнее добавленіе къ Никифоровому «Лѣтописцу въвратцѣ» по обоимъ спискамъ, какъ замѣчено выше, относится къ правленію Константина Багрянороднаго: «Костянтинъ, сѣъ Львовъ, зать Романовъ, црѣткова лѣ .z.» Подъ нимъ записано: «а в Роуѣси поуа князѣти (Пал. «кнзати») Игорьъ, а Олегъ оумре» (въ Пал. «а Олегъ и ть оумрѣ»); за симъ въ томъ и другомъ слѣдуетъ исчисленіе, кто изъ царей Греческихъ былъ вѣренъ Православію, а кто отступилъ отъ него, съ показаніемъ при каждомъ самыхъ лѣтъ правленія, что оканчивается, по списку Палги, 84-мъ царемъ, Мануиломъ; или 6899-мъ годомъ, а по списку Никоновой лѣтописи 85-мъ, Калудяномъ, или 6933=1425-мъ. Уже по одному этому исчисленіе сіе не можетъ принадлежать патриарху Никифору, тѣмъ болѣе, что его нѣтъ и при Греческомъ подлинникѣ, хотя, съ другой стороны, оно могло быть доведено до того времени, до котораго и простое лѣточисленіе его, послѣ же его продолжалось другими. Такъ точно списокъ епископамъ Византіи, находящійся при Греческомъ подлинникѣ, какъ сочиненіе, принадлежащее ему, продолжается въ немъ до самаго Фотія.

Есть еще особый видъ Никифорова Лѣтописца, который, подобно этому исчисленію православныхъ и неправославныхъ Греческихъ царей, не только что продолженъ до послѣдняго изъ нихъ, но даже, во многихъ случаяхъ, сличенъ съ другими подобными лѣточисленіями. Такой списокъ встрѣтился мнѣ при одномъ экземплярѣ «Книги, галголемон Алавантъ, содержаща в себѣ толкованіе мѣоудобъ развѣтываемыхъ рѣуен, же обрѣтаются во сѣи книгѣ Словенскаго языка, иностранными галголамѣн

положены,» томъ самомъ, которому предпослано, въ видѣ предисловія, Храброво «Связаніе, како состави стѣни Кирилъ Онософъ азъевскъ по изыскъ Словенскъ,» и проч. (см. прим. 46). Оны писаны нѣсколько отличными отъ Сказанія и Алфавита почеркомъ, хотя тоже красивымъ, четкимъ и съ киншварными заглавными; бумага нѣсколько темнѣе; счетъ листовъ особой (43), озаглавленъ такъ: «Ѡ Летописца извѣрзо вкратце ѿ изумле родословіа ѿ Адама перваго дна и ѿ коего колѣна ѣго поидохъ црѣе, сздѣа же и владѣлцы, и кто сколко лѣтъ бысть мною текучаго кола сего.» Это, кажется, составляетъ попытку нашихъ предковъ обработать Никифорово лѣтописное счисленіе. Трудившійся надъ нимъ тщательно слнчалъ показанія Никифора съ другими, доступными ему, исчисленіями, и, находя разницу, отличалъ ее, но, большею частью, не пускался въ разысканіе причинъ оной. Такъ, на примѣръ: отъ смерти Моисея до Самуила 520, а по Библии 540, «сдѣтъ же ся в деаніцхъ Апостолскнхъ ѿ Моисеева оумертвіа до Самуила лѣ .ѿѿ. Шеразрѣмъ по семъ летописцѣ излише лѣтъ .ѿ., а по Библии излише лѣтъ .ѿ. Сіе не апостолское писаніе погрѣши, но или пренесющаго погрѣшенія бысть, долгааго рѣди времени пишема стирлота и незнаема вывѣю, яко же се ѣгда оу тверда ѣдина уертница сотрета, то и вѣсть рлзвнети, твердо ли было, или покон; тако же верхнаа уертница в покои сотрета, тако же не вѣдати, покой ли былъ, или же нже, да темъ ѣ три сотномъ числѣ осмьдесятное мннтся, и къ осмьдесятномъ осмь мннтся.» Или: «По семъ летописцѣ ѿ перваго уѣвѣка родонлуданика Адама даже до Рѣтѣа Хрѣтова родословіѣ уѣуескаго бытіа лѣты иззnamenнѣ и славнѣ уѣвѣкъ, црѣи же и сздѣи и владелцы соутенѣ лѣ .сѣф., мннка же ѿвертеса лѣ .кѣ.; а по Библии разгласветса оумлленіемъ недостало ѣ пѣтисаиное и нѣсотное число лѣ .лѣ. и мѣѣ .с. А старыя версунн такъ же разгласвнотса: ѿ црѣа Адама до Рѣтѣа Хрѣтова .лѣтѣ. лѣта, а ѿ патненія Іеросалимова по семъ летописцѣ до Хрѣта .хѣ. лѣтъ, а в старыхъ пишеть .фѣ. лѣтъ. А ѿ змертвіа Александрова до Августова црѣтѣа лѣтъ .сѣп., а ѿ изумла царства Августова до Рѣтѣа Хрѣтова .мѣ. лѣтъ, то право; а ѿ Александрѣа лѣтъ .сѣп. И то рлзногласіе в числахъ летописныхъ ѿ пренеснующнхъ бысть, яко же прежде рѣхъ ѿ Моисея до Самуила.» Съ Августа передъ каждымъ изъ государей выставляется, прежде всего, годъ отъ Р. Х., а по томъ ужъ число лѣтъ правленія. Точно такимъ же

образомъ разность лѣтописныхъ счетовъ указана при Константиинѣ Великомъ и каждомъ Вселенскомъ Соборѣ, изъ коихъ приведу здѣсь только первое и послѣднее, необходимыя для нашихъ соображеній: «Ѿ Рѣтва Хрѣтова до перваго лѣта црѣа Коиштаинна по семь лѣтописицъ лѣтъ .тѣа. и мѣѣ .ѣ., а ѿ вознесенїа Гдѣа лѣтъ .сїѳ. и мѣѣ .ѣ., а ѿ Адама лѣтъ .сѳѳѳѳ. и мѣѣ .ѣ.; а въ старыхъ переписяхъ лѣтописицъ пишеть ѿ Рѣтва Хрѣтова до црѣа Коиштаинна лѣтъ .тѣѳ., а ѿ вознесенїа Гдѣа лѣтъ .тѣѣ., ниѣ .сѳѳѳ. а ѿ Адама .сѳѳѳ., ниѣ .сѳѳѳѳ. Ко .лї. лѣто црѣтва ѣго высть первыи вселенскїи Соборъ въ Никен стыхъ ѿмѣ .тїи. изъ Арїа злоустиваго, глѣщаго Сїа Бїїа сѣтворена быти; ѿ Рѣтва Хрѣтова до перваго Собора лѣ .тѣг. и мѣѣ .л., а ѿ вознесенїа Хрѣтова лѣтъ .л. и мѣѣ, а ѿ Адама лѣтъ .сѳѳѳг.; а въ стары переписяхъ пишеть ѿ вознесенїа Хрѣтова до перваго Собора лѣ .тїи., ниѣ .тѣѣ., а ѿ Адама лѣтъ .сѳѳѳа. В лѣто .сѳїи. по Аѣ црѣтова Константиинъ сїѣ с мѣрїю Приною лѣ .лї. При сихъ высть седмїи Соборъ в Никен, въ .сї. лѣто црѣтва ѣго изъ иконоборцовъ, стыхъ отецъ .лѣѣ. прї Андреане пале Ршстемъ и Тарсїи Цѣсградскомъ. Ѿ Адама до седмаго Собора по семь лѣтописицъ .сѳѳѳ. лѣта, а ѿ Рѣтва Хрѣтова лѣ .ѳїа. и мѣѣ .ѣ., а ѿ шестаго Собора до седмаго лѣ .рѳѳ.; а въ старыхъ переписяхъ пишеть ѿ Адама до седмаго Собора лѣтъ .сѳѳѳ., а ѿ Рѣтва Хрѣтова .сѳѳѳ.» Здѣсь все совершенно противорѣчитъ какъ само себѣ, такъ и обыкновенному способу лѣтосчисления. Отъ того и царствованіе Михаила III-го пришлось «въ лѣто .сѳѳѳ.» (6405 = 805), и при томъ онъ править, яко бы, «съ мѣрїю своею, Осодорою, лѣта .лї., а ѣдинъ лѣ .л., а с Василїемъ Македонаниномъ лѣто ѣдино и мѣѣ .л.» Слѣдовательно, въ послѣднемъ счетѣ пропущено цѣлыхъ десять лѣтъ, что тоже замѣчаемъ и при Василїи, который, будто бы, царствовалъ только «лѣтъ .лѳ.» Не смотря на это, царствованіе послѣдняго Греческаго императора пришлось въ .лїи.» (6950=1442), а «сконхася въ лѣто .сѳїѣа.» (6961=1454), между тѣмъ въ зак.почительномъ его итогѣ открывается опять несостоятельность, именно, по счету его, «ѿ Рѣтва Хрѣтова до великаго црѣа Коиштаинна лѣтъ .тѣа, а ѿ перваго црѣа Коиштаинна до послѣдняго сего црѣа Коиштаинна лѣ .сѳѳѳѳ (321+1095=только 1416!), а ѿ Рѣтва Хрѣтова до послѣдняго црѣа Коиштаинна, до сконхїа ѣго, лѣ .сѳѳѳ (1460!); црѣвїюще црѣе Греусїи в Коиштаинне граде .сѳѳѳ лѣтъ (1127, что съ 321 составитъ лишь 1448!). Такое

противорѣчіе въ означеніи лѣтъ начала правленія каждаго царя отъ Р. Х. принадлежитъ не Никифору, но тому, кто Лѣтописецъ его довелъ до послѣдняго Византійскаго императора. Вторую половину этого Лѣтописца составляетъ «Ζαυαλοῦ βασιλικῶν ἱστορίῳν ἡμερολόγιον», т. е., Рускимъ. Составитель не хотѣлъ сливать, по примѣру другихъ, событій Рускихъ съ Византійскими, но отвелъ для нихъ особое мѣсто. Сдѣсь счисленіе далеко правильное того. Такъ, приходъ «Варагъ по моленію Руси,» т. е., «Рюрикъ съ родомъ своимъ,» отнесенъ къ лѣту .ϛϛθϛ. (6370 = 862), при црѣхъ Грецескихъ, иже тогда црѣтвующихъ, при Михаилѣ і Василіи Македонанинѣ; а кончина его произошла, по нему, въ лѣто .ϛϛηϛ (6387 = 879); дахѣ опять частью правильно, частью сбивчиво. Такъ, крещеніе Руси, въ слѣдствіе «уюдеси сѣаго ѣвѣлїа,» послѣдовало «въ лѣта .ϛϛϣϛ (6409 = 801 или 809), а ѿ седмаго Собора ѿн. лѣ. и мїра ѿ.», во второе иадесать лѣто црѣтва Льва Премѣраго,» что, какъ ни считаѣи, не совпадетъ; «а в старыхъ переписяхъ пишеть ѿ седмаго Собора ѿн. лѣто, а ѿ крещенїа Болгарскаго ѿ. лѣта, а до крещенїа Болгарскаго ѿ Адама лѣта .ϛϛθϛ (6376 = 868), а ѿ крещенїа Болгарскаго до преложенїа кнїгъ Кирилъ лѣт ѿ. (868 + 30 = 898), а ѿ Адама .ϛϛϛϛ (6407 = 899), а ѿ седмаго Собора лѣта ѿз»: послѣднее не сходится съ предыдущими, равно какъ и другїя означенїа, 82 и 88. Точно такъ же не сходится и слѣдующее означеніе времени отъ преложенїа до крещенїа Рускаго 123 лѣта, если не считать тутъ преложенїа, предшествовавашаго 865-му году; но прямое означеніе имъ лѣтъ крещенїа нашего при Владимирѣ почти правильно, такъ какъ оно случилось въ 6495: «Русь крестилъса преже Владимѣр ѿ Грековъ в лѣто ѿ созданїа мїра .ϛϛϣϣ» (= 987). Что же до принятїа, по словамъ этого Лѣтописца, Поляками Вѣры Христіанской, «рокъ ѿн.», то это, быть можетъ, составляетъ собственное соображеніе составителя его, опирающееся на томъ старинномъ преданїи Польскаго народа (сохраненнаго, правда, позднѣйшими писателями), по которому уже при Семимыслѣ (921 — 962) Христіанство смѣло распространялось, хотя самъ онъ и оставался въ язычествѣ. Впрочемъ, самое выраженїе «рокъ» намекаетъ на источникъ, откуда такое означеніе времени принятїа Христіанства Поляками, перенесено въ этотъ Лѣтописецъ.

Спрашивается, откуда пошли все эти летописныя показанія, особенно для древняго времени? Первые летописцы, идущіе не далѣе X-го столѣтія, равно какъ и послѣдній, до половины XV-го (1454 въ части 1-й, а во 2-й до половины первой четверти XVII-го [1613] или избранія и возведенія на престолъ царствія Московскаго государства перваго Романова), основываются, какъ сказано уже, до Θεофила на Лѣтописецѣ Никифоровомъ, но далѣе, мнѣ кажется, составляютъ простое извлеченіе перечнемъ изъ нашихъ Лѣтописей и Хронографовъ, что доказывается какъ сходствомъ расположенія, такъ и тождествомъ, по крайности, чрезвычайной близостью, самыхъ выраженій во многихъ и многихъ случаяхъ. Такъ, смните приводимое въ этихъ Лѣтописцахъ съ тѣмъ, что находится въ Лѣтописи Нестора и нѣкоторыхъ Хронографахъ отъ царствія Василія Михайлу. Началомъ, конечно, послужили перечни, подобныя перечню, предпосланному Несторомъ разсказу о томъ, «што са оудла (къ) лѣта си», который рѣшительно взять имъ «взрѣтъце» у Никифора и его неизвѣстнаго продолжателя (или продолжателей) до самаго Михайла. Свѣривъ все ихъ между собою (какъ это я и сдѣлалъ), увидимъ, что несходнаго у Нестора съ ними весьма мало, да и это малое такъ незначительно и такъ причина тому очевидна, что только самый недалновидный, или же неопытный въ дѣлѣ исторической критики, можетъ не замѣтить оной. Но Несторъ самъ называетъ источникъ свой: «Наченію Михайлоу царствовати, нахса прозвати Роуска земля; о семъ бо оудлдохомъ, яко при семъ цари приходиша Роусь на Царьгородъ, яко же пишется къ лѣтописанью Греуьствыиъ, тамже отсеае почисемъ и числа положимъ;» и тотчасъ же, дѣйствительно, начинается своя «Повѣсть временныхъ лѣтъ» прежде всего положеніемъ лѣтъ, то есть, «лѣтописцемъ взрѣтъце», отъ Адама до своего времени (смерти Святополка), рядомъ всемірныхъ поворотныхъ событій и ихъ представителей (отъ Адама до потопа, Авраама, Мойсея, Давыда, разрушенія перваго Іерусалима, Александра, Р. Х., Константина и Михайла): послѣдній изъ нихъ не по тому, чтобы онъ былъ въ самомъ дѣлѣ такая же личность, какъ прочіе, но по тому единственно, что наченію емоу царствовати, нахса прозвати Роуска земля,» которой судьбы рѣшился

онъ изложитъ. Отъ этого же государя, въ описаніи правленія котораго вычиталъ Несторъ первое извѣстіе о Руси, счетъ лѣтъ идетъ у него въ «положеніи чиселъ» уже по собственнымъ государямъ, отъ правленія къ правленію. Представивъ, такимъ образомъ, напередъ лѣтописный обзоръ того, что намѣренъ былъ изложить въ своемъ Временникѣ, онъ открываетъ его 6366-мъ лѣтомъ (858), подъ которымъ нашелъ «въ Грехъстѣмъ лѣтописнымъ» извѣстіе о народѣ, соплеменномъ своему, т. е., Болгарскихъ Славянахъ, именно, о войнѣ противъ нихъ Михаила, кончившейся крещеніемъ. За тѣмъ, къ слѣдующему году (6367=859) приурочиваетъ преданіе о дани Варягамъ съ Сѣверныхъ, а Козарамъ съ Южныхъ Славянъ, а черезъ три года (6370=862) объ изгнаніи первыми Варяговъ, объ усобицахъ у изгнавшихъ и средствѣхъ противу того—призваніи князей изза моря; послѣ этого опять три пустыхъ лѣтнихъ чиселъ (6371, 72, 73), о которыхъ ничего не могъ найти ни въ своемъ Греческомъ (хотя въ Славянскомъ предложеніи) подлинникѣ, ни въ памяти народной, и только подъ слѣдующимъ (6374=866) годомъ заноситъ о томъ приходѣ Руси на Царьгородъ, о которомъ сказалъ въ самомъ началѣ своей Лѣтописи и который далъ ему поводъ начать ее правленіемъ Михаила, по тому что ни въ какомъ Греческомъ лѣтописаньи подъ 6360 (852) годомъ не говорится о Руси; слѣдовательно, Несторъ тутъ разумѣлъ походъ Аскольдовъ и Дировъ, дѣйствительно рассказываемый подъ етѣмъ годомъ источникомъ его, Георгіемъ Грѣшнымъ, какъ это показываетъ самое дѣло. Ибо это событіе читаемъ у Георгія передъ убіеніемъ кесаря Варды (дяди Михаила по матери) Василіемъ, что, какъ извѣстно, предшествовало избранію послѣдняго въ соправители, почти за полтора года до смерти самаго Михаила (868 по Нестору, 866 по другимъ). Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе встрѣчаемъ рассказовъ у Нестора объ отечественномъ, и тѣмъ менѣе о Греческихъ и соплеменныхъ намъ народовъ дѣлахъ; но подъ 6376 (868) отмѣчено вступленіе на престолъ Василія, подъ 6377 (869) крещеніе *всей* Болгарской земли, подъ 6395 (887) царство Льва и Александра, дѣтей Василя. Занесеніе извѣстій изъ Греческой лѣтописи не переходитъ половины X-го столѣтія: я разумѣю такихъ, которыя почти никакого не имѣютъ къ намъ отно-

шеній, или же только второстепенное. По чему же не далѣе? По тому, кажется, что и источникъ его, Георгій, въ своихъ неизвѣстныхъ продолжателяхъ не простирается далѣе Романовой смерти. «Стало, Георгій, а не Никифоръ, Несторовъ источникъ?» И тотъ, и другой: первый черезъ послѣдняго. По тому что, взявши изъ Амартола извѣстныя данныя, онъ не могъ, однако, взять у него лѣтописнаго обзора, предпосланнаго имъ, послѣ введенія, самой лѣтописи, такъ какъ его мѣтъ въ Хроникѣ Византійца; составить же его изъ соображенія разныхъ мѣстъ ея было слишкомъ искусственно для черпорица конца XI-го, или начала XII-го вѣка, когда онъ могъ ближе и удобнѣе перенести нужное ему изъ творенія другаго Византійца, которымъ самъ Георгій, какъ своимъ современникомъ, воспользовался до того, что рѣшительно по немъ расположить свой «Временникъ въпростъ», на что намекъ встречаемъ уже въ самомъ его названіи, по коему тотъ «ѿтъ разнучныхъ хронографъ и связатель собранъ и сложенъ.» Стоитъ только свѣрнуть лѣтописныя данныя, т. е., означеніе «лѣткое,» въ томъ и другомъ, чтобы убѣдиться въ такомъ употребленіи Грѣцкимъ Никифорова «Лѣтописца въборзъ». Сходство простирается даже на самыя выраженія; на примѣръ, изъ многоаго малое: «По Самсонѣ не бысть соудѣн лѣтъ .лѣ.; тѣмъ и велико зло бысть», читаемъ у Никифора; «яко по Самсонѣ не бѣ князесина лѣтъ .лѣ.; тѣмъ же и велико зло бѣ», читаемъ и у Амартола. Или, въ первомъ: «Ноудѣн Кесарь .лѣ. лѣтъ. Тон законъ дасть подвѣтъ и високость изобрете. По Ноудѣн Авоустъ; сыновецъ его, Октавинъ сынъ, иже и Севастъ наречеса, лѣтъ .лѣз.»; а во второмъ: Ноудѣн црѣдинодержецъ лѣтъ .лѣ.; тѣ же и законъ дасть, подвѣтъ и високость обрете. По Ноудѣн оублада Авоустъ сивецъ его, Октавинъ сѣн, иже Севастъ наречѣ бѣ, лѣ .лѣз.» Очевидно, не Никифоръ у Георгія, но этотъ у него, заимствовался, такъ какъ первый кончиной своей опередилъ послѣдняго (828). Быть можетъ, и «Лѣтописецъ въскоръ» былъ въ рукахъ у Нестора уже съ дополненіями, или продолженіемъ, о которомъ я сказалъ выше, даже со включеніемъ Славянскихъ событій, точно такъ, какъ «Книгы временнымъ и образымъ Георгія», которыя простираются, собственно, только до смерти Михаила III-го, дальнѣйшее же составляетъ, какъ и у Никифора, продолженіе неизвѣстнаго, судя по сло-

гу и приемамъ. Оба етъ источника Несторовой Лѣтописи дошли до насъ въ весьма древнихъ переводахъ, составленныхъ, судя по языку, еще въ первое время по крещеніи Славянъ Булгарскихъ, отъ коихъ перешли, съ прочими письменными памятниками, и на Русь тотчасъ по принятіи ею Христіанства. Переводъ же ихъ на Славянскіи объясняется временемъ ихъ появленія, совпадавшимъ съ временемъ обращенія Славянъ и знакомства ихъ съ книжнымъ дѣломъ. То и другое (Никифорово и Георгіево) произведеніе составляло въ самой Византіи книжную новость, слѣдовательно, такъ сказать, само напрашивалось на «преложениѣ» тѣмъ болѣе, что непосредственно удовлетворяло естественной потребности новопросвѣщеннаго народа знать, што *са оудѣа къ лѣта си*» до него, какъ прекрасно выразился Несторъ. Во всякомъ случаѣ, етъ лѣтописныя приписки къ Никифорову Хронографу, откуда бъ ни зашли въ него, изъ Несторовой ли Лѣтописи и Хронографовъ, или же на оборотъ (потому что сродство ихъ съ ними очевидно и въ равной мѣрѣ допускаетъ тотъ и другой способъ объясненія), въ большей, меньшей мѣрѣ, касаясь нашего предмета, невольны вызывали насъ войти во всѣ етъ объясненія. Въ Хронографахъ онѣ встрѣчаются въ простѣйшемъ видѣ, т. е., въ нихъ говорится сперва о преложеніи книгъ при Львѣ Мудромъ, а за тѣмъ опредѣляется время его указаніемъ на годы, прошедшіе до него отъ Адама, послѣдняго Вселенскаго Собора и Булгарскаго крещенія; съ етъмъ непосредственно соединено исчисленіе народовъ, для коихъ переводъ сдѣланъ былъ, какъ это и разсмотримъ нами уже подъ извѣстіями Хронографовъ о занимающемъ насъ вопросѣ. Напротивъ, при Никифоровомъ Лѣтописцѣ, какъ мы знаемъ, извѣстіе это обставлено многими другими, близкими къ нему, событіями, и при томъ, въ разныхъ спискахъ этого Лѣтописца съ разными вычисленіями, чего вовсе не встрѣчаемъ въ Хронографной передачѣ его.

Но по чему же етъ приписки къ Никифорову Лѣтописцу и Хронографы относятъ преложеніе Славянскихъ книгъ къ 12-му году правленія Льва Мудраго или Философа? Мы знаемъ по всѣмъ доселѣшнимъ показаніямъ отечественныхъ

и иностранныхъ источниковъ, что это могло состояться только либо въ царствованіе Михаила III-го, либо же Василія Македонянина, отиудъ же не Льва, сына его, по крайности, не въ 12-е лѣто правленія его, какой бы переводъ разные списки сихъ показаній ни разумѣли въ положеніи лѣтъ. Дѣло это опирается просто на одномъ недоразумѣніи. Извѣстно, что Несторъ подь 6406 годомъ (898), замѣчаетъ, какъ, въ 20-е лѣто правленія Олегава, «идоша Оугри мимо Кіека горою», отъ чего мѣсто, гдѣ они, пришедши къ Днѣпру, стояли вежами, прозвалось по нимъ «Оугорское.» Угри егѣ были Оугри Уєрии, пробравшіеся къ Уграмъ Бѣлымъ, еце прежде прошедшимъ къ Дунайскимъ землямъ, въ сосѣдство Славянамъ (108). Тѣ и другіе или «отъ кътока и оустремилхъ учерзъ горы великіа (Карпатскія и Трансильванскія), и поухил коскати ихъ живоушла тоу Коуѣхи (Волохы) и Слоукни», изъ коихъ, говоритъ онъ, первыхъ «Оугри прогилша», такъ какъ они, подобно имъ, населиемъ «пріахъ землю Слоукньскоу и съдохъ съ Слоукни, покорише я подъ са.» Земля ета «оттолъ прозкъса земля Оугорскъ», а сами Угри «поухна коскати ихъ Греки, и поухнишъ землю Фрлуьскоу и Млхидоньскоу доже и до Селоуна», и не только на Грековъ, но и «ихъ Моравоу и на Уахи (Уѣхы).» Это, какъ я замѣтилъ уже въ своемъ мѣстѣ, разбирая свидѣтельство Нестора о нашемъ предметѣ (стр. 61); это событіе, касавшееся большей части Славянъ (сѣверовосточныхъ, южныхъ и западныхъ) и имѣвшее чрезвычайное вліяніе на послѣдующія судьбы ихъ, представляло ему случай еще разъ напомнить единство языка (племени) Славянскаго и вычислить важнѣйшихъ представителей его: Славяне Дунайскіе, «ихъ же пріахъ Оугри, и Марла, Уєси, и Лухове, и Полахе, иже ише зовомаю Роуь.» Они едини были и по грамотѣ: «Смиъ бо перкое преложены книги Марлаъ, аже прозкъса грамота Слоукньскаа,» которая теперь (во время лѣтописателя), «грамота естъ» только «въ Роуєи и къ Колгарѣхъ Доуилсинѣхъ.» Коснувшись, по поводу нашествія Угровъ на Словѣнъ, столько важнаго событія, Несторъ пускается въ подробности о немъ: излагаетъ, когда, какъ и черезъ кого показалась у его народа (Славянскаго) грамота: это-то и составляетъ извѣстный рассказъ его о посольствѣ Моравскихъ князей въ Царьградъ къ императору Михаилу, просившихъ прислать къ нимъ «оучители, иже бы (ихъ)

наказалъ (плоучилъ) и поучалъ и протоковалъ Свѣтлыя книги», и какъ къ нимъ посланы были учителя, которые не только въ состояннн были «протоковати Свѣтлыя книги», но даже «состависта писменъ азбуковнаѣ Словѣнски, и преложиста Апостола и Еулигѣальсѣ», а по томъ одинъ изъ нихъ (Мессодій) покончилъ начатой трудъ: «преложи и всѣ книги исполнь (сполна) отъ Грехескѣ азыка въ Словѣнскѣ» (П. С. Р. Л. I, стр. 11). Разсказъ этотъ по поводу выступленія Угровъ, начавшихъ, съ тѣхъ поръ, играть важную роль въ жизни Славянскаго племени, а по тому всюду старательно отмѣченыхъ лѣтописцемъ въ своемъ Временникѣ (тотчасъ же за етѣмъ разсказомъ, подь 6410 = 902 о наемѣ ихъ противу Болгаръ при Симеонѣ, разбившихъ его и вогнавшихъ въ Дерестръ: 6442=934, 6451=943), другіе лѣтописцы передали каждый по своему. Одни либо просто списывали Нестора, не мудрствуя лукаво; другіе, напротивъ, дозволяли себѣ передѣлки, именно: въ нѣкоторыхъ Хронографахъ, какъ мы видѣли уже, стоитъ въ этомъ мѣстѣ позднѣйшая обработка Житія Кириллова, такъ называемое, Проложное Житіе, и, въ слѣдъ за нимъ, «о преложенн книгъ съ Грехескѣго изъ Словѣнскимъ азыкѣ», начинающееся словами: «Во ѿ лѣто црства Леона преложены книги ѿ Грехескѣго изъ Словѣнскимъ азыкѣ», съ чѣмъ соединено извѣстіе, для какихъ именно Славянскихъ народовъ это сдѣлано было Кирилломъ и Мессодіемъ, непосредственно, яко бы, посѣщавшихъ и наставлявшихъ ихъ въ истинахъ Христіанства; впрочемъ, есть Хронографы, въ коихъ оба послѣднія одно за другимъ слѣдуютъ (Прологъ впереди); либо, наконецъ, преложеніе книгъ внесено въ «Лѣтописецъ въскортъ» и тому под., какъ особая эпоха, къ которой и отъ которой исчисляется протекшее время, при чемъ, иногда, оно поближе опредѣляется другими событіями (седьмымъ Соборомъ, Болгарскимъ крещеніемъ, крещеніемъ Руской земли, и т. п.); въ Никоновской же Лѣтописи, какъ сводномъ собственно Хронографѣ неизвѣстнаго, жившаго въ XVI-мъ столѣтн, встрѣчаемъ нѣсколько (рядомъ) изъ етѣхъ опредѣленій времени перевода Священныхъ Книгъ: сперва по Нестору, съ вольной передѣлкой койчего (на примѣръ: «Сныгъ во перное положени книги во Испанн, во градѣ Мораксѣ, сѣе естъ Плирицѣ»), за тѣмъ по Хронографамъ о преложенн: «во второе издесать лѣто царствѣна Ава Премудрого прело-

жиши книги,» съ исчисленіемъ, для кого изъ Славянъ; далѣе, вторая половина Несторова же сказанія со времени поставленія Кочеломъ Меѳодія въ епископы «ко Псааніи, на столѣ святаго мнестола Андроника,» какъ бы что-то отличное отъ изложенной выше первой половины, и при томъ еще съ надписью: «О томъ же, отъ инаго Лѣтописца» (часть I, стр. 26—29). Это обстоятельство, между прочимъ, говоритъ намъ, что составитель Лѣтописи или точнѣе Хронографа по Никонову списку не пользовался спискомъ Несторовой Лѣтописи непосредственно, но только подобными себѣ Хронографами; въ противномъ случаѣ онъ былъ бы согласенъ съ какимъ ни есть изъ нихъ, между тѣмъ какъ у него видимъ совершенно противное. Что ни было бы, только кто-то изъ трудившихся надъ устроеньемъ (а, статья можетъ, и просто переносившимъ, или же тѣмъ и другимъ вмѣстѣ) нашихъ Хронографовъ, внося въ свой списокъ Славянскія и Русскія извѣстія изъ Несторовой Лѣтописи, когда дошелъ до сказанія послѣдней о предложении книгъ, помѣщенномъ подъ упомянутымъ лѣтомъ Олегава княженія, по случаю прохода Угровъ мимо Кіева, вмѣсто того, чтобы прямо перенести этотъ рассказъ въ свой Временникъ, подъ главой, посвященной «цѣткѣ Льва Премоудраго, сына Касиѣва,» или же, по крайности, въ извлеченіи, согласно съ характеромъ Хронографовъ (которые, дѣйствительно, етѣмъ наиболѣе отличаются), вздумалъ замѣнить его собственнымъ своимъ соображеніемъ времени, когда именно событіе это (переводъ книгъ) произошло. Это едѣлавъ онъ просто, т. е., счелъ лѣта, протекшія отъ перваго года правленія Льва Мудраго до года, подъ которымъ Несторъ передаетъ свой рассказъ о предложении книгъ, именно: 6395 — 6406 или 887 — 898, въ итогѣ ровно «двѣдцатое лѣто (12): «Во второедцатое лѣто Льва Премоудраго Константинъ философъ и братья его Меѳодій преложиста стѣмъ книги,» и т. д. Такимъ образомъ, благодаря етой выкладкѣ хронографичика, основанной совсѣмъ на другомъ соображеніи въ Несторовой Лѣтописи, мы получили новое извѣстіе о предложении книгъ, случившемся, яко бы, въ 12-й годъ царствованія Льва, сына Васильева, между тѣмъ какъ это время, не говоря уже о томъ, что не можетъ быть ни по какимъ даннымъ временемъ перевода, есть просто на просто

только время прохода Угровъ мимо Кіева, пробудившихъ въ начальномъ лѣтописцѣ нашемъ своимъ послѣдующимъ отношеіемъ къ народу Славянскому воспоминаніе, какъ я сказалъ уже, о событіи, хотя и недавно случившемся (относительно разстоянія времени переложенія книгъ отъ времени прохода Угровъ), но событіи первой важности для етого послѣдняго, а главное не въ 12-е лѣто правленія Львова. Къ етому вычисленію хронографщикъ нашель нужнымъ присовокупить еще выписку изъ какого-то, доселѣ намъ неизвѣстнаго, Булгарскаго, или Сербскаго, Хронографа, о томъ, какіе именно Славянскіе народы теперь «единого азыка и единой грамоты.» О такомъ заимствованіи изъ етого источника говорить намъ какъ самое свойство сказанія сего, такъ и языкъ его (см. выше стр. 113—114). А что ето дѣлю возможное, т. е., заимствование его изъ упомянутыхъ Временниковъ, подтвержденіемъ тому служатъ, съ одной стороны, статьи изъ исторіи обоихъ соплеменныхъ намъ народовъ въ Временникахъ, коихъ (статей) большей части нельзя найти ни въ одномъ иностранномъ памятникѣ, но крайней мѣрѣ, въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ въ Хронографахъ, а съ другой—указаніе даже въ заглавіи етѣхъ послѣднихъ на то, что они дѣйствительно служили составителямъ нашихъ Временниковъ источниками. Такъ, вычисляя источники, изъ коихъ составитель или составители ихъ брали свои свѣдѣнія, приводятся не одни лишь книги Библейскія и другія, но именно говорится, что черпано было еще «отъ Русскихъ лѣтописецъ, Сербскихъ и Болгарскихъ.» Изъ Хронографовъ же извѣстіе о преложеніи Книгъ въ 12-е лѣто Льва, царя Греческаго, могло перейти и въ другіе лѣтописные памятники, съ приложеніемъ, или безъ приложенія, выписки изъ Сербскаго источника о народахъ, единыхъ съ нами по роду, вѣрѣ и грамотѣ, и разнообразно обдѣльвалось, между прочимъ, такимъ образомъ, присоединено къ-то и къ Никифорову «Лѣтописноу въскорѣ,» въ самомъ концѣ прочихъ приписокъ къ нему.

3) Одинаковаго достоинства съ предыдущими двумя (подъ а и б) показаніяи о нашемъ предметѣ и извѣстіе, помѣщенное въ «Житіи стро и равноапостоли кѣ князи Кіевскаго Владимирѣ, всеа Россіи самодержца,» по Крушичпольскому списку «Пчелы» (109).

Исчисляя, сколько разъ крестилась Русь, сочинитель такъ выражается о второмъ крещеніи ея; «Покторѣ крѣтилскѣ Русѣ року ѿ рождества Хвѣ .ѿѣг. (863) за Михаила црѣ Грецикѣ, а за патрїархи Константинопольскѣ Фотїа, ѿ которихъ тѣ на прозбу кнѣзѣн Словенскихъ Сватополка, Ростислава и Коцела присламы были Словакомъ и Русѣи чѣтанъ вѣри Хрѣвы Меѳодїи и Кириллѣ, спове уѣвкѣ злчнѣ Ава з Волунѣ; тїи Дхѣ Стымъ зложилѣ Словенскїи лѣтери, ї предложилѣ на изѣи Словенскїи Грецикїи книги, стѣс Єлїѣ, Аѣтолъ и ными» (стр. 14). Ошибка въ названїи города — очень понятна и, конечно, принадлежитъ позднѣйшему переписчику, для котораго Солунь напоминалъ край Рускїи, Волунь или Вольнь. Отправить же Кирилла и Меѳодїя и къ Руси, разумѣется, внушило ему то же самое побужденіе, которое и другихъ хронистовъ заставило сказать, что Кириллъ перенялъ даже самое изобрѣтеніе Славянскихъ письменъ отъ какого-то Русина въ Козарѣхъ; впрочемъ, не то ли же самое говорятъ и приведенные выше Хронографы? Все различїе состоитъ лишь въ томъ, что они отправляютъ, между прочимъ, одного только Кирилла, и къ Руси «оучити и предати стѣс писанїе по ихъ изыкѣ», тогда какъ въ етомъ Житїи, согласно съ главнымъ источникомъ его (поименованнымъ въ самомъ заглавіи, т. е., Несторовой Лѣтописью), посланы въ Русь оба брата. Но годъ, поставленный одинаково какъ для крещенїя Руси при Аскольдѣ и Дирѣ (что, по свѣдѣтельству нѣкоторыхъ данныхъ, имѣло мѣсто), такъ и для благоговѣствованїя Селунцевъ нашихъ Моравскимъ Славянамъ, весьма замѣчательнъ, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ. Онъ не могъ быть взятъ у Нестора, по тому ужъ, что оба разсказа у послѣдняго стоятъ подъ разными годами, т. е., походъ Аскольда и Дира подъ 6374-мъ (866), а посольство Ростислава, Сватополка и Коцела въ Царьградъ подъ 6406 (898), по поводу, какъ я замѣтилъ выше, прохода Угровъ мимо Кїева и вторженїи ихъ въ Паннонію, случившихся въ царствованїи и, отчасти, по винѣ Греческаго императора, Льва Мудраго, двинувшаго первоначально ету Восточную орду на Славянъ Булгарскихъ, непосредственныхъ сосѣдей владѣній его, Моравцевъ, тоже и по винѣ Нѣмцевъ, равнымъ образомъ побуждавшихъ къ тому Мадьяровъ за одно съ Визан-

тійцемъ. При томъ, Месторъ, рассказывая походъ Аскольда и Дира, ничего не говоритъ о крещеніи Руси. Тѣмъ не менѣе, сказанія нашихъ хронистовъ должно принимать съ большей осторожностью, особливо, что касается такой отдаленной древности, слѣдовательно, и нашего предмета. Свѣдѣнія свои берутъ они, откуда и какъ попало, ни мало не справляясь, точно ли все это идетъ къ тому, къ чему приурочиваютъ; а послѣ, извольте вы, поздніе потомки, разбирать, что и какъ причитается у нихъ кому въ родню. Да, возясь съ ихъ мозаикой, частенько приходится повторять пословицу, пущенную въ ходъ о какомъ-то Робертѣ еще Латышщиками среднихъ вѣковъ: «*Experto crede Roberto!*»

4) Заключая разсмотрѣніе источниковъ для нашего предмета, остается еще упомянуть мнѣ о показаніи: а) *Рускаго Анеологіона*, т. е., «Цѣтословъ, во ксьмъ круже мѣтвмъ по мѣсцеслову предиряднествомъ, и прадникомъ Гдѣскимъ, и Бѣородицимъ, и стѣмъ и оугодникомъ Бѣимъ, некоторымъ особымъ и общымъ славкамъ кому, когда и какю, во Црковномъ оуставѣ пяти повелѣхется.» Иначе Анеологіонъ просто называется «*Мнѣта праднича.*» Въ немъ (или въ пей), подъ 14-мъ февраля, упоминается о Моравскомъ епископѣ Кириллѣ, учителѣ Словѣнъ и Болгаръ, а подъ 11-мъ мая, о братѣ его, Меодинѣ. О первомъ замѣчено, что «*онъ составилъ Словѣнское письмо по образцу Греческаго,*» а о второмъ, что онъ «*братъ Кирилла Философа, Словѣнскаго Апостола, изобрѣтатель Словѣнской азбуки.*» Свѣдѣніе это беру я изъ извѣстнаго сочиненія Добровскаго, «*Кириллъ и Меодинъ*» (*Cyrill und Method*), которое самъ онъ тоже взялъ у Кульчинскаго, по тому что повѣрить его я не въ состояніи, такъ какъ въ теперешнемъ изданіи Анеологіона болѣе оно не находится. б) «*Соворникъ двадцатимъ мѣмъ*» или «*Сватцевъ*, «*иначе «Мѣсцеслововъ*», печатанныхъ въ разное время, отдѣльно и при другихъ твореніяхъ. Изъ нихъ въ одномъ, въ 12-ю долю, недавно пріобрѣтенномъ мною, къ сожалѣнію, безъ выходнаго листа, но по печати и языку принадлежащемъ къ книгамъ Южнорускимъ XVII-го столѣтія, читаемъ, подъ 14-мъ февраля: «*Прѣ: Киріла філософа оучи҃теда*

Слованомъ и Кѳгѳѳ, и Писменъ изъѳертникъ, иже бысть въ лѣто, ѡѣз. въ цѣтко Михаила третего» (110). Въ другомъ, при «Молитвословъ» Кіевской печати прошлаго вѣка (въ 12-ю долю л.), подъ тѣмъ же числомъ: «Иже во стѣхъ ѡца нашего Кѳрїла, Єпїпа Катанскаго, фїлософа и оучителя Славянскихъ, и Болгаромъ, и писменъ изъѳертателя, иже изъ Славискаго ил Россїискїи азыкъ преложи: бысть же въ лѣто, ѡѣз., въ цѣтко Михаиал третїаго;» а подъ 11-мъ мая: «Преподобнаго ѡца нашего Меѳодїа Єпїпа Моравскаго, иже въ братъ стїаго Кѳрїла, изъѳертшаго писмена Славенскїа: поживе въ лѣто ѡп. въ царство Васїліа Македонца» (111). Въ «Мѣсяцесловъ ксѣхъ стѣхъ, празднествыхъ Православною Греко-Востоуною Церковію, съ показанїемъ табельныхъ и торжественныхъ дней. Изданїе третїе издесать. Москва, въ Синодальной типографїи ѡпѣг (въ 12-ю д. л.)» подъ тѣми же числами, просто: «дї. февр. Св. Кѳрїла, Єпископа Катанскаго,» а подъ «дї. мая: Св. Меѳодїа и Константина, Єпископовъ Моравскихъ.» Въ «Христіанскомъ памятникѣ, содержащемъ въ себѣ исчисленїе праздниковъ и святыхъ, прославляемыхъ Православною Греко-Россїйскою Церковію, краткія жизнеописанїа святыхъ, духовныя стихотворенїа на каждый день года, благочестивыя размышленїа, пасхаїю на 100 лѣтъ,» и проч. (112), въ Москвѣ 1840 г., подъ 14-мъ февр.: «Преп. Кирилла Єпископа Катанскаго, филозофа и учителя Славянскаго, что предложилъ Россїйскую граммату съ Греческаго, составилъ изъ 38 буквъ; скончася въ 9-мъ вѣкѣ по Р. Х. 867 году въ царство Михаила III-го;» а подъ 11-мъ мая: «Преп. Меѳодїа и Константина, нареченнаго Кирилла, Єпископовъ Моравскихъ, братїи единоутробныхъ, изобрѣтателей писменъ Славянскихъ, переведшихъ на Славянскїи языкъ Новый Завѣтъ и Псалтырь въ царство Василіа Македонянина, жившихъ въ 880 лѣто и скончавшихся.» Сверхъ того, при рукописи «Послѣдоканїе цѣковнаго пѣтїа и собранїа вселѣтнаго ѡ шѣ септеврїа до шѣ августа по уставу, іже во Іерлїмѣ стѣа Лаврї прїбнаго и бѣноснаго ѡца нашего Савы,» въ 12 долю листа (скоронисью, съ киновари. заглавіями), по крайней мѣрѣ XVII-го в., подъ 14-мъ февраля: «Прїбнаго ѡца шїго, Августїнїа. І иже во стѣ ѡца шїго, Кирилла,

Свѣдѣній Катльмьскаго, оуѣта Словенѣ и Болгаромъ. Ёже предложн Роуценю грамотоу со Греческнѣ, і крестн Словены и Болгары.» Во всѣхъ сихъ показаніяхъ очевидно вліяніе Проложныхъ Житій Кирилла и Меѳодія, равно какъ и другихъ, разобранныхъ мною уже выше, и, стало быть, необходимое оттуда послѣдствіе (113).

И такъ, вотъ все, что только мнѣ, въ нынѣшнее время, извѣстно и доступно по источникамъ для изслѣдуемаго мною предмета. Я счелъ нужнымъ привести его здѣсь прежде всего, чтобы тѣмъ каждому доставить возможность не только повѣрить судъ другихъ, въ томъ числѣ и мой, но и самому произнести оный, по собственнымъ своимъ соображеніямъ, — словомъ, сколько можно больше дать простора, и сколько можно меньше зависимости отъ мнѣній и воззрѣній другихъ, что, какъ извѣстно, составляетъ жизнь всякаго самостоятельнаго труда, душу самобытныхъ изслѣдованій. По крайней мѣрѣ, тутъ, какъ говорится, игра въ открытую. Да и въ самомъ дѣлѣ: «*Tantum scimus, quantum memoria valemus*» (114). Приводя етѣ свѣдѣнія, я приводилъ ихъ по народамъ, коимъ они обязаны своимъ происхожденіемъ, равномерно и по внутренней цѣнности каждаго: это образовало, въ первомъ отношеніи, два главные разряда: свѣдѣнія, предлагаемыя иностранными источниками, и свѣдѣнія отечественныя; первыя распались далѣе еще на два особые вида: источники Латинскіе и Греческіе, а вторыя — на столько видовъ, сколько Славянскихъ народовъ, сохранившихъ на письмѣ память о своихъ апостолахъ.

ГЛАВА II.

Разборъ свѣдѣтельствъ.

Sed unde haec proferuntur, unde probantur? Mihi certe hic praesidio ea est Critices regula: «Contemnitur, quidquid a recentiore sine vetustioris auctoritate profertur.»

Д о б н е р.

Annales Bohemorum, III, pag. 143.

Теперь, когда мы знаемъ, кто, что и какъ говорить о предметѣ, занимающемъ насъ, можемъ уже приступить къ соображеніямъ и выводамъ, предлагаемымъ еѣми показаніями.

Разсматривая всѣ показанія объ изобрѣтеніи или составленіи Славянскихъ письменъ, прежде всего видимъ, что ни одного изъ нихъ нѣтъ въ строгомъ смыслѣ современнаго, т. е., такого, которое, пошедши отъ современника, дошло бы къ намъ, если не въ подлинникѣ, по крайности, въ синскѣ своего вѣка. Пальма первенства по древности принадлежитъ посланіямъ папы Іоанна VIII-го, сохранившимся въ, такъ называемомъ, «Regestum», писанномъ во второй половинѣ

XI-го столѣтія, вѣроятно, для библіотеки монастыря Монте-кассина, разумѣется, съ подлинника Ватиканскаго. Завѣреніе начальника папскаго Архива, выставленное подъ 3-мя изъ етѣхъ посланій, касающихся изслѣдуемаго вопроса, именно: двухъ 879-го (отъ XVIII іюльск. календ.) и одного 881-го года (X апр. календ.), и напечатанное Ант. Бочкомъ въ 1-й части его «Codex diplomaticus et epistolaris Moraviae» (pag. 40, 41 и 45), говоритъ намъ, что они списаны съ подлиннаго Реестра посланій етого папы, въ коемъ означены №№ 201, 202 (pag. 77) и 278 (р. 110; у Бочка №№ LVII, LVIII и LX): «Descriptum et recognitum ex autographo Regesto literarum apostolicarum felicis recordationis Ioannis papae VIII, quod adservatur in Tabulariis Sanctae Romanae Ecclesiae. In quorum fidem hic me subscripsi, et solito signo signavi. Dabam e Tabulariis praefatis idibus Aprilis, MDCCCXXXI, indictione quarta, Pontificatus Sanctissimi in Christo Patris et Domini nostri, Domini Gregorii divina providentia papae XVI, anno 1. M. Marini, Tabulariorum S. R. E. Praefectus» (115). Какъ понимать слова: «ex autographo Regesto»? Есть ли это тотъ подлинникъ, съ котораго списанъ Монтекассинскій «Regestum», или же что ни будь отличное? Далѣе, подъ Ватиканскимъ «Regestum» слѣдуетъ ли разумѣть такой, въ который вносились каждое посланіе папы тотъ же часъ по его отпускѣ, или же такой, который составлялся нѣсколько позже? Во всякомъ случаѣ, очень важно было бы знать тутъ настоящую *суть*, какъ выражается нашъ народъ. Тогда бы мы имѣли, по крайней мѣрѣ, одно свѣдѣтельство, современное самому событію, и тѣмъ бы положенъ былъ конецъ всѣмъ спорамъ и сомнѣніямъ въ подлинности етѣхъ посланій, дошедшимъ до того, что, наконецъ, стали было уже отвергать рѣшительно всякое пребываніе Константина и Меодія въ Великой Моравіи, ограничивая кругъ ихъ дѣйствій для Славянъ одной лишь Булгаріей (116). Странно еще, по чему Бочекъ не могъ достать себѣ списка съ посланія 880-го года, мѣсяца іюня, которое важнѣе всѣхъ прочихъ въ нашемъ дѣлѣ, по тому что въ немъ-то папа Іоаннъ VIII-ой говоритъ объ изобрѣтеніи Славянскаго алфавита извѣстнымъ Кирилломъ философомъ: «litteras slavonicas a Constantino quondam philosopho repertas?» По-

средничество для полученія этого посланія, какъ и прочихъ, было одно и то же, т. е., Австрійское Посольство при Римскомъ Дворѣ; между тѣмъ онъ выставляетъ подъ нимъ (LIX, p. 42—44) только сборники, въ конхъ посланіе это помѣщено (*Salagius*, *Status eccles. rannonicae*, lib. IV, p. 424; *Harduin. Collect. concil.*, VI, p. 1, col. 85; *Dobner*, *Annal.* III, p. 190, и пр.). Впрочемъ, Салагій получилъ списокъ съ нѣкоторыхъ посланій упомянутого папы, въ числѣ конхъ находился и списокъ съ этого, отъ графа Гарампи, владѣвшаго снимкомъ съ *современной рукописи*, и Ваттенбахъ, ссылаясь на него (въ «*Veitraege*» и. s. w. S. 22), указываетъ даже на самой №, подѣ которыми оно извѣстно, какъ *epistola* *Parae Ioannis VIII* (№ 247, а по словамъ Палацкаго № 257, см. «*Italien. Reise*, S. 16: кому вѣрить?). «Во всякомъ случаѣ, поддѣлки нельзя ожидать ни со стороны Ватикана, ни со стороны Монтекассинскаго монастыря: къ чему же бы она послужила имъ? Слѣдовательно, зная, что посланія етѣ находятся въ Реестрѣ, можемъ успокоиться на счетъ ихъ подлинности» (S. 3—4). Другія свѣдѣтельства тоже сохранились въ спискахъ не ранѣ XI-го вѣка. Такъ, изъ *Греческихъ*, о Житіи св. Климента не сказано, какому вѣку принадлежалъ списокъ, съ котораго первоначально сдѣлано изданіе въ Москвополѣ; но отрывокъ изъ него, напечатанный Л. Аляциемъ («*In Roberti Creyghtoni apparatus, versionem et notas ad historiam concilii florentini scriptum a Sylvestro Syropulo exercitationes. Romae, 1665, I, 259*»), взятъ изъ харатейнаго списка Ватиканской бібліотеки нач. XV-го стол. (1409); другое Житіе Климента или Сказаніе о немъ найдено въ харатейномъ сп. XIII-го или XIV-го в. близъ Охрида. Изъ *Латинскихъ*: *Translatio corporis S. Clementis*, да *Anonymi Salisburgensis Historia conversionis Vogoariorum et Carantanorum*; *Vita S. Venceslai*, конца XI-го вѣка; *Градинтскіи* или *Опатовицкіи* монахъ XII-го; прочіе слѣдующихъ вѣковъ; а изъ *Церковно-славянскихъ* ни одного нѣтъ XI-го вѣка; да и XII-го только четыре: Житіе Меводія по харатейному списку Московскаго Успенскаго собора, Слово Похвально Кириллу и Меводию по такому же списку того же собора, показаніе Пролога Іоанна, ексарха Болгарскаго, къ Богословію Дамаскина, и Апостола, писаннаго Кириллицей и найденнаго близъ

Охрида; всѣ прочія свѣдѣтельства, какъ и свѣдѣтельства Латинскія, принадлежатъ послѣдующему времени.

Но дѣло принимаетъ совершенно иной видъ, когда станемъ смотрѣть на *внутренній стѣкъ* каждого свѣдѣтельства. Тутъ многія изъ дошедшихъ къ намъ въ самыхъ позднихъ спискахъ восходятъ, по всѣмъ даннымъ, предлагаемымъ содержаніемъ ихъ, почти къ одному вѣку съ самымъ событіемъ, т. е., IX, другія къ X-му, еще больше къ XI-му стол. Таковы изъ перваго разряда, именно *Церковнославянскія*: Паннонскія Житія, составленныя тотчасъ по смерти Меодія однимъ изъ учениковъ его еще до разрушенія Моравской державы (907 года), во владѣніи Коцела; объ Похвалы имъ; Сказаніе объ обрѣтеніи мощей св. Климента, папы Римскаго; а изъ *Латинскихъ*: Исторія обращенія Хорутанцевъ, писанная неизвѣстнымъ Зальцбургцемъ, современникомъ Кириллу и Меодію, и при томъ спустя 4 года по смерти перваго (873); Посланія папы Іоанна VIII-го, тоже при жизни послѣдняго, въ слѣдующее десятилѣтіе (872—882); Vita S. Cyrilli et Methodii, in Acta SS., приписываемая Гавдеріку; слѣдовательно 5 Церковнославянскихъ, и 3 Латинскихъ, всего 8-мъ, современныхъ самому событію и двигателямъ его. Изъ втораго разряда (X-го вѣка), на *Славянскомъ*: Житіе Климента, епископа Словѣньска, составленное ученикомъ его немедленно по кончинѣ учителя (916-го, іюля 27-го дня); показаніе Пролога Іоанна, ексарха Болгарскаго, къ Богословію Дамаскина (888 — 927); Сказаніе Храбра описьменехъ (въ первой четверти X-го, до смерти Симеона, царя Болгарскаго); Житіе Вячеслава (уб. 935); а изъ *Латинскихъ*: Житіе сего же князя, составленное, по повелѣнію императора Оттона II-го (961—983), равно Житіе бабки его, Людмилы (927); и того: 4 Славянскихъ и 2 Латинскихъ, всего 6. Изъ третьяго разряда (XI-го стол.): Службы Кириллу и Меодію, нѣкоторыя Житія въ Прологахъ, Житіе в. к. Владимира: 3; да изъ XII-го вѣка: Сказаніе Нестора въ его Повѣсти временныхъ лѣтъ, Сазавскаго (1126 — 62) и Градишткаго или Опатовицкаго монаховъ (1143 — 1163), Дуклянскаго священника (1150—1200), Охридскаго Апостола: 3 Славянскихъ и 2 иноязычныхъ, хотя то же писанныхъ Славянами.

И такъ, начиная съ самаго почти появленія Селунскихъ благовѣстниковъ въ земляхъ Славянскихъ (869 или 873) до конца XII-го вѣка, стало быть, въ продолженіе трехъ съ половиной вѣковъ, свои и чужіе, на отечественномъ и другихъ языкахъ (Греческомъ и Латинскомъ), описывали ихъ благодѣтельныя дѣйствія и передали современникамъ и позднему потомству; по тому рядъ свѣдѣтельствъ о нихъ, слѣдовательно, и о нашемъ предметѣ, непрерывно продолжался и доставилъ намъ 22 свѣдѣтелей (5 + 3 = 8; 4 + 2 = 6; 3; 3 + 2 = 5), изъ коихъ 15-ть Славянъ, и 7 инородцевъ. Есть, стало быть, что послушать и раскинуть, какъ говорится, о чемъ умомъ-разумомъ. Ибо не всѣ они одно и тоже передаютъ намъ: тутъ слышимъ голосъ съ разныхъ сторонъ, разныхъ вѣковъ и разныхъ народовъ. Отъ того, естественно, нельзя было ожидать строгаго согласія и точности въ передаваемомъ: не всякій рассказываетъ только, что и какъ происходило, но еще примѣшиваетъ къ тому и свой взглядъ, а иногда даже догадки о такомъ, чего, по его мнѣнію, недостаетъ тутъ для его полноты. Это необходимо вело къ порчѣ, искаженію первоначальной основы дѣйствительно случившагося. Но такая, обыкновенно судьба, всѣхъ человѣческихъ дѣяній, и изза нея не имѣемъ права отвергать цѣлаго, какъ не отвергаемъ же изза поврежденія одной какой либо части въ машинѣ всего устроая ея, цѣлой машины; напротивъ, стараемся удалить порчу, исправить поврежденное. Такъ и здѣсь: нужно отдѣлнить, что не принадлежитъ, не могло и не должно принадлежать, по существу самаго дѣла, первоначально къ рассказываемому происшествію, а привнесено послѣ людьми къ людскому, въ слѣдствіе разныхъ причинъ, цѣлей и побужденій. Правда, лучше, если бъ этого не было, если бъ событіе можно было прослѣдить по однимъ подлиннымъ бумагамъ, однимъ очевидцамъ и современникамъ; но гдѣ же это, столько желаемое всѣми нами, непрекаемое совершенство свѣдѣтельствъ, идеаль историка-ислѣдователя и судьи, гдѣ его намъ взять? Если станемъ гоняться за нимъ настойчиво, судить единственно по доказательствамъ, одновременнымъ съ случившимся, то, желая остаться послѣдовательными и вѣрными своимъ требо-

ваніямъ и правиламъ, припуждены будемъ, что ни шагъ, отвергать то, другое, за отсутствіемъ подлинныхъ показаній и улыкъ, между тѣмъ какъ ни предыдущее, ни послѣдующее, ни самое свойство подлежащаго суду нашему не противорѣчатъ правдѣ событія, по крайней мѣрѣ, возможности. Не могу не привести здѣсь сказаннаго мною уже разъ по поводу отвѣта людямъ, которые захотѣли бы не признавать истинности найденнаго мною свѣдѣтельства о томъ, на какое именно Славянское нарѣчіе перевели богослужбеныя книги Кирилль и Меѳодій. «Искать свѣдѣтельства объ языкѣ переводчиковъ Св. Книгъ, *современнаго самихъ переводчиковъ*, было бы вовсе неумѣстно. Правда, оно показывало бы намъ добрую волю и стремленіе къ истинѣ ищущаго; но, при всемъ томъ, рѣшительно никогда *не осуществило*, противорѣчить самой природѣ дѣла, тогдашнему положенію вещей и обстоятельствъ. *Возможно ли*, чтобы Константинъ и Меѳодій, устроившіе для своего перевода Славянскую азбуку, тогда же записали: «Вотъ, де, мы, а не кто другой, перевели Божественныя Книги съ Греческаго на такой, а не иной какой, языкъ, въ такое-то и такое время? Гдѣ же это бываетъ? Совсѣмъ иное въ новѣйшія *отчетливыя* времена, когда люди такъ всему извѣрились, когда недостаточно уже видѣть своими глазами и слышать своими ушами, надобно еще *осязать*, записать, пожалуй, на гербовой, внести въ протоколъ и скрѣпить подписью дюжины и больше свѣдѣтелей. Случается перѣдко, что и послѣ такой даже законности поговариваютъ еще: «Все такъ, да не при насъ». Напротивъ, въ то время каждый и всѣ знали совершившееся, видѣли и ощутили его, больше или меньше сами участвовали въ немъ. За чѣмъ же было имъ записывать еще столь извѣстное каждому, имъ, только что получившимъ писмена для своего *«безлоустроенна»* языка? Обыкновенно, въ старыя времена, самые просвѣщенные народы, коротко знакомые съ писмомъ, рѣдко прибѣгали тотчасъ къ писму, для того, чтобы записать какое либо происшествіе по его горячимъ слѣдамъ; проходило довольно времени, когда оно уже становилось повѣстью, сказаніемъ, обращалось въ преданіе и грозило исчезнуть, или изыначиться, и тогда являлся какой ни будь книжникъ и вносилъ въ свою

лѣтописъ, домашнія, келейныя записки, или же просто записывалъ его на бѣломъ листѣ первой попавшейся ему рукописи, книги, даже на поляхъ ихъ, «памяти ради», умоляя неотступно чтущихъ, «оже ся гдѣ описалъ, переписалъ, или не дописалъ, исправляти Бога дѣля, зане умъ молодъ, не дошелъ». Не уже ли вы (возьмемъ изъ тысячи одинъ примѣръ) отвергнете крещеніе Руси при Владимирѣ по тому только, что оно не записано *въ современныхъ отечественныхъ* памятникахъ? Добываясь такой современности, придется намъ отвергнуть всю нашу древность, по крайней мѣрѣ, до половинны XI-го вѣка. Вообще, отрицать, отвергать весьма легко; еще легче требовать того, другаго современнаго и, за невякою его, не вѣрить въ истинность событія, засвѣдѣтельствоваднаго кѣмъ либо спусти два, три вѣка. Чѣмъ болѣе углубляемся мы въ древнія сказанія и памятники, соображаемъ со всѣхъ сторонъ, предшествовавшее, тогдашнее и послѣдующее, время, обстоятельства, людей, и т. п., тѣмъ становимся отчетливѣе въ юношескихъ нашихъ сомнѣніяхъ, происходящихъ почти всегда отъ недостатка короткаго знакомства съ сѣдою стариной, поверхности и излишняго, но очень естественнаго, довѣрія въ свои свѣжія силы, не испытавшія еще всеі тяжести архивныхъ занятій и сладости пыли страшныхъ фоліантовъ (117). То же самое слѣдуетъ стазать и о томъ, чтобы всѣ свѣдѣтельства объ изобрѣтеніи письменъ, неразлучно соединенныхъ съ переводомъ книгъ на Славянскій языкъ, условливавшихъ самую возможность его, чтобы всѣ свѣдѣтельства о нихъ были отмѣчены печатью подлинности и современности, чтобы дошли они къ намъ безъ всякихъ наростовъ и измѣненій, въ ихъ цѣрвичности и чистотѣ. Плавая по морю, нельзя, чтобы какой валъ его не хлеснулъ когда и намъ въ лице, не оставилъ слѣда своего и на нашемъ платьѣ. Не много такихъ счастливецвъ, которые безъ тревоженіи и крушеніи выходятъ на берегъ. Все дѣло въ томъ, въ какой мѣрѣ поврежденія судна, уцѣлѣло ль что отъ его первобытнаго вида, годно ли еще оно. и по скольку годно? А по тому первое дѣло отдѣлать первооснову отъ нароста, бывшее отъ не бывшаго, голосъ очевидца-современника отъ голоса толкователей послѣдующаго времени, ихъ догадокъ, украшеній, пе-

редѣлокъ и т. п. По сему вся тайна успѣха изслѣдователя заключается въ умѣньѣ отличить дѣйствительное отъ возможнаго, вѣроятное отъ невѣроятнаго и даже небывалаго. Это главное и существенное какъ во всякомъ разысканіи, такъ, стало быть, и нашемъ. Что до того, если количество добытаго етѣмъ путемъ окажется не велико, за то: «малъ золотникъ, да дорогъ», привыкли мы говорить въ такомъ случаѣ. Отдѣлимъ же и мы въ нашемъ вопросѣ все, привнесенное вѣками къ первоначальнымъ извѣстіямъ: покажемъ, что въ нихъ дѣйствительнаго, что вѣроятнаго и, наконецъ, совершенно вымышленнаго, намѣренно и безнамѣренно, съ какою либо цѣлю, или по невѣдѣнію: «Мы же сде инуесо же своего можемъ полгати, иъ кже слышакше ѿ тѣхъ мѹжь, тоже слыгаемъ», говоритъ Іоаннъ, ексархъ Болгарскій (въ Шестодневѣ, по Московскому Синодальному харатейному списку, л. 2-й, столб. 1-й).

Сдѣсь, прежде всего, поражаютъ насъ *разноръчія* въ показаніяхъ касательно лица изобрѣтателя. Особенность эта не могла пройти не замѣченной мимо Шлѣцера и Добровскаго. Первый говоритъ: «Изобрѣгателемъ Славенскія грамоты и переводчикомъ Библии на Славенскій языкъ иной называетъ *Константина*, другой *Кирилла*, третій *Меѳодіи*» (118); а второй, въ извѣстномъ своемъ изслѣдованіи о Кириллѣ и Меѳодіи, посвятилъ етому два отдѣльные §§-фа (8 и 9-й), изъ коихъ въ одномъ разсматриваетъ свѣдѣтельства, приписывающія «изобрѣтеніе Славянскаго письма Кириллу и Меѳодію вмѣстѣ» (*Zeugnisse für Cyrill und Method zugleich*), а въ другомъ «одному лишь Меѳодію» (*Zeugnisse für Method allein, als Erfinder der slawonischen Schrift*). Совершенно естественно должно было ожидать, что онъ воспользуется только тѣми изъ нихъ, какія были ему въ ту пору доступны, именно: о Кириллѣ и Меѳодіи приводитъ онъ просто два (Нестора и Климентова жизнеописателя), а о Меѳодіи четыре (сочинителя Исторіи обращенія въ Христіанство Хорутанцевъ, Бернарда Креммонстерскаго, Салонскаго Собора 1060 г. и какого-то Грека, упоминаемаго Бандури въ его *Impérium orientale* (119), между тѣмъ какъ первыхъ теперъ имѣетъ

ся у насъ подъ руками 6-ть, а вторыхъ однимъ больше прежняго, т. е., 5-ть, да 4 такихъ, что глухо, или сомнительно, выражаются о томъ (Лѣточислительное сказаніе по списку Вратиславскому; Проложное харатейное Житіе XIII-го или XIV в., рукописный Охридскій Апостолъ XII в., и Служба св. Меѳодію). Всѣ прочія единодушно приписываютъ составленіе писемъ одному лишь Кириллу.

Шлѣцеръ, приведши мнѣнія о трехъ будто бы изобрѣтателяхъ нашего письма, тотчасъ же замѣчаетъ: «Теперь мы знаемъ, чего держаться. *Константинъ* и *Кириллъ* есть одинъ и тотъ же человекъ; постригшись въ монахи, долженъ онъ былъ имя свое переимѣнить на такое, которое съ прежнимъ начиналось бы тою же буквою; а *Меѳодій* былъ его братъ и сотрудникъ. Несторъ обоихъ величаетъ философи, и всюду говоритъ о нихъ въ двойственномъ числѣ. Что вновь изобрѣтенная азбука названа *Кириллицею*, *Кирилловскою*, это случилось только по случаю: въ услугахъ, оказанныхъ обоими братьями Славенамъ, Меѳодію имѣть не токмо столько же, сколько и Кириллъ, но и еще болѣе его участія; послѣдній умеръ очень рано, а Меѳодій жилъ еще послѣ него, можетъ быть, лѣтъ съ 30, и честь *совершенія* перевода Библии принадлежать токмо ему». Етѣмъ, по моему мнѣнію, достаточно объясняется причина, по чему изобрѣтеніе азбуки приписывалось обоимъ братьямъ, т. е., первое, по тому, что Меѳодію былъ *братъ* и *сотрудникъ* Константиновъ, хотя и на второмъ мѣстѣ, до самой его смерти, какъ показываютъ то оба Паннонскія Житія ихъ; второе, что онъ еще больше, по крайности, долѣе потрудился для тѣхъ, кому братъ составилъ письма и началъ переводъ книгъ; и третье, что онъ, по всей вѣроятности, участвуя, на первыхъ порахъ, вмѣстѣ съ братомъ въ преложеніи самыхъ необходимыхъ для богослуженія книгъ (а въ послѣдствіи, какъ увѣряетъ его жизнеописатель, и другіе: Иоаннъ, ексархъ Болгарскій и т. д.), повершилъ переводъ Св. Писанія. Такой взглядъ на труды братьевъ очень естественъ, по тому что основывался на самомъ дѣлѣ, вытекалъ изъ совмѣстнаго служенія ихъ и дѣятельности въ столь различныхъ земляхъ и въ различное время. Отъ того оба они

сдѣлались уже почти въ глазахъ самыхъ современниковъ ихъ неразлучными, и, говоря объ одномъ, нельзя было не заговорить о другомъ, и на оборотъ. Ибо рѣшительно невѣроятно, чтобы, на примѣръ, жизнеописатель св. Климента (ум. 916), какъ сказано уже, ученикъ его, не зналъ, кому изъ двухъ братьевъ собственно принадлежитъ изобрѣтеніе Славянской азбуки. И того невѣроятнѣе, чтобы сочинитель Слова Похвальнаго имъ, по всему сопутникъ ихъ, не вѣдалъ настоящаго виновника етого изобрѣтенія; по, поставивши задачей себѣ восхвалить своихъ и племени своего учителей и наставниковъ вмѣстѣ, онъ вездѣ, по тому, говоритъ о нихъ безразлично, смотритъ на дѣла ихъ, въ равной мѣрѣ принадлежащія тому и другому; отъ того всюду выражается о нихъ, по свойству Церковнославянскаго языка, числомъ двойственнымъ. Только въ двухъ мѣстахъ рѣчи упоминаетъ отдѣльно о каждомъ: когда описываетъ душевныя и тѣлесныя свойства того и другаго, и когда рассказываетъ, какъ Меодій, по кончинѣ брата, отправился, съ посланіемъ папы, обратно къ Славянамъ Моравскимъ; но послѣ того, когда и онъ «приложился къ оцѣмъ своимъ», витія снова обращается къ прежнему образу выраженія, опять *хвалы воздастъ совокупно*: «Тѣмъ же кымъ оубо хвалы въздаде вамъ, троубышнымъ токмо Хъ рди въ вѣстоушныихъ и западныхъ и северскыихъ странахъ, не цююцѣ временныихъ и тѣлюриныхъ, нѣ вѣуытныихъ и вѣскоубытныихъ, крѣстѣ гнѣмоужьскыи нѣ рамѣ вѣспринимѣши, и тѣмъ оладѣвшю грѣхѣмъ землю потрѣбѣши разорити, и вѣсѣмѣста дѣховное сѣмѣ и уисто цркви принесоста жито, дѣилое оубенне, нѣмъ же снмѣѣта сѣмѣ нѣко скѣтъѣтъ», и проч. По етому и въ заглавіи сего Слова надобно было ожидать того же самаго, что въ Словѣ, — названія обоихъ не только учителями «Словѣтской азбуки», но и сотворителями письменъ его: «сѣтворѣшиѣд писменѣи нѣмоу» (120). Что до Нестора, то, хотя источникъ его, на которомъ онъ преимущественно основалъ рассказъ свой объ етомъ предметѣ, какъ то было уже мною показано выше, тщательно отдѣляетъ, въ дѣлѣ изобрѣтенія письменъ, Меодія отъ Кирилла, однако, и онъ смотрѣлъ на нихъ съ той же самой точки, съ какой и два его предшественника, что ему, какъ двумя вѣками жившему позже, еще извинительно. Къ етому прибавлю: на-

чавъ извѣстіе свое прошеніемъ трехъ князей о присылкѣ учителей, которые бы могли истолковать имъ божественныя книги и смыслъ ихъ роднымъ словомъ, онъ и далѣе уже ведетъ рѣчь объ учителяхъ, т. е., какъ царь нашелъ двухъ такихъ наставниковъ, какъ склонилъ ихъ отправиться къ просившимъ и, какъ они, пришедши туда, принялись за то, къ чему были призваны, т. е., «сказаша слово Кожіе къ азукъ ихъ», для чего, разумѣется, нужно было прежде составить азбучныя письмена: «**С**има же пришедъшема, науцста съсѣтаванѣати писмена азбукѣовѣди **С**ловѣньска, и прѣложиста **А**постолъ и **Е**вангелѣе». Прочіе повторяютъ это за Несторомъ болѣе или менѣе придерживаясь его словъ; такъ Степенная Книга списываетъ у него со всею точностію; только, какъ показалъ еще Шлёцеръ (121), дѣлаетъ вставку между извѣстіемъ о составленіи азбуки и переводомъ книгъ (122), вставку, въ которой исчисляетъ народовъ, говорящихъ языкомъ, одинакимъ съ Рускимъ (примѣшивъ, впрочемъ, и Арбанасовъ), что, какъ замѣтилъ я уже разъ, составляетъ умствованіе самаго составителя этой Степенной Лѣтописи, или взято имъ изъ какого ни есть Хронографа, подобнаго разобраннѣе уже мною выже въ 1-й главѣ, въ коихъ именно то же и почти тѣми же словами читаемъ; разница лишь въ томъ, что въ Степенной исчисленіе поставлено тотчасъ за извѣстіемъ объ изобрѣтеніи письменъ азбукѣовѣднхъ, и по томъ слѣдуетъ указаніе на годъ, въ который переведены Апостолъ и Евангеліе (12-е лѣто Льва Премудраго), чего нѣтъ въ Несторовомъ Временникѣ, между тѣмъ какъ въ Хронографахъ на оборотъ, да еще и съ добавленіями (сперва указаніе на годъ отъ сотворенія міра, по томъ на годы, прошедшіе отъ 7-го Собора, и за тѣмъ ужъ на 12-е лѣто Льва), назначенными служить къ большому и точнѣйшему опредѣленію времени такого важнаго событія, хотя отъ того вышло совершенно противное. При томъ Хронографы не говорятъ прямо объ азбукѣ, но только о слѣдствіи изобрѣтенія ея — прѣложеніи книгъ. Изъ того, что Константинъ по томъ посылается съ егѣмъ переводомъ (какъ въ Степенной Книгѣ, такъ Хронографахъ и Никоновской Лѣтописи) къ Славянскимъ народамъ, поименованнымъ непосредственно за извѣстіемъ о прѣложеніи,

видно и самая цѣль этого исчисления: надобно было доказать, что они приняли крещеніе и ученіе Христiянское непосредственно отъ него, равно, какъ и Священ. Писаніе («по ихъ языку», переведенное имъ и братомъ его, Меѳодіемъ, о которомъ снова повторяется, что онъ, пребывая епископомъ во градѣ Моравѣ, много тамъ потрудился надъ преложеніемъ книгъ. Последнее, какъ доказано въ своемъ мѣстѣ, составляетъ неудачное толкованіе словъ Нестора: «По семъ же Концель князь постави Меѳодіи Епископа къ Папѣи на столѣ святаго Андрѣишка апостола», и проч., что встрѣчаемъ въ Степенной въ одномъ мѣстѣ съ Несторомъ, но съ обращеніемъ Папѣи въ Испанію (къ чему, конечно, больше всего содѣйствовали нѣкоторые списки Несторовой Лѣтописи, на прим., Политикинскіи, въ коемъ уже находимъ «въ Испаніи»), и съ такимъ же объясненіемъ, какъ и Хронографовъ, что въ ней былъ «градъ Морава, еже есть Шлюрикъ», гдѣ и пребывалъ Меѳодій. Но въ другомъ мѣстѣ, именно: въ Словѣ Похвальномъ в. к. Ольгѣ (123) именованъ сперва Меѳодій, а за нимъ и Константины, какъ составители «азбуквы Рускія»; Никонова же Лѣтопись въ одномъ мѣстѣ слово въ слово списываетъ только съ Нестора (стр. 27), а въ другомъ (стр. 28) тоже дословно сходитъ съ Хронографами. Такая простая выписка изъ лѣтописей и проч. источниковъ составляетъ отличительную особенность Никоновскаго лѣтописнаго сборника, особенно въ 1-й части. Подобнаго же рода и извѣстіе Житія св. Владимира по Круничпольскому списку, повторяющаго тутъ слова своего источника, Лѣтописи Несторовой. Остается Градишскій или Опатовицкій черноризецъ. И онъ, какъ и другіе, говоритъ въ своей лѣтописи о нашемъ предметѣ мимоходомъ, вскользь, не останавливаясь особенно надъ нимъ, не входя въ подробности, но только *вообще*, и при томъ, по поводу рѣчи о крещеніи Боривоя, какъ извѣстно, перваго Христiянскаго князя Чеховъ, по преданію, записанному въ Латинскихъ легендахъ и лѣтописи Козьмы.

Отсюда открывается, что всѣ стѣ показанія, приписывающія составленіе нашихъ писемъ обоимъ братьямъ, произошли больше изъ образа воззрѣнія *вообще* на нихъ, на ихъ

всюду почти *совмѣстную* дѣятельность, неразлучное соуп-
 ствованіе одного другому, равно какъ и взаимодѣйствіе, не-
 желаніе на самое изобрѣтеніе. Тутъ нѣтъ ничего особеннаго,
 напротивъ, дѣло столько же естественно, сколько и припи-
 саніе тому и другому во многихъ Сказаніяхъ сана епископ-
 скаго, даже архіепископскаго, и при томъ въ одномъ и томъ
 же городѣ; сколько проповѣданіе Слова Божія, крещеніе и
 сообщеніе Св. Писанія не однимъ лишь Моравскимъ и Бул-
 гарскимъ Славянамъ, но и всѣмъ Славянскимъ народамъ;
 сколько обращеніе не Бориса лишь, но и Владимира; сколь-
 ко назначеніе для обоихъ одного и того же мѣста погребе-
 нія, и пр. Нужды нѣтъ, что противу етого вопіяли и Исто-
 рія, и Хронологія, и Етнографія (причисленіе Козаровъ и
 Албанцевъ или Арбанасовъ къ народамъ Славянскимъ): мно-
 гіе знать того не хотѣли, а по тому неразлучныхъ въ жизни
 своей не рѣшались разлучать и по смерти, тѣмъ болѣе въ дѣ-
 лахъ ихъ, особливо при самомъ выступленіи на поприще своей
 дѣятельности, въ такомъ рѣшительномъ и благодѣтельномъ
 дѣйствіи ихъ для всего рода Славянскаго, каково изобрѣте-
 ніе письменъ и преложеніе Божественныхъ книгъ «въ свои
 нмъ азыкъ», «не изъ тоужемъ основании свое дѣло полагающа,
 къ изнова писмена въображъша, и съвершинста къ азыкъ
 новъ»; «иросквѣтиста боуцькама». Какъ это важно бы-
 ло, видѣть можемъ изъ словъ самаго царя Михаила въ посла-
 ній его къ Ростиславу: «Бѣ... видѣвъ въроу твою и поденгъ,
 сътвори и мнѣ въ наша лета, мѣлъ боуевы въ вашъ азыкъ,
 ето же не вѣдано было, токмо въ прьваа лета, да ны приу-
 тетеса велицѣхъ азыцѣхъ, иже славать Бѣа своимъ азы-
 комъ». Если такъ смотрѣли на ето въ Царьградѣ, какъ же
 могли не цѣнить того высоко сами Славяне, ихъ потомки?
 И дѣйствительно, радость ихъ была безмѣрна, по свѣдѣтель-
 ству разныхъ лицъ и на разномъ мѣстѣ: «И ради вышл Сло-
 вѣне, яко слышаша велицѣмъ кожѣмъ своимъ азыкомъ», гово-
 рить Несторъ. А сочинитель Итальянскаго Сказанія или, по
 Добровскому, Первой Легенды, сказавъ о прибытіи Констан-
 тина съ Меѳодіемъ въ Моравію, замѣчаетъ тутъ же, что жи-
 тели ея, когда узнали о томъ, чрезвычайно обрадовались, по
 тому что слышали, что къ нимъ принесены были ими какъ

мощи блаженнаго Климента , такъ и Евангеліе , *переведенное на ихъ языкъ философамъ*: «Cumque ad partes illas venisset (Constantinus), cognoscentes loci indigenae adventum eorum (Constant. cum Methodio), *valde gavisi sunt*, quia et reliquias b. Clementis secum ferre audierant, et Evangelium *in eorum linguam a philosopho praedicto translatum*».

Свѣдѣтельства, приписывающія изобрѣтеніе Славянской азбуки одному лишь *Меводію*, принадлежать единственно Западу; етъмъ все сказано о причинѣ того. Дѣйствию столь долгое время въ самой паствѣ, окруженной отовсюду Латинскимъ, непріязненнымъ ему и ей, духовенствомъ, конечно, Меводію долженъ былъ находиться съ послѣднимъ въ частыхъ сношеніяхъ и вольныхъ, невольныхъ, столкновеніяхъ, и тѣмъ произвести живое впечатлѣніе, слѣдовательно, оставить по себѣ долгое воспоминаніе въ умахъ ихъ, какъ главный представитель и, съ тѣмъ вмѣстѣ, виновникъ новаго Богослуженія, столько по духу пришедшагося народу, больше же всего распространитель и двигатель его, онъ Латинскимъ священствомъ совершенно естественно могъ быть почитаемъ также и творцемъ тѣхъ буквенныхъ знаковъ, которыми передавались письму священныя хвалы, раздававшіяся, со времени появленія его, на языкѣ народномъ въ храмахъ и подъ открытымъ небомъ Велико-моравіи,—нововведеніе, какъ извѣстно, нуще всего пугавшее Западную іерархію, на которое никогда и нигдѣ она не соглашалась, и по сю пору не согласилась въ отношеніи ко всѣмъ народамъ, за исключеніемъ Славянъ, принудившихъ ее отступитъ отъ своего основнаго правила, хотя съ затаенной мыслью не упускать ни какого случая и средства и етъхъ отщепенцевъ приводить постепенно подъ одинъ уровень съ прочими. Отсюда понятенъ и тонъ, отзывающійся внутренней насмѣшкой, тонъ, съ какимъ писатели—платники, какъ величаетъ ихъ Житіе Кирилла, отзываются о Меводіи, изобрѣшемъ, по ихъ мнѣнію, письмена, «иже не отъ конца сать, ихъ же нать никто же инъ прѣвкѣ оубрѣлъ, ни апостола ни Римскыи цѣли», которые думали заклеить навсегда позоромъ, назвавъ оныя письменами Готскими (Goticas literas), т. е., еретическими, такъ какъ Готы всегда были въ глазахъ ихъ

раскольниками. Тогда его имя (Готъ, Готскій) было подобо- значащимъ слову отщепенецъ, какъ въ старину и нынѣ имя Рускій синонимомъ Православнаго, а не то, чтобы клеймив- шие имъ Меодія, не знали, въ самомъ дѣлѣ, что его за пись- мена, смѣшивали ихъ съ азбукой Готовъ, давнымъ давно не существовавшихъ уже на свѣтѣ, слѣдовательно, принадлежав- шей Нѣмцамъ, которыхъ, по тому, какъ ревностныхъ еще послѣдователей ученія Римскаго, не могли ставить на одну доску съ Славянами, или Греками. Отсюда, его имя (*Goticus*), равно какъ *Graecus* и *Slavus*, употребленныя Латинскими пи- сателями о Меодіи и, мнимомъ его изобрѣтеніи, письменахъ, употреблены не въ собственномъ значеніи, но больше, мень- ше съ отгѣнкомъ вѣроисповѣднымъ, т. е., *известный Грекъ Меодій* въ устахъ Зальцбургца (*quidam Graecus Methodius*), *известный Славянинъ изъ Истрии или Далмаціи, по имени Меодій* (*quidam Slavus ab Histriae et Dalmatiae partibus, nomine Methodius*) въ устахъ Бернарда Кремсмонстерскаго, и *Славянскія письмена* (*Slavinae literae, Slavicae literae*) у того и другаго значать, первыя два—членъ, послѣдователь Восточнаго Православія, а вторыя—письмена Православія Греко-Славянскаго, такъ какъ оба прямо противопоставляютъ ихъ Латинскому исповѣданію, Латинскимъ письменамъ: «*Linguam latinam doctrinamque romanam atque literas auctorabiles latinas vilesce fecit*» (*Anonymus Salisburgensis*); «*adinvenit Slavicas literas et Slavicae celebravit divinum officium et vilesce fecit Latinum*» (*Bernardus*); «*qui (Methodius) multa contra Catholicae fidei normam in eadem Slavonica lingua manendo conscripsit*» (*Archidiacon. Spalatensis*). Сдѣсь, по сему, всѣ етѣ названія, повторяю, придаваемые Меодію и Славянскому пись- му, имѣютъ еще и переносный смыслъ, смыслъ религиозный; ими хотѣли указать на принадлежность того и другаго къ другой Церкви, другому обряду и ученію, точь въ точь, какъ и папа Іоаннъ XIII-й называетъ уже Греческое Православіе по Славянскимъ народамъ, особенно его летѣвшимъ, обря- домъ Българскимъ, Рускимъ, или вообще обрядомъ Славян- скаго языка: «*non secundum ritus Bulgaricae gentis vel Russiae aut Slavonicae linguae*». Хотя не одинъ Меодій про- повѣдывалъ Христіанство и славилъ Бога на етомъ языкѣ, одна-

ко, братъ его подвизался съ нимъ слишкомъ короткое время, а по тому тотъ, какъ главный требователь и распространитель его въ земляхъ Славянскихъ, смежныхъ съ Западомъ, преимущественно остался въ памяти Латино-Нѣмецкаго духовенства представителемъ и первовинникомъ ненавистнаго ему обряда и вѣроученія, а съ нимъ, естественно, и изобрѣтателемъ новаго письма. О силѣ впечатлѣнія апостольской дѣятельности Меодія въ етѣхъ страхахъ на послѣдователей Римскаго папы можемъ судить по тому обстоятельству, что прошло уже безъ малаго тысяча лѣтъ, а и теперь еще имя Меодія самое извѣстное, самое любимое у нашихъ Западныхъ соплеменниковъ, и при томъ далеко въ большей степени, нежели имя его брата, Константина или Кирилла, только что промелькнувшаго передъ ними:

«Nitra milá, Nitra, ty vysoká Nitra:
 Kdeže sú té časy, v ktorých si ty kvitla?
 Nitra milá, Nitra, ty Slovenská mati!
 Co pozrem na teba, musím zaplakati.
 Ty si bola nĕgdy všeckých krajín hlava,
 V ktorých tečie Dunaj, Visla i Morava;
 Ty si bola bydló kráľa Svatopluka,
 Keď tu panovala jeho mocná ruka.
 Ty si bola svaté město Methodovo,
 Keď tu naším otcom kázau božie slovo.
 Vĕilek tvoja sláva, v touni skryta leží:
 Tak sa časy menia, tak tento svĕt beží!» (124)

поютъ нынѣшніе Словаки, хотя, признаться надобно, со словъ и голоса уже нѣвца *ученаго*, но пѣсню, сдѣлавшуюся теперь рѣшительно общеизвѣстной и вполне народной. Дѣло тутъ не въ томъ, отъ кого пошла она, но о чемъ она поетъ, кѣмъ и съ какимъ духомъ поется.

Послѣ сего, если исключимъ отсюда еще тѣ изъ показаній объ изобрѣтателѣ нашихъ письменъ, которые выражаются о немъ слишкомъ неопредѣленно, не указывая прямо на лице, но больше на самое дѣло изобрѣтенія, или послѣдствие его—переводъ Св. Книгъ, каковы, изъ иностранныхъ, въ осо-

бепности, Моравское Сказаніе, а изъ отечественныхъ: Пролож-
ныя Житія Кирилла и Меѳодія Сербскаго извода, Охридскій
Апостоль, Служба Меѳодію, Вратиславское Лѣточислительное,
сказаніе, сказаніе Хронографовъ, Никоновская Лѣтопись (во вто-
рой выпискѣ своей, на стр. 28-й части 1-й), и проч., под. имъ;
если, говорю, исключимъ етѣ неточныя, смѣшанныя показанія,
то всѣ прочія свѣдѣтельства говорятъ намъ прямо, ясно и опре-
дѣленно совсѣмъ противное, т. е., въ одинъ голосъ указываютъ
на Константина, какъ на главнаго творца нашихъ шисьменъ.
Свѣдѣтельства етѣ идуть не съ одной только стороны, но ото
всѣхъ четырехъ. Тутъ слышимъ и вѣсти съ Запада, а въ нихъ
различаемъ голосъ Итальянцевъ (Посланія папы Іоанна VIII го
и Перваго или Итальянскаго Сказанія), и вѣсти изъ раз-
ныхъ краевъ Славянскихъ, непосредственно, или только отча-
сти, замѣшанныхъ въ етомъ событіи, и при томъ на чужомъ
и своемъ языкѣ: трехъ Чеховъ, Латинскимъ словомъ передаю-
щихъ намъ, дошедшее до нихъ, сказаніе (Легенда о св. Люд-
милѣ и Христанова передѣлка оной, Лѣтопись Сазавскаго мо-
настыря); далѣе, на родномъ языкѣ: одно изъ Чехъ (Сказа-
ніе о св. Прокопѣ), два изъ Паннонской или Великоморав-
ской архіепископїи Меѳодія (Паннонскія Житія), четыре изъ
земель Сербскихъ (Дуклянскаго или Дюклейскаго священни-
ка, краткія Сербскія лѣтописи, сказаніе Черногорскаго Сбор-
ника), два изъ краевъ Булгарскихъ (Іоанна, ексарха Бол-
гарскаго, и Храбра о шисьменехъ), и нѣсколько Рускихъ (Хро-
нографовъ, въ разсказѣ о значенїи названія Славянъ и т. д.).
Нѣкоторыя изъ етѣхъ показаній, по всему, идуть изъ первыхъ
рукъ, отъ непосредственныхъ учениковъ, очевидцевъ и участ-
никовъ въ дѣлѣ благовѣствованія Славянскихъ апостоловъ, ка-
ковы: Паннонскія Жизнеописанія ихъ, которыя, по даннымъ,
содержащимся въ нихъ, составлены во время, самое ближай-
шее къ дѣйствителямъ. Именно: Житіе Кирилла послѣ его
кончины, что доказывается, съ одной стороны, тѣмъ, что
сочинитель завершаетъ свою повѣсть извѣстіемъ о погребен-
ніи его, а съ другой—согласіемъ въ етомъ съ нимъ Первой
или Итальянской Легенды, если она дѣйствительно состав-
ляетъ отдѣльное, самобытное, сказаніе. Далѣе, сочинитель
называетъ Константина прямо учителемъ своимъ: «Богъ...

сътвори въ нашъ родъ, въздвигъ намъ оучитель сиць, иже просвѣти азыкъ нашъ, славою оумрусиныи оумъ нашъ». Такъ обыкновенно выражаются только въ первое время послѣ крещенія о виновникѣ или виновникахъ его: сличите Похвальное Слово Кириллу и Меѳодію, такое же Слово Иларіона, митрополита Кіевскаго, св. Владимиру, равно какъ и Іакова мниха ему же и т. п. Етому не вредятъ ни мало нѣкоторыя вставки, замѣчаемыя въ семь Житіи, указывающія на позднѣйшее время, по тому что они слишкомъ обличаютъ себя, стоятъ особнякомъ и находятся въ противорѣчій съ прочими показаніями Житія и вообще со всѣмъ его содержаніемъ. Въ Житіи же Меѳодія и того яснѣе указано на время составленія его: первое: сочинитель является очевидцемъ распространенія Христіанства, умноженія духовенства и возвышенія Великоморавіи Святополкомъ: «ѿ того же днѣ вельми идуать расти оучение бѣни и стриженци множитися въ вьсѣхъ градѣхъ, и поганинъ вѣрвати въ истинныи Бѣ, сконхъ владни ѿитлющеса, и Моравскя область пространити идуать вьса страны и врати своа повѣжати, и съ непогрѣшиснемъ, яко и сами повѣдають присно». Второе, въ заключеніи испрашивается благословеніе его на учениковъ его, защита отъ непріятностей, споспѣшествованіе ученію распространеніемъ его и изгнаніемъ ересей, чтобы, послѣдуя примѣру его (Меѳодія), стадо его было въ одномъ съ нимъ мѣстѣ: «Ты же съкыше, стѣи и устьими главо, мѣтвами своими призираи на ны, желлющакъ тебе, изъбавлан ѿ вьсакою мапастн оучениишии своа, и оучение пространити, а иреси прогонити, да достоинно званіиа вашего (невольное обращеніе къ обоимъ, Кириллу и Меѳодію) живъше съде, стамемъ съ тобою, твою стадо, одесмоюу страмоу Хѣ Бѣ вашего, вьзуюмоу жизнь присмлюще ѿ него». Стало быть, умалчивая о паденіи Великоморавскаго Царства, послѣдовавшемъ въ 907 году (спустя, по однимъ показаніямъ, 22, а по другимъ 15 лѣтъ по кончинѣ Меѳодія), а еще больше о гоненіи на Меѳодіевыхъ учениковъ, принужденныхъ въ самый годъ преставленія его бѣжати въ Булгарію, сочинитель тѣмъ указываетъ на время составленія своего творенія, которое, по всему, писано имъ тотчасъ по смерти своего учителя, до наступленія еще преслѣдованій. Кромѣ того, являясь принадлежащимъ къ обитателямъ Ко-

целова Княжества, когда говорить о клеветахъ на Меодія Латинскаго духовенства Нѣмецкому королю: «по семь же старши врагъ (дымокозъ), завидяши доверю и противникъ истинѣ, въздвиже сердце врагоу Моравьскаго короля на нь (въ др. сп. «на насъ») съ вѣсьми сѣны, яко на нашеш области оуцниши», даетъ знать, гдѣ именно было писано имъ это Житіе. Можно было бы утверждать, на основаніи выраженія «на нь» въ спискѣ Московскаго Успенскаго Собора, что тутъ указаніе прямо на одного лишь Меодія («на него» сокращенно «на нь»), но другіе списки противорѣчатъ тому, слѣдовательно, подтверждаютъ мнѣніе, упомянутое выше, т. е., что оно составлено въ Коцеловой Панноніи, доставшейся, по смерти его (861 — 877 или 884) Святополку, жителю коей, по недавности соединенія съ Моравіей, отличали еще себя отъ жителей послѣдней, какъ показываютъ то, приведенныя уже выше, слова сочинителя о послѣднихъ: «яко же и сами повѣдаютъ присмо». Въ противномъ случаѣ, онъ не сталъ бы такъ отзываться о нихъ, если бъ проживалъ въ собственной Моравіи. Да и вообще взглядъ на многое обличаетъ въ сочинителѣ, хотя и Православнаго, но Православнаго тамошнихъ странъ, а не изъ Задунайскихъ Славянъ, т. е., по жительству во время написанія, а не по происхожденію. Взглядъ этотъ наиболѣе отразился въ особенномъ предпочтеніи, даваемомъ имъ какъ панамъ вообще передъ патріархами, такъ и въ раздѣленіи нѣкоторыхъ понятій ихъ, на примѣръ, касательно числа Вселенскихъ Соборовъ, титулъ его: «Двостолникъ, Пастырьникъ ключедръжца црствію нѣсномоу», «Петровъ соудъ», и т. п., хотя въ главномъ и не поддавался онъ вліянію Запада, т. е., въ исповѣданіи Символа, начинавшемъ составлять уже и тогда, по свѣдѣтельству жизнеописателя св. Климента, существенное отличіе Каволикотъ отъ Католикотъ, по тому что говоритъ (во вступленіи): «ѿ того же оца и стши дхъ исходить, яко же рече самъ сѣи вѣннемъ гламь: дхъ истинный, иже ѿ оца исходить» (125). Житіе Кирилла, какъ сказано уже, дошло къ намъ лишь въ спискѣ не старѣе XV-го вѣка; по изъ этого еще не слѣдуетъ выводить заключенія, что его не было прежде. Откуда же, спрошу, отправляясь назадъ въ древность, составитель Изборника 1076-го года взялъ извѣстіе объ этомъ Житіи, говоря: «ислоушиши ты

Житія... сѣго Кирила Философа»? Другаго Кирила Философа не было въ то время столь извѣстнаго своею любовію къ книжному ученію, по тому что нельзя же тутъ подозревать Константина Философа, родомъ изъ Африки, жившаго во время Нестора и перваго начавшаго переводить съ Арабскаго на Европейскіе языки (126). А Проложное Житіе его, если было уже тогда, судя по спискамъ съ одного, дошедшимъ до насъ, вовсе не распространяется столько о занятіяхъ Константина книгами и тому под., чтобы можно было указывать на него, какъ на образецъ любви къ чтенію книжному, наравнѣ съ Василиемъ Великимъ и Іоанномъ Златоустымъ, «иже измлада прилежаху сѣтъхъ книгъ». При томъ, Житіе Меѳодія, Іоаннъ ексархъ Болгарскій, Посланія папы Іоанна VIII-го, Итальянское Сказаніе (или Легенда), Сказаніе о Людмилѣ и Дуклянскій священникъ: всѣ они сохранились въ спискахъ старѣе XIII-го вѣка, изъ коихъ нѣкоторые, какъ показано уже, почти современны самимъ Солунскимъ самобратьямъ. Прологъ Іоанна, ексарха Болгарскаго, дошедшій въ пергаменномъ спискѣ XII-го в., приписываетъ Константину лишь составленіе азбуки, прибавляя, что онъ «многы труды приид, строк писмена Словѣнскихыхъ къингъ,» и т. д. Храброво Сказаніе тоже своимъ противнемъ съ Глагольскаго списка и нѣкоторыми выраженіями, въ немъ только уцѣлѣвшими («сѣтъ бо еше живи, иже сѣтъ видѣли ихъ»), указываетъ на время, самое близкое къ етѣмъ незабвеннымъ мужамъ, по крайности, дѣлаетъ сочинителя его современникомъ ученикамъ и сотрудникамъ ихъ. Дуклянецъ, столько баснословящій не только во многомъ другомъ, но и тутъ, въ разсказѣ о дѣйствіяхъ Константина и его жизни, правильно приписываетъ ему изобрѣтеніе азбуки, хотя въ Славянскомъ подлинникѣ названа она у него «книгой Хорватскою», а въ Латинскомъ переводѣ «lingua Slavonica, litera Slavonica». Прочіе отечественные памятники, сюда относящіеся, хоть и позднѣйшаго происхожденія, каковы: Анеѳологіонъ и др., а нѣкоторые (какъ Хронографы Псковскихъ списчиковъ или Палѣя) даже во многомъ переимѣшивающіе времена, лица и событія, однако, въ етомъ вѣрно передаютъ слова своихъ подлинниковъ, называя одного только Константина или Кирила составителемъ письменъ нашихъ (въ 3-мъ мѣстѣ приписываютъ переводъ обоимъ

братьямъ), каковымъ онъ, дѣйствительно, и былъ, по согласному свѣдѣтельству обоихъ Паннонскихъ Житій его и, брата его, Меѳодія: «шесть же философъ, по прыкому обычаю изъ иѣткоу са изложи... и аге сложи писмена (Житіе Кирилла)»; да тоу (послѣ молитвы, какъ и въ Житіи Кирилла) ики Кѣ философу Словѣнскы книги, и аге оустрои къ писмена и беседоу составль (переведши I-ю главу Іоанна и всѣ Воскресныя Евангельскія Чтенія), поути са итъ Моравьскаго» (Житіе Меѳодія). И это, столь прямое и рѣшительное, показаніе подтверждается, какъ мы знаемъ уже, всѣми прочими, выше названными, свѣдѣтельствами, особенно свѣдѣтельствомъ современника обоихъ братьевъ, лично ихъ знавшаго и имѣвшаго съ однимъ изъ нихъ (Меѳодіемъ долгія и частыя служебныя сношенія: «*litteras Slavonicas a Constantino quondam philosopho* (извѣстнаго всѣмъ) *repertas*», и проч., писалъ онъ торжественно къ Святополку. Могъ ли онъ этого не знать? Вѣдь со времени кончины Кирилла, при которой онъ могъ быть и участвовать въ великолѣпныхъ похоронахъ, прошло всего только 10 лѣтъ? Могъ ли онъ отнести такое изобрѣтеніе къ другому, прилучи къ государю, лично въ етомъ дѣлѣ замѣшанному, и при томъ, посылая письмо свое съ Меѳодіемъ? Одно изъ двухъ, или папа ошибся съдѣсь самымъ грубымъ образомъ, или же посланій его, особливо этого, никогда не существовало, слѣдовательно, они поддѣлка? То и другое, разумѣется, надо впередъ доказать, и доказать не голыми предположеніями, съ какими выступилъ было извѣстный Блумбергъ, но по всѣмъ правиламъ строго ученой и неумытной критики, безъ всякой, напередъ уже взлелѣянной, мысли, но опираясь на самомъ точномъ пересмотрѣ всего, сюда относящагося, какъ говорится, до послѣдней шитки; и тогда уже, убѣдясь непосредственно самымъ дѣломъ въ противномъ, отвергать голосъ этого папы въ изслѣдуемомъ вопросѣ.

Столько же неопредѣленности и разногласія въ показаніяхъ источниковъ и о *лицѣ* изобрѣтенія нашихъ писменъ. Это естественно, по тому что составляетъ необходимое послѣдствіе показаній о *лицѣ*. Изъ нихъ: Степенная Книга въ «Словѣ Похвальномъ в. к. Ольгѣ», указываетъ на *Бумарію*,

но чрезвычайно сбивчиво. Сказавъ, что не задолго до Ольги «шлало къ Русїи азбукы», составленной «днѣишии философи, Меодѣеицъ и Константиномъ самобратани», Солунцами; тотчасъ отправляетъ ихъ, съ согласїа царя Михаила, въ Болгары, по прошенїю князей Болгарскихъ, которыхъ они и крестятъ, а за тѣмъ, поворотивъ круто, рассказываетъ объ обращенїи Рускихъ князей, Оскольда и Дира, и извѣстномъ чудѣ съ Евангелиемъ, послѣ чего, слѣдуетъ выписка изъ Несторовой Лѣтописи о предложенїи книгъ, только не на Словѣнскїи, а на Рускїи языкъ; стало, Руская азбука изобрѣтена, по етому показанїю, собственно, не извѣстно гдѣ; можно догадываться только, судя по слѣдующимъ за тѣмъ словамъ, что сіе сдѣлано въ Булгарахъ Солунскими самобратами, когда они приводили въ Христіанство князей ихъ и переводили, въ 12-е лѣто царствованїа Льва Премудраго, книги съ Греческаго на Рускїи. Такое смѣшенїе истиннаго съ ложнымъ, понятно, какъ происшедшее отъ желанїа приписать своему народу честь изобрѣтенїя письменъ и перевода Священныхъ Книгъ; стало быть, такое мнѣніе указываетъ на происхожденїе свое въ тотъ вѣкъ, когда преданїе объ етѣхъ событіяхъ начало уже тускнѣть, а письменныя показанїя книжныи людѣ, принялся толковать по своему, когда Христіанство сильно уже пустило корни въ народѣ, который гордился новой жизнью, а начетчики старались еще больше дать пищи тому, увѣряя, что онъ не только крещенїе, но и самую даже письменность, съ азбукой, получилъ непосредственно изъ рукъ Славянскихъ апостоловъ. Сдѣсь начало всѣмъ етѣмъ извращенїямъ первоначальнаго извѣстія о припятїи Христіанской Вѣры Рускими и, соединенномъ съ нимъ нераздѣльно, изобрѣтенїи письменъ; при етомъ, разумѣется, мало, а иногда и вовсе, не обращали вниманїя на лица, мѣсто, и время, рѣшительно ни на что, но смотрѣли на одно лишь, какъ бы и во что бы ни стало, а приписать *себѣ*, своему народу и землѣ, такое важное дѣло. По сему, дивиться ли намъ, если одинъ и тотъ же писатель, увлеченный любимой мыслью, черезъ нѣсколько строкъ, самъ же себѣ противорѣчить и, въ ослѣпленїи, не замѣчаетъ того? Такъ составитель или составители етой же самой Степенной Книги, въ извѣстїи о св. Владимирѣ, повторивъ слова разсказъ о крещенїи Осколь-

да и Дира и чудеспомъ сохраненіи Евангелія въ огнѣ, тотчасъ выписываютъ изъ Нестора посольство къ царю Михаилу Ростислава, Святополка и Кочела, обращенныхъ ими въ князей Рускихъ: «Рѹси ѹдикишася, ѹдацисѹ силѣ Христовѣ, и вси крестнишася. Киази же ихъ, Ростислахъ, и Сватослакъ (!), и Коускъ послахш къ царю галголючѣ», и пр.; но въ дальнѣйшей выпискѣ утверждаютъ, держась того же Нестора, что Константинъ и Меѹодій посланы Михаиломъ въ «Словенскую землю», куда пришедши, «илухши составити писменъ азбучовила Словенскимъ изыкомъ». Послѣ сего нечисляютъ Словѣнскіе народы, при чемъ замѣчается, что «ко всѣхъ тѣхъ единъ изыкъ съ Рѹсію», однако не утверждается, чтобы переводъ сдѣланъ былъ (все таки въ 12-лѣтію Льва Премудраго) на Рускій, но на Словенскій, и только. въ заключеніе всего разказа, восхваляя благость Божию, помиловавшую «древасъ злѣбуждыма во идолѣстѣи прелести Рѹскїа люди», опять возвращаются на первую, душевную, мысль свою, и утверждаютъ «въ нихъ же преже благоколи пребавїї Боже пашѣ, Рѹскїи писмени, Рѹскїихъ же и изыкомъ, быги князюму исполненїю». Стало, по ихъ мнѣнію, писмена, изобрѣтенныя въ Словенской землѣ, все же суть писмена Рускія, то есть, етѣмъ хотѣли указать либо просто на тождество Руской азбуки съ изобрѣтенною въ Словенской землѣ, либо, на оборотъ, не смотря на явное противорѣчіе, утверждали, что, хотя и въ Словенской землѣ составлена она и книги переведены на Словенскій языкъ, все же то и другое Рускія, для Русовъ, не перестаютъ быть Рускими, по тому что князья-то самые были князья Рускіе; а отсюда неминуемо слѣдуетъ, что землю Словенскую считали они частью Руси.

Но «Словенская земля» тутъ, очевидно, то же, что *Slovenčina*, *Slovenska zemь*, какъ называютъ испоконъ Словаки свою родину, а за ними и самые Нѣцы въ старину, «*Sclavinia*». Названіе ето правильно, по тому что принадлежитъ большинству народа, составлявшаго Великоморавскую Державу, такъ названную только въ землискомъ значеніи, по рѣкѣ Моравѣ, распадавшейся на Моравію по сю и по ту сторону Дуная, слѣдовательно, и по отношенію къ другой еще Моравѣ (то же на рѣкѣ Моравѣ), находящейся въ Верхней

Мизіи и Иллирикѣ; отъ того, первая Моравія слыла Великою Моравіею, Вышніѣ Моравѣ (верхнія Моравы), и заключала въ себѣ, кромѣ нынѣшней Моравіи, еще землю Словенскую и верхнюю Паннонію, въ которой князю Прибина и Коцель и которая въ иностранныхъ памятникахъ извѣстна подъ именемъ просто «Pannonia, regio Pannonia, или limes Pannonicus, Pannonia superior, Hunia, quae et Avaritia dicitur, provincia Avarorum (по жительству въ ней Гушовъ и Аваровъ), partes Avarorum et Sclavorum, Oriens, plaga Orientalis (откуда Австрія), Confines Carantanorum» (127). Названіе Словенской земли перенесено точно такъ же и по той же причинѣ и на собственныхъ Моравцевъ (Чеховъ на Моравѣ), какъ въ старшю названіе послѣднихъ на Словенскую землю и ея жителей (128). Да и теперь Словаки, живущіе на лѣвой сторонѣ рѣки Моравы, по самымъ Карпатамъ, называются въ землеписномъ смыслѣ Моравцами. Названіе «Словенская земля» взято съ прочимъ Степенной Книгой у Нестора и сохранено, вопреки ожиданію, безъ всякой переменѣны: «Оумоленъ бысть црель (Константинь и Меѳодій), и послалъ а (въ др. сп. «и поидомъ») къ Словѣнскуюю землю къ Ростиславоу, и Скатополюу, и Къцлюки. Сима же пришедъшима, изуста съставилкати писмена азъбуковыми Словѣнскы, и предложистъ Апостолю и Еуангелю; рздъ бышъ Словѣни, яко слышша величю Кожьма сконилъ азъкомъ». Отсюда ясно, что Несторъ полагалъ составленіе азбуки на Моравѣ или въ Моравіи, названной имъ «Словѣнской землей», какъ показано выше, по Словѣнамъ въ тѣсномъ смыслѣ, что нынѣ Словаки, въ «Словѣнщинѣ», и при томъ по приходѣ въ нее Кирилла и Меѳодія, и что писмена сіи были Словѣнскія, примѣненныя къ звукамъ «Словѣнскою» языка, на который и предложеніе Книгъ совершено ими, чему и прежде всего возрадовались етѣ же «Словѣни». Я уже выше объяснилъ этотъ взглядъ нашего начального лѣтописца, который сдѣланъ имъ не на основаніи какого либо источника, но тому что въ большей части его разсказа объ этомъ событіи источникомъ ему служило Паннонское Житіе Меѳодія, но на основаніи собственнаго своего соображенія, логическаго наведенія, что замѣчаемъ и въ другихъ частяхъ его Лѣтописи. Слѣдуя Нестору и Степенной Книгѣ Никоновская Лѣтопись тоже самое дословно повторяетъ (стр. 27). Псковской Хро-

нографъ, или Палѣя, отправляя, въ одномъ мѣстѣ, Константина «въ Моравоу, Моравскому князю, просвѣнику философъ», и заставляя его учить Православной Вѣрѣ Моравовъ, Чеховъ, Ляховъ и проч., утверждаетъ, что онъ «*тутъ* (разумѣется у Моравскаго князя, слѣдовательно, въ Морави въ обширномъ смыслѣ) *и книги написа имъ*», но, вѣрнѣй своей любимой мысли, прибавляетъ къ этому «*Роускимъ глѣмъ*». Житіе Сербскаго извода въ пергаменномъ спискѣ XIII-го в. (у Калайдовича, Іоаннъ Екс. Болгар., стр. 90), правда, ничего прямо не говоритъ объ изобрѣтеніи письменъ, но мимоходомъ тоже даетъ знать, что оно могло быть тамъ же, гдѣ и Песторъ полагалъ, въ «Словѣнской землѣ», которая въ немъ безъ дальняго названа уже «*Моравой*»: «и въ Моравѣ плочушл оученики» (Констан. и Меод.); о переводѣ же 60 книгъ Ветхаго и Новаго Завета сказано въ немъ, что это совершено, когда онъ (Меодій) «*сѣдѣ въ земли Моравьстѣн*».

Другое Проложное Житіе, тоже пергаменное, но двумя вѣками моложе (ок. полов. XV-го в.), принадлежащее Императорской Публичной Библиотекѣ, сличенное съ бумажнымъ спискомъ XII-го Румянцевскаго Музея, также помѣщаетъ составленіе грамоты нашей въ «*Словѣнахъ*» (въ печатномъ измѣнено въ «*Славѣнахъ*») и по Дунаю; послѣднее выраженіе прогоняетъ всякое сомнѣніе на счетъ того, какіе это Словѣны, т. е., какихъ Словѣнъ край, какая земля Словѣнская. Во всякомъ случаѣ замѣчательны етъ указанія Проложныхъ Житій на сіи страны, какъ на мѣсто, въ которомъ письмена Православныхъ Славянъ изобрѣтены; по крайней мѣрѣ, при всей несостоятельности своей, они показываютъ намъ, какъ предки наши смотрѣли на етъ края, что было, когда-то время, что и въ нихъ славили Бога единоплеменные единымъ съ нами глаголомъ; что это относится къ самымъ первымъ днямъ нашего Христіанства, и что память о томъ, вопреки всѣмъ препятствіямъ отъ своихъ и чужихъ, постоянно сохранялась и сохраняется изъ рода въ родъ по сю и по ту сторону Карпатъ, находить самое живое сочувствіе въ каждомъ сословіи. И точно, чѣмъ же инымъ объяснить етъ непрерывныя попытки Чеховъ истребовать согласіе папы на введеніе, сперва Церковнославянскаго, а послѣ хоть своего, Чешскаго, языка въ

Церковь, попытки, которыя проходятъ черезъ всю Исторію ихъ, отъ Боривоя до торжественнаго молебнаго пѣнія въ наши дни подъ открытымъ небомъ, совершеннаго на языкѣ нашей Церкви среди Праги, на одной изъ обширѣйшихъ и красивѣйшихъ ея площадей, передъ ликомъ святаго Вячеслава, на котораго, по свѣдѣтельству Славянскаго Житія его, «въложи Богъ благодать такоу», что онъ «илоуещъ бысть книгамъ Словѣнскимъ по следоу поновоу, икыице разоумъ добре и проумтше а кѣиѣ безъ блзид, яко же добрыи епископъ, или попъ» (стр. 86 — 87). Тутъ-то, въ этомъ желаніи получить драгоценнѣйшее благо, «его же не въ испрѣкѣ было», — какъ писалъ Греческій царь въ посланіи своемъ съ Константиномъ и Меодіемъ Ростиславу, «нѣ тъкмо въ прѣкѣмъ лѣта, да сопрѣтетеса великихъ азыцѣхъ, еже сазкати Богъ своимъ азыкомъ», скрывается источникъ всеѣмъ тѣмъ многословнымъ и обширнымъ подробностямъ, въ какія пускаются почти всеѣ Латинскіе списки Житія Кирилла и Меодія о прѣннн въ Венеціи и Римѣ съ Римскимъ духовенствомъ, подробности, во многомъ отличныя отъ подробностей въ Церковнославянскихъ спискахъ.

Дуклянскій священникъ, перемѣшавъ лица, времена и событія въ сказаніи своемъ о Константиѣ, естественно, смѣшалъ и самое мѣсто составленія имъ *книгъ*, то есть, письменъ. Судя по тому, что это было во время Свитополка, можно бы тутъ думать о Моравской или Словѣнской землѣ; судя же, съ другой стороны, о томъ, что Будимиръ, обращенный Константиномъ въ Христіанство, ходилъ въ *Казарикъ*, гдѣ «*prigivna kraljući sveti ruk*», котораго тоже Константиѣмъ обратился, «*koji Kostant biše obratil*», можно думать, что и азбука изобрѣтена либо въ *Казарикѣ*, либо во владѣніи Будимировомъ, которое тоже трудно понять, гдѣ оно собственно лежало, въ Булгаріи или же въ Далматской Хорваціи, на что, по видимому, указываетъ самое названіе, данное имъ ей, т. е., «*книгой Хърватской*» (*knjiga hârvacka*). О Казарикѣ или Казаріи говорятъ еще нѣкоторые памятники: отрывокъ какого-то Грека у Бандури, перепутавшаго времена Ростиславовы, Аскольдовы и Владимировы. Конечно, тутъ указаніе на Казарію или Хазарію только стороной, такъ что можно думать и о ней, и собственно

о землѣ Руской; за то, Псковскіи Хронографъ въ другомъ мѣстѣ прямо уже утверждаетъ о Владимірѣ, что при Романѣ царѣ крестилась Руская земля, царь Володимеръ въ градѣ *Корсуни*; «идеже книги обрѣтошася, тоу и крестити обрѣтеться», и при томъ: «Роускимъ гласомъ писаны быша книги». Въ какомъ смыслѣ понимать писавшій это обрѣтеніе Книгъ, и, по тому, и намъ слѣдуетъ понимать его, открывается изъ извѣстной вставки въ Паннонскомъ Житіи Кирилла, гдѣ тоже замѣчено, что Константинъ въ Херсонѣ «обрѣте евангеліе и писмы Роускими писмены писмо», и т. д. Можетъ статья, эта вставка въ Житіи Кирилла, бывшемъ, какъ мы знаемъ, хорошо извѣстнымъ въ старину, сдѣлалась источникомъ всѣхъ прочихъ сказаній о первоначальномъ изобрѣтеніи письменъ какимъ-то Русиномъ и для Рускаго языка, отъ котораго, въ бесѣдѣ, перенялъ уже Константинъ, стало быть, присвоилъ себѣ чужое; можетъ статья, это было и на оборотъ: вставка сдѣлана на основаніи сказанія въ какой либо Лѣтописи, Временникѣ, или другомъ подобномъ памятникѣ, поводъ къ чему подала также самая мысль, которая внушала не разъ многимъ самымъ страннымъ понятія о древности и знатности своего рода и народа, побудила, на примѣръ, еще перваго Рускаго митрополита выразиться о предшествовавшихъ Владиміру князьяхъ, что они «не въ хоудѣ и не въ искѣдомѣ земли владыествоваша, но въ Роускомъ, шже въдомѣ и слышаша естъ кѣмъ конци земли (129), а Царя Ивана Васильевича выводитъ свое происхожденіе прямо отъ Августа, Кесаря Римскаго. А и то можетъ быть, что она есть произведеніе того времени, когда давнымъ давно уже покорители Славянъ Мизійскихъ, Фракіійскихъ и Македонскихъ, Булгаре, «придоша отъ языка въ языкъ, и отъ цѣтви въ люди нитъ» (Исал. CIV, 13), слились съ покоренными и, слѣдовательно, сдѣлались Славянами, а по тому книжники, гдѣ ни начитывали это имя, видѣли въ немъ истыхъ Славянъ, а съ нимъ и имя родичей ихъ, Козарь и другихъ. Родство же тѣмъ и другихъ, чѣмъ далѣе отъ насъ въ древность, тѣмъ болѣе было еще свѣжо. Иначе, откуда же бы стали утверждать Ибн-Гаукаль, что «lingua Bulgarorum similis est linguae Chazarorum?» (130) А «lingua Chazarorum» вовсе ничего не имѣетъ сходнаго съ Турецкой и Персидской рѣчью: «а Turcica et

Persica dissert» (131). Впрочемъ, это рѣшать окончательно намъ только списки Паннонскаго Житія Кирилла болѣе древняго извода, нежели тѣ, какіе теперь имѣемъ у себя подъ руками, хотя, какъ сказано было уже разъ, въ Житіи Кирилла и Меѳодія, помѣщенномъ въ печатной «Книгѣ Житій святыхъ», извѣстіе объ обрѣтеніи Рускихъ писменъ въ Херсонѣ не находится—знакъ, что составитель его, пользовавшійся различными харатейными Четьями, которыя, по собственнымъ словамъ, лишь сократилъ, сомнѣвался уже въ справедливости онаго.

Всѣ прочія, сюда относящіяся, показанія частью глухо отзываются о *мѣстѣ* изобрѣтенія Кириллицы, частью многоходомъ, частью же вообще, частью не только ничего не говорятъ, но, судя по свойству и направленію сообщающаго показаніе, и не могли что либо сказать о немъ; наконецъ, есть и такія, которыя не называютъ по имени самое мѣсто, но оно само собою вытекаетъ изъ ихъ разказа. Къ первымъ тремъ разрядамъ относятся, изъ иностранныхъ: Житіе Климента, неизвѣстный историкъ обращенія въ Христіанство Баварцевъ и Хоруганъ, Бернардъ, оба Чешскіе черноризцы (Сазавскій и Опатовицкій или Градингскій), а изъ своихъ: Іоаннъ, ексархъ Болгарскій, сочинитель Похвальнаго Слова Кириллу и Меѳодію, и такого же одному Кириллу, Храбръ, Крупишнольское Житіе св. Владимира, Аноэлогіонъ или Цвѣтословъ и Никоновская Лѣтопись въ статьѣ «О преложеніи книгъ отъ Греческаго на Словенскій» (стр. 28). Къ четвертому: Посланія папы Іоанна VIII-го, Македонскій Апостолъ XII-го вѣка, Служба Меѳодію, краткія Булгарскія и Сербскія лѣточислительныя сказанія (Вратиславское, Сеченіевское, Рацкое и Черногорское), Рускіе Хронографы (Псковскіе и другіе). Предоставляя каждому провѣрить точность такого моего расpredѣленія по разрядамъ стѣхъ свѣдѣтельствъ касательно извѣстій ихъ о мѣстѣ составленія нашихъ писменъ, считаю нужнымъ сказать, однако же, нѣсколько словъ и самъ сдѣсь о нѣкоторыхъ изъ нихъ. Это относится собственно къ Похвальному слову Климента и Храброву Сказанію. Первый, говоря, что Кириллъ и Меѳодій въ западныхъ странахъ Паннонскихъ (т. е., Панноніи Задунайской, на западъ отъ Дуная, слѣдователь-

но, Коцеловомъ владѣніи) и Моравскихъ (т. е., обѣихъ Моравяхъ, Верхней и Нижней, по ту и по сю сторону Дуная простиравшихся), «просветителя буквъ вѣмъ», вовсе не утверждаетъ тѣмъ, чтобы егѣ послѣднія были тутъ изобрѣтены ими; наоборотъ, это составляетъ лишь повтореніе другими словами сказаннаго уже нѣсколько выше: «прѣидоста оттоудюу (послѣ пребыванія въ Козарахъ) на Западныхъ странахъ, бѣговѣтствоующа слово бѣни къ изымъ нокъ, и късь црѣквини законъ прѣложьша, ѿ Грьускаго къ свои нмъ изымъ прѣдста». Только такъ «просветляютъ буквъ вѣмъ». А второй (Храбръ) занимается не столько розыскомъ о мѣстѣ, сколько вообще повѣстью о способѣ изобрѣтенія письменъ Славянскихъ, ихъ составѣ, отношеніи къ первообразу своему и звукамъ, для коихъ предназначались, необходимостью ихъ и защитой отъ порицателей со стороны излишества и несовершенствъ, и, на послѣдокъ, лицомъ изобрѣтателя и временемъ составленія ихъ, а при пособіи ихъ, и прѣложеніемъ книгъ. Понятно, что тутъ вопросъ о мѣстѣ не входилъ въ соображеніе Храбра, конечно, по тому, что далеко меньше возбуждалъ, или и вовсе не возбуждалъ, ничего сомнѣнія, какъ всеѣмъ извѣстный, отъ того не подвергавшійся чьему либо нападенію, не вызывавшій любопытства. Впрочемъ, какъ онъ, такъ и многіе до него и послѣ него передававшіе сказаніе о происхожденіи нашей азбуки, обыкновенно начинали его указаніемъ на такое лице, котораго одно уже имя заключало въ себѣ непосредственный отвѣтъ и на самый вопросъ о мѣстѣ. Я разумѣю «Миханла цесаря Грьуска». Въ самомъ дѣлѣ, къ чему тутъ было еще указывать на мѣсто, гдѣ это случилось, когда все событіе излагалось съ такой обстановкой и подробностью, когда поименованы были кто, откуда, куда и за чѣмъ отправилъ посольство: «прилоуужесе къ ти днѣ Ростиславъ, князь Словѣнскъ, бѣгомъ оустинъ, съкѣтъ сътвори съ князи своими и Моравляны, послъ къ црѣю Миханлоу, гдѣ тако», и проч.? При томъ, въ обоихъ Паннонскихъ Житіяхъ, а отчасти въ Несторовой Лѣтописи и Итальянскомъ Сказаніи (Моравское Сказаніе или Вторая Легенда, по спасеніи предыдущаго съ послѣдующимъ, тоже не противорѣчить этому, и по тому скорѣе всего относится въ семь случаевъ къ одному разряду съ Итальянской), слово въ слово почти повторя-

ются самыя рѣчи пословъ, или же посланія, послѣ чего слѣдуетъ разсказъ, какимъ образомъ Греческій царь исполнилъ просьбу, т. е., черезъ кого и какъ Константинъ Философъ, прославившійся уже своимъ вѣроисповѣднымъ путешествіемъ къ Сарниціамъ и Козарамъ и, по сознанию царя, единственный человѣкъ, способный къ тому, склоненъ былъ поднять такое важное дѣло: «вѣтъ та трюдыи соуци, философе, по потреба ти тамо нѣтъ, сѣи бо рѣчь не можетъ нѣтъ никто же исправити, како же ты»; какъ онъ, наконецъ, «оумоленъ црѣмъ, сложи писмена и бесѣдоу състави (переводъ Евангелія отъ Іоанна), поути са нѣтъ Моравьскы, нонѣтъ Меѣодинъ». За чѣмъ же, послѣ всего этого, еще называть то мѣсто поименно, гдѣ все сіе происходило? Кто не видитъ и не знаетъ, что это былъ по преимуществу «Градъ Царей», какъ прекрасно называли его предки наши? Такимъ образомъ, два древнѣйшіе *источные* памятника представляютъ намъ самый обстоятельный отвѣтъ, какъ показало все доселѣшнее разслѣдованіе, также и на вопросъ, гдѣ именно слѣдуетъ полагать колыбель Славянскихъ писемъ. изобрѣтенныхъ Кирилломъ? Сдѣсь древнѣйшее есть и самое надежнѣйшее и основательнѣйшее, а потому, какъ такое, должно имѣть первенство передъ всѣми другими показаніями, далеко уступающими ему въ старинѣ и обстоятельности: «Contemnitur, quidquid a recentiore sine vetustioris auctoritate profertur».

ГЛАВА III.

Исторія вопроса.

Multum, crede mihi, refert, quo fonte bibatur.

Anonym.

Познакомившись, сколько возможно, обстоятельнѣе съ источниками изслѣдуемаго вопроса, а также разобравъ возрастъ ихъ, взаимное отношеніе и самыя показанія о лицѣ и мѣстѣ, то есть, *кому и гдѣ*, по всей вѣроятности, слѣдуетъ приписать составленіе Кирилловскаго письма, можно бы уже было, какъ говорится, наложить на него и послѣднюю руку, другими словами, приступить къ рѣшенію, *когда же* именно составлена наша азбука? Но, имѣя дѣло съ лѣточислительной задачей, нельзя обходить лѣточисленія; я хочу сказать етѣмъ, что, не касаясь еще пересмотра показаній разныхъ источниковъ о времени, въ которое явились Славянскія писмена, надобно изложить *исторію* этого вопроса, *кто, когда и какъ* рѣшалъ его, что сдѣлано другими до насъ и въ какомъ состояніи онъ теперь находится? Это необходимо сколько для того, чтобы просто удовлетворить человѣческому любопытству, желающему знать прошедшее лица, или предмета, съ которыми приходится поближе столкнуться, по по-

словницъ: «Скажи, съ кѣмъ водишься, и я скажу, кто ты таковъ!» столько и для того, чтобы, видя, какимъ судьбамъ подвергался изслѣдуемый предметъ, не дѣлать уже вновь, сдѣланнаго другими, стало, сберечь время, и, главное, схватить нить, съ которой должно начать дальнѣйшую работу, а черезъ то скорѣе и вѣрнѣе пристать къ берегу. Это же выкажетъ и разницу между нашимъ и чужимъ трудомъ, и тѣмъ опредѣлить относительное достоинство обонхъ.

Всѣ, писавшіе о Кириллѣ и Меѳодіи, больше или меньше касались и изслѣдуемаго вопроса; не смотря на то, не всѣ они подлежатъ едѣсь нашему разсмотрѣнію, но только тѣ, которые особенное вниманіе обращали на него, старались, но мѣрѣ силъ и средствъ, уяснить себѣ въ точности самый годъ этого событія, или, по крайности, подойти къ нему сколько можно ближе.

Первый, сколько мнѣ извѣстно, пытавшійся опредѣлить время изобрѣтенія Славянскихъ письменъ научнымъ образомъ, былъ ученый издатель Житія Кирилла и Меѳодія въ «Acta S. S.», отецъ *Геншенъ*, который въ замѣчаніяхъ, предпосланныхъ ему подъ числомъ 31, говоритъ, что слухъ объ обращеніи Козаровъ въ Христіанство, распространившійся между Славянами, достигъ и Ростислава, главнаго въ ту пору князя Моравскаго (который коегдѣ, кажется, назывался и Святополкомъ), а тотъ, видя народъ свой оставившимъ уже язычество и жаждущимъ Христіанства, отправилъ тоже пословъ къ императору Михаилу, моля его прислать ему того самаго славнаго учителя, Константина, который уже наставлялъ Козаровъ, чтобы, такимъ же образомъ, и его народъ научилъ. Просьба была уважена. Я полагаю, — продолжаетъ Геншенъ, — это случилось около 856 года, когда Михаилъ удалилъ мать и сестру отъ участія въ правленіи Государствомъ, а св. Игнатія отъ дружескаго общенія. Товарищемъ въ этомъ второмъ посольствѣ Константина былъ родной братъ его, Меѳодій. Годъ прибытія ихъ къ стольному городу, Виллеграду, опредѣляетъ первое Житіе ихъ по списку Дюшена, въ коемъ сказано, что они провели въ Моравіи четыре съ половиной года

и обратили весь народъ съ его государемъ. Послѣ того призвалъ ихъ въ Римъ папа Николай, и они, отправившись тотчасъ, пришли, однако туда только при папѣ Адрианѣ II-мъ, преемникѣ Николая, скончавшагося въ половинѣ ноября 867 года. «*Sparsus illico apud caeteras Slavinorum phylarchias rumor conversionis Chazarorum, ad Ratislaum praepotentem eo tempore Principem Moraviae (qui et Swantoplucus sive Sfen-tipulcus appellari alibi videtur), quum gentem suam videret ultro ab idolorum cultu recessisse, et Christianae fidei percipiendae avidam esse, legatos et ipse ad Imperatorem Michaëlem mittit, oratque, ut eximium illum doctorem Constantinum, qui Chazaros erudiisset, ad suam quoque gentem instruendam venire pateretur, quod sane haud gravate concessum. Id remur contigisse ante annum 856, quando Michaël et ab Imperii regimine matrem ac sororem, et se ab S. Ignatii familiari consuetudine removit, fraudulentis Bardae avunculi sui consiliis circumventus. Socius Constantino ad hanc secundam expeditionem germanus suus Methodius fuit. Quando ad regiam urbem Wil-legradum pervenerint Sancti, inde perspicui potest, quod in priore vita e codice Duchesnii, dicuntur annos quatuor et medium in Moravia permansisse, gentemque universam cum Rege convertisse. Dein Romam evocati a Nicolao Papa, statim iter susceperunt, neque eo peruenerunt, nisi Hadriano II Pontifice, qui Nicolao idibus Novembris 867 mortuo, suffectus erat.* Известный *Иаджи* (1624—1699), занимавшийся въ особенности лѣтоисчисленіемъ совмѣстно съ исторіей, въ своей «*Critica in Baronii annales*» (Antwerp. 1705; ed. 2-da Genev. 1727, 4 voll.), замѣчаетъ, подъ 863 годомъ (ч. 15), что Геншентъ ошибся, по тому что тогда Кирилль и Меодіи превели бы въ Моравію 10, если не больше лѣтъ, если они точно прибыли въ Римъ въ 867 году. А по тому приходъ ихъ въ Моравію онъ полагаетъ около 863 года, говоря: «*Quum Cyril-lus et Methodius in Moravia per annos quatuor et dimidium Evangelium disseminarint, annoque 867 Romam venerint, manifestum est, eos circa annum 863 Bulgariam reliquisse, et in Moravia perrexisse*» (loc. cit. et ad ann. 866. num. 2). Знаменитый Иос. Сим. *Ассемани*, въ III-мъ томѣ своихъ «*Kalend-aria Ecclesiae universae*», (Romae, 1755, pag. 120), приводя

мнѣнія обоихъ, названныхъ выше писателей, возражаетъ послѣднему тѣмъ, что, по его словамъ, держась Житіи Кирилла и Меѳодія, Моравцы приняли Христіанство отъ нихъ только послѣ крещенія Българскаго царя, Бориса, а это произошло лишь 865 года. «Verum, si Actis SS. Cyrilli ac Methodii fides est adhibenda, colligitur, Moravos Christianam fidem a Methodio ac Cyrillo non accepisse, nisi postquam Michaël Rex Bulgarorum Baptisma suscepit: adeoque id factum fuisset oportet anno 865». И ниже: «Quare, postquam Michaël Rex Bulgarorum a Methodio (ut supra dixi) ad Christi fidem conversus esset, Rastices, ejusdem Michaëlis ac Chazarorum exemplo incitatus, eundem Methodium ab Imperatore Graecorum Michaële ante annum quidem 866 expetiit, ut in Moraviam accedens se suumque populum Christiana fide imbueret» (pag. 122). Ровно черезъ 10-ть лѣтъ вышла въ свѣтъ 3-я часть «Примѣчаніи» Добнера на Чешскую лѣтопись Гайка: «Wenceslai Hagek a Liboczan Annales Bohemorum, plurimis animadversionibus historico-chronologico-criticis aucti» etc. (Pragae, 1765), въ коей, разбирая 12-й годъ правленія князя Неклана, онъ упоминаетъ тутъ и о случившемся въ это время въ сосѣдней Моравіи, т. е., какъ Нѣмецкій императоръ, Людвикъ, желая надежнѣе усмирить сына своего, Карломана, возмущившагося было противъ него съ Хорутанцами и другими, подвластными ему, народами, распустилъ слухъ, что онъ идетъ войной лично противу извѣстнаго врага Нѣмецкаго царства, Растца (или Ростислава), который въ то самое время вступилъ въ связи съ Българами, снѣшившими ему съ востока на помощь. Но угрозы Людвика остались только угрозами, да и Растцу было не до того, по тому что стѣ толпы Българъ были не столько воинственнаго, сколько болѣе мирнаго рода, хотя, конечно, и не безъ государственныхъ цѣлей. Это былъ годъ прибытія въ Моравію Константина и Меѳодія съ ихъ Българскими послѣдниками, то есть, Българскими и Греческими Славянами. Годъ этотъ—863-й, какъ справедливо означилъ его уже Паджи, поправляя ошибку отца Геншена: «Haec autem vera epocha est, annusque certus adventus SS. Cyrilli et Methodii in Moraviam. Recte enim adnotavit Pagius falsum esse Bollandum (Henschenium scribere voluit), dum existimavit

sanctos hos jam ante annum 856 ad Moraviam advenisse. Nam cum uterque vitae author dicat SS. Cyrillum et Methodium per annos quatuor et dimidium Evangelium in Moravia disseminasse, ac demum Romam concessisse jussu Nicolai Papae, qui eodem anno videlicet octingentesimo sexagesimo septimo demortuus est, *ducto calculo adventus ipsorum in Moraviam haud alio anno quam praesente (863) accidere potuit* (pag. 57 — 58). За симъ подтвержденіе того видимъ въ «Annales Francofuldenses» ad h. an., въ коихъ сказано, что Растицъ, по словамъ Людвига, какъ показано уже выше, «*imminet Francico Regno cum auxilio Bulgarorum ab oriente venientium*». Эта молва, конечно, опиралась на великолѣпномъ посольствѣ Восточнаго императора къ Ростиславу, въ коемъ находились просимые имъ учителя истинной Вѣры и наставники въ законѣ, сопровождаемые многочисленными Българскими и Греческими Славянами. Последнее оправдывается показаніемъ Блаубейрнскаго Сказанія (Второй или Моравской Легенды): «*Egressus itaque primo venit ad Bulgaros, quos divina gratia cooperante sua praedicatione convertit ad fidem. Abinde autem procedens, venit in terram Moraviae*». А что дѣйствительно въ это время Моравцы просвѣтились снова Христіанствомъ (послѣ принятія большей частью его изъ рукъ Латино-Нѣмецкаго духовенства, случившагося 40 — 50 лѣтъ передъ тѣмъ), доказательство тому Добнеръ находитъ въ «Annales Weingartenses», въ коихъ, подъ етѣмъ же годомъ, сказано: «*Gens Hunnorum Christianitatis nomen aggressa est*». Подъ Гунами, въ то время уже давно не существовавшими, нельзя разумѣть Аваровъ, родичей ихъ, то же совершенно потерявшихся послѣ разгрома ихъ Карломъ Великимъ, слѣдовательно, должно разумѣть Моравскихъ Славянъ, занявшихъ всѣ ихъ Задунайскія владѣнія: «*Moravos in omnes Transdanubianas Hunnorum regiones sese immisisse*». Напоследокъ, Добнеръ опровергаетъ мнѣніе Ассемани, упомянутое выше, спрашивая: если Кирилль и Меодій были около 866 года при Дворѣ Българскомъ, то по чему же не говорится о нихъ ни въ посланіи Бориса къ папѣ Николою I-му, ни въ отвѣтахъ послѣдняго, ниже въ другихъ письмахъ къ нему и вельможамъ его? Пришедши же въ Моравію около этого года,

сколько оставалось имъ пробыть въ ней, если черезъ годъ, по словамъ самаго Ассемани, должны были спѣшить въ Римъ? Изъ всего этого открывается, что честь опредѣленія 863 года принадлежитъ, собственно, Паджи, а не Добнеру, какъ ошибочно замѣтилъ Шлѣцеръ (132), а за нимъ и другіе: первый не потрудился навести справки словамъ Добнера, по скольку тутъ его, и по скольку Паджи, а послѣдніе и подавну не стали себя беспокоить такой малостью, вѣря безусловно въ непогрѣшимость Шлѣцера, тѣмъ болѣе, что онъ самъ же признавался, что всѣми данными для своей X-й главы, въ которой разсматриваетъ Жизнь Кирилла и Меѳодія, и которой столько былъ доволенъ, что не могъ удержаться, чтобы прежде всего самъ не похвалить ее (тамъ же, стр. 241, Руск. пер. стр. 579), обязанъ особенно Добнеру (133), который ничего существенно не прибавилъ къ Паджи, а тѣмъ менѣе прежде всѣхъ проложилъ путь къ рѣшенію этого вопроса посредствомъ вѣрныхъ соображеній. Етъ соображенія, отъ перваго до послѣдняго, принадлежать не ему, и онъ, какъ совѣстливый изслѣдователь, ни мало не присволяетъ ихъ себѣ, но именно указываетъ на того, кому они принадлежатъ, и почти его словами излагаетъ ихъ. Отъ того, какъ Шлѣцеръ, такъ и повѣрившіе ему на слово, ничего не сдѣлали для рѣшенія нашего вопроса, удовольствовавшись ссылкой на другихъ (134). Сюда принадлежатъ: *Исторіографъ нашъ*, который говоря, въ изложеніи «Исторіи Государства Россійскаго», объ изобрѣтеніи азбуки Кирилломъ и Меѳодіемъ, отправленными Греческимъ императоромъ, Михаиломъ, въ Моравію къ тамошнимъ Христіанскимъ князьямъ для перевода церковныхъ книгъ съ Греческаго языка (135), въ 261-мъ примѣчаніи, относящемся къ этому, выписываетъ сжато изъ «Книги Житій» рассказъ, подъ 11-мъ (а не 15-мъ, какъ у него поставлено) маѣ, о дѣйствіяхъ того и другаго, слѣдовательно, и о четырехлѣтнемъ пребываніи ихъ въ Моравіи, и прибавляетъ отъ себя: «Ежели Константинъ и братъ его жили въ Моравіи 4 года (въ Житіи Четырехъ-Мисен печатной): «оумеданша же тамо лѣтъ четирѣ и вацше» (136), и пріѣхали въ Римъ скоро по смерти Николая IX (137), то Славянская грамота изобрѣтена ими въ 863 году: ибо сей папа умеръ

въ 867». Между источниками, на которыхъ основанъ онъ такое свое мнѣніе, приведены Дюбнеръ и Шлѣцеръ, въ которыхъ этотъ годъ означенъ, между тѣмъ какъ въ другихъ, тутъ же поименованныхъ (*Acta Sanctorum IX Mart.* и *Io. P. Kohlii Introductio in historiam et rem literariam Slavorum. Altonaviae, 1729, cap. II*) рядомъ, выставленъ совсѣмъ другой. Почти тоже самое утверждаетъ и незабвенный митрополитъ нашъ, *Евгеній*, излагающій въ очеркѣ дѣйствія Кирилла и Меѳодія по печатному Житію ихъ (особенно обратившему на себя вниманіе нашихъ изслѣдователей послѣ извѣстнаго отзыва о немъ Шлѣцера, совершенно справедливаго, такъ какъ въ сущности и большей частью оно составляетъ свободный рассказъ со словъ Паннонскаго Житія Кирилла, что только теперь уяснилось намъ, когда послѣднее съ Житіемъ Меѳодія какъ бы вновь найдено) и ссылающійся при семъ на Шлѣцера: «Императоръ Михаилъ посылалъ его (Кирилла) къ Сарацинамъ на рѣку Евфратъ для оправданія Вѣры Христовой, а потомъ, вмѣстѣ съ братомъ, къ Козарамъ, для обращенія ихъ ко Христу, и, наконецъ, около 863 г., когда Моравскіе князья, Ростиславъ, Святополкъ и Коцель прислали въ Константинополь просить себѣ Христіанскихъ учителей, то по сему случаю отъ Императора и Константинопольскаго духовенства отправлены были къ нимъ оба брата, Константинъ и Меѳодій, первый, яко знатокъ многихъ Восточныхъ языковъ, а послѣдній свѣдущій наипаче въ Славенскомъ. Несторъ и многіе Западные писатели согласно свидѣтельствуютъ, что они изобрѣли Славенскія буквы и первые перевели на Славенскій языкъ Священное Писаніе и церковныя книги. Въ ихъ Жизнеописаніи, помѣщенномъ въ Четвѣрхъ-Минейхъ, подъ 11-мъ ч. мая, сказано, что они до отъѣзда къ Моравамъ въ Константинополь изобрѣли Славенскую азбуку, изъ 38 писменъ составленную, и тамъ начали переводить на Славенскій языкъ для опыта первое Евангеліе отъ Іоанна. Хотя труды ихъ были общіе, по азбука Славенская прозвана *Кирилловою*, можетъ быть, по тому, что Кириллъ, по своему знанію многихъ Восточныхъ языковъ, выбралъ изъ оныхъ для Славенскаго языка буквы, недоставшія въ Греческой азбукѣ, а Меѳодій больше его

трудился въ переводѣ книгъ. Ибо Константинъ или Кириллъ только 4 съ половиною года былъ съ братомъ въ Моравіи, а послѣ отшелъ къ Болгарамъ, или, какъ Шлецеръ думаетъ, въ Римъ и около 869 или 871 г. по вычисленію Шлецера, а по мнѣнію Миллера 868 г. въ Римѣ скончался» (138). К. *Калайдосичъ*, въ самомъ изложеніи изслѣдованія своего объ Іоаннѣ Ексархѣ Болгарскомъ, говоритъ: «Когда около 863 года Моравскіе князья, Ростиславъ, Святополкъ и Коцель, незадолго предъ тѣмъ принявшіе святое крещеніе, просили у Греческаго Императора Михаила наставниковъ, которые могли бы имъ, какъ пишетъ Несторъ, сказать книжная слова и разумъ ихъ: то Михаилъ, по совѣту съ своими учеными, отправилъ къ Словенамъ двухъ братьевъ, Константина и Меодія, какъ свидущихъ въ языкѣ Словенскомъ. Они прибыли въ Моравію, изобрѣли особенный алфавитъ, образованный по Греческому, и предложили сперва необходимыя для богослуженія книги. Слѣдуя согласному показанію, должны мы приписать честь изобрѣтенія Словенской азбуки блаженному Кириллу, коего именемъ она и доселѣ называется. Послѣдующіе труды, состоявшіе въ переводѣ съ Греческаго на Словенскій языкъ, должны принадлежать имъ совокупно. Константинъ во время пребыванія въ Моравіи, продолжавшагося, кажется, около четырехъ съ половиною лѣтъ, положилъ только начало знаменитыхъ трудовъ», и проч. (139). А въ 7-мъ примѣчаніи къ стѣмъ словамъ прибавляетъ: «Въ которомъ году случилось сіе достопамятное происшествіе (т. е., изобрѣтеніе азбуки), навѣрно не знаемъ. Посольство въ Константинополь, около 863, у насъ показано по *соображеніямъ Добнера*; а монахъ Храбръ увѣряетъ, что изобрѣтеніе азбуки послѣдовало въ лѣто отъ созданія всего міра 7578 (855). Но на чемъ это основано?» (140). Сверхъ того, въ примѣч. 3-мъ, оговаривается такъ: «И Шлецеръ догадывается, что трое Князей должны въ 861—864 г. отправить посольство въ Константинополь» (141). Не смотря на согласіе *Калайдовича* въ годѣ съ предшественниками своими, какъ черпавшаго изъ одного съ ними источника, въ немъ пробивается уже другое мнѣніе на счетъ мѣста составленія письменъ, которымъ Евгенийъ, слѣдуя Четь-Минейному печат-

ному Житію, считаетъ Константинополь, а онъ Моравію, держась въ етомъ словъ Нестора; впрочемъ, о годѣ, имъ же открытаго и обнародованнаго, замѣчательнѣйшаго списка Храброва Сказанія (1348 г., трудъ таха священноиннока Лаврентія), выражается съ недоумѣніемъ. Но далѣе всѣхъ зашелъ въ етомъ дѣлѣ Орестъ *Посицкій*, который, въ сочиненіи, писанномъ имъ 1835 г., какъ Э. Ор. профессоромъ еще Кіевской Духовной Академіи, «по задачѣ митрополита Евгенія и съ одобренія его напечатанномъ Академіей на счетъ суммы, пожертвованной имъ для изданія Академическихъ сочиненій по предмету Русскихъ древностей», именно «О первоначальномъ переводѣ Священнаго Писанія на Славянскій языкъ», замѣчательномъ, какъ первомъ опытѣ, многими удачными соображеніями, основанными на источникахъ, хотя не всегда изъ первыхъ рукъ, напротивъ, частенько изъ десятыхъ, который, говорю, въ сочиненіи етомъ, перебравши разныя мнѣнія разныхъ писателей о переводѣ Св. Писанія на Славянскій, и отдавая въ заключеніе преимущество, приписывающимъ его Кириллу и Меодію, восклицаетъ, подъ конецъ: «Теперь недостаетъ только прямого указанія, въ какомъ именно году Кириллъ и Меодій начали дѣйствовать на своемъ поприщѣ. Несторъ ничего здѣсь не опредѣляетъ, кромѣ того, что Моравскіе Князья отправили посольство къ Императору Михаилу (см. Шлецера), по чему и должно ограничиться временемъ отъ 857 года (съ котораго Θεодора уже не участвовала въ правленіи) до 867, когда Михаилъ былъ убитъ. Но въ которомъ именно году Кириллъ и Меодій приступили къ своему дѣлу? Монахъ Храбръ увѣряетъ, что изобрѣтеніе азбуки послѣдовало въ 855 (855). На чемъ основано это сказаніе—неизвѣстно (см. Калайдовича выше). *Добнеръ*, посредствомъ *вѣрнаго соображенія*, прежде всѣхъ проложилъ путь къ разрѣшенію етого вопроса: онъ обращаетъ вниманіе на Легенду Блаубейернскаго монастыря», и проч., и перечисляетъ мнимыя соображенія Добнера со словъ Шлецера, на котораго во всемъ етомъ и ссылается, и послѣ того заключаетъ: «слѣдовательно, прибытіе Кирилла и Меодія въ Моравію должно полагать около 863 года. *Вычисленіе Добнера имѣетъ всѣ признаки истины*; оно совершенно

по согласно съ жизнеописаніемъ этихъ святыхъ въ Четьи-Минен (см. міѣніе Евгенія выше), не противорѣчитъ также сказаніямъ Нестора и догадкѣ Шлещера (см. тоже Калайдовича), который полагаетъ, что они отправились не задолго до смерти Императора Михаила, и, наконецъ, принято всѣми лучшими знатоками Славянской древности», и тутъ же, въ выноскѣ (63-й), указаніе на Карамзина и Евгенія, стало быть, далеко не всѣми (142). Такъ-то не рѣдко ошибка одного ученаго съ вѣсомъ расплывается, въ теченіи времени, отъ нашей довѣрчивости въ его безошибочность и совѣстливости въ передачѣ чужихъ міѣній, и такъ-то многіе изъ колѣна въ колѣно передаютъ ложныя показанія и ссылки другихъ, не имѣя возможности, или же лѣнясь, провѣрить ихъ по самымъ источникамъ. Что у Шлещера, по недоразумѣнію, сказано о Добнерѣ вмѣсто Паджи, и принадлежащее послѣднему отнесено къ первому, то, въ продолженіе 30 лѣтъ (за исключеніемъ одного Добровскаго, который, говоря объ этомъ, всюду приводитъ имена обоихъ, Паджи и Добнера, на прим., въ объясненіяхъ «Mährische Legende» (S. 93): «Da sie nun im Jahre 867 nach Rom gingen, so schloss schon Pagi und Dobner, dass die slawischen Lehrer im Jahre 863 nach Mähren gekommen wären», а ниже (S. 94) только объ одномъ Паджи: «Nach Pagi, der die Taufe des Königs Bogoris in das Jahr 861 setzt, zogen beide Brüder aus der Bulgarey 863 nach Mähren, wo sie volle fünfthab Jahre bleiben konnten»), пока дошло до сочинителя о первоначальномъ переводѣ Св. Писанія на Славянскій языкъ (съ 1805 года, когда явилась 3-я часть Шлещерова Нестора, до 1835, когда написано упомянутое изслѣдованіе), обратилось уже въ нѣкотораго рода непреклонную истину, по которой Добнеръ и «прежде всѣхъ-то проложилъ путь къ разрѣшенію этого вопроса посредствомъ вѣрнаго соображенія, и вычисленіе-то Добнера имѣетъ всѣ признаки истины», и проч., и проч., и проч., небывалое, то есть, въ головѣ добросовѣстнаго въ этомъ случаѣ священника св. Екатерины (P. Gelasius Dobner a S. Catharina instituti scholarum prius sacerdos). Къ большому изумленію моему, и сочинитель «Исторіи Христіанства въ Россіи до равноапостольнаго Князя Владиміра» введенъ былъ въ заблуж-

деніе словами Новицкаго, что доказывается ссылкой его на однихъ и тѣхъ же писателей, какъ принимающихъ его мнѣніе (143): «Такое вычисленіе первый сдѣлалъ Добнеръ (см. Несторъ, слѣд. Шлецеромъ, ч. II, стр. 448). Подобно ему, етогъ же 863 годъ признаютъ временемъ прибытія Солунскихъ братьевъ въ Моравію и другіе знаменитые ученые (Ист. Гос. Росс. Карамзина ч. I, прим. 261.—Словарь историческ. о духовн. писат. въ Россіи, М. Евгенія, ч. II, стр. 57, 1827 г.)» (144).

Въ то время, когда мнѣніе Паджи, приобрѣтая больше и больше приверженцевъ, стояло въ зенитѣ своемъ и, казалось, все общало ему долготѣіе, оно уже заносило ногу на первую ступеньку лѣстницы, ведущей съ вершины подъ гору. Первое сѣмя къ тому посѣяно было самымъ Калайдовичемъ, отыскавшимъ новый и, относительно письма, до сихъ поръ старѣйшій списокъ Храброва Сказанія о письменехъ, которое вызвало у него одно только простосердечное признаніе въ томъ, что онъ не знаетъ причинъ, на коихъ основано ето сказаніе о совершенно иномъ годѣ изобрѣтенія Славянской азбуки. Въ сущности, извѣстіе ето было не новость. Уже въ послѣдней четверти XVI-го столѣтія оно (сказаніе) было напечатано, и по томъ нѣсколько разъ и при разныхъ случаяхъ появлялось въ печати (какъ ето показано мною въ одномъ изъ примѣчаній), о рукописной же извѣстности его нечего и говорить; едва ли есть сколько ни будь замѣчательное собраніе рукописей, въ которомъ бы не нашлось нѣсколькихъ списковъ его, хотя, должно признаться, древнѣе сдѣланнаго Лаврентіемъ тахомъ доселѣ не отыскано. Подобно Калайдовичу, и Карамзинъ не обратилъ на показаніе Храбра никакого вниманія: такъ сильно было вліяніе мнимо Добнеровскаго вычисленія, и, прибавлю, такъ велико въ ту пору отсутствіе у насъ перваго самостоятельнаго шага при всякомъ открытіи, стоявшемъ въ явномъ противорѣчіи съ прежнимъ порядкомъ вещей. Исторіографъ удовольствовался только слѣдующимъ извѣстіемъ, въ 260-мъ примѣчаніи къ 1-й части своей И. Г. Р.: «Одинъ Лѣтописецъ Россійскій среднихъ временъ, повторяя Несторово извѣстіе о буквахъ Кирилловыхъ, прибавляетъ: «прежде жео Словени не пишаху писемъ, но наугертаныи и нарязаныи хитаху и гдадаху» (см. въ

Синод. библиотекъ рукописн. книгу *О древностяхъ Россійск. Государства*, подъ № 529, Т. I, кн. 2). «Тожѣ извѣстiе найдено Г. Калайдовичемъ въ сочиненiи монаха Храбра о писменахъ, гдѣ сказано: «Прежде убо Словени не имашу книгъ, но урѣтани и рѣзани устеху и гатлаху, погани суще». Сiе сочиненiе внесено въ книгу (въ Синод. библиотекѣ подъ № 85), писанную въ 1348 году для Болгарскаго Царя Александра Иеромонахомъ Лаврентіемъ Тахомъ. Александръ извѣстенъ намъ по Исторiи: онъ умеръ въ 1350 году». Изъ стѣхъ словъ ясно, что писавшій ихъ не читалъ Сказанiя о письменехъ ни гдѣ: ни у Бурцова, ни у Новикова, рѣшительно ни гдѣ, даже и послѣ открытiя списка Лаврентiя, которому, въ видѣ фамилии или прозвища, придалъ слово тахъ, написавъ первую букву его прописью. Это подтверждается и словами его, въ слѣдующемъ примѣчанiи (261), сказанными объ Іоаннѣ Ексархѣ Болгарскомъ: «Я обязанъ Г. Калайдовичу слѣдующимъ любопытнымъ извѣстiемъ», и проч.: стало, самъ историографъ сочиненiя Іоанна, ексарха Болгарскаго, не читалъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и списка Храброва сказанiя о письменехъ, сдѣланнаго Лаврентіемъ тахомъ. Это и понятно, по тому что 2-е изданiе своего неопѣнненнаго творенiя Карамзинъ началъ въ 1818, а сочиненiе Калайдовича показалось только въ 1824 г., когда тотъ отпечаталъ уже XI-тъ томовъ (XII-й вышелъ въ 1829) и, больной, помышлялъ о переселенiи подъ другое небо.

Первый, выступившій съ мнѣніемъ, противоположнымъ господствовавшему дотолѣ, былъ знаменитый *Добровский*, который еще въ 1818 г., въ своей «Исторiи Чешскаго языка и древней словесности» (145), утверждалъ, что «письменное искусство было вовсе неизвѣстно Славянамъ до счастливаго изобрѣтенiя Славянскаго азбуки философомъ Константиномъ или Кирилломъ» (стр. 38), и что, по тому, нельзя и думать о первомъ до принятiя Христiанства, т. е., до 845 года, а о второй до Кирилла, т. е., до 860 (стр. 45). Въ «Грамматикѣ языка Славянскаго по древнему нарѣчiю, на коемъ Русскіе, Сербы и другіе Славяне Греческаго исповѣданiя имѣютъ церковныя книги» (146), только нѣсколько видоизмѣнилъ его, говоря, что Меводій, вызванный въ Моравію и Паннонію

около 863 года, по изобрѣтеніи Славянской грамоты, какъ говоритъ неизвѣстный объ обращеніи Хорутанцевъ, начавъ отправлять богослуженіе на языкѣ Славянскомъ, охладилъ народъ въ привязанности къ литургіи, Евангелію и церковному обряду на Латинскомъ языкѣ» (§. 2). Но спустя годъ онъ уже совѣмъ не то заговорилъ. Видно, что мнѣніе это не вдругъ сложилось у него, по тому онъ всякой разъ, какъ приходилось ему вести рѣчь о годѣ изобрѣтенія Кириллицы, отдѣлялся отъ него либо молчаніемъ, либо же допускалъ время, довольно близко подходившее къ господствовавшему въ ту пору мнѣнію. Съ новымъ предположеніемъ онъ выступилъ въ первый разъ въ сочиненіи своемъ «Кириллъ и Меѳодій, апостолы Славянъ», какъ замѣчено было уже, помѣщенномъ въ VIII-й части «Изслѣдованій Чешскаго ученаго Общества за 1822 и 1823 годы, а издавнаго 1824, отдѣльно 1823 (147). Сдѣсь, приводя и разсматривая позднѣйшихъ писателей объ изобрѣтеніи Славянскаго письма и переводѣ книгъ съ Греческаго Константиномъ, Добровскій упоминаетъ и о Храбровомъ извѣстіи, не называя, однако, имени самаго сочинителя: «Скажиѣ, како состави Св. Кирилъ Философъ азбуку по азукѣ Словенскѣ и книги преведе отъ Грецескихъ ил Славенскихъ азукъ,» которое попадается не только въ рукописяхъ, но и напечатано въ двухъ старинныхъ букваряхъ». За тѣмъ приводитъ изъ сего сказанія то мѣсто, въ коемъ говорится о времени составленія письменъ: «Аще бо въпросиши книгунѣ», и проч., до конца, и, въ видѣ заключенія, дѣлаетъ таковъ выводъ: «ето будетъ 855 годъ, что согласно и съ истиною, хотя прочія числа не совѣмъ вѣрно показаны». Эта невѣрность прочихъ чиселъ въ Рускомъ переводѣ кажется странною, по тому что, въ приведенной выпискѣ изъ Сказанія, мы ихъ не видимъ; но дѣло въ томъ, что переводчикъ приводитъ ее по списку, отысканному Калайдовичемъ и напечатанному годомъ позже выпуска въ свѣтъ сочиненія Добровскаго, въ которомъ число етѣхъ нѣтъ, между тѣмъ какъ послѣдній выписываетъ по списку, напечатанному въ одномъ изъ старинныхъ букварей, въ коихъ мѣсто, содержащее опредѣленіе времени изобрѣтенія письменъ, такъ читается: «и аще въпросиши, въ кое время, то вѣдать и рекоуть, яко по сед-

момъ Соборѣ, въ .мѣ. лѣто, во времена Михаила цѣа Греческаго и матери его Феодоры, иже пражковѣрною вѣроу оутвердиста», и т. д., согласно въ существенномъ съ прочими. Такимъ образомъ, несообразительность переводчика поставила знаменитаго ученаго передъ Русскими читателями въ противорѣчіе съ самимъ собою: услужливость, за которую, конечно, никто не чувствуетъ обязаннымъ себя благодарностью сдѣлавшему ее. Но безъ этой неволькой услуги, слѣдующія за тѣмъ слова Добровскаго, кажущіяся при ней безсмысленными, имѣютъ свой смыслъ и свое значеніе: «такъ 44 годъ послѣ седьмаго Собора соотвѣтствуетъ 831, а не 855 году, а Коцель вступилъ на престолъ по смерти отца своего, Привины, позднѣе 855 года». Три года спустя (1826), въ изслѣдованіи своемъ о «Моравскомъ Житіи (Legendѣ) Кирилла и Меѳодія», изданномъ имъ, какъ замѣчено уже, по древнѣйшимъ рукописямъ и сличенномъ съ другими сказаніями (напечатанномъ тамъ же и такъ же, какъ и изслѣдованіе о Кириллѣ и Меѳодіи), Добровскій, въ «Лѣтописномъ обзорѣнн» къ этому Сказанію, вторично приурочиваетъ изобрѣтеніе азбуки къ упомянутому году: «855 Konstantin, der Philosoph, sonst Cyrill, vermehrt das griechische Alphabet mit einigen Zügen und richtet es für die slawonische Sprache ein, wahrscheinlich zu Konstantinopel, und fängt an die Evangelien, den Psalter, aus dem Griechischen in Slawonische zu übersetzen» (S. 53). Далѣе, говоря подъ 862 — 863 о посольствѣ Ростислава въ Царьградъ за наставникомъ или учителемъ Вѣры, тоже упоминаетъ объ этомъ, какъ о дѣлѣ, вызвавшемъ отчасти самое посольство: «862 — 863 verlangt Rastislaw vom Kaiser Michael einen tauglichen Lehrer, der die Mähren im Lesen unterrichten könnte», и прибавляетъ: «Вѣроятно, Растиславъ слышалъ объ изобрѣтеніи Константиномъ Славянской азбуки и его переводахъ; въ слѣдствіе требованія его Константинъ и, братъ его, Меѳодій, были отправлены въ Моравію: «Wahrscheinlich hörte Rastislaw von Konstantins Erfindung des slawonischen Alphabets und seinen Übersetzungen. Nach Mähren werden nun Konstantin und sein Bruder Method gesendet» (S. 54). Надобно замѣтить, что мысли Добровскаго о посольствѣ Ростислава и прибытіи Константина и Меѳодія къ нему давно уже установились и почти

ничего не потеряли во все время его жизни. Такъ еще въ изслѣдованіи своемъ о крещеніи Чешскаго князя, Боривою, явившемся въ 1803-мъ году (и помѣщенномъ, какъ и названный выше, въ Трудахъ Чешскаго Ученаго Общества, и отдѣльно), въ Хронологической таблицѣ (S. 60) отнесъ онъ первое къ 862, а второе къ 863-му году: «Rastislaw, Swatopluk, Hezilo bitten den Kaiser Michael um einen Lehrer, der ihr Volk besser unterrichten könnte, als es die teutschen Priester bisher gethan haben.... um 862. — Cyrill und Method kommen nach (Pannonien und) Mähren 863».... (148). Не смотря на то, онъ, при всякомъ случаѣ, охотно распространялся объ этомъ посольствѣ и причинахъ его (предполагаемыхъ имъ), между которыми всегда отводилъ первое мѣсто изобрѣтенію письменъ, предложенію книгъ съ Греческаго на Славянскій и отправленію богослуженія на семь послѣднемъ. По крайности, разбирая извѣстія издавнаго имъ Моравскаго Сказанія, нѣсколько разъ разсуждаетъ о томъ, на примѣръ, на стр. 85—86: «Das Wahrscheinlichste ist, dass Konstantin *jetzt* (послѣ возвращенія отъ Козарь въ Константинополь: «Philosophus reversus est Constantinopolim» etc.), wo nicht schon *vor der Mission zu den Chasaren, das slawonische Alphabet erfand*, den Anfang mit der Uebersetzung der Evangelien und des Psalters machte, die slawonische Liturgie an den Grenzen von Macedonien und der Bulgarey einfuhrte, von welcher Anstalt sich der Ruf unter den slawischen Völkern verbreitete, bis er endlich auch zu den Ohren des mährischen Fürsten Rastislaw drang». Нѣже, стр. 92—93: «Sie (Konstantin und Method) brachten nicht nur die ins Slawonische übersetzten Evangelien dahin (nach Mähren) mit, sondern sie mussten auch schon mit dem Messbuche (Liturgiarion) und dem Stundenbuche (Horologion, Часословъ,) versehen seyn.... Wenn nun nach dem Zeugnisse des bulgarischen Mönches Chrabr in seiner Schrift von den slawonischen Buchstaben (о писменехъ) Konstantin der Philosoph das Alphabet im Jahre 855 (wo nicht vielleicht schon *vor der chasarischen Mission, doch gewiss einige Jahre vor der Reise nach Mähren*) erfunden und die ersten Uebersetzungen unternommen, so geschah diess zum Behufe der Slawen, die zwischen Konstantinopel und Thessalonich wohnten und die Bulgaren berührten, von wo aus sich die slawo-

nische Liturgie und Literatur allmählich weiter, endlich bis an die Donau und über die Donau verbreitete. Daher ist der im Nestor Kapitel X. eingeschobene Bericht, nach welchem der Ursprung der slawonischen Literatur nach Mähren versetzt wird, ganz und gar nicht richtig. Und es ist allerdings zu billigen, dass die neue russische Legende (Житіе въ печатной Четьи-Минее, по его мнѣнію, новѣйшаго происхожденія, по тому что источники его были ему и многимъ другимъ до нашего времени неизвѣстны) hierin von diesem Berichte abweicht, und dafür annimmt, *Konstantin habe vor der Sendung nach Mähren das slawonische Alphabet zu Konstantinopel erfunden, und mit solchem die griechischen Bücher zu übersetzen angefangen*. Стало быть, Добровскій, судя по всѣмъ егѣмъ выпискамъ, хотя и пустилъ въ ходъ новое мнѣніе о времени изобрѣтенія Славянскихъ письменъ, оперши его на Сказаніи Храбра, однако жъ, утверждать оное не безусловно, по тому что не разъ ослаблялъ такое предположеніе другимъ соображеніемъ, по коему его могло случиться либо передъ отбытіемъ Константина въ Козары, либо послѣ возвращенія его оттуда, и при томъ за нѣсколько лѣтъ до отъѣзда въ Моравію. А посольство къ Козарамъ онъ допускалъ, основываясь на словахъ Ассемани (II, pag. 371), въ то время, когда Петронъ, возвратясь отъ Козаръ, къ коимъ посланъ былъ, по прошенію ихъ кагана, Греческимъ императоромъ, для построенія столицы, Саркела, присовѣтовалъ отправить въ Херсонъ отдѣльнаго начальника, что и было возложено на него самого, 840 года. Съ нимъ, будто, Константинъ посланъ былъ для проповѣди Евангелія. Такое мнѣніе Ассемани и Добровскій легко могли допустить, не зная настояще года рожденія Константина, который сдѣлался намъ извѣстнымъ только изъ показанія Паннонскаго Житія его, гдѣ читаемъ, что онъ на 7-мъ году началъ учиться грамотѣ, на 14-мъ осиротѣлъ по смерти отца, а на 24-мъ отправленъ былъ для состязанія съ Сарацинами о Вѣрѣ къ князю ихъ, Амерману: все это говоритъ, что онъ родился въ 827 году, слѣдовательно, долженъ былъ бы по 13-мъ г. проповѣдывать Козарамъ (840), а Сарацинамъ въ 851, и при томъ послѣ Козаровъ, что явно противорѣчитъ какъ упомянутому Житію его, такъ и прочимъ свѣдѣніямъ о немъ. Если бы Добров-

скій не увлекался предубѣжденіемъ противу Житія Кирилла и Меодія въ нашей печатной Четыр-Минен, сравнивая послѣднюю въ достоинствѣ съ Acta SS. Католиковъ, кажется, больше вопреки Шлѣцеру, чрезвычайно, какъ извѣстно, цѣнившему ее и поставившему далеко выше послѣднихъ, то бы легко могъ избѣгнуть такой лѣточислительной несообразности, по тому что въ етомъ Житіи сказано также и о началѣ ученія его по 7-мъ году отъ рожденія. Зная же это, равно какъ и годъ кончины Кирилла, который Добровскій довольно близко означалъ (868), легко уже было найти и самый годъ его рожденія, стало, и годъ путешествія въ Козары и т. п. (149). По тому, изобрѣтеніе грамоты Славянской слѣдовало бы отнести, по крайней мѣрѣ, къ 12-му году жизни Константина (839), что, очевидно, нелѣпо. Второе же предположеніе, т. е., что она изобрѣтена имъ за нѣсколько лѣтъ до отъѣзда въ Моравію, слишкомъ неопредѣленно; по всей вѣроятности, онъ тутъ разумѣлъ 855-й годъ; иначе, не сталъ бы указывать на него по Сказанію Храбра о писменехъ. Сличая приведенное имъ мѣсто изъ етого сказанія въ сочиненіи «Кирилль и Меодій» съ помѣщеннымъ въ Азбукѣ, изд. въ Вильнѣ 1621 и у Бурцова въ Москвѣ 1637, равно какъ у Новикова и Калайдовича, открываемъ, что мѣсто это выписано Добровскимъ изъ Букваря «Начало ученія дѣтемъ», который, по его словамъ, далеко древнѣе названныхъ, по тому что напечатанъ, будто, въ Вильнѣ 1575—1580, и уцѣлѣлъ только въ одномъ экземплярѣ, принадлежащемъ маіоратской библіотекѣ графовъ Ностицевъ въ Прагѣ, а не изъ Древней Россійской Вивлюевки, изд. Новиковымъ (М. 1791, изд. 2-е), части XVI-й, или разныхъ рукописей, какъ полагали то нѣкоторые (150). Слѣсь сочиненіе это означено: «Сказаніе, какъ состави Св. Кирилль Философъ азбуку». Но и изданіе найденнаго Калайдовичемъ списка Храброва Сказанія было ему извѣстно, какъ это видно изъ его отзыва о томъ въ «Mährische Legende von Cyrill und Method» (стр. 75—76), хотя онъ и не употребилъ его нигдѣ въ дѣло.

Шаткость мнѣнія Добровскаго касательно года изобрѣтенія Славянскихъ письменъ, основаннаго на Сказаніи черно-

рица Храбра, по видимому, устранена была стасливо и навсегда *Шафарикомъ*, который, принимая доводы его, подтвердилъ ихъ еще новыми соображеніями. Разбирая жизнь и дѣйствія нашихъ апостоловъ, Шафарикъ, естественно, долженъ былъ обратить особенное вниманіе и на нашъ вопросъ. Нѣсколько разъ разсуждаетъ онъ о времени изобрѣтенія Славянскихъ писемъ: именно, прежде всего, по поводу рѣчи о крещеніи Болгарскаго государя, Бориса: «Славяне Греціи задолго уже до Кирилла и Меѳодія были крещены и употребляли Греческое письмо, точно такъ, какъ Славяне Хорватскіе, Хорутанскіе и Чешскіе Латинское, обращенные тоже въ Христіанство еще до Меѳодіева апостольства. Сюда принадлежить и то, также, что Константины, по самому достовѣрному свѣдѣтельству Храбра и Сербскихъ лѣтописей, составилъ Славянскую азбуку еще въ 855 году, и началъ переводъ чтеній изъ Евангелія и Посланій, между тѣмъ какъ обращеніе Булгаръ случилось только въ 861-мъ г. Отсюда слѣдуетъ, что упомянутый благовѣстникъ, при началѣ своего дѣла, имѣлъ въ виду не Булгаръ, но Славянъ въ Греціи, все еще и тогда не совсѣмъ утвердившихся было въ Вѣрѣ и, можетъ быть, коегдѣ придерживавшихся язычества» (151). Далѣе, въ Отд. IX-мъ «О Мораванахъ и Словакахъ (§. 41, ч. 6): «Зная хорошо, съ какой пользою употребляли свой родной языкъ въ дѣлахъ, относящихся къ Вѣроисповѣданію, Армяне, Ибры, Сиряне, Кошты и другіе Восточные народы, отличавшіеся языкомъ отъ Грековъ и имѣвшіе свои храмы даже въ самомъ Царьградѣ, не говоря уже ничего о древнихъ Бессахъ и Готахъ на Западѣ, Константины рѣшился сдѣлать участниками этого благодѣянія и самыхъ Славянъ. Съ этой цѣлью составилъ онъ, 855 года, Славянскую азбуку, совершеннѣйшую въ своемъ родѣ, въ основаніе коей положилъ Греческое письмо, прибавивъ къ нему нѣсколько новыхъ, отчасти изъ упомянутыхъ языковъ, буквъ, и по томъ приступилъ, безъ отлагательства, къ переводу чтеній св. Евангелія, Посланій, Псалтыря и нѣкоторыхъ другихъ книгъ, необходимѣйшихъ при богослуженіи. Не только Греческіе и Булгарскіе Славяне приняли съ радостію предложенный имъ даръ, но также и самые Уральскіе Булгары, въ то время нѣсколько уже осла-

влитшіеся въ Мизин, смягчены были силою слова Божія, и Меѳодій лично крестилъ Булгарскаго князя, Бориса, въ 861 году. Такимъ образомъ, Славянское богослуженіе начало распространяться 855 — 862, прежде всего, между Греческими, а послѣ и Булгарскими, Славянами, граничавшими на Дунаѣ у Пелта, подъ Матрой и Ягромъ и далѣе у рѣки Торисы, непосредственно съ Моравской державой знаменитаго Ростислава. Около 863 г. (а въ примѣч. 111, въ Отд. о Славянахъ Булгарскихъ, допускаетъ и 862 годъ) (152) князь Ростиславъ, вѣроятно, зная уже о переводѣ Богослужебныхъ книгъ для Греческихъ и Булгарскихъ Славянъ, просилъ императора Михаила прислать ему Славянскихъ учителей. Этотъ тотчасъ отправилъ къ нему въ верхнюю Моравію, Константина и Меѳодія съ ихъ помощниками». Напослѣдокъ: «Представивъ, въ возможной краткости, сколько то было нужно для подлежащей цѣли нашей, очеркъ апостольскимъ трудамъ Константина и Меѳодія, остается теперь еще привести главные доводы,» — говоритъ Шафарикъ нѣсколько ниже, — «по чему мы, вмѣстѣ съ Добровскимъ, Востоковымъ и другими (153), полагаемъ начало Славянской литургіи въ Булгаріи, а продолженіе ея въ Моравіи. И такъ, древніе отечественные, а съ ними и иностранные, писатели единогласно (!) приписываютъ изобрѣтеніе Славянской азбуки старшему брату, Константину или Кириллу, относя составленіе ея къ 855 году. Булгарскій черноризецъ, Храбръ, свидѣтель, очень хорошо знакомый съ своимъ предметомъ и, по всему вѣроятію, принадлежащій къ X-му, или, по крайней мѣрѣ, XI-му столѣтію, такъ выражается объ этомъ (слѣдуетъ выиска известнаго мѣста изъ него о времени изобрѣтенія письменъ, по списку Лавренція таха). Съ етѣмъ согласны также краткія Булгарскія и Сербскія лѣтописи и временники, единогласно (!) приписывающіе изобрѣтеніе азбуки и первый переводъ книгъ Константину. Такъ, въ одномъ, конца XV-го столѣт., читаемъ: «Лѣта 855 (855) написана соуть илнз писмена Кириломъ Философомъ, оучителемъ азыкоу Боугарскомуу, при црѣ Михаилъ и илтерн его Феодорѣ». Въ другомъ Временникѣ половины XV-го стол., написано: «Лѣта 855 (855) Константиъ Философъ, глаголемыи Кириъ, оустроилъ писмена Словенскомуу азы-

коу». Подобнаго рода рукописей сравнилъ я около пятнадцати. Въ нѣкоторыхъ стоитъ ошибкой ꙗѣѣ (852) вм. ꙗѣѣг. (855), что, разумѣется, произошло отъ недосмотра переписчика, считавшаго послѣднее число (г) слогомъ -го слова шестидесятого (ѣ, съ титлою сверху, какъ нерѣдко пишется), и, по тому, выпустившаго его (154). Въ переводѣ на Рускiй сочиненiя Добровскаго «Кириллъ и Меѳодiй» помѣщенъ такой же отрывокъ изъ рукописи Хронографа 1494 г., въ коемъ тоже 6303 вм. 6363, какъ это замѣтилъ уже и Добровскiй на полѣ въ своемъ извлеченiи (теперь въ Чешскомъ Музеѣ находящемся). Годъ 855-й Добровскiй считаетъ истиннымъ (ссылка въ примѣчанiи на сочиненiя Добровскаго, т. е., «О Кириллѣ и Меѳодiи,» стр. 43 подлин., 30 Руск. перев., и «Моравск. Сказанiе» стр. 53, 92, приведенныя мною уже въ своемъ мѣстѣ). Съ показанiями Славянъ согласны, также, и показанiя Латинцевъ. Современникъ и, гораздо лучше сбивчиваго Зальцбургца, знакомый съ ходомъ дѣла, папа Юаннъ VIII-й, прямо называетъ, въ посланiи своемъ къ Святополку, 880 года, Константина творцемъ Славянскаго письма. Не меньше ясно и важно свидѣтельство Сазавскаго черноризца, приписывающаго составленiе Славянскихъ писменъ тоже св. Кириллу. Слѣдовательно, возраженiе, представляемое безыменнымъ Зальцбургцемъ, считающимъ Меѳодiя творцемъ азбуки (чего, однако же, онъ прямо не говоритъ), и называющимъ ее новой, также Солнческаго Собора 1059, осудившаго буквы еретика Меѳодiя, какъ Готскiя (можетъ быть, это мѣтитъ уже на письма Глагольскiя, вѣроятно, изобрѣтенныя тогда въ Далмацин и поддунутыя Меѳодiю), вовсе неосновательно, какъ опирающееся на грубомъ и очевидномъ невѣжествѣ, или лжи етѣхъ показателей». Далѣе, Шафарикъ доказываетъ другое мнѣнiе Добровскаго, что азбука эта изобрѣтена Греками (Кирилломъ и Меѳодиемъ по рожденiю), въ Грецин, и при томъ для Славянъ Греческихъ, въ Константинополѣ: «Изобрѣтенiе и составленiе азбуки сдѣлано Греками, въ Грецин, и именно, вѣроятно же всего, въ Царьградѣ, для Греческихъ Славянъ. Доказательствомъ тому: Греческiя буквы, взятыя въ основанiе, присоединенiе новыхъ писменъ изъ языковъ: Колтскаго, Еврейскаго, Армянскаго и т. д., а больше всего право-

писание, составленное по образцу Греческаго, Армянскаго и т. п. Составленіе азбуки Месодіемъ, при пособіи Латинскихъ помощниковъ, въ 870 году, по смерти Константина, въ Моравіи, зсмѣль, уже прежде ознакомившейся съ Латинскимъ письмомъ, приняло бы совершенно иное направленіе и произвело бы иныя слѣдствія». По томъ доказывается, что Константинъ, послѣ изобрѣтенія азбуки, тотчасъ началъ переводить Евангеліе и Посланія на Славянскій: «По древнѣйшему и достовѣрнѣйшему свидѣтельству Іоанна, ексарха Болгарскаго, Итальянскаго Сказанія, составленнаго Гавдерникомъ, и другихъ, Константинъ немедленно, по составленіи азбуки, приступилъ къ переводу чтеній св. Евангелія и Посланій для Славянъ въ Греціи и Булгаріи. И точно, къ чему жъ бы онъ ее составилъ? Зачѣмъ бы, составленной въ 855-мъ году, не употребилъ до самаго 869? Вѣдь Греческіе Славяне, принявше Христіанство (688 г.), писывали уже до него Греческими буквами? Но такъ какъ это шло не совѣмъ удачно, то, по тому, возвышенный учитель составилъ для нихъ другую, полнѣйшую, совершеннѣйшую, азбуку. Это засвидѣтельствовано Іоанномъ, ексархомъ Болгарскомъ (приводятся его слова: «Ποιηθε οὕτω» и проч.); тоже самое говоритъ и древнѣйшее Итальянское Сказаніе о жизни Константина, именно, что онъ принесъ въ Моравію съ собою уже готовый переводъ св. Евангелія. Въ Кирилловскомъ Житіи по рук. XIII-го стол. (у Калайдовича Ю. Екс. Б., стр. 90), въ Синаксаряхъ и Минеяхъ по древнѣйшимъ рукописямъ и изданіямъ, всѣмъ называется Константинъ «прѣкымъ оучителемъ Словѣнскихъ книгъ, прѣкымъ оучителемъ Словѣнскоу азбуку», что означаетъ не только творца азбуки, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и писателя и толкователя слова Божія. Этой заслуженной славы безсмертнаго мужа, основанной на единогласномъ (!) показаніи всего Христіанства, отъ папы Іоанна VIII-го, 880 года, до нашего времени, ни какъ не отнять неопредѣленнымъ выраженіемъ невѣжественнаго Зальцбургца, равно какъ и несправедливымъ рѣшеніемъ Солонскаго собора» (1059). За симъ Шафарикъ распространяется о томъ, что переводъ Богослужебныхъ книгъ, начатый Константиномъ и продолженный братомъ его, Месодіемъ, и Булгарскими помощниками, предпринять былъ для Славянъ Гре-

ческих и Българскихъ, что, по его словамъ, не только само собою въ природѣ вещей, но и подтверждается достовѣрнымъ показаніемъ цѣлой древности. «Невѣроятно, чтобы оба братья спѣшили съ переводомъ Св. книгъ въ далекія чужія земли, не подѣлившись прежде съ туземными Славянами, своими родичами, пуждавшимися въ этомъ и все еще, по недостатку въ книгахъ и ученіи, возвращавшимися въ язычество. Къ этому они шли и время и случай, по тому что до того еще путешествовали у Българскихъ Славянъ, а Меѳодій лично крестилъ князя ихъ, Бориса, 861 года. Апостольство же ихъ въ Българіи засвѣдѣтельствовано продолжателемъ Константина Багрянороднаго, Склиницей, Кедриномъ, жизнеописателемъ свят. Климента, Дуклянцемъ, черноризцемъ Градишскимъ, Моравскимъ Сказаніемъ и Сказаніемъ о св. Людмигѣ (выписка изъ Житія Климента о составленіи азбуки). Сличая съ етѣми древними и разительными показаніями показаніе Нестора, полагающаго составленіе азбуки въ Моравіи и отправляющаго Константина, на оборотъ, изъ Моравіи въ Българію, видимъ, что онъ, какъ далекій житель, ошибся. Славянская литургія распространялась не изъ Моравіи въ Българію, но изъ Българіи въ Моравію, своимъ естественнымъ путемъ». А что языкъ перевода Свящ. книгъ Константиномъ и Меѳодіемъ есть Българскій, то это засвѣдѣтельствовано какъ жизнеописателемъ св. Климента и Градишскимъ монахомъ, такъ равно и самымъ свойствомъ языка древнѣйшихъ Кирилловскихъ рукописей, который, очевидно Древнебългарскій (исчисляются и некоторые изъ етѣхъ свойствъ). Наконецъ: «Причина къ призванію, или побужденію къ отбытію въ Моравію, Константина и Меѳодія должна быть не иная, какъ только принесеніе писемъ и Богослужебныхъ книгъ, болышею частью уже готовыхъ. Жители этой страны, до того принявшіе Христіанство, не понимали ничего изъ Богослуженія, совершавшагося у нихъ Баварскими священниками на Латинскомъ языкѣ, а по тому князь ихъ, слыша объ усгѣхѣ Славянскихъ писемъ и Богослуженія въ сосѣдней Българіи, пригласилъ къ себѣ етѣхъ святыхъ мужей, твердо вѣря, что они несравненно больше сообщать ему и его народу, нежели сколько можно было ожидать того отъ Баварцевъ. Не будь этой увѣренно-

ети, не было бы и причины къ призванію ихъ. Разумѣется, къ этому примѣшивались еще и другія второстепенныя причины: стремленіе къ тѣснѣйшему соединенію съ Византійскимъ императоромъ противъ Нѣмцевъ, главныхъ своихъ непріятелей, и прочее, тому подобное. Да и Константинъ и Меѳодій не посмѣли бы вступить въ землю, наполненную уже Нѣмецкими духовными, если бы не имѣли въ готовности большихъ даровъ и благодѣянія, чѣмъ етѣ соперники и противники ихъ. Это въ природѣ вещей и не противорѣчитъ вѣроятности, да и подтверждается показаніемъ древнѣйшихъ свѣдѣтелей, въ особенности Итальянскимъ Сказаніемъ, прямо увѣряющимъ, что Константинъ принесъ въ Моравію уже готовый переводъ Евангелія. Вступивъ въ нее, по приглашенію ли, или же сами по себѣ пришли изъ Булгаріи къ сосѣднимъ Славянамъ, уже расположеннымъ къ принятію ихъ, Константинъ и Меѳодій прожили тамъ безвыѣздно съ 863 по 870-й годъ, въ коемъ послѣдній, въ году грозныхъ усобицъ, удаллся въ Паннонію къ Блатенскому князю, Коцелу, гдѣ и ввелъ тоже Славянское Богослуженіе, а послѣ прекращенія бури снова возвратился въ Моравію и скончался въ ней 885 года. Множество писателей, являющихся въ Булгаріи тотчасъ по смерти Константина и Меѳодія, частью даже до разрушенія Моравскаго Государства Уграми и вскорѣ послѣ того, особенно въ X и XI-мъ стол., показываютъ, что начало Славянской письменности въ ней значительно предшествовало позднѣйшему опустошенію Моравіи и Панноніи, а по тому невѣроятно, чтобы эта письменность въ Булгаріи такъ рано и такъ далеко распространилась, если бы Константинъ и Меѳодій не ввели ее въ оную еще въ 855—863, т. е., до своего отбытія въ Верхнюю Моравію. Даже можно полагать, что она и сдѣсь, какъ въ Моравіи, безъ этого начала скоро бы, при тогдашнихъ церковныхъ замѣшательствахъ, заглохла и, вѣроятно, совершенно исчезла» (155).

Но всему, казалося, что и этому мнѣнію суждена была блистательная будущность, даже въ большей степени, чѣмъ предшествовавшему. И точно, чего недоставало ему для того? Знаменитость именъ основателя и утвердителя его, пользовав-

пихся извѣстностью и довѣріемъ, вполне заслуженными, между соплеменниками и иноплемениками въ такой мѣрѣ, въ какой никто до нихъ не могъ похвалиться тѣмъ; новость и свѣжесть самаго мнѣнія, его вѣроятность, не только не уменьшавшаяся при ближайшемъ углубленіи въ него, наоборотъ, еще возраставшая и даже обращающаяся въ убѣжденіе; а основаніе, на которомъ построено это мнѣніе, вполне оправдывало предположенія о древности написанія его новѣйшими открытіями. Словомъ, все пророчило ему завидную судьбу, множество послѣдователей, а, со временемъ, и всеобщее довѣріе. И, однакоже, послѣдователей въ теченіе цѣлыхъ 30 лѣтъ съ той поры, какъ оно было высказано въ первый разъ (1823), или 15-ти, какъ утверждено, по видимому, неотразимыми доводами, написано, сколько мнѣ извѣстно, только нѣсколько, безусловно принявшихъ его, по ничему не сдѣлавшихъ, съ своей стороны, въ пользу онаго. Изъ нихъ три Славянна, а одинъ Нѣмецъ, хотя въ землѣ, наполненной Славянами. Еще за годъ (1836) до появленія четвертой тетради (листы 31—46, въ половинѣ марта) «Славянскихъ Древностей» (1837), Шафарика, *Палацкій*, историографъ Чешскихъ государственныхъ чиновъ, въ I-й части своей «Исторіи Чехіи», писанной на Нѣмецкомъ языкѣ («Geschichte von Böhmen»), повторилъ мнѣніе Добровскаго, по съ тѣми видоизмѣненіями, какія находимъ въ упомянутомъ сочиненіи Шафарика (156). Объясненіе етому—въ предисловіи послѣдняго къ своему творенію (157). Когда, семь лѣтъ по томъ, обращено было вниманіе на Паннонскія Житія Кирилла и Меѳодія статьей о нихъ въ «Москвитянинѣ», переведенной и помѣщенной въ 1846 году, по Чешски, въ Журналѣ Чешскаго Музея (стр. 5—33), то, согласуясь съ етѣмъ новымъ источникомъ, историографъ Чешскій хотя многое перемѣнилъ въ своей «Исторіи народа Чешскаго» («Dějiny národu českého»), писанной на Чешскомъ языкѣ и явившейся въ 1848, противу сказаннаго имъ первоначально въ томъ же сочиненіи по Нѣмецки (158), однако, мѣсто о годѣ составленія Славянскихъ писемъ оставлено по прежнему, съ тою разницею, что высказано только по Чешски, и при томъ почти въ подстрочномъ переводѣ: «Wichtig aber und vor allem anziehend musste es dabei für die slawischen Christen werden, dass Cyrill für

ihre Sprache eine eigene Buchstabenschrift — daher Cyrillitza genannt — erfand 855, welche alle die mannigfaltigen Laute dieser Sprache, bis auf ihre feinsten Schattirungen herab, mit wunderbarer Präcision, Klarheit und Vollständigkeit bezeichnete; und dass er, nachdem zu seiner Zeit von den macedonischen Slawen gesprochenen Dialecte, sowohl die heilige Schrift als auch die Kirchenbücher in Slawische zu übersetzen anfang» (S. 120). «Pro Slowany ale ještě vážnější a zajímavější musela býti zásluha ta, že Cyrill, vynalezew r. 855 zvláštní litery, — po něm *cyrillici* zvané, jenž všecky rozmanité zwuky jazyka slowanského až do těch nejjemnějších rozdílů podiwnau určitostí, jasností a auplností značily, písma swatá i knihy církewní do téhož jazyka, podlé nářečí tehdaž u macedonských Slowanůw užíwaného, překládati byl počal» (str. 138). Что до году посольства Ростиславова къ императору Михаилу, то оно отнесено имъ къ 862-му: «Také Rostislawa Morawského donesla se powěst o tom, co u jižných Slowanůw, u Bulharůw a Chazarůw se bylo stalo. I bud' že sama toliko potřeba zdárnějšího a důkladnějšího naučení, bud' že spolu i žádost ho pobádala, wstoupic do trwalého a důwérného s Byzantinci spolčení, wymaniti se i w této příčině od Němců: wždy jisté jest, že usilowal zjednati národu swému dobrodiní díla tak wýtečně apoštolského. Wyprawiw poselstwi do Konstantinopole, 862, požadal císaře Michala o slowanské učitele; neb ačkoli národ jeho již byl přijal křest od kněží německých, však pro nedostatek u wučowání ještě křest'anstwi bylo do mysli jeho se newštípilo. Císař Michal radost maje z poselstwi toho, wyprawil k Morawanům oba slawné bratři samy, potřebami na cestu hojně je opatřiw. Tímto způsobem dostawše se Cyrill a Methodius s učedlniky swými do Morawy, dowršili zde blahocinné dílo swé. Překlad slowanský písem swatých a potřebných knih církewních jimi tu dokonán, a w částém po všech krajich říše Morawské cestowání hlásáno slowo boží lidu w řeči jeho vlastní», и прочее. Изъ Рускихъ первый повторилъ мнѣніе Добровскаго и Шафарика о годѣ составленія писमेंтъ М. А. Максимовичъ, въ «Исторіи Руской Словесности», вышедшей въ Кіевѣ 1839, гдѣ такъ выразился о томъ: «Въ 855-мъ году Константинъ

составилъ Словенскую азбуку. Вскорѣ за тѣмъ онъ, вмѣстѣ съ Меѳодіемъ, началъ въ Царѣгородѣ перелагать Богослужебныя книги на Словенскій языкъ, и потомъ распространять на семь языкъ учение и служеніе Христовой вѣры между Словенами Греческими и Болгарскими. Меѳодію принадлежитъ обращеніе въ Христіанство Болгарскаго Царя Бориса и его Бояръ, совершенное 861-го года, посредствомъ картины Страшнаго Суда. Около 863 года, въ слѣдствіе просьбы Моравскаго Князя Ростислава къ Царю Михаилу, Кириллъ и Меѳодій перешли въ Верхнюю Моравію, съ Климентомъ и другими учениками своими, и распространяли тамъ Богослуженіе на языкѣ Словенскомъ, и проч. Въ другомъ мѣстѣ, именно въ главѣ X-й, разсуждая «О писменности Словенской вообще, и древней Руской въ особенности», подъ статьей: «О писменахъ Кирилловскихъ», еще разъ говоритъ объ этомъ слѣдующее: «Что изобрѣтателемъ оной (Словенской азбуки) былъ нашъ первоучитель Кириллъ, это не подлежитъ сомнѣнію, но единогласному о томъ свидѣтельству многихъ древнихъ писателей (Юан. Екз. Болгарскаго, Храбра, Нестора, Священника Дюклейскаго), и по самому названію азбуки *Кирилловскою* или *Кириллицею*. Временемъ ея составленія, — у Храбра, также у лѣтописцевъ Сербскихъ и Болгарскихъ, — положительно назначается 6363 годъ отъ сотворенія міра, т. е., 855 годъ отъ Р. Х.; слѣдственно 8-ю годами прежде, чѣмъ Словенскіе учителя отправлялись въ Моравію» (около 863 г.) (159). Черезъ 6-ть лѣтъ послѣ «Исторіи древней Руской Словесности», остановившейся на первой книгѣ (до поры Татарскаго погрома), появилась другая «Исторія Русской Словесности, преимущественно древней», въ видѣ публичныхъ лекцій, читанныхъ въ стѣнахъ Московскаго Университета, профессоромъ ея въ этомъ высшемъ учебномъ заведеніи. Казалося, особенное счастье улыбнулось нашей старинной письменности, когда два профессора ея, на двухъ, совершенно противоположныхъ концахъ Руси, занялись изложеніемъ судьбы оной; но, къ сожалѣнію, оба они остановились почти на одномъ и томъ же порогѣ. Какъ бы то ни было, только сочинитель послѣдней, представляя историческій очеркъ судьбы нашего слова и произведеній его, 3-ю бесѣду посвятилъ Церковно-

славянскому языку и отношенію его къ прочимъ родственнымъ нарѣчіямъ, преимущественно Рускому. Приступая къ задачѣ, своей онъ, прежде всего, предлагаетъ вопросъ: «Отъ рѣчи устной мы перейдемъ къ рѣчи письменной и спросимъ: когда нашъ народъ началъ писать и откуда онъ заимствовалъ первоначальную грамоту?» Переходя же къ рѣшенію, замѣчаетъ, что, «рѣшая этотъ вопросъ, мы не можемъ отдѣлнить нашихъ предковъ отъ ихъ соплеменниковъ, потому что первоначальныя преданія у насъ сходятся», и, за тѣмъ, приводитъ разныя извѣстныя показанія о томъ, были ли у Словенъ письма въ язычествѣ; итогомъ было убѣжденіе, что «письма вразумительнаго мы не имѣемъ: оно начинается у насъ въ Христіанствѣ. Откуда же ведетъ начало грамота, нами теперь употребляемая? Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, мы должны перенестись въ девятое столѣтіе, къ нашимъ соплеменникамъ, Словенамъ Болгарскимъ и Чешскимъ. Отъ нихъ мы приняли эту грамоту и черезъ тысячу лѣтъ ее сохранили. Тутъ слѣдуетъ перечисленіе ученыхъ, трудившихся надъ разработкой источниковъ (отечественныхъ и иностранныхъ) объ этомъ вопросѣ, и по томъ оговорка: «Не вдаваясь въ подробности изслѣдованій, которыя не входятъ въ мой предметъ, постараюсь предложить одни *полныя выводы, какъ они представляются моею мысли*» (стр. 131). Изложивъ очеркомъ исторію Константина и Меодія (по статьѣ: «О Кириллѣ и Меодіи», помѣщенный въ Москвитинѣ 1843 г., кн. 6-я) до возвращенія перваго изъ путешествія къ Козарамъ, замѣчаетъ: «Въ Царьградѣ соединился онъ опять съ своимъ братомъ, Меодіемъ — и тогда, оба вмѣстѣ, обратили они вниманіе на Словенскій народъ, простиравшійся по всей Греціи и Болгаріи. По большей части онъ былъ окрещенъ, но, по недостатку священныхъ книгъ на языкѣ народномъ, возвращался снова къ идолослуженію. Въ Болгаріи управляли имъ еще языческіе Государи. Между тѣмъ другіе народы около Византіи и даже: Армяне, Иверійцы, Сиріице и даже Готы на Западѣ, совершали богослуженіе на языкахъ отечественныхъ. Константинъ замыслилъ оказать то же благодѣаніе и Словенскому племени. Сорокъ дней постился онъ передъ совершеніемъ сего подвига. Должно было сочинить азбуку. Какъ

же онъ поступилъ? Двадцать четыре буквы Греческаго языка, благозвучнаго и художественнаго, были недостаточны для того, чтобы воспринять въ себя все разнообразіе, всю полноту звуковъ языка Словенскаго. Константинъ долженъ былъ прибѣгнуть для того къ алфавитамъ другихъ племенъ. Иные думаютъ, что онъ ограничился для этой цѣли письменами Греческими, Еврейскими и Латинскими, удовлетворяя предразсудку нѣкоторыхъ учителей Западной Церкви, хотѣвшихъ этими тремя языками ограничить Богослуженіе для всѣхъ народовъ. Но такой предразсудокъ не существовалъ въ Византіи, едва зачинался въ Римѣ — и не нужно было Константину прибѣгать къ такой хитрости. Скорѣе согласимся съ Добровскимъ, что мудрый изобрѣтатель Словенской азбуки, принявъ въ основу письма Греческія, за другими же недостававшими обратился къ письмамъ Восточнымъ: Еврейскимъ, Армянскимъ и Коптскимъ. Средства у него были. Византія, кромѣ духовныхъ сношеній, и политическія вела на письмѣ тѣхъ народовъ, съ которыми сносилась. Соборная Софійская Библіотека, конечно, могла предложить Константину грамоту всѣхъ племенъ, тогда писавшихъ. Сорокъ четыре буквы потребовалось для того, чтобы выразить всѣ отгѣнки Словенскаго языка. *Въ 855 году, эти звуки были начертаны; черезъ десять лѣтъ мы будемъ праздновать тысячелѣтіе нашей грамоты.* Чѣмъ болѣе ученые вникали въ нее и вникаютъ, тѣмъ болѣе изумлялись и изумляются премудрому ея составленію». Приводятся слова Шлёцера, обращенныя имъ къ Константину и Меодію, какъ изобрѣтателямъ Славянскихъ письменъ (въ Несторѣ, гл. X), и по томъ слѣдуетъ отвѣтъ на вопросъ: «Что же первое предложено было съ Греческаго языка на Словенскій Константиномъ и Меодіемъ?— «Исходи бѣ Слово, и Слово бѣ отъ Бога, и Богъ бѣ Слово; се бѣ исходи у Бога». — Вотъ первыя слова, начертанныя на языкѣ почти нашемъ: — ими Церковь благовѣствуетъ въ праздникъ Воскресенія Спасителя, выражая основную мысль Христовой Вѣры; — это слова Апостола Любви, который возлежалъ на персяхъ у Христа и которому Спаситель, умирая на крестѣ, поручилъ Мать Свою. Старѣе этихъ словъ не имѣетъ наша грамота. Когда предложено было благовѣстіе отъ Іоанна,

Константины и Меѳодіи показали Царю, Патріарху и всему Собору, и всѣ о томъ съ радостію прославили Бога. За тѣмъ переведены были: все Евангеліе, Апостолъ, Литургія, Псалмы и всѣ необходимыя Богослужебныя книги. Греческіе и Болгарскіе Словене съ восторгомъ приняли даръ Слова Божія на языкѣ народномъ отъ своихъ Первоучителей. Въ 861 году Меѳодіи крестилъ Болгарскаго Царя, Бориса. Такимъ образомъ, отъ 855 до 862 года, Словенская литургія распространилась сначала у Словенъ Греческихъ, потомъ Болгарскихъ, которые по берегамъ Дуная, къ сѣверу, граничили съ другими своими соплеменниками. Между тѣмъ, Моравскіе Словене приняли крещеніе отъ Римской Церкви; но Римъ не имѣлъ преимуществъ Византіи, не заключалъ въ своихъ нѣдрахъ племень Словенскихъ и чуждался благой мысли: распространять и утверждать Божіе Слово черезъ народное. До Моравовъ доходятъ слухи о томъ, что братья ихъ соплеменники совершаютъ Богослуженіе на языкѣ вразумительномъ. Западный расколъ, хотя уже тогда готовился, но еще не совершился. Потому, Моравскій Князь Ростиславъ, въ 863 году, могъ обратиться къ Императору Михаилу и просить его, чтобы онъ прислалъ для его народа Словенскихъ учителей. Михаилъ отправилъ къ нему немедленно Константина и Меѳодія съ другими помощниками, и проч. (стр. 134—138). Теперь очередь выслушать Нѣмца. Г. *Vamtenbach*, въ своихъ «*Beitraege zur Geschichte der christlichen Kirche in Maehren und Boehmen*», явившихся въ 1849 году (въ Вѣнѣ), составивъ, по случаю изданія найденнаго имъ одного посланія папы Стефана V-го къ Великоморавскому князю, Святополку (*Epistola Stephani Pape ad Zventopolcum regem*), о коемъ сказано было мною выше, Жизнеописаніе Константина и Меѳодія, преимущественно по иностраннымъ источникамъ, и увѣряя, что оно въ цѣломъ очень сходится съ Паннонскими Житіями обоихъ братьевъ, сообщенными ему въ переводѣ по статьѣ «Москвитянина» В. В. Ганкой (S. 33—34), такъ выражается о нашемъ предметѣ: «Die slavische sprache kennen zu lernen hatte Konstantin sowohl in Thessalonich, wie in Konstantinopel vielfache gelegenheit; eine alte überlieferung setzt die erfindung der nach ihm genannten buchstaben in das jahr 855. Von geschichtli-

cher seite sehe ich keinen grund zu zweifeln , und dasz dem Konstantin der ruhm dieser erfindung gebührt, ist durch das ausdrückliche zeugnisz Johannis VIII in dem briefe an Methodius vollkommen sicher gestellt» (S. 7).

Больше не знаю, кто бы имѣлъ храбрость выступить съ Храбровымъ показаніемъ о годѣ составленія Славянскихъ писемъ. Новый, неожиданный, переворотъ произведенъ въ 1843-мъ году, когда напечатаны были выписки изъ Паннонскихъ Житій. Я уже замѣчалъ выше, что етѣ Житія вовсе не новость какая либо, что они хорошо были извѣстны нашимъ предкамъ, доказательствомъ чему ихъ списки, довольно не рѣдкіе, идущіе, сколько нынѣ извѣстно, съ самаго XII вѣка, которыми и пользовались составители нашихъ рукописныхъ и печатныхъ Четив-Мисей, равно какъ и новѣйшіе писатели, ссылавшіеся на етѣ послѣдніа (Шлѣдцъ, Евгений, Калайдовичъ, Новицкій, Максимовичъ и др.), или же на письменные списки (въ Ермаковомъ Изборникѣ 1076 г., Мацѣевскій въ «Исторіи Первобытнотой Христіанской церкви у Славянъ», ссылающійся на Житіе Кирилла и Меодія по рукописи бібліотеки Львовскаго монастыря св. Онуфрія, доставшейся изъ Сербской Хиладарскоѣ Лавры, подъ №-мъ 41-мъ, и составленой Рускимъ, судя по извѣстіямъ о власти Трерскихъ и Кіевскихъ князей и за Карпатами, слѣдовательно, ето, по Шафарыку, списокъ Львовскій 2-й позднѣйшаго вѣка) (160). Но то обстоятельство, что выписки изъ сихъ Житій представлены были человекомъ, который хорошо изучилъ ихъ и, слѣдовательно, по всѣмъ требованіямъ строгой критики, при томъ сопровождалъ нѣкоторыми основательными замѣчаніями, объясняющими многое темное и сомнительное въ нихъ, выписки по спискамъ, не подлежащимъ ни какому сомнію и доступнымъ повѣркѣ каждаго, и, главное, какъ источникъ, а не второстепенное свидѣтельство, или же передѣлка, степень достовѣрности коей нельзя опредѣлнить, ето обстоятельство произвело печальный поворотъ въ исторіи вопроса о годѣ составленія Славянскихъ писемъ. Говорю, поворотъ, который, вмѣстѣ съ тѣмъ, есть и переворотъ, по тому что, въ сущности, съ етого времени замѣчаемъ въ новѣйшихъ изслѣдователяхъ обращеніе къ мнѣнію Шадики и Добнера, хотя на основаніяхъ, совершенно отличныхъ отъ

оснований, представленныхъ ими, и совершенно независимо отъ сихъ послѣднихъ. Самъ находчикъ или объявитель сихъ Житій ничего не сказалъ о годѣ появленія нашей азбуки, выразившись о томъ неопредѣленно, или вѣрнѣе, частью словами самыхъ Папюонскихъ Житій, частью же перифразомъ ихъ (стр. 417—419). Первый, воспользовавшійся выписками изъ хорошо известныхъ когда-то, но въ новѣйшее время совершенно забытыхъ было, такъ называемыхъ, новооткрытыхъ Папюонскихъ Житій Кирилла и Меодія, былъ сочинитель весьма замѣчательной во многомъ «Исторіи Христіанства въ Россіи до Равноапостольнаго Князя Владиміра», вышедшей черезъ три года по объявленіи оныхъ (выписокъ), то есть, 1846 года. Сдѣсь, приступая къ изложенію «Исторіи Христіанства собственно въ царствѣ Русскомъ», сочинитель, въ особомъ вступленіи къ ней, рассматриваетъ проповѣдь Славянскихъ апостоловъ въ Болгаріи и Моравіи, въ особенности же переводъ ими Св. Писанія и богослужебныхъ книгъ на Славянскій. Уже въ оговоркѣ своей, по чему онъ считалъ нужнымъ въ Исторіи Руской Церкви распространиться объ этомъ событіи, совершившемся собственно внѣ ея, намекаетъ на то, каковъ будетъ взглядъ его и на вопросъ о самомъ времени перевода и, необходимомъ условіи его, изобрѣтеніи особенныхъ для него письменъ. «Прежде всего скажемъ о переводѣ Св. Писанія и богослужебныхъ книгъ на Славянскій языкъ,—говоритъ онъ,—скажемъ по тому, что хотя переводъ сей совершенъ не у насъ, но онъ точно такъ же принадлежитъ и намъ, какъ прочимъ нашимъ братьямъ—Славянамъ, для которыхъ первоначально совершенъ; онъ принадлежитъ намъ нынѣ даже болѣе, нежели многимъ изъ нихъ, которые, будучи отторгнуты отъ Церкви Православной, давно уже лишены счастья слышать Богослуженіе на родномъ языкѣ; скажемъ прежде всего по тому, что переводъ сей совершенъ въ то именно время, когда въ новообразовавшееся царство Русское едва начинали проникать первые лучи святой вѣры, и, безспорно, явился лучшимъ преддуготовительнымъ средствомъ къ скорѣйшему распространенію ея въ нашемъ отечествѣ» (стр. 186). Всмотриваясь же въ то великое событіе (переводъ Св. Писанія и Богослужебныхъ книгъ на Славянскій языкъ), обратившее на себя въ наши

особенно дни справедливое вниманіе, авторъ замѣчаетъ, что «въ немъ достопримѣчательно для насъ все: и обстоятельства событія, и самое событіе, и его послѣдствія». Далѣе приступая къ обзорѣннѣю обстоятельствъ, «первый вопросъ и важнѣйшій есть вопросъ *о времени*»,—говоритъ онъ,—«когда положено начало сему славному переводу» (161). Разобравъ мнѣніе о томъ, «были ли у Славянъ еще съ первыхъ вѣковъ какой-либо переводъ хотя нѣкоторыхъ книгъ священныхъ», замѣчаетъ: «все, что можно придумать въ пользу такой мысли, очевидно, ведетъ только къ предположеніямъ, и притомъ очень шаткимъ, не представляя ни одного *прямаго* доказательства. Между тѣмъ какъ съ другой стороны есть рѣшительныя доказательства, которые говорятъ, что переводъ Свящ. Писанія и богослужебныхъ книгъ на Славянскій языкъ въ первый разъ совершенъ именно *въ концѣ девятого вѣка* св. Кирилломъ и Меѳодіемъ. До нынѣ уцѣлѣли, хотя въ позднѣйшихъ спискахъ, современныя жизнеописанія сихъ святыхъ братьевъ, составленныя ихъ учениками. И что же? Въ обоихъ жизнеописаніяхъ повѣствуется, что первыми изобрѣтателями Славянскихъ буквъ, первыми прелагателями священныхъ книгъ на Славянскую рѣчь, первыми учителями *Словенску языку* были св. Кирилъ и Меѳодій» (стр. 193—194). За симъ приводятся мѣста изъ Паннонскихъ Житій о составленіи нашей азбуки, по томъ вычисляются прочіе показатели объ етомъ, изъ современниковъ: Папа Іоаннъ VIII-й и неизвѣстный сочинитель записки объ обращеніи Хорутанцевъ, а изъ прочихъ: Іоаннъ Ексархъ Болгарскій, жизнеописатель Климента, Епископа Болгарскаго, сочинитель Сказанія объ обрѣтеніи и перенесеніи мощей Климента, Папы Римскаго, равно какъ и сочинитель Сказанія о Чешской Княгинѣ Людмицѣ, черноризецъ Храбръ, Месторъ, Дюклейскій священникъ, Проложное Житіе XIII-го в., Блаубейерская (Моравская) Легенда, и другія. Приведши свидѣтелей, сочинитель прибавляетъ, что «сомнѣваться въ достоверности о св. Кирилѣ и Меѳодіи, какъ первыхъ прелагателей Слова Божія и богослужебныхъ книгъ на Славянскій языкъ, при такомъ множествѣ несомнѣнныхъ свидѣтельствъ, было бы, конечно, или легкомысліемъ, или намѣреннымъ упорствомъ» (стр. 198). Послѣ такихъ точныхъ замѣчаній о

принадлежности Кириллу и Меѳодію первоначальнаго перевода Св. Писанія и нѣкоторыхъ богослужебныхъ книгъ на Славянскій языкъ, читаемъ слѣдующее, прямо относящееся къ изслѣдываемому нами вопросу: «Для насъ, въ частности, Русскихъ, во времени перевода св. Кирилломъ и Меѳодіемъ священныхъ книгъ на Славянскій языкъ, достопримѣчательно еще то, что оно, по началу своему, едва ли не въ точности, совпадаетъ *со временемъ основанія нашего отечества*. Въ одной Западной легендѣ (Блаубейерской) говорится, что св. Кириллъ и Меѳодій, прибывши въ Моравію, подвизались здѣсь *четыре съ половиною года*, что подтверждаетъ и гораздо древнѣйшая Западная легенда о перенесеніи мощей св. Климента; потомъ, по требованію Папы Николая I-го, отправились въ Римъ, гдѣ не застали его уже живымъ, а встрѣчены были преемникомъ его, Адріаномъ II-мъ, который, какъ извѣстно, вступилъ на святительскій престолъ 14-го Декабря 867 года. Отсюда справедливо заключаютъ, что время прибытія Солунскихъ братьевъ въ Моравію надобно полагать въ первыхъ мѣсяцахъ 863 года. Но такъ какъ изъ *другихъ источниковъ* (древнѣйшаго рукописнаго житія св. Кирилла и нашей Четв-Минен) мы знаемъ, что св. Кириллъ съ Меѳодіемъ изобрѣли Славянскую азбуку, и начали переводить Евангеліе отъ Іоанна еще въ Царьградѣ, предъ отправленіемъ своимъ въ Моравію: то и должно относить *начало перевода священ. книгъ къ 862 году*, когда началось и Царство Русское. *Слѣдовательно, чрезъ какіе ни будь семнадцать или шестнадцать лѣтъ Россія будетъ праздновать двойной тысящелѣтній юбилей и своего существованія и перевода Слова Божія на ея родное слово*. А въ примѣчаніи (388), слѣдующемъ къ этому, читаемъ: «Впрочемъ полагать съ *рѣшительностію* этотъ годъ началомъ перевода св. книгъ было бы не совѣмъ основательно. Ибо, тогда какъ въ упомянутыхъ Западныхъ легендахъ время пребыванія св. Кирилла и Меѳодія въ Моравіи, до отправленія ихъ въ Римъ, распространяется на четыре съ половиною года, въ нѣкоторыхъ Славянскихъ сказаніяхъ оно болѣе или менѣе сокращается; наприм. въ печатной Четв-Минен ограничивается только четырьмя годами съ небольшимъ, въ древнемъ рукописномъ Житіи св. Кирилла—сорока мѣсяцами, а въ

такомъ же Житіи св. Меѳодія—только тремя годами. Въ послѣднемъ случаѣ время прибытія ихъ въ Моравію едва ли не справедливѣе отнести къ 864, а начало перевода къ 863. И, слѣдовательно, на основаніи всѣхъ разныхъ показаній, *съ достовѣрностью* можно сказать только, что это начало положено *около 862 года*» (стр. 199—200). Такимъ образомъ, расчетъ времени, сдѣланный тутъ, сдѣланъ вовсе не на показаніи одной какой-либо Легенды, наоборотъ, на показаніи какъ ся, такъ еще больше на совокупномъ соображеніи показаній, преимущественно писанныхъ на языкѣ отечественномъ, то есть, Четыи-Миней и Пашонскихъ Житій, изъ коихъ первая составляетъ въ этомъ случаѣ переходъ отъ Западныхъ къ Восточнымъ источникамъ (и употреблена была уже для того Евгеніемъ, Новицкомъ и др.), а послѣднія — совершенную противоположность къ первымъ. Вычисленіе Паджи, касающееся, въ сущности, только прибытія Константина и Меѳодія въ Моравію, ихъ пребыванія въ ней и отсюда, обратной посылкой, отправленія Ростиславова посольства по нимъ къ Греческому императору, подтверждается, въ основѣ своей, свѣдѣтельствомъ новыхъ источниковъ и, что особенно важно, къ нему прибавленъ выводъ и о составленіи письма, правда, первоначально уже внесеннаго митрополитомъ Евгеніемъ, опирающимся въ томъ на слова Четыи-Миней, источники коей, означенные вообще, были не совсѣмъ ясны для многихъ, но сдѣсь, по уясненіи ихъ, выдвинуты на первое мѣсто.

Почти въ одно время съ «Исторіей Христіанства въ Россіи до Владиміра» явилось небольшое, но въ высокой степени важное, сочиненіе: «Кириллъ и Меѳодій, Славянскіе просвѣтители», принадлежащее тоже, какъ и предыдущее, лицу духовному, Преосвященнѣйшему Филарету, епископу Харьковскому (прежде Рижскому). Видно, что наши ученые пастыри съ любовью идутъ во слѣдъ незабвенному митрополиту Евгенію, оказавшему столь памятные, столь безцѣнные, услуги нашей гражданской и церковной Исторіи. Оно было прислано въ Общество исторіи и древностей Россійскихъ и читано мною въ засѣданіи его ноября 30-го дня, 1846 года, и, вскорѣ за тѣмъ, напечатано въ декабрьской книжкѣ (IV-ой)

«Чтеній», бывшихъ въ то время подъ моимъ завѣдываніемъ, какъ секретаря Общества. Сочиненіе это, главнымъ образомъ, распадается на двѣ части: на очеркъ жизни нашихъ просвѣтителей (стр. 1 — 15), и розысканіе о сочиненіяхъ и переводахъ ихъ (15 — 28; сюда же относится и «Дополненіе», помѣщенное въ V-й книжкѣ «Чтеній», стр. 29 — 30). Обѣ части сопровождаемы многими примѣчаніями, глубоко входящими читателя въ сущность дѣла. Къ нашему вопросу принадлежатъ слѣдующія строки изъ первой части: «Едва возвратились Св. братья изъ этой (Хазарской) миссіи (относимой сочинителемъ къ 858 году), какъ въ концѣ 862 года Славяно-Паннонскіе Князья, Ростиславъ, Святоникъ и Котелъ, не имѣя истиннаго учителя своему народу (хотя Латинскіе священники и были у нихъ), а еще болѣе того чувствуя нужду слышать на родномъ языкѣ богослуженіе и ученіе о вѣрѣ, просили Императора Михаила и Патріарха Фотія прислать къ нимъ нужныхъ для нихъ учителей. Кого же и избрать было для сего, какъ не благочестивыхъ и образованныхъ уроженцевъ Солуны? Св. Кирилъ, понимая и важность перевода Св. книгъ на народный языкъ, и трудность дѣла, съ благоговѣйнымъ приготовленіемъ сдѣлалъ первый опытъ перевода. Царь и Патріархъ радовались рѣшимости благочестивыхъ братьевъ на великій подвигъ и послѣшили отправить ихъ. На семь пути Меодіи успѣлъ произвестъ перемѣну въ Болгарскомъ Царѣ, Борисѣ, такъ что тотъ не только самъ принялъ крещеніе, но и рѣшился бороться съ языческимъ упорствомъ своего народа. Въ Моравіи Кирилъ и Меодіи съ усердіемъ Апостольскимъ совершили дѣло, для котораго были призваны,—обучали дѣтей, устроили богослуженіе, то и другое на Славянскомъ языкѣ. . . . Четыре года съ половиною (съ 862 по 867 г.) Кирилъ и Меодіи исполняли Апостольское распоряженіе Восточнаго Патріарха во славу имени Христова» (стр. 3—6). Правда, что тутъ годъ составленія нашихъ писемъ прямо не указанъ, но, судя по приуроченію Ростиславова посольства къ 862 году и отнесенію перевода Св. книгъ на народный языкъ въ слѣдствіе этого посольства, ясно, что они, по мнѣнію сочинителя, явились въ это время. Вообще сочинитель считаетъ изобрѣтеніе азбуки Славянской такимъ из-

вѣстнымъ и безспорнымъ дѣломъ, что переходя къ слову о письменныхъ трудахъ Константина и Меѳодія, находить даже не нужнымъ распространяться о томъ: «Желая говорить за тѣмъ о письменныхъ трудахъ Славянскихъ просвѣтителей, не будемъ говорить о дѣлѣ *извѣстномъ*, объ изобрѣтеніи Св. Кирилломъ азбуки Славянской; замѣтимъ только, что трудъ сей, важный самъ по себѣ, получаетъ особенную важность въ связи его съ дѣломъ вѣры; въ семъ послѣднемъ видѣ своемъ онъ есть плодъ той Апостольской мудрости, какою отличались и отличаются распоряженія Церкви Восточной; это есть первый шагъ къ великому дѣлу проповѣдниковъ, по который уже доказываетъ, какого духа проповѣдники» (стр. 14 — 15).

Открытіе Паннонскихъ Житій, искусное извлеченіе изъ нихъ въ исторической послѣдовательности, сопровождаемое, какъ я уже не разъ замѣчалъ, весьма остроумными примѣчаніями, а также обработка извѣстій о жизни нашихъ апостоловъ лучшими знатоками и ревностными воздѣльвателями нашей Церковной исторіи на основаніи какъ етѣхъ извлеченій, такъ равно и непосредственномъ знакомствѣ съ самими Житіями въ ихъ полномъ составѣ по нѣкоторымъ спискамъ, съ тѣхъ поръ обратившихъ на себя вниманіе владѣвшихъ ими, все это, вмѣстѣ взятое, не могло не произвести вліянія на образъ воззрѣнія, между прочимъ, и на разсматриваемый теперь вопросъ даже тѣхъ лицъ, которыя, казалось, сказали уже свое послѣднее слово о немъ, установившееся, наконецъ, однажды навсегда, послѣ долгихъ собственныхъ розысканій и самыхъ тщательныхъ соображеній. Я разумѣю сдѣсь въ особеннѣности знаменитаго *Шафарика*. Любя истину больше всего, онъ не колебался ни на мгновеніе отказаться отъ своего мнѣнія о годѣ составленія нашихъ писемъ, которое подкрѣплено было, какъ видѣли уже, 10 лѣтъ передъ тѣмъ, такими важными доказательствами, обѣщавшими, по видимому, совершенное преобладаніе мнѣнію его надъ всѣми прочими. Только такіе люди способны въ дѣлахъ, столько близкихъ къ нимъ, на такое высокое самоотверженіе, поднимать, такъ сказать, сами на себя руку, или, что одно и то же, на твореніе своихъ рукъ.

Впрочемъ , иначе и быть не могло съ Шафарикомъ: не въ первыйи уже разъ показалъ онъ намъ, пишущей и роющей-ся въ архивной пыли братин , такой прекрасный примѣръ. Мы помнимъ еще хорошо, какъ онъ въ своихъ «Славянскихъ Древностяхъ» откровенно сознался въ ошибочности своего взгляда на происхождение Сарматовъ, будто бы родственныхъ Сербамъ , какъ это доказывалъ прежде въ сочиненіи своемъ «Ueber d. Abkunft der Slawen» (Ofen 1828), между тѣмъ, въ 1837 году, пересмотрѣвъ еще разъ этотъ предметъ строго, нашелся вынужденнымъ отказаться отъ прежняго своего мнѣнія: «И сочинитель етѣхъ изслѣдованій (о Славянскихъ древностяхъ),— говоритъ онъ—(162), въ одномъ изъ прежнихъ своихъ сочиненій смѣшалъ было, по крайней мѣрѣ, по имени Мидскихъ Сарматовъ съ Виндскими Сербами и, слѣдовательно, хотя неумышленно , но все же содѣйствовало нѣсколько къ утвержденію ложнаго мнѣнія о сродствѣ Сарматовъ и Сербовъ. А по тому, тѣмъ болѣе обязанъ онъ позаботиться сдѣсь о томъ, чтобы, сколько можно, исправить вредъ, нанесенный такимъ промахомъ, и вывести изъ заблужденія какъ себя, такъ и другихъ, слѣдуя въ этомъ извѣстному изреченію древняго поэта: «Una manus nobis vulnus optemque ferat» (*Ovid.*). Да, повторяю, высокій примѣръ для всеи, вооруженной церьями, «кинжолон уади», не слишкомъ довѣрять себѣ и собственнымъ своимъ мнѣніямъ и предположеніямъ, по тому только, что они наши, кровь и сокъ наши. Развѣ не смѣшно думать, что мы, де, только непогрѣшимы, у насъ однихъ только и находится ключъ къ дверямъ, ведущимъ въ храмъ истины? Что насъ уполномочиваетъ на такіа высомѣрныа мысли о себѣ, своемъ умѣ? Вѣдь не одни мы ищемъ правды, стало быть, нельзя же думать, чтобы всѣ прочіе соискатели, извѣстные и неизвѣстные намъ, принадлежали исключительно къ породѣ узколобыхъ? «Neminem decet consiliis adeo niti progriis»,— говаривали въ старину въ школахъ, — «ut non cedat alienis». Но тѣмъ, кто водится въ этомъ случаѣ противоположными правилами, вѣрять больше въ себя во всѣхъ отношеніяхъ жизни, тотъ, рано, поздно, принужденъ будетъ сознаться въ своемъ заблужденіи, отъ самоувѣренности и самопоклоненія происшедшемъ, если только въ немъ человѣческая при-

рода не совсѣмъ еще огрубѣла, дошла до степени, такъ сказать, окаменѣнія, тотъ принужденъ будетъ сказать съ Римскимъ пѣвцемъ: «*Non patior telis vulnera facta meis!*» (*Ovid., Hor.*). Шафарикъ, однако, не принадлежитъ къ разряду этого рода людей, и, по тому, судя по прежнему и вообще по его свойствамъ, напередъ сказать было можно, что онъ не замедлитъ и въ нашемъ вопросѣ тотчасъ же отступиться отъ прежняго своего мнѣнія и присоединиться къ тому, какое указываютъ новооткрытые памятники. И точно, въ 1848-мъ году, въ 1-й книжкѣ 1-й части Журнала Чешскаго Музея (*Časopis českého Museum, dílu prvního svazek první*), издаваемого въ Прагѣ, явилась статья Шафарика: «*Rozkwět slowanské literatury w Bulharsku*», немедленно мною переведенная и напечатанная въ «Чтеніяхъ въ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ» (кн. VII-я), подъ заглавіемъ: «Разцвѣтъ Славянскои письменности въ Булгаріи», но читана была сочинителемъ въ королевскомъ Чешскомъ Ученомъ Обществѣ 25 ноября, 1847 г. пов. числ. Статья эта представляетъ краткій, но чрезвычайно замѣчательный, обзоръ происхожденія письменности у Славянъ Булгарскихъ по новѣйшимъ даннымъ, изъ коихъ почти всѣ, принадлежащія до памятниковъ, находящихся въ Россіи, только что открытыхъ и печатаемыхъ, либо и прежде извѣстныхъ, но вполне приготавливаемыхъ къ печати, взяты имъ изъ его переписки со мною (какъ я сказалъ уже разъ выше). Въ ней Шафарикъ многое исправляетъ изъ прежнихъ своихъ мнѣній, въ томъ числѣ и мнѣніе о времени составленія Славянскихъ писемъ. Оно изложено имъ тотчасъ за очеркомъ жизни нашихъ первоучителей, принявшеи, по собственнымъ его словамъ, теперь, въ слѣдствіе открытія совершенно новыхъ или, по крайней мѣрѣ, забытыхъ и мало извѣстныхъ, жизнеописаній, гораздо большіи противу прежняго объема и отчасти новый видъ (163). Вотъ это мнѣніе, въ подлинникѣ и моемъ Рускомъ переводѣ. «*Základ ke staroslowanskému písemnictví položen Cyrillem w Carhradě, nejpodobněji na konci l. 861 nebo na začátku l. 862, sestavením písma čili abecedy a přeložením čtení Sw. Ewangelium: w tom nejstarší slowanská legenda o Cyrillowi od Klimenta a nejstarší latinská od Gauderika zároveň jsau shodny* (Legend. slow. kap. XIV; Acta SS. M. Mart. 20. §. 7).

Dílo dokončeno w běhu čtyr let w Morawě přeložením hlavních tehdejších bohoslužebných čili liturgických knih, jakéz jsau, mimo *Čtení z ewangelií a epíštol, Žaltár, Paremejník, Časoslow, Služebník, Trebník a Oktoich Damaskina*. W této práci měli nemalé aučastenství bez pochyby i nejprwnejší a nejpřednejší učedníci Cyrilla a Methoda, zejména Kliment, Naum, Angelar, Sáwa, Gorazd, z nichž prwní rodilý Bulhar, poslední rodilý Morawan. «Начало Древнеславянской грамоты положено Кирилломъ въ *Царьградъ*, по всему вѣроятію, въ концѣ 861, либо въ началѣ 862 года, именно составленіемъ письменъ или азбуки и переводомъ Чтеній изъ Евангелія; въ этомъ согласны какъ древнѣйшее Славянское Сказаніе о Кирилѣ, сочиненное Климентомъ; такъ равно и такое же древнѣйшее сказаніе Латинское, писанное Гавдерикомъ. Начатое дѣло кончено въ теченіе четырехъ лѣтъ на Моравѣ переводомъ главныхъ, въ то время употреблявшихся, богослужебныхъ или литургическихъ книгъ, каковы, кромѣ *Чтеній изъ Евангелія и Посланій, Псалтырь, Парамейникъ, Часословъ, Служебникъ, Требникъ и Октоихъ Дамаскина*. Въ этомъ трудѣ, безъ сомнѣнія, принимали не малое участіе также первѣйшіе и лучшіе ученики Кирилла и Меѳодія, именно: Климентъ, Наумъ, Ангеларъ, Савва и Гораздъ, пзъ коихъ первый родомъ Булгаръ, а послѣдній Морawanъ» (163).

Надобно замѣтить, однако же, что Шафарикъ въ этомъ случаѣ, собственно говоря, возвратился только къ первоначальному своему мнѣнію, высказанному имъ еще въ его «*Geschichte der slawischen Sprachen und Literatur nach allen Mundarten*. Ofen, 1826», мнѣнію, конечно, тогда больше опиравшемуся на одномъ лишь предположеніи, нежели соображеніи, всѣхъ, къ нему относящихся, обстоятельствъ. Но не разъ уже повторяли, что часто простая логика свѣтлой и многообъемлющей головы попадаетъ не меньше въ цѣль, какъ и самыя точныя, обширныя и совѣстанныя розысканія; что послѣднія не разъ блистательно подтверждали смутныя предчувствія истины, заключавшіяся въ первыхъ. И хотя послѣ, столкнувшись съ мнѣніями противоположными, но подкрѣпленными надлежащимъ числомъ до-

водовъ, расположенныхъ въ строгомъ порядкѣ и, по видимому, естественной связи между собою, случается поддаться обаянію мнимой учености, однако, когда наступитъ пора собственнаго изслѣдованія, невольно возвращаемся къ прежнимъ нашимъ, такъ называемымъ нами же самими, безотчетнымъ гаданіямъ, и съ изумленіемъ, въ первый разъ, замѣчаемъ, какъ много было въ нихъ вѣрнаго, хотя и высказаннаго, статья можетъ, темно, неопредѣленно, очеркомъ. Такъ и Шафарикъ, излагая дѣятельность нашихъ благовѣстниковъ, выразился было, почти 30 лѣтъ передъ тѣмъ, слѣдующимъ образомъ о нашемъ предметѣ: «Nach seiner Zurückkunft von der chasarischen Mission schickt der mährische Fürst Rastislaw zwischen 861 — 863 seine Gesandten an Ks. Michael, und bittet sich einen Lehrer aus, von dem sein Volk lesen lernen, und in dem christlichen Gesetze vollkommener unterrichtet werden könnte. So nach einer Legende, die die Bekehrung der Bulgaren ganz übergeht; allein wenn auch die Gesandtschaft aus Mähren an Ks. Michael nicht etwa eine blossе Ausschmückung seyn sollte, so ist doch aus andern Berichten mehr als wahrscheinlich, dass Constantin und Method vor ihrer Abreise nach Mähren an der Bekehrung der Bulgaren arbeiteten. Um sich mehr Eingang zu verschaffen, erfand Constantin, wo nicht schon zu Constantinopel, doch gewiss in der Bulgarei, die slawonische Schrift, und übersetzte das Evangelium u. s. w. Die Erfindung des slawischen Gottesdienstes musste natürlich auch bei andern slawischen, schon eher getauften, Völkern den Wunsch erregen, solche Lehrer zu erhalten. Diess gab Anlass, sie nach Mähren einzuladen, es möge nun durch eine Gesandtschaft an Ks. Michael, oder auf eine andere Art geschehen seyn. Nun gehen Constantin und Method 863 nach Mähren. Man nimmt sie mit Freuden auf. Vier und ein halbes Jahr bleiben sie daselbst, predigen und richten den Gottesdienst in slawischer Sprache ein» (164). Очевидно, составленіе Славянскихъ писемъ по етому мнѣнію Шафарика, произошло въ промежутокъ 861—863 года, по тому что посольство Ростислава, какъ онъ думаетъ, было только слѣдствіемъ желанія получить учителей, «иже къ ны въ свои азъны востуюя крѣоу Хрѣтіанскоюу сказзла» (Жит. Кирилла), т. е., когда

молва о проповѣданіи Христіанства въ сосѣднихъ юговосточныхъ земляхъ, на языкѣ народонаселенія ихъ, дошла и до Моравскаго князя: «Philosopho autem reverso Constantinopolim, audiens Rastislaus, princeps Moraviae, quod factum fuerat a Philosopho in Gazarorum provincia, ipse quoque genti suae consulens, misit ad praedictum Imperatorem nuncios hoc, quod populus suus ab idolorum quidem cultura recesserat et christianam legem observare desiderabat, verum doctorem talem non habeat, qui ad legendum eos et ad perfectam legem ipsos edoceat: rogare se, ut talem hominem ad partes illas dirigat, qui pleniter fidem et ordinem divinae legis et viam veritatis populo illi ostendere valeat» (Leg. Gauder.) (165). Нужды нѣтъ, трудился ли Константинъ и Меѳодій надъ обращеніемъ Славянъ до прибытія Моравскихъ пословъ въ Византію, или нѣтъ; они могли явиться уже и въ слѣдствіе проповѣди ихъ у другихъ народовъ на языкѣ сихъ послѣднихъ, особливо у Козаровъ, сосѣдей Моравцевъ, какъ о томъ именно говоритъ приведенное сейчасъ извѣстіе Италіянскаго Сказанія. Что сдѣлано для одного народа, то могло быть сдѣлано и для другаго, слѣдовательно, и для моего, заключаѣтъ Ростиславъ. Тѣмъ болѣе это возможно было, если оба братья, или же, по крайнеіи мѣрѣ (что, кажется, вѣроятнѣе), одинъ, возвратившись изъ Козаръ, занимался обращеніемъ Греческихъ и Булгарскихъ Славянъ. Тогда, слухъ о томъ, конечно, не могъ не дойти до Моравцевъ, какъ извѣстно, сосѣдившихъ съ владѣніями Булгаръ уже у Пешта на Дунаѣ. Въ эту пору обращенія Славянъ, какъ первую попытку, послѣ обращенія другихъ народовъ, когда не извѣстно было еще, какъ пойдетъ дѣло, не было настоятельной нужды въ изобрѣтеніи письменъ для обращаемыхъ, какъ бы только для одного лишь опыта, точно такъ, какъ не нашли же оба они необходимымъ того и для Козаръ, не зная еще, каковъ будетъ успѣхъ предпріятого ими. Стало быть, до Ростиславова посольства хотя бы кто изъ двухъ братьевъ и проповѣдывалъ уже Славянамъ на Фракійскомъ полуостровѣ, не было еще большой настоятельности въ составленіи для нихъ особой азбуки: потребность ея вызывается, конечно, не первыми попытками, но очевидностью успѣха, осуществленіемъ его, необходимостью въ ней большинства, массъ, а не

какихъ ни будь единицъ, какъ бы онѣ важны сами по себѣ ни были. По тому Шафарикъ правильно предполагалъ, говоря: если посольство Моравскаго князя дѣйствительно состоялось, а не есть пустая выдумка, то Селунцы наши, прежде, нежели пустились въ Моравію на проповѣдь, должны были заняться ею въ Българіи, что, по свѣдѣтельству нѣкоторыхъ источниковъ, въ самомъ дѣлѣ имѣло мѣсто. Это и естественно, и сподручно; при томъ, обращая чужихъ, далекихъ, какъ же не подумать было, кончивъ его, и о ближайшихъ, своихъ? Обращеніе это должно было имѣть хорошиі успѣхъ, если о проповѣданіи ихъ узналъ и Моравскій князь; или, отвергая даже посольство, намѣреніе ихъ долженствовало быть довольно твердо и опираться на успѣхъ и виды на него несомнѣнные, если они рѣшились проникнуть далѣе на сѣверъ, въ Великоморавію, и тамъ попытаться то же пронавестить, что и въ сосѣдней Българіи. Ибо пребываніе ихъ у Моравцевъ засвѣдѣствовано самыми неопровержимыми источниками. А чтобъ рѣшиться на успѣхъ въ такомъ дальнемъ путешествіи, нужно было имѣть обезпеченіе въ немъ напередъ, разумѣю, нужно было имѣть успѣхи въ ближайшей землѣ. Впрочемъ, такъ ли, иначе происходило, только, замѣчалъ Шафарикъ, во всякомъ случаѣ еще до отпращиванія своего въ Моравію, Константинъ и Меѳодій вмѣстѣ, или же порознь, даже одинъ кто либо изъ нихъ, трудился уже въ проповѣданіи между Славянами Българскими, какъ увѣряютъ въ томъ тоже нѣкоторые показанія древности, на примѣръ, Моравское Сказаніе: «Egressus vero venit primo ad Bulgaros (vel Vulgares), quos divina cooperatrice (alii «cooperante») gratia sua praedicatione convertit ad fidem» (166); и трудъ былъ, должно полагать, не напрасенъ, по тому что, приведши къ Моравцамъ, они явились туда уже съ словомъ Божиимъ на языкѣ Славянскомъ, по единодушному свѣдѣтельству всѣхъ почти источниковъ; слѣдовательно, первый опытъ перевода сдѣланъ былъ, — заключаетъ Шафарикъ, — въ одномъ изъ двухъ мѣстъ: либо въ самомъ Царьградѣ, либо же навѣрное въ Българіи, а по тому, и азбука или письмена составлены тамъ же; стало быть, до прибытія въ Моравію и послѣ возвращенія изъ Козарской земли, другими словами, между 861 и 863-мъ

годомъ. Справедливость такого, такъ сказать, предварительнаго, умозаключенія, какъ мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ, вполне оправдалась повѣишими самаго умозаключавшаго и другихъ, независимо отъ него дѣйствовавшихъ, изслѣдованіями, произведенными въ разное время и подъ разными обстоятельствами.

Совершенно иного мнѣнія о началѣ и времени Славянскихъ писемъь *Копитаръ*, *Венелицъ* и нѣкоторые изъ современныхъ намъ писателей.

Копитаръ былъ когда-то жаркимъ поклонникомъ знаменитаго Добровскаго, сочиненій коего не выпускалъ изъ рукъ своихъ даже въ послѣдніе дни жизни; однако, по смерти его, мало по малу, сталъ кое въ чемъ уклоняться отъ своего образца и, наконецъ, во многомъ совершенно разошелся. Это ни чуть не унижаетъ его, напротивъ, служитъ еще къ большому возвышенію, свѣдѣтельствуя о нѣкоторой своеобразности. Такъ, спустя 7-мь лѣтъ послѣ кончины своего друга, какъ онъ любилъ повторять его, былъ изданъ имъ «*Glagolita Clozianus id est codicis glagolitici inter suos facile antiquissimi λειψανον foliorum XII membraneorum, servatum in bibliotheca comitis Paradis Cloz Tridentini. Vindobonae MDCCCXXXVI. fol.*». Въ этомъ сочиненіи предпослано имъ «*XXXIX Prolegomena*», потомъ «*Opus ipsum*», переписанное Кириллицей («*interpunctio codicis et distinctio editoris*»), «*graecum προλεγμενον Slavi interpretis, slavicae versionis interpretatio, et locorum biblicorum collatio*»; далѣе «*Epimetron, h. e. collatio interpretationis psalmi CIII, I—II, e codice sec. XI. glagoliticyrilliano, cum archetypo graeco ejusdem interpretationis, itidem inedito, e codd. Ambros. et Vindobonensi*»; а въ заключеніе «*Slavorum linguae sacrae Grammatica brevis et lexicon*». Въ «*Prolegomena*» онъ выступилъ съ мнѣніемъ, совершенно противоположнымъ Добровскому, о древности Глагольскаго письма, утверждая, что оно если не старѣе, такъ ужь ни чѣмъ не моложе Кирилловскаго: «*Stat ergo firma sententia: literas Slavorum glagoliticis, quoad aetatem, esse saltim aequales cyrillianarum. An sint etiam antiquiores, nunc non est nostrum scrutari: sufficit*

non videri recentiores» (pag. IV, col. 2). Въ этомъ, конечно, имѣя отрывокъ Глаголическаго памятника, по всему, древнѣйшаго тѣхъ, которые были извѣстны Добровскому и на основаніи которыхъ онъ относилъ появленіе Глаголитики къ первой четверти XIII-го столѣтія, Кошитаръ ослабилъ послѣдняго, хотя, по сію пору, не рѣшено еще окончательно, точно ли защищаемое имъ письмо не уступаетъ въ старинѣ Кирилловскому. Во всякомъ случаѣ, появленіе обѣихъ азбукъ, по его словамъ, современно; стало быть, опредѣливъ годъ одной, съ тѣмъ вмѣстѣ опредѣлимъ и годъ другой. Какой же именно этотъ годъ, Кошитаръ ничего обстоятельно не говоритъ, и только въ одномъ мѣстѣ указываетъ на него, и то не безъ оговорки. Ревностный защитникъ правъ своей Церкви и верховнаго главы ея, онъ и тутъ, какъ во многихъ другихъ своихъ, явныхъ и тайныхъ, сочиненіяхъ, свелъ вопросъ чисто ученый на вѣроисповѣдно-спорный. Пользуясь свѣдѣтельствомъ исторіи о пребываніи Константина и Меодія у Коцела, сталъ утверждать, что богослуженіе на Славянскомъ языкѣ въ первый разъ появилось здѣсь, у Славянъ Панноцскихъ, иначе Хорутанскихъ, а по тому языкъ нашихъ Священныхъ книгъ, собственно, есть языкъ области князя Блатенскаго, стало, и письма составлены и приспособлены, первоначально, для говорившихъ имъ и на его землѣ. Вотъ мѣста изъ его, упомянутаго выше, сочиненія, относящіяся сюда: «*Pannonici Slavi, olim primi linguae Slavorum sacrae auctores, hodie illius expertes sunt in ecclesia; latinam plerique colentes Missam, domi tantum utuntur vernacula; quae tamen, licet plus mille annis ieterlapsis, sacrae veteri et ipsi inter peregrinos plus minus mutatae etiam hodieque reliquarum omnium proxima et simillima permansit. Proximi his Bulgari, apud quos sec. X — XIII laetissime effluerat S. Methodii lingua sacra, Serbis cessere locum, cumque his etiam veris in Dalmatia Croatis (nam qui nunc ita vocantur Zagrabenses, ad pannonicos potius Slavos pertinent). Serbi et Croatae continuavere usque ad typographiae inventionem captamque a Turcis Constantinopolin. Ex eo vero tempore Russi, qui quamvis omnium novissime conversi, tamen statim ab initio officio quidem suo fecerant satis. in his reliquorum Graecorum et Slavorum graeci ritus angus-*

tiis, ipsi ex tuto speculati pedetentim et ecclesiae graecae et slavicae ejus ritus liturgiae curam tutelamque universam, una cum tanti patronatus fructibus amplissimis, nemine obstante, sibi vindicarunt» (Glagol. Cloz., pag. XII—XIII). Далѣе, сказавъ о мѣстѣ жительства Паннонскихъ Славянъ, простирившихся когда-то отъ устья Савы до Адриатическаго моря и верховьевъ Дравы и Муры, продолжаетъ: «Certeque frequentissima cum indigenis et vicinis Christianis exercentes pacis commercia, pannonici hi Slavi (partim tributarii, partim liberi), primi omnium Slavorum Christo nomen dederant, hocque Fortunae beneficio gloriam immortalem sunt adepti, sua primum dialecto reddita Christianae fidei mysteria iisdem plane vocabulis Croatis primum (167), postea etiam reliquis omnibus Slavorum populis imperiendi» (pag. XXX, col. 1). При этомъ ссылка на «Слованку» Добровскаго. Ссылка эта здѣсь повторена только: выше, въ отдѣлѣ XII, озаглавленномъ: «Slavorum linguae sacrae origines», она приведена въ первый разъ послѣ самыхъ первыхъ словъ о томъ же предметѣ, именно, утверждая, что слова, относящіяся до Христiанскаго богослуженiя, принадлежатъ, по мнѣнiю самаго Добровскаго, Славянамъ Паннонскимъ: «Slavis omnino Pannoniis, utpote primis omnium christiana sacra amplexis, prima deberi rerum christianarum vocabula, sponte jam dudum agnoverat ipse Dobrovius (v. Slovanka A. 1814, I. 72); nec nisi cavillans (ut erat ingenio luxuriante animoque victae causae succurrere gestiente) postremo maluit in eremos et latibula nescio cujus veteris, nondumque commixtae dialecti serbo-bulgaro-macedonicae secedere (v. illius Cyrillum et Methodium, 1823, p. 131—133). Poterat ille quidem jure abnuere propositam a Russo Kalajdovič (in «Joanne Bulgariae exarcho, Mosquae 1824) dialectum moravicam: sed aequae debebat nimis bene fundatam primam suam sententiam de pannoniorum Slavorum primatu aut servare, aut melioribus ipse argumentis evertere. Id quod nec fecit, nec puto potuisset facere. Nam ut taceamus, hodiernam sesquimillionis reliquiarum Pannoniae et Norici Slavorum dialectum, per varios casus, perque tot discrimina rerum, tamen hoc ipso adhuc die propius abesse a lingua sacra, quam aut reliquorum Pseudo-Ilyriorum aut ipsorum Bulgarorum pessime a Dobrovio Ilyriis accensitorum» (pag. XI). Итъ сомнѣнiя,

что въ нашъ, можетъ быть, мало признательный вѣкъ (не смотря на множество всякаго рода признаній, исповѣдей, и тому подобнаго, излагаемыхъ въ, такъ называемыхъ, запискахъ, посмертныхъ и досмертныхъ, большею частію скрывающихъ, нежели разоблачающихъ), всякое признаніе показываетъ, въ душахъ благородныхъ, признательность, а въ людяхъ съ противными свойствами, по крайней мѣрѣ, стремленіе къ исправленію, если только они не совсѣмъ еще загрубѣли (по тому что тогда это просто хвастовство тѣмъ, чего не слѣдуетъ выказывать); отъ того, читая приведенную ссылку Копитара на Добровскаго, сперва можно было бы подумать о первомъ, т. е., что онъ, указывая на нее, хотѣлъ, съ тѣмъ вмѣстѣ, указать на первовиновника этой мысли, вовсе не желая присвоить ее себѣ, но довольствуясь только второстепенной ролью, ролью разработателя ея. При повѣркѣ оказывается противное. Въ сборникѣ своемъ, названномъ «Слованкой» (Славянкой), и содержащемъ разнаго рода статьи, преимущественно критическія, по поводу чтенія различныхъ сочиненій и памятниковъ писанья, Добровскій напечаталъ небольшое объясненіе Славянскихъ названій мѣсяцевъ, выписавъ ихъ изъ «Славенки» г. Ганке изъ Ганкенштейна, въ которой помѣщенъ былъ послѣднимъ разборъ одной старинной богослужебной рукописи (Будниъ, 1804, въ 4-ку), стр. 64, въ концѣ коей находится Синаксарь или Свящцы. Заключая объясненіе свое, онъ говоритъ о трудности указать на землю и народъ, въ коей етъ названія показались въ первой разъ, и прибавляетъ, въ видѣ догадки: *Vermuthlich haben die rannonischen Slawen vom Kroatischen Stamme diese Namen erfunden, von welchen sie durch die Cyrillisch-liturgischen Bücher bis nach Russland gekommen seyn mögen*» (168). То ли у него? Что Добровскій не придавалъ этому мнѣнію своему особенной важности, служитъ доказательствомъ, во первыхъ, оговорка его, «*vermuthlich*», а во вторыхъ дальнѣйшія слова: «*Man hat sich aber eben nicht sehr an diese Namen gebunden, indem man von Zeit zu Zeit in andern Ländern wieder andere ausgesonnen hat*», чему тутъ же приводить и примѣры. Слѣдовательно, онъ не заслуживаетъ ни того упрека, который сдѣлалъ ему Копитаръ, за невѣрность самому себѣ (какъ будто писатели ужъ не могутъ ошибаться

ся, или, сказавъ, даже напечатать разъ, должны при томъ вѣчно оставаться), ни той чести, которою думалъ онъ почтить его, какъ первовиновника этой мысли; въ самомъ же дѣлѣ, умыселъ тутъ, очевидно, другой былъ, выражаясь словами всѣмъ извѣстной басни, то есть:

«Хозяинъ музыку любилъ».

Какъ тотъ уловкой старался заманить къ себѣ сосѣда своихъ доморощенныхъ пѣвчихъ слушать, такъ и онъ, указывая на первоисточникъ, конечно, мнимый, приводимой имъ идеи, имѣлъ въ виду сообщить ей тѣмъ хотя нѣкотораго рода значеніе, понимая хорошо, что славное имя всегда производитъ магическое дѣйствіе на толпу читателей, или слушателей, у всѣхъ народовъ и во всѣ времена. Что это имѣлъ онъ въ виду, лучше всего показываетъ то обстоятельство, что ни разу не былъ пропущенъ имъ случай сдѣлать ссылку на это мнѣніе Добровскаго, какъ оно ни коротко и мало цѣнимо самымъ виновникомъ его. Тѣмъ не мене, опирался на него, какъ на скалу, Конитаръ, съ свойственной ему отъ природы смѣлпвостью, продолжая, кстати и не кстати, утверждать одно и то же въ своихъ сочиненіяхъ, безпрестанно разнообразя только одніи лишь формы выраженія. На примѣръ, въ томъ же *Glagolita Clozianus* и на томъ же мѣстѣ (Отдѣлъ XXIX, р. XXXI), продолжая даже свою рѣчь, говоритъ: «*Neque enim primo favore contenta bona Fortuna etiam A. 870 Methodium graecum ab ipsa Romana Sede Apostolica constitutum Pannoniae Archiepiscopum impulit, ut ad expungendos, tempore quidem temporisque jurē potiores, sed et ferociores violentioresque, ideoque odiosos, e nova sua Metropoli Pannoniensi rivales Salisburgenses, «Slaviná linguà cantaret missam», exemplo in Occidentali ecclesia novo et inaudito ...ut A. 880 ipse Johannes papa VIII, iterumque A. 1248 Innocentius IV, mallent permittere novationem speciosissimi uniceque in Occidente privelegii, quam in periculum adducere salutem fidemque gentis in Europa omnium numerosissimae.... Sed nec hostes, Arnulphus Photiusque, interea dormiebant, paganos Hungaros hinc evocantes, illinc immitentes nefario scelere in novam Methodii segetem, sicque Bulgariam asserentes Graecis! Ita jurisdictioni quidem Romani pontificis tunc periit interius*

Illyricum; eodemque fato profugi pannonici S. Methodii libri sacri apud Bulgáros, Serbos et Croatas Dalmatasque, tandemque ipsos remotissimos Russos paratissimum quidem receptum habuere, imo et profectum, ad nostra usque tempora continuatum: primae tamen *originis*, et *patriae* sedis gloria manet aeternumque manebit Slavis Pannoniis. In Pannonia enim, ipsaque Pannonicorum Slavorum dialecto, Christianorum minime recentium romanae ecclesiae, illiusque calendario utentium, liturgiam slavicam cepisse initia, praeter argumenta firmissima, quae jam §. XII attulimus, accidit testimonium luculentissimum Ostromiriani codicis, omnium hucusque vetustissimi, A. 1057, in cujus synaxario festum S. Silvestri papae assignatur ad d. pridie Kal. Jan., more occidentalis ecclesiae, cum orientalis illud assignet ad d. IV. Non. Jan.». Не прерывая нити выписокъ объ одномъ и томъ же его мѣстѣ, я приведу всѣ ихъ тутъ же въ порядкѣ, и по томъ уже обращусь къ его «firmissima argumenta». Въ Огдѣрѣ XXX: «Dialectorum slavicarum cisdanubianarum contentio», говоря о трехъ главнѣйшихъ изъ нихъ, замѣчаетъ, что «Carantani omnes, Croatarum et Serborum major pars jam ducentis circiter ante SS. Cyrilli et Methodii adventum annis Christo nomen dederant, ope latinorum ex Italia potiusque Francia monachorum missionariorum. De Bulgaris certant Critici, utrum A. 861 an 863 — 865 acceperint baptismum; quamquam nostro quidem iudicio hoc proprie de *Dominis* Bulgaris est intelligendum, nilque impediat, quo minus *subjecti* illis Slavi et in Pannonia Savia et in Moesia jam antea, plus minus Christiani fuerint, vel tacente historia. Neque ipsa historia tacebit, si quis quaerat curiosius. In concilio Constantinopolitano A. 870 legati Bulgarorum confitebantur, populares suos, cum primum occupassent Moesiam, graecos ibi presbyteros invenisse. Urge sis quae hinc consequantur. Utcunque fuerit, sive a subjectis sibi Slavis Bulgari didicerint rerum christianarum vocabula, sive ea SS. Cyrillus et Methodius importarint e Pannonia, hoc certo est certius, esse necessario haec vocabula *primitus profecta a Germanis*, quippe ipsa germanicissima, deberique Slavis Carantanis utpote unis cis Danubium historia teste Germanorum catechumenis» (pag. XXXII). Етѣ «vocabula sacra Slavorum», на которыхъ онъ столько на-

пираетъ тутъ, и которыя, по его убѣжденію, неопровержимо подтверждаютъ «*Pannonietatem* (liceat sic appellare rannonicam originem patriamque) linguae Slavorum sacrae», суть: цркъ Kirche; олтарь Altar; хръсть et хръстити (recentius врѣсть et врѣстити) Christ et christen; постъ Faste; нон phaph; пейль et пейло pēch Alemannis sec. IX pro inferno; срьда (medium) pro die mercurii cum Germanis, quibus est Mittwoch; цъсарь francica medii aevi pronuntiatione Caesaris; itidemque оцътъ acetum, aliaque id genus plane non potuisse proficisci nisi a populo Germanis et Italis vicinissimo, ab iisque primitus Christianismum edocto. Atqui hoc nonnisi in Slavos Norici et Pannoniae (sive eos malis medii illius aevi vocabulo universim Carantanos appellare) quadrat, dudum Christianos uno pluribusve ante Methodium seculis» (pag. IX). Въ примѣчаніи къ отдѣлу XXIX прибавляетъ еще нѣкоторыя: «Etiam vocabula nonnulla succurrunt, e Bavarorum aperte lingua in Slavicam sacram illata: пеназь e *phening* germanico fecere Slavi, sicut князь e *chuning*, et jam olim in Sarmatia оуцеразь e gothico *ausab-rings* (inauris, hodie Ohrring). Vides germanicum *g* rite mutatum in *z*, sequente *ь*; idemque postliminio redire in князьгымъ sequente *ь*. Sic et вьрлоа fecere e *carmla*, voce citata pro bavarica in *Lege Bajuvariorum* medii aevi; ubi itidem vides Slavum more suo praemittere consonantes (врл-pro car-) sicut facit in вьрадъ, вьрадъ, вьродъ, зьаго, respondentibus germ. *gard*, *bart*, *furt*, *gold* etc.» (pag. XXXII). Ни мало не думая пускаться сдѣсь въ подробное опроверженіе несостоятельности такого доказательства Паннонскаго происхожденія языка нашихъ Священныхъ книгъ, считаю достаточнымъ упомянуть только о нѣкоторыхъ.

Прежде всего выставлю на видъ то обстоятельство, что Житія Кирилла и Меодія, извѣстныя, по мѣсту ихъ написанія, подъ именемъ Паннонскихъ, рѣзительно противорѣчатъ такому мнѣнію, прямо относя составленіе Славянскихъ письменъ и, въ слѣдъ за тѣмъ, переводъ Священнаго Писанія (конечно, не всего, но лишь извѣстной части его), еще ко времени пребыванія обонхъ братьевъ въ столицѣ Греческаго Царства, и при томъ въ слѣдствіе предложенія самаго царя Михаила и Собора принять приглашеніе Великоморавскаго

государя объ отправленіи къ нему «оучителю, иже въ» народу его въ свои азъкъ истощю встроу хрѣтѣльскою сказалъ»; что, Константинъ, когда на него именно было указано, какъ на единственнаго, къ тому способнаго, мужа, послѣ отклоненія отъ себя этого предложенія за болѣзнію, соглашался на него, только подъ условіемъ, «аще имоуть боукы въ азъкъ свои»; а когда императоръ отвѣтилъ отрицательно, и настаивалъ на своемъ, опровергая его возраженія и замѣчая, если только онъ согласится, Богъ непременно дастъ ему искомое, «иже дають всемъ, иже просать несоущиненіемъ, и отврзаетъ тькоушннѣ», философъ, напослѣдокъ, уступилъ, «и молитвоу са иложи, и вскоре а имоу Кѣъ иви, послѣшла молитвы рабъ своихъ, и днне сложи писмена, и илуа вездюу писати ѣтъською: искони въ слово, и проуд». Въ посланіи къ Ростиславу, Михаилъ, между прочимъ, тоже прямо замѣчаетъ, что шлетъ къ нему мужа, которому Богъ, видя вѣру твою, открылъ буквы: «и нннѣ въ наша аста, икль боукы въ кашъ азъкъ, да и влъ приулететеса велицѣхъ азъцѣхъ, иже сазать Бѣа своимъ азъкомъ, и то ти послахоуъ того, ижжа ухъстна и благосврдн, кнннѣна зѣло и философъ». Въ Житіи Меѳодія тоже самое и почти тѣми же выраженіями, только сжатѣе: «тъгда не смастаса ѡрѣци (Константинъ и Меѳодій) ни Кѣа, ни цѣа, но велию слышавъши рѣкъ, из молитвоу са иложиста... да тоу иви Кѣъ философѣу Словѣньскы кнннѣ, и днне оустронѣкъ писмена и вездюу съставалъ, поути са иатъ Моравьскыго, поннѣ Меѳеоднѣ». Противу такого прямого, современнаго и туземнаго показанія, нельзя ничего возразить, но тому что сдѣсь нѣтъ ни малѣйшаго повода предполагать какой либо подлогъ; а если это такъ, то, безъ сомнѣнія, такое точное и непосредственное свидѣтельство въ прахъ обращаетъ все наши недоумѣнія. Чтобъ сколько ни будь ослабить его, прежде всего нужно доказать намъ подложность, по меньшей мѣрѣ, несовременность онаго, что едва ли возможно: въ такой высокой степени оба етъ памятника проникнуты во всемъ своемъ составѣ подлинностью, дышать своимъ вѣкомъ и духомъ. «Знай Копитаръ снн памятники, навѣрно не сталъ бы доказывать противнаго». Можетъ быть; но, знаа его и лично, и по сочиненіямъ, сомнѣваюсь, тѣмъ болѣе, что Житія Паннонскія, въ сущности своей, какъ замѣчено уже выше, суть источникъ,

давнымъ давно извѣстнѣйшимъ нашимъ предкамъ; лучшимъ доказательствомъ тому служатъ различныя сработки ихъ, изъ коихъ послѣдняя извѣстна была уже Шлёцеру, приходившему въ такое восхищеніе отъ нея и сдѣлавшему ее доступной всѣмъ изыскателямъ въ своемъ Несторѣ, слѣдовательно, и Коштару, не говоря уже о томъ, что въ земляхъ Православныхъ памятникъ этотъ всегда былъ доступенъ большинству въ «Книгѣ житій Святыхъ», составляющей то же самое для нихъ, что для Католиковъ «Acta Sanctorum» (169).

Довольно было бы и этого одного доказательства, но я остановлюсь нѣсколько на одномъ съ Коштаромъ полѣ, и рассмотрю его доводы, какъ бы вовсе не существовало только что приведеннаго мною противъ него неопровержимаго доказательства, чтобы показать, что и безъ этого послѣдняго, они не могутъ быть названы удовлетворительными. И точно, держась его мнѣнія, намъ придется отвергнуть всѣ показанія древности о мѣстѣ перваго появленія Богослуженія на Славянскомъ языкѣ и, неразрывно соединеннаго съ нимъ, составленія письменъ, изъ коихъ ни одно не указываетъ на его Паннонію. Не уже ли никому изъ цѣлой древности, въ теченіе тысячелѣтій, не могла прийти въ голову мысль считать эту страну колыбелью письменъ нашихъ, если бы представлялась тому хотя малѣйшая вѣроятность? Соглашаюсь, что человѣкъ необыкновенной остроты ума и силы сообразительной въ состояніи открыть присутствіе истины тамъ, гдѣ никому не спилось даже въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ; соглашаюсь и на то, что такой случай могъ имѣть мѣсто именно тутъ, и, однако же, я все таки позволяю себѣ спросить: какимъ же образомъ согласить тогда три, совершенно противорѣчающія одно другому, мнѣнія Коштара, изъ коихъ по первому: *Cyryllum et Methodium fratres, Slavorum linguam Pannonicae suae dioeceseos vernaculam adhibuisse etiam ad sacra, eamque scripsisse commodiore sibi, utpote Graecis, caractere graeco, assumtis e veteriore glagolitico, ignoti, ut in re veteri, auctoris, nonnullis signis sonorum Slavis propriorum* (XIII, pag. X.); по второму: «*Cyryllum pro sua ipsius commoditate ex illorum (sc. Slavorum cisdanubianorum glagolitarum) alphabeto nonnisi trientem adoptasse, reliqui besis loco retentis*

commodioribus sibi graecis litteris simplicibus, aequivalentibus totidem simplicibus slavica» (Hesychii pag. 40); а по третьему: «Anno 870 Methodium.... ut.... Slavina lingua cantaret missam», exemplo in Occidentali ecclesia novo et inaudito?» (Glag. Cloz. pag. XXXI). Последнее предположение подкреплено у него еще следующим примѣчаніемъ: «Non temere apponimus A. 870, sed rite expensis omnibus rei adjunctis. Vetus Cyrillianorum traditio inventionem alphabeti cyrilliani assignat indictioni III, quae A. 870 aptissime respondet; A. 872 e Pannonia remeant Salisburgum presbyter Richbaldus, «ferre non valens contemptum missae latinae, noviter inventis slavicae litteris adornata vernacula»; metropolita Salisburgensis, hanc novationem sibi longe incommodissimam sine mora c. 873 detulerit Romam, cum 878 Johannem papam VIII videamus inhibuisse; nullum in Joh. VIII epistolis liturgiae Slavicae apud Bulgaros vestigium» etc. (pag. XXXI, not. 2). Какъ? Разъ Солунцы вдвоемъ изобрѣтаютъ азбуку, на основѣ Греческой, какъ Греки, съ присоединеніемъ изъ Глаголицы, составленной неизвѣстнымъ, буквъ для выраженія тѣхъ именно звуковъ, для коихъ нѣтъ въ первой знаковъ, то есть, собственно Славянскихъ, и употребляютъ еѣ письма при переводѣ Священныхъ книгъ на нарѣчіе Славянъ Паннонскихъ; въ другой—одинъ только Константинъ совершаетъ это, а въ третій—подвигъ сеѣ отнесетъ лишь къ Меодію, и при томъ въ 870-мъ году? Слѣдовательно, когда онъ, по смерти Кирилла, возвратился къ Коцелу? Етого мало; ниже увидимъ еще двановья предположенія его о началѣ той и другой азбуки, совершенно противныя тому, равно какъ и всѣмъ прочимъ, сеѣчасъ приведеннымъ выше, и самимъ себѣ. Рѣдко можно найти столько противорѣчій объ одномъ и томъ же предметѣ у одного и того же писателя, и при томъ именно въ одномъ и томъ же сочиненіи. Какую ни будь одну изъ стѣхъ несообразностей слѣдовало принять, но не оставлять ихъ одну подлѣ другой; а какъ етого не сдѣлано, то очевидно, что сочинитель, передавая письму свою мысль, не отдалъ еще себѣ яснаго отчета въ ней, по тому она просто—одно гаданіе, отнюдь же не убѣжденіе въ истинѣ, хотя онъ и старался придать ей свойства послѣдняго. Касательно заимствованія знаковъ изъ Глаголицы для выраженія чисто Славянскихъ звуковъ, на-

дбно замѣтить, что прежде всего слѣдовало доказать, а не предпосылать, какъ непреложность, старѣйшинство Глаголицы передъ Кириллицей. Въ дѣлѣ Науки это непозволительно; въ ней имѣютъ мѣсто одни только изслѣдованія, такъ какъ сама она есть не что иное, какъ стройное цѣлое, сложившееся изъ открытій ума, дознанныхъ самымъ дѣломъ. Въ ней ни какой вѣсъ самага необыкновеннаго ученаго не имѣетъ мѣста, коль скоро не подкрѣпленъ самобытнымъ разысканіемъ о предметѣ. Справедливость этого самъ Копитаръ признавалъ, отвѣчая противникамъ своимъ, замѣчавшимъ ему, что такое «мнѣніе его о Паннонскомъ происхожденіи священнаго языка Славянъ стоитъ особнякомъ и ни къмъ не принято»: «ubi rationibus et argumentis res agitur, vel maximarum auctoritatum non sufficit auctoritas» (Hesychii pag. 48), и, однакоже, не держался того, продолжая, по прежнему, въ 13-мъ отдѣлѣ (170) «Appendix miscellanea philologici maxime et slavistici argumenti» къ «своему «Hesychii glossographi discipulus et ἐπιγλωσσογράφου; Russus in ipsa Constantinopoli sec. XII—XIII», изданномъ 1840 (1839) году (171), отстаивать эту мысль одними только голыми утвержденіями и ссылкой на то обстоятельство, и что Я. Гриммъ одинаково съ нимъ думаетъ о старшинствѣ Глагольскихъ письменъ передъ Кирилловскими: «Quod ipse Jacobus Grimm, etsi commotus aenigmatico Dobrovii strategemate et ipse fuerit labefactatus quoad pannonietaem, tamen novum majusque facinus admisit in Cyrillianos, palma longe remotioris antiquitatis litteris glagoliticis ultro delata» (pag. 49). И въ другомъ мѣстѣ (Отдѣл. 15), отклоняя отъ себя подозрѣніе въ томъ, будто бы онъ приписывалъ изобрѣтеніе Глаголитики Латинскому духовенству, снова ссылается на авторитетъ Гримма: «in quo, pro remotiori antiquitate, vehementer consentientem habet (Kopitarius) Grimmium» (pag. 57). Спутанность понятій его о составленіи Кириллицы и Глаголицы еще яснѣе откроется, когда сопоставимъ слѣдующія его предположенія о той и другой.

Сказавъ, что Кириллица изобрѣтена съобща обоими братьями изъ соединенія Греческихъ и Глаголическихъ знаковъ, вдругъ прибавляетъ: «Aut quid si ipse postea Methodius, ad

vitandam graecizantis alphabeti Cyrilliani inter Latinos invidiam, *glagoliticum auctor exstiterit?* (pag. X.). Въ защиту противъ тѣхъ, кто бы называлъ это мечтою (въ пользу чего исторія не можетъ представить намъ ни одного доказательства), отвѣчаетъ, что точно такая же мечта и мнѣніе Добровскаго о происхожденіи Глаголитики, опровергнутое появленіемъ двухъ, трехъ Глагольскихъ памятниконъ, принадлежащихъ несомнѣнно древнѣйшему времени того, къ которому приурочивалъ тотъ происхожденіе ея: «*Si porro quis objiciat, fingi haec, nec probari ullo argumento historico, illi nos respondebimus, aequae fictam plane esse Dobrovii de origine alphabeti glagoliticum hypotheseim*», etc. (pag. XI). Какъ будто чужая несостоятельность извиняетъ собственную нашу несостоятельность! Недовольный, однако, и етѣмъ временемъ, предлагаетъ послѣднюю догадку, далеко отважнѣйшую всѣхъ предыдущихъ: «*Quid si Ethicus iste, cui etiam orbis descriptio quarti ad summum seculi tribuitur, et Slavicarum literarum ante Cyrillum auctor exstiterit: cum illoque memoratus ab Hrabanus presbyter Hieronymus ansam dederit alphabeti S. Hieronymo tribuendi?* Яснѣе дня, что тутъ самъ онъ не зналъ, какъ быть съ Кириллицей, признать ли ее дѣломъ обонъ братьевъ, или одного изъ нихъ, и котораго именно; но, съ тѣмъ вмѣстѣ, не желая оставить и Глаголицы въ тѣни, сперва даетъ ей въ отцы Меѳодія, а потомъ почти пять вѣковъ старшинства. Она-то, судя по его словамъ, была настоящее *Славянское письмо*: «*Sed postea (по смерти Меѳодія) liturgiae longe gratissimae apographa reliqua ab ipsis Slavis in Bulgaria et Macedonia, Croatia, Istria et Dalmatia exarata fuisse alphabeto itidem sibi consveto pure Slavico, id est glagolitico*» (Append. miscell. pag. 38), и при томъ письмо, существовавшее еще до Кирилла, письмо въ гражданскихъ или свѣтскихъ дѣлахъ первоначально употреблявшееся, а по томъ и въ церковныхъ, но, послѣ раздѣленія Церквей, мало по малу приверженцы Царьграда совершенно перестали писать имъ, бывшимъ нѣкогда общимъ, и, такимъ образомъ, Греко-Славянскому дали у себя предпочтеніе, а Глагольское оставили за послѣдователями Римскаго епископа: «*Nonne ergo sat probabilis hinc sponte se quasi vel invito tibi obtrudit conjectura, Slavos cisdanu-*

bianos ante S. Cyrillum habuisse et ad civilem usum adhibuisse litteras glagoliticās, sicut Germani ad usum civilem latinas... at Slavos ipsos eadem commoditatis sed suae lege ductos primitus ex asse suum alphabetum integrum intulisse etiam in libros sacros, et nonnisi confirmato tandem inveteratoque ecclesiarum utriusque Romae schismate pedetentim graeci ritus Slavos graecissantem Cyrillianam scripturam adoptasse, glagolitica, antea utrisque communi, latini ritus Slavis relicta» (Ib., pag. 39—40). Съ другой стороны, спустя четыре года, наставшая пуще и пуще на Паннонское или Хорутанское происхождение Церковнославянскаго языка, нашелся въ необходимости отвергать все показанія исторіи о Кирилѣ и Меѳодіи, не подходящія подъ его мѣрку, говоря «historiam immortalium horum duumvirum liceat integram servare ab *fabulosis amplificationibus*» (pag. 51). Отсюда изъ всеи исторіи того и другаго принимаетъ только 4-хлѣтнее съ половиной пребываніе ихъ между Моравцами и Паннонскими Славянами, оставляя нерѣшеннымъ, сами ли они пришли къ нимъ изъ Греціи, или же были призваны Славянами; далѣе поставленіе старшаго въ архіепископы Моравіи и Панноніи 868 года папой Адрианомъ II-мъ, а младшаго въ епископы, по смерти коего (13-го февраля того же года) тотъ возвращается одинъ къ своей паствѣ, и немедленно вводитъ Богослуженіе на языкѣ послѣдней, т. е., Славянъ Паннонскихъ, такъ какъ къ нимъ-то, а не къ Моравцамъ, прибылъ Меѳодій, по причинѣ военныхъ безпокойствъ, возникшихъ у послѣднихъ съ Нѣмцами; но нововведеніе это въ землѣ, принадлежавшей въ церковномъ управленіи Зальцбургскимъ Нѣмцамъ, вызвало жалобы послѣднихъ передъ папой на него, который вынужденъ былъ нѣсколько разъ принимать то ту, то другую, сторону, что продолжалось до самой кончины Меѳодія (885—895). Слѣдственно, по его мнѣнію, все, что сверхъ этого, принадлежитъ безусловно къ вымысламъ, т. е., что ни передается намъ, гдѣ бы и къмъ бы то ни было, о дѣйствіяхъ нашихъ Солуццевъ до отбытія ихъ въ Римъ и посвященія папой, большею частью испорчено разными прибавленіями послѣдующаго времени; единственно же несомнѣнно то лишь, что заключается въ посланіяхъ святѣйшаго отца, который хо-

я и называетъ Константина составителемъ Славянскихъ писемъ, одобряетъ и восхваляетъ ихъ («*Literas sclaviniscas, a Constantino quondam philosopho repertas*» etc.), однако, собственно говоря, они были, по одному мѣсту его «*Appendix miscellanea*» къ «*Hesychii glossographi discipulus*» (Отд. 7 «*De psalterio slavico Bononiensi cum expositione S. Athanasii*», pag. 38), «*exaratae a Methodio discipulisque ejus*»: «*Methodium privatis de causis coepisse λειτουργεῖν slavice librosque concinasse lingua quidem slavica suae dioeceseos pannonicae, sed a se discipulisque exaratos utcumque alphabeto sibi commodiore graecoslavico a fratre quondam suo Cyrillo combinato e graeco et glagolítico*», а по другому, безъ дальняго — изобрѣтены Меѳодіемъ, который только выдалъ ихъ за дѣло брата своего и рекомендовалъ папѣ: «*Methodius suam combinationem graecoslavicam fratri in acceptis retulit, et Papae probavit*» (Hesychii etc. 14, pag. 53, not.). Последнимъ приемомъ, конечно, хотѣлъ онъ избѣжать противорѣчія самому себѣ въ своемъ «*Glagolita Clozianus*», оставляя, такимъ образомъ, всю честь какъ введенія Славянскаго богослуженія, такъ равно и составленія для него писемъ, за однимъ лишь изъ братьевъ, тѣмъ самымъ, который наиболѣе благопріятствовалъ его любимому мнѣнію, т. е., выводу Священнаго языка нашего и азбуки изъ той страны, къ которой онъ самъ принадлежить по своему рожденію и воспитанію. «*Hoc caput rei est, nec non lacrimatum causa*». Меѳодіи изобрѣтатель разомъ двухъ алфавитовъ: Грекославянскаго и Глагольскаго: и коротко и ясно! А кто недоволенъ современностью послѣдней съ первой, тотъ, пожалуй, если захотѣть, можетъ отодвинуть старину ея и даѣе въ древность, хоть, на примѣръ, приписать Етику. Во великомъ случаѣ все же за Меѳодіемъ останется другая, а съ тѣмъ вмѣстѣ, такъ, или иначе, Славянское богослуженіе и письмена явились только въ Панноніи, и первоначально то и другое предназначалось, собственно, для Паннонскихъ Славянъ, отъ коихъ въ послѣдствіи, по смерти виновника этого благодѣянія, въ силу стеченія неблагопріятныхъ обстоятельствъ, перенесено было его учениками въ сосѣднія земли соплеменниковъ, предпочтительно на югѣ лежащія, а съ теченіемъ времени проникло и на отдаленнѣй

сѣверъ Европы, въ коемъ и теперь болѣе, чѣмъ гдѣ либо, процвѣтаетъ: «Concludamus ergo: cantare coepisse Methodium in pannonico ducatu Blatensi ducis Hecilonis a. 870 missam lingua Slavina; sed hanc novationem licet a papa admissam, fuisse extrusam e Pannonia post Methodii obitum (885—895) jam ante Hungarorum adventum; at hoc laetius effloruisse in Bulgaris, Croatis et Serbis, unde et a. 988 in Russiam traducta est, immensum inde cum tempore captura incrementum: *in hodierna contra Moravia, Bohemia et Polonia nunquam viguisse*» (Hesychii pag. 54).

Прибѣгая къ такому способу доказательствъ, все на свѣтѣ можно доказать, т. е., отвергая всѣ, несогласныя съ нашимъ воззрѣніемъ на что либо, извѣстія и мнѣнія, подѣ тѣмъ предлогомъ, что они «fabulosae amplificationes», а свои гаданія выдавая за «ex asse purum et integrum, veritatem quadrans», выражаясь его же Латынью. Еще разъ повторяю: вмѣсто подобныхъ названій, слѣдовало бы, прежде всего, опровергнуть етѣ извѣстія древности и доказать ихъ «баснословность», а свои утвержденія подкрѣпить болѣе существеннымъ, нежели голословное настояніе въ ихъ справедливости, болѣе значеніи передъ показаніемъ исторической *старини*. Того же самаго, естественно, требуетъ строгая и неумытная критика и отъ доказательствъ со стороны *языка*, приводимыхъ имъ въ пользу Паннонскаго происхожденія нашихъ священныхъ книгъ, а не простаго увѣренія въ ихъ «твердости» («argumenta firmissima», Glagol. Cloz. p. XXXII) «и неодолимости» («invicta», Hesych. pag. 49). Въ дѣлѣ языковѣднія мало сопоставить два слова, близко схожихъ между собою по звуку, для доказательства происхожденія одного изъ нихъ отъ другаго, но надобно это послѣднее ясно и неопровержимо представить путемъ филологическимъ. Мало ли найдется словъ, даже въ рѣчи народа полудикаго, судя по коимъ можно подумать, что они находились когда-то, или и теперь еще находится, въ непосредственномъ сношеніи съ тѣмъ народомъ, котораго етѣ слова составляютъ прямую собственность, или же, по крайней мѣрѣ, получили отъ него ту оболочку, въ коей перешли къ замствованію, не смотря на все неизбѣжное въ такихъ случаяхъ

видоизмѣненіе? Напомню, изъ множества примѣровъ въ разныхъ языкахъ, нѣкоторые изъ роднаго: такова значительная часть словъ Латинскихъ, Еврейскихъ, Греческихъ, Итальянскихъ, Испанскихъ и т. п., слыша которыя, иной подумаетъ, что предки наши усвоили ихъ изъ первыхъ рукъ, т. е., отъ непосредственнаго сношенія съ ними, между тѣмъ какъ извѣстно, что они перешли къ намъ, одни изъ третьихъ, а другія даже пятыхъ и т. д., весьма же не многія изъ первыхъ. Стало, тутъ прежде всего требуется доказать его непосредственное существованіе изъ источника, а не довольствоваться простымъ указаніемъ на то, или однимъ сопоставленіемъ. Къ такимъ словамъ принадлежатъ, послѣ всесторонняго обследованія, и приводимыя имъ въ пользу своего мнѣнія: *крѣсть*, *крѣстити* или *крѣсть*, *крѣстити*, *мнхъ*, *папѣжъ*, *попъ*, *постъ*, *оусеразь*, которыя, правда, не Славянскія, но зачатыя нами отъ другихъ, только зачатіе его не нуждалось въ посредствѣ Паннонскихъ Славянъ, по тому что первыя четыре уже одной формой своею, въ какой перешли къ намъ, указываютъ не на Нѣмцевъ, Латинянъ, или Славянъ, обращенныхъ Нѣмецко-Латинскимъ духовенствомъ, но на Греческій языкъ, въ коемъ звучатъ: *Χριστός*, откуда *Хръсть*, послѣ *Хръстоъ* (Остром. Ев. 145, ст. 2, мн. ч. им. пад. «Азъши хръсти», «*ψευδόχριστοι*»); если же разумѣть подъ *крѣсть*, *крѣсть* въ смыслѣ нынѣшняго *крестъ*, *бѣагрѣс*, *сгѣх*, а подъ *крѣстити*, *крестити*, *крѣстити*, *βαπτίζειν*, то извѣстно, что буквы *х* и *к* у всѣхъ Славянъ весьма часто одна въ другую переходятъ, отъ чего всѣ стѣ три слова одинаково звучатъ не рѣдко даже нынѣ въ устахъ самыхъ образованныхъ, тѣмъ болѣе, что и самыя понятія, выражаемыя ими, кажутся чрезвычайно близкими простому и не хитрому уму. Далѣе *мнхъ* въ большей части Нѣмецкихъ нарѣчій имѣеть двоякую форму, какъ и въ Славянскихъ, изъ коихъ каждая указываетъ собой на самостоятельную передѣлку Греческаго *μοναχός*, независимо другъ отъ друга, будетъ ли то прямо отъ Грековъ, или черезъ Латинское духовенство; такъ полныя формы: ДВН. *municho*, *municha*, АС. *munich*, *munec*, *mones*, Гол. *munnik*, *monick*, НС. тоже *monnik*, Ис. *muner*; усѣченныя: ДВН. *munch*, НС. *Munk*, *Monk*, А. *monk*, Ис. *munkr*, Б. *munch*, Н. *Mönch*; подобныя формы его и въ Романскихъ нарѣ-

чїяхъ: Ит. monaso, Ис. mongo, Ф. moine; въ нарѣчїи Кельтскомъ, именно Валлискомъ, mupach, mupac; такъ и въ Славянскомъ мнїхъ и монахъ, именно Ч. и П. mnich, ВНЛ. mīch, ум. mīsk, Хорут. meih, minik, mnih. Ппанежъ своей формой прямо указываетъ на Греческое *pάπας*, *pάππας*, котораго другая форма *pάππος*, коего простое въ Еолич. *pā*, а съ нами въ сродствѣ *āппа*, Сир. abba, въ Гр. *ἄββα*; Латин. и Роман. его отрасли имѣють рара, равно какъ и Нѣмецкїя, изъ коихъ одни лишь Шведы удвоють последнее р (pappa), а другїя сдѣлали изъ него Papst или Babst (по одноорганиности р и b), Англичане pope; въ устахъ же Славянъ ископи ближайшая форма къ Греческой ппанежъ, у Чеховъ, Словаковъ, Поляковъ, Хорутанъ, папежъ и папакъ; Папежъ, кромѣ Острог. Еванг. подъ 31-мъ декабрія, встрѣчается и въ Синаксарѣ Глагол. Ватик. Еванг., принесен. Ассемани, XI-го вѣка, подъ 25 ноябрія (см. Hesych. pag. 41). Попъ есть только видоизмѣненїе предыдущаго, по чему и звучитъ въ нѣкоторыхъ нарѣчїяхъ совершенно сходно съ одной изъ приведенныхъ формъ перваго, на пр., АС. рара, НС. и Гол. Raar, Rare; но въ ДВН. уже рафъ, а въ нынѣшнемъ книжномъ Pfaffe, откуда, съ извѣстной переменной *a* въ *o*, въ Валлиск. pope и въ Слав. попь, точь въ точь, какъ папа въ Норв. pōri; слѣдовательно, можно ли тутъ указывать на Баварское rharph? Скорѣе же, судя по большому сходству, можно было бы допустить заимствование у Кельтовъ въ Валлисѣ; но тогда куда же дѣваться съ исторїей? По тому, не всегда и самое сходство звуковъ предполагаетъ заимствование, или, какъ выразился уже I. П. Коль, одинъ изъ первыхъ нашихъ академиковъ, въ своемъ «Introductio in historiam et rem literariam Slavogum, imprimis saeram» (1729 г.): «Ex nonnullis, quae duobus populis communia sunt vocabulis, linguae ipsius communio non statim efficitur» (pag. 8, not. a). Не естественнѣ ли и при немъ думать, если ужъ пошло на заимствование, прежде всего о Латинскомъ языкѣ, употреблявшемся, какъ извѣстно, и на Франкїйскомъ полуостровѣ долгое время и какъ государственнїй (до императора Фоки), и какъ разговорнїй множества Латинскихъ жителей, занимавшихъ тутъ цѣлыя области, изъ коихъ нѣкоторыя, отъ смѣси съ туземцами, въ особенности

же Славянами, образовали особый видъ Романской вѣтви, извѣстный подъ родовымъ именемъ Румынскаго, Ромьнскаго? Въ Латинскомъ же, какъ первообразѣ одной его половины, встрѣчаемъ слово это, живо напоминающее наше, именно: рора въ смыслѣ жреца, съ которымъ сличите Сербское попа, попо и пошъ, у прочихъ же Славянъ обыкновенно попъ, а у Румыновъ попъ (ъ = средній звукъ между о и твердымъ е). Такого же точно происхожденія и пость, имѣющее во всѣхъ Славян. нарр. *n* (отъ конхъ перешло къ сосѣдямъ ихъ, Чуди, *paasto*), и Румын., т. е., съ Латинскаго *Fasti*, первоначально дни, въ которые не работали, откуда двоякое значеніе дней праздничныхъ (свѣтское) и постныхъ (церковное), въ кои воздерживались отъ обыкновенной скоромной пищи (*Fast-und Feier-Tag*). Въ такомъ же церковномъ смыслѣ оно перешло и къ Нѣмецкимъ народамъ, только съ сохраненіемъ *f*: Г., ДС., III. *fasta*, Л. *faste*, ДВН. и Н. *fasten*, АС. *fästan*, Д Фриз. *festia*, и пр.; если же выводить отъ Г. *fastan*, откуда *fasta*, *fastubni*, воздержаніе, пощеніе, то извѣстно, что тогда замѣтваніе обойдется еще ближе и непосредственнѣе, такъ какъ Готы долго жили вмѣстѣ и по сосѣдству съ Славянами на сѣверѣ и на югѣ, особливо въ Подунайскихъ и Адриатическихъ краяхъ, гдѣ были до насъ уже Христіанами. На возможность такого принятія указываютъ другія слова, перешедшія въ это отдаленное время общенія нашего съ Готами, исчисленныя давно Шафарикомъ въ его «Славянскихъ Древностяхъ» (Отд. о Готахъ, стр. 347, Руск. пер. I, кн. 2, стр. 251), и наоборотъ, отъ насъ къ нимъ; къ первымъ принадлежитъ и оусеразь, Гот. *ausahriggs*, *inauris*, отъ *auso* ДН. *ōga*, *auris*. Лучшимъ доводомъ етого служить то обстоятельство, что его нѣтъ въ прочихъ Славянскихъ нарѣчійхъ, кромѣ ПС. и Рускаго, между тѣмъ какъ это непременно должно бы быть, если бъ оно шло отъ Западныхъ Нѣмцевъ. Если это слово усвоено нами въ дохристіанское наше время и по томъ, естественно, должно было, уже какъ свое, войти и въ языкъ предложенія Священныхъ книгъ, за то «комманис» принадлежитъ времени, гораздо позднѣйшему Кирилла и Меѳодія, по тому что оно не встрѣчается въ Библии и сочиненіяхъ, обыкновенно считаемихъ за переводы

них или ближайших къ нимъ лицъ; а по тому, вся важность его въ такомъ случаѣ пропадаетъ, откуда бы оно ни пришло въ Церковнославянской языкъ, изъ Латинскаго ли (что дѣйствительно такъ, составляя видоизмѣненіе слова *communicatio*, въ смыслѣ приобщенія Св. Тайнамъ), или другаго какого, черезъ посредство третьяго. Остаются еще слова, взятая, по увѣренію Коппитара, отъ Баварцевъ: *кѣпазь* и *пеназь*. Касательно перваго уже Шафарикъ ставитъ его между сомнительными, то есть, не рѣшался сказать утвердительно, кто у кого взялъ его: Готы ли у насъ, мы ли у Готовъ (172); но новѣйшія изслѣдованія показываютъ, что оно въ равной мѣрѣ свое гѣмъ и другимъ, будучи образованно каждымъ независимо по законамъ своего языка отъ одного, общаго всѣмъ Индо-европейскимъ нарѣчіямъ, корня *gā*, послѣ *galm*, *gan*, или позднѣе *kan*, собственно значащаго идти, двигаться, выходить, по томъ рождать, производить, и т. п., откуда, по естественному понятію о власти родительской, присвоено родоначальникамъ и понятіе вообще власти, какъ старшаго, высшаго, начальника и судьи и т. п. И не только въ Индоевропейской семьѣ отъ этого слова пошло названіе старшины, но и во многихъ нарѣчіяхъ Сѣверной, т. е., древнѣйшая Монголо-Тюркск. форма *Kaian* является въ послѣдствіи въ формѣ *Kaian*, т. е., великій Ханъ, *Ханъ* (*к* въ одноорган. *х*), *Kan* (173), Лапон. *konoges*, и пр. Что же до втораго, *пеназь*, то и оно того же гнѣзда, что и *оусеразь*, т. е., Готское, *penning*, да и всѣ прочія Нѣмецкія нарѣчія имѣютъ его, разнообразя каждое по своему (ДВН. *pfening*, *pfending*, *pfentinc*, *pfantinc*, *pfanthiuc*, *pfeninc*, *phenning*, *phenningo*, *phendico*, *fending*, *pending*, *penthing*, АС. *pening*, *peninc*, *penineck*, *penig*, *peneg*, *paenig*; Исл. *pening*, pl. *penningar*; Д. *pendig*, pl. *penge*; Ш. и Го. *penning*; А. *penpu*, pl. *pensee*; а присутствіе этого слова преимущественно въ однихъ Западныхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ говоритъ больше въ пользу заимствованія его отъ Нѣмцевъ каждымъ изъ нихъ точно такъ, какъ Славянами Мизійскими отъ Готовъ; по тому что Сербы Далматскіе и Хорутане тоже знакомы съ нимъ. Но олтаре, оцѣть, цркъы или цркъы и я считаю перешедшими къ намъ отъ Латинянъ. Первое какъ въ Нѣмецкихъ, такъ и Славянскихъ нарѣчіяхъ распространено (*altare*, отъ *altus*); второе дѣйстви-

тельно есть передѣлка Латинскаго *acetum*, которое, однако, то же, что Греческое *ἄξος*, встрѣчающееся уже у Эсхила, Ксенофонта и другихъ, и произведенное отъ *ἄξυς*, Лат. *acer*, острый, отъ кор. *ἄξ*, *ἄκ* (откуда *ἄκυς*, быстрый, скорый, Лат. *ociosus*, cito), вм. *ἄκ* (откуда *ἄκῆ*, *ἄκόνη*, *ἄκίς*, Лат. *acus*, асцо, *ἄκείω* и пр.), Сан. *ашу*, вѣроятно отъ *акш* (затерявшагося уже корня), уцѣлѣвшаго въ Лат. *aqui-la* (*aqui-ala*, h. e., *habens*, *ἄκπιτερος*) (*Pott*, *Etym. Forsch.* II, S. 54), *ашва*, *ашвас*, Лат. *equus*, вм. *ашва*, *ашава*, a *velocitate sic nominatus*, Гр. *ἵππος* вм. *ἵκκος* (*κ* въ *π*, какъ *κῶς*, *κοῦ* и *πῶς*, *ποῦ*), ДН. *ehu*; *ашвâ*, *equa*, Лит. *ašva*, и проч. (*Vopp*, *Gloss. Sanscr.*, ed. 2, pag. 35. col. 1.); по другимъ отъ *аш*, *аниш*, *ἄγω*, *ἄγνύω*, *асео*, *асцо*, unde *acidus*, *acer*, etc.; въ Нѣмецкомъ *acetum* или *ἄξος* приняло видъ Гот. *akeit*, ДС. *acid*, АС. *eced*, *ecede*, ДВН. *ezih*, Гол. *edik*, *esk*, *azyn*, Ш. *aettika*, Д. *aedike*, И. *edit*, А. *egar* (*vin*), что все, конечно, составляетъ такое же измѣненіе Лат. *acetum*, какъ оно само и наше Руск. *уксусъ* измѣненіе Греческаго *ἄξος* (а можетъ быть и независимо образовавшееся отъ одного и того же, родственнаго всѣмъ, корня). Третье же (цркъы, цркъы) распространенное у Нѣмцевъ, менѣе всего употребительно у непосредственныхъ ихъ сосѣдей, Славянъ западныхъ, на пр., Чеховъ, Словаковъ и Лужичанъ, встрѣчаясь только изрѣдка въ старинныхъ письменныхъ памятникахъ: въ Чешскомъ и Польскомъ оно теперь исключительно въ смыслѣ вѣронсповѣдно-отвлеченномъ, да и прежде весьма рѣдко, судя по памятникамъ; въ послѣднемъ преимущественно подъ *serkiew* разумѣютъ Православную церковь. Етого не могло быть, если бы оно зашло къ Славянамъ прямо черезъ посредство Нѣмцевъ, было просто независимая передѣлка ихъ *Kirche* или *Kirka*. И наше и Нѣмецкое есть передѣлка Латинскаго *circus*, означающаго, собственно, кругъ, округъ, окружіе, откуда уже мѣсто собранія и самое собраніе, какъ и у насъ быть на кругу, значить быть въ собраніи или мѣстѣ, гдѣ происходитъ собраніе; слѣдовательно, оно отвѣчаетъ Греческому *ἐκκλησία*, первоначально, *conventus*, *collectio*, *convocatio*, т. е., *populus convocatus*, *collectus*, *conventus*; даже, *locus*, in quo *congregationes fiunt*, proinde pro templo seu aede sacra publico pietatis exercitio et cultui divino destinata, in qua convenit fide-

lium coetus; monasterium; отсюда, не рѣдко, pro domo clericorum: «In quocumque loco sacerdos aedificaverit ecclesiam suam, id est domum suam in uno anno, haereditas ejus erit sempiternum» (*Du Cange*, Glossarium med. et inf. latinitatis, ed. Par. MDCCXXXIII — XXXVI, tom. III, p. 4 — 6). Оно отъ *ἐκ* и *κλείω*, *κλήω*, запираю, замыкаю; отъ *κλείς*, р. *κλειδός*, или *κληῖς*, *κλής*, *κλαῖς*, въ Лат. принявшее форму *clavis*, *κλαίης*; отъ него *κλισία* или *κλεισία*, *κλισιον*, мѣсто огражденное, запертое, хижина, куща, палатка; какъ отъ *κληῖς* глаголь *κληῖζω* pro *κληῖδω*, такъ и отъ *clavis*, *claudio*, *clausus*, *claudus*, отъ чего *claustrum*, огражденное (запертое) мѣсто, замокъ, монастырь, откуда Нѣмецко-Романское, принятое отъ нихъ и Славянами Запада, *claustrum*, Ч. и П. *klášter*, Вл. *klošter*, Хорв. *kloster*, Хорут. *klošter* и *kloštr*, Сербо-Католич. *klostar*, Н. *Kloster*, А. *cloister*, Ис. *claustrum*, Ф. *cloître*, сколько отъ того, что убѣжища сии служили надежнымъ пріютомъ для жившихъ въ нихъ, по своему укрѣпленію, оградѣ, совершенно одинакой съ замкомъ (а это съ замкомъ, откуда первое составляетъ переносное значеніе послѣдняго, отличенное у насъ самымъ удареніемъ), столько и по первичному своему смыслу. Въ силу перехода гортанной въ шипящую (*κ* въ *ι*), образовалось ЛВН. *sluz*, ПН. *slüten*, Н. *schliessen* (откуда *Schloss*, замокъ и замокъ). Самое же *circus* въ сродствѣ съ Греч. *κίριος* (въ смыслѣ Лат. *circus* въ обоихъ значеніяхъ), другая форма *κρίκος*. Преслѣдуя далѣе сродство его, видимъ связь между нимъ и слѣдующими словами: Р. *крюкъ*, А. *crook*, Н. *krücke*, ДН. *kringr* (*gyrus*), АС. *hring* (*annulus*), Авар. у средневѣковыхъ писателей *hringus*, укрѣпленный оконами станъ; Сл. *крякъ* (отъ коего *крякъ*, *кряжало*), а съ переходомъ *p* въ родственную *ι*, кромѣ приведенныхъ выше, Н. и Д. *klinke*, Ш. *klinka*, НС. и Го. *klink*, Ф. *clinche*, *clenche*, и под. тому; Славянскія: *клюка* въ смыслѣ, близкомъ къ *крюкъ*, отъ коего и *ключь* названъ по своему сходству съ тѣмъ и другимъ, и означаетъ, какъ и *крякъ*, въ переносномъ смыслѣ, извѣстное пространство, или собраніе, однородное въ себѣ заключающее; кромѣ того *ключь* значигъ иногда и *крюкъ* въ нѣкоторыхъ Слав. нарр. Стало быть, кор. въ С. *крунич*, *curvum*, *inflexum esse*, отвѣчающее Слав. *крякъ*, съ

переходомъ *k* въ одноорганичную *g* и шипящую *ch*. Съ другой стороны, можно сличать *circus*, *κίρκος*, АС. *cyrge*, *cire*, Гол. *kerk*, НС. *karke*, Ш. *kyrka*, И. *kyrkia*, Д. *kirke*, ДВН. *chilcha*, съ другимъ вставочнымъ *i*: ДВН. *kirrichu*, *chirichu*, *chirichhu*, *chirihha*, *chilichu*, АС. *cirica*, *cirie*, *cyrice*, *cyrice*; съ перемѣной *k* въ *h*: ДВН. *haruga*, *harga*, Г. *keliku*, башня, храмъ, Гр. *εἰρκιή* про *εἰρκιή*, съ Сан. *grīna*, вмѣсто *graha*, отъ кор. *grah*, *sarege*, *sumere*, *percīpere*, вмѣщать и т. п., образовавшиеся изъ *grabh*, отъ коего осталась только придыхательная, какъ и во многихъ 'другихъ (а *grabh* есть наше *гръбъ*, гдѣ *h* вставочная благозвучная, безъ коей *грабъ*), въ Лит. не существующая: *grėbju*, какъ и въ нѣкоторыхъ нашихъ областныхъ нарѣчьяхъ), Г. *greira*, Н. *greifen*, З. *gerer*, И. *grabain*; съ обращеніемъ гортанной въ придыхательную Гр. *ἀρκιάζω* вм. *γραπιάζω*, дагѣе *υρκίος* или *υρίφος* и т. д. (*Vorr's Glossar. Sanscr.*, ed. 2-da, s. h. v.). Есть еще третье мнѣніе, по коему *чръкъ* составляетъ только видоизмѣненіе Греч. *κυριακή*, т. е., *oikia*, въ смыслѣ *templum Domini*, scil. *Dei*, какъ *ἱερὸν* и п. т. Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ, *чръкъ* не можетъ составлять прямого заимствованія съ Нѣмецкаго, но, либо, вмѣстѣ съ нимъ и по однимъ и тѣмъ же причинамъ, идетъ отъ Латинскаго *circus*, употреблявшагося въ средней Латыни, кромѣ обыкновеннаго своего значенія, какъ и *circulus*, т. е., *areae seu campi spatium*, еще и въ смыслѣ «*hominum coetus, collectus, consessus*»; при томъ «*circa*» или «*cerchia*» въ средніе вѣка означало *vigiliae, excubiae*, а *circum-eundo, quia qui urbium custodiam invigilant, muros circumeunt*, какіе были и въ монастыряхъ: *circam etiam faciebant monachi in monasteriis, qui certis horis circuire debent monasterii officinas, observantes injurias et negligentias fratrum; est eorum officium circuire claustrum, ne forte inveniatur frater acediosus, aut alicui vanitati deditus*, по тому «*eorum etiam munus erat fratres ad horas canonicas colligere, signo pulsato* (*Du Cange, Gloss. med. et inf. latin. s. h. v.*); все это называлось *circa, circha, cerchia*, отъкуда производныя *circare, κυκλεῖν, circumire, circator, circatores (visitatores), qui monasteria et domos, nec non parochias visitabant, ut statum eorum diligenter inspicerent et corrigerent*; отсюда самое церковное блѣ-

ніе, особливо ночное, называлось часто *exubiae sive circa*: «*Exubiae plurimum sumuntur pro vigiliis seu horis et precibus nocturnis, quae in Ecclesia peraguntur*» (Id. II, 627); либо же цркви и Kirche произведены, подобно Латинскому, съ одного и того же, общаго Индоевропейской вѣтви, корня, показаннаго выше, независимо другъ отъ друга и каждое сообразно съ законами своего языка (174). Последнее предположеніе, признаюся, считаю менѣе вѣроятнымъ, по тому первое, кажется мнѣ, сообразнѣе съ положеніемъ дѣтъ во время перваго сближенія Нѣмецкаго и Славянскаго народовъ, непосредственныхъ сосѣдей Латинскаго Христіанскаго населенія обонхъ полуострововъ (Итальянскаго и Оракійскаго), отъ котораго тѣ и другіе, по временамъ, принимали крещеніе, а съ нимъ и названія ихъ для новыхъ предметовъ и понятій. Многія же Латинскія слова были въ ходу и въ устахъ Византійскихъ Грековъ, называвшихъ себя не иначе, какъ только *Ῥωμαῖοι*, т. е., Римляне, разумѣется, въ смыслѣ государственномъ, и гордившихся имъ до того, что и теперешнее еще простонародье Греческое величаетъ себя точно такъ же, а языкъ свой *Ῥωμαϊκὴ ἀπλὴ ὑλώσσα*. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что *circus* дѣйствительно употреблялось у Грековъ въ формѣ *nirkos*, какъ сказано уже, даже въ сочиненіяхъ Отцевъ Церкви (*Du Cange, Glossar. med. et infim. graecitatis. Lugd. MCLXXXVIII, s. h. v.*). При томъ, извѣстно, что уже задолго до Кирилла и Меодія Славяне Греческаго полуострова были хорошо знакомы съ Христіанствомъ, даже многіе изъ нихъ занимали высшія государственныя и церковныя мѣста; вспомнимъ императора Юстиніана, коего Славянское имя было Управда, по свѣдѣтельству наставника его, Теофила (ум. 534. *Proc. Hist. arc.*), полководцевъ Доброгоста, Всегрѣда и Татимира, вельможу Оногоста (555 — 593), патриарха Никиту (766 — 780); да тѣе, самые Булгарскіе послы говорили на съѣздѣ въ Царѣградѣ 869 г., что предки ихъ, приведши въ Мизію, (678 г.), нашли уже между тамошними Славянами Греческое духовенство (*Guill. Bibl. Vita Hadr. ap. Assemani II, 190*). Во Оракин же, Эссалии и Македоніи до того распространялось Христіанство, что Булгарскій государь, Мурта-Канъ (Мортагонъ) силою старался положить преграду, строго преслѣдуя про-

повѣдниковъ его, переведенныхъ въ Булгарію изъ стѣхъ областей. На западъ же отъ нихъ жили Сербо-Хорваты, которые, тотчасъ по приходѣ своемъ сюда, по старанію императора Ираклія (ум. 641), были (хотя и не всѣ, но все же значительное число) крещены, и крещены священниками, присланными, по распоряженію его, изъ Италіи папой (Іоанномъ IV-мъ), какъ ближайшей къ нимъ, и обязались послѣднему *письменно* не вторгаться въ чужія земли (*Const. Porph. De adm. imp. c. 31.*). Такое распоряженіе ничего не значило въ отношеніи къ Римской Цекви, такъ какъ въ то время не было еще ни какого различія между нею и Восточной, и папа оставался въ полной зависимости во всѣхъ отношеніяхъ отъ Византіи. Можно ли же, по тому, думать, чтобы, при такомъ напорѣ Христіанства отовсюду, оно, при извѣстномъ отвращеніи нашего племени къ чужому языку, особливо въ дѣлѣ Богослуженія, совершалось у нихъ единственно на Греческомъ, или Латинскомъ, языкѣ, чтобы новообращаемые не пытались, сколько ни есть, выражать доступные понятіямъ ихъ новые предметы собственной рѣчью, а менѣе доступные разумѣнію усвоили себѣ, сообщая такимъ форму болѣе, менѣе согласную съ свойствами своего говора? А что же могло быть, такъ сказать, обыходнѣе и подручнѣе словъ изъ области новаго вѣрованія, какъ тѣ, кои Копитаръ старается провести въ языкъ Церковнославянскій черезъ пять, десятыя, какъ говорится, руки (Славянъ Паннонскихъ, Нѣмцевъ и Латинянь)?

Еще менѣе вѣроятнымъ становится мнѣніе Копитара, когда, для подтвержденія его, нужно прибѣгать къ такимъ доводамъ, каково увѣреніе, будто бы слова *среда* или *срѣдъ* и *пекло* или *пѣкло*, иначе *пѣкъъ*, *пѣкъъ*, перешли къ намъ отъ Нѣмцевъ. Не шутя, онъ увѣряетъ, что первое не что иное, какъ только переводъ Нѣмецкаго «Mittwoch»: *срѣдъ* (*medium*) *pro die mercurii cum Germanis, quibus est Mittwoch*» (Glag. Cloz., pag. IX), забывая, что въ такомъ случаѣ Нѣмцы должны были бы имѣть собственные свои названія для всѣхъ, или, по крайности, большей части дней седмицы, между тѣмъ какъ у нихъ видимъ совершенно противное, т. е., всѣ недѣльные дни,

за исключеніемъ среды, суть чистой переводъ съ Латинскаго (175), а у Славянъ, ихъ сосѣдей, наоборотъ, т. е., кромѣ субботы, всѣ названія дней недѣльныхъ — свои, указывающія на дохристианское время; стало, кто же у кого могъ скорѣе заимствовать? Статочное ли дѣло, чтобы, при такой естественной связи исѣхъ названій для дней недѣльныхъ, вытекающихъ одно изъ другаго, а всѣхъ отъ одной общей мысли (недѣли, дня не дѣла, отдыха; понедѣльника, послѣ недѣли; вторника, втораго дня въ недѣлѣ: среды, средняго въ недѣлѣ, между воскресеньемъ, понедѣльникомъ и вторникомъ съ одной, и четверкомъ, пятницей и субботой съ другой стороны; четверка, дня четвертаго; пятницы — пятаго), Славяне не сумѣли уже дать имени одному изъ етѣхъ дней, а прибѣгли за нимъ къ переводу отъ сосѣдей, у которыхъ, однако, оно стоитъ особнякомъ, какимъ-то межѣумкомъ, безъ всякой связи съ предыдущими и послѣдующими названіями дней, составляющими просто чужое добро? Естественно ли, чтобы, по тому, Нѣмцы, изъ всѣхъ дней недѣли, дали только одному изъ нихъ свое названіе, а для прочихъ обратились къ Латинцамъ? Уже одна такая искусственность говорить въ пользу заимствования ими и для этого дня названія у другихъ, на что указываетъ и самое построение этого имени: *Mittwoche*, собственно, — *die Mitte der Woche*, среда, среда недѣли, что мы, Славяне, означили однимъ простымъ, а не составнымъ, словомъ; а сложность, какъ извѣстно, всегда признакъ искусственности, несамостоятельности. Что до иѣкло, то оно, по Копитару, якобы изуродованное нами Алеманиское рѣch, нынѣшнее Нѣмецкое *Pech*, смола, варъ: «иекло а рѣch Alemannis sec. IX pro inferno usitato» (Glag. Cloz.); и въ другомъ мѣстѣ: «иѣкло 1) *pix*; 2) *infernus*, qui et иѣкълъ m., ut adeo nil dubii maneat de importatione vocabuli e Germania: рѣch (infernus), de quo cf. Grimmium (Vocabularium ling. Slav. sacrae, ap. Glagol. Cloz. p. 79). Стало, сближеніе чужое, по имъ усвоенное и развитое въ одномъ примѣчаніи Glagol. Clozian., именно въ Отд. XXIX («In historiam Bulgariae et Pannoniae respectus»), слѣдующимъ замѣчательнымъ образомъ: «Vocabuli autem иекълъ m. aut иекло, иѣкло n., a German. рѣch maedii aevi, pro Inferno, non quidem ipsum etymon alemannicum, at vim tamen

et notionem illius graece redditam habes in ipsa vulgari hodiernorum Graecorum *πίσσα* (*pix*) pro majorum suorum et ecclesiastico *ᾠδη*. Sic peregrinatum Germanicum *pēch* ab Alpibus Carnicis per totam Adriatici maris oram Slavicam, tandem in ipsa Graecia Cretaque *μεταμόρφωσιν* subiit, nisi *ἀναμόρφωσιν* malis dicere pristinae suae *πίσσης* sive *picis*» (р. XXXII). И точно, последнее (*ἀναμόρφωσις*) въроподобнѣе, по тому что *πίσσα* или *πίττα*, въ значеніи Латинскаго *pix* (которое то же самое и отъ одного съ ними корня пошло, только, согласно съ свойствомъ языка Латинскѣ, приняло такой, а не иной, видъ), встрѣчается уже у Гомера, Эсхила, Оукидида, и друг.; а *πίσσα* и *πέσσω* или *πέττω*, Л. *pinso*, Сл. *пекъ*, идутъ отъ одного корня съ Сан. *пач*, въ коемъ *ч* изъ *к*, какъ показываютъ: *нактас*, *coctus*, *πεπτός*, *пактис*, *πέπσις*, *πέψις*, *coctio* и т. п.; съ переменной на одноорганную (б) б'адж (*дж* = *г*), что удержалось преимущественно въ Нѣмецкихъ нарр. (ДН. *bakken*, *bachen*, АС. *basan*, *baesan*, *baejan*, А. *bake*, Ис. и Ш. *baka*, Го. *bakkea*, Н. *backen*, Д. *bage*), хотя и съ *п* встрѣчается (другая форма ДН. *расчен*), по рѣжке; съ переменной гортанной въ губную: *πέπτω*; на оборотъ: *coquo*, П. *kochen*; дагѣ съ опущеніемъ начальной согласной и измѣненіемъ слѣдующей гласной твердой въ слабую: *ὀπτάω*, *ὀπτός*, *ἔψο*; наконецъ, съ перестановкой: Лит. *kėpū*, *asso*. Сл. *кшмж* и пр. (*Vopp's Gloss. Sanscr. s. h. v.*; также: *Vergl. Accentuationssystem des Sanscrit und Griech. Berl. 1854, S. 174*). Первоначальное значеніе, судя по всему, было приводить въ мягкое состояніе чѣмъ бы то ни было въ состояніе, на пр., броженія (отсюда *πέσσω*, *πέττω*, вм. *πέκσω*, *πέκτω*, Лат. *pinso* вм. *pinkso*, гдѣ *п* повое), которое такъ какъ производится, не рѣдко, посредствомъ мѣшанія, то отсюда Греч. и Лат. глаголы означаютъ также и мѣсить, на пр., муку и под. для изготовленія въ виду; отсюда въ нихъ дальнѣйшій отгѣнокъ, съ одной стороны, варить, съ другой печь, будетъ ли то посредствомъ естественной, или искусственной, теплоты (солнечныхъ лучей, или огня); послѣднія понятія присуци какъ Сан., такъ Греч., Латин., Славян. и Нѣм. формамъ, именно печь вообще; въ послѣдствіи, испеченное на искусственномъ огнѣ помощью какого ни будь орудія стали отличать отъ испеченнаго безъ онаго: отсюда у Славянъ жарить

и сжарить, у Нѣмцевъ *braten*, у Латинцевъ *frigere* (*frictum* или *fricium*), у Грековъ *φρίγειν*, *φρίσσειν*, *φρίττειν*, и т. д.; но у многихъ такъ ли, иначе что либо испечено, называется печенымъ, на пр., по Малор., Чеш., Пол., Серб., и т. д., мясо, а также иногда овощи и т. п.; точно такъ и Сѣверные Нѣмцы говорятъ: *das Backfleisch* и *Backobst*, откуда и мѣсто, орудія для того или при томъ употребляемая, и вообще все испеченное: *der Backofen*, *die Backfanne*, *Backschüssel*, *der Backstein*, *das Backwerk*, НН. *Backfische*, *Backäpfel*, и тому под. Сверхъ того, такъ какъ съ понятіемъ о мягкости или смягченіи находится въ сродствѣ понятіе о спѣлости, зрѣнии или созрѣнии, т. е., о приведеніи въ это состояніе посредствомъ теплотворнаго начала, то отсюда уже въ Сан. *пѣкас*, *maturitas*, *пѣкимас*, *maturus*, равно какъ и Греч. глаголѣ означалъ и этотъ отгѣнокъ: едѣсь зрѣлое представляется какъ бы изготовленнымъ, приведеннымъ, помощію внутренняго дѣйствія теплоты и тому под., въ положеніе спѣлости. Вотъ по чему и *смола*, деготь и т. п. какъ Греки, Латинцы, Нѣмцы, Кельты, такъ и нѣкоторые изъ Славянъ называли словомъ отъ корня *пек*, именно, какъ показано выше: *πίσσα*, *πίττα*, вм. *πίσσα*, *πίττα* (или *πέσσα*, *πέττα*), Л. *piх*, (отъ него въ Романскихъ нарр., Ит. *pesce*, *pegola*, Ис. и П. *pez*, Ф. *poix*, Н., подобно глаголу), въ двойной формѣ, съ *p*: Бав. *pësch*, НС. *Pick*, АС. *pic*, НН. *Pesch*, Нор. *rik*, А. *ritch*, и съ *b*: ДВН. *beh*, *beeh*, Н. *bik*, Ш. *bek*, *beck*, Д. *beg* *beeg*; Кельт.-Ирл. *resc*, *resch*, К.-Брет. *res*, К.-Вал. *rug*; а у Славянъ: ЦС. по одному памятнику XII-го вѣка, Псалтырю, Кириллицей писанному (впрочемъ, вѣроятно, противно съ Глаголицы, судя по одному мѣсту съ этой послѣдней и вообще языку), находящемуся въ библиотекѣ Августинскаго монастыря у Спасителя въ Болоньѣ. и другому XVI-го, Прологу, семи Сербскою, въ Придворной Вѣнской библиотекѣ, въ концѣ стоитъ *пекло*, по увѣренію издателя «*Lexicon linguae Slovenicae veteris dialecti. Vindobonae 1850*» (fol., s. h. v.); оно же, по его словамъ, встрѣчалось, когда то, и въ 1-мъ стихѣ XIII-ой главы Сираха («*olim etiam*»); но, справившись съ Острогскимъ изданіемъ Библии и, ея противнемъ, Московскимъ 1663 г., читаемъ въ обонхъ: «*Каслася некая ѡхеринтса, и бѣцлася гордомъ,*

тоуень ёмъ вьдетъ». Не знаю, какъ въ лицевой Кіевской Библии 1648 г. (въ 4-ку), но въ Библии 1779, тамъ уже находимъ «смола» вм. «пекла». Слѣдовательно, окончаніе послѣдняго указываетъ на именительный «пекла», а не «пекло». Въ одномъ Прологѣ (ноября 28-го) пекло отличено отъ смолы: «Друга же два (ковчуга) помлза смолю и пекломъ, что, по объясненію «Словаря Церковнославянскаго и Русскаго языка» (откуда взять и самый примѣръ), значить «горючая сѣра, вартъ», а по тому отъ пекъ, то же 1) жаръ, зной, вартъ; «Помолившоу жеся о семь апостолю, бысть пекъ и раздрѣиѣ много на земли (Прол. сентября 26-го. Тамъ же), и 2) вещество, вывариваемое изъ смолы; въ переносномъ смыслѣ пеклю — тяжкая, неспосная работа: «Попалъ въ пеклю»; равно какъ и адъ; *пёкло* же у Архангельцевъ и Новгородцевъ (Тихвинскихъ) — деревянная лопата, на которой сажаютъ въ печь хлѣбы, а *пекунство*мъ Вышневолочане называютъ солонекъ («Опытъ области. Великорусскаго Словаря. СПб. 1852 г.», п. с. с.). У Малорусовъ подъ *пекломъ* всегда разумѣется предпочтительно адъ. Далѣе, названіе дегтя отъ корня «пекъ» встрѣчается еще у Сербовъ Православныхъ, но съ *a*, и при томъ въ формѣ «паклина» («Као катранъ, што се кола мажу», «Art Wagenschmiege»; см. *Вука Караджича* Сербскій рѣчникъ, изд. 2-е, 1852 г., п. с. с.), конечно, отъ *пакъ*, отъ коего пошло *пакано* вм. *пакалъ*, въ двойкомъ смыслѣ: смола и адъ; впрочемъ, то и другое въ ходу наиболѣе въ западныхъ краяхъ Сербіи, смежныхъ съ Далмаціей, въ коей отъ формы «пакъ» вм. «пекъ» употребительны слова, означающія не только смолу, деготь и т. п., но и вообще огонь адскій: *пакно*, м., 1) адъ; 2) рѣх («пакно певаренъ», рѣх поп соста»; «пакно житакъ», рѣх fluida; «пакно живи, Bitumen); *пакалъ*, (р. пакла) и *пакано*, адъ, откуда *паклмти*, бѣситься, смолить и т. п.; *пакленъ*, адскій, преисподній, и смоленный, засмоленный, осмоленный, смольный, смольнистый и т. п.; при томъ въ ходу и форма «пекель» (*Stulli*, Riečosložje, п. с. с.); между тѣмъ Православные Сербы отъ формы «пекъ» образовали лишь слова преимущественно для означенія печенія хлѣба (pinso), варива (соцо) и мяснаго, рыбнаго и т. п. (asso), равно какъ показанія силы солнечныхъ лучей (уго), при чемъ суц. *пека*, 1) vas pistorium; 2) понече-

ние, и 3) избалованное дитя (последняя в переносномъ смыслѣ). Ясно, что первая форма (*nek*) болѣе свойственна Сербамъ Восточнымъ, а вторая (*nak*)—Западнымъ. Хорутанцы, по нарѣчьямъ, то же имѣютъ обѣ формы: *reka1*, *reken*, *rekon*, и *ra-ka1*, *ra-k1*, но въ значеніи только адъ, кромѣшная, о. ъ *nek* же смеченное и тотъ, кто печетъ, въ особенности хлѣбъ, иначе *rekaŕ*, съ производными отъ нихъ; *reken*, сковорода; *rekaŕati*, кусаться (о курахъ), — *se*, спорить; *rekliti*, мучить, терзать, пытать; но *reŕi*, *reŕet*, печь вообще, жарить, жечь, и, въ переносномъ смыслѣ, какъ въ другихъ, имѣть понеченіе, болѣться. Форма *neklo* и всѣ ея производныя, съ корнемъ *nekŕ*, равно извѣстна также Чехамъ, Словакамъ (*reklö*) и Полякамъ (*piekło*), отъ *nek*, а *naklo* рѣшительно не извѣстно, хотя Поляки и знаютъ *rak*, 1) въ значеніи смолы, и 2) въ смыслѣ связки, вязки (также и *ra-ka*), спешшеся по формѣ съ чужимъ *naketŕ*, Фр. *rasquet*, А. *rack*, Гол. *rak* и т. д., въ Средневѣковой Латини преобразившеся въ *racus*, *fasciculus*, *sarcina*; Ит. *racco*, Исп. *raquete* (*De Sange*, Gloss. med. et inf. lat. s. h. v.), хотя *ράκελλος* или *ράκελος*, встрѣчаемое уже у Еврипида, Фукидида и др., и говорить, что и это значеніе корня *nak* было извѣстно древнимъ, а также и Кельтамъ *rac* или (*r* въ одноорган. *b*): *bag*, *baich*, *bae'h*, въ какой формѣ попадаетъ въ Романскихъ нарр.: Исп. *vaga*, Пров. *vagua*, ДФ *vague*, откуда Ит. *bagaglia*, — *lie*, — *lio*, Пров. и Фр. *vagage* (*Diez*, Etymolog. Wörterbuch der roman. Sprachen. Bonn, 1853, S. 36). Все это показываетъ, что слова етѣ, столько распространенныя по всѣмъ Индоевропейскимъ нарѣчьямъ и, замѣтимъ, въ самыхъ разнообразныхъ значеніяхъ, которыя, впрочемъ, сводятся къ двумъ главнымъ видамъ (*nak* и *nek*), непременно пошли у каждаго собственнымъ своимъ путемъ отъ одного корня, общаго этой семьѣ языковъ (разумеется, кромѣ слова, означающаго связку, и т. п.), но первоисточнику коего трудно съ достовѣрностью указать, и по тому ни коимъ образомъ нельзя согласиться на переходъ слова *neklo* изъ Нѣмецко-Баварскаго въ Хорутанское, или, по Копитару, въ Церковнославянское. Если бы это сколько ни будь возможно было, то, во первыхъ, то значеніе, которое оно имѣетъ въ Нѣмецкихъ нарѣчьяхъ, безъ сомнѣнія, перешло бы и въ

Хорутанское, между тѣмъ какъ его-то и нѣтъ въ немъ ни подь одной формой, напротивъ, слово это тутъ употребляется въ томъ самомъ смыслѣ, какой имѣло и имѣеть во всѣхъ почти Славянскихъ нарѣчійхъ, и какой, судя по тому, должно признать главнымъ, по тому что онъ идетъ прямо отъ первично главнаго, выражающаго, такъ сказать, непосредственное, наглядно осязаемое, пластическое дѣйствіе теплоты и огня, между тѣмъ какъ то, на оборотъ, выведено отъ этого уже посредствомъ отвлеченія (что происходитъ отъ внутренняго, или же внѣшняго жара, пека, въ жидкомъ или липкомъ, кленстомъ видѣ, слѣдовательно, горючая сѣра, смола, варъ, и т. п.; отсюда уже дальнѣйшее отвлеченіе, на основаніи понятій о будущей жизни, преимущественно Христіанскихъ, пеклу придавъ смыслъ ада, хотя, съ другой стороны, такое понятіе могло родиться и отъ дѣйствительныхъ ощущеній тѣла нашего въ сей еще жизни разнаго рода страданій, въ высшей степени истязательныхъ для насъ, по чему и выражается нашъ народъ о подобномъ состояніи несчастливца, какъ выше упомянуто: «Попагъ въ пекло!»). Во вторыхъ: рѣшъ какъ проводникъ понятія объ адѣ, должно было имѣть это понятіе какъ въ Нѣмецкомъ, такъ, равно, и Латинскомъ, изъ коего, походу рѣчи и мыслей, Коппитаръ ведетъ его; но ни въ томъ, ни въ другомъ послѣдняго понятія не замѣчаемъ. «По тому Славяне сами его уже составили? Если такъ, то за чѣмъ же было имъ брать его у чужихъ безъ этого понятія? Не сручиѣ ли было самимъ составить его, имѣя въ своемъ распоряженіи покоенъ тотъ же самыи корень, какъ и етѣ два народа, и при томъ съ значеніемъ, гораздо ближайшимъ къ тому, для чего навязывается имъ это слово? Но чему же нѣтъ слова этого въ Нѣмецкомъ значеніи у прочихъ Западныхъ Славянъ, бывшихъ, какъ и Хорутанскіе, въ не меньшихъ связяхъ съ Нѣмцами и столько перенявшихъ отъ нихъ волей и неволей? Етого не могло не быть, если бы дѣло происходило такъ, какъ стараются увѣрить насъ. Напротивъ, по чему слово это въ Древнегреческомъ значить *πίη*, а въ Новогреческомъ *infernus*? Явно, по тому самому, по чему и въ Славянскихъ нарѣчійхъ, одною же не по тому, будто бы оно перешло въ него изъ Латинскаго черезъ посредство Нѣмцевъ и Славянъ.

Въ третьихъ: допустивъ, однако, на время возможность етого, мы непременно должны допустить и то обстоятельство, что Хорутанское нарѣчіе находится ближе всѣхъ прочихъ своихъ собратій къ Церковнославянскому, по той простой и естественной причинѣ, что тогда оно будетъ непосредственное, такъ сказать, порожденіе сего послѣдняго, которое, не смотря ни на какія перемѣны съ нимъ въ теченіе вѣковой разлуки, не могло до того отойти, чтобы близость его сдѣлалась подозрительной. Таковъ законъ природы, оправдываемый самымъ опытомъ, на примѣръ: изъ Романскихъ нарѣчій все таки Итальянское и въ теперешнемъ своемъ книжномъ видѣ, и по областнымъ своимъ подрѣчіямъ, самое ближайшее къ Латинскому, особливо къ его *lingua Romana rustica*, чѣмъ всѣ прочія его отрасли во Франціи, Испаніи, Португаліи, Швейцаріи и прежней Дакии. Я разумѣю сдѣсь близость по перевѣсу всѣхъ тѣхъ особенностей, которыя составляютъ сущность всякаго языка; въ частности не рѣдко случается, что самое позднее нарѣчіе, даже разнорѣчіе, въ какомъ ни есть заходуетъ, сохраняетъ такое изъ свойствъ, или словъ, древняго языка, какого напрасно искали бы въ самомъ старѣйшемъ его нарѣчій, иногда даже указываетъ прямо на самый праязыкъ, т. е., употребившійся въ донсторическое время, о коемъ заключаемъ по всему его составу, что онъ долженъ быть таковъ, а не иной. Что же? Языкъ нынѣшнихъ Хорутанцевъ по всѣмъ его, доступнымъ мнѣ, источникамъ и самому опыту, и при томъ въ разныхъ краяхъ, гдѣ только онъ звучитъ, я нахожу далеко не тѣмъ, за что Копитаръ выдаетъ намъ его; а етого не могло быть, если бы онъ былъ тотъ самый, на который Кириллъ и Меѳодій перевели богослужебныя книги во время пребыванія своего въ Панноніи. Но крайней мѣрѣ, что ни будь напоминало бы такое тождество, что ни будь посущественнѣе тѣхъ не многихъ словъ, опираясь на которыя думаютъ доказать то, словъ, при томъ, иноязычныхъ, стало быть, какъ говорится, перелетней дичи, оказывающихся, при ближайшей повѣркѣ, дѣйствительно дичью, но дичью, залетѣвшей болѣе прямой дорожкой, а нѣкоторыя даже достояніемъ Индоевропейскихъ нарѣчій, или большинства ихъ, по общему всѣмъ нмъ праязыкѣ (176).

Сдѣсь ничто не значитъ и *названіе* Хорутанцевъ именемъ *Словенцы* или *Словинцы*, а нарѣчія ихъ *Словенское*, *Словинское*. Иѣкоторые изъ повѣйшихъ писателей, кажется, имѣя въ виду это, сходятся подтвердити слабость доводовъ Копитара тѣмъ, что, безъ дальняго величаютъ языкъ Хорутанскихъ Словенцевъ *Новословенскимъ*, въ отличіе отъ Церковнославянскаго, по ихъ мнѣнію, родоначальника его, и по тому называемаго ими *Древнесловенскимъ* или *Старословенскимъ* что, де, гораздо правильнѣе, чѣмъ названіе «*Церковнославянской*», по тому что подъ етѣмъ разумѣется языкъ, употребляемый въ богослужебныхъ книгахъ Руской Церкви, слѣдовательно, подъ вліяніемъ Рускаго языка, больше, меньше обрусѣвшій (какъ будто съ примѣсю вліянія, на примѣръ, Сербскаго, онъ уже не Церковнославянской!). Етотъ Новословенскій языкъ, по етому, родной братъ Новобульгарскаго; и какъ древнѣйшіе памятники Древнесловенскаго, или собственно Словенскаго, отца обоихъ ихъ, составляютъ: Клоцовъ Глаголита, Ассеманіево Евангеліе, Супрасльскія рукописи и и. т. (разумѣется, большего частью, такъ называемые, Глагольскіе памятники), такъ точно и старѣйшій памятникъ Новословенскаго суть Фрейзингенскіе отрывки: голословное мнѣніе, ни на чемъ не опертое, по крайности, доказательства въ пользу его по сию пору остаются за высказавшимъ его (177). Видно, что духъ мелкаго и узкаго родолюбія не переводится между земляками Копитара, когда ни успѣхи сравнительнаго языковѣдѣнія, ни такого же дѣйствія и народовѣдѣнія, не въ силахъ отклонить отъ подобныхъ богатырскихъ пошибовъ и стронутныхъ помысловъ. Въ самомъ дѣлѣ, выдавать (не приводя даже малѣйшихъ причинъ, но выставляя выдаваемое, какъ дѣло извѣстное и доказанное) за собственно Словенскіе или Древнесловенскіе памятники Глагольскія рукописи, хоть бы то было и до половины XIII-го вѣка, а Фрейзингенскіе отрывки за памятники Новословенскаго, и называть послѣдній братомъ Новобульгарскаго, такъ что Словене Бульгарскіе суть даже вѣтвь Словенскаго племени («*ein Zweig des slovenischen Stammes*»), что иное можетъ значить, какъ не то, что обыкновенно, но совершенно по дѣломъ, пятнаемъ именемъ квасной любви къ своему роду и плоду? Другіе, не разобравъ хорошенько, въ чемъ дѣло, и принимая такія смѣло и положительно выра-

женныя мысли за дѣло доказанное, уже пытаются и въ Исторіи Славянскои письменности ставить на первомъ мѣстѣ Глагольскіе памятники, а за ними Кирилльскіе, изъ обоихъ же (Глагольскихъ и Кирилльскихъ), составлять первую часть Исторіи Словенскои Литературы, а вторую изъ Новословенскои, т. е., Хорутанскои (178). Вопреки патянутымъ, вѣрнѣе, неестественнымъ, умствованиямъ, языкъ Новобулгарскій, не смотря на всю порчу его отъ вліянія сосѣднихъ ему языковъ, преимущественно Румунскаго и Шкипетарскаго или Албанскаго, лишившихъ его склоненій, въ оставшемся, именно: въ нѣкоторыхъ временахъ спряженій и словарѣ, несравненно ближе къ Церковнославянскому, чѣмъ все прочія Славянскія нарѣчія. Въ этомъ послѣднемъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ словъ изъ Турецкаго, Румунскаго, Новогреческаго и Албанскаго, которыя, сверхъ чаянія, сравнительно съ другими нарѣчіями, далеко въ меньшемъ количествѣ въ немъ, нежели въ иныхъ такіа же чужія, почти все слова Церковно-славянскія, отъ чего ни одинъ изъ Славянскихъ народовъ, если исключимъ Рускихъ, такъ скоро не усвоитъ себѣ разумѣніе Церковнославянскихъ памятниковъ, какъ самыя даже простыя Булгаре (другихъ у иныхъ и нѣтъ, благодаря четырехвѣковому гнету Турковъ); ни одинъ въ такое короткое время и такъ хорошо не знакомится съ Рускимъ книжнымъ и народнымъ языкомъ и произношеніемъ его (больше, нежели какое другое изъ родственныхъ нарѣчій сблизившимся съ Церковно-славянскимъ въ слѣдствіе тысячелѣтняго общенія съ памятниками его и, какъ показываетъ исторія, даже родовыхъ и историческихъ узъ): говорю, опираясь на ежедневный опытъ, какъ профессоръ Славянскихъ нарѣчій, исторіи и литературы, имѣя въ числѣ слушателей по нѣскольку и изъ прочихъ соотечественниковъ. Да и на оборотъ: ни съ какимъ изъ Славянскихъ нарѣчій Рускій такъ быстро и легко не освоится, можно сказать, на лету, какъ съ Новобулгарскимъ, не взирая на все измѣненіе его; не будь этого, тогда разумѣется, не стоило бы почти ни какого напряженія знакомиться съ нимъ, во всякомъ же случаѣ не больше того, какое нужно для правильнаго пониманія Церковнославянскаго. Это обстоятельство не

можетъ быть оставлено безъ вниманія при опредѣленіи близости и сродства какихъ угодно нарѣчій и языковъ: что отъ насъ не далеко, то и дается намъ легко. Напротивъ, Сербъ уже больше требуетъ усилій для знакомства съ Новобульгарскимъ, нужды нѣтъ, что онъ отъ старины непосредственный сосѣдь Бульгару, а Областной Хорватъ и Словенецъ и того больше; точно такъ и Бульгаръ, послѣ Рускаго, легче всего осваивается съ Сербскимъ, за нимъ съ Областнымъ Хорватскимъ, а тамъ ужъ и Словенскимъ. Между Бульгарскимъ и Рускимъ такое же отношеніе, какое между Чешскимъ и Словацкимъ, Польскимъ и Кашубскимъ, Верхне-лужицкимъ и Нижне-лужицкимъ, а между Бульгарскимъ и Сербскимъ, какое между Чешскимъ и Польскимъ и Нижне-лужицкимъ, Чешскимъ и Верхне-лужицкимъ, Сербскимъ и Областнымъ Хорватскимъ, или Словенскимъ. Не доказательство справедливости противоположнаго мнѣнія сопоставленіе подъ одно названіе Бульгарскихъ и Хорутанскихъ Славянъ и ихъ нарѣчій, какъ я замѣтилъ выше, а также и самый способъ разсматриванія ихъ, какъ двухъ равноправныхъ частей одного цѣлаго: это просто на просто одно лишь предположеніе, выраженное, впрочемъ, безъ дальнѣйшаго доказательства, въ видѣ общезвѣстной и дознанной истины. Подобные приемы въ области исторіи и языковѣдѣнія могутъ путать только однихъ неопытныхъ; это сылюкъ для легковѣрныхъ и мало знакомыхъ съ дѣломъ, всегда почти удающійся въ началѣ, но также всегда и разоблачаемый въ послѣдствіи. Строить на такомъ песочномъ основаніи могутъ лишь люди, которые болѣе гонятся за успѣхомъ во что бы и на сколько бы то его ни стало. Напередъ пусть намъ докажутъ, что Словѣне Бульгарскіе или поселившіеся въ Мизіи, Фракіи, Македоніи и остальной Греціи, съ Словенами Хорутанскими, какъ бы ни раздвигало предѣловъ ихъ пристрастіе къ своему, первоначально и существенно такое же цѣлое, какое, по крайности, представляютъ собой Славяне Рускаго Сѣвера, Юга, или Запада, измѣненіе говора коихъ можно прослѣдить изъ столѣтія въ столѣтіе по памятникамъ письменнымъ, представляющимъ, въ самомъ началѣ, дѣйствительно, едва замѣтное отклоненіе отъ одного, общаго имъ, такъ сказать, склада и лада рѣчи, которое, однако, какъ ни увеличивалось съ теченіемъ времени, все же не

дошло до той степени различія, на которой видимъ Словенское нарѣчіе въ Хорутаніи и Словѣньское въ Булгаріи какъ въ наши дни, такъ равно и назъ вѣка въ вѣкъ назадъ въ древность. Тамъ тотчасъ замѣчаете, что это одно и тоже, только нѣсколько образомъ образованное, и что изъ всѣхъ возможно родственныхъ имъ самое родственное и ближайшее другъ другу; сдѣсь же на оборотъ.

Фрейзингенскіе отрывки (которые Копитаръ, вѣрный своей любимой мысли, уже въ 1822 году выдавалъ за древнѣйшій памятникъ Церковнославянскаго языка) вовсе не идутъ сюда: они, прежде всего, сохранились въ спискахъ XI—XII столѣтія; далѣе, суть памятникъ, точно, Словѣньскаго языка, но языка Кирилла и Меѳодія, державшагося и по смерти послѣдняго, тамъ и сямъ, въ Великоморавіи нѣкоторое время, но сильной привязанности къ нему осиротѣлой его паствы. Смѣтливое Немецко-Латинское духовенство, можетъ быть, даже изъ среды самыхъ туземцевъ, не желая слишкомъ отчуждать отъ себя, на первыхъ порахъ, народъ, должно было, по неволѣ, что либо удерживать и изъ языка, обреченнаго уже имъ къ совершенному, со временемъ, изгнанію. Его тѣмъ вѣроятнѣе, чѣмъ болѣе дѣло шло о такихъ, слишкомъ близкихъ къ сердцу простаго народа, предметахъ, каковы Исповѣдь и Слово о грѣхѣхъ, составляющіе содержаніе етѣхъ отрывковъ. Известна политика Западной Церкви, руководящая дѣйствіями ея во всѣ времена: уступать тамъ лишь шагъ за шагомъ, гдѣ настоячивостью можно все потерять, а временнымъ послабленіемъ, напротивъ, все, или же многое, выиграть. При томъ, Отрывки етѣ принадлежатъ къ одному разряду съ Житіями Кирилла и Меѳодія Паннонскаго извода, съ Житіемъ св. Вячеслава, Церковной пѣснью Чеховъ («Господи, помилуй и!» послѣ: «Господице, помилуй и!» и пр.), т. е., къ остаткамъ Церковнославянскаго языка въ паствѣ Меѳодія, какъ сказалъ я, по смерти его. Не взирая на силу гоненія, открытаго противниками и заставившаго непосредственныхъ учениковъ его спастись бѣгствомъ въ сосѣднія земли, преимущественно въ Булгарію, языкъ этотъ, введенный съ богослуженіемъ, по добровольному избранію и призыву государя, его князей и самаго народа («Ростиславъ къ Моравьскыи князь съвѣтъ сътвори съ князи своими и съ Моравла-

ны, посла къ црю Михаилоу, гла», и пр. Житіе Кирилла), на что смотрѣли, какъ на непосредственное внушеніе Божіе («Бгомъ оустнѣ». Тамъ же.), языкъ, принятый съ такою радостію всѣми («рѣди быша Словѣни, яко слышаша велѣнїемъ Божиимъ своимъ языкомъ». Несторъ. II. С. Р. А. т. I, стр. 11), не могъ тотчасъ исчезнуть, равно какъ и сочиненія на немъ, разумѣется, относящіяся до богослуженія, что подтверждено на самомъ дѣлѣ упомянутыми двумя памятниками въ Чехахъ. А если это возможно было въ Чехахъ, то тѣмъ болѣе въ Моравіи и Панноніи, куда, собственно, и призванъ былъ онъ. Заключение о возможности этого подтверждается, такъ называемыми, Паннонскими Житіями самихъ нашихъ благовѣстниковъ, которыя и слывутъ такъ именно по тому обстоятельству, что писаны въ Панноніи, вскорѣ послѣ кончины Меодія, какъ это показано уже неопровержимымъ образомъ въ, часто упоминаемой нами, статьѣ: «Кириллъ и Меодій». Какъ въ нихъ и памятникахъ этого языка въ Чехахъ встрѣчаемъ, тамъ и сямъ, слова, указывающія на языкъ народа, среди котораго они писаны (179), такъ равно и етѣ Фрейзингенскіе отрывки суть памятникъ того же самаго языка, съ такою же, какъ и тѣ, невольной примѣсью изъ нарѣчія народа, у коего и для коего были составлены. Слѣдовательно, и тѣ, и етѣ писаны языкомъ Церковнославянскимъ или языкомъ Славянъ Българскихъ, вѣи земли и владѣній послѣднихъ, а по тому, естественно, подъ вліяніемъ другихъ (хоть и родственныхъ) нарѣчій. Въ противномъ случаѣ пришлось бы считать Житіе св. Вячеслава и Церковную пѣснь древнѣйшими памятниками Чешскаго языка, такъ какъ и въ нихъ на столько же замѣтно присутствіе послѣдняго, на сколько въ тѣхъ и въ Фрейзингенскихъ отрывкахъ пробивается языкъ Славянъ Паннонскихъ. И такъ, разсматривая етотъ памятникъ самъ по себѣ, по однимъ лишь его внутреннимъ свойствамъ, убѣждаемся въ принадлежности его времени, которое слѣдовало послѣ Кирилла и Меодія, а съ тѣмъ и въ невозможности подтвердить имъ мысль о томъ, чтобы Хорутанскіе Славяне когда либо говорили языкомъ, въ немъ и прочихъ Церковнославянскихъ памятникахъ заключающимся, такъ какъ во всемъ согласныхъ съ нимъ.

Но окончательной ударъ Копитарову мнѣнію нанесенъ тѣмъ самимъ, къ чему виновникъ его отсылалъ на судъ и послѣднее рѣшеніе всѣ недоумѣнія и сомнѣнія объ етѣхъ памятникахъ, а съ ними, стало быть, и предположеніе свое о тождествѣ языка Хорутанцевъ съ языкомъ нашихъ Богослужебныхъ книгъ. «*Verum prius etiam rogandi erunt qui bibliothecas praesertim germanicas tractant, ut duce hac nostra qualicumque interpretatione exquirere velint sive latinum sive germanicum archetypum, ex quo haec nostra monumenta, omnium sui generis antiquissima fluxerint. Quo invento facile et nostra interpretatio emendabitur, et quae dubia aut controversa nobis amicisque fuere, liquido patescent*» (Glag. Cloz. pag. XLIV). Этотъ, столько желанный имъ, «archetypum», теперь въ рукахъ нашихъ, только по «latinum», не «germanicum», и не для всѣхъ трехъ отрывковъ, но «slavicum», для одного только изъ нихъ, за то самаго замѣчательнаго по объему и содержанию своему. Успѣшное происхожденіе этого отрывка открытіемъ первообраза его уясняетъ многое и въ судьбѣ остальныхъ двухъ, даетъ право дѣлать такія же заключенія и о нихъ, ни чѣмъ не отличающихся отъ него своимъ языкомъ и всѣмъ прочимъ. Первообразъ же для третьяго изъ Фрейзингенскихъ памятниковъ составляетъ то самое «Поученіе на память св. апостола Марка», на которое первый указалъ все же глава нѣмѣцкихъ Русскихъ филологовъ, Востоковъ, въ своихъ образцовыхъ «Грамматическихкихъ объясненіяхъ» етѣхъ отрывковъ, «представивъ сводное изложеніе его по нѣсколькимъ спискамъ, помѣщеннымъ въ Прологахъ подъ 25-мъ апрѣля. «Сравнивая оное (Поученіе) съ проповѣдью Словенскою, вписанною въ Фрейзингенскую рукопись»,—говоритъ А. Х.,—«читатель удостовѣрится, что одно изъ сихъ сочиненій передѣлано съ другаго, или, судя по нѣкоторымъ мѣстамъ, даже буквально списано. Въ печатномъ Прологѣ нѣкоторыя выраженія перемѣнены, отъ чего въ ономъ сходство съ Фрейзингенскою статьею въ мѣстахъ потеряно». Нѣсколько выше: «Неизвѣстно, кѣмъ сочинено сіе поученіе: слогу и манеру въ ономъ кажутся не Греческіе». Далѣе: «Мѣста сходныя въ семъ Поученіи съ убогательною проповѣдью Южно-Словенскаго Миссіонера, расположены не въ томъ же самомъ поряд-

кѣ, и обставлены другими мѣстами несходными; сверхъ того въ первомъ изъ сихъ сочиненій рѣчь идетъ съ однимъ Св. Маркѣ, а послѣднее указываетъ вообще на Святыхъ. Но за всѣмъ тѣмъ, нельзя конечно считать сходства сіи случайными, ибо они простираются не на малое только число выраженій и мыслей одинаковыхъ. Трудно донскаться, отъ чего произошло сіе сходство между двумя письменными памятниками, столь отдаленными одинъ отъ другаго и временемъ, и мѣстомъ, и разностью буквъ: ежели только счастливый случай не откроетъ еще какихъ нибудь остатковъ древности, могущихъ служить къ разрѣшенію сей загадки» (180). Кошитаръ, не смотря на то, что Краионецъ по происхожденію, и при томъ уже издателемъ «Собранія Словенскихъ памятниковъ въ Россіи названный превосходнымъ «филологомъ» (стр. 3), ничего не сумѣлъ сказать намъ особеннаго, помимо сообщеннаго Рускимъ филологомъ, равно какъ и открыть первообразъ хоть одного изъ трехъ отрывковъ, напротивъ, какъ сей часъ упомянуто было, удовольствовался лишь превознесеніемъ похвалами объясненій упривидившаго его филолога, примѣчаньями («commentarioli») второй руки, да, въ завершеніе всего, перепечатаніемъ самаго «Поученія на память св. ап. Марка» и переводомъ его на Латинскій, по тому что нельзя же считать чѣмъ либо особеннымъ мнѣніе его, тутъ же, въ четырехъ строчкахъ, высказаннаго, по коему это Поученіе, могло стать, занесено было въ Россію посломъ къ в. к. Ольгѣ, 960 года, Трирскимъ (послѣ Магдебургскимъ) архіепископомъ, Адальбертомъ, современникомъ Авраама, Фрейзингенскаго епископа, 957—994, по мнѣнію Кошитаря, «scriptoris codicis Frisingensis» (181). Списокъ съ списка Авраамова, оставшіися у насъ, какимъ бы то ни было образомъ послѣ Адальберта, могъ быть, отысканъ митрополитомъ Макаріемъ, поклонникомъ Западнаго просвѣщенія (?), либо даже другимъ какимъ ни есть способомъ полученъ имъ изъ Нѣмецкой земли: «Quid si missus c. 960 Olgae ducissae Adalbertus Treverensis, dein Magdeburgensis Archiepiscopus, Abrahami nostri aequalis, descriptam ex hujus ἐγχολλπίφρ tulerit in Russiam, ibique relictam aut perditam a repulso, posthac invenerit Macarius metropolita? Quamquam Macarius occidentalium doctrinae admirator potuit alia

etiam via ipse nascisci e Germania» (182). Такого рода предположенія свидѣтельствуютъ только, что для человѣка, рѣшившагося, однажды, отстаивать какую либо мысль, самое несообразное и невѣроятное кажется дѣломъ совершенно въ порядкѣ вещей, очень возможнымъ, даже чуть ли на самомъ дѣлѣ не существовавшимъ. Какъ бы то ни было, только скоро 30 лѣтъ, какъ въ первый разъ было указано на необыкновенное сходство Фрейзингенскаго Поученія съ Поученіемъ на память св. апостола Марка, а объясненія причины тому по сию пору нѣтъ, какъ нѣтъ, ни откуда, ни съ Запада, ни съ Востока. Востокъ всю надежду въ этомъ случаѣ возложилъ на «счастливый случай», который, авось, «откроетъ какой ни будь остатокъ древности, могущій служить къ разрѣшенію сей загадки». И, странно, случай этотъ, казалось, выжидаемый съ такимъ нетерпѣніемъ, но крайней мѣрѣ, знатоками и замѣчанными въ семь дѣлѣ, нѣсколько лѣтъ тому представился, и, однако же, не только не вызвалъ ни чьего объясненія, но прошелъ незамѣченнымъ даже тѣми, которые больше всѣхъ, по видимому, дожидались его. Въ упомянутомъ уже разѣ письмѣ ко мнѣ, въ мартѣ 1848 года, В. М. Ундольскаго, о твореніяхъ «Климента, епископа Словѣньска», представлень былъ «перечень Словъ Климента, съ ихъ началами», съ цѣлію, не встрѣтится ли кому либо чего еще новаго изъ сочиненій сего писателя. Подъ числомъ 2-мъ приведено тутъ: «Поученіе на память Апостола или Мученика». Начало: «Братіе, присно ждаѣ». Оно, вмѣстѣ съ двумя другими (предшествующимъ и послѣдующимъ) (183), отыскано сочинителемъ письма еще въ 1840 году, въ одномъ пергаменномъ сборникѣ XII-го вѣка, принадлежащемъ Библиотецѣ Троицко-Сергіевой Лавры подъ № 11-мъ (184). Такое начало этого Климента Слова само собою вызывало сличеніе съ такимъ же началомъ «Поученія на память св. ап. Марка». Конечно, тотъ, кто первый выискалъ его, знаетъ объ отношеніи его къ «Поученію» и, безъ сомнѣнія, въ свое время, при изданіи твореній Климента, предпринятыхъ имъ (185), упомянетъ о томъ, даже, статья можетъ, займется подробными поисками о соотношеніи между етѣми Поученіями; однако, считаю нужнымъ замѣтить, и съ своей стороны, о послѣднемъ, тѣмъ болѣе, что оно, какъ нельзя лучше, свидѣтельствуетъ противъ Ко-

питарова мигнія о Хорутанскомъ происхожденіи нашего Бого-служебнаго языка.

Теперь, зная положительно, кому принадлежит значительная часть 3-го отрывка Фрейзингенской рукописи (у Копитара 2-го, въ *Glag. Cloz.*), т. е., Клименту, епископу Словѣньскому, непосредственному ученику Кирилла и Мефодія, какъ мы видѣли уже, скончавшемуся 27-го июля, 916-го года, теперь, говорю, имѣемъ полное право сдѣлать слѣдующія послышки и вывести оттуда заключенія: а) что рукопись эта не можетъ быть старѣе, по крайней мѣрѣ, первой четверти X-го вѣка; слѣдовательно, б) быть древнѣйшимъ памятникомъ какъ вообще Славянской письменности, такъ и въ особенности Церковно-славянской, и, по тому, в) свѣдѣтельствомъ въ пользу Паннонскаго или Хорутанскаго происхожденія Священнаго языка Славянъ Православной Церкви. Напротивъ, открытіе принадлежности «Поученія» Клименту показываетъ, окончательно и навсегда, еще съ новой стороны, ту истину, добытую уже при посредствѣ другихъ обстоятельствъ, что языкъ нашихъ богослужебныхъ книгъ дѣйствительно и непреложно есть языкъ тогдашнихъ Славянъ Булгарскихъ, такъ какъ самъ Климентъ былъ, по показанію его жизнеописателя, природный Булгаръ, слѣдственно, писалъ на своемъ родномъ языкѣ, а не на языкѣ Хорутанскомъ, хотя и родственномъ, но не въ такой степени, чтобы онъ былъ одно и то же съ языкомъ Славянъ Булгарскихъ. Чѣмъ дальше въ древность, тѣмъ нарѣчія Славянскія ближе къ себѣ: это правда; но правда и то, какъ показываетъ исторія и новѣйшія основательныя изслѣдованія, что, при всемъ сродствѣ и сходствѣ, нарѣчія етѣ уже въ историческое время существовали и отличались другъ отъ друга тѣми же существенными признаками, какими и теперь, спустя слишкомъ тысячу лѣтъ. А если Климентъ употреблялъ языкъ Славянъ Булгарскихъ, то, естественно, то же должно сказать и объ учителяхъ его и Славянъ на Фракійскомъ полуостровѣ, равно какъ и въ Великоморавіи; въ противномъ случаѣ такое важное и существенное обстоятельство не было бы пропущено описывавшимъ жизнь Климента. Отсюда, г) третій отрывокъ Фрейзинген-

ской рукописи, столько сходный даже дословно во многомъ съ твореніемъ Климента, свѣдѣтельствуешь, что онъ писанъ на одномъ и томъ же языкѣ съ егѣмъ послѣднимъ, отнюдь же не на оборотъ. Иѣкоторыя, самыя мелкія, разнорѣчія слѣдуетъ приписать тому, что до насъ дошелъ не подлинникъ, но только списокъ Климентова сочиненія изъ XII-го столѣтія, и при томъ разряда Рускаго, равно какъ и тому, что Фрейзингенскій отрывокъ передавъ Латинскою азбукою, какъ извѣстно; самой недостаточной для воспроизведенія звуковъ языка нашего племени, особенно за столько вѣковъ въ древность. Не смотря на все искусство объяснявшаго ихъ, довольно еще остается сомнительнаго, какой именно Славянскою звукъ хотѣлъ выразить писецъ той, или иной, Латинскою буквою, хотя, съ другой стороны, это послѣднее ни мало не мѣшаетъ видѣть въ отрывкахъ сихъ Церковнославянское, а не Паннонское или Хорутанское, нарѣчіе. По сему полагаю, вмѣстѣ съ Востоковымъ, что одно изъ егѣхъ двухъ «Поученій» (Фрейзингенскій третій отрывокъ, точно такое же поученіе, какъ и Поученіе на память св. ап. Марка) есть, по меньшей мѣрѣ, передѣлка съ другаго, и передѣлка, что называется, рабская, т. е., допускающая буквальный списокъ. Что съ чего списано или передѣлано, ясно. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя же предполагать, чтобы Климентъ заимствовалъ сходное изъ Поученія, не извѣстно кѣмъ и когда составленнаго для Хорутанцевъ, стало быть, до прихода къ нимъ Солунцевъ, стало быть, на языкѣ Климента, т. е., Славянъ Булгарскихъ? Или думать, что оно составлено на Хорутанскомъ, но бывшемъ до того сходнымъ съ языкомъ Климентовымъ, что оба слѣдовало считать однимъ и тѣмъ же, а не двумя, даже родственными, нарѣчіями? Въ такомъ случаѣ, всякой толкъ о переводѣ богослужебныхъ книгъ на одно изъ егѣхъ нарѣчій, въ существѣ своемъ, становится излишнимъ, по тому что тогда это — одно и то же, а разница въ одномъ лишь названіи. Но такое сходство должно доказать, а не предполагать, или допускать только, какъ возможность, и на ней строить системы, Такъ какъ поученіе Климента писано на память апостола или мученика, то отсюда становится понятнымъ, что оно принадлежитъ къ разряду тѣхъ поученій, ко-

торыя обыкновенно назначаются для произношенія не въ одинъ опредѣленный день, и при томъ разъ навсегда, но въ разные, сходные между собою по тому либо, церковные дни. Въ поученіяхъ такого рода всякой новообращенный народъ цуще всего нуждается, и по тому-то Климентъ, какъ извѣстно изъ Житія его, старался, прежде всего, удовлетворить етой первой потребности Славянъ Христіантъ; отъ того, въ древнѣйшихъ спискахъ этого поученія и другихъ подобныхъ, не встрѣчаемъ надписанія, на память какого именно лица, или событія, оно предназначалось, но вообще, что выражается въ самомъ изложеніи словомъ «ниѣ» («ниа рекъ») (186). Можно думать, что его твореніе Климента, послѣ его удаленія, вмѣстѣ съ прочими товарищами, изъ Великоморавскихъ владѣній, было передѣлано кѣмъ ни есть изъ Православныхъ преемниковъ ихъ, чѣмъ объясняется обстановка взятаго изъ этого поученія другими мѣстами, равно какъ и самое расположеніе; либо еще самъ Климентъ взялъ изъ него то, что шло, и перенесъ въ другое поученіе о грѣхахъ (весьма обыкновенное явленіе, какъ извѣстно, въ древности), и, въ семь послѣднемъ видѣ оно было кѣмъ-то записано Латинскимъ письмомъ, когда Кириллица, время отъ времени, болѣе и болѣе приходила въ забвеніе между Хорутанскими Славянами, подпавшими, съ тѣхъ поръ, зависимости Нѣмцевъ въ государственномъ и вѣроисповѣдномъ отношеніяхъ. Подъ Поученіемъ о грѣхахъ, разумѣется такое, конемъ побуждаются вѣрующіе къ исповѣданію своихъ грѣховъ, или, какъ въ немъ сказано, «поухътѣнню» то есть, исчисленію передъ «Божіими рабами» или духовными отцами: «da po tomu zinski (sinci) bozi raba prizvavše, tere im grechi vaša počtete i im ispovedni bodete grechov vašich»; по Кирилловскому письму: «дз по томоу. стинци, божиа рѣва призвѣвъше, тере нѣмъ грѣхы вѣша поухътѣте и нѣмъ исповѣданнѣ вѣдѣте грѣховъ вѣшихъ». Стало, оно есть какъ бы приготовленіе или введеніе къ тому, что составляетъ содержаніе прочихъ двухъ отрывковъ; по сему, всѣ три, имѣя одну цѣль, по необходимости, и приспособлены къ ней, слѣдовательно, составляютъ нѣкотораго рода одно цѣлое. Я готовъ думать, что и прочіе два отрывка, гораздо меньшаго объема, изъ коихъ первый просто «исповѣдь грѣховъ» или въ грѣхахъ для каждаго, на

что указываютъ и слова, поставленныя въ заглавіи ея: «Glagolite po naz (nas) redka zloveza (slovesa)», а второй — исповѣдная молитва, то есть, передъ исповѣдью, что видно изъ словъ: «da bim čisto izpovjed stvoril i odpustek ot bo-ga prijel»: да бымы чистѣ исповѣдь сътвориахъ и отпущенья отъ бога прѣялъ, что и етѣ два, говорю, отрывка первоначально писаны однимъ изъ учениковъ Кирилла и Меодія, быть можетъ самимъ же Климентомъ, или кѣмъ либо изъ непосредственныхъ послѣдователей ихъ, и только съ теченіемъ времени подверглись передѣлкѣ, т. е., приспособлены больше къ обряду Западной Церкви. Но всего вѣроятнѣйшимъ полагаю составленіе етѣхъ трехъ памятниковъ туземцемъ (Паннонскимъ или Хорутанскимъ), но туземцемъ, жившимъ въ то время, когда языкъ Кирилла и Меодія не совсѣмъ еще вышелъ изъ употребленія, по крайности, между духовенствомъ, да и простолюдину былъ на столько понятенъ, на сколько теперь въ земляхъ Православныхъ. Такимъ же временемъ естественнѣе всего считать пространство его отъ кончины Меодія до присоединенія Хорутаніи къ Баваріи (885—937), т. е., то самое время, когда, не смотря на изгнаніе Меодіевыхъ учениковъ, какъ богослуженіе, такъ и, органъ его, языкъ Церковнославянскій или Славянъ Булгарскихъ, продолжали все-еще коекакъ пробиваться. Да и по чему же не такъ, если мы знаемъ навѣрное, что первые государи самыхъ разрушителей Великоморавской Державы были послѣдователями Православія? когда въ сосѣдственной и родной землѣ, Чешской, тоже нѣкоторые изъ членовъ семьи перваго Христіанскаго Чешскаго князя (Боривоя) крѣпко держались этого Исповѣданія, такъ что святая и богоугодная жизнь ихъ была описана не на Чешскомъ, тѣмъ менѣе Латинскомъ, или Нѣмецкомъ, языкѣ, но именно на языкѣ Церковнославянскомъ, и описаніе это, какъ мы уже знаемъ, хотя не въ современномъ подлинникѣ, дошло даже до нашего времени? (187) При томъ же, и послѣ долго и долго, не взирая на переходъ владѣтельнаго Дома и высшаго сословія, простой народъ Чешскій питалъ сильное сочувствіе къ Славянскому богослуженію и языку, какъ онъ обыкновенно называлъ Православіе и его Церковнославянскій глаголь, такъ что среди его по-

являлись, не рѣдко, мужи, основывавшіе особыя обители для безпрепятственнаго отправленія его (между прочимъ, знаменитый Сазавскій монастырь, о коемъ говорено было выше). Если дѣйствительно возможно было Чеху описать Житіе и кончину св. Вячеслава на этомъ языкѣ, то по чему же считать невозможнымъ такое же знаніе и употребленіе Церковнославянскаго языка въ эту пору въ Панноніи, имѣвшей передъ Чехіей то важное преимущество, что въ ней, по извѣстіямъ, не поддежающимъ ни какому сомнѣнію, не разъ и не мимоходомъ, пребывалъ Меводій, слѣдовательно, и его ученики? Жизнеописатель Климента говоритъ о многочисленности послѣднихъ при погребеніи его: не могли же всѣ они состоять изъ однихъ Великоморавцевъ, но, разумѣется, по крайней мѣрѣ, на половину было ихъ и изъ владѣній Коцела? По сему, очень статочное дѣло, что одинокъ изъ современниковъ Кирилла и Меводія, или же ихъ учениковъ, родомъ Хорутанецъ, былъ виновникомъ всѣхъ упомянутыхъ трехъ отрывковъ, написавъ ихъ на языкѣ нововведеннаго богослуженія, сдѣлавшемся ему извѣстнымъ точно такимъ же образомъ, какимъ и жизнеописателю св. Вячеслава, и т. п. Тогда понятно, что онъ, какъ членъ уже Римско-Нѣмецкой Церкви, по имѣвшій дѣло съ народомъ, недавно еще съ такимъ восторгомъ принявшимъ слово Божіе на понятномъ ему языкѣ, и по тому не могшимъ тотчасъ охладѣть къ нему, долженъ былъ, для вѣрнѣйшаго успѣха, т. е., склоненія къ своей Церкви и удержанія за ней, на первыхъ порахъ много кой въ чемъ сообразоваться съ волей и расположеніемъ послѣдняго, слѣдовательно, могъ составить на языкѣ, на которомъ такъ недавно провозглашалось ученіе Церкви Православной и совершалось покаяніе въ грѣхахъ, и самъ, сколько можно, близкія по формѣ и содержанію отъ себя, приуготовительное поученіе къ исповѣди, молитву передъ исповѣдью и самую исповѣдь, или же бывшія уже и извѣстныя ему на этомъ языкѣ, измѣнить по своему, т. е., приспособить къ нововводимому, такъ сказать, порядку вещей. Подъ етъмъ я разумью, преимущественно, вставки, указывающія на обрядность или обычай Западной Церкви, именно: о Маріи, Петрѣ, Михаилѣ, Лаврентіи (Лаврентцѣ), вѣрникахъ (confessoribus), дѣвахъ и

божнихъ рабахъ (*Dei servis*), какъ обыкновенно любить называть себя Западное духовенство, о законникахъ (*fidelibus*), мощахъ, Крисуѣ (Христосъ по древнему или Христѣ) и т. п. А какъ трудно, почти невозможно, было (по крайней мѣрѣ, сколько исторія Церковнославянской письменности по сю пору показываетъ), пишучи на языкѣ, хоть и родственномъ (что тѣмъ опаснѣе), но все же не родномъ, т. е., языкѣ Православнаго богослуженія, выдержать его во всемъ безошибочно, то отсюда, сами собою, объясняются нѣкоторыя Хорутанскія формы, безсознательно сообщенныя словамъ и оборотамъ Церковнославянскимъ, равно какъ и нѣкоторыя выраженія Хорутанскія и Хорутано-Нѣмецкія, т. е., такія, которыя принадлежатъ Нѣмцамъ, но, нечувствительно привившись, по сосѣдственному общенію, къ нарѣчію Хорутанскому, черезъ него навязаны и писавшимъ Церковнославянскою рѣчью. Къ первымъ относятся, между прочимъ, касательно звукоизмѣненія: поставленіе *e* вмѣсто дwoегласной *ѣ*, равно какъ и вмѣсто мягкаго *e* (*je*), нарѣдка только показывающагося; такое же отвращеніе къ смягченію гласныхъ и согласныхъ; *u* (выраженное черезъ *v*) *vm.* *шт* или *ц*; вставочное *d*: *clanam ze i modlim ze* (III, 36); *taco zinzi i nam ze modliti tomu ge vuirchnemo Otzu Gozradi* (III, 59): оно и теперь еще, по свидѣтельству Яриика: «*Versuch eines Etymologicons der slowenischen Mundart in inner Oesterreich*» (Klagenfurt, 1832, S. 52), употребляется, тамъ и сямъ, въ собственной Хорутаніи. Касательно измѣненія словъ въ склоненіяхъ и спряженіяхъ: предпочтительное поставленіе сокращенныхъ формъ, то есть, въ именахъ существительныхъ творительный именъ женскаго рода *един.* числа твердоголасныхъ (*a*) на *o* *vm.* носоваго, по Польскому правописанію, *a* (*o*), или *u* (*u*), что попадаетъ также въ прилагательныхъ и мѣстоименіяхъ: *zemlo* (II, 11), *cisto* (II, 22), *nasu praudnu vuerun i praudnu izbovue-diu* (III, 104—106), *mo dusu, i mo vuoliu, i mo vueru* (I, 30—31); равно какъ и въ глаголахъ: *poruso* (II, 61), *poronso* (I, 29); дажѣ, другія стяженія: *tua* (I, 29), *tuima* (II, 55), *tuo* (I, 32), *me* (I, 29—30), *memu* (I, 19), *vuesne* (I, 34), *pomislenie* (II, 63), *zlodgem prestupam* (III, 24), *klanam ze* (III, 36), и пр.; но въ особенности, рядомъ съ окончаніемъ родительна-

го ед. ч. муж. и ср. прилаг. и мѣстоименій на *iego*, *ego*, *ого*, окончаніе на *iega*, *ega*, *ога*: *saco mi iega potreba* (I, 20), и *i iega z(s)in* (II, 6, 11); *ni mega roz(s)ta* (I, 18), *za mega izvo-lenie* (I, 33), и *inoga mnogoga* (I, 19), *uchrani me ot uzega (vsega) zla* (II, 72); *bim* въ выраженіяхъ: *i da bim na zem zuete tacoga grecha pocazen vzal* (I, 25); *i da bim uzlissal na zodni den tuó milozi vneliu* (I, 35); *da bim cisto izpouued ztuoril* (II, 22); *da bim nezramen i neztiden na zudinem dine pred tuima osima ztoial* (II, 53—56), т. е., *вѣмъ*, встрѣчается иногда, какъ видно изъ примѣра, приведеннаго Востоковымъ (пергам. Псалтырь XII-го вѣка), и въ Церковнославянскомъ въ формѣ *вѣмъ*, *вѣмъ* и *вѣми* («Собраніе Словен. памятниковъ вѣвъ Россіи», стр. 49). Что до поставленія *b* вм. *p*, то оно, по мнѣ, принадлежитъ скорѣе переписчику, а не сочинителю, и, такимъ образомъ, показываетъ, что памятники етѣ дошли къ намъ уже въ епискѣ, и въ спискѣ Нѣмца, а не въ подлинникѣ. Впрочемъ, это замѣненіе встрѣчается очень рѣдко, и при томъ, рядомъ съ нимъ, въ одномъ и томъ же словѣ, иногда, написано, какъ слѣдуетъ: *bo tonu oztanem zich mirzcih del* (III, 17); *da bo tonu nipe u circuvah ich clapanam ze* (III, 35); и тутъ же: *mosete po tonu zinci uvideti i zamirazumeti* (III, 28); *da po tonu zinci bosiraba prizzuause* (III, 109); *bozcekachu* вм. *poscekachu* (III, 55); *izbovuediu* (III, 106); *nabciachu* (III, 46); *g* вм. *k*: *i pagirbratriia romenem ze* (III, 14); и, на оборотъ, *k* вм. *g*: *Ese iezem ztuoril zla pot den po(o)nge se bir na zirzuet vuuraken i bir crirken* (I, 13). Сдѣсь *vuuraken* = Хорутанское *urogen*, т. е., *g*, по старинному Нѣмецкому правописанію, а съ него и у прочихъ, сосѣднихъ Нѣмцамъ, Славянъ (Чеховъ, Поляковъ, Лужичанъ, Хорутанцевъ и пр.), вм. *j*, откуда происходитъ форма *urojen* вм. *urodjen*, Ц.Слав. оурожденъ. Ко вторымъ (Хорутанскимъ) относятся слѣдующія слова, сохранившіяся, сколько извѣстно, теперь преимущественно только въ устахъ Словенцевъ, но прежде, вѣроятно, извѣстныя и другимъ Славянамъ въ большей, меньшей, мѣрѣ: *zlo-dieim*, *zlodeiu* (I, 28); *zlodgem* (III, 74), *злодѣй* или *злодѣій*, въ смыслѣ злой духъ, дьяволъ; *da bir zirztoideiu otel; otmir me zem zlodeiem* (I, 28); *jaz ze zaglagolo zlodeiu i uzem iego delom i uzem iego lepocam* (II, 1—4); *nu ge stati pred stolom bosigem ze zopir-*

nicom nasim ze zlodgem starim (III, 72—74); *segna, žejna, жейна* в м. жедна, жадна, жадны: *oni bo lasna natrovuechu, segna nabojachu* (в м. пароіаchu; III, 45—46), отъ *žeјati, žeјen: žeја, жајда*: особенность этого нарѣчія состоитъ въ превращеніи ЦС. жд или дж, мягкаго д Сербовъ, нашего жс и т. д., въ *je; lasna*, т. е., *lácsna*, отъ *lácsen, lácsati*, алкать, *lačnost*, алчность: *oni bo lasna natrovuechu* (III, 45); *lakomztue*, отъ *lakom*, скупъ, *lakomstvo, lakomnost*, скупость: *ulakomztue* (II, 35); *lepocat*, отъ *lěp*, лѣбъ, откуда *lěpôta*, краса; *lepôica*, прикраса, приманка, прелесть; *lěpôiti*, прикрашивать, румяниться, бѣлиться, и т. п.: *i uzem iego lepocat* (II, 4); *nizce, nič že*, ничто, в м. *ničo* (съ опущеніемъ нашего *т*, ничто): *niz ce tel del mirzene* (III, 26); однако, по словамъ Востокова, нѣхъ жс встрѣчается и въ ЦСлав. (въ «Словахъ Григорія Богослова», рук. Импер. Публ. Библиотеки, три раза), в м. нѣхъ же; *otmi, oteli*, 1-е л. *otmem, otimam* (отъ *imъ*): *da bi ni zlodeiu otel* (I, 28); *otmi me vzem zlodeiem*, тамъ же: *i gemu ze oteli* (III, 96); *preise*, нынѣ *prejšen*, ЦСлав. прѣждьшій, прежній, прошлый, предокъ, отъ *preј*, прѣждь, наше прѣже, преже, Серб. *преде, пріе*: *preise nassi zesztoko stradacho* (прѣждьши [предки] илии жестоко страдахъ; III, 97); *rote, roti*, отъ *gota*, клятва (отъ *река*), по томъ толпа (нынѣшнее значеніе въ Рускомъ): въ обонхъ значеніяхъ употребительно въ Хорутанскомъ нарѣчіи, отъ коего *gotišče*, мѣсто присяги; *gotiti*, присягать, клясться: *ili u ne praudnei rote* (I, 15); *ese choise ih ne razem, nu ge prestopam* (еже *rotы* коиже *ih* не *razem*, на же *prestupam*; III, 23—24); *zpitnich*, отъ *zpitен*, в м. *izpiten*, отъ *izpitati*, испытати, *izpit*, испытъ: и *zpitnich rotach* (къ испытанныхъ ротахъ; II, 33); *storiti*, в м. *stvoriti*, т. е., благозвучная *т* (*а*) не вставляется, отсюда Словенецъ говоритъ *toriti*, въ смыслѣ гнать пиво, *torenje, torilo*, чаша, *torica*, репейникъ; чашце сложное *storiti*, створить, дѣлать, хотя и *stvariti*, сдѣлать, совершить, *stvar*, твореніе, *stvarniza*, природа и т. п.; отъ того и въ стѣхъ памятникахъ обѣ формы встрѣчаются одна подлѣ другою; точно также и *tor, torek*, в м. *vtork, vtorek*, вторникъ: *to ie mosim storiti, ese oni to vuelico strastiu stvorise* (III, 107—108); въ Новобуларскомъ тоже *storiti*, особенно въ пѣсняхъ; точно также обѣ формы и отъ производныхъ татъ: *tatba* и *tatva*, откуда *tatbina, tatvina, tatoven*;

ili u lsi (lši), ili tatbe (I, 15); v lisnih resih (ložnich rečích), v tatbinach (II, 34); ese (eže) tatua, ese raszboi (III, 22); *tepechu*, отъ *tepem*, *tepstí*, бить: nebo ie *tepechu* metlami (били розгами, бичами) (III, 98); *tere*, вм. теже, какъ Серб. еръ, ербо, морем, мореш, море и т. д., вм. ежъ, ежъ бо, еже, еже бо, можемъ, можешъ, може; впрочемъ, теперь въ Хорутанскомъ только *ter*, но въ Сербскомъ полная форма, *tere*; *circuvach*, *circua*, нѣмѣ *circva*, *crikva*, *cirkev*, *cérkev*, *cérkov*, *cérkva*: *ni-ne* u *circuvah* ich *clanam* ze (III, 36); *zredu*, отъ *zred*, *čred*, ВР. и МР. чередъ, но *čreda* или *čeda*, череда, урядъ, грехъ, какъ во всѣхъ прочихъ Славянскихъ нарѣчιάхъ. Къ третьимъ (Хорутано-Нѣмецкимъ) формамъ принадлежитъ выраженіе *uzmazí*, *uzmaztue*, не разгаданное и Востоковымъ, но по Копитару составляющее передѣлку Древненѣмецкаго *úz der máze*, *aus der Masse*, τὸ ἔμμετρον, extra modum: ili v *uzmazi*, aut in *intemperantia* (I, 15); v *lichopiti*, v *uzmaztve* i u *uzem lichodiani* (in nimis bibendo, in intemperantia et in omni immoderatione) (II, 36 — 37). Всѣ етѣ слова, по тремъ видамъ ихъ, указываютъ намъ только на то, что твореніе на языкѣ Славянъ Булгарскихъ, занесенное въ Паннонію при Кириллѣ и Меѳодіи, или даже составленное тамъ кѣмъ либо изъ учениковъ ихъ и послѣдователей, и слѣсь, какъ и въ другихъ краяхъ, родственнымъ племенемъ занятыхъ, подверглось, со временемъ, вліянію нарѣчія туземнаго съ одной стороны, а съ другой, по той же самой причинѣ, отразило на себѣ вліяніе тамошнихъ обстоятельствъ тогдашняго времени, точъ въ точъ, какъ и самыя Жизнеописанія Кирилла и Меѳодія, какъ Жизнеописаніе Вячеслава и Людмилы въ Чехахъ и т. п. А по тому, повторяю, нѣтъ необходимости утверждать Паннонское, или что одно и то же, Хорутанское, Словенское, происхождение языка Кириллова и Меѳодіева, пересаживать его оттуда въ Булгарію, а изъ нея въ другія Православныя Славянскія земли, слѣдовательно, приписывать Хорутано-Нѣмецкое происхождение и тѣмъ не многимъ словамъ, которыя указываютъ на Латынскій языкъ: они и безъ этого посредства могли хорошо войти въ языкъ Славянъ Греческихъ и Булгарскихъ, отъ гораздо чащаго и долговременнѣйшаго общенія ихъ съ самыми Новоримскими Греками, много

усвоившими себя изъ языка стараго Рима, и разными поселенцами Латинскаго происхожденія на Оракііскомъ полуостровѣ. А что касается до того, что въ Святцахъ при Остромировомъ Евангеліи память Сильвестра, папы Римскаго, записана подъ 31-мъ декабря, по обряду Западной Церкви, а не 2-го генваря, какъ празднуетъ Востокъ: «лѣ Мѣѣ тѣ. стѣѣ стѣѣго мѣѣ Селѣвестра напежѣ» (стр. 256, столб. I.), или что подъ 4-мъ октябри тамъ же читаемъ: «ѣ Мѣѣ тѣ. стѣѣ стѣѣхъ мѣѣ Домѣѣ и Дногенѣ, и стѣѣго сѣѣномѣѣ Петра Капетоуѣѣмѣхъ», и пр. (стр. 228, столб. 1-й), оба, указывающія на Латинскіи *Calendarium*, именно, послѣднее на списокъ, схожіи съ спискомъ Морцеллія, въ которомъ *Capetoleorum* предлагавшіи прочесть *Capetoli eorum*, вмѣсто *Capitulensium*, какъ стоитъ въ исправлѣннѣхъ спискахъ, то это, по справедливому замѣчанію Шафарика (188) указываетъ на то лишь обстоятельство, что въ первыя времена Христіанства, когда не было еще завершено раздѣленіе Церквей, довольно переводилось и на Церковнославянскіи языкъ съ Латинскихъ богослужебныхъ книгъ, особливо въ краяхъ, находившихся подъ верховной властію папы, какова и самая Мораво-Паннонская архіепископія Меѣодія. Вѣдь и въ нашей Библии книги: 3-я Маккавейская, 3-я Ездры, Товитъ и Іудифъ переведены съ Вульгаты, по тому что князь Острожскіи, издавая ее по списку Іоакимовскому (1538), нашелъ ихъ уже въ предложеніи съ Латинскаго, а не съ Греческаго? Развѣ можно по етому дѣлать посылку такого рода: стало, переводившіе, и тѣ, для кого переводились етѣ книги, принадлежали къ Римской Церкви? Такъ, пожалуй, и всѣхъ нашихъ переводчиковъ съ Латинскаго и другихъ языковъ, сочиненія на коихъ писаны Католиками, позволено будетъ считать тоже Католиками. Напротивъ, переводъ Остромировскихъ Святцевъ съ Латинскаго говоритъ единственно о томъ, что они молюже Меѣодіева времени, тѣмъ болѣе, что въ нихъ, подъ 14-мъ февраля, помѣщенъ уже и братъ его, Кирилъ. Считать, на оборотъ, послѣднее позднѣйшей лишь вставкой въ Календарь Паннонскаго происхожденія, а съ нимъ Остромирово Евангеліе и всѣ вообще Церковнославянскіе памятники, писанными на языкѣ Словенцевъ, какъ это дѣлаетъ Кошитаръ, возражая

Шафарыку въ своемъ Гезиxи (pag. 49): Imo ipse antiquissimus Russorum Novogrodensis codex Ostromirianus A. 1057 in Calendario suo aperta certaue prodit vestigia pannonici, unde descriptus fuit sive *ἐμμέσως* sive *ἀνέσως* archegraphi in die festo S. Silvestri ex usu Romanae ecclesiae, et versione κλητοῦ κ̅ ихъ facta e latini textus *Capitoleorum* genitivo, id quod jam monstravimus in Gtagolita Cloziano, quodque sat perplexum habet doctissimum Schaffaricum (Antiq. Slav.), ne quidquam provocantem ad *μακρόν χρόνον*, quo quidem potuit probabiliter interpolari festum S. Cyrilli, at non aequè invehi in media Russia Romanae ecclesiae dies S. Silvestri festus alius quam ecclesiae graecae, nec latinismus κλητοῦμα ихъ», считать, говорю, все это, опираясь на такихъ разъединенныхъ и въ высшей степени натянутыхъ доводахъ Хорутанизмомъ или Паннонизмомъ, значить представлять вещи совершенно въ превратномъ видѣ, изъ мухи, какъ говорится, дѣлать слона. Тутъ ни какая вѣра въ неопровержимость своихъ доказательствъ, ихъ побѣдоносность, не доставитъ намъ побѣды; равновѣрно, напрасны все вызовы опровергнуть ихъ, въ родѣ слѣдующаго: «At nos opinionis nostrae testimonia et argumenta produximus, ut speramus, plane victricia: haec igitur refellat ante omnia, qui nos falli velit aut fallere» (Hesychius, p. 67), или же брань на невѣрующихъ и разнаго рода намеки на человѣческія слабости своихъ противниковъ (Ib., p. 56 — 62, 68 — 72), скажемъ его же самаго словами: «Indignum est honesto homine, calumniari malle, cum non possis rationes opponere rationibus» (Ib., p. 68). Изъ того, что коечто вошло въ языкъ Церковнославянскій, во время его странствованія тамъ и сямъ, изъ другаго языка, родственнаго (или чужаго), непозволительно называть его послѣднимъ, или выводить происхожденіе изъ земли, составляющей родину этого, какъ непозволительно же дѣлать заключеніе и на оборотъ. Что дивнаго, если въ самыхъ древнѣйшихъ Кирилловскихъ рукописяхъ встрѣчаемъ особенности не только Хорутанскаго нарѣчія, но и говора Славянъ Угорскихъ, Моравскихъ и Чешскихъ, когда была пора въ жизни Славянскаго племени, что все безъ малого его вѣтви слышали слово Божіе на этомъ языкѣ, почти своемъ, языкѣ роднаго имъ бра-

та, ничѣмъ не старшаго, хотя и одареннаго отъ природы большими талантами, чѣмъ каждый изъ нихъ отдѣльно, даже всѣ, вмѣстѣ взятыя? Весьма вѣроятна, по тому, догадка Шафарика, что нѣкоторые изъ самыхъ старыхъ Церковнославянскихъ рукописныхъ памятниковъ, принадлежащихъ теперь намъ, Рускимъ, суть списки съ подлинниковъ Русовъ Карпатскихъ или Угорскихъ (Slovan. star., выше), прибавлю, даже Славянъ Адриатическихъ. Вотъ по чему въ етѣхъ спискахъ встрѣчаемъ слова и формы, противныя языку Кирилла и Меѳодія, по указывающія на землю и народъ, гдѣ они списаны, на примѣръ, въ Паннонскихъ Житіяхъ и Фрейзингенскихъ отрывкахъ — Паннонскія, въ Житіи Вячеслава и Церковной пѣснѣи «Господи, помилуй ны» — Чешскія, Остромировомъ Евангеліи — Южнорускія или Карпаторускія, каково: 3-е лице мст. врем. исмь: «Уѣто ѣ тебе?» (Іоан. XXI, 22, стр. 53, стол. 4.); Уѣто ѣ имя и тебе, Нисе? (Мат. VIII, 29, стр. 65, стол. 3), а въ Глаголическихъ — Хорватскія, Кирилловскихъ — Сербскія и Хорватскія. Все это признаки, указывающіе на историческія судьбы етого нарѣчія, отнюдь же не на происхождение его отъ народа, языку котораго принадлежать они. А по тому, соглашаясь съ Конитаромъ на счетъ равновѣчія обонхъ Славянскихъ азбукъ, Кириллицы и Глаголицы, пока другія открытія не отдадутъ первенства одной изъ нихъ, но не гаданія и мечтанія грамотниковъ, и охотно подписываясь подъ его правымъ выводомъ, доставленнымъ ему изученіемъ Клоцова памятника: «Alphabetum nunc dictum glagoliticum hodieque Slavorum tantum ritus latini reliquit per Istriam Dalmatiamque quasi proprium, si minus antiquius, at saltem aequale esse antiquitate cyrilliano», не можемъ, въ силу всего, сказаннаго доселѣ, того же сдѣлать подъ другимъ его выводомъ, непосредственно за тѣмъ слѣдующимъ, о Паннонскомъ происхожденіи Церковнославянскаго языка: «Dialectum Slavorum utriusque ritus sacram, nunc emortuam, seculo nono fuisse vernaculam S. Methodii archiepiscopi Pannoniensis dioecesanorum, Slavorum nimirum Pannoniae, seu (ut passim vocantur illius aevi annalium scriptoribus) Carantani. Hanc ergo suae dioeceseos dialectum slavicam S. Methodium A. 870 in Pannonia primum evexisse ad aras, mox

ingenti Slavorum reliquorum omnium applausu exceptam, primaeque patriae per Hungarorum vastitatem exulem pupillam paratum receptum habuisse apud cognatos Bulgaros, Croatas, Serbos tandemque Russos, e quorum singulorum commercio etiam traxisse complura, quae ignorasset in Pannonia, et vicissim amisisse profugam quae domi habuisset» (189). Однако, и послѣ нашего разсмотрѣнія остающимся все таки при предположеніяхъ Копитара, скажемъ его же словами, что, подобно ему, и «Nos religiose quaesisse *verum*, paratos transire in contrariam sententiam, si quis nostris funditus eversis *meliora pro ea attulerit argumenta*» (Ib., pag. LXXX), но при этомъ просимъ не забывать заключительныхъ его словъ, хоть самъ онъ, правду молвить, какъ показываютъ все его сочиненія, особливо «Hesychius», меньше чѣмъ кто либо слѣдовалъ требуемому намъ въ нихъ отъ другихъ: «Est veris Criticis sive linguae sive historiae palma proposita, minime tamen ea declamationis aut syncophantiae, sed *rationum et argumentorum*» (Ib.). Впрочемъ, какъ мало самъ Копитаръ вѣрилъ въ душѣ такому происхожденію языка Священныхъ книгъ Православнаго Шеновѣданія, стало быть, и, пераздѣльно соединенному съ нимъ, образованію письменъ, для совмѣщенія коего съ первымъ принужденнымъ напелся, вопреки свѣдѣтельству всеи древности, даже, по его, почти непогрѣшительной, Латинской древности (напы Іоанна VIII го и другихъ), отдать преимущество какому-то древнему Кирилловскому показанію (не называя, однако, по имени, что и не нужно, по тому что оно, по всему, было показаніе Проложнаго Житія Сербскаго разряда и нѣкоторыхъ позднѣйшихъ, слѣдов., далеко несовременное, но, какъ онъ выражается, преданіе, «*Syrgillionogum traditio*») о появленіи ихъ (письменъ) въ 3-мъ видиктѣ, а по тому, какъ видѣли уже выше, все, несогласное съ тѣмъ, отвергать, какъ мало, говорю, самъ Копитаръ убѣжденъ былъ въ прочности выставленнаго и, съ отчаяніемъ погибающаго, защищаемаго имъ положенія о Пannonствѣ или Хорутанствѣ Кирилловскаго языка и Кириллицы, лучше всего показываютъ собственныя его слова: «*Ceterum, —* говоритъ онъ, — (Glagol. Cloz., pag. XXXI, not. 2), *liturgiae slavicae initium non necessario cohaerere cum alphabeti inventione*». До чего не доведетъ человѣка, во всемъ дру-

гомъ, статья можетъ, довольно благоразумнаго, страстность въ спорѣ съ мнимыми вѣроисповѣдными и литературными соперниками, старавшимися, какъ онъ увѣрялъ, перехватить себѣ мнимую кафедру патріарха критиковъ-историковъ у Западныхъ Славянъ, оставшуюся праздною послѣ смерти Добровскаго и принадлежавшую будто бы, по словамъ главы Нѣмецкихъ филологовъ (190), по всему праву, ему, Копитару! Въ самомъ дѣлѣ, если и не такова была побудительная причина его книжныхъ походовъ противъ большей и лучшей части тамошнихъ Славянскихъ изслѣдователей, то, судя по его же простосердечному заключенію упомянутаго уже «Appendix miscellanea» къ «Hesychii discipulus et ἐπιλωβιστής Rus-sus», это обстоятельство имѣло чрезвычайное вліяніе на ходъ ученыхъ работъ его и самый образъ выраженія, заставляло, противу воли, подаваться все дажѣ и дажѣ въ мнѣніи, однажды высказанномъ, не страшась ни какихъ, вытекающихъ отсюда, посылокъ и выводовъ, напротивъ, самъ еще отважно вызывая и бросая ими въ противниковъ. Къ сему присоединялась еще и мелочная, приходская, такъ сказать, любовь къ своему родному краю, какъ извѣстно, въ людяхъ, не умѣющихъ, или не хотящихъ, различить родины отъ отечества, приводящая, не рѣдко, къ довольно превратнымъ и забавнымъ поступкамъ, въ существѣ своемъ истекающимъ изъ самаго похвальнаго, самаго возвышеннаго, чувства: «Neque veremur, ne apud aequos iudices nobis officiat patria Carniola, ad cuius utpote Carantani et Pannoniae particulae gloriam haec conemur adstruere» (Glagol. Cloz. pag. LXXX). Дивиться ли послѣ всего этого, что Копитаръ, утверждалъ Паннонское происхожденіе Церковнославянскаго языка и его азбуки, мало обращалъ вниманія на то, что послѣднюю, по тому, придется Кириллу изобрѣтать послѣ смерти своей, или же, замѣчая такую несообразность, прибѣгалъ, какъ показано было мною уже выше, къ самымъ насильственнымъ, даже нечестнымъ, толкованіямъ и изворотамъ, то есть, яко бы не Кириллъ былъ настоящимъ творцемъ нашихъ письменъ, но Меѳодіи, который «suam combinationem graecoslavivicam fratri in acceptis retulit, et Papae probavit», другими словами, допустилъ намѣренный подлогъ! И для чего же все это извращеніе лицъ, чиселъ, событій, ета, выра-

жаясь его же языкомъ, «*integra veritatis profanatio*»? Чтобы только «*linguae Methodii liturgicae pannonietatem argumentis extrinsecis et intrinsecis illustrare extraque omnem dubitationem ponere*»! Но «*sermo datur cunctis, animi sapientia paucis*», скажемъ подобнымъ въ заключеніе.

Гаданія Копитара по сию пору не нашли себѣ ни въ комъ сочувствія изъ Славянскаго и чужаго міра, кромѣ нѣсколькихъ чело-вѣкъ, изъ коихъ назовемъ: *Якова Грималья*, который еще въ 1824-мъ году, въ «*Vorgedee*» къ переведенной имъ «*Wuks's Stephanowitsch kleine serbische Grammatik*» (Leipzig, 8°), въ коемъ много и очень дѣльно говоритъ о Славянахъ вообще, ихъ нарѣчіяхъ и отношеніи къ другимъ родственнымъ, особливо Нѣмецкимъ, прежде всѣхъ повторилъ мысль его (Копитара) о Паннонскомъ происхожденіи языка Церковнославянскаго, высказанную имъ въ первый разъ въ разборѣ «*Institutiones linguae Slavicae veteris dialecti*», Добровскаго, помѣщенномъ въ Вѣнскихъ «*Jahrbücher der Literatur*», 1822 года (XVII Band, Jänner — März, S. 66—107), и отдѣльно (43 стр.), а послѣ, спустя 15 лѣтъ, снова повторенную и развитую, по случаю изданія Клоцова Глаголическаго памятника (191). Вотъ въ какихъ выраженіяхъ отецъ Нѣмецкой филологіи высказалъ тогда Копитарово мнѣніе: «*Natürlichste Annahme scheint, dass ihrem Ruf und ihrer Sendung gemäss Cyrillus und Methodius sich nicht der ihnen zu Hause geläufigen südöstlichen Mundart (welcher die heutige bulgarische etwan am nächsten stünde) bedient, dass sie vielmehr in Pannonien die pannonische, deren sie sich durch Befragung eingeborner Geistlichen leicht bemächtigen konnten, gewählt und genommen haben werden. Methodius wenigstens musste sich während seines langen Aufenthaltes vollkommene Fertigkeit in dem Dialect des Landes erwerben, andere zum Theil unbekannte Nacharbeiter vollendeten das Werk. Als die Ungarn in Pannonien fielen, flüchtete man ohne Zweifel die ältesten Handschriften der Kirchenbücher auswärts, und gerade dies mag zu ihrer grossen Verbreitung mitgewirkt haben. Serbische, polnische, litthauische, endlich auch russische Geistliche schrieben sie ab, wagten aber nur geringe Abweichungen*

nach ihrer Mundart einzuführen. Eine critische Vergleichung aller Handschriften wird diesen Abweichungen ihr Recht thun und aus den noch lebenden Volkssprachen erläutern; sie wird darauf Rücksicht nehmen, dass eben *der pannonische Dialect, von dem die Kirchensprache ausgegangen zu seyn scheint*, in seiner Entwicklung gehemmt wurde und heutzutage, wo nicht gänzlich erloschen ist, nur noch schwach in einigen Comitaten Westungarns fortlebt» (VIII—IX). Другой — его близкий Копитару по многому и, главное, его земляк, г. Микловичъ, который, кажется, отчасти раздѣляетъ его взглядъ, называя, какъ показано уже выше, языкъ Новобулгарскій и Словенскій (своихъ Словенцевъ или Словинцевъ въ прежней Паннонии и Хорутании или теперешнихъ Штирцевъ, Краинцевъ и т. д.) братьями, образовавшимися изъ языка прежнихъ Славянъ Булгарскихъ, у насъ извѣстнаго подъ именемъ Церковнославянскаго, и отличая послѣдній (192) именемъ Старославянскаго (altslovenische), а свой Новословенскаго (Neuslovenische). Такой взглядъ, собственно говоря, есть только выводъ, сдѣланный имъ изъ одного Копитарова положенія, касательно того, что Булгарскій языкъ ближе всѣхъ къ языку Словенцевъ Паннонскихъ или, что по его одно и тоже, языку Меодіеву: «Proximi his (Pannonicis Slavis, olim primis linguae Slavorum sacrae auctoribus) Bulgari, apud quos sec. XIII laetissime effloruerat S. Methodii lingua sacra» (см. выше, стр. 214). Отъ этого заимъчаемъ въ сочиненіяхъ и изданіяхъ его много несообразностей, несогласныхъ съ возрѣніемъ на памятники Кирилловской письменности, свободнымъ отъ подобнаго совмѣщенія несовмѣстимаго, между прочимъ поставленіе ѣ вмѣсто ѣ, строго соблюдаемаго въ извѣстныхъ случаяхъ древнѣйшими рукописями (193)—промахъ, при всей, по видимому, маловажности своей, имѣющей большое вліяніе на правильное пониманіе ученія о Славянскихъ звукахъ. Вѣронсповѣдное отраженіе пробивается въ немъ въ употребленіи Латинскихъ буквъ для Новобулгарскаго и Малорускаго нарѣчій, при чемъ старается увѣрять всѣхъ и каждого, что такъ гораздо приличнѣе и удобнѣе выражать звуки ихъ: «ich habe die überzeugung gewonnen, dass das entsprechend vermehrte lateinische alphabet zur bezeichnung der laute beider sprachen (bulgar. und

kleinruss.) *angemessener* ist als das cyrillische (194). «Ету большую удобность или соразмерность можно видѣть въ особенностяхъ въ Грамматикѣ Новобулгарскаго языка, написанной и изданной братьями Кириакъ-Цанковыми по мысли и взгляду Миклошича, въ Вѣнѣ 1852, въ коей пынѣшняя Булгарщина является какими-то іероглифами, если не хуже (195). Въ какой мѣрѣ раздѣляетъ онъ взглядъ Копитара о Глагольскомъ письмѣ, по сю пору не извѣстно, хотя и сдѣсь не обошлось безъ увлеченія, судя по тому, что онъ къ памятникамъ, собственно Словѣньскаго, т. е., Церковнославянскаго, языка въ его безпримѣсномъ видѣ, относитъ только древнѣйшіе памятники Глаголическіе, всѣ же прочіе считаетъ принадлежащими къ разряду этого языка подъ вліяніемъ другаго какаго родственнаго: «Die quellen altslovenischer sprache können eingetheilt werden in die *eigentlich slovenischen*, zu denen ich den glagolita clozianus, das assemanische evangelium, den suprasler codex u. s. w. zähle, und in diejenigen, in denen der charakter des altslovenischen durch einfluss anderer sprachen mehr oder weniger gelitten, die ich daher slovenisch-bulgarisch, slovenisch-serbisch, slovenisch-russisch nenne, welche letzteren wieder in zwei classen zerfallen, je nachdem der einfluss von den Klein-oder Grossrussen ausgegangen» (196). Вотъ по чему онъ, при исчисленіи источниковъ для Церковнославянскаго языка, всегда отдаетъ преимущество етѣмъ мнимымъ собственно Словѣньскимъ памятникамъ, ставя ихъ вѣчно на первомъ мѣстѣ (197). Въ наше время одно изъ Копитаровыхъ гаданій, о началѣ появленія Глаголиты, выраженныхъ, какъ показано уже выше, въ видѣ вопроса, обращено профессоромъ Славянскихъ нарѣчій, исторіи и литературы въ Казанскомъ Университетѣ, В. И. Григоровичемъ, въ статьѣ его: «О древней письменности Словянъ», въ утвердительное положеніе, т. е.: «Св. Кирилъ нашелъ Глаголиту, а Меѳодій (вмѣстѣ съ Кирилломъ?) послѣ *обратилъ* ее и Греческій алфавитъ въ другую Славянскую азбуку (Кирилловскую)» (стр. 67). Я уже разъ показалъ несостоятельность этого, разобравъ, въ своемъ мѣстѣ (стр. 197), приводимыя имъ свѣдѣтельства въ пользу такого положенія, откуда вытекю заключеніе, что Кирилъ ни коимъ образомъ не могъ найти Глаголиты, а Меѳодій

быть обратникомъ ея и Греческаго алфавита въ Кириллицу, иначе, составить изъ той и етого особую азбуку. Впрочемъ, и ето мнѣніе, какъ намъ извѣстно уже, въ сущности своей, т. е., въ томъ, что и Меѳодій, какъ вѣрный помощникъ своему брату во всемъ (по свѣдѣтельству лучшихъ и надежнѣйшихъ источниковъ объ ихъ дѣятельности), могъ принимать и въ составленіи письменъ нѣкоторое участіе, не естъ какаго либо новости: оно до насъ приходило въ голову тысячи другимъ; доказательствомъ тому рядъ показаній, названныхъ и оцѣненныхъ уже мною во 2-й главѣ етого изслѣдованія, приписывающихъ изобрѣтеніе азбуки нашей посредственно или непосредственно также и Меѳодію. Ето-то, безъ сомнѣнія, обстоятельство, побудило и Копитара допустить къ участію въ составленіи азбуки и Меѳодія, когда снѣ говоритъ: «Cyrillum et Methodium fratres, Slavorum linguam Pannonicae suae dioceseos vernaculam adhibuisse etiam ad sacra, eamque scripsisse commodiore sibi, utpote Graecis, caractere graeco, assumtis e veteriore glagolitico, ignoti, ut in re veteri, auctoris, nonnullis signis sonorum Slavis propriorum» (Glag. Cloz., pag. X). Однако, если мы захотѣли бы дойти до перваго, высказавшаго такое мнѣніе печатнымъ образомъ, то найдемъ, что имъ былъ уже *Добнеръ*, который, по словамъ Добровскаго (198), помѣстилъ, въ 1785-мъ году, въ 1-й части Записокъ Чешскаго ученаго Общества (199), рѣшеніе вопроса: «Дѣйствительно ли, такъ называемая теперь, Кирилловская азбука естъ изобрѣтеніе Славянскаго апостола Кирилла?», написанное, по поводу, три года передъ тѣмъ (1782) явившагося сочиненія Добровскаго, доказывавшаго несостоятельность мнѣнія о составленіи Глаголитики блаженнымъ Иеронимомъ. Въ изслѣдованіи своемъ Добнеръ называетъ истинной *Кирилловой азбукой Глаголскую*, существовавшую уже при Меѳодіи и папѣ Іоаннѣ VIII-мъ, разумѣвшемъ подъ изобрѣтенными Кирилломъ письменами именно только ея, а не другую какую, и по тому, такъ называемая Кириллица, т. е., составленная по Греческой, столько же мало достойна названія своего, сколько и Глаголица названія Иеронимова письма. Послѣ, Греческіе Славяне, особливо духовенство ихъ, ету древнюю Славяно-Кирилловскую грамоту, для большаго удобства и быстроты въ пи-

сани, промѣняли на Греческую, то есть, дополнили ее Глаголицей, именно, знаками ея для дwoегласныхъ и плавныхъ, удержавъ какъ начертаніе оныхъ, такъ равно и самое названіе каждой буквы. По етѣмъ двумъ причинамъ и повосоставленная азбука изъ Алфавиты и Буквицы или Глаголицы, истиннаго Кириллова письма, могла тоже по справедливости назваться Кириллицей: «Aus diesen beyden Ursachen konnte man es eben nicht unrecht ein cyrillisches Alphabet nennen» (S. 135). Новая азбука съ одной стороны, а съ другой способъ писанія Латинской Аббедой Славянъ, къ Римской Церкви отошедшихъ, нанесли смертельный ударъ Глаголицѣ. Стало, въ етомъ мнѣніи Добнера Копитаръ, въ одной изъ догадокъ своихъ, замѣнить Духовенство самими Кирилломъ и Меѳодіемъ, въ другой же приписалъ дѣло духовенства одному лишь Меѳодію, а въ третьей соглашался даже на изобрѣтеніе Глаголицы Меѳодіемъ, то есть, какъ я сказалъ уже, самъ не зная, какъ тутъ быть, и падѣясь такими извѣтїями, частью своего, частью чужаго, изобрѣтенія, какъ ни есть понасть въ дѣль касательно отношенія Славянскихъ письменъ къ Солунцамъ; а касательно отношенія ихъ къ Хорватско-Далматскому преданію о Глаголитикѣ—въ отношеніи къ Герониму, извѣстному Отцу Церкви, или неизвѣстному священнику (упоминаемому Грабаномъ) и Етику. Что до мнѣнія профессора Григоровича, то оно, какъ видно, первой половиной своей вполнѣ Добнерово, а второй Добнеро-Копитарово. Въ какомъ родствѣ все это между собою, знаютъ лучше всего тѣ, до кого оно непосредственно касается. Могла быть тутъ и случайная стачка, какую иногда замѣчаемъ у людей, одаренныхъ особенной проницательностью и занимающихся однимъ и тѣмъ же предметомъ; но умѣстенъ и тотъ случай, о которомъ самъ же Добнеръ разсказалъ намъ въ заключеніе своего изслѣдованія. «Я ищу одного только уясненія, и ужь три года тому назадъ сообщить было письменно вкратцѣ нѣкоторые изъ своихъ сомнѣній моему собрату по Ордену, Максимилиану Шимку, приготавливавшему къ изданію сочиненіе, подъ заглавіемъ: «Розысканіе о Славянскомъ языкѣ». Я не могу навѣрное сказать, ето ли мое сомнѣніе имѣло какое вліяніе на его взглядъ, или онъ и до того уже было сошелся со

мною во мнѣніи, только, въ объявленномъ имъ планѣ, я прочелъ, въ самомъ почти началѣ, таково сужденіе его о выговорѣ Глагольскихъ и Кирилловскихъ буквъ: «Произношеніе Глаголическихъ буквъ, происхожденіе конхъ, вопреки мнѣнію всѣхъ пововодителей, далеко древнѣе происхожденія иынгѣшнихъ Греко-Кирилловскихъ». Сколько и въ наше время Шимковъ! Напротивъ, какъ мало людей, похожихъ на Добнера, которые бы, подобно ему, откровенно сказали: «Auch ich bin nicht *der erste*, der das Alterthum und die Authenticität des cyrillischen Alphabets bestreitet» (S. 137), и, въ слѣдъ за тѣмъ, подобно ему, назвали бы намъ своихъ предшественниковъ въ этомъ: «Eine ganze illyrische Nation hält es für untergeschoben, ja theils für barbarisch, theils für eine spätere griechische Erfindung. Nicht genug, schon im sechszehnten Jahrhundert haben es unpartheyische Gelehrte dafür gehalten und ausgegeben». Таковы: Лейденскіи профессоръ, Павелъ Мерула, который говорилъ: «Linguae Boge (вмѣсто Буквы, Буквица, подъ чѣмъ разумѣлъ онъ письменный или Церковнославянскіи языкъ) duplices characteres sunt: Rutenici seu Moscovitici e Graecis depravati totidem numero et figura pene similes adjunctis pauculis barbaris. Item Dalmatici qui et Hieronymiani eadem potestate, totidem numero, sed figura longe dissimillimi» (Cosmographia generalis, p. II, L. 1, c. 8.); а Вильгельмъ Ностелль, жившій еще раньше, Глаголицу считаетъ старше Кириллицы, появившейся въ ту лишь пору, когда Славяне Греческіе стали съ нѣхъ Церковью отдѣляться и удаляться отъ Римской (Linguarum XII. characteribus differentium Alphabetum) (200). Такъ какъ оба, заспорившіе о Глаголитикѣ, а по поводу ея и о Кириллицѣ, Добнеръ и Добровскіи, принадлежали къ членамъ ученаго Общества, по уставу коего не позволялось сочленамъ вступать ни въ какія между собою прѣвнія, то послѣдніи не могъ отвѣчать своему противнику, надѣясь, что другъ его, Дуринхъ, еще въ 1777 году доказывавшій мнѣніе, совершенно противоположное мнѣнію Добнера, въ «Dissertatio de Slavobohemica sacri codicis versione», т. е., что «Hieronymiani vulgo glagolitici characteres ex Cyrillicis litteris repetuntur» (§. V.), подвергнетъ разбору Добнерово предположеніе въ своей

Bibliotheca Slavica (201). Между тѣмъ оригинальное мнѣніе тотчасъ, какъ водится, нашло послѣдователей. Краинецъ *Лингартъ*, въ своемъ «Опытѣ исторіи Краины» (202), и Верхне-лужицкіи Сербъ, *Антонъ*, въ «Первыхъ чертахъ опыта о происхожденіи, правахъ, вѣрованіи и образованіи древнихъ Славянъ» (203), съ жаромъ повторили выводы Лобнера и каждый по своему повели ихъ далѣе. Послѣдній нашелъ (S. 104—110), что старшинство Глаголицы передъ Кириллицей доказывается самымъ видомъ ея, который безъискусственности и грубѣе вида ея, потому древнѣе самаго Иеронима, составляетъ первобытныя Славянскія письма: «ein ursprüngliches, uraltes Alphabet seyn muss», а первый утверждаетъ, что Краинцы знали письменное искусство еще до отдѣленія своего отъ прочихъ Славянъ, т. е., перехода черезъ Дунай въ сосѣдство Италіи; впрочемъ, продолжаетъ онъ далѣе, Буквица изобрѣтена уже въ новыхъ жилищахъ, стало, во второй половинѣ V-го или первой VI-го стол., на основѣ Греческой азбуки (что доказывается порядкомъ самыхъ буквъ), за исключеніемъ, однако, нѣкоторыхъ согласныхъ и шипящихъ съ свистящими; етѣми-то письменами подписались, въ VII-мъ вѣкѣ, Хорваты, въ договорѣ съ панной, не воевать болѣе, и ихъ-то, черезъ двѣстѣ лѣтъ, (въ IX в.), переобразовали Греческіе проповѣдники, именно, Константинъ Философъ, который, для большаго успѣха въ народѣ, далъ каждой буквѣ прежнія Глаголическія названія, равно какъ недостающія въ Греческой азбукѣ замѣнилъ безъ дальняго буквами Глаголицы (*ц, ч, ш, щ* и слогъ *ръ*); съ сею явился онъ къ Задунайскимъ Славянамъ, распространилъ тамъ, какъ епископъ ихъ, помощію богослужебныхъ книгъ, и оставилъ ей по смерти свое имя (Кириллицы). Когда произошло раздѣленіе Церкви, послѣдняя осталась у тѣхъ изъ Славянъ, которые пребыли вѣрны Цариградскому патріарху (Рускіе, Сербы, Булгары и Румыны въ Молдавіи и Валахіи), но отдавшіеся Риму замѣнили Кирилловскую грамоту Абecedой, хотя Босняки, Далматы и Хорваты Греческаго Исповѣданія долго употребляли попеременно то Кириллицу, то Глаголицу. Краинцы еще въ XVI стол. писали послѣдней, но первой—никогда, такъ какъ они никогда не принадлежали Восточной Церкви, получивъ Христіанство черезъ посредство Фран-

ковъ и Итальянецъ (S. 347—358). Обрадовавшись случаю, разводившему его съ Добнеромъ, но доставлявшему, однако, возможность посчитаться съ нимъ при посредствѣ другаго, Добровскій написалъ изслѣдованіе о спорномъ вопросѣ, и издалъ въ 1808 г., подъ заглавіемъ «Glagolitica» (Prag, 8°), въ коемъ подвергъ строгому разбору всѣ доводы Добнера и Лингарта касательно происхожденія обѣихъ азбукъ, присоединивъ къ тому самую исторію своего прѣнія (204) и отозвавшись, между прочимъ, объ изслѣдованіи перваго такъ: «Er raffte überall alles zusammen, ohne Auswahl, ohne genauere Prüfung, was nur immer zur Bestätigung seiner ganz unerhörter Meinung auch nur von weitem dienen konnte» (S. 22). Не взирая, впрочемъ, на такой приговоръ, «неслышанное» дотоѣ мнѣніе о Глаголитикѣ произвело сильное впечатлѣніе на ученыхъ (205) и имѣло на послѣдующіе труды занимавшихся уже до того стѣмъ предметомъ немаловажное вліяніе, если судить по тому обстоятельству, что самъ Дурихъ подъ конецъ перемѣнилъ свое прежнее мнѣніе о началѣ письменъ Славянскихъ, какъ показываютъ то бумаги его, разсмотрѣнныя Добровскимъ. «Verosimilior illa opinio videtur»,—говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ ихъ,—«quae Cyrillo et Methodio origines utriusque Alphabeti ita defert, ut Cyrillus auctor sit figurarum sonos Sclavis proprios repraesentantium et formis Alphabeti graeci seculo IX usurpatis adaptatarum; Methodius vero earundem formarum Sclauonicarum propagator, sed exigua quadam commutatione, quae alteri Alphabeto cuidam vetusto, Oscis, Runis, Rhetrariisque simili, aptior sit linearum reclarum magis quam curvarum ductu, quo duae vel tres literae in monogramma coire valeant» (206). Сдѣсь Меѳодіи является только второстепеннымъ лицомъ въ дѣлѣ составленія азбуки, приписанной безусловно младшему его брату, округлителемъ (commutator) и дальнѣйшимъ распространителемъ (propagator) готовыхъ уже письменныхъ знаковъ. Точно ту же роль придалъ онъ ему и въ отношеніи къ Глаголитикѣ въ другомъ отрывкѣ, относящемся къ второй части его Библиотеки, въ отдѣлѣ о Ретрскихъ Рунахъ, обнаруженныхъ графомъ Я. Потоцкимъ (въ «Voyage dans quelques parties de la basse Saxe». Hamb. 1795, 4.): «Comitis Clementis Grubissichii (207) in originem et historiam Alphabeti Sclavo-

nici Glagolitici vulgo Hieronymiani disquisitio etsi quasdam assertiones in se contineat, quibus assentiri non possum; hujus tamen viri sub finem proposita opinio maxime ad veritatem accedit. Fatebor, est etenim pro veritate simplicius agendum, ante annos tredecim me nondum experientia edoctum, quanta lux rebus Slaucis ex Literatura septemtrionali accedat, Grubissichii argumenta etymologiae audacius subinde innixa, etiam ab ista opinione reddiderunt alienum, quam certis monumentis et rationibus infra confirmare studebo: nimirum *formam scribendi glagolicam Runicae similem a Methodio emendatam* atque seruatō Runarum fundamento calligraphico *Staf Gothis*, et Slavis identidem *Staw* nuncupato ex cyrillicis formis locupletatam, et sonis Slauonicis aptatam fuisse» (208). Причиной такого страннаго мнѣнія, вопреки собственному его признанію Добровскому въ томъ, что Глаголица образовалась изъ Кириллицы, при чемъ, говоритъ Добровскій, онъ мнѣ «Zug für Zug vorzeichnete, wie die Glagolitischen Buchstaben aus den Cyrillischen entstanden seyn mögen», причиной такого страннаго мнѣнія было «gewiss nichts anders, als einige unerwiesene Voraussetzungen und das unzuverlässige zweideutige Zeugniß des Archidiacons von Spalatro, Thomas, der den Method zum Urheber der Gothischen (er meinte die Slawonischen) Buchstaben und schon desshalb auch zum Ketzler machte» (209). То ли, другое произвело такую перемѣну во взглядъ Дурриха, но оба мнѣнія его не лишены своей доли правды, по тому что, какъ мы знаемъ, уже изъ сѣдой древности шло преданіе, по коему изобрѣтеніе нашихъ письменъ приписывалось также и Меѳодію, который, разумѣется, могъ, трудясь вмѣстѣ съ братомъ и послѣ него первый такъ много и долго для Славянъ, коечто усовершенить и дѣйствительно способствовать ихъ распространенію своею дѣятельностію. Что до усовершенствованія Глагольскихъ знаковъ, то, соглашаясь даже съ возраженіемъ Добровскаго: «Woher will man es beweisen, dass, wenn auch die Slawen an der Ostsee die Runen schon im IX Jahrhunderte von ihren Nachbarn, den Dänen, angenommen hätten, auch die Slawen in Pannonien und Dalmatien sich je einer Runischen, oder Oscischen, oder einer

aus beiden gemischten oder nur ähnlichen Buchstabenschrift bedient habent» (Ив., S. 44), замѣчу, что нельзя отрицать пользы для Славянской исторіи, литературы и языка отъ изученія и сличенія съ такими же народомъ Европейскаго Сѣвера, равно какъ и сходства нѣкоторыхъ Глагольскихъ и Кирилловскихъ знаковъ съ Руническими, какъ это показываютъ новѣйшія изслѣдованія Я. Гримма и Шафарика (210), хотя въ главномъ Дурихъ, конечно, и ошибся, т. е., касательно мнимаго усовершенствованія и пополненія имъ Глаголицы Кириллицей, съ сохраненіемъ «Runarum fundamentum calligraphicum» (211), какъ выразился онъ выше. Сходство же Рунъ съ обѣими нашими азбуками опирается не на замѣтваніи послѣдними отъ первыхъ, но на томъ, что и тѣ, и другія, какъ и самыя употребляющіе ихъ, пошли отъ одного, общаго имъ, источника, по которому письма народовъ Индоевропейскихъ и Симвлическихъ суть только видоизмѣненія одной, общей всѣмъ, основы, праазбуки, какъ показываютъ то новѣйшія открытія сравнительнаго языковѣднія (212). Первое мнѣніе Дуриха объ образованіи Глагольскихъ письменъ изъ Кирилловскихъ встрѣчаемъ, кажется, прежде всего у *J. A. Фриша*, который, по случаю выбора своего въ ректоры Берлинской Гимназіи, слѣдуя обычаю Нѣмецкихъ Учебныхъ Заведеній, произнесъ Рѣчь (2-го апрѣля, 1727 года), содержаніемъ коей избралъ «*Origo characteris Slavonici, vulgo dicti Cirulici, paucis generatim monstrata, ortus vero et progressus characteris, vulgo dicti Glagolitici, pluribus sigillatim descriptus, tanquam eximia historiae linguae Slavonicae pars*». Въ ней, во первыхъ, утверждаетъ онъ, что Славянскія буквы составлены Константиномъ Философомъ, названнымъ послѣ Кирилломъ, откуда и тѣ Кириллицей: «*Seculo post C. N. nono, Philosophus quidam natione Graecus, religione Christianus, nomine Constantinus, primus fuit qui Linguam Slavonicam literis Graecis scribere coepit, quod alii ante eum Latinis tentarunt. Hujus conatus ipsae Slavonicae literae, etiam historia tacente, testes esse possunt. Figuram enim Graecarum literarum omnium, quas vocamus majores (minores enim tum non erant), adhuc in eis agnoscimus. Quia vero Slavonicae gentes sonos in pronuntiatione quarundam*

Vocalium, Diphthongorum et Consonantium habent, quos literis Graecis non exprimere potuit Constantinus, his peculiaribus sonis novas finxit figuras. Deinde adscripsit cuilibet literae, tam Graecae, quam a se inventae, Sclavonicum quoddam Vocabulum, quod ab eadem litera incipit. Hoc vocabulum postea, sicut apud Hebraeos, nomen literae mansit, cui adscriptum erat. Propter haec nova literis Graecis adscripta nomina, et propter novas iisdem additas characterum figuras Constantinus dicitur literarum Sclavonicarum inventor, in primis a Pontifice Romano Iohanne IX in Epistola, qua concessit primum Sclavis, Latinae Ecclesiae in Moravia adhaerentibus, linguae Sclavonicae publicum in cultus divini caeremoniis usum. Non retinuit vero hic Philosophus et Characteris Sclavonici Auctor nomen Constantini usque ad obitum, sed postquam aliquandiu in Moravia Episcopus fuisset, Romam rediens, ibidem nominis Latini loco adoptavit Graecum Cyrilli. Per quam vero mutationem nominis, quia Scriptores omnes eum deinde constanter neglecto Constantini nomine, Cyrillum appellant, in hac Historiae parte molesta orta est confusio. Quam auxit Methodii, Fratris Constantini, in Episcopatu Moraviae successio. Ita ut multi e Constantino quondam Philosopho, postea dicto Cyrillo, fecerint duos, ex illo patrem, ex hoc filium; alii vero Methodio Fratri tribuerint, quae de Cyrillo commemorantur. Nova quoque ratio scribendi linguam Sclavonicam non a Constantini, sed a Cyrilli nomine dicta est Cyrillica, sive, ut plerique hodie corrupte scribunt, Cyrulica, cum potius, si Sclavorum pronunciationem sequi vellent, Kiriullica scribere deberent» (pag. 4—9). Во вторыхъ, отъ Кириллицы выводитъ и самую Глаголицу, называя ее только выродкомъ той, происшедшимъ такимъ образомъ: «Apices hujus Characteris Cyrillici beneficio aliquot Typographicarum officinarum apud Italos et Russos manserunt fere incontaminati et irretorti. In Manuscriptis vero, partim per calami mercenarii furorem Calligraphicum et tachygraphicum, hoc est, per eos qui vel inutilem literarum ornatum, vel majus e scribendi celeritate lucrum affectarunt; partim per scribarum imperitiam et negligentiam, adeo mutatus est, ut ex eo alius et quasi novus ortus sit. Eodem modo ac e Graecae et Latinae linguae Characteremajori hodiernus minor natus est,

et e Germanicae linguae figuris typographicis tot aliarum monstrosarum molesta seges adhuc quotidie provenit. Accepit quidem *hic corruptus* scribarum Slavonicorum *character* novum nomen, et *vocatus est Glagolicus* sive *Glagoliticus*, sed latet sub figurarum ejus larva vetus et genuinus Cyrillicus, qui, lineamentorum qualitate fere amissa, eundem tamen constanter ordinem, eandem pronunciationem, idem literarum nomen, tanquam verissimos originis testes retinet. In iisdem etiam regnis et provinciis, quibus Glagoliticis literas scribarum insania obtusit, Croatiae, scilicet, Dalmatiae aliisque, Cyrillicus simul, ut archetypus, in usu est. Glagoliticus vero dicitur a Verbo Slavonico *glagoliti* (loqui), quia hac scribendi ratione primum vulgaris dialectus, et nihil fere quod ad res sacras sive ecclesiasticas spectabat expressum est, quemadmodum in oppositione Linguae Slavonicae, et characteris Cyrillici, qui in rebus Theologicis et moralibus a typographis olim tantum apud Russos in usu fuit, character illorum, quem scribunt, sive tachygraphicus (*Skoropiss*) et Dialectus quam eo exprimunt, simplex sive vulgaris (*prostoi*) dicitur» (pag. 9 — 10). О названіи Глаголицы Іеронимовымъ писемомъ и отношеніи Іеронима къ Кириллицѣ, замѣчаетъ: «Qui Hieronymo hujus characteris Glagolitici inventionem attribuunt, vocant eum *Hieronymianum*, sed frustra distinguunt eum a Cyrillico, e quo ortus, et ita multo junior est; non enim in primis statim annis eo deformitatis pervenit, quo nunc eum conspiciamus. Et qui Cyrillici auctorem faciunt Hieronymum, refutantur non tantum Pontificis Ioh. IX testimonio, qui Constantinum eius inventorem vocat, sed et temporis ratione, quia diu post mortem Hieronymi inventio literarum Slavonicarum Constantino a Pontifice tribuitur» (Ib.). Такое мнѣніе Фриша о началѣ двухъ Славянскихъ азбукъ и ихъ взаимномъ отношеніи, не смотря на малый объемъ его сочиненія, выраженное ясно, толково и не безъ слѣдовъ нѣкотораго знанія разбираемаго дѣла и вообще хоть одного Славянскаго нарѣчія, а также съ большею увѣренностію въ справедливости предлагаемаго, должно было произвести на современниковъ значительное впечатлѣніе; отъ того долго послѣ него ученые, которымъ приходилось вести рѣчь объ етомъ предметѣ прямо, или мимоходомъ, довольствовались повторе-

нѣмъ сказаннаго Берлинскимъ Гимназіяльнымъ ректоромъ, либо ссылкой на него. Такъ, уже, довольно извѣстный въ прошломъ вѣкѣ, I. П. Коль, вызванный при учрежденіи нашей Академіи Наукъ въ Петербургѣ въ профессоры Церковной Исторіи и Словесности, гдѣ приучился нѣсколько и нашему языку, особливо Церковнославянскому, излагая въ сочиненіи своемъ: «*Introductio in Historiam et rem literariam Slavoniam, imprimis sacram, sive Historia critica versionum Slavonicarum maxime insignium, nimirum codicis sacri et Ephreми Syri, duobus libris absolutam*», изданномъ, вскорѣ по возвращеніи его, въ Альтопфѣ (Altonaviae), 1729 (въ 12-ю д.), исторію перевода Св. Писанія на Славянскій языкъ, долженъ былъ неминуемо коснуться и вопроса объ азбукахъ нашихъ; но, доказывая самымъ подробнымъ образомъ несостоятельность мнѣнія, приписывающаго переводъ Библии Иерониму Стридонскому, онъ происхождение ихъ излагаетъ почти словами Фриша, ссылаясь на него нѣсколько разъ въ примѣчаніяхъ: «*Non diffitendum est duplicem existere Slavonicum characterem, Cyrillicum unum, alterum Glagoliticum: quorum illud a Methodii socio Slavonicaeque gentis doctore maximo, Cyrillo, hoc autem ab auctore quodam incerto, inventum et comparatum est. Ad Hieronymum vero auctorem alterius originem referendam esse nemo affirmabit. Nam ut Cyrulici, sive potius Cyrillici characteris inventum Constantino Philosopho, Cyrilli nomine a Pontifice ornato, unice acceptum ferendum esse vel nomen ipsum eidem inditum declarat: ita Glagoliticum, ut vocant, alphabetum longe recentioris esse originis, quam ut Hieronymo tribuatur. Errant igitur, qui Glagoliticum Hieronymo alphabetum tribuentes Hieronymianum illud vocant. Quid enim gravius est ipsius Pontificis Johannis octavi testimonio, qui in epistola, jam pluribus commemoranda, literarum Slavonicarum inventum Cyrillo uni adscribit, non Hieronymo, quem tamen, utpote magnae apud Pontificios existimationis Doctorem, si vel minimam veritatis speciem res habuisset, haud dubie commemorasset*» (213). Впрочемъ, «*De Glagolítico caractere*», — говоритъ онъ въ примѣчаніи, — «*non omnia adeo expedita et ad planum deducta esse videntur. Primum quidem origo ejus*

admodum incerta et obscura est. Nos etiam aliquando, ut verum fateamur, Glagoliticum eundem atque Cyrillicum characterem nobis finximus, ea maxime ratione inducti, quod nullum unquam librum Glagolitico characterе scriptum nec ipsi in Russia vidimus, nec aliis visum accepimus. Sed aliter sentire coepimus, postquam doctissimi Frischii historiam linguę Slavonicę, cum peculiari quadam super hac re scripta ad nos epistola conspeximus ac legimus. De origine tamen hujus alphabeti nondum plane certus sum. Vix enim adduci possum ut iis assentiar, qui *vel a Cyrillico non distinguendum vel e Cyrillico esse ortum glagoliticum asseverant*: tanta enim utrosque characteres comparantibus diversitas elucet, ut nulla propemodum litera alterius similitudinem referre, aut ex ea nata esse potuisse videatur» (pag. 76—80). По тому-то, разсматривая (въ §§. 6, 7 и 8) Жизнь Кирилла и Меодія, Коль ничего не могъ, съ своєї стороны, прибавить ни для уясненія времени составленія той или другой азбуки, ни другихъ вопросовъ, вызываемыхъ отношеніемъ стѣхъ Солунскихъ братьевъ къ Славянскимъ народамъ, довольствуясь просто выпиской изъ разныхъ, старыхъ и новыхъ, сочиненій, больше или меньше говорящихъ о томъ. Адав. Фойгтъ, въ «Untersuchung über die Einführung, den Gebrauch und die Abänderung der Buchstaben und des Schreibens in Böhmen», помещенномъ въ «Abhandlungen einer Privatgesellschaft in Böhmen», 1-er Band (Prag, 1775), тоже считаетъ мнѣніе Фриша о Глаголицѣ самымъ вѣроятнѣйшимъ: «Die wahrscheinlichste ist, dass dieses Alphabet (Glagolitz) viel jünger als die Kirilitz, und vermuthlich aus derselben entstanden sey» (S. 173). Въ примѣчаніи (26-мъ) прибавляетъ: «Diese Meynung erhält dadurch eine nicht geringe Verstärkung, dass die glagolitischen Buchstaben mehr gekünstelt und zusammengesetzt, als die cyrillischen sind. Man hält aber immer das Einfache für älter als das Verzierte» (S. 175—176). Перебравши же всѣ, доступныя ему тогда мнѣнія, о той и другой азбукѣ, Фойгтъ заключаетъ: «Kurz, alle Zeugnisse sowohl der Freunde, als der Feinde unsrer slavischen Aposteln stimmen darinn überein, dass denenselben die eigentliche und ganz neue Erfindung der vorhin unter den Sla-

ven noch durchaus unbekanntem Buchstaben zuzuschreiben sey. Hätten unsre Vorfahren vor der Ankunft Cyrilli und Methodii bereits ihre eigene Schreibart gehabt; was wäre es nöthig gewesen, eine neue zu erfinden: da es ihnen ja verstattet ward, den Gottesdienst in ihrer angebohrnen slavischen Sprache zu halten; wozu ihre alten Buchstaben würden hinlänglich gewesen seyn? Allein, weil das kriegerische und auf seine Muttersprache erpichte Volk nicht zu bereden war, dass sie sich in einer fremden Sprache, als der griechischen oder lateinischen unterrichten liessen; so sahen sich ihre Bekehrer gezwungen, um ihren Zweck zu erreichen, sie wenigstens ihre Muttersprache schreiben zu lehren; ohne welche Beyhülfe sie weder das Christenthum, noch den allgemeinen Gottesdienst unter ihnen würden haben verbreiten können. Sie behielten zu diesem Behufe die griechischen Buchstaben bey, so weit sie zureichten: allein, um verschiedene der slavischen Sprache eigenthümliche Töne auszudrücken, mussten sie neue Zeichen oder Buchstaben erfinden» (S. 184—185) (214).

Етѣ усилія Западныхъ ученыхъ, своихъ и чужихъ, отгадать происхождение, или, по крайней мѣрѣ, взаимное отношеніе, нашихъ двухъ азбукъ, не могли не имѣть вліянія и на тѣхъ изъ Рускихъ писателей, особливо занимавшихся исторической критикою, которые, уже по роду и воспитанію своему, были изъ краевъ обширнаго Рускаго племени, касавшихся чужаго рубежа. Я тутъ разумѣю покойнаго Ю. И. Венелина. По происхожденію *Карпатскій Русъ*, учившійся во многихъ заведеніяхъ Угрии и Галиціи, владѣвшій, подобно другимъ землякамъ и соплеменникамъ своимъ, нѣсколькими языками, древними и новыми, что условливалось преимущественно родной его, называемой, не шутя, Европой въ маломъ видѣ (миниатюрѣ), Венелинъ, врожденной страсти къ историческимъ изслѣдованіямъ, могъ удовлетворить больше, меньше, всюду, гдѣ ни приходилось служить ему, имѣя въ своемъ распоряженіи, такъ сказать, ключъ къ умственнымъ сокровищамъ, т. е., языкознаніе, безъ котораго, разумѣется, ни какія дарованія не сдѣлаютъ никого критикомъ-историкомъ. Но хотя книжный міръ былъ ему открытъ настезь, однако, онъ не любилъ никому и ни въ чемъ впол-

нѣ поддаваться. Принимая все, какъ говорится, къ свѣдѣнію, онъ за то все и норовилъ къ одному и тому же, одной любимой мысли, составленной имъ о своемъ племени. Какъ ни странной кажется доселѣ эта душа всѣхъ его произведеній, *pervus regum gerendarum*, тѣмъ не менѣе, прежде нежели произнесемъ надъ нимъ свой приговоръ, необходимо выслушать все, что ни оставилъ онъ послѣ себя, какъ бы оно ни поражало насъ, слишкомъ, можетъ быть, изысканный вкусъ. Съ этой-то цѣлю, вовсе не раздѣляя основной мысли Венелина, я всегда одобрилъ и одобряю обнаруженіе неизданныхъ еще сочиненій его, такъ какъ въ нихъ, при всѣхъ преувеличеніяхъ и извѣстныхъ уже напередъ недостаткахъ, заключается множество чрезвычайно вѣрныхъ замѣчаній и блестящихъ соображеній, нерѣдко совершенно неожиданныхъ и мѣткостью своей донельзя поражающихъ. Отъ того, завѣдывая изданіемъ «Чтеній въ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ», я помещалъ въ нихъ его посмертныя произведенія, за ихъ, повторяю, послѣднія достоинства. Естественно было ожидать, что онъ, въ своихъ походахъ противъ авторитетовъ (215), страсти, вынесенной имъ изъ первоначальной его родины и мѣста образованія, ученые коихъ предпочтительно передъ всѣми странами Европы отличаются, сколько могъ я замѣтить изъ чтенія и личнаго наблюденія, съ тѣмъ духомъ, условливаемымъ историческими и этнографическими судьбами старой Панноніи или Угорской земли, естественно, говорю, было ожидать, что и онъ, рано, поздно, коснется и начала Славянскихъ писемъ, и коснется по своему. И точно, во 2-мъ томѣ изслѣдованія своего: «Древніе и нынѣшніе Болгаре, въ политическомъ, народописномъ, историческомъ и религіозномъ ихъ отношеніи къ Россіянамъ», изданномъ, по смерти его (Москва, 1841), тѣмъ же самымъ лицомъ, что и 1-й томъ издало (къ коему, т. е., 2-му, дополненія, жизнеописаніе и списокъ рукописнымъ сочиненіямъ, присоединены въ 1846-мъ), посвященномъ *Словеналъ*, т. е., Славянамъ въ Хорутанскихъ краяхъ, онъ весь §. 11-й занялъ толкованіемъ о «Словенскихъ писменахъ». Согласно съ основной мыслью своей о томъ, что жители Норика, Панноніи, Реціи, Карніи, Истрии, Венеціи и Винделиціи испоконъ были Славяне, доказатель-

ство чему думалъ видѣть въ самомъ названіи Ретовъ (Rheti, Rhaeti, Rhoeti, Raeti, Raiti), производя его отъ Греч. *ῥητοί*, по Лат. Rheti, отъ *ῥητος* (rhetus), сказанный, словный, словесный (отъ *ῥέω*, говорю), слѣдовательно, 'Рητοί, Rheti, — Словенцы, а Реты были выселенцы Етрусскіе (по Ливію, lib. V, с. 33), сохранившіе только одинъ языкъ, и то не безъ искаженія: «ne quid ex antiquo, praeter sonum linguae, nec eum incorruptum, retinerent», стало, Етрусскія письменна вмѣстѣ и Ретійскія, согласно со всѣмъ етѣмъ, Венелингъ видѣлъ въ Етрускахъ и Ретахъ Словенцевъ Паннонскихъ или Хорутанскихъ, а въ письмѣ Етрусскомъ — письмо Словенское, которое, де, уцѣлѣло только въ горахъ Словенскихъ, а послѣ сообщилось и далѣе. Мысль эта совершенно ложна, по тому что повѣншія изслѣдованія (L. Staub, Die Urbewohner Rhätiens und ihrer Zusammenhang mit den Etruskern. Stuttg. 1843), говорятъ, что жители Ретіи и Норика, какъ показываетъ разложеніе ихъ мѣстоименныхъ и другихъ названій (Id., Zur rhätischen Ethnologie. Stuttg. 1854), были Етруски, а не Славяне. слѣдовательно, и письмо ихъ Етрусское, которое совсѣмъ не похоже на Славянское (G. Dennis, Städte und Begräbnisplätze Etruriens. Leipz. 1852). Тѣмъ не менѣе письмо это, какъ легко догадаться, было не что иное, по словамъ Венелинга, какъ письмо Глагольское (Ретійское): «Если Этрусски, по увѣренію *современныхъ* очевидцевъ, были единоплеменники Словенцевъ (?), то какое могло быть нарѣчіе, такъ называемыхъ Этрусковъ, какъ не Словенское?! Какой же особенный алфавитъ, о которомъ говорить Веллей Патеркулъ, могъ быть у Словенцевъ, какъ не Этрусскій?! Что ежели этотъ же алфавитъ и доселѣ въ употребленіи у Словенцевъ Истрійскихъ, Далматскихъ и на островахъ Адриатическаго моря?!» (стр. 173). Изложивъ, за тѣмъ, мнѣнія о Глаголическомъ алфавитѣ по Шафариковой «Geschichte der slawischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten» (стр. 239—241), онъ, по обыкновенію своему, осмѣиваетъ каждое, равно какъ и мысль объ изобрѣтателѣ какой бы то ни было азбуки, называя то нравственной и физической *невозможностью*: «нравственно по тому, что невозможно вообразить себѣ такого глупца, который рѣшился бы уже, при одномъ существующемъ алфавитѣ, вы-

думывать другой. Всѣ народы Европы до сихъ поръ не изобрѣтали себѣ писменъ, а дожидались, пока къ нимъ не перейдетъ принятый у Грековъ Римлянами. Физически невозможно изобрѣтатель по тому, что онъ одинъ только знаетъ свою грамоту, слѣдовательно, онъ долженъ бы самъ же вездѣ заводить школы на свой щетъ; но еще пагубнѣе для успѣховъ изобрѣтательства было то, что, въ случаѣ извѣстности другаго алфавита, изобрѣтатель долженъ бы имѣть силу Правительства, чтобы умѣть заставить принять всякаго свон шутки» (стр. 179). Поглумившись вдоволь, онъ переходитъ къ Конитарову «Glagolita Clozianus», изданному передъ тѣмъ за годъ, рассказываетъ его исторію, и по томъ примѣняетъ опредѣленіе Салонскаго (близъ Спалатро) Собора 1060 года къ Глаголическому алфавиту, утверждая, что подъ «*Gothicas literas*, которыми Меодій «*multa contra Catholicae fidei notam in eadem Slavonica lingua mapendo conscripsit*», Отцы Собора разумѣли алфавитъ Словенцевъ (ссылка на Дубровничанина Туберо XV в. и Архидіакона Оому 1200 — 1268, называющахъ Далматинцевъ Готами (216), который, однако, «былъ забытъ въ послѣдствіи въ Италіи, но который притаился въ небольшомъ уголкѣ, получивъ новое названіе *Глаголическаго*» (стр. 184—185). Въ полной увѣренности въ истиннѣ сказаннаго, приводитъ начертаніе послѣдняго алфавита и разныя выписки изъ Клоцова Глаголиты, послѣ которыхъ дѣлаетъ выводъ: «Вотъ вамъ вѣрное (?) понятіе о писменахъ, которыя Сербы и Кроаты Православнаго исповѣданія называли *Глаголическими* по тому только, что своихъ единоплеменниковъ Латинскаго обряду прозвали *par sobriquet Глаголитами* отъ того, что у сихъ послѣднихъ чтеніе Евангелія начиналось не словомъ: «*Реуе Господь притѣуж свѣж*», или: «*Реуе ко Поудеомъ*», но словомъ: «*Глагола Господь*». Эти писмена, однако, Греки и Латины называли *literae Gothicae*, а я наименовалъ *Словенскими (literae Panonicae или Rheticae)*, чтобы дать почувствовать весь смыслъ словъ *Веллеи Намеркула*, и чтобы опровергнуть мнѣніе тѣхъ, которые полагаютъ, что Словенцы и Краинцы никогда не писали Глаголическими буквами» (стр. 202). «При томъ же принято», — продолжаетъ далѣе, — «что грамота сдѣлалась необходимою и

возможною для Славянъ только тогда, когда нужно было переводить Св. Писаніе для отправленія Богослуженія,—принято за непереложное, что Св. Кириллъ и Меѳодій крестили жителей Панноніи и Мизіи (Словенцевъ, Сербовъ и Болгарь) въ IX вѣкѣ, слѣдовательно и необходимость въ писменахъ оказалась для Славянскихъ племенъ только съ этого времени. Такимъ образомъ Кириллъ и Меѳодій заслонили не только исторію Словенскихъ писменъ, но и *подлинную* эпоху крещенія самихъ *Словенцевъ*. Однако если взять въ уваженіе такія свидѣтельства и обстоятельства, на которыя Историческая Логика не можетъ не обратить особеннаго вниманія, можетъ оказаться, что *обращеніе* Панноніи и *первое* введеніе *Славянскаго* Богослуженія дѣйствительно также *несправедливо* приписано позднѣйшими Св. Меѳодію, какъ и изобрѣтеніе Греческаго устава и *нѣсколькихъ* *Глаголическихъ* *буквъ*, *коими* *пополненъ* *Греческій* *Алфавитъ*, *приписано* *Св. Кириллу*» (стр. 202—203). И ниже о послѣднемъ: «Народы Греческаго исповѣданія принятыи ими Греческій алфавитъ дополнили буквами изъ, такъ называемаго, Глаголическаго шрифта, на пр. б, ж, ч, ш, ц.» (стр. 270). Тутъ доказываетъ, своимъ образомъ, обращеніе Словенцевъ вмѣстѣ съ жителями Италіи, переводъ Св. Писанія Улфилой на Словенскій языкъ, такъ какъ Готы, по его, Славяне и употребляли Словенское или Глагольское письмо (стр. 222—223). «Между тѣмъ какъ началу Богослуженія *на одномъ изъ Славянскихъ нарѣчій testes oculati* относятъ къ IV-му вѣку стараніемъ Епископа *Улфилы*, Св. Кириллъ и Меѳодій (если исключить подложныя посланія Іоанна VIII къ послѣднему, сочиненныя въ XIII вѣкѣ) ничего и никого не имѣютъ имъ современнаго о переводѣ Кирилломъ Св. Писанія или же о введеніи Меѳодіемъ Славянскаго Богослуженія» (стр. 223). Касательно приписанія Зальцбургскимъ неизвѣстнымъ сочинителемъ исторіи обращенія въ Христіанство Хорутанцевъ изобрѣтенія Славянскихъ писменъ Меѳодію, замѣчаетъ, что «это означаетъ только то, что они существовали, но со времени Карла V. въ Латинскихъ церквахъ не были въ употребленіи, что даже Латинскіе монахи молитвы и другія вещи, по *новому* обряду, на *Словенскомъ* языкѣ старались выражать Латинскими буквами, да и самую исторію *безымяннаго* нельзя назвать

исторією ихъ обращенія въ Христіанство, а просто исторією *притязанія и вліянія* на эти области (Хоруганія и Славонія) Салцбургскихъ Архіепископовъ» (стр. 247). «И такъ изъ выраженія Салцбургскаго современника видно, что Апостольское призваніе Св. Меѳодія было не въ *Азбукъ*, которая до него *существовала*, а въ новомъ ученіи» (стр. 247), т. е., возстановленіи бывшаго до введенія Латинскаго Богослуженія, иначе: въ содѣйствіи къ возстановленію Славянскаго Богослуженія, а съ нимъ и такого же письма. Отрицая составленіе письма Кирилломъ или Меѳодіемъ по поводу рѣчи о Глаголицѣ, Венелингъ только продолжалъ, давно уже начатое имъ: я хочу етѣмъ сказать, что онъ еще въ своей «Исторіи Болгаріи», писанной имъ во время пребыванія въ нашемъ Университетѣ, стало, вмѣстѣ съ первой частью сочиненія своего «Древніе и Новыя Болгаре» (217), составилъ себѣ о томъ окончательное понятіе. Тутъ онъ, дошедши до Бориса, и рассказавъ обращеніе его въ Христіанство (863 г.) Меѳодіемъ, при помощи сестры Борисовой, сдѣлавшейся, во время плѣна, Христіанкой при Царградскомъ Дворѣ, гдѣ была воспитана, и другихъ Греческихъ и Славянскихъ помощниковъ, онъ разбираетъ разныя изысканія повѣйшихъ критиковъ о виновникахъ крещенія Болгарскаго народа, при чемъ обращаетъ вниманіе на обученіе народа, введеніе богослуженія и перевода Св. Писанія. «Во всемъ этомъ помощникомъ Меѳодію былъ братъ его, Константинъ, вызванный имъ въ Болгарію. Какъ природныя Болгаре, родомъ изъ Македоніи (Солунцы), они перевели Св. Писаніе на свой родной языкъ и для родныхъ, т. е., соплеменниковъ своихъ, Болгарскихъ Славянъ, доказательство чему въ томъ, что Болгаре приняли Христіанскую Вѣру прежде всѣхъ Славянскихъ племенъ Восточнаго Вѣроисповѣданія; что переводчики были уроженцы Болгарской страны или Болгаре; что переводъ, если онъ даже не существовалъ до Меѳодія, по естественному порядку и по требованію Короля, долженъ былъ быть совершенъ на языкѣ или нарѣчій царствующаго народа, Болгаръ, и, наконецъ, неоспоримымъ доказательствомъ тому служить нынѣшній языкъ Болгарскій, живой и истинный отпечатокъ Церковнаго» (66—67). А чтобы вполне доказать принадлежность всего этого Болгаріи, онъ разсматриваетъ сказа-

нія Житій и Лѣтописей о Солунскихъ братьяхъ, которыя и отвергаетъ, называя «Латинскія Легенды произведеніемъ XIV или XV-го столѣтія (или того времени, съ котораго Латинцы приняли Кирилла и Меѳодія въ свой Мѣсяцословъ), съ цѣлію показать, что Греко-Моравская и Чешская Церковь и ея Греко-Славянское Богослуженіе происходитъ изъ Рима, а тѣмъ самымъ доказать и утвердить зависимость сихъ странъ отъ Папы; для перваго сочинителя Латинской Легенды затеряны были уже настоящія свидѣнія о жизни и дѣяніяхъ Кирилла и Меѳодія, а потому пристрастіе и ревность къ распространенію Латыни были довольнымъ поводомъ для сплетенія небывалой исторіи. Не зная, какимъ образомъ и откуда перешли въ Моравію переводы Свящ. Писанія и Богослужебныхъ книгъ, которые, собственно, принадлежатъ Болгарамъ, онъ (сочинитель 1-й Легенды) приписалъ сіе Кириллу и Меѳодію: для сего выдумываетъ посольство Славянскихъ Князей къ Императору Михаилу, съ требованіемъ отъ него учителей, отправленіе къ нимъ изъ Цареграда проповѣдниковъ Кирилла и Меѳодія, изобрѣтеніе или Словенскихъ буквъ и переводъ Св. Писанія на языкъ, который называетъ Словенскимъ (стр. 111). Посольство основывается только на предположеніи, будто нашими Апостолами Богослуженіе введено въ Моравію, между тѣмъ какъ это сдѣлано было ими лишь въ Болгарскомъ государствѣ. Оно (посольство) неестественно, ибо Моравія отъ Имперіи отдѣлялась обширною Болгаріей, коей принадлежитъ вліяніе на Моравію. Шестерою . чтобы Моравы, какъ Славяне, просили себя въ учителя Грека, а не лучше какого либо Болгарина Славянина, да и Михаилъ не могъ располагать ни Меѳодіемъ, ни Кирилломъ, находившимся уже въ Болгаріи (стр. 112); слѣдовательно, ни тотъ, ни другой, ни въ Моравіи, ни въ Римѣ никогда не бывали, напротивъ, весь кругъ ихъ дѣйствій, все ихъ поприще заключалось въ предѣлахъ Болгарской Державы (стр. 113). Какъ Легенды—просто выдумка пристрастныхъ головъ, такъ точно и Буллы Папы Іоанна VIII-го къ Меѳодію, чеканенныя жалкимъ образомъ въ XV ст., уже послѣ появленія Легендъ, потому что въ нихъ заключаются понятія сочинителя Легендъ, изъ коихъ составлены во время Гуситскихъ войнъ, какъ историческія доказательства въ сіи

критическія времена принадлежности Чеховъ къ Римской Церкви. Сюда же относится и Біографія Климента, Архіепископа Болгарскаго, которая, де, по доказательствомъ (мнимымъ) Добровскаго, въ томъ, гдѣ касается Кирилла и Меѳодія, заимствована изъ Легендъ; а если ее сочинялъ Грекъ прежде появленія Легендъ, то она умножена въ послѣдствіи статьей о Кириллѣ и Меѳодіи какимъ либо Латинцемъ, или Грекомъ подкупленнымъ; если же вся составлена однимъ лицомъ, то писана только съ XIV столѣтія» (стр. 115) (218). Принесши въ жертву такому своему предположенію о дѣятельности Кирилла и Меѳодія, показанія Запада, Венелинъ также поступилъ и съ показаніями Востока: «Несторовъ рассказъ, судя по ясности и краткости слога Несторова, слишкомъ подробенъ и теменъ, чтобы приписать его Нестору; притомъ, въ извѣстіяхъ заграничныхъ онъ пользовался только одними Византіицами; но ни они не говорятъ о событіяхъ, содержащихся въ семь мѣстѣ, ни Латинскіе современные писатели; явно, что оно вставлено не извѣстно кѣмъ изъ продолжателей Нестора, въ качествѣ объясненія на текстъ Лѣтописи, и вставлено отсюда же, откуда и Буллы: всмотрѣвшись хорошенько въ оное, увидите, что оно есть не иное что, какъ только переведенная, хотя съ нѣкоторыми отмѣненіями, Латинская Легенда. Какой-то южный Русинъ, видя, что Несторъ, пропустилъ объяснить происхожденіе, такъ называемой, Славянской грамоты, пожелалъ замѣнить, сколько возможно, сей недостатокъ, и, не имѣя для сего особыхъ источниковъ, и будучи слишкомъ довѣрчивъ, принялъ отъ своихъ близкихъ сосѣдей, Латинцовъ, Легенду, и внесъ ее въ текстъ Нестора» (стр. 117). И послѣдокъ, и о Житіи, помѣщенномъ въ Четь-Миней, принимаетъ безусловно мнѣніе Добровскаго, признавая, однако, съ Шлѣцеромъ, во всемъ превосходство ея надъ Легендами. «Самое же затруднительное обстоятельство есть то, что сочинитель оной совершенно забылъ упомянуть о крещеніи Болгарской Державы, событіи, въ которомъ Меѳодій и Кириллъ были главными дѣятелями, и которое было величайшимъ событіемъ тогдашняго времени (стр. 119). Отсюда вытекаетъ, что Болгарское Богослуженіе и книги пришли въ Моравію по требованію не Ростислава, не изъ Византіи и не при по-

средствъ Кирилла и Меѳодія, но по обращенію Святополка къ Борнеу, послѣ бѣгства, во время бурныхъ войнъ съ Нѣмцами, Латинскихъ, Франкскихъ и Нѣмецкихъ монаховъ изъ владѣній его, а съ ними и непонятной Латыни и пенужныхъ десятинъ и под. тому поборовъ. Въ сіе-то время (послѣ 876, въ которомъ умеръ Императоръ Людвигъ, а владѣнія его раздробились на три части) приняты въ Моравіи и Богеміи обряды Восточной Православной Церкви, при чемъ и Болгарскія Священныя книги перенесены туда изъ Болгаріи, тѣмъ паче, что Болгарское нарѣчіе было понятно всякому Моравянину. И это естественно: отвергая Латинское, надобно было принять Болгарское, какъ вразумительное, сверхъ того, не требовавшее ни податей, ни зависимости Моравіи, предоставлявшее имѣть у себя собственныхъ Епископовъ, чего не позволяли имъ Франки (стр. 131—132). И по тому не пачало положили Кириллъ и Меѳодій сей Славянскій Церкви, но гигантски распространили и развили, образовали членовъ ея. Вотъ величайшія услуги и заслуги ихъ!» (стр. 121). Такое мнѣніе свое о началѣ писемъ Славянскихъ, опираетъ еще на томъ обстоятельстве, что рѣшительно, молъ, «не вѣроятно, чтобы лишь одному Кириллу, или Меѳодію, могло придти на мысль писать Болгарскія слова Греческими буквами; напротивъ, знакомя народъ Болгарскій съ истинами Св. Писанія, естественно, сіи мужи познакомили оныхъ и съ письменами. По крайней мѣрѣ источники указываютъ на нихъ, какъ главнѣйшихъ виновниковъ сего великаго и спасительнаго дѣла. Но одни голыя (справедливыя или подложныя) свидѣтельства не могутъ быть употреблены въ изслѣдованіи, если не сообразимъ оныхъ ни съ естественностью дѣла, ни съ теченіемъ обстоятельствъ, ни съ порядкомъ вещей, ни здравымъ разсудкомъ. А по тому, тогда только можно приписать Кириллу и Меѳодію первое употребленіе Греческаго алфавита въ Болгаріи и для Болгарскаго языка, когда докажутъ, что никому изъ многочисленныхъ Болгаръ, наполнившихъ Европейскія области Восточной Имперіи, и даже поселенныхъ въ Малой Азій, съ давняго времени большею частію сѣянцныхъ съ Греками, бывшихъ гражданами, Христіанами, въ силѣ и уваженіи, ни случая не было, ни мысль не приходила въ голову писать Болгарскія

слова Греческими. А какъ этого доказать совершенно невозможно, то допустить должно, что Имперскіе Болгаре еще до Меодія и Кирилла писали сими буквами, ибо принятіе ихъ было неразлучно и необходимо соединено съ принятіемъ Христіанской Вѣры. Зная, что письменность у Восточныхъ Славянскихъ племенъ распространялась вмѣстѣ съ Христіанствомъ, и что начало ихъ обращенія значительное время заключалось въ предѣлахъ Имперіи между Болгарскими ея жителями, я совершенно убѣжденъ, — говоритъ Венелинъ, — что и письменность между ними уже долгое время была въ употребленіи, пока, наконецъ, при благоприятномъ случаѣ, изъ-за горъ Балканскихъ не распространилась и на прочія страны. Стало, Болгаре переняли отъ своихъ добрыхъ согражданъ, Грековъ, и буквы и Вѣру вмѣстѣ; по сіе случилось не вдругъ и не однимъ человѣкомъ введено, напротивъ, постепенно, и могло входить въ употребленіе у разныхъ лицъ въ одно и то же время. Тоже разумѣть слѣдуетъ и о переводѣ Св. Писанія и служебныхъ книгъ, ибо одно не могло случиться безъ другаго; то, другое и третье — принадлежности одного и того же событія. Сообразно сему Имперскіе Болгаре должны были имѣть въ переводѣ если не все Св. Писаніе, то, по крайней мѣрѣ, какую либо самую нужную часть онаго. Приписываемый источниками Меодію и Кириллу переводъ всей Библии и даже другихъ служебныхъ книгъ, заключаетъ въ себѣ что-то затруднительное, неестественное (стр. 73—78). Возможно ли, чтобы сіи мужи, въ безпрерывномъ своемъ путешествіи и занятіи проповѣдываніемъ, крещеніемъ и спорами, могли и помыслить о переводѣ тѣхъ огромныхъ книгъ (прежде надобно было имъ перевести служебныя, безъ коихъ не могли ввести Богослуженія, а послѣ Библию), для перевода коихъ, сообразно тогдашнему искусству писать, не довольно было цѣлой жизни, спокойной, сидѣльческой, да еще такими письменами, кои еще не существовали, и кои надобно только еще изобрѣсть? (стр. 60). Кто утверждаетъ переводъ за ними, тотъ, съ одной стороны, по Легендамъ, утверждаетъ это въ Булгаріи и Моравіи: но неужели кто будетъ столько опрометчивъ, чтобы отважиться приписать такое двукратное преложеніе Св. Писанія одному,

или двумъ человѣкамъ, между тѣмъ какъ переводъ сего же самаго Писанія, за исключеніемъ Новаго Заѣта и Богослужебныхъ книгъ, на одинъ только Греческій, иѣкогда стоить довольно труда и времени 70-ти толковникамъ? Слѣдовательно, переводъ могъ быть сдѣланъ на одинъ только языкъ, и Св. Писаніе оставалось на семь одномъ языкѣ, пока, въ послѣдствіи времени, не переведено и на прочіе виды общаго Славянскаго. Этотъ одинъ языкъ и былъ Болгарскій, и на немъ оно было пренесено и въ Моравію, такъ же какъ и въ Россію. Или неужели вздумаете сказать, что Кириллъ переводилъ оное въ Моравіи для Болгаръ? Или на Болгарскомъ языкѣ въ Моравіи для Мораванъ? Но неужели Христіанская Вѣра, и съ нею Св. Писаніе, обратнымъ путемъ перенесено изъ Моравіи въ Булгарію и Россію, да еще на Булгарскомъ языкѣ? То же разумѣется и о Меѳодіи: чтобъ онъ самъ и одинъ занимался тѣмъ, это не можетъ быть доказано, и невѣроятно. А какъ не трудились надъ этимъ переводомъ въ Моравіи, то онъ долженствовалъ быть совершенъ въ Болгаріи еще до 861, или 863 года, въ которомъ заставляють Константина и Меѳодія путешествовать въ Моравію, потому что, слѣдуя Легендамъ, какъ они могли бы вводить Богослуженіе въ Моравіи тотчасъ по прибытіи въ нее, не имѣя съ собою уже изъ Болгаріи готоваго перевода? И потому, Кириллъ ли и Меѳодій начали и совершили оный (переводъ), совершенно неизвѣстно и весьма сомнительно. Принимать сіе имъ исключительно нельзя, ибо нельзя этого доказать; но крайней мѣрѣ начало писемъ, которое неразрывно касается и перевода Св. Писанія, противорѣчитъ тому (стр. 78—83). Извѣстно, что Славянскій родъ, распавшись на двѣ религіозныя стороны, принялъ писмена двухъ почерковъ, Греческаго и Латинскаго (который тотъ же Греческій, только преобразованный и названный, по праву присвоенія, Латинскимъ, такъ какъ Нѣмецкій—такой же измѣненный Нѣмцами Латинскій). Всякій видитъ, что буквы, коимъ начали писать Болгаре, а потомъ и Россіяне, суть чистыя и настоящія Греческія, и, стало, говорить объ изобрѣтеніи сихъ буквъ Кирилломъ и Меѳодіемъ будетъ нелѣпо. Правда, что къ Греческому алфавиту прибавлены иѣкоторыя буквы для изображенія осталь-

ныхъ Болгарскихъ звуковъ; но неужели это значить быть изобрѣтателемъ той азбуки, которую въ самомъ дѣлѣ только пополнилъ, кто бы то ни былъ? Почему не говорить гораздо естественнѣе и приличнѣе о введеніи, или принятіи Болгарами Греческаго алфавита, вмѣсто безтолковаго слова изобрѣтенія? И такъ ни Кириллъ, ни Меводій, ни какой либо другой Болгаринъ не изобрѣталъ и не могъ изобрѣтать алфавита, который существовалъ уже прежде, за тысячу лѣтъ, и который называется Славянскимъ по тому только, что въ употребленіи у нѣсколькихъ видовъ Славянскаго рода и что пополнилъ нѣсколькими новыми знаками. Вопросъ, кто и когда ввелъ въ употребленіе у Болгаръ Греческія писмена, то же, что вопросы: кѣмъ, какъ и когда перенесены Греческія буквы къ Латинамъ, Контамъ, Готамъ и проч., или Арабскія къ Туркамъ, Татаро-Персамъ, Бухарцамъ и проч.? Если обратить полное вниманіе на принадлежности сего переноса, то нельзя не замѣтить, что главнѣйшею изъ оныхъ былъ переходъ Религій и, во вторыхъ, непосредственное соудѣство и тѣсное соприкосновеніе двухъ народовъ, между коими долженствовало случиться сей переходъ, или сообщеніе письменности. Дѣйствіе образованнаго Греческаго народа не могло быть обращено на одного только, или двухъ Болгаръ, ибо сіе невозможно, но происходило на всѣхъ точкахъ соприкосновенія онаго съ Болгарскимъ» (стр. 70—72). Дѣлая выводы изъ этого, сочинитель еще разъ настаиваетъ на то, что переводъ сей и Болгарское Богослуженіе существовали уже до просвѣтителей Болгарскаго народа, и существовали долго за Балканами, въ предѣлахъ Имперіи, вмѣстѣ съ письменами: «по сему-то Греческая Словесность имѣла сильное вліяніе на Словесность Имперской отрасли Славянскаго вида Болгаръ; по сему-то наше Св. Писаніе изобилуетъ Грецизмами, и на оборотъ, сіи Грецизмы показываютъ, что оно переведено не въ Моравіи, ни въ Болгаріи, но въ самой Имперіи. Впрочемъ, гдѣ бы ни совершенъ былъ сей переводъ, все равно; и самый Константинополь не менѣе могъ быть мѣстомъ его довершенія, какъ и Адриано-поль, или Солоунъ. Не смотря на сіе, однако, не стану утверждать рѣшительно, что Меводій и Кириллъ не переводили совершенно ничего. Можетъ статься, что въ ихъ время не

вся Церковная бібліотека была уже на Болгарскомъ языкѣ, и что, движимые ревностію къ своей Церкви, они перевели недостающее; или, если даже и все было довершено ихъ предшественниками, то они, какъ истинно ученичійшіе мужи, могли заняться исправленіемъ недостатковъ, могшихъ вкрасться въ столь обширномъ Церковномъ запасѣ, и сіе уже само по себѣ есть великій трудъ и великая заслуга (стр. 84). Они, потому, Болгарское Богослуженіе, переводъ Св. Писанія и Болгарскія писмена, существовавшія задолго до нихъ въ предѣлахъ Имперіи, пересадили и распространяли по Болгаріи и принадлежащимъ ей областямъ, ими обращаемымъ» (стр. 120). Слѣдовательно, основная мысль всего, выказаннаго сдѣсь Венелинымъ въ двухъ его сочиненіяхъ, это—какъ Христіанство, такъ и, послѣдствіе его, Богослуженіе, а черезъ то и самая письменность, гораздо старѣе дѣятельности Кирилла и Меѳодія, а по тому всѣ сказанія, приписывающія все это имъ просто на просто—выдумка, ни на чемъ неоснованная, или точнѣе опиравшаяся на поддѣлкѣ какихъ-то неблагонамѣренныхъ лицъ въ средніе вѣки. И все это обвиненіе въ подлогѣ цѣлой древности, показаній Востока и Запада, т. е., людей самыхъ различныхъ и ни чѣмъ не связанныхъ между собою, отдѣленныхъ исполтинскимъ пространствомъ мѣста и времени, образовавшемъ, вкусомъ, выгодами и цѣлями, весь этотъ гигантскій заговоръ поднять имъ во имя чего же? Единственно, чтобъ доказать, что Глаголица—то и есть настоящее Славянское письмо, которое далеко старѣе, чѣмъ какъ обыкновенно думаютъ, есть наследство, оставленное намъ нашими праотцами время глубокаго язычества, между тѣмъ какъ, такъ называемая, Кириллица,—плодъ новѣйшій, неправильно присвоенный Константину Философу, или, брату его, Меѳодію. Она такое же Греческое письмо, какое Латинское, Коптское, Готское и т. п., отчасти только измѣнившійся съ теченіемъ времени подъ тростію скорописною и перомъ борзописцевъ, старавшихся примѣнять, по силѣ разумѣнія своего, знаки, для чужаго слова первоначально составленные, къ выраженію звуковъ родныхъ, съ большимъ, меньшимъ усиліемъ, пока, наконецъ, не достигли къ тѣмъ нѣкотораго рода порядку, системы. Важнѣйшее исполненіе Греческаго алфавита состояло въ знакахъ,

прибавленныхъ къ нему изъ исконой Славянской азбуки, но дополненіе ето не извѣстно, кѣмъ и когда сдѣлано, ни въ какомъ случаѣ не даетъ намъ права считать черезъ то Алфавиту особеннымъ какимъ-то письмомъ, ставить на одной доскѣ съ Глаголицей. А по тому тутъ не можетъ быть и рѣчи о какомъ либо изобрѣтеніи особенныхъ буквъ, будете ли приписывать Кириллицу Константину, или кому бы то ни было. Очевидно, весь етотъ наборъ громкихъ словъ, позовъ противомыслящихъ передъ судилище здраваго смысла, исторической Логикѣ, Критеріума и тому подобныхъ, всѣ етѣ Родомонтады—изза того, что невѣроятно думать, будто Славяне Имперіи Греческой ранѣе Солунскихъ проповѣдниковъ не подвергались въ такой степени влиянію своихъ образованныхъ сосѣдей, чтобы, упорно оставаясь въ язычествѣ, отвергали Христіанство, а съ нимъ и всѣ благодѣянія его, между которыми, въ особенности, не избѣжно было знакомство съ книжнымъ богатствомъ просвѣщеннѣйшаго народа въ мірѣ и попытка усвоить его въ какой бы то ни было степени и себѣ, преимущественно сокровищъ Христіанской мудрости, слѣдственно, пересадка на родную почву, что, естественно, возможно только посредствомъ письменъ, приснособленныхъ къ разнымъ звукамъ! Но кто же отвергалъ послѣднее, т. е., влияніе Грековъ и ихъ образованности на Славянъ, когда исторія прямо говоритъ о томъ? Кто не допускалъ очень ранняго крещенія тѣхъ изъ нихъ, которые слишкомъ далеко было врѣзалось въ предѣлы Имперіи, и не однихъ лицъ, но даже цѣлыхъ полчищъ? Кто отрицалъ, что крещенные могли писать не только на Греческомъ, но и пытались знаками Греческой азбуки выражать, кто какъ знаетъ и смогъ, родные звуки, было ли то переводъ съ Греческаго, или какое свое произведеніе? Не прямо ли говоритъ объ етомъ черноризецъ Храбръ, столько близкій къ спорному времени и совершенно выпущенный изъ виду Венелинымъ, то есть, что предки наши «кръстивше же са Римскими и Гръцкыми писмены наждаахъ са писати Словънскѣ рѣчь безъ оустроения»? Слѣдовательно, сама Исторія засвѣдѣтельствовала намъ то, существованіе чего, притворяясь незнающимъ показанія ея, или забывая его, силится доказать онъ всѣмъ; но она тутъ же го-

ворить каждому, въ какой мѣрѣ все это было: «нѣждахъ са писати безъ оустроениа», по нуждѣ, съ трудомъ и безъ всякаго устроа; слѣдовательно, это было то самое состояніе, въ какомъ каждый человѣкъ и цѣлый народъ находится по неволѣ, когда начинается какое дѣло, гонимый къ тому необходимостью, не давши, да и не могли дать, себѣ отчета, какъ это должно дѣлать, и по чему такъ, а не иначе;—состояніе, въ какомъ и теперь видимъ еще потомковъ тѣхъ же самыхъ Болгаръ, которые, спустя больше тысячи лѣтъ, очутились, въ этомъ случаѣ, въ положеніи своихъ праотцевъ, когда, лишенные всѣхъ средствъ научиться выражать свою новую рѣчь приличными ей письменными знаками, не подозревая даже о существованіи такой возможности, а между тѣмъ, по частому общенію съ сосѣдями своими, Греками, знакомые съ ихъ грамотою, принужденные писать и записывать свои счета и расчеты и т. п., нуждаются, какъ и Словѣни, «погани сажте, писати свою Словѣнскъ рѣчь», и писати, подобно тѣмъ, безъ всякаго устроенія. «Какъ бо можетъ са безъ оустроа Словѣнскъ рѣчь писати добръ Гръцкскимъ писменъ», спроси у словами Храбра? Стало, вся сила вопроса сводится на выраженіе, *съ устроа*, или *безъ устроа писати?* Тѣ и другіе Болгаре, до Кирилла задолго, и еще долъше послѣ Кирилла, писали, и писали Греческими и Латинскими писменами, но какъ писали? «Нѣждахъ са писати безъ оустроениа», замѣтилъ Храбръ, и егѣмъ порѣшилъ все препираніе о томъ, писали ль Славяне до Кирилла, и какъ писали? Храбръ даже доноситъ намъ, какъ писали Славяне въ язычествѣ, слѣдовательно, не отвергаетъ нѣкотораго рода грамоты въ нихъ до Христіанства ихъ: «урѣтми и рѣзми уѣтѣхъ и глѣдахъ, погани сажте», но тутъ же прибавляетъ, что это бы и не «книги»: «не имѣхъ книгъ», т. е., буквъ, такъ какъ книга въ древнемъ Славянскомъ языкѣ употреблялась первоначально въ такомъ смыслѣ, въ какомъ у Латинянъ «*litterae*», откуда, какъ у егѣхъ «*litteratura*», *literator*», такъ и у тѣхъ «книжность», *книженикъ*, *книжюна*, *книжъ-уни*, и т. п., тотъ, кто знаетъ *litteras*, книги (буквы): «Бѣже и иллицине иллицино издѣ иши книгами Славнскими, и Римскими и Евренскими; *Ἦν δὲ ἐπιγραφή γεγραμμένη ἐπ' αὐτῷ ὑράμμασιν Ἑλληνικοῖς καὶ Ῥωμαῖκοῖς καὶ Ἑβραῖκοῖς.* Лук. XXIII,

38, стр. 191, ст. 30. Какъ оубо съ оумиеть кнѣиги, не оуиувь са? Πῶς οὗτος γράμματα οἶδε, μὴ μεμαθημένος. Иоан. VII, 15, стр. 26, ст. 2-й. Аче ли того кнѣигамъ вѣрты не ѣмѣте, како монимъ глаголомъ вѣрж имете? Ἐὶ δὲ τοῖς ἐκείνου γράμμασιν οὐ πιστεύετε, πῶς τοῖς ἑμοῖς ῥήμασι πιστεύετε? Иоан. V, 47, стр. 15, ст. 4. Остромирово Евангеліе; боукварь, отъ буква, какъ и теперь у Хорутанцевъ *bukvar*, книжничъ, и нашъ букварь; *bukve*, книга, и т. д.; наше *грамотѣй*, отъ грамота, какъ Греческое *γραμματεὺς* отъ *γράμμα*, и наше просто-народное *письменничъ*, грамотѣй; *письмянный*, *письмѣнный*, то же; *письменница*, грамотѣя, а *письмлинница*, прописная азбука для учащихся; Малоруское *письменный*, *письменныкъ*, отъ письмо, письма. Были ли етѣ урѣты и рѣзи Глагольскія буквы, или же что особенное, — иной вопросъ, рѣшеніе котораго не относится теперь прямо къ моему вопросу, да и не можетъ имѣть непосредственнаго на него вліянія, по тому что даже допустивши ложество тѣхъ и стой, устрой для крестившихся Славянъ Греческихъ письменъ, видно былъ, по всему, крайней необходимостью, настоятельной потребностью, и, конечно, по тому, что и урѣты и рѣзи, Глаголица и Гръмьскія писмена съ Латинскими, не удовлетворяли Славянъ: «не добра са ниѣ Словѣнска рѣчь пьсаа». Стало, Константинъ или Кирилъ *долженъ* былъ, по такой всѣхъ ихъ несостоятельности, устроить «Словѣнскую родоу писмена, ова оубо по уиѣноу Гръмьскыхъ писменъ, ова же по Словѣнскыи рѣчи». За етотъ-то «оустрои по Словѣнскыи рѣчи» Греческая алфавита получила названіе «Словѣнскыхъ писменъ», «Кириллицы», по имени своего устроителя: «Святѣи Константинъ Философъ, ирѣцѣмъи Кирилъ, тѣ измъ писмена сътвори и книги ирѣложи, и Мефодіе, братъ его (т. е., пособникъ въ ирѣложеніи книгъ). Запраться въ етомъ нельзя, имѣя такого свѣдѣтеля, каковъ Храбръ, о которомъ не смѣемъ сказать, чтобы онъ все ето выдумалъ, по тому что не имѣтъ къ тому ни какой причины. Не имѣемъ также ни какого повода подозрѣвать его въ неискренности, когда онъ ссылается даже на людей, которые могутъ то, т. е., «сътвореніе» или «оустроеніе писменъ» и «ирѣложеніе книгъ», засвѣдѣтельствовать, какъ современники ихъ, какъ очевидцы: «Сать бо кште живи, иже сать видѣли ихъ», то есть, Кирилла и Ме-

оодія. Сдѣсь «dawność świadek prawdy», говоритъ Польская пословица. Или и его издѣліе XIV — XV-го столѣтія? Но тогда отъ чего же его издѣліе буква въ букву, черта въ черту, напоминаетъ намъ Греческія писмена Кириллова времени, а не послѣдующаго, тѣмъ менѣе спустя 4—5 вѣковъ, когда и Греческіи алфавиты измѣнились уже значительно? Сдѣсь-то сходство — одно изъ доказательствъ, что наша азбука дѣйствительно появилась въ IX-мъ столѣтіи: каковъ родъ, таковъ и плодъ, или, говоря народноію пословицей: каковъ корень (или пень), таковъ и отростень. Итъ, на это и Венелингъ не отважился посягнуть, признавая за лучшее вовсе обойти молчаніемъ Храброво «Сказаніе, како състави стын Коурилъ Философъ Словяноу писмена противкоу азыкоу ихъ», хотя, судя по нѣкоторымъ выраженіямъ его Филиппики противъ изобрѣтенія Кириллицы, ясно, что Сказаніе это было ему хорошо извѣстно (219). И стало, какъ замѣчаютъ Малороссіяне: «Выйде правда на верхъ, якъ олыва на воду».

Въ то время, когда у насъ Венелингъ такъ разсуждалъ объ отношеніяхъ двухъ Славянскихъ азбукъ, больше или меньше дѣйствуя подъ вліяніемъ соплеменныхъ Западныхъ ученыхъ, на Югѣ Славянскомъ, именно, въ княжествѣ Сербскомъ, явилось сочиненіе: «Постанакъ Славенски слова или писменость, каква с и каква треба, да с у Сербскомъ езыку», одъ Адала *Драгосавльвита*. У Београду, 1840 (въ 12, 140 стр.). Сочинитель, Сербъ изъ южной Угрии, но перешедшій на ту сторону Савы и Дуная, начитавшись тѣхъ изъ доступныхъ ему Югозападныхъ Славянскихъ ученыхъ, которые мною приведены нѣсколько выше, и опираясь на Коппитара и Якова Гримма, пытался, на такомъ основаніи, объяснить начало Славянскихъ письменъ, и оттуда вывести правила для Сербскаго правописанія, которое, какъ извѣстно, по сию пору еще не установилось, и которое, при вѣронсповѣдномъ распадѣніи Сербовъ на два враждебные стана, чрезвычайно препятствуетъ повѣйшимъ усиліямъ благонамѣренныхъ прекратить это зло и соединить раздѣленныхъ братьевъ. Тамъ споръ о превосходствѣ Азбуки надъ Абецедой, и на оборотъ, имѣеть г.лубокое, историческое, значеніе, и по тому найти

средство, которое бы положило, наконецъ, етому спору конецъ, составляло издавна благія желанія пламенныхъ патриотовъ той и другой стороны. «Разделѣне Цркве разделе нашъ и сродну братю нашу», — говоритъ онъ, — «разделе и оцрне. Да су Славени сви заедно у единомъ Закону остави, пиовъ бы се сзыкъ измедю себе ветьма съединио и много едначиіи остао и постао, него што е овако. Римскіи с Законъ Славенскоме народу много штету чинио: ако с Славенинъ Римскога Закона какву тудинку себи узео за жену, то веть деца се ни су есашила (почитались) поколеня Славенскога; она су по матери постала Немцы, или Маджари, Талиани, или Французи. Ако ли с пакъ Славенка тудинцу жена, то веть ніе ни мислити, да деца таковога брака у Римскоме Закону Славенима постану. Гомила (множество) се Славена у многима Државама у инороднике слила и стомила. Али опетъ има Славени Срба Грчкога Закона съ Маджарима помешани, кои свой народниіи сзыкъ говорити не умеду, али се они опетъ за то држе, да су Србљи по крви и Закону. Славени пакъ Римскога Закона, ако су гди помешани са другима своезаконцима, сасвимъ су се у исте слили, нити се веть више есаце, да су рода Славенскога. У Грчкоме Закону многи су се Грци, Власи и Цинцари (смѣсь Румуновъ съ Греками) посрблили, и тиме Славенскіи народъ умложили; али у Римскоме нема тога догадья, да су какви иноезичници постали Славенима. *Грчкій е дакле* (по тому) *Законъ досада* (доселѣ) *бывао и бива една потпора и одбрана у пропаданю Славенскоме народу и езику*, а Римскіи с текъ гредежно (постепенно, безпрестанно) умалявао Славене, и мало по мало преливао у свос законне тудѣсзичнике. То су несрете, то су горки за насъ догадья (событія), кои су насъ, Славене, съ сзикомъ засдно умалили и упропастили. Да ли те кадъ (когда) дотыи време, да се опетъ баръ (по крайней мѣрѣ) умно (въ умственномъ, духовномъ отношеніи) састанемо и саединимо, да се и Славени еданъ другоме обрате и обратиме? Ово те текъ онда (только тогда) бити мотыи, кадъ западни Србљи оставе у нисмености Латинска слова, па сви скупа (всѣ вмѣстѣ) прииме и присвое тако названа Кирилова слова» (Кириллицу) (стр. 77 — 79). И ниже, приводя примѣръ изъ нашей исторіи о составленіи Петромъ Великимъ

Гражданской азбуки, замѣчаетъ: «Но нема Главѣ, нема Петра, коме да се повиную; а еданъ другоме, не гледеть, што имъ се езикъ и писменство неразборно (безразсудно) замете, ни су ради ни у чему првенство уступити. Это (вотъ) какви су люди, гди господара нема» (стр. 105). Стало, при такомъ положеніи дѣлъ, повторяю, азбучный споръ, во многомъ цѣльшой, теряетъ, по крайней мѣрѣ, половину своей смѣшной стороны, и всякое умное слово въ такихъ обстоятельствахъ не бесплодно падаетъ на умы мыслящіе и, не рѣдко, побуждаетъ призадуматься и невольно поискать причины злу; а донскиваясь того, естественно, раждается желаніе узнать поближе и самое искомое, то есть, начало или происхожденіе его; отъ того, часто приходится, въ подобныхъ случаяхъ, слышать рѣчь, какъ говорится, отъ Адама. И если Шлѣцеръ черезчуръ уже высоко оцѣнилъ крѣпость азбучныхъ основъ, говоря: «Es gibt eine Philosophie des ABC's, oder der Rechtschreibung mit allgemein weit festern Grundsätzen, als die Moral hat», все же нельзя отвергать вовсе своего рода философіи въ Филологіи, во главѣ которой, какъ извѣстно, стоитъ азбука, и по тому многіе, обходя начало слова, по сию пору никому еще не открывшаго своей тайны, довольствуются болѣе подручнымъ и осязательнымъ, началомъ азбучныхъ знаковъ, какъ видимой оболочки слова, хотя и тутъ, равнымъ образомъ, ни объ одномъ еще изъ многочисленныхъ труженниковъ разборчивое потомство не можетъ сказать: «Нашелъ, нашелъ!» Тѣмъ не менѣе, трудъ даровитаго искателя имѣетъ право на вниманіе, и его нельзя обойти, излагая исторію етѣхъ поисковъ, во первыхъ, для того, что бы знать, въ какомъ положеніи находится теперь вопросъ, т. е., что было сдѣлано доселѣ для рѣшенія его, и во вторыхъ, пользуясь опытностью своихъ предшественниковъ, не дѣлать того, что уже было сдѣлано ими, не повторять ихъ ошибокъ, но знать, откуда и какъ повести далѣе работу, въ увѣренности, что и мы, съ своей стороны, малуютолику лепту принесли для общаго дѣла, которое когда ни будь, авось, разоблачитъ, при такой общей дружной и всесторонней настойчивости. Драгосавѣвичъ полагаетъ рѣшить эту задачу, если объяснитъ намъ смыслъ названія какъ-

дой буквы, будучи увѣренъ, что имена ихъ ведутъ начало свое отъ іероглифовъ: «Да се многе стваре (вещи, предметы) не забораве (забудутся), почну люди по корнѣ и дрвету, по кожи и камену шарати (чертить), и то нѣово шаране буде првѣй почетакъ писменности людске, и назовесе іероглифомъ. Да се не би люди у погадяню (разоблаченіи) іероглифа варали (ошибались), додио на ту мисао (мысль), да речи тако малаю, као (какъ) што се говоре, те (и) тако одъ іероглифа постапу слова, коя се садъ (теперь) зову *писмена*» (§. 1, стр. 3). Далѣе: «Кадъ човекъ (когда человекъ) слово по слово азбуке наше поименце проде, и свакога (всякаго) слова име и значене редомъ размотри, появи му се таки нека у доста садъ (довольно теперь) за насъ замршеной (запутанной, темной) беседи символна тайна, кою су предяшњи (прежніе) пре (прежде, до) Христа живетьи народи Славенски исповедали, и коя се занста садъ изъ словни имена, као изъ најстаріи споменика и памтеника писменности Славенске очевидно дознае» (§. 5, стр. 6). Изобрѣтеніе ея (азбуки) приписывается Іерониму, а Кирилъ и Меводій только преобразили ее въ IX-мъ вѣкѣ, приспособивъ къ Греческой: «По приповеданю писмена су најпре произвели... Готима Улфила, а Славенима Іеронимъ, кое после у IX веку Кирилъ и Методій преобрази и са Грчкима сличн» (§. 2, стр. 3—4). Въ слѣдъ за симъ (§. 3, тамъ же) утверждаетъ, «да су гласолична Іеронимова слова *млого старія одъ Кирилова*», ссылаясь на Добнера, Альтера, Раковецкаго и Дуриха, равно какъ и на Глаголитскій псалтырь 1222 года, списанный пресвитеромъ острова Раба, Николаемъ, съ одного экземпляра, принадлежавшаго Салонскому архіепископу, Θεодору, около 640 года (?). Но въ особенности старшинство и древность ихъ—говорить онъ,—доказываются виѣшнимъ *видомъ, названіемъ, значеніемъ и изображеніемъ*, заставляющими насъ относить происхожденіе ихъ къ порѣ, далеко старшей даже поры Іеронимовой: «Узъ (возгъ, съгѣмъ) то и то ёштъ кадъ погледимо, Іеронимова слова како *изгледаю* (готово као какве іероглифе), и кадъ помислимо и расудимо, како се *именују, шта значе и представляю*, юрве (уже) онда (тогда) морамо (должны) заключити, да су не само (только) одъ Кирила

(одъ IX века) и Иеронима (одъ IV века) старія, него (но) и одъ сами Грчки и Латински много знатнїя и претежнїя (важнѣе), ербо (ибо) прво што су Латинска слова веть (уже) рафинирата и за изговаране (срицане и читане) удеснїя (легче, сручнѣе), а то е знакъ, да су младя; друго пакъ, што се ни у единомъ алфавиту не налази (находится) таковы знакова, кои би се старима іероглифама приуподобили, као што се то медю Иеронимови слови налази. Нека (пусть) човекъ и една и друга (Кирилловскїя и Глагольскїя письмена) погледи, пакъ, ако (если) е ѣле вештъ (знающъ) у такимъ стварма, одма (тотчасъ) те видити, коя ветьма (больше) на старину удараю» (стр. 5). При томъ, если бы Славяне не имѣли ни какихъ письмень у себя до Крещенїя, то Греки навязали бы имъ свои безъ всякаго исключенїя, цѣликомъ; тѣмъ менѣе вѣроятнo, чтобы Греки, помимо своихъ, стали изобрѣтати имъ еще другїя; слѣдовательно, все говоритъ о томъ, что предки наши, подобно Грекамъ и Евреямъ, уже въ колыбели своего бытїя имѣли нѣкоторыя свѣдѣнїя о Богѣ, которїя уцѣлѣли лишь отчасти въ названїи азбучныхъ знаковъ: «Славяне су занста до Кирила и Методїя у нечему били веть вешти своеме слову и писму; ербо, да ни су имали свои слова, нїма би Грци били, кадъ су љи у свой Законъ прїимали, свои слова предали. Да су дакле (и такъ) Славяне одъ Грка учили били читати и писати, то би нїюво писмо занста морало бити Грчко, нити би ту нужде било друга слова измнїяти кодъ готови Грчки. Ербо како голь што е Грцима паравно (естественно) мило било, да Славяне нїювъ Законъ прїиме, тако би имъ занста и то мило било, да Славяне нїюва присвое и науче слова, едно за то, да крозь то съ нїма буду као (какъ) у писменой сасдини, а друго да и они сами Славянске нїювимъ слови писане кнїге лакше (легче) читати могу, а трете да се тако съ нїма и у Законе тврде и постоянїе скончаю (соединятся). О томъ дакле нїе ни мислити, да би Грци кодъ (при) свои слова Славянима друга слова изнова измнїляли и правили, него су управо Славяне и пре тога свои имали слова, конма су свою тайну, «азъ воухи вьды», пре Христїанства живетьи, явно означавали, и коя насъ уверава, да су Славяне, као и други на-

роди, а именно Грци и Евреи, у колевки (колыбели) свогъ бытъ имали занста неку познаю са многима Богу приписую тымъ свойствама. Кога се после свойства одъ ревности послѣдователя Христови, као многобожна, и по нѣовомъ новомъ начину (способу) мишленя беззакона светиня са ондашнимъ (тогдашнимъ) писменствомъ засдно затре, и немилце затамани (невольню уничтожены были), нехотице заоставши ей текъ (лишь) у словинимъ именима мало трага (слѣда) одъ првобитногъ свогъ сунществованя» (§. 4, стр. 5—6). Слѣдовательно, для сочинителя «Постанакка слова» то именно въ Глаголитикѣ указывасть на большую древность передъ Кириллицей, даже своего рода іероглифическое происхождение и значеніе, что другихъ привело къ совершенно противному заключенію, т. е., етотъ видѣннїи неуклюжїи видъ Глагольскихъ буквъ, ихъ изысканность и затѣйливость, очевидно намѣренна кудреватость, съ цѣлю прикрыть тѣмъ свое происхождение отъ Кирилловскаго письма. Таково, по крайности, мнѣніе въ прошломъ вѣкѣ было, какъ мы видѣли уже, *Адвката Фойта* (выше, стр. 279), а между современными филологами, *Авг. Шлейхера*, профессора Сравнительнаго языковѣдѣнїя и Санскрита въ Пражскомъ Университетѣ, обнаружившаго въ своемъ «Die Formenlere der kirchenslawischen Sprache, erklärend und vergleichend dargestellt» (Bonn, 1852, 8°, , весьма замѣчательныя свѣдѣнїя въ разъяснительномъ языкѣ Славянскихъ нарѣчїи и самобытныя соображенїя въ области Индоевропейскаго слова. Оговорившись, что Добровскїи и его послѣдовали слишкомъ ужъ молодятъ Глаголицу, и что онъ, по недостатку данныхъ, не позволяетъ себѣ въ етомъ случаѣ даже приблизительно высказать свое мнѣніе, которая изъ спорящихъ сторонъ о старшинствѣ двухъ Славянскихъ азбукъ больше подошла къ истинѣ, замѣчаетъ, что оставивъ въ сторонѣ исторїю, «Die vergleichung beider alphabete ergibt als ganz unzweifelhaft sicheres resultat, dass das eine dieser alphabete auss dem anderen entstanden ist, eines dem andern zu grunde liegt. Die anordnung beider ist dieselbe, bis auf unbedeutendes haben beide die sprache in dieselben elemente zerlegt, d. h. sie haben fast gleich viel zeichen, was doppelt schlagend ist, da diese zerlegung durch den man-

gel des *j* eine höchst eigenthümliche ist—beide alphabete entberer auf gleiche weise eines zeichens für diesen im slawischen so wichtigen laut. Endlich zeigt die *gestalt* der buchstaben mer oder minder deutlich, oft aber augenfällig, dass des glagolitische sich durch seltsame *verzerrung* und *verschnörkelung* vom cyrillischen unterscheidet. ich weise hier nur auf die buchstaben *ѡ*, *ѣ*, *ѧ*, *Ѩ*, *ѩ*, *Ѫ* hin, die diess besonders schlagend darthun; besonders beliebt ist im glagolitischen das anbringen von vierecken oder ungenauen kreissen an den buchstaben so bei *ѡ*, *Ѩ*, *ѩ*, *Ѫ* und and., andere zeichen scheinen geradezu *auss dem cyrillischen in das glagolitische herübergenommen*, so das *ш*. Es steht mir fest, und das denke ich muss sich jedem unbefangenen betrachter beider alphabete aufdrängen, dass *das glagolitische eine absichtliche höchst geschmacklos ausgeführte veränderung des cyrillischen alphabetes ist*, eine schwerfälligere und ungefügere schrift als das ältere glagolitisch, ist mir noch nie vorgekommen. Kein unbefangener schrifterfinder fördert solche *monstra* zu tage. Mir gilt also das glagolitische alphabet für unzweifelhaft *secundär*, *im liegt das cyrillische zu grundee* und sollte es auch den tag nach vollendung des letzteren angefertigt worden sein» (Die Formelere der kirchenslawischen sprache, S. 31—32).

Тѣмъ не менѣе охотники утверждать противное, и утверждать именно на основаніи того, что другимъ внушило такой жесткій приговоръ надъ Глаголитикой, не перестаютъ появляться время отъ времени, правда, уже съ гораздо скромнѣйшими требованіями и болѣе взвѣшенными словами, но все таки не переводятся, и, судя по прошедшему и настоящему состоянію спорнаго вопроса, долго еще не переведутся. Къ самымъ повѣйшимъ защитникамъ старѣйшинства Глагольскаго письма передъ Кирилловскимъ принадлежитъ И. Паллонскій, выступившій въ июньской книжкѣ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія на 1854-й годъ съ первой статьей своего изслѣдованія: «Филологическія замѣтки о Русскомъ языкѣ въ связи съ Церковнославянскимъ и другими Славянскими нарѣчіями» (Отд. II, стр. 165 — 226). Содержаніе первой части этого изслѣдо-

ванія, по словамъ сочинителя, составляютъ: «происхожденіе и образованіе Славянской, а потомъ Русской азбуки, объясненіе древняго и новѣйшаго правописанія, изслѣдованіе грамматическихъ формъ сравнительно съ соплеменными нарѣчіями» (стр. 167). Подъ розыскомъ «происхожденія Славянской азбуки» разумѣеть онъ розыскъ о томъ, откуда взяты въ нее тѣ начертанія, которыхъ нѣтъ въ Греческой; въ этомъ всѣ замѣчанія его направлены преимущественно противъ мнѣній Павскаго, въ заслугу которому ставитъ тутъ то обстоятельство, что послѣ него «мы перестанемъ, наконецъ, приписывать нѣкоторымъ Славянскимъ буквамъ Коптское, Армянское, Грузинское происхожденіе, основываясь на мнимомъ, или хотя бы даже и дѣйствительномъ, ихъ сходствѣ между собою» (стр. 169). Чтобы исправить такой трудъ, каковъ «Филологическія наблюденія надъ составомъ Русскаго языка», надобно, разумѣется, имѣть свѣдѣнія побольше исправляемаго; даже съ равными, какъ говорится, не далеко уѣдешь. Павскій особенно силенъ въ языкахъ классическихъ, Еврейскомъ и Русскомъ письменномъ, но непосредственнаго знакомства, изъ самаго источника, съ остальными главными Индо-европейскими нарѣчіями, ему недостаетъ: сдѣсь онъ судитъ со словъ и показаній другихъ, отъ того въ немъ то лишь хорошо изъ этого, что хорошо въ самомъ подлинникѣ. Самый же важный недостатокъ нашего филолога составляетъ незнаніе Славянскихъ нарѣчій и малое знакомство съ Рускимъ языкомъ въ его историческомъ развитіи, т. е., по письменнымъ памятникамъ изъ вѣка въ вѣкъ. Стало, чтобы осилить его, нужно узнать, прежде всего, слабую сторону тѣхъ средствъ, которыми онъ располагаетъ, или точнѣе, чѣмъ онъ не располагаетъ, а долженъ бы располагать, если бы хотѣлъ имѣть вѣрный успѣхъ въ своемъ дѣлѣ. Вотъ по чему, естественно, такъ не много до сихъ поръ принесли намъ пользы всѣ оспариванія положеній, выведенныхъ Павскимъ изъ наблюденій надъ составомъ нашего языка: ни одинъ изъ преправившихся съ нимъ не выросъ, говоря словами поговорки, ни на волосъ выше оспариваемаго ни въ чемъ: одинъ сильнѣе его въ сравнительномъ языковѣдѣніи, за то въ Славянскомъ едва, едва плетется; другой въ послѣднихъ побольше нѣсколько своего предшественника, такъ горе въ

древнихъ, особливо Симитическихъ, куда какъ не гораздъ; были даже и такіе, что не знаешь (употреблю выраженіе Амартола), «чесо ради матежь много и стврстание творихоуться!» Новый противникъ, хотя и не принадлежитъ къ послѣднему разряду, и умѣлъ воспользоваться сказаннымъ до него, къ чему, по соображенію, и отъ себя коечто придалъ, но все же сочинитель «Филологическихъ наблюденій надъ Русскимъ языкомъ» ждетъ еще себѣ достойнѣйшаго соперника. Въ особенности неприятно поражаетъ читателя въ статьѣ послѣдняго, какъ говаривали въ старину Рускіе, совопросника, ето сликномъ самоувѣренный топъ тамъ, гдѣ вводятся въ дѣло Славянскія нарѣчія, противъ которыхъ онъ столько грѣшитъ, что слыша, не понимаешь, какъ можно было съ такимъ знаніемъ ихъ вступать въ бой, положимъ, хоть и съ слабѣйшимъ насъ въ оныхъ. То же самое долженъ я замѣтить и объ его «Сравнительной таблицѣ Славянскихъ алфавитовъ», приложенной тутъ и составленной вовсе не критически, а изъ того, что подвернулось подъ руки, и кое-какъ. Есть самыя странныя, по видимому, непонятныя, промахи. Не ужь-то думаютъ таблица эта можетъ служить къ сравнительному изученію Славянскихъ письменъ? Впрочемъ, было бы неумѣстно вычислять мнѣ здѣсь даже важнѣйшія ошибки его; знакомые съ дѣломъ, читая его статью, тотчасъ замѣтятъ етѣ недостатки; однако, разбирая сказанное имъ о разсматриваемомъ вопросе, укажу и на нѣкоторые изъ нихъ кстати. Опредѣливъ значеніе носовыхъ звуковъ, онъ объясняетъ начертаніе ихъ, и здѣсь-то утверждаетъ, что «ни въ а, ни въ ж не видно слѣдовъ ни е, ни о, произносимыхъ въ видѣ ринезмовъ. По виду а похоже на а, а ж — на опрокинутое з; между тѣмъ, ни въ а не заключалось звука а, ни въ ж звука оу. Должно, слѣдовательно, допустить, что эти начертанія придуманы самимъ изобрѣтателемъ произвольно. Со всѣмъ тѣмъ, разсматривалъ древнѣйшую Глагольскую азбуку, находимъ, что въ ней а изображалось знакомъ е съ приложеннымъ къ нему кружкомъ (съ лѣваго боку посередкѣ). И дѣйствительно, а есть носовое е, а Кирилловское ж не есть ли только та же Глагольская буква, но опрокинутая? Не можемъ рѣшить етого вопроса, но сильно подозрѣваемъ здѣсь заимствованіе. Не можемъ тоже допустить,

чтобы Глагольская позаимствовала этот знак у Кирилловской: потому что въ первой онъ употребленъ правильно, и именно выражаетъ тотъ звукъ, какой изобрѣтателю нужно было выразить. Далѣе, въ Глагольской азбукѣ (упомянутое) начертаніе не только отвѣчаетъ Кирилловскому *ж*, но, сверхъ того, служитъ знакомъ, что стоящая предъ нимъ гласная должна произноситься въ видѣ ринезма. Такимъ образомъ видимъ, что произношеніе носовыхъ звуковъ объясняется въ Глагольской азбукѣ, хотя отчасти, самымъ ихъ начертаніемъ, *чего вовсе не находимъ въ Кирилловской*. Не слѣдуетъ ли изъ этого, что сія послѣдняя начертанія эти заимствовала у древнѣйшей — Глагольской» (§. 11. стр. 194—195.). Никакъ не слѣдуетъ, по тому что: а) объясненіе, сдѣланное имъ, древнѣйшаго произношенія и начертанія этихъ звуковъ не выдерживаетъ повѣрки. Начертаніе *ж* указываетъ собою вовсе не на соответствующую ей Глагольскую фигуру, чего не могло не быть, если бы начертаніе ея было взято изъ послѣдней; въ этой *ж* совершенно непохоже на Кирилловское *ж*. б) Выражаетъ ли оно въ Глаголицѣ именно *ж*, произносимое въ носъ — еще вопросъ, по тому что въ такомъ случаѣ должно бы ему изображать начертаніе *ж*, употребленное въ Глаголитикѣ, съ нѣкоторымъ отбѣнкомъ для указанія новаго назначенія, т. е., носоваго произношенія; положимъ то же самое колечко, но въ томъ видѣ, въ какомъ буква эта служитъ для означенія звука *ж*, а не на оборотъ. Обратное же поставленіе ея говорить скорѣе, что такое начертаніе прямо взято изъ Кириллицы, для означенія этого звука, чтобъ не допустить тѣмъ, въ противномъ случаѣ, до большаго смѣшенія одного и того же знака, назначаемого для выраженія разныхъ звуковъ. в) Что за смягченіе и посредствомъ *ж* простаго, приставляемого къ *ж* носовому? Развѣ оно выражаетъ этотъ звукъ даже въ томъ смыслѣ, какой ему навязывается? г) Развѣ *ж* составленное изъ *ж* простаго и *ж* носоваго выразитъ хоть бы приписываемый ему звукъ? Попытайтесь его произнести въ такомъ соединеніи. д) Если же, напротивъ, это соединеніе выражаетъ точно тотъ звукъ, то смягченіе его должно бы указывать на этотъ же, только смягченный, звукъ; но и и носовое *ж* (*ж+ж*) такъ ли звучатъ? Не стану толковать сдѣсь, что *ж* и *ж*, по сличеніи ихъ

съ такими же звуками, употребляемыми въ другихъ родствен-ныхъ нарѣчійхъ, приводятъ совсѣмъ къ иному заключенію о томъ, какъ они произносились въ устахъ Славянъ Булгарскихъ; что это произношеніе подтверждается остаткомъ основной гласной каждаго изъ сихъ звуковъ, даже нынѣшнимъ выговоромъ Булгаръ, отбросившихъ только риземъ, но все же не въ такой степени, какъ прочіе Славяне, не терпящіе болѣе гугнѣнія и гусенія; напротивъ, нынѣшніе Булгаре, произнося свои старинныя носовыя, все еще указываютъ голосомъ своимъ, что тутъ что-то да не такъ было когда-то, точь въ точь какъ и Чехи, доселѣ отличающіе нѣкоторые случаи носовъ своимъ произношеніемъ, напоминающимъ отчасти присутствіе тѣхъ въ старинномъ ихъ говорѣ.

е) При томъ, не нынѣшнимъ книжнымъ произношеніемъ Польскаго языка звуки етѣ объясняются: было время, когда самыя Польскія грамматики учили нѣсколько иначе произносить ихъ; слѣдовательно, теперешній выговоръ ихъ измѣненъ, а по тому не можетъ быть мѣриломъ для такой глубокой старины, будучи само дѣтя новизны. Ученіе же старыхъ Польскихъ грамматиковъ находятъ себѣ оправданіе и въ нынѣшнемъ говорѣ Польскаго народа во многихъ мѣстахъ его жительства и, что замѣчательно, на огромномъ разстояніи одно отъ другаго; то же самое показываетъ и рѣчь простолюдина нѣкоторыхъ ближайшихъ по родству Полякамъ Славянъ. И всѣ етѣ остатки родной старины совершенно оправдываютъ показанія сравнительнаго языковѣднія о настоящей природѣ и выраженіи нашихъ носившихъ звуковъ съ одной стороны, а съ другой и соотвѣтствіе самыхъ начертаній ихъ въ Кирилловскомъ письмѣ, въ основѣ своей, какъ выражающія оныя, первоначально одно и то же, и только въ послѣдствіи, въ слѣдствіе дальнѣйшаго движенія самыхъ гласныхъ, естественно отчасти измѣнившихся, и сами за ними измѣнились, но не на столько, чтобы нельзя было замѣтить опытному глазу ихъ общей колыбели. Для означенія этого-то, по природѣ своей, одного и того же звука, но въ послѣдствіи нѣсколько оразнообразившагося, употребленъ былъ составителемъ Кириллицы такой знакъ, который прекрасно выражаетъ и коренное свойство послѣд-

няго, и, помощію небольшихъ измѣненій, вовсе не сглаживающихъ до основанія первичности, самое раздвоеніе, происшедшее въ немъ со временемъ и существовавшее уже въ ту пору въ рѣчи Славянъ, для коихъ строились Кирилловскія начертанія, какъ нельзя лучше отбѣняемое еѣми измѣненіями. Не будь въ то время такой двойственности въ етомъ звукѣ, можно было бы удовольствоваться однимъ знакомъ; а какъ этого не сдѣлано, и какъ оба знака напоминаютъ себя и свой родъ, стало, въ эпоху составленія Кириллицы находилось уже въ рѣчи Славянъ, для коихъ она изготовлялась, два носовыхъ звука, но напоминавшихъ еще свое общее происхожденіе, и, слѣдовательно, вовсе не требовавшихъ совершенно различныхъ начертаній, наоборотъ, такихъ, которыя бы, при различіи, указывали и на сходство, одинаковость рода. Такъ какъ смягченіе обонхъ совершается равнымъ образомъ, то и знакъ, выражающій етотъ новый отбѣнокъ ихъ, общій въ одинаковой мѣрѣ тому и другому, былъ употребленъ одинъ и тотъ же, а не какъ въ Глаголицѣ, при одномъ такой, а при другомъ совсѣмъ иной. Уже эта искусственность и непоследовательность не могутъ говорить въ пользу большей древности ея передъ Кириллицей, но крайности, на столько, на сколько изысканное и беспорядочное ниже естественнаго и последовательнаго. Наконецъ, не слѣдуетъ опускать изъ виду и того обстоятельства, что изъ всѣхъ, доселѣ намъ извѣстныхъ, древнѣйшихъ Глагольскихъ памятниковъ, знаки для носовыхъ звуковъ встрѣчаются лишь въ Клоцовомъ Глаголитѣ, между тѣмъ какъ въ одновременныхъ съ нимъ, Ассеманіевомъ — совсѣмъ нѣтъ, а въ Парижской, такъ названшій, Булгарской Глагольскій азбукѣ (Abecedarium Bulgaricum), только для одного ѡ. Выводы отсюда и изъ всего разсмотрѣннаго доселѣ, можно сдѣлать довольно важные, но, увѣрять, вовсе не въ пользу «ни большей древности Глаголиты», ни того, будто бы «Кириллъ только по необходимости оставилъ въ своей новозобрѣтенной азбукѣ тѣ письма изъ Глаголиты, которыхъ не доставало въ Греческой. Откуда мы знаемъ, что Глаголиту въ Кириллово время называли варварской, или на нее было гоненіе, и что, по тому именно, что Глаголита была варварская, Св. Кириллъ ввелъ Греческія буквы?» (стр. 196).

Изъ того, что такъ честилаъ Занадъ тогда и въ послѣдствіи Кириллицу, не слѣдуетъ еще такое же заключеніе и о Глаголицѣ, тѣмъ менѣе во время Кириллово. Не все, что слается, удается.

Но стѣмъ не конецъ еще толкамъ о старшинствѣ Глаголицы передъ Кириллицей. Надоумленный графомъ К. О. Кастильони о томъ, что Майнцкій архіепископъ, *Hrabanus Maurus* (ум. 847 г.), въ «*Liber de inventione linguarum*» etc., издан. Гольдастомъ въ «*Regum Alamannicarum scriptores*» (II, p. 66 sq.), списалъ буквы какого-то Истрийскаго философа (ученаго, грамматика и т. п.), *Етика*, и приводитъ мѣсто изъ затеряннаго теперь уже сочиненія блаженнаго Іеронима о принадлежности ихъ етому послѣднему, Копитаръ чрезвычайно обрадовался случаю, и, не смотря на то, что не видалъ не только *Етикова*, но даже и *Грабанова*, творенія, тотчасъ построилъ, на донесенія графа, систему, говоря: «*Quid si Ethicus . . . et Slavicarum litterarum ante Cyrillum auctor extiterit: cum illoque memoratus ab Hrabano presbyter Hieronymus ansam dederit alphabeti S. Hieronymo tribuendi?*» Напрасно противъ того возражалъ Мавр. *Гюуптъ* въ разборѣ своемъ «*Glagolita Clozianus*», помѣщенномъ въ LXXVI Bd. der «*Jahrbücher der Literatur*» (Wien, 8°) 1836 года (220), замѣчая: «*Die Buchstaben freilich und ihre Namen, wie sie Hrabanus giebt, haben mit den slavischen keine Aehnlichkeit, folgen, wenn wir den beigesetzten lateinischen Buchstaben trauen dürfen, der Ordnung des lateinischen Alphabets, und ermangeln der Zeichen für eigenthümlich slavische Laute; aber wir dürfen nicht vergessen, dass Hrabanus dieses Alphabet selbst nicht für richtig ausgiebt, so dass wir mehr auf seine Notiz als auf sein Alphabet Rücksicht nehmen müssen. Oder hat Aethicus ein von Hrabanus nicht ohne Entstellung überliefertes, von der Glagoliza grundverschiedenes, älteres slavische Alphabet erfunden, das sich nicht im Gebrauch erhielt? Ich gebe dies Alles nur als ganz unsichere und vielleicht ganz leere Vermuthung* (221); aber im schlimmsten Falle ist des Herausgebers (Kopitar's) Ansicht nicht ohne Wahrscheinlichkeit, dass die von Hrabanus aufbewahrte Notiz den

traditionellen Glauben, welcher die Erfindung der Glagoliza dem heiligen Hieronymus zuschreibt, veranlasst habe» (S. 10). Слѣдовательно, только послѣднее обстоятельство въ мнѣніи Копитара, относящееся не къ древности происхожденія Глаголицы, но къ причинѣ приписанія ея Иерониму, Гауптъ считалъ заслуживающимъ вниманія. И, однако же, лѣтомъ 1853 года, явилось въ Берлинѣ сочиненіе: «De cosmographia Ethici libri tres» (8°, pag. 197), писанное докторомъ (или на доктора?) философіи, Кар. Авг. Фрид. Перцолемъ, сыномъ извѣстнаго издателя «Monumenta Germaniae historica», въ которомъ доказывается, во 2-й главѣ 3-й книги (р. 151—156), что Етикъ былъ Славянинъ: «Ethicum natione Sclavum fuisse», по тому что Истрия, въ которой онъ родился, по собственнымъ его словамъ и увѣренію Иеронима (что, какъ увѣряетъ сочинитель, случилось около половины IV-го вѣка (222), была, начиная съ конца II-го столѣтія, вмѣстѣ съ Панноніей и Италіей, не разъ опустошаема и заселяема Сарматами (223), а Сарматы, по Нибуру (Kleine Schriften, I, S. 394 fg.) и Я. Гримму (Geschichte der deutschen Sprache, I, S. 228), молъ, Славяне (224), кои съ V-го вѣка не только Иллирикъ, но также Далмацію, Паннонію и Истрию занимали (225): «Quae quum ita se habeant, sequitur, ut Ethicum natione Sarmatam fuisse concedamus: Sarmatas autem Sclavis adnumerandos esse certum est» (pag. 156). Бывши Истрийскимъ Славяниномъ, Етикъ, стало, былъ и составителемъ писемъ, неправильно приписывавшихся Иерониму, вѣрнѣе, Глаголическихъ: «His igitur causis inducimur, ut litteras ab Ethico inventas a Glagoliticis apicibus haud multum abhorrere suspicemur» (Ib.). По тому что Иеронимъ самъ, въ своемъ переводѣ Етиковой Космографіи, составленной во второй половинѣ IV-го столѣтія, а въ исходѣ, или началѣ, V-го переведенной (226), ему, Етику, а не другому кому либо, приписываетъ ихъ, говоря, что они совершенно отличны отъ Латинскихъ, какаѣ-то смѣсь Еврейскихъ, Греческихъ, Латинскихъ, Халдейскихъ, Сирійскихъ и Египетскихъ: «Sua sibi idem philosophus (Ethicus) auctoritate praelata quasi omnes assertiones eius in cunctis codicibus quis audeat aut retinere aut credere; istaque a nobis in momento vel passim eius litteris in breviarium divulgavimus. Ille ex parte gentilium litteras ex-

planare nimio enigmate contentus, ex parte graecas syllabas elicit, magis imo ac magis latina prosodia posuit» (pag. 500). Иже (pag. 502): «Ejus abecedarii in sequenti characteres notavimus», — говорить Иеронимъ, — «quod nostris characteribus nullatenus convenit, sed hebraicis, graecis et latinis, chaldaicis, syriis atque aegyptiis, quae nobis ex parte vicina sunt; hic vero suam litterationem et interpretationem inter reliquos philosophos per semet ipsum nisus est, quae aliqui et quam plures gentilium scriptores in usus varios scribunt, lineam in diversa ponentes». Есть еще мѣсто, сюда относящееся, но, по связи его съ другимъ предметомъ, приведу его въ связи съ егѣмъ послѣднимъ. Доказательства же въ пользу тождества Етиковыхъ письменъ съ Глагольскими, Церцъ собралъ во 2-мъ параграфѣ своего изслѣдованія (стр. 156—169): всѣ они до одного ничего не доказываютъ, или же доказываютъ совершенно противное, т. е., что тѣ и другія не то, чтобы были тождественны, но, по сличеніи ихъ другъ съ другомъ, оказываются совершенно различными, а сходными лишь въ томъ, что сохранилось въ нихъ отъ общаго ихъ источника. Такое сужденіе свое, совершенно противоположное сужденію Церца, основываю на тѣхъ самыхъ данныхъ, на какихъ и онъ, т. е., изображеніяхъ, находящихся при всѣхъ, дошедшихъ до насъ, спискахъ перевода Етикова сочиненія Иеронимомъ; и по тому утверждать, что несхожее въ нихъ могло быть совершенно похоже въ подлинникѣ, очевидно, опирается на чистомъ предположеніи и, какъ такое, не идетъ въ дѣлю: чего нѣтъ, о томъ и рѣчи нѣтъ, или же, на «могло быть» отвѣчу: «могло и не быть». Дѣйствительно: 1) *начертанія* (*litterarum formae*) Етиковыхъ письменъ, при переводѣ его Космографіи, по собственному признанію сочинителя, «minus conformes», и оправдывать это несходство «*corrupto omnium manuscriptorum statu*» нельзя: «*Etiam si Ethici characteres litteris Glagoliticis minus conformes essent, hoc in tam corrupto omnium manuscriptorum statu nullo modo admirandum foret*» (р. 158), по тому уже, что съ лучшими достоинствами рукописей его творенія нѣтъ; слѣдовательно, лучшее намъ не извѣстно, а не извѣстное не можетъ быть мѣриломъ для извѣстнаго. При томъ, развѣ «*ab non esse ad posse valet*

consequentia»? Также невозможно выводить доказательство о существовании большого сходства обѣихъ азбукъ изъ того, что Глагольская со временемъ очень измѣнилась; стало, отъ этого такое несходство между ними; но а) измѣненіе вовсе не таково, чтобы нельзя было съ перваго же взгляда узнать въ самыхъ даже новѣйшихъ начертаніяхъ Глаголицы самыхъ древнѣйшихъ, и б) не по позднѣйшимъ судимъ о сходствѣ, но по самымъ старѣйшимъ той и другой, оказывающимся несходными; слѣдственно, выводъ: «Si alphabetum Ethici Glagolicae, sicut vocitant, exemplar antiquissimum fuisse dicimus, scilicet cuius formae rudes et inconditae decursu temporum in ductus eos transformatae sint, quos hodie Glagolitae usurparunt: si hoc statuimus, utriusque alphabeti formas ex omni parte consentire non posse facili negotio intelligitur» (р. 159), совершенно неумѣстенъ. II) Точно также несходство *названій* (*litterarum nomina*) Етиковыхъ буквъ съ названіемъ Глаголитскихъ мало извинительно, и говоритъ, какъ и начертаніе, противъ, а не за тождество ихъ: «Sed magis fortasse haerebis in *litterarum nominibus*, quae apud Ethicum inveniuntur, quum toto coelo a Glagoliticorum apicum nominibus abhorreant. Neque tamen hisce ullo modo insistendum esse crediderim, quippe quae ab indocto quodam librario aut inventa, aut certe deformata et corrupta sint» (pag. 160). Но то, и другое, и третье — одна лишь догадка, и ею доказывать «Ethici litteras a Glagoliticis diversas nullo modo esse», никто не допуститъ (227). III) «Elementa Ethici numero a Glagoliticis apicibus summopere discedunt» (р. 161). Въ списки насчитываютъ ихъ отъ 22 до 32, а было, вѣроятно, гораздо больше. Положимъ, но чтобы подъ отсутствующими заключались именно тѣ, которыя Етикъ изобрѣлъ, и чтобъ они-то изображали именно звуки, свойственные языку Славянскому: «sed etiam plures apices excidisse certum est, eos scilicet, quos Ethicus ipse invenit, et quibus proprii Selavonicae linguae soni exprimebantur» (р. 161—162), кто же этому повѣритъ, кромѣ самаго сочинителя? IV) *Порядокъ* буквъ во всемъ Латинскіи: «Litterarum Ethici ordinem a serie latinorum apicum discedere perspicuum est» (р. 162), и это обстоятельство заставило Грабана приписать подъ каждой соответствующія Латинскія; но сочи-

нитель, по обыкновенію, въ такомъ сходствѣ обвиняетъ переписчика: «Hoc tamen adiciendum erit, alphabeti ordinem funditus eversum esse a librario eo, qui primus litterarum nomina aut excogitavit, aut saltem plane deformavit; quod eam ob causam indoctum hominem fecisse credimus, quia praeter latinum alphabetum fortasse aliud nunquam viderat» (р. 163), забывая, что, въ такомъ случаѣ, предполагается какое ни есть знаніе измѣняемыхъ или поддѣльваемыхъ письменъ, и, стало, нѣкоторое сходство въ обонхъ, которое, по тому, будетъ говорить не въ пользу сходства Етиковыхъ письменъ съ Глагольскими, но съ Латинскими. Впрочемъ, въра въ Славянское происхождение Етика побуждаетъ сочинителя утверждать: «scribam illum eos potissimum apices eiecisse, qui *sonos linguae proprios Sclavonicae reddentes, in seriem latinorum non quadrabant*» (р. 163), и въ этомъ видѣтъ себѣ опору въ слѣдующихъ словахъ Иеронима: «ipsum quoque carmen talibus characteribus distinxit (Ethicus), ut nullus hominum legere vel deserere nodos posset; hebraeos characteres resupinatos, graecos incurvatos, latinos duplicatos in similitudinem circi, *suosque apices in medium positos, metrico more compositos, sua laude sibimet solus sciebat*» (р. 511, v. 5 sqq.). Вотъ, говоритъ Перцъ, — «quum philosophum nostrum Sarmatis sive Selavis adnumerandum esse pateat: sequitur *litteras eas, quas latinis atque graecis ipse addidit, ut omnes soni linguae suae scribendo exprimi possent, Sclavonicas seu Glagoliticas fuisse*» (р. 163—164). Нужды нѣтъ, что изъ такого Иеронимова показанія много выводили, но словамъ самаго сочинителя, что етѣ «apices, reliquorum ordini inserti et in medium positi», были, вѣроятно всего, какіе ни будь неизвѣстные и таинственные знаки: «Litteras Ethici nihil fuisse multi persuadentur, nisi obscuras tantum et secretas notas» (р. 151), опъ, въ «hebraeorum characterum resupinatione, graecorum incurvatione, latinorum duplicatione in similitudinem circi» видитъ, что и обѣ Славянскія азбуки не иначе были составлены: «Ethicus igitur tali ratione litteras composuit: quare, ut iam omnibus comprobemus, quae de harum litterarum cum alphabetis Sclavonicis affinitate diximus, hoc loco nobis ostendum erit, *Cyrillizant quoque et Bukwizam haud aliter fuisse constitutas*» (р. 165),

и принимается (со словъ чужихъ) вычлѣнять сходныя письма на наши съ Еврейскими, Греческими, Латинскими, Армянскими и Контекскими (pag. 165—168), а въ итогѣ всего еще разъ настаиваетъ на свое мнѣніе: «*alphabetum Ethici philosophi pro natura eius atque indole a litteris Glagoliticis, quas vocant, non diversum esse; quae res magis etiam omnibus adri-deret, ni incredibili incuria librariorum et ordo apicum et formae ipsae depravati essent*» (p. 168). Это послѣднее обстоятельство, «*incredibilis incuria librariorum*», заставляетъ сочинителя нѣсколько измѣнить, подъ конецъ, свое мнѣніе, и удовольствоваться уже однимъ только первообразомъ Этиковыхъ писемъ для Славянскихъ: «*Alphabetum Ethici litterarum Sclavonicarum exemplar et archetypum fuisse, ita ut decursu saeculorum ex antiquissima illa et incondita imagine recentiores Glagolitarum ductus, emendatos simul atque auctos, ortos esse confitendum sit*» (p. 169). Подлинникъ Этиковъ, какъ сказать я, не дошелъ къ потомству, но лишь одинъ переводъ Іеронима, которому, какъ виновнику распространенія его, большинство читающихъ приписало самое изобрѣтеніе писемъ, о которыхъ онъ упоминаетъ въ своемъ переводѣ, смѣшавъ слова переводчика съ словами сочинителя. А какъ Іеронимъ былъ тоже родомъ изъ Адриатическаго моря, и по тому считался между Славянскими писателями, не различавшими строго времени и народности, а обращающими вниманіе на одно лишь мѣсто; землякомъ (каковымъ онъ точно былъ по землѣ, въ которой родился), а тамъ и соплеменникомъ (каковымъ отнюдь не могъ быть, какъ доказано уже другими), то понятно, что переходъ отъ всего этого былъ не только не далекъ, но и естественъ къ понятію объ Іеронимѣ, какъ изобрѣтателѣ стѣхъ писемъ; тѣмъ болѣе, что онъ былъ еще переводчикомъ Св. Писанія и выразился о томъ не довольно опредѣленно, говоря: «*translationem hanc meae linguae hominibus dederim*»; стало, говорили, переводъ послѣдовалъ на языкъ Славянскій, такъ какъ Славяне, а не другой какой народъ, испоконъ обитали въ Далмаціи, и даже, по мнѣнію противниковъ, являются въ ней уже не позже V-го столѣтія; это же не могло быть безъ писемъ, слѣдовательно, на Славянскій Глагольскими

буквами, какъ по самому виду своему древнѣйшими Карпатско-славянскими, явившимися, какъ известно, только во второй половинѣ IX-го вѣка. Но все это основано было на невольномъ, можно сказать, недоразумѣнн: «quoniam memoratus ab Prabanō presbyter Hieronymus litteras ex Cosmographia Ethici desumpserit», — рассуждаетъ сочинитель, — «nonne idem est, ac si ex manibus ipsis Hieronymi Glagolitae elementa accepissent?» (р. 171); впрочемъ, «etiamsi concedendum esset, famam illam de S. Hieronymo Slavonicarum litterarum inventore ex laudato loco Prabanī Mauri ortam videri, tamen, nunquam Prabanus «ansam dedisset alphabeti S. Hieronymo tribuendi», si litterae, quas Aethici sub nomine profert natura atque indole a Glagoliticis diversae fuissent» (Ib.). По тому «dicendum potius, fabulam de S. Hieronymo litterarum inventore ex ipsa veritate quasi matre atque fonte procreatam, optimo iure apud Slavos per tot saeculorum vices conservatam esse» (Ib.); и, «eas (missas, codicem horarium, ceterasque divinas preces) autem a Sancto Hieronymo accepisse illius regionis incolas persuasos ita esse (замѣчаетъ словами Fr. Ageli Rocca, Ord. S. Augustini, Opera omnia II, Romae 1719), — ut potius armis omnes desperire malint, quam eas relinquere» (р. 170). Отсюда понятно, какую важность приписываетъ сочинитель такому мнѣнню объ Иеронимѣ: «si certis argumentis comprobari poterit, elementa Glagolitica rumore vetustissimo per Slavonicas nationes longe lateque diffuso ad auctorem S. Hieronymum reduci: alphabetum Ethici cum Glagolitico ex omni parte consentire certo certius est» (р. 169), и, въ слѣдъ за тѣмъ, пускается приводить, кто только когда либо и что либо говорилъ о томъ, даже безъ всякаго разбора, противникъ ли, или же защитникъ такого мнѣнн (228), лишь бы говорилъ о Глаголицѣ; но, при всѣхъ усилнхъ, не отыскалось ни одного показанн раньше XIII-го стол.; (229); тѣмъ не менѣе, въ заключенн, сдѣланъ выводъ: «Quae res omnes quas hucusque animo consideravimus, quum Ethici philosophi repertis nuper confirmentur elementis, de S. Hieronymo quum translatore Cosmographiae, tum litterarum Glagoliticarum si non inventore, at saltem propagatore diutius dubitare nullo modo possumus» (р. 179). Отдавъ, такимъ образомъ, первенство

Глаголитикѣ, ничего уже не стоило назвать ее и матерью Кириллицы, появление которой относить онъ, словами Кошутара, къ 870-му году: «Certo certius est, alphabetum Cyrillicum anno 870, indictione III, a Constantino Philosopho, qui deinde Cyrillus appellatur, inventum esse, sed nihil contra videbatur de Glagoliticis apicibus constare» (p. 180). Но, въѣсто всякихъ доказательствъ, читаемъ только голое утверженіе объ образованіи Кирилловскихъ знаковъ изъ Глагольскихъ: «Nos vero de hac re nihil dubitabimus. Quum enim alphabeta illa tanta necessitudine coniuncta sint, ut alterum nonnisi ortum esse possit ex altero — constat autem *Glagolizam* 520 fere annos ante *Cyrellizam* esse conditam — Sanctum Cyrillum ex *Glagoliza* litteris desumpsisse concedendum erit» (p. 182). «Но, вѣдь, къ Етиковыхъ буквѣхъ нѣтъ буквъ для звуковъ, собственно Славянскихъ?» Нужды нѣтъ: «Ceterum probabile est, immo potius verisimile, Ethicum ubi populares suos primis condouaret litteris, quod solet fere in humanis rebus fieri, non ita alphabetum absolvisse, ut in eo nihil emendari posse crederet a posteris. Quare si in alphabeto Ethici nonnullos sonos linguae proprios Slavonicae desideramus, non inde sequitur a Glagolítico diversum esse: illud potius concludendum erit, eo factum esse, ut Selavi novis litteris excogitatis alphabetum Ethici explerent atque emendarent» (Ib.). Егѣмъ-го, говоритъ онъ, объясняется разное число и разныя начертанія Глагольскихъ буквъ: «Sic denum explicandum erit, si tam varium Glagoliticarum litterarum numerum, tam varias formas extitisse percipimus» (p. 183). Все это показываетъ, что попытка осуществить одно изъ гаданій Кошутара, выраженное въ Клоцовомъ Глаголитѣ, о большей древности Глагольскихъ буквъ передъ Кирилловскими, гаданіе, приходившее, правда, и другимъ, но имъ первымъ прикованное къ лицу историческому, до сихъ поръ никѣмъ еще не тронутому, что попытка, говорю, эта, взятая на себя Перцовъ (по тому что безъ Кошутаровой догадки едва ли она когда могла быть предпринята), рѣшена, какъ видите, чрезвычайно неудачно: предположенія на предположенія, ни на что въ дѣйствительности не опирающіяся, и, не смотря на то, сочинитель честно и твердо вѣрить въ ихъ правду и несокрушимость. Отъ чего же

это, въ высшей степени странное, явленіе? Отъ того самаго, отъ чего и, первообразъ его, Копитаръ, такъ непоколебимо вѣрилъ въ основу этого мнѣнія, безъ коей оно никогда не могло даже зародиться, т. е., въ Славянство Иллировъ, уже Нибуромъ выставленное съ его темной стороны: «Ег (Kopitar)»,— говорилъ онъ въ одномъ изъ своихъ «Vorträge über alte Länder- und Völkerkunde» (Berlin 1851, 8°, S. 306), lässt sich gar nicht ausreden, dass nicht die alten Illyrier schon Slaven gewesen seyen. Es ist dies gleichsam ein Glaubensartikel bei den Slaven (книжниковъ югозапада), eben wie die Neugriechen glauben, ihre Sprache sey die uralte griechische. Wo diese wunderliche Meinung sich festgesetzt hat, könnte auch kein Engel von Himmel sie ausrotten, es ist diess ein Eigensinn bei gelehrten Männern, der psychologisch merkwürdig ist. Diese Meinung geht so weit, dass sie den h. Hieronymus, der ein Illyrier war, durchaus als einen Slaven betrachten und die slavische Bibelübersetzung ihm zuschreiben, darum nennen sie *das glagolitische künstliche Alphabet, das von dem cyrillischen, im 9 Jahrhundert erfundenen, abgeleitet ist, ebenfalls slavisch*. Да, съ подобными людьми нечего дѣлать: лучше всего предоставить ихъ самимъ себѣ. Когда я прочелъ молодого Перца изслѣдованіе объ Этиковой Космографіи, годъ тому назадъ, то вспомнилъ, какъ справедливо отозвался о немъ Шафарикъ въ одномъ изъ своихъ ко мнѣ писемъ, полученномъ еще до прихода этого сочиненія къ намъ: «Mladý Pertz v Berlíně, syn starého historika, vydal: «De cosmographia Ethici libri III» (Berol. 1853. 8°). Tam dokazuje, že hlalolici složil Ethikus v Istrii, rodilý prý Sarmata (u něho = Slovan), около 350, obnovil Sv. Jeronym ok. 400. *Důvody slabé slabounké, ale spis jinač dosti zajímavý*» (230). Чтеніе самаго сочиненія вполнѣ оправдало сужденіе Главы Славянскихъ историковъ - филологовъ. Оно все, скажу еще разъ въ заключеніе, основано на добровольномъ недоразумѣніи и доводахъ, взятыхъ отъ противнаго тому, что было въ самомъ дѣлѣ. Вѣчно слышите: «если бы не то, не другое»; или: и «той несообразности виной такой-то и такой невѣжда писецъ, порча рукописей, потеря того и другаго»; словомъ, отрицаніе на отрицаніе безъ конца. Никогда еще

не случалось мнѣ читать опроверженія бывшаго дотоѣ мнѣнія доказательствами, взятыми все до послѣдняго отъ чистаго предположенія, отъ того, чего никогда не было, а, между тѣмъ сто не бывающее допускается, какъ дѣйствительно существовавшее. Черезъ годъ вышло самое твореніе Етика, обѣщанное Перцомъ въ концѣ своего сочиненія (231), но отложенное имъ до разсмотрѣнія и сличенія лучшихъ списковъ его. Г. Вуттке, профессоръ Лейпцигскаго Университета, переведенный недавно въ Берлинскій, издалъ его по рукописи своего города (Лейпцига), принадлежащей VIII-му или первой половинѣ IX-го вѣка и считающейя старѣйшею изъ извѣстныхъ (232). Этотъ поступилъ гораздо короче и совѣтливѣе. Дойдя до своего разборѣ Етикова сочиненія, до нихъ (буквъ), и привелъ догадку, что онѣ, вѣроятно, зашли на Западъ съ Востока, гдѣ, статья можетъ, были, въ какомъ либо краѣ, въ употребленіи, тѣмъ болѣе, что ихъ встрѣчаемъ уже въ «Itineraarium» Ю. Мандевиля, называющаго ихъ (въ рукописномъ спискѣ своего путешествія) Сарацинскими знаками, Вуттке, въ примѣчаніи (1) замѣчаетъ: «Ein Kenner der alten slawischen Alfabete wies die Aehnlichkeit mit diesen (Runen) zurück. Dem Hieronymus schreibt man nämlich die Glogolica zu, und Aithikos war vielleicht ein Slave» (S. LXXVI).

Вотъ все, что только извѣстно мнѣ изъ сказаннаго, прямо, или косвенно, о времени Кириллицы, людьми, говорившими о соперницѣ ея, Глаголицѣ. Повторяю: я не имѣю теперь ни намѣренія, ни необходимости, пускаться самъ въ какія либо разслѣдованія о взаимномъ отношеніи етѣхъ азбукъ, разсмотрѣніе правъ ихъ на первородство, происхожденіе и дальнѣйшее образование; мнѣ нужно единственно опредѣлить вполне, или, по крайности, приблизительно, время появленія первой, т. е., Кириллицы, и, занимаясь тѣмъ, я касаюсь и послѣдней по стольку лишь, по скольку то входитъ въ мою задачу. Не знаю еще, къ какимъ бы выводамъ пришелъ я, сдѣлавши предметомъ особеннаго изслѣдованія такой же вопросъ и о Глаголицѣ; но изъ замѣчнаго доселѣ о ней стороной, не могу согласиться на старшинство ея передъ Кириллицей, хотя, какъ сказалъ уже разъ, опирался на повѣршія данныя,

охотно отношу появленіе ея къ одному и тому же вѣку съ Кириллицей, или слѣдующему за тѣмъ. Недовольныхъ такимъ временемъ спрошу: Если Глаголица старше Кириллицы, то по чему же Храбрѣ ни слова не говоритъ о ней, между тѣмъ какъ о другихъ способахъ, даже самыхъ несовершенныхъ, употребившихся нашими предками еще въ язычествѣ, для выраженія мыслей, каковы урты и рзы, именно повѣствуетъ намъ, а когда крестились, то и о Греческихъ и Латинскихъ буквахъ, правда безъ всякаго строя, но все же «пождадхся и ими писати»? А поставленіе извѣстія объ этомъ прежде извѣстія о Константиновомъ изобрѣтеніи, показываетъ, первое, что онъ въ разсказѣ своемъ держался лѣточислительной послѣдовательности, и второе: тѣ предшествовали ей. Если же о неполномъ и несовершенномъ родѣ писанія упомянуть этотъ любезнательный черпорицецъ, то могъ ли не слѣдовать того же о Глаголицѣ, представляющей собой такое стройное цѣлое? Съ другой стороны, будь урты и рзы въ собственномъ смыслѣ письмена, а не зародыши только ихъ, или, точнѣе, первая попытка въ нихъ, будь также, сколько ни есть, Греческія и Латинскія буквы приспособлены къ Славянскимъ звукамъ; напослѣдокъ, имѣіи у Славянъ уже своя особенная грамота, тогда зачѣмъ было бы изобрѣтать другую, новую? «Прежде оубо Словяне не имѣхъ книгъ, ни уртыни и рзыни уртыхъ и рзыхъ, но гани сажите: врьстивше же са, Римскыи и Грьуьскыи писмены иждадхъ са писати Словяньскы рзы безъ оустроеныхъ», т. е., безъ всякаго приспособленія къ природѣ Славянскаго языка. Что это было такъ, что разсказъ Храбровъ совершенно справедливъ, доказательствомъ тому служить показаніе самой противной стороны, Запада, который, устами сочинителя исторіи обращенія въ Христіанство Баваровъ и Хорутанъ, говоритъ о томъ, что до появленія Меодія среди послѣднихъ, «lingua latina doctrinaeque romana atque literae latinae erant auctorales», стояли въ уваженіи, господствовали, слѣдовательно, послѣдними, какъ ни писали, все же писали, такъ какъ онѣ опирались на вѣроисповѣданіе Римское, объяснявшееся только на Латинскомъ языкѣ, равномѣрно на немъ лишь (latine) дозволявшее «missas et evangelia, ecclesiasticumque officium illorum celebrare». А чтобы уронить все это въ глазахъ народа, и доставить

ходъ Славянскому богослуженію по чину Восточнаго Православія, онъ (Методій) вымыслилъ, да, новыя буквы; стало, новыя предполагають старыя, а етъ послѣднія не могли бытъ иныя, какъ только Латинскія по тому что, по его словамъ, имъ, а не другимъ, новозобрѣтенныя противопологаются, и отъ того называются *Славянскими*: «*noviter inventis Sclavinis litteris*»; въ противномъ случаѣ, если бы существовали не Латинскія у Славянъ Латинской Церкви, и Греческія у послѣдователей Греческой, по Храброву извѣстно, и при томъ «сътворенныя въ святѣйштемъ рѣчи» (принаровленныя къ ней), по Глагольскія, т. е., свои, Славянскія, то построеніе новыхъ, съ принаровленіемъ ихъ къ свойствамъ языка, для коего составлялись, къ чему жъ бы было? А что это не было вохоже ни на одно изъ тѣхъ письменныхъ средствъ, которыми праотцы наши до того пробивались по нуждѣ, наилучшее свидѣтельство въ томъ самое названіе етъхъ новоустроенныхъ буквъ, «Словѣнская писмеса» «*Sclaviniae litterae*», даваемое въ равной степени двумя, совершенно независимыми, разноплеменными и разноземельными, писателями, Храбромъ и Неизвѣстнымъ Зальцбургцемъ, изъ коихъ одинъ современникъ самому событію, а другой если не современникъ ему, то современникъ ученикамъ составителя и распространителя ихъ, брата его. Кто же повѣритъ, чтобы и тотъ, и другой не имѣли никакого свидѣнія о Глагольскихъ знакахъ, особливо первый, написавшій особое сочиненіе «Ф писмесахъ» у Славянъ, и не забывшій въ немъ даже такихъ, каковы урѣты и рѣзи? Кто же повѣритъ, чтобы Глагольскіе знаки существовали уже до Кирилловскихъ? Можно ли было ихъ не замѣтить, а, стало, и не упомянуть въ сочиненіи именно о происхожденіи азбуки. если они, бывши до того, играли ту роль, какую заславляютъ ихъ играть? Тѣмъ болѣе, сбыточное ли дѣло пропускъ ихъ, если, будучи старше, прислужились даже составителю новыхъ письменъ, отчасти даже матеріаломъ? Еще невѣроятнѣе звучитъ мнѣніе, когда называютъ Кириллицу Глаголицей, только въ Греческо-Славянскомъ плащѣ. Ими-то. етъми «новоустроенными Словѣнскими писмесахъ по Словѣнстемъ рѣчи», «*Methodius litteras auctoriales latinas vilescere fecit cuncto populo*». Чрезвычайно любопытенъ вопросъ: въ силу какихъ же обстоятельствъ появилась Глаголица почти въ одно время съ

Кириллицей? Но, сознаюсь, при тѣхъ данныхъ, какими въ эту пору мы располагаемъ, рѣшеніе его — несбыточное дѣло. Пускаться же въ гаданія, послѣ столькихъ крушеній, исторію коихъ мы принуждены были, по долгу докладчика о прошломъ изслѣдываемого вопроса, изложить тутъ, что за охота? Пора бы ужь давно отказаться отъ привычки мечтать, по крайней мѣрѣ, въ такой наукѣ, въ которой дѣла составляютъ всю основу, все содержаніе ея: «отъ дѣлъ твоихъ сажда те».

Есть еще мнѣніе, принадлежащее сочинителю статьи «Древнія письма Славянскія», помѣщенной въ Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1848 года (233). Онъ говоритъ: «Что азбука составлена Кирилломъ въ 855, это подтверждается и временниками Болгарскими и Сербскими (Шафарика *Slow. Staroz.* 814 — 815). Гдѣ же именно составлена азбука Кирилломъ? По Нестору, въ Моравіи: св. братья уже по приходѣ туда «изухста съставивати писмена азбуковьяма Словѣнскы», и «перкое преложены книги — Моравѣ, иже прозваса грамота Словѣнская, иже грамота есть изъ Русси и въ Болгарѣхъ Думанскыхъ». Принявши это, надобно принять и то, что сложена азбука не въ 855, а гораздо позже, около 862—863. Съ сказаніемъ Храбра и временниковъ о времени сложенія азбуки, болѣе сходны тѣ свидѣтельства, которыя утверждаютъ, что азбука сложена еще до выѣзда Кирилла въ Моравію, въ Константинополь или по крайней мѣрѣ въ границахъ Имперіи. Таково свидѣтельство Панионскаго жизнеописателя Св. Кирилла, утверждающаго, что Кириллъ, въ слѣдъ за убѣжденіями Императора, удалился на молитву — «я акѣ сложи писмена и изухать бесѣдоу писати Евангельскоу». Съ этимъ сходно показаніе Латинской легенды, гдѣ говорится, что Кириллъ и Меѳодій принесли съ собою въ Моравію уже переведенное Евангеліе: «Cognoscentes loci indigenae adventum illorum, valde gavisunt, quia et reliquias Clementis secum ferre audierant, et Evangelium in eorum linguam a Philosopho praedicto translatum (Добровскаго, *Mähr. Legende* стр. 23). Неопровержимымъ также остается, что Кирилловская азбука сложена подъ двойнымъ вліяніемъ азбуки Греческой и нарѣчія не Моравскаго, а Старо-Славянскаго» (стр. 47—48). Очевидно,

что сочинитель борется между двумя показаніями, хочеть управить челнъ свой между двухъ водоворотовъ; пусть такъ: кто же себѣ ворогъ? Но не понимаю, какимъ образомъ за Храброво показаніе стоятъ показанія Паннонскаго Житія Кирилла и Латинской Легенды (1-ой или Итальянской)? Развѣ въ томъ лишь, что не на Моравѣ; стало, тутъ сходство вовсе не во времени, а въ мѣстѣ; а если и во времени, т. е., до выѣзда Кирилла въ Моравію, а не послѣ выѣзда, то это не значить еще, чтобы она сложена была именно въ тотъ годъ, какой назначаетъ ей для того Храбръ, по тому что Паннонское Житіе Кирилла и Итальянское Сказаніе, сходясь съ Храбромъ касательно мѣста и, слѣдовательно, отъѣзда, показаніями своими касательно пребывания въ Моравіи совершенно опровергаютъ сказаніе Черноризца о ближайшемъ опредѣленіи времени составленія Славянскихъ писемъ, т. е., назначеніи самаго года, какъ это увидимъ ниже, въ своемъ мѣстѣ. Стало, тутъ (если узяъ пошло на опредѣленіе, кто изъ двухъ противомыслищихъ согласиле съ третьимъ) къ етѣмъ показаніямъ гораздо ближе подоиеть не Храбръ, но Несторъ, т. е., совершенно противное тому, что сказать сочинитель статьи «Древнія писмена Славянскія».

Иного совсѣмъ рода было бы дѣлю, если бы когда либо и гдѣ либо нашелся памятникъ, писанный Глагольскими, или Кирилловскими буквами, съ яснымъ означеніемъ на немъ самаго года, или же, по меньшей мѣрѣ, поры, указывающихъ на время, протекшее до Кирилла, каково, на примѣръ, было обстоятельство, 14 лѣтъ тому назадъ — со мною. Путешествуя по заграничнымъ Славянскимъ землямъ, я (передамъ этотъ случай такъ, какъ онъ былъ описанъ мною въ моемъ «Донесеніи Г. Попечителю Московскаго Учебнаго Округа, изъ Пешта, отъ 1-го февраля, 1839-го года») (234), спустя нѣсколько дней по приѣздѣ своемъ въ Брно (Brünn), столичный городъ нынѣшней Моравіи, осенью 1838-го года, собрался посѣтить *Rayhrad* (Reyhhrad), монастырь св. Венедикта, отстоящій на одиць часъ пути отъ него. Цѣль моя была осмотрѣть тамошнюю Библиотеку, особенно находящійся въ ней «*Martyrologium Odonis*», писанный на пергаментѣ (въ 4-ку)

въ царствованіе Карла Великаго. На поляхъ этого письменнаго памятника на Латинскомъ языкѣ имѣются, во многихъ мѣстахъ, Славянскія слова, изображенныя буквами Церковно-славянскаго языка, замѣченныя, въ первый разъ, еще въ 1837 году, Ф. Палацкимъ, при осмотрѣ Библиотеки этого монастыря. Воротаясь въ Прагу, онъ сообщилъ новость эту г. Шафарикъ, который было условился со мной отправиться вмѣстѣ въ Райградъ, что, однако жъ, не состоялось по нѣкоторымъ причинамъ. И такъ въ августѣ онъ самъ посетилъ Райградскую Библиотечку, осмотрѣлъ этотъ памятникъ, и написалъ, кромѣ отдѣльныхъ словъ, начертанныхъ нашимъ Церковно-славянскимъ письмомъ, на поляхъ нѣсколькихъ листовъ, (235) еще слѣдующій отрывокъ, въ концѣ 70 страницы (чернила очень сонливы, такъ что съ большимъ трудомъ можно читать, особливо средину и конецъ:

«Нолна хрьсостова на рожьсто ства Кїѣ. Гїѣ влгослови Оубе. Селтъя дъвъ дньсъ и урдеъ прѣдъ оубеъшъ пашннн дъвъсъ мати живота навсего из ложеснн узде сѣцнѣ въ истннн мати свѣта дврѣ невесыла нлнъ родисѣ посѣрннн снѣннн жнзнн сѣ же рздрушьно вьсть прѣ...»

На оборотѣ 71 страницы, на полѣ, какъ бы продолженіе: «второе небо земли.» Начертаніе буквъ, правописаніе и языкъ этого стрыпка показываютъ, что онъ списанъ былъ съ какого ни будь Средне-Булгарскаго подлинника съ примѣсью Сербскаго нарѣчія.

Пересматривая, съ своей стороны, упомянутой «Martyrologium Odonis», я обратилъ все вниманіе свое на текстъ его, и принялся читать съ начала до конца. На 15 строчкѣ 2-го листа, въ самой срединѣ изложенія, въ статьѣ, подъ заглавіемъ: «Quo genere vel cultu sancti martyres venerandi sunt, ex libris beati Augustini episcopi», начинающейся такимъ образомъ: «Populus christianus memorias martyrum religiosas solemnitate concellebrat» etc., я шагнулъ, къ удивленію моему, Греческое слово, написанное нашимъ Церковно-славянскими, *Кирилловскими*, буквами, именно: «At illo cultu,

latría

qui grece *latría* dicitur, latine uno verbo dici n̄ potest», etc. Слово это въ самомъ изложеніи писано одной и той же рукой и одними и тѣми же чернилами; сверху него приписано тою же самой рукой и чернилами еще по Латыни, маленькими буквами, *latría*. Извѣстно, чѣмъ глубже древность, тѣмъ буквы нашихъ Кирилловскихъ памятниковъ сходятъ съ буквами Греческой азбуки; при всемъ томъ въ Славянской азбукѣ много и такихъ буквъ, коихъ не имѣется въ Греческой; следовательно, это слово писано *Кирилловскими*, а не Греческими, *буквами*, пбо въ Греческой азбукѣ нѣтъ буквы ѡ (я). Грекъ написалъ бы *латрія*, или, желая выразить Славянскій звукъ ѡ, *латріяи*, чего никогда не видимъ; наше ѡ онъ всегда обращаетъ, по свойству своего языка, въ а; или *латрея*, что неупотребительно, по отношю не *латриа* (*латриа*), а тѣмъ менѣе *латриа* (*латриа*), *латриа*. И такъ, хотя это слово Греческое, однако же, такъ какъ оно писано *Кириллицей*, то, по тому, и есть *самый древнѣйшій*, сколько намъ извѣстно, *памятникъ ея*, а вмѣстѣ съ тѣмъ и свѣдѣтельство, что предки наши, Славяне, *знали уже азбуку* названную по томъ Кирилловской, *Кириллицей*, еще до *Кирилла* (Константина) и *Методія*. «*Martyrologium Odonis*» (въ 4-ку, пергам.), по ясному показанію писца на концѣ его, писанъ въ царствованіе Карла Великаго, т. е., въ самомъ началѣ IX вѣка. Писецъ, исчисляя время, прошедшее отъ Константина В. до Карла В., говоритъ: «*et inde dominus Carolus solus regnum suscepit usque in presentem annum feliciter, qui est annus regni ejus XLII, imperii anno VIII. Sunt autem totius summe ab origine mundi anni usque in presentem annum III.DCC.LXI*». Азбука же наша, какъ говоритъ намъ черноризецъ Храбръ, изобрѣтена Константиномъ 855 г.; стало быть, названное выше слово писано *Славянской* Азбукой ровно за полвѣка до изобрѣтенія ея! Странно, а такъ выходитъ! Для объясненія этого событія не остается иного средства, какъ допустить то мнѣніе, что Солунскіе Братья не были первыми, нашедшими и употребившими нашу Азбуку; что она была еще до нихъ въ ходу у Греческихъ Славянъ, которые, какъ сосѣди Грековъ, находись въ безпрерывныхъ съ нами столкновеніяхъ и сноше-

ніяхъ, и при томъ многіе изъ нихъ учась, воспитываясь въ Цареградѣ и, въ послѣдствіи, занимая высокія государственныя должности, достигая даже самаго Престола, естественно, не могли не употреблять Греческой Азбуки для выраженія своихъ мыслей, чувствованій, и т. д., на родномъ языкѣ, разумѣется, какъ обыкновенно случается въ подобныхъ обстоятельствахъ, мало заботясь о правописаніи, или и вовсе не соблюдая и не имѣя его, пиша по своему усмотрѣнію и знанію; что сначала эта азбука была очень *несовершенна*, неполна, можетъ быть, только *зародышь* ея, больше походила на Греческую, чѣмъ на отдѣльную, самостоятельную; наконецъ, что Константинъ и Меѳодій, Греки, выучившись языку Славянъ въ мѣстѣ своего рожденія, въ которомъ множество ихъ жило и имѣло свое торжище, посѣщаемое со всѣхъ сторонъ Славянами же, поселившимися въ то время цѣлую почти Македонію, и зная и видя, что многіе изъ нихъ, недовольные старинными своими урѣтами и рѣзми (по черноризцу Храбру *первое* Славянское письмо), какъ несовершенными и неудовлетворительными, начали писать Греческими буквами, какъ представлявшими болѣе удобства, болѣе подручными и выгодными, съ *малой перемѣной и принаровкой къ своему языку*, воспользовались етѣмъ, и, рѣшаясь быть просвѣтителями ихъ Христіанскою Вѣрою, не выдумывали иной, новой, азбуки, но взяли бывшую уже въ ходу, но крайнею мѣрѣ отчасти известную, *дополнили и усовершили ее*. Въ этомъ дѣлѣ поступили они, какъ мудрые и проицательные мужи, съ одной стороны, взявши знакомое, не раздражали народа новостями, и, слѣдовательно, дѣйствовали на своемъ поприщѣ съ большою увѣренностію и надеждою на уснѣхъ; съ другой же привязывали его къ себѣ, т. е., къ Греческому Престолу, кромѣ Вѣроисповѣданія, еще и самымъ *письмомъ*. Такъ всюду бывало, по свѣдѣтельству Исторіи: народы, если не имѣли своихъ письменъ до принятія новой Вѣры, принимали, вмѣстѣ съ Вѣрою, и самую азбуку того народа, который, будучи къ нимъ ближе, былъ съ тѣмъ ихъ Вѣроучителемъ и просвѣтителемъ. Но Исторія молчитъ, кто былъ первыи, составившии для етѣхъ народовъ новую азбуку, или, вѣрнѣе, принаровившии азбуку народа просвѣтителя къ языку про-

свѣщаемаго, новокрещенца. То же самое могло случиться, или, лучше, случилось и съ нашими предками, Славянами. Монахъ Храбръ, по всему вѣролатію, жившій и писавшій въ X, или, по меньшей мѣрѣ, XI вѣкѣ, подтверждаетъ наше мнѣніе какъ не льзя лучше, говоря: «Прежде оубо Словѣне не имѣхѣ книгъ, на урѣтани и рѣзани ухѣхѣ и глалѣхѣ, погани саште, крѣстикше же са, Римьскими и Грьуьскими писмены наждлѣхѣ са писати Словѣнскѣ рѣчи безъ оустроеннѣи (принуждены были по необходимости неправильно писать Римскими и Греческими буквами). И тако възша многа лета; по томъ же уловѣткоюбырь Когъ послалъ нѣкъ Скатаго Константина Философа, нарицаемьго Кирилл, мѣждѣ прѣведна и истинна, и сътвори нѣкъ писмена, оуко оубо по уиноу Грьуьскѣхъ писменъ, оуко же по Словѣнскѣхъ рѣчи» (по свойству и требованіямъ Славянскаго языка). Отсюда видно, что правѣтцы наши не *върили*, чтобы только Константинъ и Меѡодій были первыми изобрѣтателями Славянскаго письма, но что еще до егѣхъ мужей употреблялись у нихъ сперва урѣты и рѣзы, а по томъ у однихъ Римское, у другихъ же Греческое письмо, неустроенное, кое — какъ, и, наконецъ, уже устроенное, принаровленное къ ихъ рѣчи. Долгое время мы не имѣли доказательствъ на то и другое, и по тому все писатели вообще и дѣеписатели въ частности не обращали на это важное свѣдѣтельство Храбра никакого вниманія, допускали существованіе у Славянъ отдѣльной азбуки, нѣкотораго рода рунъ, продолжавшихся до самаго принятія Христіанства, съ которымъ вдругъ, однимъ разомъ, прекратилась она, и мѣсто ея заступили Римскія писмена у принявшихъ Римское Вѣроисповѣданіе или обращенныхъ Римскими проповѣдниками, а Греческія у обращенныхъ Греческими благовѣстителями, не допуская, однако жъ, ничего средняго, никакого перехода отъ грубаго къ болѣе совершенному, считая такой скачокъ правдоподобнѣйшимъ, сообразнѣйшимъ съ природою, нежели постепенное улучшеніе! Но, найденное мною, упомянутое Греческое, слово, написанное нашими Славянскими буквами въ началѣ IX вѣка, задолго до Константина и Меѡодія, говоритъ рѣшительно о противномъ, ясно и блистательно подтверждаетъ показаніе Храбра объ употребленіи Славянами, жившими въ Греціи, Греческой азбуки еще до Солун-

скихъ братьевъ. Сдѣсь съ Храбромъ случилось то же, что съ Геродотомъ и другими древними писателями, конхъ многія извѣстія долго считались баснями, пока, наконецъ, розысканія новѣйшихъ путешественниковъ, изслѣдователей и подобныхъ имъ людей, не оправдали истины ихъ сказаній. Остается еще ожидать отъ времени подтвержденія другаго показанія Храбра, тѣсно связаннаго съ первымъ, т. е., что Славяне, до принятія Христіанства отъ Римскихъ проповѣдниковъ, или только бывшіе ближе къ Риму, нежели къ Царюграду, пишучи по Славянски, на своемъ родномъ языкѣ, употребляли Римскія письма. Г. Шафарикъ, получивъ отъ меня свѣдѣніе объ этомъ словѣ, долго не хотѣлъ вѣрить, чтобы оно было писано такъ, какъ я извѣщалъ его; наконецъ, доставъ снимокъ съ него, слѣдующимъ образомъ отозвался ко мнѣ о немъ въ своемъ письмѣ: «Недавно получилъ я изъ Райграда снимокъ слова мѣтриа, которое тамъ писано такъ, какъ вы его читали. Я не записалъ словъ Греческихъ, и записалъ даже не всѣ Кирилловскія, а отъ того память моя ввела меня въ заблужденіе на счетъ этого слова. Признаюсь, я ничего не умѣю сказать въ объясненіе его, по тому что рѣшительно его не понимаю».

И точно: открытіе это было такъ печально и, съ тѣмъ вмѣстѣ, такъ поразительно, что ни чуть не кажется страннымъ признаніе перваго современнаго знатока Славянской старины. Все говорило, что въ открывшемся — чистая, нетрогнутая еще ни чьимъ прикосновеніемъ, правда; и, однако же, не все то правда, что блеститъ. Какъ Шафарикъ, разсматривая Райградскій «Martyrologium Odonis», оставилъ по неволѣ и на мою долю сдѣлать въ немъ поискъ, такъ и я, надоумленный уже его невольнымъ промахомъ, не смотря на то, что съ удвоеннымъ вниманіемъ разсматривалъ его, все таки, яко человекъ, оступился. Возвратившись изъ путешествія, я узналъ, что въ Ж. М. Н. П. было помѣщено «Донесеніе» трудящагося на одномъ со мной поприщѣ, и для того, какъ и я, посѣщавшаго земли соплеменниковъ, Из. Пв. Срезневскаго (съ которымъ я хотя возвращался назадъ, но какъ-то ни разу не пришлось завести рѣчь о Рай-

градскомъ памятникѣ), объ одной части его нутенствія, и что въ ономъ говорится и о Райградскомъ Одономъ «Martyrologium». Доставши «Донесеніе», что же узнаю? Листъ, заключающій въ себѣ «мѣтри», прибавленъ послѣ къ прочимъ, но когда, неизвѣстно. Дѣлю статочное, по тому что листъ этотъ въ самомъ началѣ рукописи; обратить вниманіе на это я не имѣлъ ни какого повода, тѣмъ болѣе, что весь памятникъ писанъ однимъ и тѣми же чернилами, и ничто не вызывало меня ни мало на такую недоувѣрчивость, даже переплетъ его, и по тому, безъ нужды мнѣ и въ голову не приходило допрашивать послѣдній, все ли тутъ, какъ говорится, обстоитъ благополучно. Но знай объ этомъ я еще за границей, конечно, тотчасъ же носилъ бы повѣрить на самомъ мѣстѣ истину такого замѣчанія. Въ послѣдствіи, я поручалъ не разъ и не одному изъ знакомыхъ моихъ удостовѣриться въ этомъ, но ни одинъ изъ нихъ не могъ дать мнѣ достаточнаго объясненія, изъ чего выводу заключеніе, что дѣлю его можетъ быть и такъ, какъ оно представлено видѣвшимъ послѣ меня Одономъ «Martyrologium».

Впрочемъ, такъ ли, иначе его дѣлю, т. е., принадлежить ли начальный листъ Одонова Мартирологія къ прочимъ его листамъ ископоя, или же прибавленъ въ послѣдствіи (тѣмъ болѣе, что въ немъ нѣтъ еще начала самаго Мартирологія, но выписка, какъ замѣчено уже, изъ одного творенія блаженнаго Августина) (236), исторія составленія Кириллицы такимъ, а не другимъ, образомъ мало потерпитъ отъ того. Ибо, допустимъ на мгновеніе, что этотъ листъ написанъ со всѣми прочими еще до Кирилла, что мы получаемъ отъ того? То лишь, что, какъ я говорилъ уже тогда, что и до Кирилла Славяне Греческіе пытались писать рѣчь свою Греческими письменами, какъ Славяне Латинскіе Латинскими, что опирается на Храброво сказаніе; а пытаюсь писать тѣми, или другими, и не находя ихъ достаточными для точнаго выраженія всѣхъ родныхъ звуковъ, естественно, больше, меньше, такъ, иначе, не могли не пытаться, помощію разныхъ сочетаній знаковъ той, или другой, азбуки, помочь своему неминуемому горю. Развѣ не то ли самое видимъ дѣй-

ствительно съ Латинской грамотой у Славянъ Западнаго Исповѣданія въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ? Не рядомъ ли множества такого рода попытокъ приспособили они, наконецъ, сколько ни есть, Латинскія буквы къ своему говору? И не то ли самое видимъ и у всѣхъ прочихъ народовъ, по крайности, Индоевропейскаго и Симилическаго поколѣній? И что за такая мудреная особенность сочетаніе двухъ Греческихъ буквъ $i + \alpha$ для означеннаго Славянскаго звука, чуждаго Греку, α , η , который есть, собственно, смягченное только α ? Не такъ ли большая часть пишущихъ Латинской азбукой выражали и выражаютъ его и родственные ему звуки, т. е., почти всѣ смягченія твердыхъ гласныхъ? Что i , а не j употреблено для того, причиною тому, во первыхъ, отсутствіе послѣдняго въ Греческой азбукѣ, по неимѣнію етого звука и въ самомъ Греческомъ языкѣ, а во вторыхъ, и въ Латинской, какъ образовавшейся изъ Греческой, етотъ звукъ первоначально выражался по образцу Греческой, и только въ послѣдствіи сталъ входить j , отъ того въ старину и у Славянъ Латинскаго обряда чаще встрѣчаете i въ етомъ случаѣ, что удержалось даже и теперь въ Польской, собственно старинной Чешской, азбукѣ. Отсюда, я ни мало теперь не удивился бы, если бъ когда либо доказали намъ, что всѣ гласныя мягкія такъ означались уже до Кирилла: при той роли, какую смягченіе играетъ въ говорѣ всѣхъ нарѣчій Славянскаго языка, составляющее главную и существенно отличительную особенность его въ сравненіи со всѣми прочими, ето должно было прежде всего броситься въ глаза, и дѣйствительно бросается, каждому, кто только захочетъ выразить нѣсколько предложеній на нашемъ языкѣ какими угодно письменными знаками. Другіе звуки, для которыхъ тоже нѣтъ отвѣтствующихъ въ Греческой, общи намъ въ большей мѣрѣ съ прочими языками, и по тому не въ такой мѣрѣ составляютъ потребность, уже по тому, что не проникаютъ съ такой повсемѣстностью всего организма Славянскаго языка, однако, и для нихъ не нашлось ничего въ Греческомъ алфавитѣ даже приблизительно сноснаго, стало, нужно было промышлять другимъ способомъ, а ето удается вполнѣ, или от-

части, лишь немногимъ ученымъ, нерѣдко послѣ долговременнаго опыта и усилія цѣлыхъ поколѣннй. Слѣдственно, допустивши бытiе и до Кирилла (о другихъ подобнаго же свойства не можемъ того утверждать, пока не будемъ имѣть на то достаточныхъ причинъ), и соглашаясь, что составъ этого знака могъ надоумить его примѣнить оный и къ другимъ гласнымъ, нуждавшимся въ подобномъ смягченн, все таки честь образователя нашей азбуки останется за нимъ, честь, какъ показалъ намъ разборъ свѣдѣтельствъ древности, преимущественно принадлежащая ему и подтверждаемая, сверхъ того, и общимъ голосомъ преданiя изъ поколѣнiя въ поколѣнiе. До него ни какiя попытки, примѣнить Греческiя письма къ Славянскои рѣчи, какъ говоритъ Храбръ, не могли увѣнчаться успѣхомъ, отъ чего онъ и замѣчаетъ: «Иа како можетъ са писати добре Гръуьскыи писмены: Богъ, или животь, или село, или црьковъ, или улакине, или широта, или кды, или ядоу, или юность, или възвѣтъ и инма подобна смь?» Все это слова, въ которыхъ слышите звуки, не существующiе въ устахъ Грека: в, ж, з, ц, ч, ш, ц, ж, ж, ю, къ коимъ послѣ прибавляетъ еще пять: ѿ, ѡ, ѣ, ѡ, т. (237) Константинъ же, какъ Философъ, т. е., ученый и писатель, самъ учившiй довольно время въ Царьградѣ, много путешествовавшiй и по тому знакомый съ языками не изъ однихъ лишь книгъ, приступая къ составленiю азбучныхъ знаковъ для языка Славянскаго, конечно, имѣлъ въ виду то Славянское племя, съ языкомъ котораго онъ знакомъ былъ, т. е., Славянъ Греческихъ и Булгарскихъ; далѣе, не могъ не знать, что и они, «свждаждъ са» и до него, и при немъ особливо, «Гръуьскыи писмены писати свожъ Словьньскж рѣчь»; стало, если было что хорошаго въ етѣхъ опытахъ, то онъ не могъ, какъ умный человекъ и языковѣдъ, не воспользоваться тѣмъ; и, наконецъ, прежде всего нужно было ему для того обратиться къ етой азбукѣ, уже отчасти знакомой тѣмъ, коимъ хотѣлъ онъ услужить, къ азбукѣ Греческой, которую стоило только сумѣть приспособить или, какъ выражается Храбръ, «оустрои ти по Словьнстѣи рѣчи», и— дѣло было готово. За чѣмъ же обращаться было ему къ Глаголицѣ, если даже она тогда и существовала, Глаголицѣ, столько невзглядной и тяжелой для письма, но не безъ заим-

ствованій уже изъ Греческой (говорю послѣднее такъ, смотря на нее тутъ съ одной точки зрѣнія съ приверженцами ея)? А если бы устроить онъ письмена свои, примѣняясь къ свойствамъ языка Великоморавскихъ Славянъ, тогда надо, чтобы онъ гдѣ либо успѣлъ познакомиться съ нимъ еще до того, а познакомившись, азбука его разумѣется, сколько ни есть, отзывалась бы егѣмъ языкомъ, по тому что, при всемъ сходствѣ нарѣчій нашихъ въ древности, въ историческую пору они имѣли ужъ тѣ же самыя существенныя отличія, что и нынѣ, хотя въ меньшей мѣрѣ развитыя. Впрочемъ, это ни мало не мѣняло имъ разумѣть слово Божіе и богослуженіе на какомъ бы то ни было родственномъ нарѣчій, какъ и теперь, свуетя уже столько вѣковъ послѣ того «et tot discrimina regionum», не мѣшаетъ даже простоянну понимать довольно легко и его и соплеменника своего изъ самаго отдаленнаго края необозримаго Славянскаго міра. И конечно, будь то помѣхой, Ростиславъ не обратился бы къ Михаилу съ просьбою прислать ему и «людемъ его, поганьсткѣ са оуже отвергышннѣ и во Хрѣтіанскѣ законѣ дръжашннѣ, оучителѣ тѣковаго, иже бы ннѣ изъ свои языкѣ истощѣ вѣрѣ Хрѣтіанскѣ связашѣ»; въ противномъ случаѣ, нечего было бы ему жаловаться на то, что, «и соутѣ въ ны възвыли оучителе мнози, хрѣстнннн изъ Влахѣ, и изъ Грѣкѣ, и изъ Нѣмцѣ, оучаште ны разнучѣ»; не за чѣмъ говорить: «а ны Словѣни, проста уади, и не ннзашѣ, иже бы ны наставннѣ на истинну и разоумѣ связашѣ, иже ны исправннѣ всѣмѣ правдѣ». Тогда не для чего было бы и молить о такихъ учителяхъ: слѣдственно, языкъ-то и былъ, дѣлавшій доступнымъ и понятнымъ Хрестіанство «простои уади», помимо другихъ, возможныхъ, государственныхъ и народныхъ, отношеній, однимъ изъ первыхъ и главнѣйшихъ побужденій къ вызову истинныхъ наставниковъ народа отъ Церкви, учителя коей говорили другою, не допускавшею того: «Мы же многи роды знаешѣ, и книги оучашоша и бѣоу сѣмѣ въздаюшѣ своиѣ языкѣмъ кѣждо». Явившись съ словомъ Божіимъ на родственномъ языкѣ къ Ростиславу, Братья были приняты имъ съ особенными почестями и получили въ ученіе изъ среды туземцевъ: «Дошѣдшоу же нѣмоу Моравѣ, съ великою устннѣ приашѣ и Ростиславѣ, и

оученныи събракъ, въдасть и оучити»; и по Нестору: «ради быша Словѣни, яко слышаша велнуды божья сконныи азыкомъ»; равно какъ и по Итальянскому сказанію, почти слово въ слово съ нашими Паннонскими Житіями и Лѣтописью: «Cognoscentes loci indigenae adventum eorum, valde gavisi sunt, quia et reliquias beati Clementis secum ferre audierant et Evangelium in eorum linguam a Philosopho praedicto translatum. Exeuntes ergo extra civitatem obviam, honorifice et cum ingenti laetitia exceperunt eos. Ceperunt itaque ad id, ad quod venerant, peragendum, studiose insistere et parvulos eorum literas edocere, officia ecclesiastica instruere» etc. Возможно ли было все это, возможна ли радость етѣхъ Славянъ, если бы они не понимали сокровища, которое несли и, наконецъ, привесли имъ? Совершеніе богослуженія на этомъ языкѣ и обученіе ему учениковъ (т. е., назначаемыхъ въ причетники) тоже условливалось общедоступностью его всѣмъ. II, концы концовъ, по согласному показанію разнонародныхъ и разновременныхъ лицъ, переложеніе Св. Писанія и богослужебныхъ книгъ покончело на Моравѣ: сбыточное ли это дѣло, если бы языкъ, служившій тому орудіемъ, найденъ былъ, послѣ самаго уже опыта, т. е., пребыванія въ ней, невягнвымъ для тѣхъ, кому переводъ назначался? Какъ сдѣсь, такъ и въ другихъ земляхъ Славянскихъ, введшихъ его у себя въ дѣлѣ богослуженія и письменнаго общенія, преднолагается, по крайности, извѣстная степень доступности его большинству, безъ чего вводимое не достигло бы своей цѣли, и при томъ вводимое именно по тому, чтобы замѣнить имъ непонятное, каксво было богослуженіе и проповѣдь Латино-Нѣмецкихъ проповѣдниковъ и духовенства. А что честь составленія письменъ и начала перевода Св. Писанія на языкъ Славянъ Булгаро-Греческихъ принадлежитъ Константину предпочтительно—доказательствомъ тому то же, какъ мы видѣли уже, такія же разнонародныя и разновременныя показанія: Паннонскихъ Житій, непосредственнаго ученика Солунцевъ, Климента, и Латинскія посланія папы Іоанна VIII-го: все современники, или же современники современниковъ; а ужъ извѣстно, «qui audiunt»,—какъ говорить Славягъ,—«audita dicunt; qui vident, plane sciunt». Сдѣсь, при такомъ разнообразіи, разновременности, разномѣстности и разнона-

родности, не можетъ быть и тѣни сомнѣнія о томъ, точно ли передаваемое ими когда либо происходило, но крайней мѣрѣ, въ существенномъ, и тому ли лицу приписывается, о которомъ большинство говоритъ, котораго не могли не знать, какъ главнаго виновника новой азбуки такіе люди, каковы: сочинители Жизнеописаній и Словъ, папа, ексархъ и Храбръ. Отъ того и названіе ей по имени своего образователя: *Кириллица* по *Кириллу*, какъ говоритъ преданіе, идущее черезъ цѣлый рядъ вѣковъ у Славянъ Православныхъ и Неправославныхъ—знакъ подлинности, когда и свои, и чужіе, даже враги, въ одинъ голосъ свидѣтельствуютъ о томъ; а глазъ и языкъ врага, какъ говорится, и видитъ и чувствуетъ издаиска. Она была возможно приспособлена къ свойствамъ той рѣчи, для выраженія звуковъ коей назначалась, но, вѣроятно, и тогда уже не всѣхъ въ равной степени удовлетворяла, какъ все человеческое; такъ судимъ изъ словъ Храбра, который, оставляя въ сторонѣ уже извѣстные нападки на нее Латинско-Нѣмецкаго духовенства, упоминаетъ именно о томъ, что есть въ ней нѣсколько лишннихъ знаковъ: «Друзинъ же глаголютъ: поуѣто естъ .ѿи. писменъ сътворилъ? а можетъ ся и мнѣшшии того писати». По тому-то дальнѣйшее приспособленіе Кириллова труда въ частности началось довольно рано, если уже тотъ же Храбръ замѣчаетъ: «Аште ли кѣто речеть, ако естъ оустроить доврѣ, понеже постръзати и кште»; этому обстоятельству, стало, должно приписать непзвѣстность о настоящемъ числѣ составленныхъ Кирилломъ писменъ, равновѣрно, что нѣкоторыя въ ней нарушаютъ строгую органическую цѣлостъ: «оудовѣе во есть послѣжде потворити, неже пръвоже сътворити»; но за то трудно согласить потвореніе съ первотвореніемъ. А какъ каждое нарѣчіе имѣетъ свои особенности, ему по преимуществу принадлежащія, его наиболѣе отличающія отъ другихъ, то естественно ожидать должно было, что Кириллица, съ переходомъ къ нимъ, потерпѣть тоже въ первобытномъ своемъ составѣ нѣкоторое измѣненіе, какъ это и видимъ на самомъ дѣлѣ: иное число буквъ ея у насъ, иное у Сербовъ, иное у новѣйшихъ Болгаръ, а иное было бы, конечно, и у тѣхъ изъ нашихъ братій, которые такъ скоро, сякою обстоятельствомъ, принуждены были отойти къ другому стаду и другому пастырю. Противъ такого

примѣненія никто не можетъ ничего сказать, лишь бы оно держалось въ границахъ благоразумія, довольствовалось передачей главнаго, существеннаго въ каждомъ языкѣ; иначе, стремясь за полнотой въ подробностяхъ, легко впасть въ противоположный недостатокъ, сдѣлать изъ письма фонетическаго іероглифическое, Китайское. Кирилль, судя по его письменамъ, счастливо избѣгъ етой крайности, и, какъ мы ни усиливаемся прекрасное твореніе его «постраяти», но, «не у рукъ стряпня—ничканье», говоритъ пословица; и какъ ни пичкаемъ, какъ ни наряжаемъ его, и сквозь рубища наши проглядываетъ первичная доброта и красота Славянской азбуки, приводящая лучшихъ изъ современныхъ языковѣдвателей въ изумленіе своими высокими совершенствами и заставляющая, вопреки народной, застарѣлой, нерасположенности, употреблять, и совѣтовать и другимъ употреблять, нѣкоторые изъ буквъ ея для выраженія звуковъ въ области сравнительнаго языковѣднія. Въ етомъ отношеніи Константинъ или Кирилль по праву пользуется именемъ изобрѣтателя, какъ творецъ, хоть и изъ извѣстнаго уже матеріяла, новаго, небывалаго до того и послѣ. Изъ ничего творитъ лишь Всемогущій; для насъ, его созданія, довольно, если уже изъ сотвореннаго сдѣлаемъ что либо такое, что сколько ни будь напоминаетъ творчество. А по тому сравнивать Кирилла съ составителями нѣсколькихъ только буквъ въ какой либо азбукѣ, на примѣръ, въ Греческой, или унижать достоинство его тѣмъ, что вещество-то давно существовало, всѣмъ извѣстно и доступно, въ высшей степени несправедливо. Тамъ часть, сдѣсь цѣлое; тамъ цѣлое—дѣло рукъ многихъ, тутъ—одного: «тамъ мнози многы лѣты», говоритъ Храбръ, у насъ же—«единъ мѣжь, Константинъ, нарицѣемъи Кирилъ, и писменъ сътвори и кнѣгы прѣложи къ малѣхъ лѣтѣхъ». Да и мало ли есть чего на бѣломъ свѣтѣ извѣстнаго и всѣмъ доступнаго, но неразгаданнаго въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ, что ждетъ еще своихъ Галилеевъ, Коперниковъ, Ньютоновъ, Уатовъ, Лагерровъ и т. п.? При томъ, опыты другихъ, удачные, или неудачные, не рѣдко наводятъ умныхъ людей на неожиданныя открытія. Сдѣлать же изъ извѣстнаго и доступнаго такое, что своимъ устроемъ и сообразностью съ тѣмъ, для

чего назначается, помимо всѣхъ недостатковъ, поражаетъ каждаго, заставляетъ удивляться и пользоваться, но невозможности представить что либо даже издалека напоминающее его, развѣ не есть своего рода творчество? Развѣ не такъ творить каждый художникъ, будетъ ли материалъ его вещество какое осязаемое, или же слово и представитель его? Древніе, бывшіе гораздо ближе и къ творцу и къ его творенію, единогласно приписываютъ ему титуло изобрѣтателя, и приписываютъ, разумѣется, въ томъ смыслѣ, въ какомъ слѣдуетъ то понимать; а тѣ, кои приписываютъ его обонмъ братьямъ, тоже одинаковыя выраженія употребляютъ: «и агне сътвори писмена» (по другому: «положь») (Пани. Житіе Кирилла); «оустрои писмена» (Пани. Жит. Меодія); «строи писмена» (I. E. Болг.); «сътвори, оустрои писмена» (Храбрь); «изуаета сътавлнвати писмена азъбоуковкнхл Словѣнски» (Несторъ); «писмена сътвориша иепоу възыкоу Словѣнскоу», изнова писмена въображша» (Похв. Слово); «*υράγματα τε ἐξευρέσθαι, ἐξευρίσκεινσι τὰ Σθλοβενικά υράγματα, υράγματα ἐξεύρουτο*» (Vit. S. Clem.); «*litteras Sclavinicas a Constantino quondam philosopho repertas*» (Pap. Io. VIII); «*noviter inventis Sclavinis litteris*» (Anonym. Salisb.); «*gothicas litteras fuisse repertas*» (Archid. Salon. Thom.). Нѣкоторые изъ етѣхъ выраженій прямо указываютъ намъ даже на самый образъ составленія писменъ; таковы: упомянутое уже мною выше выраженіе неизвѣстнаго Зальцбургца: «*noviter inventae Sclavinae litterae*», и выраженіе Похвальнаго Слова Кириллу и Меодію, въ коемъ, хотя дѣло его приписывается обонмъ Братьямъ, но мы уже знаемъ, какъ его понимать, и по тому, говорю, выраженіе этого Слова: «писмена сътвориша, сдѣлали, но какъ? «изнова въображша», новъ образъ дали (вообразили), стало, тому, что было уже; а его были Греческія писмена и тѣ, которыя взяты изъ другихъ азбукъ, доселѣ нами въ точности не отгаданныя, для звуковъ, чуждыхъ Грекамъ, собственно Славянскихъ, но находящихся также и въ нѣкоторыхъ другихъ языкахъ, извѣстныхъ составителю; етѣ-то знаки, вмѣстѣ съ Греческими, примѣнены были къ Славянскимъ звукамъ, получили какъ бы новыи образъ, новое назначеніе, по всей вѣроятности, съ небольшимъ измѣненіемъ нѣкоторыхъ, на примѣръ (ограничивался одной Греческой аз-

буквой), образование изъ Греческихъ же такихъ знаковъ, которые бы могли выражать наши мягкія гласныя, или, наоборотъ, посредствомъ ихъ, стояція при нихъ согласныя; даѣе, такіе же знаки для носовыхъ; образование изъ одного Еврейскаго буквеннаго знака, помощію небольшого измѣненія, двухъ для двухъ же родственныхъ себѣ звуковъ, ц и у; статья можетъ, сюда же должно отнести ш и џ, ѣ и ѣ, явно указывающія на образование свое изъ одной и той же, съ нѣкоторымъ измѣненіемъ или прибавленіемъ къ первоначальной другой изъ другой азбуки (ѣи, ѣи, ѣи, ѣи). Это значило, по выраженію Похвальнаго Слова, «творити» или «сътворити писмена», «изнова въобразити ѣ», или, какъ выразился Зальцбургецъ, «noviter litteras invenire», по папѣ Іоанну VIII-му и Отцамъ Салонскаго Собора, «geregere» (находить вновь), по Нестору «сътавити», а по другому выраженію Храбра, «оустроити», то есть, сообщить тому строй, устрой, систему, организмъ, что до того было «безъ оустроомъ, безъ оустроенинъ, несоустроисно», каковымъ точно представлялось писаніе Славянъ въ предѣлахъ Греческихъ владѣній и смежныхъ съ ними Вулгарскихъ, принимавшихъ уже крещеніе. Въ семъ послѣднемъ отношеніи, конечно, Константинъ или Кириллъ только составитель или устроитель (organisor) (238), по тому что, какъ я выше замѣтилъ, онъ творилъ изъ извѣстнаго уже вещества, большей частью, азбуки Греческой и нѣкоторыхъ другихъ, которыя, въ свой чередъ, составлены такимъ же образомъ тоже изъ другихъ, первообразъ коихъ по сію пору не открытъ еще, кѣмъ, когда и для кого сдѣланы. Тѣмъ не менѣе, каждая изъ этихъ азбукъ, въ извѣстномъ смыслѣ, самостоятельна, и составлявшіе ихъ давно и единогласно называются изобрѣтателями, устроителями каждой, по тому что послѣ своихъ предшественниковъ въ бывшемъ до нихъ сдѣлали весьма важное устройство, существенно измѣнявшее все прежнее, сдѣлали рѣшительный переворотъ въ существовавшемъ до того. Такимъ образомъ, кажется, можно примирить двѣ противоположности—*составленіе* и *изобрѣтеніе*. Константинъ *составитель* или *устроитель*—въ томъ отношеніи, что матеріалъ для него былъ уже готовъ, онъ строилъ изъ готоваго; *изобрѣтатель* же по тому,

что и изъ готоваго вышло у него цѣлое самобытное, творческое произведеніе, въ своемъ родѣ совершенное, вполне соотвѣтствующее своему назначенію. Онъ составилъ грамоту для Славянъ, не имѣвшихъ ее до него, а въ ней, дѣйствительно, нѣкоторые знаки или буквы какъ бы вновь изобрѣтены, «*noviter inventae*». Тамъ онъ «оустрон, изнова въобрази, състави, герегит»; едѣсь же «сътвори, ἐξέυρηκε, invenit; тамъ составитель, оустронитель, обрѣтникъ или, по Среднебугарски, обратникъ, по Сборнику 12-мъ мѣсяц. «изъобрѣтникъ», что послѣ обращено въ «изъобрѣтитель», «преложитель» (по Киевск. мѣсяцослову, см. выше, стр. 139), *reperitor*; тутъ сотворитель или творецъ, *εὐρετής* или *ἐφευρετής*, *inventor*. И стало, уже прежде насъ здраво смотрѣли на это дѣло, когда говорили: «*Constantinus primus fuit, qui linguam Slavonicam literis Graecis scribere coepit, quod alii ante eum Latinis tentarunt, et propter haec nova literis Graecis adscripta nomina, et propter novas iisdem additas characterum figuras Constantinus dicitur litterarum... Slavonicarum inventor*» (239); другой, не въ однихъ лишь названіяхъ буквъ и фигурахъ ихъ видитъ тому подтвержденіе, но и въ томъ, что изобрѣтеніе названо по своему изобрѣтателю: «*Nam ut Cyrillici characteris inventum Constantino Philosopho, Cyrilli nomine a Pontifice ornato, unice acceptum ferendum esse vel nomen ipsum, eidem inditum, declarat*» (240); наконецъ, сами мы, Рускіе, давно уже здраво смотрѣли на это, когда называли Константина (въ Киевск. Молитвословѣ, см., гл. 1-я, стр. 139) «и писмень изъобрѣтателя, яже изъ *Сланискаго изъ Руссінскіи (собственно «Словянскыи») преложилъ», или, какъ сказано въ «Послѣдоклиіи црковнаго пвнїа и собраниа всеялїаго (тамъ же): «їже преложилъ Русквїю («Словянскоуж») грамотоу со Греуескнѣ». Пана же стотъ, знавшїи лично нашего Константина, какъ мы видѣли уже, торжественно самъ, въ посланїи своемъ къ Святополку, Великоморавскому государю, 880-го года, засвѣдѣтельствовавъ принадлежность Славянскихъ писменъ не Меѳодїю, черезъ котораго отправлять свое посланїе, но, брату его, Константину, говоря: «*Litteras Sclavinicas, a Constantino quondam philosopho repertas, quibus Deo laudes debite resonent, iure laudamus*». Что же, спрашиваю, важнѣе и достовѣрнѣе можетъ

быть хоть этого одного уже показанія первосвященника, не очень, въ сущности, расположеннаго къ Церкви Восточной, а еще больше къ народу Славянскому, особливо его языку, какъ орудію новаго Богослуженія, который называлъ его, по тому, языкомъ *sarvarскимъ*: «*Audimus et iam, quod missam cantes in barbara, hoc est, in Slavina lingua?*» И память о принадлежности нашихъ писемъ Константину или Кириллу опирается не на соображенія ученыхъ; на оборотъ, она идетъ изъ глубокой древности, должна была сохраняться изъ рода въ родъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе передаваться, слѣдовательно, крѣпко укорениться въ народѣ Славянскомъ, когда уже Храбръ ссылался на нее, какъ на лучшее свидѣтельство: «Аште въпросиши Словѣньскыи воуцѣри, гдѣголы: кто имъ писмена сътвори и сътъ, или кѣнигы предложилъ? то вси вѣдѣтъ, и отвѣщавше рѣчатъ: Свѣтъи Константинъ Философъ, ирицѣмъи Кирилъ, тѣи имъ писмена сътвори и кѣнигы предложи, и Меѣодіе, братъ его». На чемъ же это основывается? «Сѣтъ во мѣте живи, иже сѣтъ видѣли ихъ». Стало быть, въ этомъ случаѣ названіе нашей азбуки Кириллицей вполне законно, какъ вытекающее изъ самаго дѣла, свидѣтельствующее о дѣлѣ, а дѣло о немъ: «*Conveniunt rebus nomina saepe suis*», кто-то сказалъ изъ древнихъ (241).

ГЛАВА IV.

Царьградъ.

Es hält schwer, *verjährte* Erzählungen, die häufig nachgeschrieben wurden, selbst dann aufzugeben, wenn man auch schon die *trübe* Quelle, aus der sie geflossen sind, entdeckt hat.

Dobrowsky.

Ludmila und Drahomir, S. 6.

Слѣдившіе внимательно за всѣмъ, до сихъ поръ изложеннымъ мною, безъ сомнѣнія, сами уже произнесли, или же готовы произнести, отвѣтъ на вопросъ, заставившій меня предварительно войти во всѣ етѣ подробности: такъ, кажется, дѣло уяснилось само собою; Правда, что для этого потребовалось много работы, стало, и времени; но, во первыхъ, «безъ труда»,—по народной пословицѣ, — «не вынуть и рыбы изъ пруда»; во вторыхъ, гдѣ дѣло идетъ о времени, тамъ не стать же жалѣть его, по тому что, какъ замѣчаетъ та же народная мудрость: «Время не сѣмя—не выведетъ племя», если около него не порадовать; а въ третьихъ, «jak se stavi, tak stojí», говорятъ Чехи. Не очистивъ мѣста, не строятъ, да и во всякомъ случаѣ нужно знать напередъ, что за матеріалъ, изъ

котораго задумали возвести новое зданіе, какъ другіе до насъ то же ставили, далеко ли ушли, и что именно выпало на нашу долю. Мы знаемъ уже и старыи и новыи матеріалъ въ нашей задачѣ, знаемъ и трудившихся надъ нимъ больше, или меньше, а также на чемъ работа остановилась. Теперь нашъ чередъ: идемъ смѣло въ дѣло, въ увѣренности, что ни чѣмъ не пренебрегли изъ того, что требовалось для успѣха. Можетъ быть, и насъ ожидаетъ не большіи успѣхъ другихъ: можетъ быть, и мы ничего не доведемъ; но, чего не получишь — не сыщешь; ищемъ же истины и сдѣсь, какъ и во всякомъ розыскѣ, но довольны будемъ и вѣроятностью, гдѣ, при всѣхъ успѣхахъ, нельзя добиться правды. «Feci, quae potui», опираясь на имѣющіяся подъ руками данныя: откроются другія лучшія — пусть другіе его лучшее и сдѣлаютъ: «faciant alii meliora!» Тогда и мѣра, когда рождь.

Въ самомъ дѣлѣ, если мы потрудимся припомнить себѣ хорошенько показанія свѣдѣтелей непосредственныхъ и относительныхъ, равно и сказанное по поводу ихъ, не можемъ долго находиться въ неизвѣстности на счетъ того, *когда же*, вѣроятнѣе всего, происходило составленіе писемъ для Славянъ? Мы видѣли уже, что всѣ отзывы о томъ образуютъ собой два главные разряда: такіе, которые о появленіи Славянской азбуки выражаются *неопредѣленно*, и такіе, которые приурочиваютъ его къ *известному времени*. Съ характеромъ *неопредѣленнымъ*, изъ чужихъ: Посланіе папы Іоанна VIII-го, неизвѣстный Зальцбургецъ, Сазавскіи черноризецъ, Сплитскіи архидіаконъ Тома и Бернадъ; а изъ своихъ: оба Похвальныя Слова, Іоаннъ, ексархъ Болгарскіи, Проложныя Житія, Апостолъ XII-го вѣка, Службы Кириллу и Меѳодію, Анеологіонъ, Послѣдованіе Церковнаго пѣнія и собранія вселѣтняго. Изъ нихъ, по времени, къ которому относятся, а равно, отчасти, и времени самыхъ рукописей, въ коихъ дошли къ намъ, замѣчательны, въ особенности, первые два въ обоихъ разрядахъ. Впрочемъ, показаніе нѣкоторыхъ изъ нихъ можетъ быть отчасти приурочено, на примѣръ, Зальцбургца, увѣряющаго, что архипресвитеръ Рихвальдъ, намѣстникъ Зальцбургскаго архіепископа въ Панноніи, удалился изъ нея въ

Ювавію со времени появленія въ оной Меоодіа. Еще въ 865 г. Зальцбургскіи архіепископъ, Адальвинъ, совершалъ богослуженіе у Коцела, наследовавшаго отцу своему, Привинъ, съ 861 года, а къ 870 году относится прибытіе къ нему одного Меоодія, который, какъ извѣстно, и ввелъ тамъ Славянское Богослуженіе: «vilescere fecit cuncto populo ex parte missas et evangelia ecclesiasticumque officium illorum, qui hoc latine celebraverunt. Quod ille (Rihbaldus) ferre non valens, sedem repetivit Juvavensem». Къ 871-му же году относится крещеніе Чешскаго князя, Боривоя, бывшее уже въ Моравіи. Бернадъ Кремсмонстерскіи, въ сущности, только повторилъ Зальцбургца. По Слову Похвальному въ одномъ лишь мѣстѣ видно нѣкоторое приуроченіе, именно, гдѣ витія говоритъ, что Кирилъ и Меоодій, отъ Востока (Козаръ) переходятъ на Западъ, и тамъ, Паннионію и Моравію, просвѣщаютъ буквами: «къ Западныхъ же странахъ, Плоньстехъ и Мораьскихъ странахъ, просвѣтита божьими (242). По Проложному Житію Кирилла, написаніе Словѣномъ 38-ми словъ (буквъ) произошло послѣ возвращенія его изъ Болгаръ въ Словѣны. Что до перваго изъ сихъ показаній, то я уже, въ своемъ мѣстѣ (во II-й главѣ), замѣтилъ, что оно, собственно, не идетъ сюда, или же, по крайней мѣрѣ, тогда получитъ силу свою, когда докажется, что не Константинъ, но Меоодій, составилъ намъ писмена; по чему же, иногда, считали такимъ и старшаго брата, мы тоже знаемъ уже причину тому и, слѣдовательно, это тоже увольняетъ насъ отъ обязанности входить теперь въ дальнѣйшее разсмотрѣніе вопроса, по чему къ 870-му году отнесено тутъ появленіе «Sclavinagum litterarum». Показаніе Похвального Слова получитъ свое значеніе, если уяснимъ себѣ напередъ, когда же слѣдуетъ полагать появленіе Кирилла и Меоодія въ Западныхъ странахъ? То же самое должно сказать и о Проложномъ Житіи, т. е., прежде пужно опредѣлить посѣщеніе ими Болгаринъ, и сколько именно разъ были они въ ней (что увидимъ ниже).

Отзывы съ характеромъ *опредѣленнымъ*, т. е., такіе, по коимъ составленіе Славянскихъ писменъ произошло въ извѣстное время, условны и безусловны. Первые назначаютъ только

пору, но не самый годъ, а вторые на оборотъ. Тѣ и другіе, однако, образуютъ кругъ времени довольно значительный, начинающійся правленіемъ Греческаго императора, Михаила, и оканчивающійся въ царствованіе Льва Мудраго. Правда, есть показанія, переходящія за етѣ двѣ крайнія черты; но какъ и въ нихъ всюду рѣчь идетъ, прямо, или подразумеваемая, все же о составленіи письменъ Кирилломъ, а не кѣмъ либо другимъ, то, по тому, подобное означеніе нахнетъ слишкомъ грубой ошибкой кого бы то ни было, чтобы можно было при нихъ сколько ни есть останавливаться. Съ нихъ довольно будетъ и того, что и ихъ бытіе, какъ говорится, занесено въ книгу живота, и только. То же слѣдуетъ сказать и о тѣхъ, кои находятся за чертой, назначаемой Исторіей для жизни младшаго изъ братьевъ, то есть, Кирилла, слѣдовательно 869-мъ или, употребляя круглое число, 870-мъ годомъ. Чтобы оспорить такое ограниченіе, нужно напередъ доказать одно изъ двухъ: либо, что письмена наши составлены не Константиномъ, но Меодіемъ, и при томъ уже послѣ, сейчасъ упомянутаго, періода: событіе, которое находится въ явномъ противорѣчьи со всѣми, самыми важными, свѣдѣтельствами въ нашемъ вопросѣ, и, какъ дѣло показало, доселѣ не удалось никому, кто ни пытался выставить его противу сихъ послѣднихъ; либо подѣ составленіемъ письменъ слѣдуетъ разумѣть не тѣ, которыя извѣстны подѣ именемъ своего устроителя, но со всѣмъ другія, будутъ ли то, такъ называемыя, Глагольскія, или какія иныя: опять событіе, въ которомъ требуется, прежде всего, поставить вопросъ въ обратномъ порядкѣ, т. е., внести въ него етѣ другія, а не первыя, письмена, что и дѣлали нѣкоторые, но безъ всякаго успѣха, и безуспѣшность эта продолжится до тѣхъ поръ, пока первородство Глагольщицы не утвердится, какъ выражаются Латиньщики, *factis, non fictis*, памятникомъ докирилловскимъ; либо же, наконецъ, когда представятъ намъ доказательство, что и Кирилловскіе буквенные знаки существовали задолго до Кирилла, и существовали именно не поодиначкѣ, но въ цѣломъ своемъ составѣ, по какому они имѣютъ такое названіе, или, по крайней мѣрѣ, тѣ изъ нихъ, которые наиболѣе характеризуютъ Кириллицу, каковы всѣ мягкія, но-

собыя и полугласныя въ томъ видѣ, какой посятъ въ ней. За чѣмъ же, скажутъ миѣ, и говорить было о такихъ показаніяхъ или свѣдѣтельствахъ, которыя къ рѣшенію вопроса ничего не приносятъ? Во первыхъ, по долгу историка изслѣдываемаго нельзя онустить того; на обязанности его лежитъ представить дѣлю не только въ томъ видѣ, въ какомъ оно теперь, но и какой имѣло прежде, кто и что о немъ судилъ и рѣшилъ; словомъ, изложить во всемъ его объемѣ; и во вторыхъ: «подобаеть и иреси вѣдати». И такъ, за исключеніемъ всего этого, какъ второстепеннаго въ нашей задачѣ, ни подвигающаго, ни отдвигающаго ее, остаются только свѣдѣтельства, указывающія на правленіе царей Михаила III-го и Василія Македонянина. При нѣкоторыхъ изъ нихъ находятся и другія, болѣе, или менѣе опредѣляющія искомое время, обстоятельства, но всѣ они, въ сущности, подчинены первымъ двумъ, что условливалось самымъ способомъ лѣтосчисленія, который, какъ извѣстно, былъ Византійскій, въ слѣдствіе историческихъ обстоятельствъ.

Самое раннее назначеніе времени для составленія нашихъ писемъ при Михаилѣ III-мъ предлагаетъ черпоризецъ *Храбръ*. Не всѣ изъ извѣстныхъ досель списковъ Сказанія его сходятся въ годъ: по однимъ (Лаврентьевскому, во главѣ, Вратиславскому, нѣкоторымъ Сербскимъ и т. д.) это случилось 6363 или 855 года: «въ времена Михаила црѣя Гръцкаго, и Бориса князя Българскаго, и Растица князя Моравска, и Коцела князя Балтвнска, въ лето же ѿ сздания всерега мнра ꙗко ное. и .тї. и .ѣ. и .гї. ю», т. е., 855. Не во всѣхъ, впрочемъ, спискахъ встрѣчается такое означеніе: въ однихъ изъ владѣтельныхъ лицъ нѣкоторые опускаются, на примѣръ, въ списокѣ «О Свѣтци книгъ», по Сборнику Библиотеки Троицко-Сергіевской Лавры XVI вѣка, № 1552—7, стоятъ только первые два: «А Словенскія книги преложи Кирило Философъ съ Мефедьемъ при Михаиловѣ црѣствѣ Греческѣмъ, при Борисѣ кнзи Болгарскѣмъ»; въ другихъ остается лишь первое и придается къ нему еще имя матери его и 7-й Соборъ, т. е., въ списокѣ по Сборнику Москов. Синод. Библиотеки № $\frac{3}{2} \frac{6}{4} \frac{7}{7}$ (XVI в.): «по седмомъ соворѣ въ .мѣ. е. лето, во времена Михаила Греческаго и матре его Феодоры, иже пра-

кояроу втроу утвердиста, в лѣто ѿ созданиа мѣрз „сѣхъ тѣго“; въ третѣихъ: при Алфавитѣ Общества Исторіи и Древн. Росс. Отд. I, № 3-й; при рук. того же Общ. № 194; при Алфавитѣ Собранія рукописей В. М. Ундольскаго: всѣ XVII вѣка; при Виленской Грамматикѣ 1621, Азбукѣ 1637, изд. Бурцовымъ; Супрасльскои 1781, у Новикова въ Повѣствователѣ древн. Росс. (I-й части) 1791, и въ Древней Росс. Вивліюнкѣ (XVI части) 1789, ко всѣмъ 4-мъ (Миханлу, Борису, Растицу и Коцелу) присоединены еще Θεодора и 7-й Соборъ: «по .̄з̄. Соборъ въ .м̄д̄.е лѣто (въ Алфав. Общ. № 3, «и, е»), во время (Алф. Унд. «во времена) Михаила црѣа Грекускаго и матере (Алф. Общ. и Унд. «мѣри») его, Θεодоры, иже правокрѣпнѣю вѣрз оутвердиста, и Бориса кнѣзѣ Морайска, и Костела (Алф. Унд. «л») кнѣзѣ Балтинска, в (Общ. № 194 и Алф. Унд. «в») лѣто ѿ (Общ. № 194 «отъ») созданиа (Общ. № 194 и Алф. Унд. «л») мнрз „сѣхъ“ Калайдовичъ замѣчаетъ, что только въ новѣйшихъ спискахъ Храброва Сказанія находится 7-й Соборъ и Θεодора (стр. 192). По другимъ же списка Храброва извѣстія годъ выставленъ иной, хотя прочая обстановка не измѣнена. Это: Московскои Духовнои Академіи № 145, XV-го столѣтія: «въ лѣто же ѿ сззданиа всего мира „с̄, т̄, г̄“, 6303—795, что, очевидно, произошло отъ пропуска писцемъ одного числа, т. е., «̄». Пропуски такого рода нерѣдко встрѣчаются въ рукописяхъ; на примѣръ, въ Псковскои Пагѣи, какъ мы видѣли (стр. 97), при означеніи этого же самаго событія, и какъ это замѣтилъ уже, по увѣренію Шафарика (243), Добровскій на полѣ въ своихъ выпискахъ (нынѣ въ Чешскомъ Народнои Музеѣ); подобный же пропускъ, именно числа «и», встрѣченъ былъ нами въ той же Псковскои Пагѣи подъ 6403 вмѣсто 6453 (стр. 97); не говорю уже о, такъ называемыхъ, лѣточислительныхъ сказаніяхъ и продолженіяхъ Никифорова Лѣтописца. Съ Храбромъ за одно указываютъ на 855-й годъ позднѣйшія Рускія передѣлки Сказанія его; таково: «Преложеніе Грамматъ» (см. выше, стр. 94 и примѣч. 93, стр. LVII), и сокращенная передѣлка его, упомянутая выше, въ Сборникѣ XVI в. Библиотеки Троицко-Сергіевскои Лавры № 1552 — 7, помѣщенная тотчасъ за Храбровымъ Сказаніемъ, впрочемъ, не конченнымъ. Въ первомъ сказано: «Въ црѣтво Михаила,

Греческаго цѣра, ѿ въ Царыградѣ цѣрковакшаго, при патриарстѣ Фотѣи, в лѣ Бориса кнѣза Болгарьскыа, и Растица кнѣза Моравьскыа, и Костеля кнѣза Балтеньскыа, въ внаженіе кнѣза великыа всехъ Русѣи Люрика, погнаа свѣа и не вѣрѣна, за .рѣ. лѣ до вѣрѣнїа Русьскыа земли, а ѿ сѣзданїа мїра в лѣ .ѣ.тѣг; а во второмъ: «А Слокеискїа вниги преложи Кирило Философъ съ Мефедїемъ лѣта .ѣтѣѣ, при Михаиловѣ царствѣ Гречестыа, при Борисѣ кнѣзи Болгарьстыа». Сдѣсь, въ одномъ, прибавлены еще два новыа лица, для большаго, конечно (по мнѣнію составлявшаго это извѣстіе) опредѣленїа событїа: патриархъ Фотїи и В. Рускїи кнѣзь Рюрикъ, въ другомъ же, на оборотъ, показаны только первыа два (Михаилъ и Борисъ), по годъ удержанъ по Храбру.

Разсматривая показанїе Храбра, видимъ, что оно, согласное съ истиной въ цѣломъ своемъ составѣ, ошибочно, однако же, въ опредѣленїи самаго времени и обстановкѣ событїа нѣкоторыми историческими лицами. Такъ, оставляя въ сторонѣ то обстоятельство, что до 857-го года правленїемъ Греческой Державы, собственно, завѣдывала мать Михаила, Феодора, и сестра его, Феокла, и допуская это, по примѣру нѣкоторыхъ Лѣточисленїи, не отличающихъ того, что сказать о Коцель, который, какъ замѣтилъ я уже выше, правилъ Блатенскимъ Княжествомъ только по смерти отца своего, Прибыны, убитаго Моравцами, 861 года, въ схваткѣ Растица съ Нѣмцами и ихъ приверженцами, Растица, принявшаго сторону Карломанїа, сносившагося съ нимъ противъ отца своего, Людовика, между тѣмъ какъ тотъ, послѣ нѣсколькократныхъ съ ними ссоръ, приплылъ пуце прежняго къ нимъ, и за то получилъ было во владѣніе Паннонскїи предѣлы или Задунайскую, иначе Паннонскую, Моравїю, среди коеї лежитъ озеро Блатно или Болотно (Болотное, Болото, извращенное Мадырами въ Balaton, а Нѣмцами Platen-See, гдѣ р, по извѣстной нерегласовкѣ этого языка одноорганныхъ, произошло изъ b), по коему другое названїе его княжества словомъ Блатенско, Блатенское (244). А какъ мы знаемъ уже, что даже въ 865-мъ году Коцель принималъ и угощалъ у себя, на Рождественскихъ Святкахъ, въ своемъ стольномъ градѣ, Мосбургѣ (Блатноградѣ?), прежде (по нѣкоторымъ) Салабургѣ (при устьѣ рѣки Салы, владающей въ озеро Блатно,

нынѣ Салаваръ, переводъ Мадьяровъ, у коихъ var=Burg, наше градъ, городъ), Зальцбургскаго архіепископа, Адалвина (245), стало, принадлежалъ тогда къ Латинской Церкви, то, по тому, едва ли вѣроятно, чтобы Храбръ сталъ означать правленіемъ его, въ такомъ отношеніи находившагося къ Православию, время происхожденія азбуки, такъ тѣсно и нераздѣльно соединенной съ егѣмъ послѣднимъ. Ежели уже Шлѣцеръ, по словамъ Добровскаго (246), замѣтилъ, что Коцель тутъ «не совѣмъ согласуется съ тѣмъ, что извѣстно намъ о немъ изъ Франкскихъ времянниковъ» (247), и замѣтилъ, разбирая Несторовъ рассказъ о посольствѣ въ Царьградъ, случившемся гораздо позже, то тѣмъ болѣе неумѣстно помѣщеніе сего Князя въ 855 году. Точно то же слѣдуетъ сказать о *Fotini*, который слѣланъ патріархомъ лишь 857 года, слѣдовательно, въ патріаршество его не могли быть составлены наши письма. Еще менѣе третье опредѣленіе выдерживаетъ повѣрку: разумѣю, означеніе лѣтъ, протекшихъ отъ послѣдняго Вселенскаго Собора до составленія ихъ въ 855 или 852-мъ, какъ ни полагаю этотъ Соборъ, 805, 806, или же 783, 787, 795, ибо получаемъ отсюда годы: 827, 831, 839, 849, 850, отнюдь же не означенные въ Сказаніи о писменехъ; а если станемъ слагать только 40, то и того меньше приблизимся къ Храброву году. Первый совпадетъ съ годомъ рожденія Константина, второй съ 4-лѣтнимъ возрастомъ его, третій съ 12-ти, четвертій 22-хъ и пятый 23-лѣтнимъ; стало, все происходило еще до перваго посольства его (къ Сарацинамъ), бывшаго на 24-мъ году его возраста (851). Напрасно, по тому, и Добровскій (248) и Шафарикъ (249) старались, когда-то, отстоять Храбра, первый говоря: «Gegen das Jahr 855 ist nichts einzuwenden, wenn gleich die übrigen Data nicht ganz richtig berechnet sind», а второй извиняя Коцела тутъ тѣмъ, что онъ «могъ даже при жизни отца своего, Прибины, быть Удѣльнымъ княземъ», что, по новѣйшимъ розысканіямъ, кажется, имѣло мѣсто (250), но, тѣмъ не менѣе, все таки не спасаетъ Храброва показанія.

Вотъ по чему, хоть прочія означенія дѣйствительно удерживаются на своемъ мѣстѣ, все же странно кажется, отъ че-

го Храбръ, черниризецъ Восточной Церкви, выставляя составленіе письменъ, какъ особенный знакъ благодѣи Божіей къ «родоу Словѣнскоу», желавшей тѣмъ «привести его къ спасенію», отъ чего, говорю, Храбръ опредѣляетъ время составленія «Словѣнскихъ писменъ», называемыхъ имъ «свѣтъша и устытъша» отъ Греческихъ, устроенныхъ «Слѣдъ поганъ», правленіемъ частью не крещенаго Болгарскаго князя, а частью, если и крещенныхъ, за то принадлежавшихъ «къ Латиномъ и Итъремъ», величаемымъ въ Паннонскомъ Житіи Меѳодія «гроуѳомъ уадишъ, не прѣюштинъ нитишъ»? Будь это событіе не въ ту пору, когда Борисъ уже склонился или клонился къ Христіанству, а Ростиславъ, задумавъ великое дѣло, вступилъ въ сношеніе съ царемъ Восточнымъ, за чѣмъ бы ему указывать на ихъ правленіе, какъ опредѣленіе времени передаваемого имъ событія? Безъ этого оно не совсѣмъ достигало бы своей цѣли, сбивалъ своей неопредѣленностью то, что требовалось опредѣлить. Слѣдовательно, допустивъ противное, не только исчезаетъ эта неточность, но даже ссылка на княженіе Коцела является умѣстной, какъ дѣйствительно въ ту пору бывшаго уже государемъ въ Паннонской Моравіи. Все это, стало, показываетъ, что Храброво назначеніе года устроенію Славянскихъ писменъ противорѣчитъ какъ тогдашнему положенію дѣлъ въ Славянскомъ и Греческомъ мірѣ, такъ и собственнымъ его словамъ. Откуда это произошло, кто скажетъ? Можно въ этой несообразности подозрѣвать переписчиковъ (что во многихъ случаяхъ очень покойно для изслѣдователя), можно и самаго Храбра, что, по мнѣ, вѣроятнѣе, ибо всѣ, извѣстные донынѣ, списки (а ихъ очень много, хотя и не старѣе XIV-го вѣка), при всемъ разнообразіи языка (происшедшемъ наиболѣе отъ племенныхъ отличій писцевъ), въ сущности говорятъ одно и то же, даже въ разыскиваемомъ годѣ перевѣсъ на сторонѣ большинства. Позднѣйшія прибавленія слишкомъ незначительны и тотчасъ бросаются въ глаза. Но Храбръ, сохраняя всю вѣрность событія, могъ, хоть и близкій къ нему по жизни, но все же не современникъ и не очевидецъ, въ ближайшемъ и точнѣйшемъ опредѣленіи поры случившагося, самой единицы ея, точно такъ же погрѣшить, какъ, на примѣръ, и сочинитель Похвального Слова Кириллу и Меѳодію, кото-

рый, по всему, былъ и современникъ и даже непосредственный ученикъ ихъ. Отсюда, я больше вѣрю въ справедливость Храброва опредѣленія времени составленія нашей азбуки посредствомъ предпосланныхъ лицъ, нежели етому послѣднему. Историческія же лица указываютъ на иную пору.

Что сказано о Храбрѣ, то же самое должно замѣтить и о небольшихъ Българскихъ и Сербскихъ лѣтописяхъ или лѣточислительныхъ показаніяхъ, изъ коихъ нѣкоторыя говорятъ за одно съ нимъ (855), а другія приурочиваютъ составленіе азбуки къ 6360 или 852-му; изъ списковъ етѣхъ, напечатанныхъ доселѣ, извѣстны два: Рацкій, говорящій просто о написаніи словъ Кирилломъ, и Сеченіевскій съ указаніемъ на Михаила и Θεодору; издатель послѣднихъ еще въ своихъ Славянскихъ Древностяхъ (251) объяснялъ этотъ годъ опиской переписчика: дѣлю статочное, только отъ того все же Храбру ни чуть не легче. Но и тутъ не думаю, чтобы все можно было уладить, сваливъ вину на безответнаго писца, по тому что не въ нихъ только однихъ встрѣчаемъ 852, но и въ другихъ; таково показаніе «Сказанія въкратцѣ свѣдѣнъ ѿ Адама», въ Черногорскомъ сборникѣ (выше, стр. 89—90), въ коемъ тоже Михаилъ и Θεодора обновляютъ Православіе, Болгаре дѣлаются Христіане, а «словеса Словейска» составляются Кирилломъ въ 6360 лѣто. Другой примѣръ: въ Псковскихъ Псалмѣхъ читаемъ тоже 6303 годъ, а изъ лицъ—Михаила и Люррика; судя по такому же случаю съ сказаніемъ Храбра по списку Московской Духовной Академіи, какъ сказано сей-часъ, должно предполагать описку въ числѣ 60 (6363), что и идетъ къ Храброву Сказанію, но не можетъ идти къ Псалмѣ, въ которой выставлено лице Рюррика. Еще больше въ этомъ утверждаетъ насъ «Прологъ сн рѣкъ собраніе ѿ многихъ лѣтописецъ» Румянц. Музея (см. выше, стр. 110—111), въ которомъ не только сказаніе Псалмѣ повторено слово въ слово, съ перестановкой только членовъ этого періода и измѣненіемъ Люррика въ Ререка, но и все вообще извѣстіе послѣдней въ цѣломъ его составѣ. Тутъ слѣдовало бы ожидать стѣг года вмѣсто стѣг, однако вышель стѣг, т. е., 865, чѣмъ и оправдывается, конечно, отчасти, помѣщеніе въ немъ Рюррика.

Другое время происхожденію Славянскихъ письменъ назначаютъ *Паннонскія Житія* и другія, принадлежащія съ ними къ одному разряду, показанія, которыя сейчасъ назовемъ поименно. Время это *двоикъ*, и хотя одно за другимъ слѣдуютъ непосредственно, но существомъ своимъ рѣшительно исключаютъ другъ друга. Подъ первымъ разумѣю сказаніе Паннонскаго Кириллова Житія о томъ, какъ онъ перенялъ письма у какого-то Русина, которыми Евангеліе и Псалтырь писаны были, и какъ онъ, бесѣдовавъ съ нимъ, силу рѣчи узналъ и разлучилъ гласныя и согласныя буквы, сличая все съ своимъ собственнымъ языкомъ; Псковскія же Псалѣи и Прологъ Румянцевскаго Музея называютъ уже это Руской грамотой, данной Русину етому въ Корсуни Богомъ; ею-то Константинъ написалъ книги Рускимъ гласомъ, посѣщая Мораву, Чехы, Ляхы и прочая языки, и ее-то Владиміръ Рускій послѣ обрѣлъ въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ крестился: «идѣ же книги обрѣтошася, тоу и крещеніе обрѣтеся, Руськимъ гласомъ писаны быша книги». Ясно, что послѣдній взяли извѣстіе это изъ самага Житія, или же, на оборотъ, въ Житіе оно попало изъ подобныхъ Рускихъ источниковъ, тѣмъ болѣе, что въ нѣкоторыхъ спискахъ читаемъ его вдвоинѣ: въ самомъ Житіи и на концѣ; тамъ коротко, а тутъ въ связи съ извѣстнымъ рассказомъ о Войтѣхѣ, который тоже представляется въ двоикомъ видѣ, краткомъ, какъ въ Житіи Кирилла по списку Московской Духовной Академіи № 19, и пространномъ по моему (см. выше, стр. 101 и слѣд., а также и примѣчанія). Такъ какъ путешествіе Константина къ Козарамъ не могло быть вмѣстѣ съ Грекомъ Петрономъ, отпавленнымъ, по просьбѣ Козарскаго кагана, Греческимъ императоромъ для построения и укрѣпленія столицы его, Саркела (*Вѣдой Вежи*, *Λευκὸν οἴκημα*, *Domus Candida*), а потомъ оставленнаго намѣстникомъ въ Херсонѣ (252), что случилось, по мнѣнію Ассемани (253) около 836, а по Добровскому и Шафаріку (254) 840 года, по тому что тогда Константану было отъ роду только отъ 9 до 13 лѣтъ; то, по неволѣ, должно согласиться на пріуроченіе оного между 858 и 861-ми, тѣмъ болѣе, что, по свѣдѣтельству Паннонскихъ Житіи, Похвальнаго Слова, Климентова Житія и друг., это происходи-

до послѣ путешествія его къ Срацинамъ, бывшаго на 24-мъ году отъ рожденія: «Бѣ же тогда Философъ дѣвѣтъ десѣтъмъ и четырьмъ лѣтомъ» (255). Первое время назначаетъ Мартинъ Фульденскій (256): «Anno Domini DCCCLVIII, Nicolaus primus,.. Pontificem assumitur CVII post Petrum, sedit autem annos IX, menses 11, dies XX... Hujus Pontificis tempore Sanctus Cyrillus Slavorum Apostolus corpus Sancti Clementis mari siccatum, ubi in Trisoria in mari projectum fuit, afferens Romam portavit, ibique a Papa honorifice in ecclesia sua sepultum fuit»; а второе, «Слово на пренесеніе мощей преславаго Климента, исторнхускою имоуре бестдоу», полагающее «Хѣю номоцію въ .г.ѣ. тисоура .ї. и .ѣ. и .б. лѣ изисканіе его» (257), что отвѣчаетъ 861-му, генваря 30-го: «во единъ днь егда Бѣ изволи авитиса стмоу, тридесѣть днѣ въ ймоура (по др. сп. «л. днѣ вѣше генваря) мѣа, етери ѿ теплыхъ идоша», и по тому занесенное въ Рукописныя Четъ-Миненъ подъ это число, въ одинъ день съ памятыю Климентъ Анкирскаго (258), и составленное очевидцемъ: «не до сего же еже ѿвержеса оутинтиса дѣла моа, стоащи желлоущимъ словоураго (въ др. «славаго») Климентъ видети мощи»; а описывая явленіе мощей Климента, говоритъ: «Идохомъ до блаженнаго отока (острова)... вѣсна намъ стаа и преславаа глааа пресловоура Климентъ, юже и некто видѣвъ прѣвонци (въ др. «въ прѣвонци»), иже и се.е.сть новѣстникъ, авіе блаженнымъ гласомъ вѣзови» (259), и въ заключеніи: «мо себе вѣдѣвъ неключнымъ намъ и не-потребнымъ роуками илшнимъ изискамаъ». Противъ такого назначенія времени я не скажу, чтобы оно было «сомнительно и поздно» (260), по тому что въ самомъ Житіи Кирилла замѣчено, что онъ, по возвращеніи отъ Козаръ въ Царьградъ, видѣвъ цари, «шикаше безъ мѣвѣты, къ цркви стѣхъ апѣа сѣда», истолковалъ тутъ надпись на одномъ потирѣ, «Соломона дѣла», принадлежавшемъ «стѣи Софійи», «илъ немъ же сѣтъ писмена Жидовскы и Самарянскы», и «веселаштоу же сѣ Философю о Боже, пакы дроугаа рѣуа присѣ и троудъ ис мнѣи прѣвухъ», т. е., извѣстное посольство Ростислава. Слѣдовательно, послѣднія выраженія показываютъ, что промежутокъ между тѣмъ и другимъ путешествіемъ Константина былъ весьма небольшой. А если отведемъ пребываніе его въ Козарѣхъ вообще пространство между 858 и 861 (ок. 3 лѣтъ), то, конечно, довольно приблизится къ истинѣ.

Къ этому-то времени относится перенятіе Константиномъ писемъ отъ Русина-отшельника; но мы уже выше (въ главѣ 1-й) сказали, что это считаемъ чистой невозможностью, т. е., принимая его; должно отвергнуть показанія о томъ всѣхъ прочихъ свѣдѣтелей; еще больше, показаніе того же самаго Житія по случаю Ростиславова посольства. Кто же станетъ хоть на мгновеніе колебаться въ выборѣ между тѣмъ и другимъ, какъ бы ни былъ одержимъ духомъ родолюбія? Да и въ заключеніе Философова прѣпія въ первый день предъ каганомъ, сочинитель Житія говоритъ, что желающіе больше и подробнѣе познакомиться съ етѣмъ предметомъ, могутъ обратиться къ «книгамъ его», переведеннымъ Меѳодіемъ на Славянскій, раздѣлившимъ ихъ на 8 Словъ. Стало бытъ, Константинъ описалъ состязаніе свое на Греческомъ? Стало, Славянскихъ писемъ до того не существовало, ни имъ, ни другимъ кѣмъ бы то ни было изобрѣтенныхъ? Въ противномъ случаѣ, онъ написалъ бы его на Славянскомъ, а Меѳодіи не перелагалъ бы его съ Греческаго. Равнымъ образомъ и «осмысленіи грамотникѣ прѣложи» (говоритъ сочинитель), конечно, съ Жидовской бесѣды на Греческую, а не Славянскую, по тому что ему предстояли споры съ раввинами, слѣдовательно, нужно было основательно познакомиться съ ихъ рѣчью, а для того требовалось облегчить себѣ пониманіе Св. Писанія на Еврейскомъ языкѣ грамматическимъ изученіемъ его. И точно, первыя попытки въ грамматикѣ Еврейскаго языка относятся тоже къ IX-му вѣку (261). Безъ сомнѣнія, переводъ ея, по ходу дѣла, сдѣланъ былъ еще въ Херсонѣ, а прѣпіе могло быть описано и послѣ, по прѣздѣ въ Византію, прѣложеніе же на Славянскій и того позже. По чему Константинъ писалъ по Гречески, а братъ его переводилъ его на Славянскій? Рѣшеніе этого вопроса не можетъ имѣть прямого вліянія на рѣшеніе моего вопроса; примемъ пока, до другаго времени, это такъ, какъ оно есть, и не станемъ дѣлать ни какихъ посылковъ о происхожденіи нашихъ благовѣстниковъ. Будучи даже Славянами, тотъ и другой, воспитанные въ столицѣ Греческаго Царства, занимая высокія мѣста въ немъ, конечно, отлично владѣли языкомъ господствующаго народа, и лишены были возможности писать родной рѣчью, пока не было еще самаго орудія для пе-

редачи ея харатьѣ. Во всякомъ случаѣ, однако же, занятіе Константина сочиненіемъ и переводомъ по Гречески въ Херсонѣй показываетъ, что въ ту пору Славянскія письма еще не были устроены имъ; стало; показаніе Храбра и Паннонскаго Кириллова Житія въ етомъ мѣстѣ о годѣ составленія ихъ оказываются несостоятельными. Такъ что же со-
стоятельно?

Второе показаніе *Паннонскихъ Житій, Похвального Слова, обѣихъ Латинскихъ Сказаній* (1-й и 2-й Легенды), *Нестора* и друг., не поименованныхъ при первыхъ двухъ. И подлинно: разбирая етѣ свѣдѣтельства и сличая ихъ какъ между собою, такъ равно и съ тогдашними обстоятельствами всѣхъ, сколько ни есть, замѣшанныхъ въ семъ дѣлѣ, приходимъ, послѣ всесторонняго разсмотрѣнія и обсуждения подробностей его, къ тому заключенію, что, если ужь нуженъ выборъ тамъ, гдѣ нѣтъ прямого и рѣшительнаго назначенія времени, не допускаящаго ни малѣйшаго сомнѣнія, то такой выборъ нашъ долженъ неминуемо пасть на етѣ, а не другія, показанія, какъ во всемъ превышающія прочія своей внутренней и внѣшней цѣнностью и значеніемъ. По нимъ время составленія писемъ для Славянъ полагается въ 862 году, на который указывали уже, какъ извѣстно изъ «исторіи нашего вопроса», и другіе, по который теперь, въ силу новыхъ, или точнѣе, *вновь открытыхъ*, памятниковъ (т. е., бывшихъ когда-то извѣстными, но послѣ забытыхъ по чему бы то ни было и мало входившихъ, при опредѣленія поры етому событію, въ соображеніе). Дѣйствительно, въ Паннонскомъ Житіи Кирилла читаемъ: «четырдесятъ мѣнь створь въ Моравѣ, иде святитѣ оученикъ своихъ»; далѣе, въ такомъ же Житіи Меодія: «и трѣнь лѣтомъ ишѣдъшемъ, възвратиста са нзъ Моравы, оученикъ ишоуыша»; изъ другихъ, оба Латинскія Сказанія (или Первая и Вторая Легенды, иначе Итальянская и Моравская), какъ извѣстно, назначаютъ *четыре съ половиной* года: «Manserunt ergo in Moravia per annos quatuor et dimidium» (по 1-му); «Manserunt autem in Moravia annis quatuor et dimidium» (по 2-му). Похвальное Слово Кириллу и Меодію не упоминаетъ о числѣ лѣтъ, проведенныхъ ими въ Моравіи до отбытія въ Римъ,

но даетъ ясно знать, что письма были уже принесены ими готовые изъ Царьграда, равно какъ и предложение нѣкоторыхъ книгъ, необходимыхъ на первыхъ порахъ для богослуженія; стало, вопреки Нестору, выведенному изъ Паннонскихъ Житій совсѣмъ противное заключеніе. По тому что до прибытія ихъ въ Моравію, духовный витія выражается о происхожденіи писемъ опредѣленно, давая тѣмъ знать о составленіи ихъ не сдѣсь (въ Моравіи), но въ другомъ мѣстѣ (въ Царьградѣ), говори: «Законъ же бѣни соугоуво прѣложыша, къ мовынъ изыкъ прѣдаста, писмена сътворыша имоу»; и ниже: «не на тоужемъ основанни свое дѣло полгающа, въ измова писмена въображыша, и съвершиста къ изыкъ мовъ». Когда же коснулся прибытія ихъ въ мѣсто своего призванія, выражается иначе: «прѣдоста штедоу на Западныхъ страны, бѣговтствоуююща слово бѣни къ изыкъ мовъ, и весь црѣквынъ законъ прѣложыша ѿ Грьуьскаго, въ скон имъ изыкъ прѣдаста»; за тѣмъ: «въ Западныхъ же странахъ Паноньстѣхъ и Моравьскахъ странахъ яко сѣнци въспывъша, мрака грѣховьна ѿгнмавъша, просвѣтитста воукъвами и мдоуъша оученны црѣквыноу чиноу испѣльнъ». Слѣдовательно, сдѣсь уже рѣчь только о просвѣщеніи буквами, т. е., готовыми, принесенными ими туда изъ другаго мѣста, отнюдь же не о составленіи ихъ тутъ. Какъ до прибытія ихъ въ Мораву часто и охотно говорилъ витія о сѣтвореніи писемъ, такъ послѣ того ни разу ужь не поминаетъ о томъ, напротивъ повторяетъ лишь объ ученіи, т. е., наставленіи посредствомъ перевода Св. Писанія и богослужебныхъ книгъ, на примѣръ, устами папы Адриана II-го, въ посланіи его къ Славянскимъ князьямъ: «сълемъ брата нашего устьнаго, Меѳодия, сѣсил на архиепѣство на страны ваша, яко же есте просили оу насъ (собственно, князь Блатенскій, Коцель), да къ оуунтъ, къ изыкъ прѣлагащъ книги». По Житію Меѳодія: «мы же оумысанхомъ, испыгавъше, послаати Меѳодия, сѣшше и съ оученны, сѣя же нашего, на страны ваша, мовъа же съвершема разоумъма и правотрыма, да къ оуунтъ, яко же есте просили, съказаи кънигы въ изыкъ вашъ, по всемоу црѣквыноу чиноу испѣльнъ». Не со всѣмъ точное выраженіе въ послѣднемъ («съказамъ») совершенно уясняется первымъ, («прѣлагащъ»), т. е., сказывать книги въ языкъ чей либо значить переводить ихъ на етотъ языкъ. По всему,

стало быть, устройство новыхъ письменъ, происходило не на Моравѣ, и происходило, по ясному показанію упомянутыхъ сей-часъ свидѣтельствъ, не за долго до прибытія устроителя ихъ въ нее, случившагося, по сказанію Житія Меѳодіева, за «три лѣта», а по сказанію Кириллова Житія, за «четыредесятъ мѣ^цъ», или, приводя все къ однородному, за 36 или 40 мѣсяцевъ, иначе за три года, или три года и четыре мѣсяца, а по Латинскимъ Житіямъ ихъ за 52 мѣсяца или четыре съ половиною года. Такое, по видному, явное противорѣчіе, очень легко объясняется, если вышкнемъ, какое именно время каждый изъ творцевъ ихъ имѣлъ въ виду, поставляя свой срокъ пребыванію незабвенныхъ Братьевъ въ Моравской землѣ. Самой меньшей срокъ, три года, назначаетъ Житіе Меѳодія, и, по мѣ^цъ, разумѣетъ подъ тѣмъ только время, протекшее отъ прихода обоихъ въ собственную Мораву, мѣсто пребыванія и главной силы Ростислава, а не во владѣнія, принадлежавшія къ его государству, не княжества Нитранское, бывшее у Святополка, племянника его, и Паннонское или Блатенское, у Коцела, сына, недавно убитаго Моравцами, Привины, все князей-подручниковъ Ростиславовыхъ, изъ коихъ объ одномъ и упоминается въ Житіи Меѳодія, какъ участникъ въ посольствѣ въ Царьградъ: «Приоучишеса къ ты дѣи Ростиславъ князь Словѣнскъ съ Стопълкымъ, посѣлста изъ Моравы къ црѣю Михаилоу», по въ Кирилловомъ Житіи и о немъ ни слова, но говорится только отъ лица Ростислава съ подвластными ему князьями, въ числѣ коихъ, разумѣется, слѣдуетъ считать и Святополка, и вообще Моравлянами (или, по другому чтенію, «съ князи своими Моравляныи»): «Ростиславъ, Моравскыи князь, Кѣомъ оустниъ, съвѣтъ сътвори съ князи своими и Моравляныи, и посѣла къ црѣю Михаилоу». Слѣдовательно, сюда относятся 863—65 годы, послѣ коихъ, какъ сказано въ Житіи, назначающемъ ихъ на пребываніе въ Моравѣ, они возвратились: «и трѣмъ лѣтомъ шедъшымъ, възвратишса съ изъ Моравы, оученикы илючъшы»; т. е., исполнивъ то, для чего призваны были: «да ны оучитъ въ языкъ ильшъ». Куда же пошли они? Выраженіе «възвратишса съ» не оставляетъ намъ ни какого сомнѣнія на счетъ земли, въ которую они воротились послѣ исполненія возложенной на нихъ обязанности, слѣдственно, въ Царь-

градъ. А по чему же не туда? Докладываютъ же намъ нѣкоторые изъ источниковъ, какъ мы уже знаемъ, и объ этомъ? Такъ Несторъ, больше всего державшійся въ своемъ извѣстїи Паннонскаго Меѳодіева Житія, тоже упоминаетъ, согласно съ нимъ, объ отшествїи изъ Моравы, но не обоихъ братьевъ, а одного лишь Кирилла: «Костантинъ же възвратиса възснати, а Меѳодїи оста въ Моравѣ»; Проложное же Житіе возвращаетъ и Меѳодїя: «Возвратившюу же са Меѳодїю въ Костантинъ градъ, патрїархъ же свати его еѣвил и возврати и въ Мораву во градъ Каплонъ». Положимъ, что посвященїе его въ епископы и противорѣчитъ всѣмъ лучшимъ показанїямъ, но отбытіе изъ Моравы обоихъ братьевъ, будетъ ли то одновременно, или разновременно, по крайности, одного, кажется, дѣло вѣроятное. Можно даже согласиться еще на меньшее, возвращенїе ихъ (опять одного, или обоихъ) ограничить гораздо ближайшей страной; подъ еѣмъ разумѣю Булгарїю, въ которую Несторъ и Проложное Житіе его именно отправляютъ его изъ Моравы; первый: «и иде оучити Болгарьскаго азыкъ»; второе: «По семъ иде въ Болгары, проповѣдади Христа; тако же и въ Словѣны пришеди», и проч.; между тѣмъ, о путешествїи Меѳодїя сюда оба еѣ источника молчатъ; Несторъ даже прямо говоритъ, что онъ остался въ Моравѣ: «а Меѳодїи оста въ Моравѣ»; Прологъ же, напротивъ, какъ видѣли сейчасъ, посылаетъ его въ Царьградъ, но не въ Булгарїю. Во все не зная Паннонскихъ Житїй въ ихъ теперешнемъ видѣ (по тому что они, въ сокращенїи по «Книгѣ Житїи», были извѣстны давно), Добровскїй, опираясь наиболѣе на Западныя источники, соглашался съ Ассемани въ томъ, что четырехлѣтнее съ половинной пребыванїе Солунцевъ въ Моравїи, какъ полагаютъ то Легенды, слѣдуетъ относить не къ одной лишь послѣдней, но распространить на обѣ страны, Моравїю и Булгарїю. Еще больше: они могли до 867 года возвращаться не одинъ разъ, но нѣсколько въ послѣднюю, и если до того еще государь ея не былъ склоненъ къ принятїю Христїанства, подвигнуть его къ тому, одинъ доводами, другой—тѣмъ же и извѣстнымъ живописнымъ изображенїемъ Страшнаго Суда, въ чемъ Добровскїй ни мало не сомнѣвается, т. е., что рассказываемый Византїйцами живописецъ монахъ Меѳодїй былъ одно и то же лице съ нашимъ Меѳодїемъ (262):

«Assemani glaubt, die 4½ Jahr auf ihren Aufenthalt in beyden Ländern beziehen zu dürfen. Wenn sie auch 863 das Land Mähren betraten, so konnten sie doch mittlerweile vor 867 auch einmal oder auch öfter in Bulgarey zurückkehren, und den König zur Annahme der Taufe bewegen, Cyrill durch Gründe, Method durch ein Gemälde» (263). И даже, возражая Нестору, замѣчаетъ: «Nicht jetzt erst, wo Method allein in Mähren als Bischof bleibt, sondern vor ihrer Ankunft in Mähren, und auch während ihres fünfhalbjährigen Aufenthalts daselbst, arbeitete Constantin an der Bekehrung der Bulgaren». Конечно, такъ, судя по свѣдѣтельству Климентова Житія, продолжателя Константина Багрянороднаго, Скилицы, Кедрина, а изъ Западныхъ: Моравскаго Житія и Житія Людмилы, Градиштскаго черноризца и Дуклянца; изъ нихъ первый прямо и неотразимо утверждаетъ, что еще до отъѣзда своего въ Мораву, Меѳодіи избралъ себѣ въ ученики Булгарскаго государя, Бориса, жившаго въ царствованіе императора Михаила, воспламеня въ немъ любовь къ прекрасному родному языку и сообщая ему благодѣянія слова: «οὐ μὴν ἀλλὰ καὶ τὸν τῶν Βουλγάρων ἄρχοντα Βορίσην, ὅς ἐπὶ τοῦ τῶν Ρωμαίων βασιλέως Μιχαὴλ ἦ, καὶ τοῦτον ὁ μέγας Μεθόδιος καὶ πάσαι μὲν τέκνον ἐποίησαντο, καὶ τῆς σιμείας γλώσσης τῆς πάντα καλῆς ἐξητήσαντο καὶ τότε δὲ ταῖς τῶν λόγων εὐεργεταῖς ἀδιαλείπτως εἶχε δωρούμενος». Сдѣловательно, посѣщеніе Булгарин блаженными Братьями для обращенія, безъ сомнѣнія, прежде всѣхъ, того, отъ кого зависѣло ежели не вполне обращеніе народа, то, по крайности, согласіе на то, на проповѣдь для обращенія, посѣщеніе, говорю, Булгарин еще до приглашенія въ Моравію, не подлежить ни какому сомнѣнію. Времени къ тому не требовалось слишкомъ много, по близости ея къ столицѣ Имперіи, куда оба они возвратились изъ Козарь. А какъ подъ обращеніемъ Булгарин въ это время должно, по всему, разумѣть не обращеніе цѣлаго народа, но только самаго государя и его Двора, т. е., самыхъ приближенныхъ, то, по тому, оно и не требовало для себя долгаго времени, тѣмъ болѣе, что все дѣло издадека и давно уже подготовлялось, и нуждалось только въ конечномъ завершеніи. Не говоря о мно-

жествѣ Христіянѣ между Славянами Имперскими (имѣвшими даже архіепископа и епископовѣ) и Булгарскими на границахъ и въ самой Булгаріи, какъ показываютъ то частыя и жестокия гоненія на нихъ предшественниковъ Бориса, вспомнимъ только то, что Вѣра Христіанская открыла было уже себѣ входъ въ самое его семейство, и что это—то обстоятельство, по всей вѣроятности, ускорило и облегчило трудъ Братъевъ, равно какъ скопленіе разнаго рода несчастій, около етой поры обрушившихся на него и его народъ (голодъ, неудачныя войны съ сосѣдями, въ томъ числѣ и съ императоромъ). Это называется первымъ обращеніемъ Булгаръ, собственно, Булгарскаго государя съ приближенными его и съ тѣми, которые уже были къ тому приготовлены самыми обстоятельствами, и къ нему—то относятся всѣ тѣ указанія въ источникахъ, которыя говорятъ о крещеніи Булгаръ до отбытія Константина и Меѳодія въ Моравію, именно: Нестора, подъ 6366 или 858: «Михаилъ царь изиде съ кон брегомъ и моремъ на Болгары; Болгары же оувидѣше, не могоша стати противоу, креститиса проснша и покоритиса Грекомъ. Царь же крести княза ихъ и бола ры вса, и циръ сѣтвори съ Болгары». Годъ етотъ, конечно, слишкомъ ранній, исправляютъ показанія Византійцевъ (264), тоже рассказывающіе объ обращеніи Бориса за одно съ Несторомъ, взявшимъ то у одного изъ нихъ, и указывающіе на 860—861, хотя въ подробностяхъ, какъ водится, разногласятъ, т. е., одни полагаютъ крещеніе Бориса въ собственной землѣ, а другіе, напротивъ, заставляютъ его отправляться за тѣмъ въ самый Царьградъ. Сличая съ ними Нестора, видно, что онъ осторожно пользовался сказаніемъ ихъ. Всѣ же они, кажется, основали свое показаніе на Амартолѣ, разнообразя его по своему, и къ его ошибкамъ придавая еще свои собственные; въ етомъ видѣ перешелъ рассказъ ихъ и въ наши Рускіе Временники, какъ мы видѣли уже (въ 1-й главѣ, стр. 115—116), которые еще пуще запутали его своими привнесеніями: по одному: «иде Борисъ въ Црьградъ, проса сѣаго крещенна со всеми княженіемъ сконизъ, сподобиса прнати и иречемиъ вистъ Михаилъ», а по другому (уже въ 868 г.), отправившись туда, получилъ имя «Симеона», и проч. Между тѣмъ какъ дѣлю происходило очень просто: крещеніе совершено бы-

ло въ самой Булгаріи, разумѣется, посланнымъ ли изъ Царьграда нарочно для того лицомъ, или же бывшимъ уже въ ней прежде, хоть бы то и не съ давняго времени. Изъ этого лица сдѣлали уже, не слишкомъ заботившіеся о точности, Греческіе хронисты, епископа. Безъ сомнѣнія, и епископа, или, по другимъ, даже архіепископа Борисъ получилъ, но только уже послѣ удаленія Меѳодія (вѣроятно, и Кирилла, какъ неразлучныхъ въ жизни сотрудниковъ, по собственному выраженію его передъ кончиной своей: «въ соудроуга баховѣ, кядноу браздоу тжаца»), конечно, въ Царьградъ, въ который, между тѣмъ, въ это самое время, подоспѣло посольство отъ Великоморавскаго государя, т. е., открывался другой, не менѣе важныи, подвигъ, по выраженію Кириллова Житія: «пакы другамъ рѣхъ приснѣ и троудѣ, ис мѣни прѣвѣхъ». Царь долженъ былъ призвать ихъ оттуда, если еще не было ихъ въ столицѣ; а ежели были, то, разумѣется, не задолго передъ тѣмъ возвратившись изъ Булгаріи. Усиѣли прежніе («къ Срацихъ и Козарѣхъ») и только что полученные въ сей послѣдней, свѣдѣтельствоваши, что лучшихъ учителей и не надо желать для Славянскаго государя, какъ етѣ Братья, которые одни въ состояши «въ свои кмоу и юго людемъ изъукъ съказати истоужъ въ ра Хрѣтѣанскѣ и всѣакъ правдѣ и разоумѣ»; по тому-то Михаилъ и обратился къ Константину, говоря ему въ Соборѣ, что хотя опъ «троуденъ сжитъ, по потреба кмоу ксть тамо ити, семъ бо рѣхъ не можеть инѣ никто же исправити, кже же онъ», тѣмъ болѣе, что предлежитъ теперь путь держать къ Славянамъ: «вы же кста Селоуцинина», которые «вси кисто Словенскы ксѣздоужють»; по тому, «нониѣ братъ свои, нгоуменъ Меѳодии, и дары многы, иди», заключилъ императоръ, и Братья, отправившись, пробыли въ новомъ своемъ проповѣдническомъ подвигѣ, какъ мы видѣли, отъ 3-хъ до 3½ лѣтъ, по прошествіи конхъ, въ слѣдствіе событій, совершившихся, между тѣмъ, въ Булгаріи, должны были, одинъ ли, или и оба, навѣстить и ее, и употребить въ ней слово и дѣло, все свое значеніе и вліяніе. Послѣ Булгарскій государь получилъ изъ Византіи другихъ дѣлателей для своего вертограда, какъ свѣдѣтельствуеетъ о томъ одинъ очевидецъ, Болгаринъ, рассказывающій, подъ 14-мъ сентября, въ пергаменномъ Прологѣ XIV-го вѣка, на

ходящемся въ Библиотекѣ Троицко-Сергіевоі Лавры № 5-й (265), объ этомъ времени, т. е., первокрещеніи своего народа, на смертномъ одрѣ, окружающей его братин: «И рече: Обсѣ игоумене Петре! Азъ есмь ѿ изыма поновпросвященнаго Болгарскаго, иго же Бѣ просвѣти стѣмъ крѣпншемъ къ снѣ лета избраникомъ своимъ, Корісомъ, иго же изрекоша къ стѣмъ крѣпншѣ Михаилъ, иже силою Хвою и злименншемъ крѣпншѣмъ повяди црпанти и исокорвкншѣмъ родѣ Болгарскншѣ, и омуренншѣмъ срѣца злокознншѣмъ дьяволншѣмъ двнсткомъ, свѣтомъ крѣпншѣмъ просвѣти и ѿ темнншѣмъ и лестнншѣмъ и смраднншѣмъ и бѣмерскншѣмъ жерткѣ ѿврати и изведе кѣ ѿ тншѣмъ на свѣтъ, ѿ лншѣмъ и крнвды нл истнннншѣмъ, и смраднншѣмъ влншншѣмъ и неутншѣмъ ѿверже, і требншѣмъ нхѣмъ рѣстншѣмъ, оутверди кѣ стѣмъмъ кннгншѣмъ къ прлковѣрнншѣмъ ктроу крѣпншѣмъсквоу, приведе стѣмъ Іоснфѣмъ архнншѣмъкѣ, нншѣмъ оучнтелншѣмъ и наказателншѣмъ, и създа црѣкншѣмъ и монлстнрѣмъ, и ностлншѣмъ кншѣмъ, пошѣмъ, игоуменншѣмъ, да оучатѣ и правятѣ людншѣмъ иго нл Бѣншѣмъ ноутѣ» (266). Однако, разные неустройства, появившіяся въ эту пору, особенно наполненіе Булгаринъ, кромѣ Греческихъ проповѣдниковъ, еще Армянскими, Еврейскими и Латинскими, смущавшими, какъ и въ Моравскоі Державѣ, только что обращавшихся, но большинствомъ остававшихся еще при старой своей языческой Вѣрѣ, все это заставило Бориса прибѣгнуть къ тому же средству, къ какому, по такимъ же причинамъ, недавно передъ тѣмъ, прибѣгъ сосѣдъ его, Ростиславъ, т. е., подобно Растнцу, стремившемуся къ тѣснѣйшему, посредствомъ вѣроисповѣднншѣмъ связей, соединенію съ Византіей противъ своихъ главныхъ непріятелей, Нѣмцевъ, и Борисъ силншѣмъ, въ слѣдствіе одинакншѣмъ государственныхъ причинъ, сблизиться съ Нѣмцами и вообще Западомъ противъ враговъ своихъ, Византійцевъ, съ коими до того велъ безпрестанныя войны. Средство къ тому видѣтъ онъ въ томъ же, въ чемъ и Ростиславъ: онъ отправилъ въ концѣ 855-го, или въ 866-мъ году, великолѣпное посольство къ Нѣмецкому императору, Людвигу, и въ Римъ къ папѣ, Николаю, извѣщая, какъ и Ростиславъ, о своемъ крещеніи, и, какъ онъ, прося прислать духовныхъ учителей, священнншѣмъ кннгѣ и т. п. Извѣстно, что папа и императоръ снѣнншѣмъ исполнить желаніе союзника, совершенно для нихъ неожиданное, судя по бывшему предъ тѣмъ; впрочемъ, первый предупредилъ послѣдняго своимъ посольствомъ, которое доставило Булгарско-

му государю также обширные и чрезвычайно замѣчательные отвѣты Римскаго первосвященника на 106 вопросовъ его, касавшихся отношенія новой Вѣры къ разнымъ остаткамъ прежней, особенно народнымъ обычаямъ и, по новости положенія, разнымъ недоумѣнїямъ, наиболѣе возбуждаемымъ частью обрядной. При содѣйствїи Бориса, Греческое духовенство было удалено и смѣнено Латинскимъ, которое, такимъ образомъ, сдѣлалось полнымъ хозяиномъ въ владѣнїяхъ его и принялось все заводить по своему. Такое опасное состоянїе Булгарїи, въ которой только что было Солунскїе благовѣстники посѣяли сѣмена Православнаго ученїя, обѣщавшія принести сторичный плодъ, естественно, не могло быть имъ неизвѣстнымъ и, слѣдовательно, не побудить ихъ, при первой возможности, послѣзвать на помощь. Объ етомъ-то возвращенїи изъ Моравы обоихъ Братъевъ и говорятъ памъ Жизнеописатель Меѳодїя, Несторъ и Проложныя Житїя, предпринятомъ однимъ послѣ 3-хлѣтняго пребыванїя, а другимъ 3-хъ лѣтъ и 4 мѣсяца; т. е., я полагаю, что не разомъ удалились они изъ Моравы, по чередуясь; если же вмѣстѣ, тогда должно будетъ допустить въ лѣтномъ означенїи нѣкотораго рода неточность, правда не слишкомъ важную и ветрѣчающуюся и въ другихъ мѣстахъ обоихъ Панновскихъ Житїй. Если всѣ историки обыкновенно почитаютъ прибытіе Греческихъ духовныхъ проповѣдниковъ въ Великоморавїю, какъ бы нѣкотораго рода вторичнымъ крещенїемъ ея, что во многихъ мѣстахъ, дѣйствительно было (по тому что само Латинское духовенство называло етѣхъ Славянъ ни чѣмъ не хуже язычниковъ, сколько за ихъ привязанность къ старинѣ, столько и за отвращенїе отъ учителей на непонятномъ имъ языкѣ), то, такимъ же образомъ, и на подобное же обстоятельство, случившееся вскорѣ въ Булгарїи, смотрѣли многіе изъ Западныхъ лѣтописцевъ, на примѣръ, *Mansi* (Coll. conc. XV, 457), приводитъ слѣдующїй случай: Когда Констанцкїи епископъ Соломонъ, посланный въ Римъ императоромъ Людовикомъ, договаривавшимся въ Тульнѣ, лѣтомъ 864 года, о мирѣ съ Булгарами, явился къ папѣ, то услышалъ отъ него, между прочимъ: «*Quia vero ducis, quod christianissimus rex (Ludovicus) speret, quod ipse rex Vulgarorum ad fidem velit converti, et*

jam multi ex ipsis christiani facti sint, gratias agimus Deo, quem precamur, ut abundare faciat incrementa frugum in horreo suo. Jejunium vero pro eis et orationes, sicut per te hortatur, Deo propitio faciemus». Следовательно, Борисъ уже въ это время дѣлалъ первые шаги къ приведенію замышленного, на что папа смотрѣлъ, какъ на обращеніе къ Христіанство, хотя не могъ не знать, что онъ былъ крещенъ до того; но, съ своей точки зрѣнія, т. е., Латинской, онъ глядѣлъ на то, какъ бы оно никогда не существовало, считая Христіанами лишь обращенныхъ своимъ духовенствомъ; по тому-то подѣ Христіанами Булгарами онъ разумѣетъ и здѣсь, конечно, только етѣхъ, а не другихъ. Что у Соломона предрекалось еще только о Борисовомъ повокрещеніи, то у *Гинкмара Реймского*, въ «*Annal. Bertiniani*», подѣ 866 год., представляется уже совершившимся: «Rex Bulgarorum, qui *precedente anno*, Deo inspirante et signis atque affectionibus in populo regni sui monente, *christianus fieri meditatus fuerat, sacrum baptismum suscepit*» (Pertz I, 473). Крещеніе это представлено Бертинскимъ лѣтописцемъ случившимся передѣ посольствомъ въ Римъ, а самое посольство имѣло мѣсто въ 866 году, именно, спустя 5 лѣтъ, по розысканію Баронія (основавашагося въ этомъ на показаніи Анастасія Библіотекаря), послѣ первого, настоящаго и единственнаго, совершеннаго однимъ изъ Братевъ, по всей вѣроятности, старшимъ, а второе было только мнимымъ, однимъ политическимъ оборотомъ, но которое папа радъ былъ считать истиннымъ и первоначальнымъ, не признавая, по своимъ особеннымъ видамъ, бывшаго передѣ тѣмъ, какъ состоявашаго безъ его содѣйствія. Другіе, принадлежашіе къ одной и той же іерархической общинѣ, естественно, раздѣляли воззрѣніе на этотъ предметъ главы ея. По тому напрасно Ассемани силится отстоять его воззрѣніе; напрасно Енгель думалъ примирить два враждебныя мнѣнія, допуская, что Борисъ дѣйствительно два раза крестился, 861 и 865 г. (Geschichte von Bulgarey u. s. w.); равнымъ образомъ, ничего не успѣлъ въ этомъ случаѣ и *Е. Диммлеръ* (267), поднимая снова мнѣніе послѣднихъ двухъ, т. е., почитая самымъ вѣроятнѣйшимъ Борисово крещеніе въ началѣ 865 года: «wird sich als der wahrscheinlichste Zeitpunkt sei-

ner Taufe, indem wir dem Hinkmar eine kleine Ungenauigkeit zu gute halten, *der Anfang des Jahres 865 (oder vielleicht schon das Ende 864) herzustellen*. Онъ не хочеть, или скорѣе, не можетъ понять, что тутъ и рѣчи нѣтъ о крещеніи въ собственномъ смыслѣ слова, но что это было, выражаясь словами Запада, новое лишь обращеніе къ Христіанству, «*noviter conversus (Bogoris) ad fidem christianam*», стало, обращеніе, предполагающее впереди бывшее. Какъ долго продолжалась отлучка обонхъ братьевъ изъ Моравы въ Булгарію и другіе, сосѣдніе, вѣроятно, по пути лежащіе, Славянскіе края (если только были тогда такіе между Великоморавіей и Булгаріей), кто знаетъ? Во всякомъ случаѣ, въ 866-мъ году они могли оставить собственную Моравію (въ прежнемъ смыслѣ слова), и посѣлится туда, куда тоже призывала ихъ не меньше священная обязанность. И это тѣмъ болѣе, что въ ту пору начинались уже военныя безпокойства у Ростислава съ Нѣмцами, поводомъ къ коимъ была тайная связь съ нимъ младшаго сына Людвикова, тоже Людвика, съ нѣкоторыми вельможами, возставшаго было противъ отца по примѣру старшаго брата своего, Карломана, сдѣлавшаго тоже въ 861 — 863 (*Hist. anno. 866*). Если это было такъ, или почти такъ, то нѣтъ сомнѣнія, что они же присутствіемъ своимъ въ Булгарію и Царьградъ могли способствовать тому, что Фотію принялъ было самыя сильныя мѣры къ возвращенію послѣдней, предавши предварительно проклятію пана Николая, и, конечно, успѣлъ бы въ томъ, если бъ насильственная кончина Михаила III-го, не лишила, въ слѣдъ за тѣмъ, и его самаго престола (въ сент. 867). Какъ бы то ни было, и Константины, и Меводіи должны были возвратиться оттуда снова къ Великоморавцамъ, у коихъ оставались до слѣдующаго, 867-го, года, когда, по Житію Кирилла, отправились для рукоположенія учениковъ въ Римъ, подъ верховной, въ церковномъ отношеніи, зависимостью коего находились владѣнія Ростислава: «*иде святити оученикъ своихъ*», а по Житію Меводія были они приглашены самимъ паной, желавшимъ видѣть ихъ: «*оувѣдѣвъ же такова моужа апостолникъ Никола, посъла по на, желамъ видѣти а, яко агла Бѣни*». Если они пустились въ путь въ половинѣ этого года, то значитъ вторую провели въ дорогѣ.

именно, какъ говоритъ Житіе перваго, въ Панноніи и Венеціи: черезъ ту и другую пуцко было проходить имъ. Въ первой не только принялъ ихъ съ великими почестями князь Коцель, но и полюбилъ новосоставленную грамоту, выучился ей самъ, далъ имъ тотчасъ около 50 изъ своихъ Славянъ въ ученіе и лично проводилъ ихъ: «Принятъ же и подоуи Коцель, князь Панномьскъ, и възлюбилъ велими Словянскыя боукы, и подоуи са имъ, и великоу усть кемоу сътвори, мимо проводи и». Въ Венеціи же, какъ извѣстно, оба принуждены были выдержать новыи споръ съ Латинно-Нѣмецкимъ духовенствомъ, возстававшимъ на нихъ за введеніе Славянскаго языка въ Богослуженіе: «Блахоу же етера уады, важе гадыхоу Словянскыа кннгы, гмоуе, ако недостонтъ ни которомоу же изыкоу имати боукы свонхъ, развѣ Еврен, и Грькъ, и Латинъ, но Шалтовоу писанию, важе на крѣсть Гин написл, и проч. А въ Житіи Кирилла: «Въ Патцѣхъ же бьвешоу кемоу, стьрѣша са на нь Латиньстни кенскони и попове и уьрноризци, ако врли на соколъ, и въздкгоша тризъуьноуѣ кересъ, гмоште: уауе, скажи имъ, како кси ты сътвориа Словянмъ кннгы, и оууини са, ихъ же нсть никъто же ннъ прьвѣе образъ, ни айаи, ни Римьскыи палежъ, ни феодеогъ Григорни, ни Юронимъ, ни Авгуѣстинъ; мъ же три изыкы тькьмо кьмъ, или же достоятъ въ кннгѣхъ славни Бѣ, Ювртискы, Ювлинскы, Латиньскы.» Только въ самомъ концѣ 867 года прибыли они въ Римъ, и, какъ папа, Николай, между тѣмъ, скончался, 13-го ноября, а черезъ мѣсяць, 14-го декабря, былъ избранъ на его мѣсто Адрианъ II-й, то, по тому, полагать нужно, что приходъ ихъ послѣдовалъ не раньше праздника Р. Х. или даже, что довольно вѣроятно, въ началѣ 868 года, по тому что, послѣ встрѣчи ихъ самимъ папои за городомъ, въ послѣдующихъ за тѣмъ богослуженіяхъ въ разныхъ церквахъ Рима, видимъ лице, которое, по основательному розысканію одного изъ лучшихъ нашихъ знатоковъ Церковной исторіи, могло участвовать въ нихъ не прежде начала этого года, возвратившись изъ путешествія въ Булгарію; я разумѣю, Формоза, епископа Портуанскаго (268): «Оуѣдѣвъ же Римьскыи палежъ, послаа по нь, и дошдышоу кемоу Рима, изъиде смлъ апостоликъ Андрианъ вротнвоу кемоу съ кьвни гражданы, свншта посамште, оуѣдѣвъ, ако стго Кннскта шонти несать, моушенчка и палежъ Римьскъ. Принимъ же палежъ кьзгы Словянскыа, сти и

положи въ цркви стѣна Марна, кже са паркуеть Фатн. пекше надъ нши-мтоургну. И по семь поклетъ илнскъ дѣтмъ кѣпнома, Формосоу и Гондрихоу стѣти Словтнскыа оууеникы», и проч. (269). Или же и тутъ опять маленькая неточность жизнеописателя Кириллова, подобная той, какую встрѣчаемъ въ етомъ мѣстѣ въ Меѳодіевомъ Житіи? Сказавъ, что папа Николай пригласилъ Меѳодія въ Римъ, сочинитель говоритъ далѣе, что папа «стѣи оууение его, положи Словтнское ивангеліе на алтари стѣго Петра апл, стѣи же на поновствко блннго Меѳедна». Это не могло быть сдѣлано Николаемъ, но Адріаномъ, какъ и замѣчено о томъ въ Житіи Кирилла и Похвальномъ Словѣ обоимъ. Такая неточность произошла отъ того, что сочинителю не столько шло объ имени папы, сколько о самомъ папѣ, т. е., о совершеніи всего этого папой, или, какъ онъ выражается, апостолікомъ (apostolicus), кто бы онъ былъ. А что онъ не думалъ смѣшивать, доказываютъ послѣдующія слова, въ конхъ онъ упоминаетъ объ Адріанѣ. Пока же Братья находились въ Римѣ, произошли важныя событія въ земляхъ, въ которыхъ они въ послѣднее время дѣйствовали: въ Великоморавіи открылась страшная война Славянъ Западныхъ, предводимыхъ Ростиславомъ, съ Шьцами (*Hist. Remen. ap. Pertz I, 482*), а съ другой въ Булгаріи Борисъ, разсерженный самоуправными распоряженіями папы (отказомъ его посвятить въ Булгарскіе архіепископы Формоза и отравленіемъ новыхъ епископовъ, которымъ поручалъ управление духовными дѣлами), и видя положеніе свое ни мало не улучшившимся отъ перехода къ новой Церкви, начинавшей уже вмѣшиваться въ права главы народа, рѣшился снова сблизиться съ Царьградомъ, въ которомъ, между тѣмъ, собранъ былъ, новымъ императоромъ и патріархомъ (Василіемъ Македоняниномъ и Игнатіемъ), Соборъ, на которомъ, на вопроеъ Борисовыхъ пословъ, кому принадлежитъ управлять Булгарской Церковію, Риму, или Царьграду, Восточные патріархи присудили ето послѣднему (869—870), и отравили туда новаго архіепископа, извѣстнаго Теофилакта, съ достаточнымъ числомъ духовныхъ, заставившими удалиться Латинцевъ. На ето-то обращеніе или скорѣе примиреніе Булгаръ съ Имперіей многіе изъ лѣтописцевъ смотрѣли какъ бы на новое крещеніе, что справедливо и не-

справедливо: по отношенію къ государю и его Двору— несправедливо, ибо онъ почти за 10 лѣтъ до того сдѣлался уже Христіяниномъ; но по отношенію къ простому народу, конечно, справедливо, который получилъ теперь гораздо большую возможность къ обращенію, больше заботились о томъ какъ Борисъ, такъ равно и Византійскіи Дворъ; при томъ же, въ промежуточное время самые упорные изъ противниковъ Христіанства были сражены и не могли болѣе мѣшать распространенію новаго Исповѣданія. Вотъ по чему Несторъ, во второй разъ, подъ 6377-мъ лѣтомъ (869), говоритъ опять о крещеніи Болгаръ, но ужь не князя ихъ и бояръ, какъ это замѣтилъ онъ подъ 6366 (858) вмѣсто 6369 (861), или 6370 (862), по цѣлаго народа: «крещена бысть вса земля Болгарская» (П. С. Р. Л., I, стр. 9), т. е., большинство, слѣдовательно, тутъ то же самое было, что и у насъ, при Владимірѣ, конечное и всенародное обращеніе къ Христіанству, по преимуществу принимавшихъ его, хотя и послѣ долго еще, тамъ и сямъ, особливо въ отдаленныхъ и глухихъ затнѣяхъ, язычество держалось. Это-то крещеніе Болгарской земли разумѣется и во всѣхъ нашихъ Лѣтописцахъ отъ Адама въкратъцѣ, въборзѣ и т. п., въ Временникахъ (Хронографахъ), Палѣяхъ, Мѣсяцесловахъ, и т. д. Не во всѣхъ, правда, ихъ встрѣчаемъ правильное указаніе на стотъ годъ: въ однихъ 867, въ другихъ 868, въ третьихъ 869, что все, какъ мы видѣли уже (см. 1-ю главу), отъ того, что крещеніе опредѣляется въ нихъ числомъ лѣтъ, протекшихъ либо отъ преложенія книгъ на Славянскіи, либо на оборотъ, либо отъ 7-го Собора, либо даже отъ созданія міра; но есть и такія, которыя точнѣе означаютъ его, именно: «Въ ѿ. лѣто крѣва его (Василія Македона) крѣмъ бысть земля Болгарская, а ѿ Адама лѣ ѿ. ѿ. и ѿ. ѿ.», что вполне вѣрно и подтверждаетъ одно другое, такъ какъ Василій умертвилъ Михаила 23-го сентября 867, а 6377 лѣто есть, по обыкновенному счисленію, именно 869-й годъ. Тутъ такая же неточность, каковую иногда встрѣчаемъ и въ показаніяхъ подобныхъ источниковъ о первомъ крещеніи, по которую, не рѣдко, другіе тутъ же и исправляютъ, на примѣръ, въ одномъ Хронографѣ сказано, въ заглавіи: «ѿ дръземъ книзи Болгарскомъ и о крѣченіи всѣхъ Болгаръ, иже крѣтншася въ лѣто ѿ. ѿ. ѿ.»; то же

и въ самомъ разсказѣ о походѣ Михаила съ Вардою противу Бориса: «и тако весь родъ Болгарскій стое крещеніе восприя в лѣто .ϣ.ѣ. тѣа». Выраженіе въ первомъ случаѣ «весь родъ Болгарскій» заставило сдѣлать кого-то выноску на полѣ: рукописи: «инъ пишеть в лѣто ϣ.ѣ.тѣа» (868); а во второмъ, съ одной стороны, имена Михаила и Варды, равно какъ и то обстоятельство, что въ слѣдъ за тѣмъ же прибавлено о полученіи Булгарами отъ Грековъ края Загорскаго (при чемъ, въ нѣкоторыхъ спискахъ, стоитъ имя матери Михаиловой), говорятъ въ пользу 6371 года, между тѣмъ какъ «весь родъ Болгарскій» за 6377. Правильность указаній на 869 годъ, какъ годъ обращенія Булгарскаго народа, подтверждается и прямымъ свидѣтельствомъ Житія Климента, въ которомъ сказано: «ἐν εἴτει γὰρ ἕξαμιαχιλοστῶ τριακοσιοστῶ ἔβδουηκοστῶ ἔβδ' ἡμῶ τῆς τοῦ κόσμου γενέσεως ἢ τούτου τοῦ γένους πλησις γεγένηται», т. е., призваніе (обращеніе) сего народа произошло въ лѣто отъ сотворенія міра шесть тысячъ триста семьдесятъ седьмое (6377) = 869». А что тутъ нельзя разумѣть и обращенія Борисова въ Христіанство, доказательствомъ тому слова того же самаго Климента жизнеописателя, который замѣчаетъ, что Меѳодіи еще прежде, т. е., до путешествія своего, сдѣлалъ его ученикомъ своимъ: «Οὐ μὴν ὁλλὰ καὶ τὸν τῶν Βουλγάρων ἄρχοντα Βορίσην, ὃς ἐπὶ τοῦ τῶν Ῥωμαίων βασιλέως Μιχαὴλ ἦν, καὶ τοῦτον ὁ μέγας Μεθόδιος καὶ πύλαι μὲν τέκνον ἐποίησαντο». При немъ-то, — продолжаетъ далѣе, — народъ Болгарскій сталъ принимать Христіанство, для котораго и были составлены ими, какъ сказано выше, письмена: «γραμματα ἐξεύροντο καὶ ὁ προεβήκαμεν», и переведено писаніе на Болгарскій языкъ: «καὶ τὴν τῶν γραφῶν ἐπὶ τὸ Βουλγαρικὸν μετάθεβιν ἐποίησαντο». Слѣдовательно, и составленіе азбуки и переводъ книгъ относится не къ этому, но къ другому, бывшему передъ тѣмъ, времени, о которомъ онъ упомянулъ выше. Разумѣется, о преложеніи Св. Писанія тутъ говорится тоже вообще, т. е., не то, чтобы оно было совершено въ одинъ, такъ сказать, приемъ; напротивъ, что за обрѣтеніемъ буквъ послѣдовало непосредственно и самое начало преложенія книгъ Писанія и богослужебныхъ, въ послѣдствіи только оконченнаго. Да и въ первомъ мѣстѣ точно

также выразился онъ общими словами: «изобрѣли письмена для Славянъ и перевели боговдохновенное писаніе съ Еллинскаго на Булгарскій»: «ἔξευρίσθησαν μὲν τὰ Σλαβονικὰ γράμματα, ἐρμηνεύουσι δὲ τὰς Θεοπνεύστους γραφὰς ἐκ τῆς Ἑλλάδος ὑλᾶσθης εἰς τὴν Βουλγαρικὴν». На такое время составленія азбуки указываетъ какъ то обстоятельство, что оно отнесено къ царствованію императора Михаила (а обращеніе Булгаръ произошло при Василии), такъ и то, что, послѣ составленія ея и начала перевода книгъ, тотчасъ повѣствуется объ одобреніи его папой Адрианомъ, приемѣ переводчиковъ онымъ, посвященіи приведенныхъ имъ учениковъ, Меодія въ епископа Моравіи Паннонской, а Кирила въ ишочскій образъ, погребеніи и, за тѣмъ, отшествіи старшаго брата къ своей паствѣ, гдѣ подавалъ онъ наставленія князьямъ, Ростиславу Моравскому и Коцелу Паннонскому. И это точно такъ онъ дѣлалъ имъ, какъ передъ тѣмъ Борису Булгарскому; послѣ того, привизываясь къ слову «наставленія подавалъ въ истинной вѣрѣ», биографъ Климента продолжаетъ излагать исторію борьбы Меодія съ новопоказавшейся Ипаторской ересью, распространяемой Франками, склонившими было на свою сторону и самого Ростислава преемника, Святополка, мало слушавшагося Меодія; далѣе, рассказъ о тѣхъ непріятностяхъ, которыя вынесъ послѣдній отъ того въ правленіе Святополка и проч. Очевидно, при такомъ составѣ сочиненія, цѣлью коего изложеніе жизни Климента, нельзя ожидать строгой послѣдовательности въ передачѣ событія за событіемъ въ лѣточислительномъ преемствѣ, а по тому, ни мало не удивительно, что и о составленіи письменъ Климентовъ жизнеописатель говоритъ въ двухъ разныхъ мѣстахъ, и при томъ, какъ говорится, къ слову, да и передаетъ его тоже въ общихъ чертахъ, безъ всякой особенной соразмѣрности предыдущаго съ послѣдующимъ, не слишкомъ взвѣсивая свои выраженія. Но изъ общаго хода рассказа ясно открывается, что ему хорошо были извѣстны Паннонскія Житія, съ которыми передаваемое имъ во многомъ буква въ букву сходится; по сему понятно, отъ чего и самая повѣсть его о составленіи письменъ въ нѣкоторыхъ частяхъ какъ будто списана съ такой же упомянутыхъ источниковъ, на примѣръ: обращеніе

съ молитвой къ Тому, отъ Кого исходитъ всякъ даръ языковъ и слова, сдѣланное имъ прежде, нежели приступлено было къ самому нахожденію буквъ, отвѣтствующихъ той рѣчи, на которую собирались передать слово Божіе съ Греческаго языка.

Замѣтятъ мнѣ: «Стало, и азбука и переводъ Св. Писанія предприняты были для Булгарскихъ Славянъ?» Ну, что жь?— «Въ такомъ случаѣ 862-й годъ не состоятеленъ?»—Отъ чего же? Важной причины къ тому я вовсе не вижу. Представленное выше лѣточислительное указаніе по Паннионскимъ Житіямъ, Слову Похвальному, Латинскимъ Сказаніямъ и т. д., права, мѣнить на этотъ годъ, но не безусловно: онъ по столько справедливъ, по сколько справедливы етъ показанія, по сколько они лучше всѣхъ прочихъ, содержатъ во всемъ своемъ составѣ, частности и общности, болѣе основательнаго, по сколько цѣнностью своей превъшаютъ другихъ, стойче и вѣроятнѣе ихъ; ибо искать безусловной истины тамъ, гдѣ все такъ спутано и перебито, гдѣ, какъ выразился уже Бальбинъ, съ которымъ я въ этомъ случаѣ вполне согласенъ, а по тому охотно повторяю еще разъ: «ita esse illa confusa, ut quod uni tribuitur, ab aliis alteri tribuatur» (Miscell. IV, 7), было бы слишкомъ самонадѣянно, да и неблагоприятно, значило бы искать, во что бы то ни стало, провести свою мысль, напередъ составленную, прилаживать къ ней всѣ свѣдѣтельства и событія, дорожить только тѣми, которыя ей мирволятъ, гнать воду на свое колесо. Такъ есть, говорю, послѣ соображеній, всѣхъ имѣющихся на лицо доводовъ за и противъ, такъ было, такъ должно было быть, или же, по крайности, могло. Сдѣсь, въ этомъ показаніи, далеко меньше противорѣчій, чѣмъ въ показаніи Храбра; прочіе случаи жизни обонхъ Братьевъ легче и естественнѣе объясняются имъ, нежели етѣмъ. Въ самомъ дѣлѣ, если мы возьмемъ во вниманіе слѣдующія обстоятельства, увѣренъ, что послѣ нихъ все уладится, какъ нельзя лучше:

I. Я уже сейчасъ замѣтилъ выше, что біографъ Климентовъ, имѣя цѣлью описать дѣянія своего учителя, естественно, по столько касался всего прочаго, по сколько оно от-

носило къ етому послѣднему, а касаясь, не могъ держаться строгой послѣдовательности, передавая его, какъ оно казалось ему приличнѣе и сручнѣе; отсюда, и разсказъ его о Кириллѣ и Меѳодіи, равно какъ и о составленіи писемъ, переложеніи книгъ и крещеніи Бориса и его народа, не отличается, да и не могъ, по тому, отличаться, хронологической послѣдовательностью.

II. Составленіе писемъ передано въ Жизнеописаніи Климента почти словами Паннонскихъ Житій; точно также и многое другое, показывающее, что сочинитель Житія Климента жилъ уже послѣ сочинителя Житія Солушцевъ и, по тому, пользовался ими послѣдними. Такъ какъ онъ былъ родомъ Булгарь (см. примѣч. 5, стр. III — IV), то ужъ о Славянахъ и писменахъ Славянскихъ выражается какъ о Булгарскихъ, чѣмъ ясно даетъ знать, что это — одно и то же, между тѣмъ какъ сочинитель Паннонскихъ Житій и Похвального Слова употребляетъ всюду только выраженія «Словѣни, Словѣнскыи, Словѣнскы писмена» и т. п. Изъ этого можно заключить, что егѣ сочинены въ то время, когда имя завоевателей Мизій и т. д. еще не осилило вполне домашняго имени Славяны, а то — наоборотъ. Названіе же Славяны или, по свойству языка обитателей тѣхъ странъ, *Словѣны*, произошло по Словѣнамъ Македонскимъ, именно, въ окрестностяхъ Солуны, родины Константина и Меѳодія, въ которомъ послѣдній былъ даже воеводой или княземъ (см. Житіе Меѳодія и Похв. Слово; Шафарика Слав. Древн. I, §. 30); по тому-то егѣ должны были говорить имъ, какъ языкомъ родины своей, въ которомъ, по замѣчанію императора Михаила, чисто бесѣдовали по Словѣнски: «кы бо уста Селоунишии, дз Селоунише вси (все) унсто Словѣнскы бесѣдоушти»; по тому-то, стало, для него, а не другого какого Славянскаго нарѣчія, долженъ былъ составить Константины писмена и съ братомъ и пособниками перевести Св. книги; дѣлая же это для него и на немъ, Братья дѣлали и для всѣхъ прочихъ соплеменниковъ, разумѣвшихъ въ ту пору гораздо легче другъ друга, нежели теперь, хотя и теперь нѣтъ иного племени въ Европѣ, котораго бы члены, разбросанные на странно огромномъ пространствѣ, съ такой

легкостью могли понимать одинъ другаго. Слѣдовательно, по такому отношенію етого языка ко всѣмъ Славянамъ, Климентовъ Биографъ совершенно правильно называлъ его также Булгарскимъ, такъ какъ Славяне Булгаріи и вообще ея владѣній въ то время были тѣ же самые Славяне, что и въ Македонской *Словѣни* или *Словѣнахъ*, а по тому, возраженіе отъ такого названія письменъ противъ того, гдѣ, кѣмъ, когда и для кого они составлены, не имѣетъ ни какой важности, послѣ всего, сказаннаго выше, и что сказано еще будетъ ниже.

III. Если бы письмена устроены были Константиномъ не въ Царьградѣ, по другому поводу, а не тому, какой представляютъ Паннонскія Житія и подобныя имъ источники, и въ другое время, то, конечно, етъ источники, или иные того, либо близкаго къ тому, времени, предложили бы намъ повѣсть о томъ; по тому что рассказы позднѣйшихъ, приведенные мною въ своемъ мѣстѣ (1-й главѣ), не могутъ итти въ сравненіе съ тѣми, какъ современными и неподдѣльными. Сдѣсь мѣсто, лицо, время и поводъ одно другое подкрѣпляютъ, составляютъ цѣлое нераздѣльное. Да, не азбука вызвала два почти равно-временныя и равноважныя въ жизни нашего Славянскаго племени явленія; на оборотъ, она сама была вызвана ими: ето обращеніе къ Церкви Восточной двухъ самыхъ могущественныхъ въ ту пору государей Славянскихъ народовъ, составлявшихъ двѣ среды, одна на западѣ Европы, другая на югѣ, около которыхъ собирались силы раздробленныхъ до того поколѣній, жившихъ каждое отдѣльной жизнью и заботившихся только о себѣ. Но тутъ въ виду страшной опасности, скоплавшейся на предѣлахъ ихъ, со стороны сосѣдей, изъ коихъ одинъ, послѣ распада бистательнаго, но кратковременнаго и непрочнаго, Царства Каролинговъ, сложился въ новое цѣлое однородное, а другой, счастливо переживъ сильное внутреннее потрясеніе, произведенное вѣроисповѣдными разногласіями, и чуть было не погубившее его, готовился къ обновленной дѣятельности, выжидая только, чтобы могучая рука государя стянула покрѣпче ослабѣвшія бразды правленія, въ виду, говорю, такихъ рѣшительныхъ опасностей, Ростиславъ и Бо-

рись поняли, что, желая отклонить удары судьбы, мало одной грубой физической силы; нужна еще сила высшая, сообщающая самой немощи чудесную крѣпость и доблесть. Сила эта было Христіанство, но Христіанство, равно доступное какъ его служителямъ, такъ и простой «уади», что возможно только въ томъ случаѣ, когда оно сообщается словомъ, равно понятнымъ всѣмъ и каждому, словомъ роднымъ. Испытавъ бесплодность противнаго на себѣ самомъ и своемъ народѣ, владыка Великоморавскій замыслилъ положить конецъ печальному состоянію новообращенныхъ своихъ подданныхъ, не разумѣвшихъ проповѣдниковъ на чужемъ языкѣ и при томъ «оуашихъ разлнхъ», и, какъ извѣстно, «свѣтъ сътвори въ сѣ князи своими и Моравляны», послалъ къ царю Греческому просить «оучителя, иже бы бы», — писалъ онъ, — «въ свои языкъ истоужъ върж Хрѣтіанскжъ съказалъ». По чему же въ Царьградъ, а не куда ишудъ? По тому что два только было горнила Христіанства въ то время: первое испытано уже и мало принесло пользы: проповѣдуя на невразумительномъ языкѣ, «оучителе изъ Валхъ (Италіи) и изъ Нѣмцъ», съ тѣмъ вмѣстѣ смотрѣли на обращенныхъ ими, какъ на своихъ работниковъ. Оставляя извѣстное по Исторіи вообще, напомнимъ только, что Зальцбургскіе архіепископы, къ которымъ Великоморавія въ церковномъ управленіи относилась, жалуютъ въ послѣдствіи папѣ на Меодія, открыто признавалень, что Славяне Растица, обращенные ими къ Вѣрѣ, должны непременно быть въ ихъ зависимости и платить подати: «Adcirco iure proprio tributarios habere debuerunt et debent»; и такъ какъ они отказываются намъ-то дѣлать: «quia quando debitum tributum senioribus nostris regibus et principibus eorum soluere respuerunt», то, «si velint, nolint, regno subacti erunt», писалъ къ папѣ (Іоанну IX) Зальцбургскій архіепископъ, Теотмаръ, 889 (*Boezek, Codex diplom. et epist. Moraviae I, p. 62*), что повторилъ, вскорѣ послѣ (900), и Гатонъ, архіепископъ Майнцкій, въ письмѣ къ тому же папѣ: «Quod si vestra admonitio illos non correxerit, velint, nolint, Francorum principibus colla submittent» (*Ib. p. 67*). Другое, напротивъ, никогда не обращало обращаемыхъ въ рабовъ, проповѣдуя имъ слово Бога на ихъ языкѣ и охотно позволяя его предлагать

на всевозможные глаголы человеческіе; отъ того, по тѣсной связи въ древніе и средніе вѣка религій съ жизнью государственной, условившейся болышею частью, ею, Ростиславъ понималъ; что и государственныя и вѣроисповѣдныя выгоды заставляютъ его обратиться туда за наставниками, откуда лишь можно ждать одного добра: «отъ насъ бо»,—говорилъ онъ въ посланіи своемъ къ царю,—«и вса страны всегда добрымъ закономъ исходить». Послѣдствіемъ посольства было порученіе Селунскимъ проповѣдникамъ отправиться къ просившимъ просвѣщенія и наставленія «въ языкъ слов»; но для того нужны были письма, и на вопросъ, есть ли такія у приглашающихъ, получивъ отрицательный отвѣтъ, Константинъ, какъ извѣстно, «сложи писмена (по другимъ «положи, оустрои, сътвори»), и писаше вездѣ Славнглежскя (Кир. Житіе); «оустроивъ писмена и вестдоу съставля, поуті са итъ Моравьскаго» (Мев. Жит.). Обстоятельства; сопровождающія этотъ рассказъ, не подають ни какого сомнѣнія въ истинѣ передаваемого. Лица, участвующія въ немъ, мѣсто и время, подтверждають то; ибо, если бы письма имѣлись до этого посольства, конечно, источники наши, коимъ мы тутъ слѣдуемъ, передали бы намъ извѣстіе о томъ; Храброво же извѣстіе совсѣмъ не говоритъ ни о чемъ изъ этого, но вообще лишь означаетъ время составленія ихъ указаніемъ на государей, при коихъ случилось оное, считая, можетъ быть, то лишнимъ, какъ всѣмъ извѣстное, и по тому занимаясь болѣе самымъ составомъ новаго письма и возраженіями, противу его направленными, нежели сопровождавшими подробностями устройство сей грамоты. Стало, появивсь оно не въ это время, которое назначается сими показаніями, или другимъ образомъ, имѣлъ ли бы тогда какой смыслъ вопросъ, обращенный Философомъ къ Михайлу, равно какъ и отвѣтъ на него: «и трядишь сы и болвишь тѣломъ, рѣдъ ида тѣмо, аште имѣти воукы въ языкъ слов? И гдѣ црѣ къ мѣмоу: Дѣдъ мой и оцъ мой, искаяше того, не сѣтъ оверзл; како лѣзъ мога то оверзти?»—слова, въ высокой степени важныя! Они относятся къ Моравскимъ Славянамъ, по просьбѣ коихъ послѣдовало дѣло, по тому что ни дѣдъ Михайловъ, ни отецъ не могли разыскивать, есть ли у нихъ какое письмо; да и не для чего то было имъ, въ ту пору еще «поганьства са и отвьргшимъ», и не имѣвшимъ съ

Имперіей ни какихъ связей; если же «по Хрѣтїиискъ ся законъ дръжацимъ», то лишь едва, едва начавшимъ то. Напротивъ, самъ императоръ «сътвори Философъ» по тому только такую «слашлати рѣчь», что «ниъ никто же кѣ не можетъ исправити», а это отъ того, какъ онъ самъ замѣтилъ, что Братя — Селунцы, стало «нисто Словѣнскыи бесѣдоуѣтъ»; слѣдовательно, Царьградскій Соборъ и царь не видѣли большой разницы въ тогдашнихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ, чтобы книги на одномъ изъ нихъ были невразумительны для говорившихъ другими. Да и Моравляне, прося прислать къ нимъ учителя, «ниже бы въ свои языкъ» Христїанскую Вѣру истолковали имъ, разумѣли подъ таковымъ, конечно, не того, кто бы говорилъ на ихъ мѣстномъ нарѣчїи, но вообще на языкѣ Славянскомъ, о чемъ, будучи непосредственными сосѣдями Булгаръ вдоль всего теченія Дуная отъ нынѣшняго Пешта, знали очень хорошо, что происходило у сихъ послѣднихъ, какъ во владѣніяхъ ихъ ширится «ниста Вѣрѣ Хрѣтїииска въ свои языкъ»; дагѣ, что самъ ужь государь ихъ принялъ ее съ цѣлымъ своимъ Дворомъ; знали, кромѣ того, что и въ другихъ земляхъ проповѣдники Церкви Греческой точно также «оуѣтъ Гѣѣ славѣ въздѣлати своимъ языкомъ кѣждо», отнюдь же «проуимъ въ сѣмъ племеномъ славѣмъ не велаште быти и слоушимъ». И эта увѣренность получить и самимъ то же самое, «даръ», — по словамъ посланія Михаила къ Ростиславу, — «болни и устѣмѣи плѣче въсакого злата и срьбра и каменни драга и богатства прѣходашта», что и они черезъ то, «велицѣхъ языкѣхъ приуѣтътъ сл», безъ сомнѣнія, внушили «князю Словѣнскоу и Моравскоу посълати по нѣго къ црѣю Михаилу». Сообщение же этого блага было не образимо безъ писемѣгъ, о которыхъ прежде всего Константинь и спросилъ царя и Соборъ, говоря, что безъ того значило бы «на водѣ бесѣда писати», и, пожалуй, можно даже «еретичско има сѣбѣ обрѣсти, съказахъ слово Бжїе въ языкъ ниъ, на тоуждемъ основании своеу дѣло полагажшете», по апостолу: «языкомъ аште не разоумна словеса дасте, како разоумно бѣдетъ глаголемое? Бѣдетъ бо въ лѣрѣ глѣшете». А въ самомъ посланіи къ Ростиславу, Михаилъ писалъ, что онъ отправляетъ къ нему того самаго, кому Богъ явилъ буквы въ вашъ языкъ: «и то ти послѣхомъ того, кмоу же ѣ Бжїи». Какъ смотрѣли на состав-

леніе ихъ самыя Греки, видно изъ того же самаго посланія: «Бѣ, иже келитъ всякомуу, дабы въ разоумѣ истинныи пришьлѣ и на болышии ся униѣ стажаалъ, видѣтъ вѣрѣ твоѣи и подвигѣ, сътвори и пише, въ наша лета, икель боукѣвѣ въ влше иззыкѣ, иго же не вѣдано было, тѣкмо въ прѣкми лета». Какихъ же еще больше пужно завѣреній о времени и мѣстѣ происхожденія нашихъ писемъ, равно какъ и о томъ «мажи уестыиѣ и благокѣрнѣ, кѣишаѣтъ зело философѣ, исмоу же и Бѣ иви»? Если необходимо свѣдѣтельство на то отъ стороны, какъ говорится, противной, то мы уже знаемъ его изъ устъ самаго современника событію, папы Іоанна VIII-го, который называетъ Константина именно «*literarum Slavonicarum repertor*». Но вотъ и тотъ папа, который выходилъ на встрѣчу Братьямъ съ цѣлымъ Римомъ, и «принимъ кѣишги Словтѣскыи, стѣи и положи и въ цркви стѣиа Млрѣи, иже са илруеть Фатѣ, икше надъ ишии литоургии Словтѣскыи изыкомъ» (Житіе Кирилла) пишетъ, въ посланіи своемъ къ Ростиславу, Святуполку и Коцелу, что какъ Константинъ Философъ посланъ былъ къ нимъ благовѣрнымъ царемъ Михаиломъ, съ братомъ, такъ теперь и мы посылаемъ къ вамъ Меодія, «сиѣ же илшего, на страши влши, да кѣи оуунтъ, ико же кесте просили, съказали кѣишги въ иззыкѣ влше по вкшеноу црковномоу униоу исполнѣ, ико же кесте Философъ Константинъ илудлѣ»; иже же кѣто ѿ съвѣраныиѣхъ или оуунтель и уешорнѣхъ слоухѣи и ѿ истинныи съвѣранлюиѣхъ, илудлѣтъ дѣрзноуѣхъ ишко развѣрцати кѣи, глѣдѣ кѣишги изыка влшего, да боудеть отълоуѣснѣ». То же самое и почти тѣми же словами читаемъ и въ посланіи сего папы, передаваемомъ Похвальнымъ Словомъ: «Стѣисѣи брата илшего, уѣстѣилго Меодинѣ, сѣисѣи ил архіеписѣпто ил страши влши, ико же кесте просили, да кѣи оуунтъ, въ иззыкѣ прѣлагли кѣишги». Посланіе же это, хотя и не дошло до насъ въ своемъ Латинскомъ подлинникѣ, однако, какъ было замѣчено уже мною (въ главѣ 1-й), во многихъ мѣстахъ сходится дословно съ нѣкоторыми изъ посланій Адриянова преемника, а это говоритъ намъ о томъ, что оно хранилось еще въ папской Куріи и было хорошо извѣстно ему. Такое же сходство представляетъ и Итальянское Сказаніе, приписываемое Гавдернику, тоже современнику Братевъ, участвовавшему въ торжественныхъ почестяхъ, оказанныхъ имъ Адрияномъ II-мъ.

IV. Что посольство Великоморавскихъ Славянъ дѣйстви- тельно было въ то время, на которое указываютъ данныя въ нашихъ источникахъ, свидѣтелемъ тому и Западъ. Такъ, Ростиславъ, оставленный въ покоѣ съ 855-го года Нѣмцами, не могшими до того осилить его, и занявшись устроениемъ своего государства, имѣлъ довольно времени подумать и о томъ, что составляетъ всегда и всюду главную основу проч- ной жизни, то есть, о просвѣщеніи народа своего истой Вѣрой. Замыслы и мѣры его не укрылись отъ Людвига Нѣмецкаго, тѣмъ болѣе, что всѣ, недовольные имъ (а въ числѣ ихъ были самые ближайшіе къ нему вельможи его, даже дѣти), находили убѣжище и защиту у Моравскаго владыки; и по тому, желая скрыть, какъ можно болѣе, настоящую цѣль похода своего, предпринятаго въ 863-мъ противъ возставшаго на него старшаго сына, Карломана, правителя Хорутаніи, вступившаго съ Растичемъ въ тѣсныя сношенія за два года передъ тѣмъ, онъ всюду разглашалъ, какъ говорятъ *Annales Fuldenses* подъ 863 годомъ, что онъ «collecto exercitu specie quidem, quasi Rasticen Mar- gensium Sclavorum ducem, cum auxilio Bulgarorum, ab oriente venientium, ut fama fuit, domaturus, re autem vera ad Carantanos filium expugnaturus accessit». И дѣйстви- тельно, Булгары етѣ были не кто другой, какъ только со- провождавшіе Братевъ нашихъ послѣшники и иные, «иже влдоху того же доуха, яко же и си», словомъ весь великогѣн- ный поѣздъ изъ Царьграда, везшій съ собою множество даровъ отъ императора, какъ прямо говорятъ о томъ лучшіе источники наши: «и посла и съ дары многы, писавъ къ Ростиславоу испистолю», замѣчаетъ Житіе Кирилла; «тѣ изъ ти дары мнози (многы), и пониъ братъ свои, игоуменъ Мефедни, иди же», говоритъ Михаилъ къ Константину въ Житіи Мефодія; «cujus (Principis Moraviae) precibus annuens imperator supernomina- tum Philosophum ad se venire rogavit, eumque illuc, id est, in terram Sclavorum, simul cum Methodio germano suo trans- misit, copiosis valde illi de palatio sua datis expensis»; «mandans ei copiosas expensas dari pro itinere», свидѣтельствуютъ обѣ Латинскія Легенды. Разумѣть же тутъ посольство отъ Борнса, или войско его, отправленное къ Ростиславу, не позволяютъ

и Исторія, и самое дѣло: во первыхъ, послѣдній не заключалъ ни какого союза съ первымъ; во вторыхъ, не просилъ его о пособіи, да и не къ чему было, такъ какъ пора-то была самая мирная изъ всего долголѣтняго правленія того и другаго. То же не диво, что сочинитель *Annalium Fulden-sium*, отдаленный мѣстомъ пребыванія, принялъ это мирное посольство за «*auxilium Bulgarorum*»; впрочемъ, онъ прибавляетъ, «какъ слышно» (*ut fama fuit*), а слухъ — часто глухъ; и, говорятъ Поляки, «*zawsze ludzie powinni przyczyniają*», по тому что «*реши лете, а гласъ рлсте*», прибавляетъ Сербъ, и какъ «*ошеи се gozmáhá*, такъ «*rovést se goznáši*», замѣчаетъ Чехъ. А какъ, съ другой стороны, по Чешской пословицѣ, «*trest' (трость, деревцо) se ne klátí (колышется) bez větru*», то, хотя Фульдская летопись и преувеличила по неволѣ вѣсть, летѣвшую птицею о приходѣ новыхъ благовѣстниковъ въ Великоморавскія земли, однако, и въ преувеличеніи уцѣлѣло зернышко отъ правды, т. е., что къ етому, а не другому какому, времени должно относиться возвращеніе посольства Ростиславова съ «*оучителн и пстаникы вѣры въ языкъ словъ*»; стало, расчисленіе времени составленію Славянскихъ писменъ, на основаніи показаній Наннонскихъ Житій и Латинскихъ Сказаній, справедливо, по крайней мѣрѣ, вѣроятнѣе, чѣмъ всякое другое показаніе, въ томъ числѣ и Храброво. Чрезвычайно замѣчательно, что и Крупичнольская Ичела, хотя памятникъ далеко позднѣйшаго времени, въ Житіи Владимира Великаго, рассказываая, подъ 863-мъ годомъ, о второмъ (а первое, де, при апостолѣ Андреѣ) крещеніи Руси, «*за Михаила цря Грецкого а за патрїархи Константинопольского Фотїа*», говоритъ, что, по просьбѣ «*князевъ Словенскихъ Сватополака, Ростислава и Коцека, Словакомъ и Руси (простительное прибавленіе Рускаго о Руси!)*, отправлены были чѣмъ вѣри Хрѣвы, Мефодїи и Кириллы», которые «*Дхомъ стымъ зложилъ Словенскїи алтери, і преложилъ на языкъ Словенскїи Грекїи книги, стое Євѣге, Апѣтол и инымъ*» (см. глав. 1-ю, стр. 137). Хотя Житіе это основано преимущественно на Несторѣ, однако, годъ тутъ крещенію Руси, а съ нимъ и составленію писменъ, отнесенъ не къ 866-му, чего можно было бы ожидать, такъ какъ подъ крещеніемъ Руси разумѣетъ сочинитель крещеніе при Оскольдѣ и Дирѣ, но къ нѣскольکو

раньшему, конечно, выведенному по соображенію, въролтиѣ всего, со временемъ составленія азбуки, бывшимъ, очевидно, но его понятію, не въ одно время съ крещеніемъ Руси, но годомъ раньше, слѣдовательно, въ 862-мъ.

Все это показываетъ, что поводъ къ составленію писемъ и переводу Св. Писанія и т. п. подавъ былъ появленіемъ пословъ Великоморавскихъ Славянъ въ Царьградѣ, слѣдовательно, собственно говоря, для нихъ прежде всего то и другое назначалось, отнюдь же не для кого иного, хоть бы и ближайшаго по мѣсту жительства. Въ противномъ случаѣ было бы сказано о Славянахъ Греческихъ и Булгарскихъ. Они не были еще въ то время въ такомъ огромномъ множествѣ Христіане, или готовые сдѣлаться ими, въ какомъ Великоморавскіе Славяне, съ государемъ своимъ, черезъ нарочное посольство просившіе крестить ихъ и научить Христіанству, «связаѡца книги къ азбукѣ ихъ». Обращеніе одного государя, хоть бы и со Дворомъ своимъ, не то, что обращеніе такого же государя съ цѣлымъ народомъ. Тамъ меньше настоятельной нужды, чѣмъ здѣсь. При томъ, суди по всему, обращеніе Бориса случилось не за долго до прибытія пословъ Ростислава въ Византію, и пребываніе у него одного, или и обонхъ Братьевъ, не могло быть, по тому, продолжительно, такъ какъ мѣсто ихъ вскорѣ заступили другіе, присланные, разумѣется, отъ того только, что тѣмъ предстояло иное, не меньше важное, а по важности далеко блистательнѣйшее, дѣло. Безъ сомнѣнія, не случись этого, первообратители остались бы при обращенныхъ и, конечно, не преминули бы, со временемъ, при большей потребности, болынемъ числѣ крещенныхъ, особливо всего народа Булгарскаго, то же совершить, что совершили по поводу, данному Моравцами. Впрочемъ, послѣдніе только ускорили его благодѣяніе, и я не сомнѣваюсь, что преложеніе книгъ и писемъ одновременно перешли изъ Царьграда какъ къ Булгарскимъ и Греческимъ Славянамъ, такъ и Моравскимъ, вызвавшимъ то своимъ посольствомъ, и что Константины и Меодій легко могли даже сами, на пути своемъ въ Ростиславовы владѣнія, принести ихъ и къ Борису; быть можетъ, даже архіепископъ Юсифъ съ прочими духовными, вмѣстѣ съ

ними, явился къ нему, или же вскорѣ за тѣмъ, такъ что во-все нѣтъ нужды оставлять Булгаръ безъ писемъ и книгъ до 865, 869, а тѣмъ болѣе 885, или 895 года. Такое мнѣнiе находитъ себѣ подтвержденiе какъ во Второй Латинской Легендѣ, такъ равно въ Житiи Людмилы и Вячеслава, а также въ Продолжателѣ Константина Богриороднаго, Скилицѣ, Кедрицѣ, Дуклянцѣ, особенно же Климентовомъ жизнеписцѣ, увѣряющихъ, что Кирилъ и Меодiи, до прибытiя въ Моравiю, были въ Булгарiи: «Egressus vero (изъ Константинополя) venit primo ad Bulgaros», etc. Начатое же преложенiе книгъ въ Царьградѣ было продолжаемо, въ послѣдствiи, на Моравѣ, сперва вмѣстѣ обими Братьями, и, послѣ кончины младшаго, окончено старшимъ, совершившимъ то въ послѣднiе годы своей прекрасной, вѣчно памятной для насъ, Славянъ, подвижнической жизни: «Смѣтьярь ко въ тѣмъ и свѣтлѣнѣ съ Апѣльмъ, и избраницимъ слоужьбамъ цркъвнымъ, съ Философьмъ преложи мъ пьрвьтѣ». Естественно, имѣя это въ виду, Несторъ могъ сказать: «первое преложени книги Маркъ»; и это суцная правда по отношенiю къ большинству преложенаго, но не по началу преложени и положени или устроени писемъ, какъ это ясно изъ обонхъ Паннонскихъ житiй, особенно Меодiева, входящаго о томъ даже въ подробности, также изъ показанiя Юанна, Екзарха Болгарскаго; Проложное же Житiе Меодiя по Хиландарскому списку, находящемуся въ Румицъ Музеѣ (см. 1-ю главу, стр. 75—79), прямо называетъ самую землю, въ которой этотъ переводъ окончень: «въ земли Моравьстни преложи все ѣ. книгъ Ветхого и Нового Закона отъ Грьвскъ въ Словѣнски, при Сватопапѣ Кнезъ, Царь въ тѣгда Грьвомъ Влснѣ, а Българомъ отъ Бога Кнезь Борьсь,» и проч., даже годъ, который, какъ бы не объясняли его, все падеть между 870 и 885, или даже 890. Къ этому-то преложени книгъ относятся всѣ сказанiя о немъ нашихъ Временшиковъ, нѣкоторыхъ списковъ Несторовой лѣтописи и разныхъ лѣтописцевъ въкратцѣ, въборзѣ и въскорѣ, старающихся, разными путями, опредѣнить его и, болышею частью, неудачно, какъ уже было показано мною выше (см. стр. 111—136). Кажется, однако же, поименованiе трехъ стѣхъ личностей довольно хорошо опредѣляетъ время Меодiева преложени, особенно указанiе на императора Василiя, царствовавшаго съ 867 по 887 годъ.

Таковы основанія, опираясь на кои, и я подаю голосъ свой за составленіе письменъ для Славянскаго народа въ 862-мъ году. Подробности, въ которыя я принужденъ былъ войти съдѣсь, вызваны желаніемъ, попытаться, какъ можно ближе подойти къ правдѣ событія, опредѣлить наиболѣе вѣроятную единицу времени, въ которое оно случилось. Тѣ же, кому нѣтъ нужды до такихъ историческихъ дробей, кто и въ Исторіи любитъ десятичный и сотенный счетъ, конечно, могутъ оставаться и при Храбрѣ, тѣмъ болѣе, что весь вопросъ, какъ говорится, вращается въ кругѣ какихъ ни будь десяти лѣтъ. Такъ, скажутъ мнѣ; но, вѣдь два стѣ противоположныя мнѣнія, какъ показываетъ исторія вопроса, давно уже извѣстны, и поваго вы намъ ничего еще не сказали? Во первыхъ: не все то ново, что вновь говорится; во вторыхъ: и старинское не рѣдко живетъ лучше новинкаго; въ третьихъ: я и не думалъ открывать что либо новое; цѣль моя была повѣрить лишь старое новоотысканными, точнѣе, вновь наноминными, памятинками. «Мы ходимъ древними путями, и совратились бы съ нихъ и вступили бы на пути новѣе и стропотные, если бы приняли таковыя притязанія», скажу я, напоследокъ, въ отвѣтъ на такой упрекъ, словами автора прекрасной статьи: «Римская церковь съ настоящими ея притязаніями на главенство предъ судомъ Св. Ипполита» (270). А впрочемъ, никто въ своемъ дѣлѣ не судья; есть ли что поваго въ высказанномъ мною тутъ, пускай судятъ другіе; взятую задачу на себя рѣшалъ я, какъ зналъ, опираясь на свѣдѣтельства, предпочтительно изъ первыхъ рукъ; и, послѣ всего этого скажу съ Овидіемъ: «*Documenta damus, qua simus origine nati*» (1. Met.).

Знаменателенъ этотъ 862-й годъ въ судьбахъ Славянскаго племени! Въ вѣкъ сложенія въ самостоятельныя государства отдѣльныхъ частей изъ сплоченныхъ было сильной рукой Карла Великаго и его предшественниковъ въ одну монархію, когда начинаютъ предъявлять права свои на самобытную жизнь разныя племена и народности Западной Европы, Восточная ея половина тоже пробуждается отъ долговременнаго сна и глазамъ нашимъ представляетъ подобное же явленіе,

Славяне, до сихъ поръ, такъ сказать, затертые или, по крайности, закрытые чужей тѣнью, являются на позорище и совокупляются около нѣсколькихъ горнилъ, пытаются около нихъ образовать нѣсколько независимыхъ цѣлыхъ, соединенныхъ однородностью и общими выгодами, преимущественно вѣроисповѣдно-племенными, такъ какъ религія и родъ въ ту пору, и долго, долго послѣ того, были главнымъ двигателемъ большей части событій, условливавшихъ жизнь и смерть народовъ на цѣлые вѣка, даже и нынѣ отзывающихся во многомъ у того, или другаго народа. Съ одной стороны, понимая важность богослуженія на родномъ языкѣ для жизни, составившихъ Славянское государство его поколѣній, Ростиславъ отправляетъ, въ 862-мъ годѣ, посольство къ царю и Церкви, въ высшей степени благопріятствующихъ самобытному развитію всякой народности, и получаютъ оттуда учителей и устроителей независимой іерархіи и самостоятельнаго образованія, принесшихъ съ собою самые знаки, какъ орудіе для проявленія духовнаго совершенствованія, вскорѣ сообщившіеся и тѣмъ и другимъ, и гдѣ они съ языкомъ уцѣлѣли, тамъ и народность уцѣлѣла употреблявшихъ ихъ даже подъ чужимъ жезломъ. Съ другой стороны, около того же и въ томъ же годѣ, государь изъ племени покорителей Славянъ Мизійскихъ принимаетъ крещеніе, а съ нимъ и племена етѣ, собственно и приспособленные къ рѣчи его народа, и тѣмъ окончательный наноситъ ударъ господствующему народу, заставляя съ принятіемъ вѣроисповѣданія перелиться въ народъ покоренный; а на отдаленномъ Сѣверѣ ближайшіе по происхожденію къ етѣмъ южнымъ Славянамъ, Славяне Ильменскіе, наскучивъ усобицами и не видя имъ конца, призываютъ изза моря себѣ владыку для наряда, чѣмъ полагаютъ краеугольный камень тому государству, которое твердостью и прочностью своей оставило позади себя всѣ одноплеменные ему, и которое всѣхъ ихъ лучше воспользовалось Царьградскимъ изобрѣтеніемъ. За тѣмъ идутъ вѣка за вѣками, Русь постигаютъ страшныя испытанія, и ровно черезъ пять столѣтій (1362) является на престолѣ ея первоначальникъ Руской славы; проходитъ еще сто лѣтъ (1462)— другой виновникъ величія нашего вступаетъ на него, и начи-

наеть собирать воедино волости, разнесенныя было врагами въ годну злыхъ дней и бѣды неминучей; вотъ уплыло еще новыхъ три вѣка (1762), и мы видимъ у себя утвердительницу обновленной Руси, нашу несравненную Государыню.

И, стало быть, вотъ гдѣ, когда и какимъ образомъ произошли письмена для выраженія звуковъ того изъ говоровъ необозримаго своей численностью Славянскаго племени, который, превосходя прочихъ собратьевъ богатствомъ, звучностью, стариной и разнообразіемъ формъ, составляетъ для всѣхъ ихъ языкъ разяснительный, что Готскій въ семьѣ Нѣмецкой, Латинскій въ Романской, Санскритъ въ цѣлой Индоевропейской, а для разъединеннаго Славянскаго народа, сверхъ того, и теперь еще то же самое, чѣмъ предназначался было служить имъ съ устройства «писменъ по Словѣнстѣмъ рѣчи», разумѣю, звеномъ собранія въ одну точку всѣхъ лучей Славянскаго міра, талismanомъ противъ дальнѣйшаго разложенія его и гибели, который, по тому, какъ выразился давно уже одинъ изъ нашихъ Западныхъ собратіи (стало, испытавшій на себѣ и подобныхъ себѣ всю силу предлагаемаго) (271) какъ первый, но меньшей мѣрѣ, древнѣйшій, извѣстнѣйшій намъ, источникъ Славянскаго языка, долженъ быть изучаемъ и усвоемъ всѣми Славянскими вѣтвями, если уже не ради единенія Церквей, по крайности, ради высшаго ученаго образованія, сохраненія Славянской народности, чтобъ намъ не оиѣмечиться, не отатариться, не отуречиться (не офранцузиться и не омадыриться, прибавляетъ Шафарикъ), чтобы, напоследокъ, не сдѣлаться намъ отщепенцами отъ общаго родника народности, уцѣлѣвшей донныѣ вопреки урагану десяти вѣковъ. Отсюда всѣ усилія нашихъ языковѣдцевъ должны быть направлены на возстановленіе этого языка «въ его настоящей чистотѣ»,—говоритъ отъ себя Шафарикъ,—дѣйствительно, «въ теченіе времени довольно потерявшаго подъ чужимъ небомъ, отъ чужихъ, языка, представляющаго своей стариной и внутренними достоинствами для всякаго языковѣдца важнѣйшій предметъ, а для Славяновѣдца трижды и четырежды важнѣйшій, и по тому, въ новѣйшее время, по всей справедливости, считающагося краеугольнымъ камнемъ Славянской кри-

тической Лингвистики и Филологіи» (272). Царьградъ, столица Греческаго образованія, отъ котораго пошло нынѣшнее, столица Православія, по всеѣмъ соображеніямъ и вѣроятности, представляемымъ извѣстными и доступными намъ источниками, была колыбелью и нашихъ, истинно народныхъ, писателей; Константиинъ Философъ, «вирнидемзи Кирилъ»,—ихъ творецъ; Ростиславъ, «кназь Моравскыи» по Житію Кирилла, «кназь Словѣнскъ» по Житію Меодія, «Бѣгъ оустныи съ кнази своими и Моравлиныи»,—первовиновникомъ этого блага, которое «болѣ и устьяныи», по словамъ «епистоли Гръцкаго црѣ» къ нему, «паче всакаго злата и срьбра и каменна драгаго и богатства прѣходаша», т. е., «милениа боукъвъ въ нашъ языкъ», просвѣщенія насъ ими, и черезъ нихъ «съвазаниа истыи вѣры Хрѣтианскыи въ свои языкъ, поставленни на истиню и разоумъ, и съприутьениа велицехъ языцехъ, иже славятъ Бога своимъ языкомъ»; а 862-й годъ—первогодомъ воззванія Славянскаго племени къ новой во всеѣхъ отношеніяхъ жизни, государственной, вѣроисповѣдной, духовной и самостоятельно народной. «Такъкъ разоумъ, братнѣ, Бѣгъ есть даяъ Словѣномъ!»

ПРИМЪЧАШЯ.

=

1. *Slowanské starožitnosti. W Praze. 1837, I, str. 809—810, pozn. 72; въ Руск. переводѣ, Москва 1848, томъ II, кн. 2-я, стр. 313—315, примѣч. 2.*

2. «О древнѣйшемъ свидѣтельствѣ, что Церковно-книжный языкъ есть Славяно-Булгарскій,» въ Ж. М. Н. П., 1843 г., кн. VI.

3. На примѣръ, поступокъ съ переводомъ Новаго Завѣта на Новобулгарскій языкъ, составленнымъ по Церковнославянскому Неофитомъ, іеромонахомъ Рыльскаго монастыря, съ одобренія Терновскаго митрополита, Иларіона, и изданнымъ въ Смирнѣ 1840 года. Или самыя новѣйшія поступки Пловдинскаго, иначе Филиппопольскаго митрополита, Хрисанова, родомъ Грека, описанныя въ NN. 108—110 Царградскаго Вѣстника 1853 года, откуда переводъ сдѣланъ на Русскій и напечатанъ въ Одессѣ, при тамошнемъ Вѣстникѣ и отдѣльно.

4. Сюда относятся: Продолжатель Константина Багрянороднаго, въ изд. Боннскомъ, стр. 162—165, Симеонъ Логоветъ, тамъ же стр. 665—666; Іоаннъ Скилица (ок. 1057) и Кедринъ (тогда же), II, стр. 151—153.

5. Первоначально отрывокъ изъ этого памятника помѣщенъ, на Греческомъ и Латинскомъ яз., по бумажному списку Ватиканской бібліотеки, извѣстнымъ Львомъ Аляціемъ въ книгѣ: «In Roberti Creightonii apparatus, versionem et notas ad historiam concilii florentini scriptum a Sylvestro Syropulo exercitationes. Romae, 1665, 4, I, 259;» отсюда Іос. Сим. Ассемани перенесъ отрывокъ по Латыни въ свои «Kalendaria ecclesiae universae. Romae, 1755, 4, III, 147—149;» вполне же изданъ, въ первый разъ, въ Македонскомъ городѣ, Москополѣ или Вошкополѣ (разрушенномъ Керчеліями или Кирджаліями въ началѣ текущаго столѣтія), на югъ отъ Охрида (который, по мнѣнію Шафрика, вовсе не Юстиніана, по тому что *Iustiniana prima* есть Кѣстендинъ; названіе же ето перешло на Охридъ, въ церковномъ отношеніи, съ того времени, какъ пребываніе митропо-

II

лита Юстинианскаго перенесено было въ сей городъ. См. Славян. Древн. I, стр. 627, Руск. Т. II, кн. I, стр. 375, прим. 104), въ двухъ часахъ отъ города Малаго, 1741 г., 4, 13—37; во второй разъ въ Вѣнѣ 1802, 8, 101—140, іеромонахомъ Амвросіемъ Памперсемъ (*νὺν πρῶτον ἐκδοθέντα ἐπιτιθία Ἀμβροσίου ἱερομονάχου τοῦ Παμπέρωσ*), Македоняниномъ и учителемъ въ Валахиі; списокъ принадлежалъ монастырю св. Наума близъ Охрида; кто-то перевелъ его на Новогреческій языкъ и напечаталъ въ Лейпцигѣ 1805, 8, стр. 84—133, что, впрочемъ, какъ сказано тутъ, является въ исправнѣйшемъ видѣ противу вышущеннаго въ Венеціи. Жизнь сего святаго въ обоихъ изданіяхъ (Вѣнскомъ и Лейпцигскомъ), какъ показываютъ самыя страницы, составляетъ часть какого-то другаго сочиненія (въ видѣ сборника?), но какого именно, не могу сказать навѣрное, по тому что хотя я имѣю то и другое у себя, однако, каждое отдѣльно. Полное заглавіе перваго таково: «*Βίος καὶ πολιτεία ὁμολογία τε, καὶ μερικὴ θαυμάτων διήκησης, τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν Κλήμεντος ἀρχιεπισκόπου Βουλγαράων. Συγγραφεὺς παρὰ τοῦ ἁγιοτάτου καὶ ἀοιδίμου ἀρχιεπισκόπου τῆς πρώτης Γουσινιανῆς, καὶ πάσης Βουλγαρίας, κυρίου Θεοφυλάκτου, τοῦ καὶ μαΐσσορος τῶν ῥητόρων χρηματίσαντος ἐν Κωνσταντινουπόλει.*» Въ послѣднемъ прежде всего изображеніе Климента, за тѣмъ выходной листъ, на которомъ, въ заглавіи, выставлено: «*Μηνὶ Νοεμβρίῳ κβ.*» Въ другую строчку: «*Βίος Πανθαύματος τοῦ ἐν ἁγίοις Πατρὸς ἡμῶν Κλήμεντος ἀρχιεπισκόπου ἀχριδῶν καὶ πάσης βουλγαρίας τοῦ ὁμολογητοῦ, μεταφρασθεὶς ἐκ τοῦ ἑλληνικοῦ ἰδιώματος ἀνευ τῶν προοιμίων, καὶ μέχρι τινός.*» Понизже: «*Ὅστις κολοβθεὶς τὰ κατρία, καὶ ἀχρειωθεὶς παράτινος, ὡς ἢ τοῦ παρόντος πρὸς ἐκεῖνον παράθεσις, σαφῶς δηλοῖ, ἤδη ἄρτιος καὶ ὀλόκληρος τύποις ἐκδίδεται.*» Далѣе, на стран. 73-й, слѣдуетъ: «*Ὁ Ζηλωτῆς ὀρθόδοξος, ἀπαι τοῖς εὐσεβέσι τέκνοις τῆς ἀγίας καὶ θεοδοξάτου ἐκκλησίας τοῦ χριστοῦ τῆς Ἀνατολικῆς, ὑμῖν, τὸν ἐν χρισῷ ἀσπασθὸν καὶ τὸ χαίρειν.*» Начало: «*Εὐκόλοκατάληπτος εἶται,*» и пр., до конца 82-й стран.; на 83-й же: «*Ἐπιγραμμα. Εἰς τὴν ἱερὰν Μονὴν τοῦ Προδρόμου τὴν ἔχουσαν τὴν ἀγίαν κάραν τοῦ ἱεροῦ Κλήμεντος,*» въ 4-хъ стихахъ; на послѣдокъ «*Εἰς τὴν περιφανῆ Θεσσαλονίκην, τὴν ἐνεγκούσαν τοὺς θεοφόρους καὶ ἱσαποσόλους Κήρυκας τῆς βουλγαρίας, Κίριλλον καὶ Μεθόδιον, εἶχοι πολιτικοί,*» всего 7, и только на 84-й стран.: «*Βίος καὶ πολιτεία τοῦ ἐν ἁγίοις Πατρὸς ἡμῶν Κλήμεντος Ἀρχιεπισκόπου βουλγαρίας τοῦ ὁμολογητοῦ μεταφρασθεὶς εἰς τὴν κοινὴν φράσιν ἐκ τοῦ ἑλληνικοῦ, πρὸς κοινὴν ὀφέλειαν τῶν ὀρθοδόξων λαῶν.*» За тѣмъ: «*Προοίμιον τοῦ μεταφράσαντος. Δὲν ἔκρινεν,*» и пр. Какъ заголовокъ, сверху всякой страницы, читаемъ: «*Ουρανοῦ κρισις.*» Я по тому вошелъ въ

такія подробности объ етѣхъ изданіяхъ, что они теперь уже большая рѣдкость, такъ что я, при всѣхъ моихъ стараніяхъ, не могъ ни одного изъ нихъ приобрести за границей, а получилъ, послѣ долгихъ слюшеній, лишь въ 1847 г., отъ одного знакомаго Серба, который нарочно поручалъ отыскать ихъ не только въ княжествѣ Сербскомъ, но и сосѣднихъ Турецкихъ областяхъ. Профессоръ Славянскихъ нарѣчій и словесности въ Вѣскомъ Университетѣ, Франц. Миклошичъ повторилъ изданіе Памперей въ Вѣнѣ, 1847, 8, 34 стран., подъ заглавіемъ: «Vita S. Clementis, episcopi Bulgarorum.» Онъ пользовался для него какъ Ватиканскимъ отрывкомъ, такъ равно и спискомъ мон. св. Наума, сообщеннымъ ему профессоромъ Казанскаго Университета, В. И. Григоровичемъ, снявшимъ оный во время своего путешествія по Македоніи. Въ Предисловіи (Praefatio, XXII страницы) издатель, въ VII отдѣлахъ, излагаетъ: свѣдѣнія о спискахъ етого памятника, которыхъ начало по Добровскому (Cyrill und Meth. §. 2, S. 9, въ Руск. перев. стр. 6), изданіяхъ (I—II), ученыхъ, пользовавшихся въ своихъ изслѣдованіяхъ имъ (IV), прочихъ статьяхъ, заключающихся въ Москопольскомъ и имѣющихъ отношеніе къ Церковнославянской исторіи (всего 7); далѣе, представляетъ, для незнакомыхъ съ Греческимъ языкомъ, краткой обзоръ (по Латини) историческихъ данныхъ, содержащихся въ Житіи Климента (VI), извѣстіе о другомъ Житіи сего святителя, писанномъ на Греческомъ и отысканномъ В. И. Григоровичемъ въ Охридѣ, въ пергаменномъ спискѣ XIII или начала XIV стол., въ Святцахъ (Синаксартъ) мѣсяцей іюня, іюля и августа (напечатанномъ въ подлинникѣ и съ переводомъ на Рускій въ Ж. М. Н. П.), и, наконецъ, приводитъ доказательства изъ самаго Житія Климента въ пользу того, что сочиненія етого нельзя приписывать Теофилакту. То есть, ето невозможно: а) по тому, что сочинитель называетъ себя однимъ изъ учениковъ Климента: *ἄγιε ποιμὴν καὶ χρηστὸτάτε, τηροίης δὲ καὶ βαρβαρικῶν ἐπιδρομῶν ἀπειράτους τοὺς σοὺς τροφίμους ἡμᾶς, καὶ πάντοτε μὲν ἐφορῶν, μάλιστα δὲ νῦν, ὅτε θλίψις ἐγγύς, ὅτε οὐκ ἔστιν ὁ βοηθῶν, ὅτε οὐκ ἔστιν ἡμῶν μάχαιρα Βουλγαρικῶν αἱμάτων ἐμέθουθεν* (гл. XXIX).» Подъ Скъпами онъ разумѣетъ сдѣсь Угровъ, вторгавшихся, съ 934 года по 962-й, четыре раза въ Булгарію (934, 943, 959 и 962); б) причисляетъ себя къ Булгарамъ, между тѣмъ какъ Теофилактъ былъ Цареградскій Грекъ: *πάντα τὰ τῆς ἐκκλησίας, καὶ οἷς μνημαὶ Θεοῦ καὶ ἁγίων παιδρύνονται, καὶ ψυχὰ κατανύσσονται, κλήμης τοῖς Βουλγάροις ἡμῖν παρέδωκε* (гл. XXII).» Мнѣніе ето первоначально высказано было Фрид. Блумбергеромъ, въ спорѣ ето съ Добровскимъ, утверждавшимъ, что сочинитель житія Климента не былъ

IV

современникомъ ни самому Клименту, ни даже Теофилактору (Cyrill und Method, S. 10, Русск. перев. стр. 141); въ этомъ Блумбергеръ наиболѣе опирается на XVIII главу сего Житія; особенно сюда относится то мѣсто, которое начинается словами: «οὐκ εἶδομεν οὐν αὐτὸν ἠβχολακότα ποτέ, ἀλλ' ἢ παίδας ἐδίδαξεν καὶ τούτους ποικίλως, τοῖς μὲν τὸν τῶν γραμμάτων χαριτήρα γινώσκων, τοῖς δὲ τὸν τῶν γεγραμμένων τοῦν βαφηνίζων», и проч., до конца главы. Дѣйствительно странно, что Добровскій пришелъ къ заключенію, будто сочинитель Климентова Житія не только не былъ приближеннымъ къ Клименту, но даже жилъ далеко позже самаго Теофилакта (ум. 1107 г.), между тѣмъ какъ, умалчивая уже о прочихъ мѣстахъ въ этомъ Житіи, говорящихъ въ пользу противнаго мнѣнія, Добровскій самъ приводитъ слѣдующія слова, находящіяся въ концѣ сочиненія: «и намъ скуднымъ и недостойнымъ оказывалъ онъ болѣе довѣренности и милостей, нежели другимъ, такъ что мы всегда при немъ бывали, служили ему вездѣ, когда училъ онъ словомъ и дѣлами; никогда не видали мы его безъ занятія.» Можно ли яснѣе и положительнѣе выразиться о своей близости къ Клименту, и, все таки, въ слѣдъ за тѣмъ, утверждать: «Однако, судя вообще по содержанію сего сочиненія, ни какъ невѣроятно, чтобъ онъ былъ приближеннымъ Климента?» (стр. 7.). Блумбергеръ напрасно возражалъ на это тѣмъ, что сочинитель Житія Климента не выдаетъ себя за того, за кого признаетъ его Добровскій, по тому что изъ приведенныхъ выше словъ точно онъ является и довѣреннымъ и близкимъ къ Клименту; но ни довѣренность, ни приближенность еще не даютъ намъ ни какого повода считать творцемъ Житія иное лице, особенно относить его къ такому позднему времени, и въ этомъ смыслѣ возражатель правъ, говоря, что «во всей Біографіи не найдется ничего такого, по чему бы ее должно приписать какому либо другому сочинителю (стр. 141).» Защищеніе Добровскаго Рускимъ переводчикомъ неудачно. Если считать съ Добровскимъ послѣднія слова Житія поддѣльными, въ коихъ писатель говоритъ о близости къ Клименту и довѣрїи его къ нему большемъ, нежели къ другимъ, то придется считать такимъ же и все, что ни разсказывается имъ о томъ, что онъ былъ его ученикомъ, и вообще всѣ указанія на событія, случившіяся, судя по ходу рѣчи, въ его время (стр. 144).

6. По етому требовать удовлетворительнѣйшихъ доказательствъ въ пользу подлинности Житія св. Климента, чѣмъ тѣ, кои представлены первымъ защитникомъ его противу подозрѣній Добровскаго, и приводить въ примѣръ благовиднаго подлога Христана, который выдалъ себя за сына Болеслава 1-го и современника Праж-

скому епископу, Адальберту (Войтѣху), единственно для приданія большей важности младшему своему сочиненію, обличаетъ либо незнакомство съ Житіемъ, либо съ требованіями исторической критики. Стоитъ только прочесть безъ предубѣжденія его, чтобы послѣ сказать, что все это могъ знать одинъ лишь человекъ, близкій къ разсказываемому; что такъ говорить только тотъ, кто находился въ самыхъ короткихъ отношеніяхъ къ дѣйствителямъ. Впрочемъ, Шафарикъ того мнѣнія, что изъ двухъ Житій св. Климента, писанныхъ по Гречески, древнѣйшее точно составлено ученикомъ его, но по томъ, вѣроятно, подновлено, и даже исправлено, архіепископомъ Теофилактомъ. См. «Rozkvět slovanské literatury w Bulharskú, въ «Časopis českého Museum, 1848. Praha, I, st. 12, по Руски мой переводъ въ «Чтеніяхъ въ обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ», годъ 3-й (1848), книж. VII, Отд. III, стр. 8.

7. Нѣмецкій переводъ этого свидѣтельства, представленный въ сокращенномъ видѣ, см. въ Dobrowsky's Cyrill und Method, §. 8, S. 45—47, Руск. стр. 33—34, также въ Славянскихъ Древностяхъ, Шафарика, въ Чеш. стр. 817, въ Руск. томъ II, кн. 2, стр. 338—331. Скудость нашего знакомства съ Церковнославянскими письменными памятниками—непонятна. Что за сокровища находятся въ извѣстныхъ хранилищахъ одной Москвы и ея окрестностей, не говоря уже о Новѣгородѣ, Бѣлозерскомъ, Соловецкомъ и другихъ монастыряхъ Сѣверовосточной Руси! Сколько, съ одной стороны, изданіе ихъ составляетъ настоящую потребность для нашей и вообще Славянской Словесности, столько, съ другой, доступность ихъ для желающихъ черпать свѣдѣнія прямо изъ источника, въ высшей степени необходима. Желая содѣйствовать первому, по возможности, Общество исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ, во время моего секретарства въ немъ, помѣщало въ «Чтеніяхъ» своихъ довольно часто такіе памятники (на прим.: Паралипоменъ Зонаринъ, въ 1-й кн. 3-го года; Славяно-русскія сочиненія въ пергаменномъ Сборникѣ Н. Н. Царскаго, тогда же, кн. VII-я; Кирилла Философа Слово на соборѣ архистратига Михаила, 3-го года кн. III и друг.; кромѣ того, много описаній рукописямъ разныхъ библіотекъ, доставлявшихся знатокомъ нашей старинной Библіографіи, В. М. Ундольскимъ, на прим.: Сильвестръ Медвѣдевъ и его оглавленіе книгъ, кто ихъ сложилъ, 1-го г., кн. III; Опись Греческимъ, Греко-Латинскимъ, Польскимъ и Славянскимъ печатнымъ и письменнымъ книгамъ, поступившимъ въ 1676 г. изъ Воскресенскаго монастыря и Иверскаго подворья въ Патріаршую Ризную казну, 2-го г., кн. V; Оглавленіе Четвѣй-Миней митрополита Макарія, хранящихся въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ, того же

VI

года, кн. IV. и др.). Общество открыло было для них даже особый отдѣлъ съ 4-го года «Чтеній» подъ заглавіемъ: «Славянскіе матеріалы», для котораго заготовлялись уже (а нѣкоторые совершенно готовы были) памятники далеко большаго объема, между прочимъ: Творенія Іоанна ексарха Болгарскаго (изъ конхъ Калайдовичъ помѣстилъ, въ извѣстномъ своемъ сочиненіи, только нѣсколько отрывковъ), Константина (конца IX-го стол.), Антиоха черноризца Пандекта, Временникъ Георгія Гръшнаго, Чтеніе о Житіи и погубленіи св. князей Бориса и Глѣба, равно какъ Сказаніе о страсти и похвала имъ же; Житіе Θεодосія Печерскаго, и многія другія. Всѣ они по пергаменнымъ спискамъ, и съ разнословіями по нѣсколькимъ (на примѣръ: Θεодосій по 3-мъ, Антиохъ по 5-ти, Ексархъ по 8, Амартолъ по 10-ти). Чрезвычайно благодѣтельно было бы и для изданія Славянорусскихъ памятниковъ такое же учрежденіе, какое имѣемъ уже для памятниковъ по части Руской исторіи въ лицѣ Археографической Коммиссіи. Послѣдствія были бы одни и тѣ же. Но безъ обнародованія какъ можно большаго числа ихъ, систематически руководимаго *знатоками*, напрасны всѣ наши усилія достигнуть какихъ либо положительныхъ свѣдѣній въ Древнеславянской и Руской Словесности; отрывочные памятники и ведутъ къ отрывочнымъ знаніямъ, которыя всегда почти вполнѣ опровергаются, или же сильно потрясаются, первымъ же, случайно появившимся въ печати, сколько ни есть важнымъ памятникомъ. Пора, давно пора, заняться намъ и стѣмъ, какъ владѣльцамъ самыхъ богатыхъ, единственныхъ собраний Церковнославянской литературы, составленныхъ нашими неутомимо любознательными предками, собраний, которымъ нигдѣ не найдемъ подобныхъ. Императорская Публичная бібліотека въ состояніи удовлетворять живущихъ въ Петербургѣ и желающихъ изучать Славянорусскую старину; Москва, напротивъ, до сихъ поръ лишена того, хотя числомъ любителей, статья можетъ, превзойдетъ самой Петербургъ, между тѣмъ какъ изъ однихъ лишь своихъ и ближайшихъ къ ней хранилищъ, можно бы образовать превосходное «Центральное хранилище Славянорусскихъ рукописныхъ памятниковъ для средней Россіи», съ комъ слѣдовало бы соединить и замѣчательное собраніе старопечатныхъ книгъ прежняго Типографскаго Двора. Миѣ извѣстно, что такое собраніе вскорѣ умножилось бы патріотическими приношеніями многихъ владѣльцевъ рукописной и книжной старины, которые копили ее вовсе не съ торговой цѣлью и ради бы завременно найти ей пріютъ въ будущемъ отъ всякаго рода случайностей. Увѣренъ, что и для самаго помѣщенія, приличнаго такимъ сокровищамъ, предназначаемымъ для всеобщей

пользы, книголюбивая столица не отказала бы въ жертвѣ съ своей стороны. Равнымъ образомъ нашлись бы люди, которые готовы были бы служить безмездно при такомъ общепольномъ заведеніи своими свѣдѣніями и трудами. При немъ-то, кажется, лучше всего могла бы образоваться упомянутая выше Коммиссія для изданія Славянонорускихъ памятниковъ, для коей нигдѣ нѣтъ столько талантливыхъ людей, какъ въ нашей Москвѣ, и при томъ изъ одной страсти удовлетворенія ей и возможности примѣненія къ дѣлу своихъ познаній. Тогда свѣдѣнія наши о старой литературѣ и языкѣ получили бы совсѣмъ иной видъ, стали бы созидаться на твердомъ, непоколебимомъ, основаніи; а безъ того, вѣрьте, изъ ничего—ничего не будетъ, или же мало путнаго.

8. Шафарикъ въ новомъ, чрезвычайно важномъ, изслѣдованіи своемъ о Глаголическомъ письмѣ и судьбахъ его, составляющемъ введене кь «Памятникамъ Глагольской письменности» («Památky Hlahol ského písemnictví. V Praze, 1853»), разбирая названія буквъ въ обѣихъ Славянскихъ азбукахъ, вездѣ приводитъ произношеніе и названіе ихъ Малороссіянами. Етъ послѣднія сообщены были ему мною, во время моего пребыванія за границей, и по тому за правильность ихъ, разумѣется, тотъ и въ отвѣтѣ, кто въ дѣлѣ. См. стр. 10, 18 — 23. Мѣдромоу доволь!—Совершенно иное, во многихъ отношеніяхъ, представляетъ «*Ἀλφάβητον ἤτοι σοιχεῖα Βλάχων, Σέρβων, Βουλγαρίων καὶ Ρώμων,*» находящ. въ одной рукописи Вѣнской Придворн. бібліотеки № 233 (cod. philol. gr.), писанной въ 7025 году отъ сотворенія міра или 1517 отъ Р. Х., и напеч. Копитаромъ въ его «Glagolita Clozianus,» стр. XXIX, прим. 1. Вотъ въ какомъ порядкѣ слѣдуютъ въ немъ одна буква за другой: а, б, в, г, д, е, ж, з, з, і, н, к, л, м, н, о, п, р, с, т, в, ф, х, ѿ, ѿ, ѿ, ц, ч, ш, ц, ю, т, к, а, ж, з. Слѣдовательно, всѣхъ числомъ 37. Не смотря на заглавіе, азбука эта ни одному изъ упомянутыхъ въ немъ народовъ не принадлежитъ въ томъ видѣ, въ какомъ она тутъ намъ представляется, по тому что въ ней: а) з слѣдуетъ тотчасъ за х, а м и ѣ вовсе нѣтъ; б) ѿ и ѿ стоятъ между з и шипящими, равно тутъ же и ж, оторванное отъ з, за которымъ обыкновенно всюду слѣдуетъ въ нашей азбукѣ, именно, на самомъ ея концѣ, что и указываетъ на позднѣйшее включеніе ихъ въ оную; впрочемъ, мѣсто ето ж близко къ тому, которое оно занимаетъ въ азбукѣ Греческой, помѣнявшись только имъ съ ѿ; в) за шипящими, слѣдующими за ж, идутъ три двойныхъ: ю, т, м, тоже не въ обыкновенномъ порядкѣ, по коему т должно бы стоять впереди; г) за двойными носовыя, начиная съ слабѣйшей, и, въ концѣ всего, д) з,

VIII

разобшенное, какъ сказано, съ своей незамѣнной спутницей, φ , а ϕ и χ совершенно опущены. Что до названія буквѣ, то, судя по названію только нѣкоторыхъ изъ нихъ, оно довольно отличо отъ названія ихъ въ отрывкѣ, сообщенномъ Бандури; на пр.: с $\mu\pi\iota$, ж $\zeta\eta$, с $\tau\zeta\acute{\epsilon}\lambda\omicron$, $\gamma\eta\rho$, $\omega\acute{\alpha}\tau$, $\eta\tau\zeta$, $\chi\tau\zeta\epsilon\rho\beta$, ш $\sigma\acute{\alpha}$, $\psi\sigma\acute{\alpha}$, ю $\gamma\iota\omicron\upsilon\varsigma$, $\kappa\iota\acute{\alpha}\tau$, $\alpha\iota\acute{\alpha}$, $\lambda\acute{\epsilon}$, ж $\iota\acute{\omicron}$. Между ними поставлены еще четыре: в, т, χ и φ безъ всякаго указанія на произношеніе, какъ и прочія, въ азбукѣ находящіяся; изъ отмѣченныхъ же произношеніемъ вполнѣ сходится съ Бандуриевыми лишь одно ($\omega\acute{\alpha}\tau$), нѣсколько отличается тоже одно ($\sigma\acute{\alpha}=\sigma\acute{\alpha}\alpha$), по тому что $\tau\zeta\acute{\epsilon}\lambda\omicron$ и $\zeta\epsilon\lambda\omega$, $\tau\zeta\iota$ и $\tau\zeta\eta$, $\tau\zeta\epsilon\rho\beta$ и $\tau\zeta\epsilon\rho\beta\eta$, $\sigma\alpha$ и $\sigma\delta\iota\alpha$, $\iota\acute{\alpha}\tau$ и $\gamma\acute{\epsilon}\alpha\tau$ намекають на значительную разницу въ выговорѣ, существующую и теперь еще у Православныхъ и Глаголитовъ, именно: $\tau\zeta\acute{\epsilon}\lambda\omicron$ въ устахъ южныхъ Славянъ звучитъ съ удареніемъ надъ $\acute{\epsilon}$, $\tau\zeta\epsilon\rho\beta$ и $\sigma\alpha$ напоминають больше Булгарское и Сербское произношеніе, а $\tau\zeta\epsilon\rho\beta\eta$ и $\sigma\delta\iota\alpha$ — Великоорусское; $\tau\zeta\iota$ тоже наше, $\tau\zeta\eta$ скорѣе близкое къ Латинскому с; $\iota\acute{\alpha}\tau$ же и $\gamma\acute{\epsilon}\alpha\tau$ можетъ быть, въ сущности, одно и тоже, но выражены разными знаками, по тому что сочетаніе $\gamma\epsilon$, очевидно, употреблено для показанія силы ι (мягкости его), самое же γ , не смотря на смягченіе его уже въ устахъ Грековъ среднихъ вѣковъ, казалось означавшему, по чему-то, недостаточнымъ для выраженія этой мягкости; присоединивъ къ нему ϵ , онъ думалъ тѣмъ отклонить всякую сбивчивость въ выговорѣ. Но и то могло стать, что $\gamma\acute{\epsilon}\alpha\tau$, вмѣсто $\iota\acute{\alpha}\tau$, хотѣли означить произношеніе буквы λ Рускими и нѣкоторыми другими Славянами (собственно, какъ κ), между тѣмъ какъ $\iota\acute{\alpha}\tau$ прямо указываетъ на звукъ λ , какъ его слышимъ въ устахъ Булгаръ въ собственной Булгаріи, Поляковъ и т. д. Но $\gamma\iota\omicron\upsilon\varsigma$ его и $\gamma\acute{\epsilon}\omicron\upsilon\varsigma$ Бандур. существенно различны: первое есть ю, а второе ж; то въ Бандуриевомъ отрывкѣ названо $\gamma\iota\omicron\upsilon$, и, въ слѣдъ же за нимъ, ж $\gamma\acute{\epsilon}\omicron\upsilon\varsigma$, а второе, поставленное въ Вѣнской рукописи черезъ три буквы ниже (передъ ϵ), выражено словомъ $\iota\acute{\omicron}$. По чему ю названо юсомъ, трудно сказать: вѣроятно, по сходству произношенія его съ мягкимъ ж ($\mathfrak{z}$), хотя самое сочетаніе знаковъ, для выраженія его (ю) употребленныхъ, не вело къ такому названію. Знаки стѣ $\iota+\omicron$ или же $\iota+\nu$, изъ коего, въ послѣдствіи, выработалось нынѣшнее его начертаніе. Видѣть въ этомъ послѣднемъ заимствованіе изъ Глаголицы, непозволительно, по тому что и въ ней древнѣйшее начертаніе указываетъ на соединеніе $\iota+\omicron$, слѣдовательно, начертаніе его могло быть взято для выраженія сего звука, по природѣ своей двойственнаго, изъ азбуки Латинской, разумѣется, извѣстной изобрѣтателю его, безъ всякаго посредства Глаголицы и Паниноцевъ (вопреки Копитару: Pnesychius, pag. 40). Наполнѣнокъ, означеніе произношенія носовыхъ въ Вѣнской рук. отлич-

но отъ означенія того же въ отрывкѣ Бандури. Правда, посовой звукъ ни въ одной изъ стѣхъ азбукъ не показанъ прямо, тѣмъ не менѣе, въ первой гораздо болѣе признаковъ, указывающихъ на природу этого звука, чѣмъ во второй. Въ самомъ дѣлѣ: если прибавимъ къ означенію носоваго звука по *ἄλφάβητος* только *v*, то получимъ произношеніе (въ мягкомъ видѣ) точь въ точь такое, какое слышимъ и теперь еще у Поляковъ, *je, ja*.

9. Письма стѣ напечатаны погодно Бочкомъ въ «*Codex diplomaticus et epistolaris Moraviae. Olomucii, 1836, tom. I, pag. 39—46, № № LVII, LVIII, LIX*, а прежде въ разныхъ сочиненіяхъ и сборникахъ, на прим.: *Salagii, De statu ecclesiae Pannonicae. Quinqueecclesiis 1780, 4, lib. IV, p. 424; Harduin., Collectanea conciliorum. VI. p. I, col. 85; Dobner, Annales Bohemorum. Pragaе, 1765, 4, III, p. 190—193; Timoni, Imago antiquae Hungariae. Viennae, 1762, 4, I, p. 152; Schlözer, Несторъ. III, 200—204. Руск. перев. II, 502 — 510; Dobrowski, Cyrill und Method. S. 38, 92 и слѣд., въ Руск. переводѣ, Кирилль и Меѳодій. Москва 1825; б. 4, стр. 27, 68 и слѣд. (собственно только выписки изъ посланій); Fejér Codex diplomaticus Hungariae, I, p. 243; кромѣ того у Бальбина, Гольдаста, Баронія, и друг. *Бутлбергеръ*, разбирая сочиненіе Лобровскаго «*Cyrill und Method*», въ «*Jahrbücher der Literatur*» (Wien, 1824, XXVI, S. 211 — 233), смился заподозрить всѣ стѣ посланія папы Іоанна VIII-го, называя ихъ «источникомъ всѣхъ затрудненій и сомнѣній при изслѣдованіи о жизни Кирилля и Меѳодія.» Но а) вымышлять посланія, изъ которыхъ въ одномъ запрещается Славянское богослуженіе и языкъ, а въ другомъ, напротивъ, одобряется и восхваляется однимъ и тѣмъ же лицомъ, черезъ чуръ уже хитро для Рима, когда онъ нуждался только въ послѣднемъ, и б) истинность ихъ подтверждается частью Реестра посланіямъ упомянутаго папы, сохранившейся въ спискѣ второй половины XI-го вѣка, принадлежащемъ библіотекѣ Монтекассинскаго монастыря, и снятаго по всему, съ подлинника, или же подлиннаго реестра, находящагося въ Ватиканскомъ Архивѣ. *Palacky's Italienische Reise im Jahre 1837. Prag. 1838, S. 15 — 16.* При такомъ положеніи дѣла пѣтъ настоятельной нужды доказывать подлинность стѣхъ писемъ тѣмъ, что они писаны и отправлены въ такомъ точно видѣ, въ какомъ до насъ дошли, или что списки съ нихъ настоящіе отпуски, равно какъ, наконецъ, тѣмъ, что писаны ранѣе 1343 года; также требовать, чтобы хотя одинъ достовѣрный писатель ссылался на сіи письма до этого года. (См. Библіографическіе листы, № 10-й,*

X

стр. 145). Копитаръ въ своихъ «Prolegomena historica» къ Рейнскому Евангелію (изданному въ Парижѣ 1843 г. противнымъ, по волѣ Государя Императора, славнымъ Французскимъ краснописцемъ, *Силвестромъ*), написанныхъ имъ, безъ всякаго приглашенія къмъ либо, къ небольшому числу экземпляровъ, пущенныхъ въ продажу (по тому что опредѣленное число ихъ все отправлено было въ Россію для раздачи, по Высочайшей волѣ, разнымъ ученымъ, заведеніямъ и т. д.), и представлявшихъ новый случай высказать свои, и безъ того всемъ уже довольно извѣстныя, мнѣнія о началѣ Христіанства у Славянъ и языкъ ихъ богослуженія, Копитаръ, говорю, въ 1-ой главѣ етѣхъ «Prolegomena,» между прочимъ, утверждаетъ, что если бы ету привилегію, данную, съ рѣдкой обдуманностью и благоразумной осторожностью, папой Иоанномъ VIII-мъ, 880-го, исключительно Славянскому народу, позже подтвержденную Шкопенціемъ IV-мъ 1248 г. (уступка, которой ни одному народу не было сдѣлано ни прежде, ни послѣ, по тому что все исповѣдывающіе Христіанство по Римскому обряду, совершаютъ богослуженіе на Латинскомъ языкѣ: «Memorable sane est unicuique in patriarchatu romano privilegium liturgiae vernaculae Slavorum; reliquis omnino omnibus populis catholicis per Europam, Africam et Americam non nisi latine sacra facientibus»), старался съ обѣихъ сторонъ добросовѣстно сохранять, тогда бы раздѣленіе не дошло до такой степени на Востокъ, а на Западъ не возникла бы въ послѣдствіи причина отторженія. Но Копитаръ забываетъ, или нарочно умалчиваетъ, о томъ, что эта привилегія прежде всего нарушена была на Востокахъ, на Западомъ, изгнаннымъ изъ Великоморавскаго Царства, тотчасъ по смерти Методія, учениковъ его, а съ ними и Славянское богослуженіе, и введеннымъ снова Латинское, какъ оно было до прибытія Солунскихъ благовѣстниковъ. Справедливость етѣхъ событій подтверждена въ повѣвшее время посланіемъ саяаго папы къ Святополку, преемнику Ростислава. Папа етотъ былъ Стефанъ V-й или VI-й, третій (885 — 891) преемникъ Иоанна VIII-го (872 — 882 г.), по предписанію котораго, заключавшемуся въ упомянутомъ посланіи его (открытомъ недавно Вильг. *Vammenбахомъ* въ библиотекѣ Цистерціенскаго монастыря св. Креста въ нижней Австріи, Monasterium S. Mariae ad S. Crucem in valle pentogosa, не подалеку отъ Вѣны, въ декабрь 1847 г., въ одномъ сборникѣ церковныхъ и свѣтскихъ законовъ, по письму, принадлежащихъ X-му столѣтію, и напечатанномъ въ 1849, при сочиненіи его: «Beitragte zur Geschichte der christlichen Kirche in Maehren und Boehmen. Wien, 8, S. VIII—56), Латинское духовенство дѣйствова-

ло рѣшительно, во время отсутствія Святополка, явно склонявшагося на сторону Латинниковъ, употребляя нарочно страшныя жестокости и преслѣдованія противъ Православныхъ (*Vita Clementis*, cap. IX—XIII, p. 399). Предписаніе же папы, вѣроятно, было составлено Вихингомъ, викаріемъ города Нитры, получившимъ его въ послѣднее свое путешествіе въ Римъ, который былъ, какъ показываетъ то его имя, Нѣмецъ, челоуѣкъ, по словамъ самыхъ соплеменниковъ, «*turbulentus et ambitiosus, ipsisque Bavaris invisus* (*Vita Clementis*, ed. Fr. Miklošič, p. XIV, not.). Лстя 'всячески и поближая слабостямъ князя, онъ втерся, такъ сказать, въ его благосклонность и былъ употребляемъ имъ не разъ, какъ посолъ въ Римъ. Воспользовавшись примиреніемъ Святополка съ импер. Карломъ III-мъ (884 г.), равно и съ Арнульфомъ (его племянникомъ, вскорѣ свергнутымъ дядю съ престола), этотъ хитрый Нѣмецъ вооружалъ, кажется, Великоморавскаго государя противу Меодія, стоявшаго твердо за Православіе и совершеніе его на Славянскомъ языкѣ; по крайности видимъ, что Святополкъ неохотно являлся при Славянскомъ богослуженіи, предпочитая ему отправленіе на Латинскомъ. И точно, чѣмъ же объяснить желаніе Меодія, выраженное въ его Житіи, и состоявшее въ томъ, что если онъ явится къ нему съ войскомъ и дворомъ своимъ на литургію въ день апост. Петра и Павла, то получить побѣду надъ врагомъ: «*нигдѣ же плкы Стѣпѣнѣю воюющею изъ погнѣла и никусо же оуспѣющею, изъ поудѣнню, сѣго Петра мѣши приближющеюся, рекше слоужь въ, послаа къ нему гѣа, яко аще ми ся обзрѣиши изъ стѣи Петроу дѣи съ конъ сконни сѣтворити оу мене, ктрѣю къ ѿѣ, яко прѣдати ти имѣти и къскортъ, аже и бысть.*» Да и въ посланіи папы Іоанна VIII-го, въ заключеніе сказано: если князь предпочитаетъ слушать обѣдню на Латинскомъ, то можетъ это: «*Et si tibi (Suatoplucio) et iudicibus tuis placet, missas latina lingua magis audire, praecipimus, ut latine missarum solennia tibi celebrentur* (Ep. an. 880).» Объ этомъ желаніи (*placet*) папа могъ, конечно, узнать скорѣе всего отъ людей, подобныхъ Вихинку, а можетъ быть, и отъ него самаго. Но когда Меодій, потерявъ всякое терпѣніе, произнесъ, наконецъ, отчужденіе надъ княземъ и его любимцемъ (*Vita Clement. c. VII. и Моравск. сказаніе, у Добровскаго, стр. 43, 104*), то первый, пораженный тѣмъ, обратился (разумѣется, по внушенію своего любимца), къ папѣ за совѣтомъ. Вихингъ увѣрилъ папу, Стефана V-го, о преданности Святополка Латинскому обряду, и по тому тотъ писалъ ему: «*Methodium namque supersticioni, non edificacioni, contencioni non paci insistentem audientes, plurimum mirati sumus; et si ita est, ut audiuimus,*

XII

supersticionem eius penitus abdicamus. *Anathema vero pro contemnenda catholica fide, qui indixit, in caput redundabit eius.* Tu autem et populus tuus sancti spiritus iudicio eritis innoxii, si tamen fidem, quam romana praedicat aecclesia, tenueritis intuiolabiter. Diuina autem officia et sacra misteria ac missarum solemnia, que idem Methodius Sclanorum lingua celebrare presumpsit, quod ne ulterius faceret supra sacratissimum beati Petri corpus, iuramento firmauerat, sui periculi reatum perhorrescentes nullo modo deinceps a quolibet presumatur. Dei namque nostraque apostolica auctoritate *sub anathematis uinculo interdicimus*, excepto quod ad simplicis populi et non intelligentis aedificationem attinet, si euangelii, uel apostoli, expositio ab eruditis eadem lingua annuncietur, et largimur et exortamur, et ut frequentissime fiat monemus, ut omnis lingua laudet deum, et confiteatur ei. *Contumaces autem et inobedientes, contencioni et scandalo insistentes*, post primam et secundam admonicionem, si se minime correxerit, *quasi zizaniorum seminatores, ab aecclesie gremio abici sancimus, et, ne una ouis moruuda totum gregem contamineat, nostro uigore refrenare et a uestris finibus procul excludi precipimus.* Етъхъ-то, столько опасныхъ, людей, Латинское духовенство постаралось тотчасъ, по кончинѣ Меодія, не только различить съ своимъ стадомъ, но даже совершенно изгнать за предѣлы, какъ оно утверждало, *своей земли.* Какъ же, послѣ всего этого, увѣрять еще, что Востокъ не заботился о добросовѣстномъ сохраненіи единственной въ своемъ родѣ панской привилегіи для Славянъ, когда она, черезъ 5-ть лѣтъ послѣ наданія своего, была, прежде всего, нарушена самымъ паномъ?

10. *Wattenbach, Beitrage u. s. w., S. 23.*

11. По увѣренію Палацкаго, въ Реестрѣ Ватиканскаго Архива (fol. 100), стоитъ «*sclauiniscas*». См. Fac-simile съ етъхъ словъ; отъ «*quasi zizaniorum seminatores*» до «*quae praecipit dicens*», помѣщенное имъ на концѣ его «*Literarische Reise nach Italien im Jahre 1837.*»

12. Сколько помню, напечатано въ «*Juvavia*»; *Freheri, Rerum Bohemic. antiqui scriptores. Panoviae, 1602, f., p. 15—20; Ofel, Scriptores rerum Boicar. I, p. 780 sq.*; съ нѣкоторыми пропусками, но за то сличенное съ пятью пергаментными списками Импер. Вѣнской бібліотеки (изъ коихъ два XI—XII, а три XIII—XIV стол.) у *Konutara*, какъ «*Appendix quinta*,» въ его «*Glagolita Clozianus. Vin-dobonae, 1836, f., pag. LXXII—LXXVI.*

13. Сочинитель хроники монастыря Монтекассино въ 3-хъ книгахъ, къ коимъ, въ послѣдствіи, прибавлена, Петромъ діакономъ, и 4-я, содержащая исторію этой обители до 1138 года, изд. вполнѣ въ Парижѣ 1603 и 1668 г., въ л.; кромѣ того, она помѣщена и въ собраніи Муратори.

14. Фламандскій езуитъ (1600—1681), трудившійся съ Болландомъ (Жаномъ, Голландцемъ, 1596—1665), основателемъ изданія «Acta SS.», при выпускѣ первыхъ четырехъ книгъ.

15. *Maehrische Legende von Cyrill und Method, nach Handschriften, herausgegeben, mit andern Legenden verglichen und erläutert.* Prag, 1826, 8, 128, стр., явилась, спустя три года послѣ его «Cyrill und Method», съ котораго былъ сдѣланъ Русскій переводъ, по порученію Государственнаго канцлера, графа Н. П. Румянцева, М. Погодинымъ, и напечатанъ въ Москвѣ, 1825 г., въ 4-ку: «Кирилль и Меодій, Словенскіе первоучители.» Оба етъ сочиненія вошли также и въ «Abhandlungen der k. böhm. Gesellschaft der Wissenschaften; Prag,» коего сочинитель былъ членомъ.

16. *Cyrill und Method, S. 17, въ Руск. II—12.* Напечатана у Болландистовъ по списку, полученному ими изъ прежняго Бенедиктинскаго монастыря, Влансвергъ, въ Виртембергскомъ корол. 1480 г., перепечатана Шлѣцеромъ (Несторъ, II, S. 154—160, Руск. III, 414—422) съ ошибками, и вновь издана Добровскимъ по двумъ древнимъ рукописямъ, Оломуцкой (библіотеки Соборной церкви) и Пражской (библіотеки Публичной). *Maehr. Leg. 7—8.*

17. Важнѣйшее слѣдующее: Свитополкъ названъ язычникомъ, который, по крещеніи себя и народа, учреждаетъ архіепископство, въ столицѣ своей, Велеградѣ, а Кирилла дѣлаетъ первымъ архіепископомъ Моравскимъ, подъ коимъ было 7-мъ епископовъ, жившихъ въ Польшѣ и Угріи. Далѣе говорится, что отецъ Кирилла и Меодія назывался Константинномъ, а не Львомъ; что Меодій пытался увезти изъ Рима, съ собою, тайнымъ образомъ, тѣло своего брата, но не могъ поднять его съ мѣста. *Cyrill u. Method. §. 4, S. 26 — 32, Руск. 18—22.*

18. Онъ родился въ ту ночь, въ которую отецъ его убилъ брата своего, Вячеслава, и по тому названъ былъ Страхвасъ (страшный пиръ, пиришество, угощеніе), какъ это слово (квась) имѣеть, между прочимъ, значеніе въ Чешскомъ и нѣкоторыхъ другихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ. Убіенство произошло 936 года, сент. 28 дня, въ среду, по Добнеру (*Annal. Hayes. III, 652—657*), что принялъ и Палацкий въ свою» *Geschichte von Böhmen, Prag, 1836, I, S. 208—209*, по послѣ, въ «*Dějiny národu Českého, I, 1848, стр. 237, примѣч. 22 0*

XIV

согласился съ показаніемъ Церковнославянскаго Житія Вячеслава, по которому ето случилось въ понедѣльникъ 935 г., какъ доказывалъ то уже Пубичка въ «Chronologische Geschichte» II, S. 307—310.

19. Добровскій, Воівоу's Taufe, §. 26.

20. Vita et Passio specialis S. Wenceslai Martyris, въ спискѣ, XIV-го стол., Пражской митропол. бібліотеки, въ коемъ и древнѣйшій списокъ Хроники Козьмы Пражскаго (Scriptores rerum Bohemicarum, T. I, 8, Prag. 1783, pag. XX). Тамъ же, S. 7 и 14.

21. Издано въ первой разъ Менкеномъ въ Scriptores rerum Germanicarum, T. III, Lips. 1730, pag. 1830 и слѣд., по древнему Дрезденскому списку; оно приведено тутъ, въ видѣ дополненія къ Лѣтописи Козьмы и составляетъ основной источникъ для всѣхъ послѣдующихъ Житій, далеко превышающихъ его подробностями и украшеніями.

22. Въ спискѣ Пражской Публичной бібліотеки, о коемъ упоминаетъ Бальбинъ въ 3-й части Bohemia docta. Prag. 1777, 8, pag. 115. Dobrowsky, Воівоу's Taufe, S. 16 — 23.

23. Воівоу's Taufe, S. 23—28, гдѣ подробно доказано все ето.

24. Dobrowsky, Cyrill und Method, §. 3.

25. Извѣстіе Сазавскаго монаха о Проконіи почти тѣмъ же словами внесено въ другое Житіе сего святаго, писанное по Латини и переведенное кѣмъ-то съ Славянскаго: «Deo tamen conscio teste historia veridica, de sclauonicis literis in latinatam translata, cujus materiam succincte adior explicare: Procopius natione Bohemigena ex ingenis parentibus... cujus origo exstat ex quodam territorio, cui nomen vulgariter Chotim... Videntes ejus praeclari genitores pueri tantam gratiam Dei in eo rutilare, commendaverunt eum in castro Visegradeusi magistro liberalium litterarum studiis, ut eorum informatione coelestibus institueretur disciplinis, ubi tunc temporis famosum studium *Sclauonicae Linguae* vigebat», etc. Можетъ быть, сдѣсь подъ «historia veridica» разумѣется сказаніе о св. Проконіи на Чешскомъ языкѣ, находящееся въ пергаменной (на 122 л.) Градецкой рукописи, принадлежащей бібліотекѣ князя Лобковца въ Прагѣ, по письму начала XIV-го вѣка, но по языку гораздо старѣе; доказательствомъ тому, по словамъ Шафарика, служатъ порча многихъ стиховъ и римъ. Первоначально Сказаніе ето напечатано В. В. Ганкой въ «Sragobylá skládání. W Praze 1817, I. стр. 1—51; потомъ Шафарикомъ въ «Wýbot z literatury české. W Praze, 1845, стр. 182—212.

Оно начинается такъ:

«Slyšte staří, i wy děti,

co jaz wám chci powědieti,» и проч.

Далше: «Swatý Procop jest Slowenského roda,
 nedaleko ot Českého Brda;
 tu wes dobře bôh rozplodil,
 w niež sě ten swatý urodil.
 A wšak dobře powědieti směji:
 tei wsi jmě Chotún ději,
 w niejžto bydlěše stary kmet,
 ten sobě imieše mnoho let,
 Swú ženu šlechetnú jmieše
 S nížto manželstwo držěše...
 Prokop ot dětinstwie swého
 by chowánie welni žsného:
 po boze tworcí túžieše,
 Swětskú sláwu potupieše...
 Widúce to rodiťeli,
 jakého synáčka jměli,
 wzachu mezi sobú radu,
 chtiec jej sláti k Wyšehradu,
 k mistru na slowo wzatému,
 by jej učil čtení wšemu,
 kdež slawné učenie bieše,
 w Slowenském jazyku kwěše.»

Сходное читаемъ еще въ одномъ старомъ служебникѣ: «Erat S. Procopius bohemus oriundus de quadam villa Chotin, non longe a Praga, a beato Cyrillo *sclavonicis apicibus* episcopo imbutus, in Visegradum a parentibus nobilibus ad scolas ad literas appositus,» etc. См. «Сазаво-Еммауское святое благовѣствованіе, шилъ же Ремское, иждпв. В. Ганкы.» Прага, 1836 г., III—VI.

Все это, между прочимъ, свидѣтельствуеъ также объ употребленіи Церковнославянскаго языка и въ Чехахъ со времени пребыванія Кирилла и Меодія въ Великоморавскомъ Государствѣ, который преподавался въ самой столицѣ Чехъ, Вышеградѣ. Послѣ передачи Сазавскаго монастыря (въ коемъ особенно процвѣтало Славянское богослуженіе по обряду Православія) Латинскому духовенству, Сазавскій монахъ сказаніе о своей обители заключаетъ слѣдующими замѣчательными словами: «et libri linquae eorum (Славянскихъ Православныхъ инокъ) deleti omnino et disperditi, nequam ulterius in eodem loco recitabuntur.» pag. 102, ed. 1783 г. Послѣ было еще нѣсколько попытокъ возвратитъ потерянное, т. е.,

XVI

вести изученіе Церковнославянскаго языка и богослуженіе на немъ въ Чехахъ, что и въ Гусовомъ возстаніи противъ Рима играло важную роль, да и теперь сердца просвѣщенныхъ Чеховъ неравнодушны къ этой святынь. Вспомнимъ борьбу знаменитаго Добровскаго. См. «Примѣчаніе» наше объ этомъ къ соч.: «Православіе у Чеховъ, соч. Ев. Новикова,» въ «Чтеніяхъ въ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ, 1848 года, кн. IX-я.»

26. См. *Добровскаго Cyrill und Meth.*, S. 51, въ Руск. стр. 37, гдѣ онъ неправильно названъ *Градскимъ* монахомъ, по Нѣмецки *Hradischer Mönch* (слѣдовало, по крайности, перевести «Градичскій» монахъ). Названіе «Градичтскій» монахъ дано ему Добнеромъ и другими, на томъ основаніи, что въ лѣтописи его много извѣстій о Градичтскомъ монастырѣ (близъ Оломуца, основан. 1077 г.). Но Палацкій, опираясь на списокъ его лѣтописи, попавшійся ему въ руки 1829 г., съ надписью: «*Liber monasterii Opatovicen.*», назвалъ его монахомъ «*Опатовицкимъ*», по Опатовицкому Бенедиктинскому монастырю на р. Лабѣ, между Кралоувеградцемъ (*Koenigin-gaetz*) и Хрудимомъ, основ. 1088 г. королемъ Вратиславомъ и разруш. въ Гуситскія войны. Сдѣсь, стало быть, жилъ сочинитель этой лѣтописи, принадл. XII-му в. уже по своему списку, на пергам., въ листъ. Составитель ея пользовался многими рукописями (Козьмой, продолжителемъ его, Сазавскимъ черноризцемъ и друг.); она писана неровнымъ слогомъ, а это заставляетъ думать, что въ составленіи ея участвовали многіе. *Palacky*, *Würdigung der alten böhmischen Geschichtsschreiber. Eine gekrönte Preisschrift.* Prag. 1830, S. 52—64.

27. См. *J. Lucius* (Лучичъ) *De regno Dalmatiae et Croatiae lib. IV.* Amstel. 1666, f. Въ Вѣнскомъ изданіи этого сочиненія она пропущена, а «*Kronika Hrvatska iz XII vѣka*,» переведенная съ Сербскаго на Латинскій Маркомъ Маруломъ 1510 года и напечатанная Швадтнеромъ (въ *Scriptores regum Hungaricarum.* Vindob. 1746—48, f.) теперь издана на языкѣ подлинника въ 4-ой книжкѣ «*Arkiva za povѣstnicu jugoslavensku društva za jugoslavensku povѣstnicu i starine* и Zagrebu, 1851, стр. 1—37», гдѣ въ предисловіи подробно изложена судьба ея (1—3). Отношеніе ея къ первой, съ которой чрезвычайно сходна (почти дословно въ большей части изложенія), по сию пору не рѣшено еще окончательно.

28. Приморскіе Далматскіе города, напитавшіеся, отъ долгаго общенія съ Италіей, Западными мыслями, просили папу, Николая II-го, созвать новый соборъ противу Православнаго богослуженія,

которое, не смотря на два первые, бывшіе слишкомъ за 130 лѣтъ передъ тѣмъ (въ Сплитѣ 925 г. и Салонѣ 928 г.), при папѣ Іоаннѣ X-мъ, сильно держалось въ внутренней Далмаціи, между Славянскимъ пародонаселеніемъ. Соборъ этотъ былъ открытъ, подъ предѣлательствомъ Кассинскаго аббата, а Сельскаго епископа, Майнарда, въ Салонѣ 1059 г., на коемъ, въ третій разъ, Православное богослуженіе запрещено, церкви же, въ которыхъ оно отправлялось, закрыты, Меодій, какъ виновникъ его, объявленъ ерестикомъ, а Кириллица названа Готской азбукой. Спустя 5 лѣтъ, постановленія этого Собора были повторены на новомъ, въ Сплитѣ 1064 года. Однако же, Православіе, гонимое Римомъ или кѣмъ не защищаемое, до того было крѣпко въ Далмаціи и Хорваціи, что еще въ началѣ XIII-го вѣка (1204 г.) въ нихъ находился одинъ лишь чисто Католическій монастырь (соевобіумъ pure Latinum. *Bardosy, Supplem. Analect. Scerpus. 1802, pag. 196. Schlözer, Несторъ, III Theil, S. 176.*). Впрочемъ, преслѣдуемые нанши, около половини XIII-го столѣтія (1248 года), защитника въ самомъ папѣ, Пиннокентіи IV-мъ, который разрѣшилъ Корбавскому епископу отправление богослуженія на Церковнославянскомъ языкѣ, но придерживаясь Римскаго обряда, сперва по Глагольскимъ книгамъ, смѣнившимъ Кирилловскія, взявшія было опять верхъ въ половинѣ прошлаго вѣка, хотя и Глаголица коегдѣ и теперь еще употребляется, а потомъ когда послѣдняя очень упала, и по Кирилловскимъ. Наконецъ, вмѣсто того и другаго письма стали вводить Латинскія буквы. Отъ того число Католиковъ возрасло нынѣ въ этой землѣ до 350 т., которые имѣютъ архіепископа въ Задрѣ и 5 епископовъ (въ Шибеникѣ, Сплитѣ, Лезинѣ, Дубровникѣ и Которѣ), а Православныхъ, не взирая на всѣ неприяности, слишкомъ 80 т. съ 11-ю монастырями и епископомъ въ Задрѣ. См. *Николаевича* (Георгія, протоіерея въ Дубровникѣ) «Епархія Православна у Далмаціи,» въ «Сербско-Далматинскомъ Магази́нѣ за лѣто 1850. Загребъ, стр. 1—50.

29. Именно, въ статьѣ «О чтеніи книгъ.» По другому списку его свидѣтельство о Житіи Кирилла такъ читается: «Послушанте житіа сѣго Василіа и сѣго Кирилла Философа, и ннѣхъ многихъ стѣхъ, како ти испервз повеждють ѿ ннѣхъ рѣщѣе, кѣко измлада прилежаху ѿ стѣхъ книгахъ, то же на добрѣа дѣла подвигнашлса.» Списокъ этотъ XVI вѣка разобранъ А. Х. Востоковымъ въ «Опис. Румянц. Музея, № 182, стр. 230—232, а самая статья доставлена мнѣ Н. С. Тихонравовымъ, получившимъ ее отъ г. А. Н. Пыпина, который списалъ оную съ подлинника. Очень замѣчательно, что о нашемъ Кириллѣ говорится также въ одной статьѣ, именно 5-й, въ рукописи подъ № 35-мъ Московской Духовной

XVIII

Академін (въ лпстѣ, на лоспнцѣ, бумагѣ, писанной уставомъ, съ кино-варными заглавїями и прописными, на 243 листахъ, оправленной въ кожанныя доски, пѣкогда съ застѣжками), содержащей въ себѣ, съ 1-го по оборотъ 22-го листа: а) «Житїе и жизни прїѣлаго ѿца нашего Іоанна Дамаскина, списано Іоанномъ патриархомъ Антиохїискимъ.» Нач.: «Иже по образу бѣю сохранившїи,» и пр.; б) «Притѣа о пѣкоемъ добрододнемъ.» Нач.: «Улкъ добрододенъ иде ѣ странѣ далеке прїата црѣтво сокъ,» и пр. (10 строкъ); в) «Слово перкое ѿ ксѣ, Іоанна Езарфа,» т. е., «Книга небеса» или «Богословіе,» но безъ предисловія (съ обор. 22-го по обор. 76); г) «Притѣа о свѣтїи.» Нач.: «Изде свѣецъ свѣти свѣтїи своего» (36 строкъ); д) «Слово стго Григорїа пѣны Римскаго.» Нач.: «Добро, братїе, и полезно есть ксакомъ вѣрнѣ поунтанїе кнїжане,» и пр. (38 строкъ); е) «Слово стго апла Павла, истолкованно Іоанно Златусто і Касїїемъ Великимъ.» Нач.: «Ирїндемъ, братїе, да оуслышїи слово ползы,» и пр. (съ обор. 77 по обор. 78-го); ж) «Слово стхъ ѿцъ Хрїстїанѣ.» Нач.: «Рекы вы послѣднѣе любовно, братїе,» и проч. (по обор. 79 лпс.); з) «Толкованїе исоудобо поуманеннѣ рѣче» (оборот. 80—94); и) Обѣ ударенїяхъ (95—96); і) Насхалїа (97—100); к) «Книга глѣмла, Довлѣ,» (101—119); л) «Азъковнїкъ» (по 124); м) «Посланїе стго Іоанна Дамаскина ко стнѣ сїнонїе сїнѣ Козїа Малѣрускаго (по 129); и н) «Скїзанїе ѿ вѣстекнїемъ писанїи стхъ кнїгъ, како подоблѣ писати стѣе і посрѣнее і ѿнїнее, і что пислї подѣзметѣ, і чего не подоблѣтъ повривати,» и пр. (съ 130 до конца). Статья эта очень напоминаетъ извѣстную статью Ермитажнаго Святославова Сборника, по имѣетъ и свои особенности. Предлагаю ее здѣсь для свѣдѣнїя: «Добро, братїе, и полезно есть ксакомъ вѣрнѣ поунтанїе кнїжане; бжени бо рече пѣтмоуценъ свѣтїа его; слышанїе бо всегда слово блїе не забвднѣмъ ѿ истинны; велики бо полза намъ, к матежи мїра сего будзїре, поунтанїе кнїжане; а се же велики есть зло і погнѣбелъ дшн, еже не слышанїе оуученїа, безвѣстно жити. Но да са насладнїмъ оуученїа вѣтвекнїаго; дрлжнн бо злата и каменїа мнѣгоцрѣнїаго, правнїтель есть і оутверженїе дшн; рече бо Дїѣ прркъ: къ сѣрцѣ моесѣ скрїи словеса твоа, да не согрѣши тебѣ. І ако жѣ оузда конекн правнїтель есть, тако и улкъ востаздается ѿ поустоннїи, слышнх оууїнїа стла; і ако же полоненїи оумъ ко скоен странѣ есть, тако мнѣа страхъ бжїи, всегда мыслнть ѿ нѣнїи и желаетъ оууїнїа слышати. Слышн жѣ, како тн хвалнть прркъ не поунтанїа, ни слышанїа оууїнїа: проклатн оуклоняющенса ѿ злѣковѣден твої, і златъ освдатса. И самъ са похвалн, гла: Коль сладка словеса твоа, нлѣе меда оустѣ монї, і злкомъ оустѣ твої нлѣе тысяцн злата и сребра, и ко свѣтѣ гла воз-

радуюся азъ о словесехъ твоихъ, яко обрѣтъ корысть мнози; корысть нарекуе словеса бжѣа. Да и мы ихъ слышати потчимся смыслсно; ксѣ во деломъ добрымъ изуало есть поученіе стѣхъ книгъ, ꙗже велика есть полза оученіе слышати стго Василиа, ꙗже Нѣлліа Златоустога, ꙗже Ефремъ, и Кирилла Философъ, ꙗже и нѣ стѣхъ, да здѣхъ вбоугоднѣ поживше, оиломъ цртва небеснаго сподобимся блаѣтїю Гдѣхъ ншего.»

30. На Чешскій переведенной В. В. Ганкой и напечатанной въ *Saazor. besk. Museum* 1846, I, стр. 3—33. Первое извѣстіе объ этой статьѣ и употребленіе въ дѣло заключающагося въ ней сдѣлано было мною въ моемъ соч.: «О древнѣйшемъ свидѣтельствѣ, что Церковно-Книжнй языкъ есть Славяно-Булгарскій,» помѣщен. въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1843 г., кн. 6, стр. 15.

31. Житіе Кирилла въ рук. библіотеки Московской Духовной Академіи, XV-го стол., въ листъ, на лоснящейся бумагѣ, полууставъ, съ киноварными заглавными и прописными буквами, содержащей въ себѣ: 1) л. 1—340: Толкованіе на 16 пророковъ (извѣстное въ нѣкоторыхъ спискахъ съ подписью попа Упрія, на примѣръ, въ бумажи. XV-го же вѣка, въ листъ полууставомъ, принадлежавшемъ Петербургскому Биржевому маклеру, Федору Иван. Пемлову, а теперь Ржевскому купцу Е. В. Берсеневу); 2) л. 341—365: «Мнѣ Ноябрьрѣа дѣ Житіе и жизнь и подвизи прѣбодящаго ѡца ншего Іоаннѣа» (ум. 847); 3) 365—389: «Мнѣ Октебрѣа къ, дѣ. Житіе и жизнь, и подвизи, иже въ стѣхъ ѡца ншего Константїна философа, прѣвѣаго наставника и оучителя Словѣнскихъ крѣккв; 4) л. 390—393: «Тѣакоплнѣ (о) Анѡлѣа и Сѣвѡрїаи цркви» (неполное), и нѣкоторыя еще мелкія статьи, болѣе толковательнаго содержания, таковы: «О прѣносѣхъ вѣааго закона» (13 строкъ); «Закопнїи образи о Хѣ свѣрѣнншѣа» (36 стр.); «Прѣаа о тѣахъ и ѡ дѣїахъ хѣаа» (34 стр.); «Стѣао Григорїа Бѣослова ѡ пѣаицѣахъ» (9 строкъ). Рукопись оправлена въ красноватую кожу и значится подъ № 19-мъ. А Житіе Меѡодїа въ Четь-Миней на апрѣль и май, бум. рук. въ л., на 349 л., принадлежавшая той же Академіи подъ № 94; она писана полууставомъ двухъ почерковъ (первый по 238, а второй далѣе до конца); съ 105 по обор. 115 Житіе (на 11-ти лист.), а за нимъ Похвальное Слово по 128 (на 9-ти л.). Въ этой же рук., между прочимъ, находятя: 1) Сказанїе ѡ чудесахъ стго Романа и Димїа (218—232, на 14 л.); 2) Мнѣ стѣхъ Кроугацѣа, Пѣаица и Коуцїа, къ врсенїаи Антонїа, Іѡаннѣа и Свѣтѣаѣа, пострадавшихъ къ Анѡвскои земли, къ Вїаїахъ, здѣ Прѣославию вѣроу крѣаїнскю» (300—304), и 3) Прѣааго ко сѣаенїонокѣхъ ѡца ншего Сѣафлїа слово ѡ житїи и оученїи стго ѡца ншего Стефлїа, быв-

XX

шаго въ Пермь Ёпкя (362 — 876, на 15-ти тетрадахъ и полъ 4 листа). Всюду киноварный заглавія и многія изъ прописныхъ буквъ; опавлена въ дерев. доски, покрытыя кожею.

32. «Památky dřevního písemnictví Jihoslovanův. V Praze, 1854, 8.»

33. На примѣрѣ: допущено отдѣленіе словъ по требованію смысла, писанныхъ вплошь; далѣе, уничтожены титла, вмѣсто которыхъ поставлены слова виолнѣ; возстановлены **и** и **ж** на своемъ мѣстѣ; всюду **оу** вмѣсто **у** въ словахъ Славянскихъ, и исправлены очевидныя ошибки переписчика (каковы: Вилгый вмѣсто Вугилый, трижники вмѣсто стрижины, и т. п.). Одобряя первое и послѣднее безусловно, я не нахожу нужнымъ прочихъ, по тому что подъ титлами скрываются и такія слова, правописаніе которыхъ не всегда можно съ достовѣрностью отгадать; а возстановленіе различія между **и** и **ж**, **оу** и **у** страннымъ покажется во множествѣ прочихъ несообразностей, оставленныхъ безъ исправленія. При томъ эта самая непослѣдовательность составляетъ одинъ изъ признаковъ, опредѣляющихъ вѣкъ и изводъ памятниковъ. По этому я не одобряю тоже и измѣненій, сдѣланныхъ В. В. Ганкой въ его перепечаткѣ Остромирова Евангелія, въ 12-ю д. л., въ Прагѣ, 1853 г. (XII и 206), съ предисловіемъ на Чешскомъ, Рускомъ, Булгарскомъ, Польскомъ и Сербскомъ, по съ опущеніемъ Мѣсяцослова и Греческаго подлинника, при томъ не по недѣлямъ, но по Евангелистамъ и главамъ. «Привнесенія составляютъ: ударенія по образцу нынѣшнихъ церковныхъ книгъ, и исправленіе ошибокъ правописанія, по аналогіи съ другими мѣстами, добавленіе пропущенныхъ смягченій *и, л, р, ѓ*, и нѣкоторыхъ достигаельныхъ наклоненій (*supina*).» Поступая такъ съ древними рукописями, мы представляемъ читателю не то, или, по крайности, не въ томъ видѣ, въ какомъ найденное нами слѣдовало бы сдѣлать доступнымъ всѣмъ и каждому, но въ томъ, какъ намъ хотѣлось бы, чтобъ оно было, и тѣмъ лишаемъ возможности изучать памятникъ въ его первичномъ состояніи. По мнѣ, лучше все было бы наши исправленія не вносить въ самое изложеніе, безъ крайней нужды; но, если ужъ пришла охота отвѣчать ихъ, то отвѣчать въ примѣчаніяхъ, прибавленіяхъ, даже подъ чертой текста; или, на оборотъ, вставляя въ текстъ исправленіе, тутъ же показывать и самое ошибочное чтеніе, либо собрать все промахи въ одно мѣсто, на концѣ изданія, съ ссылками на текстъ. Что до удареній, то извѣстно, что ихъ въ древнѣйшихъ рукописяхъ нѣтъ, и, сверхъ того, въ новѣйшихъ большая разница, не только по разрядамъ рукописей, но даже и самыхъ переписчиковъ. Въ нынѣшнихъ Церковныхъ книгахъ ударенія стоятъ по выговору Рускому.

34. «Rozkvit Slowanské literatury w Bullharsku,» въ 1-й книжкѣ 1-й части «Časopis českého Museum. Praha» 16; по Руски перевод. мною въ «Чтенияхъ въ Обществѣ исторіи и древн. Росс.» тогда же, кн. VII, Отд. III, стр. 11.

35. Тамъ же, стр. 6 и 16, въ Руск. 4 и 11.

36. Тамъ же, стр. 8 и 19, въ Руск. 6 и 13.

37. *Πολυχρόνιον μοναβτήριον* по разысканію сочинителя статьи «О Кирилѣ и Меѳодіи,» помѣщенной въ Москвитянинѣ 1843 года, сообщенному мнѣ лично, въ прошломъ іюлѣ, находился на горѣ Сигрійской, недалеко отъ города Кизика, на Азіятскомъ берегу Мраморнаго моря. Въ немъ постриженъ Теофанъ, извѣстный писатель Хронографа. Paris. 1655, и въ Act. SS., mart. T. II, p. 213—228.

38. Въ пергаменномъ Сборникѣ, въ два столбца въ листъ, уставомъ, № $\frac{110}{85}$ -й, принадлежащемъ Московскому Чудову монастырю. «Похвала» эта встрѣтилась мнѣ еще, уже по отпечатаніи етого (3-го), листа, въ Макарьевской Четъ-Миней, подъ 25-мъ ноября, что было и прежде извѣстно изъ «Оглавленія Четій-Миней, сдѣлани монахомъ Евѳиміемъ, справщикомъ и сотрудникомъ Епифанія Славненскаго (стр. 18, столб. 2-й), гдѣ и самое начало ея приведено; но, такъ какъ я не имѣлъ ея въ ту пору еще въ своихъ рукахъ, то, по тому, и не могъ ея воспользоваться. Теперь, въ дополненіе къ сказанному мною въ самомъ изложеніи моего изслѣдованія, замѣчу, что это твореніе Климента занимаетъ шестое мѣсто въ числѣ прочихъ статей о Климентѣ подъ упомянутымъ днемъ, именно, стр. 2285, стол. 1-й: «Прологъ. Мѣдъ тогѣ .бѣ. страсть сѣго мѣника Климента архіепѣпа Римскаго.» Нач.: «Климентъ премоудры Римлянинъ, ваше оученикъ и измѣстникъ сѣхъ ѿлѣ.» (37 строкъ). «Въ тоуже дѣнь принесеніе мощи сѣго Климента ѿ глубины моря въ Корсоуи.» Нач.: «Въ црѣтко Никифора затвориса море» (2+28 = 30), а на листѣ 2289: «Мученіе сѣго Климента, патріарха Римскаго, четвертаго выкиа по апостолю Петрь.» Нач.: «Четвертын Римьстѣн цркви приставникъ бысть Климентъ (12-ть столбцевъ, съ 2289 по 2294 л.). Далѣе: «Въ тои же дѣнь слово ѿ уюдеси сѣго архіепѣпа Херисоньскаго Климента.» Нач.: «Дивенъ бѣ въ со стѣ своихъ праведно слово реши нынѣ съ пророкомъ» (7-мъ столбцевъ, съ 2294 по 2300). Потомъ ужъ слѣдуетъ: «Похвала стѣмъ Климентъ, патріарху Римскомъ, инаислаи Климентомъ Єпископомъ.» Начало въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ отлично отъ начала по списку Чудова монастыря, на примѣръ: «Небо радуетса и веселитса святообразными звездами оукрѣшено сын, неизреченною хвалю творцю своему въсылаеть, цркви же хѣи низици добровонныя звезды пррѣкы апостолаи и мѣны же и

XXII

архїерахъ съ преподавными, и тѣхъ бѣгольпными словесы оукрадишиса, словесы светло ликоствоуєтъ,» и пр., что по списку Чудовскаго монастыря такъ: «Ибо радостно веселитѣ святообразными звездами оукрашено сын, неизреченны хвалы творцю своему встлалстѣ, цркви же Хѣл, имощи добровольныя цвѣты цркви и аплы, мѣнки же и архїеразы с преиблими, и тѣхъ бѣгольпными словесы оукрашишиса, светло ликоствоуєтъ.» Да и въ прочемъ значительныя разнословія. Не говоря о другихъ, возьмемъ хоть то мѣсто, которое я привелъ въ самомъ изложеніи егото изслѣдованія: «Ревнителѣ же и закнстникъ доброу старыи вратѣ дѣволѣ имощи етера слоугоу своего Акѣниана на игемонѣ, да скратити и воскорѣ бголюбезное его житіе.» Вообще, списокъ этотъ, какъ показываетъ все, приведенное мною изъ него доселѣ, далеко уступаетъ въ исправности Чудовскому, но, съ другой стороны, въ немъ имѣется тоже довольно важныхъ особенностей. Онъ занимаетъ въ Четь-Миней 8 столбц. (съ половины 1-го столбца 2300 листа почти по конецъ 1-го же столбца 2304-го). Съ 2313-го листа по 2375 помѣщено Житіе Климента, въ которомъ послѣдній вездѣ говоритъ о себѣ въ первомъ лицѣ; заглавіе этого Житія таково: «Въ томъ же днѣ стго сѣенномѣнхъ Климента еппа Римскаго, оуѣеника стго апла Петра.» Начало же, въ видѣ посланія: «Климентѣ, Іаковѣ гдѣоу еппа І еппомѣ еппа, съблюдахъ, еже въ Іерлме стѣоу Христїанскую цркви, и еже всюду блгнмъ промыслѣмъ оутверждемы дѣврѣ, Хѣ Бгѣ ниго церквѣн съ прозвуктеры же и съ служеникы, и проуимъ всен братїи мнрѣ боуди всегда. Сказало ти буди, гдѣ мон, яко азъ Климентѣ, Римскын житель сын, и въ ірвѣтѣмъ образѣ цѣломѣрнѣ жити възмогъ, разоумъ моемоу ѿ дѣтства непрлздиствуючѣ ѿ желнїѣ, еже въ мнѣ о пеллѣ же и болзне, сел бо въ мнѣ помыслъ не вѣмъ ѿквѣду пауздо прїимъ, ѿ смерти уасто творѣ къспомнїлїѣ,» и проч. Въ этой автобіографїи множество важныхъ данныхъ, равно какъ и языкъ чрезвычайно замѣчательнъ, представляя всюду довольно особенныхъ словъ, выражений и тому под., нигдѣ почти не встрѣчающихся. Наконецъ, съ л. 2375 по 2406: «Слово похвалное сѣенномѣннхъ Клименту, оуѣикоу стго апла Петра.» Нач. «Великаго и неизреченнаго блга проразоумнїѣ поклзанїе къ улѣомѣ, испытанте рѣ нислїѣ, и в нїѣ обращете живѣ възныи; мулатокъ бо ксемоу добрѣ мѣтка ѣ, и спїѣа и жизни втунш ходатанца,» и пр. Кромѣ того, на л. 2415 (въ 1-мъ столбцѣ), въ другомъ Прологѣ того же 25-го ноября, встрѣчаемъ еще три извѣстія о Климентѣ: Проложное Житіе, которое еще короче помѣщеннаго выше (всего 22 строчки):

«Сѣго сїѣймоуѹемникъ Климентъ еѣпа Римъскаго.» Нач. 10: «Климентъ препоудри, Римлянинъ вѣаше родомъ, црѣка рода сын, Флауѣста и Матьфѣи сѣѣ,» и проч. За тѣмъ: «Уюдо сѣго Климентъ о штроуати.» Нач.: «Иже и уюдестъмъ Бѣгъ прославляа и по смрѣти своего оугодника уюдоутиствоуетъ келѣе и презащинеѣ» (13+23=38 строкъ), и, въ заключеніе (во 2-мъ столбцѣ): «Принесеніе моиремъ сѣго великомѹника Климентъ ѣбъ глѣубины морьскѣхъ в Кѣорсоуѣнъ,» (19+15=34), представляющее нѣсколько особенностей отъ помѣщенного на л. 2285, большею частью въ языкѣ Въ етомъ же мѣсяцѣ Макарьевскихъ Четь-Миней находится и Похвальное слово Климента небеснымъ архистратигомъ, и при томъ вдвойнѣ. Первый списокъ подѣ 8-мъ ноября, на л. 170-мъ (столб. 2-й): «Мѣцѣ Ноябрь ѣн. днѣ. Похвала архистратигѣу Михаилѣу.» Нач. «Иаста праздноуѣвци пресвятѣше торжество бесплѣбнѣи силъ,» и пр. (съ 170 по 174, столбцевъ 7-мъ); а второй (съ 197 по 200, 8 столбц.) озаглавленъ такъ: «Слово похвальное бесплѣбнѣи Михаилъ и Гаврѣилъ, сѣтворено Климентѣу еѣпѣѣ.» Какъ обыкновенно водится, и оно предлагаетъ нѣсколько отличій въ языкѣ, а и того больше въ правописаніи.

39. Какъ Прологъ Московскаго Успенскаго Собора подѣ № 175, такъ и Сборникъ Чудова монастыря № 119-й, изъ коихъ содержатся въ первомъ: Житіе Меѣодія и Похвала ему и Кириллу, а во второмъ: Похвала Клименту Римскому, вмѣстѣ съ Похвалой архистратигу Михаилу и Гаврѣилу, «списанныя» или «сѣтворенныя Климомъ» или «Климентомъ епископомъ,» выписаны были мною, какъ секретаремъ Императорскаго Общества исторіи и древностей Россійскихъ, изъ мѣстъ ихъ находженія, по запискѣ В. М. Ундольскаго, осенью 1846 года, вмѣстѣ съ прочими рукописями, именно Сборникъ для него, а Прологъ для себя. Въ письмѣ своемъ ко мнѣ отъ 23 марта, 1848 года, на запросъ мой, когда и какъ открыты были имъ три, неизвѣстныя дотолѣ никому, слова Климента, съ приписью «Епископа Словѣнска», онъ, изложивъ подробно исторію своей находки, приобщила, къ концу отвѣта, и «Списокъ сочиненій Климента,» извѣстныхъ ему до того времени. Письмо и списокъ сочиненій были помѣщены мною въ «Предисловіи» къ статьѣ «Славяно-Рускія сочиненія въ пергаменномъ сборникѣ И. Н. Царскаго» (стр. X—XI), напечатанной въ VII-ой книжкѣ «Чтеній въ Общ. истор. и дрѣви. Росс.» 1848 г. Кромѣ означенныхъ выше рукописей, содержащихъ въ себѣ Житія Кирилла и Меѣодія, а также и Похвальное Слово имъ, послѣднее находится при упомянутыхъ Житіяхъ: а) по рук. Москов. Успенскаго Собора, при Житіи Меѣодія (съ об. 110-го по обор. 115 л.), съ заглавіемъ, приведеннымъ въ текстѣ етого изслѣдованія;

XXIV

б) по Макарьевской Четь-Миней на февраль, при Житіи Кирилла (л. 922—929): «Слово похваляю на память стымъ и преслакинымъ оучелемъ Словенскы языкъ сътворшemu (!) писмени емоу и предложышема из новыи и ветхыи законъ (!) въ языки (!) ихъ, блажиному Кирилу филосоу, архіепископу Панонскы (!) и Мефодію»; в) на октябрь, 14 дня, при Житіи его же (л. 910—920): «Слово похваляю на память стымъ и преслакинымъ оучителемъ Словенскы языкъ, сътворшemu (!) писмени емоу и предложышима из новыи ветхыи законъ въ языки (!) ихъ, блажиномуу Кирилу, архіепископу Панонскоу (!) и Мефодію»; г) на апрѣль, при Житіи Мефодія (л. 922—929): «Слово похваляю на память стымъ и преслакинымъ оучителемъ Словенскы языкъ, сотворшemu (!) писмени емъ и предложышима из новыи ветхыи законъ (!) въ языки (!) ихъ, блажиномуу Кирилу, архіепископу Панонскы (!) и Мефодію»; д) въ Четь-Миней на апрѣль же Москов. Духов. Акад. № 94, при Житіи Мефодія (съ об. 115 по об. 124): «Слово похваляю на память стѣи и преслакиной оучителѣ Словенскоу языкъ, сътворшemu (!) писмени емоу и предложышemu (!) из новыи ветхыи законъ (!) въ языки (!) ихъ, блажиномуу Кирилу Панонскы (другой рукой прибавлено «архіеписку») и Мефодію»; е) въ Сборникѣ той же Акад. № 63, послѣ Житій обоихъ братьевъ (л. 128 — 136): «Слово похваляю на память стѣи и преслакиной оучителемъ Словенскоу языкъ, сътворшemu (!) писмени емъ и предложышemu из новыи ветхыи законъ (!) въ языки (!) ихъ, блажиномуу Кирилу (архіепископу Панонскы (!) и Мефодію»; ж) въ библиотекѣ И. Н. Царскаго, именно, въ рук. № 702, Четь-Миней на мѣс. февраль (полууст. разн. XVII в., въ л., 100 л.); въ ней, на л. 463-мъ и дал., подъ 14-мъ февр.: «Въ той же день Слово похвально на память святымъ и преслакинымъ учителемъ Словенску языку, сотворшема писмены ему и предложышема Новый и Ветхий Законъ во языки (!) ихъ, блажиномуу Кирилу Философу, Архіепископу Панонску (!) и Мефодію,» и з) въ Волоколамской монастырской библиотекѣ: «Слово похвально на память святымъ и преслакинымъ учителемъ Словенску языку, створившemu (!) писмены ему и предложышemu (!) и на новый ветхий законъ въ языки (!), блажиномуу Кириллу и Мефодію, архіепископу Панонску.» Не имѣя возможности видѣть своими глазами послѣдніе два списка, я привожу заглавія изъ нихъ со словъ другихъ, и по тому гражданскими буквами. Что до «Похвалы Св. Кирилу, оучителю Словенскы языкъ,» то она, пока, известна мнѣ только въ 3-хъ спискахъ: 1-й принадлежитъ В. М. Ундольскому, въ бумажн. рукописи XVIII-го вѣка въ л., при Житіи Кирилла (съ 28 по 31) № 161: «Въ тон же день похвала стому Кирилу оучителю Словенскы языкъ, сотворено Климентомъ епископомъ;»

второй поименованъ въ Описаніи бібліотеки Царскаго, въ Сборникѣ № 379 (писанномъ разными почерками исхода XVI стол., въ 4-ку, на 434 листѣ), съ приписью: «сътворено Климентомъ Епископомъ,» и третій въ Миней, принадлежащей А. Михановичу, о которой упоминаетъ Шафарикъ въ своемъ изданіи Житія Кирилла и Меодія. Касательно же списка, находящагося въ Макарьевскихъ Четь-Минейхъ, по увѣренію Шафарика, то я его нигдѣ не нашелъ въ нихъ. Въроятно, извѣстіе о немъ сообщено было ему неосновательно. Шафарикъ въ своемъ изданіи Житія Кирилла (въ «Изборѣ Югославянскихъ достопамятностей»), напечаталъ, какъ «Дополненіе» (Přidavek), еще двѣ главы (XIX и XX), взятыя изъ 2-го Львовскаго списка, полагая, что онѣ существенно къ нему принадлежатъ, хотя и сознается, что не знаетъ, гдѣ и какъ ихъ помѣстить. Дѣйствительно, мудро назначить еѣмъ главамъ мѣсто въ Житіи Кирилла, тѣмъ болѣе, что рассказываемое въ первой относится не къ Кириллу, но къ Меодію, а во второй дышетъ похвалой обоимъ. Но вся запутанность произошла отъ того, что составитель 2-го Львовскаго списка счелъ за нужное присоединить къ концу Кириллова Житія извѣстіе, въ видѣ продолженія, о томъ, что случилось съ братомъ его, Меодіемъ, оставшимся послѣ него въ Римѣ, взявъ его извѣстіе не изъ Житія его, но изъ Климентова «Слова Похвальна» обоимъ братьямъ, что доказывается дословнымъ сходствомъ того и другаго, т. е., дополнительныхъ главъ и Похвальнаго Слова. Но помѣщая ихъ (XIX и XX главы), Шафарикъ видѣлъ, что онѣ не совѣмъ идутъ къ Житію Кирилла, и по тому оговорился, что не знаетъ, какъ быть съ ними: «prí onom žádné pomoci odjinud nemaje.»

40. Они собраны и приготовлены къ изданію неутонченнымъ бібліографомъ нашимъ, В. М. Ундольскимъ.

41. См. «Разцвѣтъ Славянской письменности въ Бугаріи,» стр. 10, а въ Чешскомъ подлинникѣ стр. 16—17. Всѣ извѣстія о разныхъ предпріятіяхъ у насъ по изданію Церковнославянскихъ памятникъ, содержащихся въ этой статьѣ Шафарика, почерпнуты имъ изъ моихъ писемъ къ нему.

42. Житія Кирилла находятся, сколько мнѣ теперь извѣстно, кромѣ списковъ, упоминаемыхъ Шафарикомъ, еще: а) въ Макарьевскихъ Четь-Минейхъ, подъ 14-мъ февр., съ л. 900 по 2-й столбець 922: «Къ тои же днь житіе оучителя Слокенської азыкъ, Кирилл философъ,» б) тамъ же, подъ 14-мъ октября, съ конца 2-го столбца 881 до половины 2-го же столбца 911 листа: «Къ тои же днь вамать и житіе блженнаго зѣтла нашего Константина философа, перваго мѣстника Словенской азыкою;»

XXVI

в) въ бум. рук. Москов. Дух. Акад. № 19-й, при Толкованіи на 16-ть пророковъ, послѣ Житія Іоанникія, съ л. 365 по обор. 389: «Мѣцъ февраль вѣ, дѣ. Житіе и жизнь и подвизи, иже въ стѣхъ оѣа нашего Коиcтантина философа, прѣлго мѣставника и оуцителя Словѣнскихъ азыхъ»; г) въ бум. рук. той же Академіи подъ № 63-мъ въ л., на 230 л., писанной четырьмя почерками: первымъ (полууставомъ) по 77: Бесѣды на Шестодневъ, Северіяна Гавальскаго; Вториѣ противъ Арія ѡ бѣженнаго Афанасіа (по 98 л.); другимъ, съ 99 по 113: первая половина Кириллова Житія по вопросу совѣтника Казарскаго кагана о Махметѣ, писана тоже полууставомъ, вплошь, но вторая третьимъ полууставнымъ почеркомъ, только въ два столбца, что идетъ до самаго конца, т. е., половины 2-го столбца 120 л.; далѣе: Житіе Меѡдіа (по обор. 128), и Слово Похвално обоемъ (по 136); за тѣмъ: «Житіе бѣжннаго Петра црквица, братаница цривъ Беркиндъ,» и пр. (по 144); «Списаніе Сѣнфиліа архимѣна Купрскаяго ѡ житіи стѣхъ Крѣ і ѡ лѣтѣхъ живота ѣа,» по 153 л., съ коего опять прежнимъ полууст., именно: по 157 л. это же Житіе, а за нимъ, по 198: «Стѣо Крїстіа єѣкпа Амхсїнскаго посланіе къ вхоємъ инковъ, іпхдшема къ ѡхланіе; собраніе ѡ лѣтѣ црквицѣ,» съ 198 по обор. 205: «Копрокъ Алингѣа презвитера къ Иванни мнѣхъ;» подъ нимъ подпись киноварью: «Врѣиноковъ ѡбрѣлго житія братіи цркви Кирилловской, прѣславїа Греческаго въ дръвѣрии братской гѡдоу тысяца шесть сотъ осмагондесеть, мѣцъ септѣбра въ четвъртъи надесятъ днѣ;» а на обор.: «Изобразеніе єѣгальскаго обрѣаго житія, ꙗ стѣхъ ѡѣъ вкрѣтѣе собрано» (по 214 л.); наконецъ, съ 214 до конца 230 л., четвертымъ почеркомъ, скорописнымъ: «Книга глѣмама Геѡргіи прѣмудрешїи Писидѣа, похвала къ Богу ѡ сотворенїи вѣсел твари.» Въ этой рукописи заглавіе Житія Кириллова таково: «Мѣцъ февраль къ дѣ. днѣ. Житіе оуцителя Словѣнскихъ азыхъ, Кирилла философа» (съ 99 по 120); д) въ отдѣльной рукописи въ листъ, на бумагѣ, полууставомъ XVІІ-го в., съ киноварными заглавіями, на 31-мъ л., оправленной въ доски, покрытыя черной кожей, съ застежками, № 161-й, съ заглавіемъ: «Мѣсецъ февраль, въ дѣ, день. Житіе блаженнаго оѣа нашего и оуцителя Коиcтантина философа, прѣлго мѣставника Словенскихъ азыхъ.» За нимъ, какъ сказано уже выше, въ примѣчанїи 39-мъ, слѣдуетъ «Похвала стѣхъ Крїстїанъ, Каментѣ;» е) въ синекѣ, принадлежащемъ мнѣ, снятомъ другимъ, теперь уже не помню съ чьего: «Житіе блаженнаго Кирилла философа, учителя Словенѣо, составившаго грамоту ѣи и Рѣскомоу азыхоу, Мзрѣкандѣ, Усхѣ и Махѣ.» Въ концѣ его-то находится известное мѣсто о творенїяхъ Кирилла на Гречес-

комъ, переведенныхъ на Славянскій Методіемъ, помѣщенное во всѣхъ прочихъ, доселѣ извѣстныхъ мнѣ, спискахъ въ срединѣ самаго Житія, послѣ одного прѣнія у Козарскаго кагана. За тѣмъ слѣдуетъ тотчасъ приписка о Войтѣхъ (какъ и въ спискѣ Московск. Академіи № 19), котораго подробно исчисляются дѣянія въ Чехахъ, Уграхъ и Ляхахъ. Судя по языку и выходкамъ противъ Езуитовъ и Польскихъ пановъ, ясно, что это извѣстіе составлено во время Уніи; ж) Въ Волоколамской монастырской библиотекѣ, по словамъ сочинителя «Исторіи Христіанства въ Россіи до равноапост. князя Владимира» (стр. 199, прим. 384), подъ заглавіемъ: «Февраля 14-го: *Память и житіе блаженнаго учителя нашего Константина философа, перваго наставника Словенску языку.*» Въ описаніи «Рукописей Славянскихъ и Россійскихъ, принадлеж. Царскому,» показано тоже Житіе Кирилла, именно, въ сборникѣ № 382, но, судя по началу, приведенному тамъ, кажется, это Проложное Житіе его («Въ Селуистемъ градѣ» и пр.). Житіе же Методія находится: а) въ пергам. сборникѣ Московскаго Успенскаго Собора № 178⁵ (со 2-го столб. 102-го листа по 2-й же столб. 115), съ заглавіемъ, приведеннымъ уже въ самомъ изслѣдованіи; б) въ Макар. Четь-Минен на апрѣль, л. 173—181: «Мѣдъ апрѣля в̄ .ѣ. днѣ Пмать и житіе бл̄женнаго оц̄а нлшего и оц̄ителя Методіа, архіеппа Моравьскя;» в) въ рукоп. Четь-Минен на апрѣль же Москов. Духов. Академіи № 94, л. 105—115: «Мѣдъ того же .ѣ. днѣ. пмать и житіе бл̄женнаго оц̄а нлшего и оц̄ителя Методіа, архіеппа Моравьскаго;» г) въ Сборникѣ этой же Академіи подъ № 63, между Житіемъ Кирилла и Похвальнымъ Словомъ обонмъ, л. 120—128: «Мѣдъ апрѣля в̄ .ѣ. днѣ. Пмать и житіе бл̄женнаго оц̄а нлшего и оц̄ителя Методіа, архіеппскопа Моравьска;» д) въ библиотекѣ Волоколамскаго Іосифова монастыря: «Апрѣля 4-го. *Память и житіе блаженнаго отца нашего и учителя Методія, Архіеппскопа Моравскаго* (см. «Исторія Христ. въ Россіи» и пр.). Но что за Житія Кирилла и Методія, писанныя Глаголицей и находящіяся въ «Службеникѣ», или «Молитвенникѣ,» второй половиною XIV-го в., приобрѣтенномъ въ 1846-мъ г. Вѣнской Придворной Библиотекѣ? См. извѣстіе о томъ въ «Jahrbücher für slawische Literatur, Kunst und Wissenschaft, herausg. von J. E. Schmalzer, 2-es Heft 1852, II. Einige altslawische und böhmische Handschriften in der kais. Hofbibliothek zu Wien, S. 67. 2: «Eine Pergamenthandschrift aus der zweiten Hälfte des 14. Jahrhunderts, welche einen Theil eines in *altslawischer Sprache* abgefassten Breviariums umfasst, worin sich unter Andern auch die *Legenden von den slawischen Aposteln Cyrillus und Methodius und*

XXVIII

zwar in glagolitischer Schrift erhalten hat. Dieses Manuskript wurde im Jahre 1846 angekauft.» Есть ли это Паннонскія Житія, или же Продолженія? А что Житія Кирилла и Меѳодія суть произведеніе одного лица, доказательствомъ тому, между прочимъ, тоже сходство выражений и оборотовъ въ обоихъ, на примѣръ: касательно приготовленія къ составленію азбуки, перевода богослужебныхъ книгъ, трезычной ереси, препиранія съ противниками, и проч. Данныя въ томъ и другомъ ни мало не противорѣчатъ себѣ; наоборотъ, нѣкоторыя изъ приводимыхъ сходны даже въ мелочахъ; таково показаніе о числѣ обращенныхъ Козарь, и проч. Что же до того, что они въ одномъ изъ нихъ излагаются подробнѣе, а въ другомъ сжатѣе, причина тому заключается въ самомъ предметѣ и цѣли каждаго изъ этихъ Житій. Въ Житіи Кирилла сочинитель наиболѣе распространяется о томъ, что непосредственно относится къ нему, и оканчиваетъ его вмѣстѣ съ кончиной блаженнаго; а въ Житіи Меѳодія, напротивъ, о Кириллѣ говорится коротко, точно какъ о Меѳодіи въ Житіи Кирилла; за то, съ какою подробностью разсказана жизнь Моравскаго архіепископа, когда онъ остался одинъ дѣятелемъ у югозападныхъ Славянъ! Стало, оба Житія одно другое пополняютъ, и сочинителю ихъ не приходилось распространяться съ одинакой обширностью въ каждомъ изъ нихъ объ одномъ и томъ же. Это, по мнѣ, нѣкоторымъ образомъ, служить подтвержденіемъ мысли, что и то и другое составлены однимъ и тѣмъ же писателемъ.

43. См. «Вѣкъ Болгарскаго царя Симеона, соч. *Палаузова*.» Спб. 1852, 4, стр. 94.

44. Это твореніе Иоанна, ексарха Болгарскаго, какъ сказано уже въ 7-мъ примѣчан., вмѣстѣ съ прочими его сочиненіями и переводами, изготовлено мною даже самымъ печатаніемъ для помѣщенія въ отдѣлѣ «Славянскихъ матеріаловъ» въ «Чтеніяхъ въ обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ.» Изъ разнословій, относящихся къ нашему предмету, замѣчательнѣйшія: а) по списку бум. рукописи, въ 4-ку XV-го в. Московской Духовной Академіи, № 145, послѣ самаго «Богословія» и инымъ почеркомъ, стр. 359—362: *Помеже ѡбо стѣи ѡлкъ бѣи Константинъ, реку фѣлософъ, многы твѣды приа, строа писмена Словѣнскихыхъ книгъ и ѡ еѣдѣи и апѣл прѣдѣла извѣрѣ, ѣлико же достиже, живы въ мирѣ семь темнѣмъ, толко же прѣложн, прѣстѣпн къ бесконечнѣю скѣтѣлѣ, приатъ дѣлъ свой мѣздѣ, съ симже са и оставѣ его въ житіи семь великимъ рабѣ бѣи архіеписѣпѣ Меѳодіи, братъ его, прѣложн всѣ устѣпннѣи книги, ѣте ѡтѣ Славнискѣ азукн, еѣе естѣ Греуескѣ, въ Словѣнскѣ; Азѣ же се слышѣ, многож-*

ды са хотѣвъ поквсити зунтелска сказанія готова прѣложити къ Словенскыи азыкѣ; оны бо ꙗзѣ прѣложилъ быше оуже Меѳодіи, яко же слышѣ, вѣдохса, помышляа, егда къ него мѣсто хоужь потрадиѣа на вслѣхъ уади, прѣложити въ слови азыкѣ сказанія зунтелска, еда бѣдъ нмъ на исказѣ; б) по бумажному списку рукописи «Алфавитъ», въ 4-ку, на 104 л., порядочной скорописи XVII-го в. (оправлена въ дерев. доски, покрытыя кожей), принадлежащей Библиотекѣ Императ. Общества исторіи и древностей Россійск., въ описаніи коей, составленномъ П. М. Строевымъ, внесена въ отдѣленіе 1-е за № 3-мъ. Самому Алфавиту, въ видѣ предисловія, предпослано «Храброво сказаніе о писменехъ,» а за нимъ, на оборотѣ 3-го листа, «Нодниа прозвиретъ і ехѣрѣа Болгарскаго тоиъ же подобно пишеться.» «Понеже яко бѣни стѣи уакъ Коитѣитниъ, философъ глѣвъ, многи твѣды приатъ, оустрама писаніе Словенскій кнѣгъ, ѿ егѣла, ѿ апа преллѣа соборнѣ, слико достиже, живыи в мирѣ семъ лѣквомъ и тѣпомъ и малокременномъ, толико приложи, пренде, в вѣконечныи аникотъ, приимъ твѣдовъ свой издѣ; по ѿштѣни же его къ гѣ остави в житні семъ великии бѣни архиепѣи Меѳодіи, братъ его, прѣложи уставныи кнѣги, ꙗзѣ ѿ Слѣнскѣа азыка на Словенскій. Азъ же се слышѣвъ, многлѣды восхотѣ поквшилса оууѣлькѣа сказанія готова прѣложити ѿ Грекѣа азыка въ Словенскій азыкѣ. Блѣенныи бо Меѳодіи ꙗзѣ прѣложилъ быше, якоже слышѣ. Снѣ же помышляа, оубоохса, да не яко, хотѣи потрадитса на вслѣхъ уакомъ, прѣложити на свой азыкѣ сказанія оууѣльскѣа, вѣдѣ нмъ на вредъ.»

45. Такъ по списку Московской Синодальной библиотекы № 145-й, въ малой листъ (конхъ 214), на хлопчатой бумагѣ, четкимъ полууставомъ. Рукопись эта списана въ 6856 или 1348 для Булгарскаго царя, Александра, священноинокомъ Лаврентіемъ: «Трѣдъ же и болѣзнь Лаврентіа многогрѣшилго тахѣ священнонока.» Калайдовичъ спрашиваетъ при семъ: «Что такое та хъ?» и приводитъ еще двѣ рукописи, въ конхъ переписчики называютъ себя тахами. Если бы спрашивающій потрудился заглянуть въ Дюканжевъ «Glossarium ad scriptores mediae et infimae Graecitatis. (Lugduni 1688, fol.), то нашелъ бы объясненіе загадочному для него слову; тамъ, стр. 1537, сказано: «ἀόχα, vox praemitti solita a Graeculis nomini dignitatis, in demissi animi ac humilitatis argumentum,» и приведены примѣры употребленія его. Слѣдоват., это отвѣчаетъ нашему «недостойный, смиренный,» и т. п. Списокъ этотъ напечатанъ Калайдовичемъ въ его «Юаннѣ, Ексархѣ Болгарскомъ,» въ Приложеніи XI-мъ, сличенный съ изданіемъ Василія Фодор. Бурцова (въ Азбукѣ. Москва, 1637, 8, перепечатанной въ

XXX

Супрасельской типографіи, Черниговской губ. Клишковскаго уѣзда, 1781, 8), и Н. Н. Новикова (въ 1-й части «Повѣствователя древностей Россійскихъ», Сиб. 1776, и въ XVI-й ч. «Древней Росс. Вивліюенки,» Москва 1791). Точно такое же заглавіе и по списку рукописи Московской Духовной Академіи, подъ № 145-мъ, содержащей въ себѣ сначала Шестодневъ Іоанна, ексарха Болгарскаго (по 275 стр.), потомъ Богословіе Іоанна Дамаскина, въ переводѣ того же ексарха (280—362); послѣдняя же статья «О писменехъ черноризца Храбра», стр. 380—383. Первоначально Храброво сказаніе явилось въ печати, кажется, при Катихизисѣ, безъ означенія мѣста и года, по Добровскому, въ Вильнѣ 1575—1580, по томъ въ Азбукѣ или «Грамматикѣ, альбо сложеніи писмена хотящимъ ся учити Словенскаго языка младолѣтнымъ отрочатомъ,» въ 1673, въ Азбукѣ Бурцовой 1770; 1776 Новикова, 1781 въ Супрасельской Азбукѣ, и 1791 тоже у Новикова; далѣе у Калайдовича, у меня (см. ниже), И. И. Срезневскаго (въ статьѣ «Древнія Славянскія писмена,» помѣщенной въ Ж. М. Н. П.) и, наконецъ, у Шафарика, въ Прагѣ 1851: «Mnichů Chrabra o písmenech Slovanských,» 8, въ стр. 8, по изложенію Синодальнаго списка, нанеч. К. Калайдовичемъ, исправленнаго по списку, найденному мною въ Вратиславѣ, и А. В. Горскимъ въ Моск. Дух. Академіи, съ возстановленіемъ привильнаго употребленія полугласныхъ (ъ и ъ) и носовыхъ (ѣ и ѥ), равно какъ и съ важнѣйшими разнословіями (10-ть по названымъ спискамъ и 1-цѣ по Бурцову и Новикову). Изъ этого открывається, какіе именно списки, по мнѣнію Шафарика, особенно важны.

46. По списку Болгаро-Сербскаго Сборника въ Саввинскомъ монастырѣ, въ Далмаціи, вѣроятно XV-го вѣка, откуда вывезель П. И. Прейсомъ и И. И. Срезневскимъ во время посѣщенія ими онаго; послѣдній напечаталъ его въ статьѣ: «Древнія писмена Славянскія,» въ Журналѣ Мин. Народн. Просв., съ разнословіями списковъ: Супрасельской Азбуки, Синодальнаго (у Калайдовича), Московскаго Академич. и Вратиславскаго Магдалин. Гимназіи, съ небольшими примѣчаніями издателя. Далѣе: по списку, найденному мною въ 1842-мъ г., въ Вратиславской (Бреславской) Гимназіи при церкви Св. Магдалины, въ рукописи, въ 4-ку, въ кожу оправленной, и озаглавленной на переплетѣ, «Молитовникъ,» въ самомъ же дѣлѣ «Служебникъ,» а въ Реестрѣ библіотеки: «Reposit. XL, in 4-o, № 17. «Ein moskovitisches Buch.» Сказаніе это помѣщено тотчасъ за лѣточислительнымъ Сказаніемъ отъ перваго Никейскаго Собора, въ концѣ рукописи, на 4-хъ страницахъ. Оно напечатано мною уже разъ при статьѣ моей «О древнѣйшемъ свидѣтельствѣ, что Церковно-книжный языкъ есть Слав-

вяно-Болгарскій», и сличено съ списками у Калайдовича, Бурцова и Новикова. См. Журналъ Мин. Нар. Просв. 1843 года, книж. 6-я. Объясненіе замѣчательныхъ мѣстъ въ лексическомъ отношеніи сдѣлано тамъ же, въ слѣдъ за самымъ Сказаніемъ (стр. 29—39). Языкъ въ Бурцовскомъ и Новиковскомъ изданіяхъ Храброва Сказанія подновленъ; у перваго оно озаглавлено такъ: «Сказаніе, како состави святой Кирилъ Философъ азбуку по языку Словенску»; у втораго точно также, кромѣ перемѣны «Словенску» въ «Славенску», и, сверхъ того, прибавлено еще: «книги приведе отъ Греческихъ на Словенскій языкъ.» Новиковъ прибавляетъ въ концѣ: «Син двѣ піесы («Сказаніе объ Азбукѣ, и «Чинъ, бываемый како подобаетъ, егда кто хошетъ Государю Царю служить всею правдою у его Государевыхъ дѣлъ») выписаны изъ Патріаршаго книгохранилища въ Москвѣ;» но изъ какой рукописи, умолчалъ. По списку, принадлежащему этому же книгохранилищу, № 448 (въ 4-ку, бумажн. сборникъ на 363 стр., переплет. въ кожу и озаглавленный по 1-ой статьѣ «Каноны на Рождество Христово»), Сказаніе Храброва надписано почти одинаково съ Новиковскимъ: «Скхзашіе, како состави стѣн Кирилъ философъ азбукою по языку Словенску, и книги преведе ѿ Грѣскихъ на Словенскій языкъ;» по рѣчь его далеко менѣе измѣнена и представляетъ довольно еще особенностей. Въ библіотекѣ Общества исторіи и древн. Росс. имѣется тоже два списка: первый въ «Алфавитѣ» (толкованіи рѣчей иностранныхъ въ священныя книги), скороп. XVII в., въ 4-ку, на 104 л., № 3-й, съ заглавіемъ: «Скхзашіе, како состави стѣн Кирилъ философъ азбукою по языку Словенску і книги преведе ѿ Греческихъ на Словенскій языкъ,» а второй въ сборникѣ подъ № 194-мъ скороп. того же XVII-го в., въ 4-ку, на 362 л. (на 29 л.), и имѣетъ заглавіе, въ сущности, во всемъ сходное съ заглавіемъ предыдущаго списка; точно такое же заглавіе и въ списокѣ рукописи, принадлежащей В. М. Ундольскому, въ 4-ку, бумажн., писанной прекраснымъ почеркомъ XVII-го вѣка и называемой «Алфавитъ». Въ ней Сказаніе ето предшествуетъ самому предисловію Алфавита. Въ описаніи рукописей Славянскихъ и Россійскихъ, принадлежавшихъ Им. Царскому. М. 1848, встрѣчается Сказаніе наше только въ одномъ сборникѣ, № 409, полууст. XVII в., въ 4-ку, 397 л., на л. 198; заглавіе его во всемъ согласно съ заглавіемъ у Новикова, но языкъ не извѣстенъ мнѣ. Тоже самое сходство заглавія и въ Описаніи Славяно-Россійскихъ рукописей Графа Ф. А. Толстова, сост. Кон. Калайдовичемъ и П. Строевымъ. М. 1825, Отд. II, № 139, полууст. XVII в., на 244 л., на л. 4-мъ, и № 175, скороп. разн. почерковъ XVII в., 539 л., на л. 392. Напоследокъ, въ сборникѣ Троицко-Сергиев-

XXXII

ской Лаврской библиотекѣ XVI в., въ 4-ку, южнаго полуустава, № 1552, помѣщено Сказаніе Храбра, съ заглавіемъ, отличнымъ отъ всѣхъ, упомянутыхъ выше, именно: «**Ѡ** скитци книгъ.» Списокъ съ него доставленъ миѣ В. М. Ундольскимъ.

47. Еще въ своихъ «Славянскихъ Древностяхъ» Шафарикъ, опираясь на одинъ только языкъ Храброва Сказанія, относилъ сочинителя къ етому вѣку, отнюдь же не далѣе начала XI-го (подлин. стр. 810 и 814; въ Руск. перев. томъ II, кн. 2-я, стр. 315 и 323); а въ «Разцвѣтѣ Славянской письменности въ Булгаріи» ссылаясь на это сказалъ: «Положимъ, что одинъ изъ непосредственныхъ учениковъ и сотрудниковъ св. Кирилла и Меодія, во время кончины Кирилла (869) былъ 25 лѣтъ отъ роду, и что онъ по томъ жилъ еще 25, тогда вѣкъ Храбра слѣдуетъ отнести ко времени, предшествовавшему смерти царя Симеона, послѣдовавшей 927 года».

48. Именно: Лаврентія Таха и Вратиславскій принадлежать къ Среднебулгарскому разряду, Саввинскій къ Булгаросербскому, Московской Духовной Академіи къ Глаголическому, прочіе же, доселѣ извѣстные миѣ, къ Рускому. Предпослѣдній вызываетъ нѣкоторыя объясненія. Миѣніе о принадлежности его къ етому разряду опирается на слѣдующее. Исчисливъ письма, взятыя съ Греческаго Кирилломъ, списокъ етотъ послѣ Ѡ, вопреки всѣмъ прочимъ спискамъ, прибавляетъ еще: «**ѡ. ѡ̄. ѡ̅. ѡ̆. ѡ̇. ѡ̈. ѡ̉. ѡ̊. ѡ̋. ѡ̌. ѡ̍. ѡ̎. ѡ̏. ѡ̐. ѡ̑. ѡ̒. ѡ̓. ѡ̔. ѡ̕. ѡ̖. ѡ̗. ѡ̘. ѡ̙.** по Словенскѣ азыкоу,» и проч. Сдѣсь, по основательному объясненію нашедшаго етотъ списокъ, первая буква, ѡ̄, есть просто и, союзъ, ошибочно поставленный писцемъ подъ титлой, а ѡ̅ тоже, что ѡ̆; ѡ̇=ѡ̈, ѡ̉=ѡ̊. Етѣхъ буквъ вовсе нѣтъ въ старыхъ Глагольскихъ рукописяхъ, а появляются для первой и послѣдней изъ нихъ особые знаки лишь со времени Карамана, который, исправляя Глагольскія книги по нашимъ Церковнымъ, пополнял и самую Глаголицу новыми знаками и значками, въ первыхъ соображаясь съ произношеніемъ Сербовъ, а во вторыхъ съ нашей Церковной азбукой. Что до ѡ̄. ѡ̅. ѡ̆. ѡ̇, то и тутъ первая буква есть тоже союзъ (а), двѣ же слѣдующія число 14-ть, но только по способу Глагольскому, т. е., по азбукѣ Славянской, а не Греческой, отъ чего въ первой ѡ̅ означаетъ 4, между тѣмъ какъ во второй ѡ̆ (по тому что тамъ 2-е есть буква в, а тутъ и, Греческая β); поступаая далѣе по ряду Славянской азбуки и стало означать 10, по тому что, кромѣ ѡ̇, въ ней передъ нимъ стоитъ еще новый знакъ для нашего звука ж, которому выпало на долю выражать число 7; въ Греческой же азбукѣ хотя ѡ̈ есть 7-я буква, но, какъ для числа 6-ть

XXXIII

придуманъ былъ послѣ знакъ *ς*, т. е., *στ*, *στύρα*, у насъ *з* и *с*, то отсюда *η* стало означать не 7-мъ, но 8, а 7-ми досталось *ζ*. То же самое сдѣлано Греками еще для двухъ чиселъ, именно 90 и 900. Слѣдственно, недостающіе знаки взяты послѣ Греками изъ того же самаго источника, изъ коего и всѣ прочіе первоначально брали, т. е., изъ Финикійско-Еврейской азбуки. Это было извѣстно и Храбру, который именно замѣчаетъ, что три упомянутыя буквы приняты въ Греческую азбуку послѣ, и при томъ для означенія чиселъ: «есть во два десѣте и уетыри писменъ (Греческихъ), и ѿ не надлѣзѣтъся тѣмъ кнѣгы, и ѿ приложилъ сѣтъ двогласныхъ *αι*. и въ унсменехъ же *ι̅*. шестое и девѣть десѣтиое и девѣть сѣтноис.» Мѣсто сіе снова подтверждаетъ Глаголическое происхожденіе списка Московской Духовной Академіи, въ которомъ читается такъ: «и въ унсменѣ же *ι̅. ε̅. ѿϥ* и двѣдѣсѣтое. и девѣтосотное.» т. е., *ι̅* въ значеніи *г* (3), по тому что въ Глаголицѣ оно значаеъ это число (а—1, б—2, в—3, г—4), а *ε̅*—послѣдняя буква въ «трѣе» или «трѣе» (*б̅—ε̅*). Что до *ѿϥ*, то это описка, вмѣсто *з* (6, шестое, шестое), а *ѿϥ* тамъ употребляется для 400, какъ и въ Кириллицѣ, хотя въ Остромировомъ Евангеліи этого и не находимъ; но въ немъ нѣтъ и для 600, 700, 800 и 900, между тѣмъ какъ въ другихъ, очень древнихъ, они означаются *х*, *ѣ*, *ѡ* и *ц* или *а*. Глаголица же, сошедшаяся было съ Кириллицей въ означеніи чиселъ, начиная со 100 (*р* 100, *с* 200, *т* 300, *оϥ* 400, *ѣ* 500 х 600), съ 700 опять разошлась въ употребленіи знаковъ, по тому что, не принявъ буквы *ѣ* съ Греческаго, въ ней слѣдующая буква послѣдней должна была поступить на ея мѣсто, отъ чего *ѡ* стало означать не 800, какъ у Грековъ и насъ, по образцу ихъ, но 700; для 900 же мы употребили послѣ, по причинѣ окончанія знаковъ въ Греческой азбуцѣ, первую изъ своихъ буквъ, которая слѣдовала по окончаніи Греческихъ въ принятомъ порядкѣ, т. е., *ц*, вмѣсто которой, иногда, появляется и носовая *ѣ*, то есть, послѣдняя въ ряду Славянскихъ буквъ. А какъ въ Глаголицѣ послѣ *ѡ* стоитъ не *ц*, но *ѣ*, то послѣднему и выпало означать 800, а *ц* 900, какъ слѣдующему за *ц*, согласно распредѣленію Глагольскихъ буквъ. Наконецъ, тысяча у нихъ выражается буквой *χ*, которая у насъ употреблена для означенія 90, слѣдов., опять свою букву для такой же вставочной числительной въ Греческомъ алфавитѣ (вмѣсто *ς*=90), какъ и *ц* для 900 (вмѣсто *ε*) и, что замѣчательно, первую изъ своихъ буквъ, послѣ ряда Греческихъ, *η* і большего числа (900), а вторую, за ней слѣдующую (*υ*), для меньшаго (90); для самаго же малаго изъ нихъ

XXXIV

(6-ти) оставили Греческую числительную прибавочную, *στῆρις* (s), = s, которое пишется еще и z.

49. Примеры из старинной письменности приводит Шафарикъ въ »Ročatkove starošeské mluvnice,» стр. 70: «sedm mezi dcjětma lět (Nov. Zákon, пергам. рукоп. Вѣнской Публ. Библиотеки). — Čtyř mezi dcjětma tisícov (Passional Musejní). — Ve dvů mez dcjětma lětech (Život Ježíše Krísta). — Páté mezi dcjětma lěto (Čtení z Evangelíí). — Až do šestého mezi dcjětma lěta (Životy svatých Otcův). — Изъ нынѣшняго языка Чеховъ: Den má čtyřmécítma hodin.»

50. Млѣніе *Жака* (Вик. Павл.), сочинителя Чешской грамматики, замѣчательной новѣйшею попыткой ввести въ письменный языкъ нѣкоторыя изъ старинныхъ формъ, сохранившихся и теперь еще въ устахъ Моравцевъ. См. *Böhmische Sprachlehre für Deutsche*. Brünn 1842, S. 101.

51. И въ Греческомъ встрѣчаемъ иногда подобный счетъ. Въ-сто обыкновеннаго *ἑξτακάθεκα* (8 и 10=18) говорили и *δύοις δεύροισι ἑξκοβί*, равно вм. *ἑννεακάθεκα* или *δεκαεννέα* выражались *ἐξ ὁ δέουτος ἑξκοβί*, т. е., род. пад. съ причастіемъ отъ глагола *δέи*, *δέи*, Атл. *δέου*, *δέω*, недоставать, нуждаться, и *ἑξκοβί* 20: *εἰκοβί δύοις δέου-та* или *δεύροισι*, двадцать безъ двухъ, или безъ двухъ двадцать; *ἐν ἑ δέουτος ἑξκοβί*, безъ одного двадцать. Это называлось *subtrahctio*, отнятіе, довольно частое и въ устахъ Славянъ, которые любятъ означать такимъ образомъ большее число: безъ пяти сто рублей, и т. под., т. е., посредствомъ недостающаго къ извѣстной величинѣ его лишка. Романскія нарѣчія нѣсколько отступили въ числительныхъ отъ своего источника, Латинскаго языка. Такъ Итальянскій, вмѣсто *septendecim* или *septendecim* употребляетъ *dieci sette* или *dieci sette*, 18 *diciotto*, 19 *dieci nove* или *dicianove*, т. е., какъ Латинск. Ordinalia съ 13: *decimus tertius*, *decimus quartus* etc. до 18-ти и 19-ти, которыя по образцу Cardinalia (*duodevicesimus*, *undevicesimus*). Испанскій начинаеть это съ 16: *diez y seis*, 17 *diez y siete*, по тому что и Латиняне говорили двойко: *sedecim* и *decem et sex*, 18 *diez y ocho*, 19 *diez y nueve*. Португальскій тоже: 16 *dezaseis*, 17 *dezasete*, 18 *dezoito*, 19 *dezanove*; но Французскій съ Итальянскимъ: 17 *dix-sept*, 18 *dix-huit*, 19 *dix-neuf*; за то, вопреки всѣмъ прочимъ, отстываетъ въ счетѣ послѣ 60, употребляя для 70 *soixante et dix* (60+10=70), 71 *soixante onze* (60 + 11) и т. д. до 80 *quatre-vingt*, которое значитъ четыре раза двадцать (4 + 20 = 80), для 90 *quatre-vingt-dix* (4+20 10 = 90), что удерживаетъ и въ порядковыхъ и т. д. Нѣмцы ни въ чемъ не отступаютъ отъ нашего, за исключеніемъ Датчанъ, кото-

рые послѣ 40 считаютъ, подобно Французамъ для 80, т. е., двумя десятками, именно 50 означаютъ такъ: halvtredsindstyve, полтридцати или $2\frac{1}{2}$, двадцать; tresindstyve, $3 \times 20 = 60$; halvfjersindstyve, полсорока или $3\frac{1}{2}$, двадцать=70; fiirsindstyve, $4 \times 20 = 80$, и halvfemtsindstyve, полпятидесяти или $4\frac{1}{2}$, двадцать = 90; для легкости, обыкновенно, выражаются: halvtreds, treds, halvfjers, fiirs, halvsems, т. е., сокращая увѣенстыя составныя слова.

52. Památky hláholského písemnictví, и проч.

53. Památky hláholského písemnictví, str. LIX, 14.

54. Вѣкъ Болгарскаго царя Симеона, стр. 90.

55. Древнія писмена Славянскія, соч. Н. И. Срезневскаго въ Ж. М. Н. П., Отд. II, стр. 57—58. Первый (Наумъ) проводилъ время своей жизни въ мѣстѣ *Дѣвова*, которое лежало на восточномъ берегу Охридскаго озера, на среднѣ между Охридомъ и Дѣводемъ, гдѣ и теперь еще существуетъ старинный монастырь его имени; въ немъ почиваютъ и самыя его мощи. Второй (Гораздъ) дѣйствовалъ въ окрестностяхъ Албанскаго Бѣлграда или Берата, судя по тому, что тутъ находятся монастырь и храмъ, посвященные тоже его имени, а въ оныхъ покоятся его мощи. Третій (Константинъ), по крайней мѣрѣ, нѣкоторое время жилъ здѣсь, въ Кутмицивицѣ; иначе не могъ бы, по собственнымъ словамъ его (въ Прологѣ или Предисловіи къ «Създанію стго Евангелия,» переведенному имъ съ Греческаго и найденному недавно въ Московской Синодальной Библиотекѣ; см. примѣч. мое къ «Развитію Славянской письменности въ Булгаріи, стр. 14), быть побуждаемъ къ «Прѣложенію създанію евангельскаго» старцемъ Наумомъ. Rozkvět Slov. liter. v Bulharsku, str. 17—21, въ Руск. пер. 11—15.

56. Сочинитель статьи «Кириллъ и Меѳодій,» помѣщен. въ «Москвитянцѣхъ,» 1843 г., и Шафарикъ въ «Rozkvět slovanské literatury v Bulharsku,» str. 19, poznám. 16, въ Руск. перев. стр. 13, гдѣ именно читается: «Его сказаніе зналъ уже лѣтописецъ Несторъ (1070.—1100), и нѣкоторыя мѣста изъ него включилъ въ сочиненіе свое слово въ слово.»

57. Газумѣю «J. W.—sz,» если не ошибаюсь, Иванъ Вагилевичъ, который, опираясь только на предисловіе Шафарика къ изданному имъ Житію святаго Меѳодія въ «Památky jhoslovanského písemnictví,» утверждаетъ (въ небольшемъ предисловіи къ изложенію собственными словами содержанія этого Житія, помѣщенному въ Польскомъ журналѣ, издающемся въ Львовѣ: «Dziennik Literacki,» № 32, и переведенному въ Смолеровыхъ «Jahrbücher für Wissenschaft u. s. w.

XXXVI

Bautzen 1852, 2-es Heft, S. 89—94), что заимствование Нестора из Меодіева Житія ускользнуло отъ вниманія Шафарика. Вообще, г. И. В—чъ позволяетъ себѣ, излагая Житіе, приносить многое, чего нѣтъ въ немъ; на примѣръ: Меодій посланъ былъ царемъ Греческимъ съ Кирилломъ къ Козарамъ по той причинѣ, что превышалъ послѣдняго религіозностью и сановитостью; по прибытіи въ Моравію оба брата перевели съ Греческаго Евангеліе и Дѣлія Апостольскія; были потребованы папой Николаемъ въ Римъ по донесенію чужихъ проповѣдниковъ о томъ, что они стараются Паннонскую митрополію отторгнуть къ Царьградской патріархіи; недоумѣніе, къ какому царю отправлялся Меодій, къ Василию ли въ Царьградъ, или къ Карлу Толстому, тогда какъ тутъ же сказано, что и *патріархъ* не меньше ласково принялъ его, и что онъ въ пути своемъ туда и обратно подвергался, между прочимъ, бѣдамъ на морѣ; наконецъ, будто онъ умеръ 9-го апрѣля, постригшись передъ тѣмъ въ схиму. Изъ етѣхъ привнесеній нѣкоторыя вѣрны, но взяты изъ другихъ источниковъ, но не отдѣлены отъ самаго Житія, такъ что читая, подумаешь, что все это находится только въ одномъ послѣднемъ. Что до увѣренія, будто изъ этого Житія открывается истинное происхождение Церковнославянскаго языка, т. е., что онъ не былъ языкомъ Славянъ Бугарскихъ, но, напротивъ, это языкъ искусственный, образовавшійся больше подъ вліяніемъ Паннонскихъ и Моравскихъ стихій, нежели Македонско-(или Трако-) Словѣнскихъ (Селунскихъ), то такое мнѣніе — старая пѣсня, пропѣтая уже покойнымъ Копитаромъ и по сю пору ни къмъ еще не допѣтая, а принимаемая на вѣру нѣкими, повторяющими ее безъ дальняго съ разными трелями и тому подобными прикрасами. Не меньше бездоказательно и увѣреніе о томъ, что ученики Меодіевы, послѣ смерти его удалившіеся въ Бугарію, распространили въ ней слухъ, перешедшій даже къ потомству, будто Меодій и въ ней также проповѣдывалъ Христіанство и крестилъ Бориса. Если этого не находимъ прямо въ Житіи Меодія, то не находимъ въ немъ также и противнаго; слѣдов., обращеніе Бугаріи и ея государя нужно рѣшать при помощи другихъ показаній. Спѣшить съ подобными мнѣніями нечего. Шафариково изслѣдованіе объ апостольствѣ Селунскихъ братьевъ у Славянъ основано на всестороннемъ пересмотрѣ извѣстій, бывшихъ въ то время доступными всѣмъ и каждому; теперь же, съ открытіемъ нѣкоторыхъ новыхъ, конечно, оно требуетъ передѣлки; но, вѣдь, это общая судьба всѣхъ, подобнахъ изысканій? И намъ, не окусившимъ еще въ такой мѣрѣ, какъ Шафарикъ и подобные ему безкорыстные труженики, всей прелести археологическихъ поисковъ и сладости архивной пыли, не

пристало, открывъ тамъ, или тутъ, прорѣху въ геніяльномъ твореніи, становиться на подмостки и кричать во всеуслышаніе проходящимъ: «Прорѣха, прорѣха!» Лучше каждаго изъ насъ это извѣстно самому зодчему, равнолѣрно и способъ, какъ недостающее пополнить, промахъ исправить.

58. Такъ по спискамъ Радвиловскому и Троицкому 1-му, по другимъ же (Лаврен., Ипатьев. и Хлѣбник.) прибавлено еще: «бѣ имѣ» (Полянамъ), что, въ сущности, одно и тоже съ предыдущимъ выраженіемъ.

59. Оно помѣщено въ печатномъ Прологѣ подъ 14-мъ февраля, и, сверхъ того, при сочиненіи Добровскаго въ Рускомъ переводѣ: «Кирилъ и Меѳодій,» въ Приложеніи 1-мъ, по двумъ рукописнымъ Прологамъ, пергаменномъ въ листъ 1432 года, принадлежащемъ Импер. Публичной Библіотекѣ, и на бумагѣ въ л. XVI вѣка въ Румянцевскомъ Музеѣ, слѣдовательно, по сводному текету, сличенному съ печатнымъ А. Х. Востоковымъ, приславшимъ его Рускому переводчику (стр. 103—105). Тамъ же (стр. 105—107) и тѣмъ же помѣщено и Проложное Житіе Меѳодія, равнолѣрно по двумъ рукописнымъ Прологамъ Румянцевскаго Музея, одного на бумагѣ въ л. XV-го в., а другаго на бумагѣ же въ 8-ку конца XVI-го (1590 года).

60. См. ниже, примѣч. 66.

61. Слѣч. примѣч. 65.

62. Онъ оправленъ въ доски, покрытыя кожей, на 665 листахъ (собственно полулистахъ), но въ томъ до 314 переѣта по страницамъ, а съ 315-го до конца по листамъ (полулистамъ); пропущена 133 страница (т. е., счетъ), да дважды 172 (счетъ же). Оканчивается статьей: о приходѣ въ монастырь (Троицко-Сергіеву Лавру) пословъ Московскаго царства, и о миру съ королевскими послами. Но за тѣмъ слѣдуютъ еще краткія замѣтки съ 7133 года, сентября по 14-е июля 7138 (1630): послѣднее о рожденіи царю Михайлу Ѳеодоровичу дочери, Анны, отъ царицы Евдокіи Лувьяновны. Заглавіе книжарное (послѣ виньетки): «Шуудло писменемъ црѣвнхъ родовхъ (вязью) ѿ многнхъ лѣтонисецхъ. Прежде бытѣ ѿ сотвореніи мѣрѣ ѿ книгъ Мѳтсеовыхъ, ѿ Ісуса Нахима, ѿ Суден Іудейскихъ и ѿ чстырехъ царствъ, та же ѿ Ассирійскихъ царствъ, и Македоніи, Римскихъ царѣ, Еллинъ же и блгоуестныхъ, ѿ Рускнхъ лѣтонисецъ, Перскнхъ же (имѣсто «Серьскихъ,» какъ обыкновенно стоитъ это въ другихъ спискахъ) и Болгарскнхъ. Перкіе ѣ Бгѣомъ нахнмемъ глати безпауааааааго и безкомеунааааго Кгѣа ѿ шести днѣ, к ннѣже сотвори Кгѣ всю тварь, цко же реуе

XXXVIII

Дѣдъ: слово Гдѣи нѣсѣ оутвердилось, и дхѡмъ оустъ егѡ всѣ сплз нхъ.» Начало: «Перше потреба рещи къратче: ѡ прекъуномъ и безъидуалномъ Бжѣи бытїи,» и проч. За тѣмъ «Шестоуднеци къратче: ѡ сотворенїи небеси и земли,» и проч. Послѣ оглавленїя (на 16 страницахъ): «Книга граюграфъ сирѣчь лѣтописецъ Кетхало и Новаго Завѣта.» Нач. «Шелъ же идуа Бгъ творити мїра всего видимаго и невидимаго,» и пр. Сдѣсь находимъ извѣстїе, что эта книга (Граюграфъ) «въкратче илнсилл вьсть тцлїемъ и желлїемъ ижекого книгорачунтѣла и синскатѣла, дзлы идуто ѡудсти разумити бы емь. И пакы изъѡбръте себе к дѣле семъ ижекого сработника . . . . . иже вранд на нырцихъ злѣенъ и ижекѡ итнцѡ ѡсобацлса на здѣ (стѣтѣ); сего кзыска и поньди на сїе дѣло, еже бы илнсати не съ єдинлгѡ перекѡдѡвъ бытенскихъ и лѣтописныхъ книгъ, иже древле илнженнша и добрынша илзрлѣт, и сококупити во єдинѡ, злсже тѣ книги всѣ ѡ єдинѡмъ илнштѣ, а во всѣхъ ижекѡ рлзнь, тотъ оставлѣл то, а илншно, и за велнчество тѣхъ кнїгъ невожможнѡ єсть всѣхъ стажатн. И не поцлздивъ онъ ѡ сокровнцѣ своихъ цлтъ на сїе дѣло дати сработникѡ на потребу тѣлеснзю, азъ же непотребннн и исклнчнмнн рлѣвъ . . . . . встремнлса неразсѣднмъ своимъ дерзновенїемъ: не мое бо было дѣло се, но исквснхъ в илнлїнхъ и премьдрнхъ къ разумѣ,» и проч. На стр. 5-й илншетка, побольше первой, и за ней кншварью болншнми буквами: «Концати добрѡ ѡ Бгѣ к бжїю слзѣт нахати.» Это новое предисловіе, и при томъ Рускаго, которое начннается таь: «Бгъ єсть идуо ксвнн вѣкы,» и проч., и въ которомъ, между прочнмъ (стр. 8): «Но преблгїи Бгъ илнѣ . . . не презрѣ илзъ безъомощныхъ. . . тебе мудраго илнѣгѡ кормїю бгѡуєстнвлго кншѡ Класнлї, злєстнннл во истннѣ востакн, встлѡлщл словеса на свѣдѣ и хрлнлщл истнннѣ, во вѣкн творлцлгѡ свѣдѣ и прлцѣ посредѣ земли, егѡ же илдрѡсть порождннн и соблѡдннн добродѣлѣннн косннлтл і вкрасн законѡположенїи, акн илкннн стѣнлнн уюднннн своего стада хрїстїансклгѡ огрлдн, и камєнь твердѡстн тебе во основѣ вложн, акн камєнь солонѣ тебе Хртѡсъ стлдѣ своемъ положи, да всн собнрлются к тебѣ, акн илмнн свѡтѣ лнлзѣщѣ, бѣдѣтѣ хртїанскїи собѡрѣ, акн рлзл Гдѣа ѡ многїи стрлнѣ собрллн и истлзлл. И мы немоцїи акн штѡкъ содержнмса тобою, акн некндннѡ дшѣю внднмѡе тѣло носнтса. Се и ещѣ трѣдѣ єсть предѡ мною к тебѣ кншю Класнлїю и къ всѣмъ сїѡмъ тѣкннмъ и Рѣсскнмъ кншземъ,» и пр. Шлє (стр. 12): Слзкѡ, слзкѡ бѣткєннл прлвллл втѣржлють цѣло и недкнлнннѡ пребьвлнїє нхъ, знновѣднлл ѡ стѣхъ дхѡв-

ныхъ трѣхъ прехвалныи дѣла и вса вселенныа стѣхъ седми соборѣ и помѣстныи собранихъ стѣхъ оиѣ ныиныхъ, поданнаа къ нѣ повелѣнїа и бѣгоустныихъ ныиныхъ цр҃ей и прѣвострии кнѣзи, ни же по ево-емѣ уѣволююю область поруби, градскїа законы уставнїа, ѿ еди-наго Сѣго Дѣа бѣгодати вси озаришеса, заповѣдаша полезнаа, никто же приложивше, или чемше изложенїа повелѣнїа, да не пакы преств-пающе оѣескїа заповѣди, горе изсѣдемъ. Не разста ли ны Кѣъ по лицу всаа земли? Не изгнаны ли быша грады наша? Не па-доша ли силїи наши кнѣзи острѣемъ мѣуа? Не повѣдены ли быша къ илїи уада наша? Не запысташа ли стѣла бѣжїа цр҃ккн? Не томыши ли есмы ил всакъ дѣъ ѿ поганыхъ? Сїа вса выелютъ нлмъ, злне не хранимъ Спасителя илшего заповѣди, и вла-няюти са.» По стѣмъ словамъ Предисловія нужно направить разы-сканїа, кто и когда писалъ его. Не то ли самое лице, которому по-слѣднїе вопросы принадлежать и которое отчасти уже намъ извѣст-но? Во всякомъ случаѣ, очевидно, что значительная часть Хроно-графа составлена въ то время земли Руской, когда она томилася «ил всакъ дѣъ ѿ поганыхъ.» Послѣ этого Предисловія слѣдуютъ: Слово ѿ прѣдрости Соломони къ илказанїе:» «Сїе, ты прѣдрость про-повѣждь;» (стр. 14): «Слово ѿ прїтоуникъ:» «Сїѣ, ѿкержди уста своа словесемъ бѣиимъ;» и проч., тому подобн., до стр. 30, внизу коей кнѣповарью: «Конецъ всемъ симъ повуенїамъ ко цр҃емъ и великимъ кнѣземъ и къ сядїамъ и всемъ прѣвославнымъ хр҃іаномъ, из древ-наго лѣтописца избранїе ѿ книгъ илкого прѣдрого филосо-фа, сотворшлго книгу Грѣногрѣфъ, прѣжде повуенїе ко цр҃емъ, илко цр҃ккѣа бѣста къ цр҃емъ и сядїамъ, напредъ и прѣдожисл.» А на стр. 33 (31 и 32 вырваны), послѣ заставки, новое «Предисловіе кнѣзи Грѣногрѣфѣ илрицѣса лѣтописецѣ,» и тутъ же въ строчку: «Изложенїе ѿ прѣвославнїа вѣръ хр҃іанскїа.» Нач.: «Первїе вѣо по-доблетъ истинномъ хр҃іанннѣ, не томыи инокъ, но и свѣщїи в мїрѣ, испытати ислїе,» и проч.; а на 40-й стр.: «Сего рлди и мы, желмоше илутѣо развѣити ѿуасти тлковыхъ, во шноги и долговременныа твѣ-ды кнѣдохомъ, еже избрати ѿ многїхъ лѣтописнїи и бытенскїхъ книгъ илживнїа и добрнїа, и совокувити ко единому,» и пр., какъ въ первомъ Предисловіи; но послѣ словъ: «невозможно есть всѣхъ стажати,» дальнѣйшее илче изложено, и сходится во всемъ съ на-печатаннымъ уже извлеченїемъ изъ сего Предисловія въ описанїи Хронографа подѣ № CCCCLIV, принадлежащаго Румянцевскому Му-зею (стр. 734—735). Замѣчательно, что за нимъ слѣдуетъ еще «Пре-дисловіе второе», коего начало: «ѿнелъ же оуѣо всепрѣмѣдрн,» и пр.,

XL

съ окончаніемъ: «Сиче ветхлгѣ Грлнографѣ прейдрлѣ оногѣ философа конецъ доздѣ,» котораго нѣтъ въ спискѣ Румянц. Музея; за тѣмъ: «Настонтъ же ѡселя сиче предисловіе же и слога новаго Грлнографѣ ѡсмыа тысящи.» Нач.: «Уюкственннмъ оубѣ невостнжнма сятъ змнла и плотскнмъ дѡвнла,» и пр. Въ немъ Грлнографъ объясняетъ ся такъ: «Занс вса нлаульства, цртва же и гдѣства в пен краткѣ описветъ; грлнъ зѣѡ нлаульство (!), грлфъ же ѡписаніе, л ѡбѡе сложнвъ во едннокѣ, те реуетъ Грлнографъ, еже есть нлаульствъ ѡпнслнѣ.» Тутъ уже толкуется о еродствѣ потомковъ Рюрика съ Августомъ Кесаремъ: «Аще н мнози глѡтотъ нлаульства, но ѡ тожествѣннхъ же разнѣсншася проуи, вкѡ н намъ мѣе показѣ, еже ѡ Августѣ Римскаго Кесрѣ сродннчесткѣ нмнма Рюркнво.» На стр. 46-й: «Повѣдлетъ же въ кннзѣ сен н жнзнн сѣѣ нлаула, средѡ же еѣ н прокъ, седмотеквнцнѣ ннсленнцы вѣкѣ,» и пр.; на стр. 47 опять «Шестодннкѣ вкратцѣ,» за которымъ, на стр. 66-ой, читаемъ: «Ѡ сконуннн же седнн нстодннцн вѣкѣ, н ѡ преставленнн всегѡ рода улѣескаго н ѡ осмомъ бѣднцемъ н несконунѣмомъ вѣце;» на стр. 71-й: «Алѣтопнсецѣ ѡ созданнѣ мнра вкратцѣ,» о которомъ скажу въ своемъ мѣстѣ, а за нимъ новой счетъ листамъ, пзѣ конхѣ на 1-мъ: «Нлаула ннслнсемъ црскнхъ родѡвъ ѡ многнхъ лѣтопнсецѣ,» и проч., точь въ точь, какъ съ самаго начала съ «Шестодннкнцемъ вкратцѣ,» и пр., которымъ и начинается, собственно, етотъ Хронографъ. Въ немъ довольно ссылокъ на источники, каковы: Максимъ Грекъ («въ Млѣнне же Грекѣ ннслнсно»), «Кннгл мѣдрсѣл Млрквсѣ ѡ двнздесатн Снवलлѣхъ,» Большая Кознографнѣ («Ѡ Августннѣ епнклѣ грлда Нпонл, л нслсно в Болншей Козногрлфн, а не в Грлногрлфѣ»), и пр. Все это, равно какъ и показаніе известной статьи «Ѡ ѡложеннн мѣсѣ ннокѡнъ,» могутъ отчасти уяснить намъ составъ етого замѣчательнаго Хронографа. Въ послѣдней «Феодорѣ Стоуднтѣ былъ по седмѡмъ соборѣ за седмъ сотѣ лѣтъ безъ двадесатн до сконуннѣ седннма тысящн, а до снхъ кремснѣ до ѣзрѣ; ннѣ же нншетъ, былъ в лѣто ѣстѣ, а до снхъ кремснѣ за ѣнѣг.» Тоже и о Никонѣ: «А клѣкъ Никонъ былъ до сконуннѣ седннма тысящн за ѣк лѣтъ, а до сего кремснн ѣзрѣ годѣ; ннѣ же нншетъ, Никонъ уже былъ в лѣто ѣзфѣ, а до сего кремснн за фѣе лѣтъ.»

63. По крайнмъ етого Хронографа находится слѣдующая подпись (съ 3-его по 48-ой л.): «Сно кнннѣ Грлногрлфѣ кнннлѣ дѣлѣкъ Порфнрнѣ Стѣнннннѡвѣ ѹ цѣрквннѣкѣ Ннкнтѣ Алѣхѣндрѡвѣ, рѣкою ево нлпслннлнѣю, къ пен же сѣтъ главлѣ рѣѣ по црѣтѣво всемъ Росснн црѣ Мн-

канал Феодорокину, которымъ гл҃авлѣмъ үчинено оглавленіе на всю сию книгу сопрѣди, на листѣ первомъ отъ доски, а далѣ за нее космѣ рѣзаетъ денегъ, а подписалъ сию куплю на розныхъ ꙗ́и листахъ племянникъ свѣ Ивлѣ Мешной Сымсниковъ». (другою рукою:) А Ивннта Александрокъ сію кнѣгу, рѣкою моею изписавшу, по подишнъ кзпцѣ на ꙗ́и листахъ подписалшии, смѣ дѣлкѣ Порфирію Сымсникову продалъ и дѣгъ косемъ рѣзаетъ кзалъ, к томъ рѣкою моею и подишнъ.» Подписи каждаго собственноручныя.

64. На 158 л. плотной бумаги или 68 тетрадей (по 4 листа), изъ конхъ недостаетъ первыхъ трехъ, а въ послѣдней одного листа. Письмо — скоропись XVII-го столѣтія, всюду ровная, съ кинноварными заглавіями; оправка—доски, покрытыя кожей, съ застежками. Начинается исчисленіемъ острововъ, за тѣмъ глава 4-я: «**О** горѣ великой,» а оканчивается, во время Болгарскаго державства, отнятіемъ Москвы отъ Поляковъ: «въ лето 7271, (1613), октября въ 14 днѣ, наплмать стго мѣсѣца Арефы Кремль градъ прѣиша і множество Полскій и Антоковскій людеи побивш, і ксеа земли Рускна илуцннго кромоликн Оедѣв Андронка жнлн аше, і по многомъ істазуніи обѣшншъ бѣти». Въ изложеніи тоже, какъ и въ предыдущемъ Хронографѣ, ссылка на Польскія Хроникн, на примѣръ, стран. 9: «Сне выписано ис Полскои Кроникн».

65. Пересматривая Хронографы, принадлежащіе Императорскому Обществу исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ, дошедшіе ко мнѣ уже по отпечатаніи 5-го листа этого изслѣдованія, я встрѣтилъ и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ тоже самое извѣстіе, что и въ двухъ Хронографахъ В. У. Ундольскаго, первыхъ, наведшихъ меня на развиваемую тутъ мною мысль, именно: въ Хронографѣ № 280, скороп. XVII-го в., въ л., на 627 л. (съ кинновар. заглавіями), оправленномъ въ кожу и оканчив. 179-й главой, извѣстіемъ о прибытіи въ Кострому «отъ ксеа Рускна землн посольствн днл прнглншеніа севѣ на прѣолѣ прѣтннн Московскаго гдѣртн Мнхлїлн Феодорокину, нже бысть по сродствѣ племянникъ прѣ и великнго кнѣзв Феодорл Ивлонкину», событіемъ, приступая къ описанію котораго, лѣтописецъ восклицаетъ: «Въ лето 7271, го (1613), марта въ 14 днѣ, плнн сѣмке Рускнн прнемлють входѣ шустекн достоиннн дрекнннго градѣ, Москвѣ, плнн плстл кснл бѣгѣдатн бытнн, и простирлетсн стрѣл скнтело текнцннго жнтнн». и пр. Онъ, по выкладкѣ лѣтъ въ главѣ объ «О т л о ж е н і и м я с ѣ », принадлежитъ къ разряду 7125 (1617). Въ немъ извѣстіе наше находится съ обор. 480 по 482. Хронографъ же № 282, двумя почерками конца XVII-го в., въ листѣ на 1072 л. плотной и

лоснящейся бумаги, чрезвычайно сходный съ Хронографомъ В. М. Ундольскаго подъ № 393, по извѣстію объ отложеніи мясъ, относится тоже къ изводу 7125 (1617) и оканчивается 7137 (1629), разсказомъ о пожарѣ Московскомъ, на Чертольѣ, и великомъ вихрѣ, дождѣ презѣльнемъ, громѣ престрашномъ и молніи преужасной (л. 1075). Оправленъ въ кожаныя доски новѣйшаго переплета. Въ этомъ Хронографѣ равномерно извѣстіе о переводѣ книгъ съ Греческаго на Славянскій сходно во всемъ, кромѣ нѣкоторыхъ небольшихъ особенностей въ выраженіи, съ извѣстіемъ Хронографа подъ № 280-мъ, рознясь только окончаніемъ, содержащимъ въ себѣ славословіе Болгаръ Кириллу; оба же шрифты не отличаются отъ извѣстія въ обоихъ Хронографахъ, приводимыхъ мною въ самомъ изслѣдованіи; что до названія города, то оно—Каталонъ: «И поставленъ вѣсть сѣвномъ в Каталонъ градѣ. . . . и погребенъ вѣсть в Каталонъ градѣ» (стр. 481, обор. 482). Исчисленіе статей, входящихъ въ стѣ Хронографы, см. въ описаніи «Библиотеки Импер. Общества исторіи и древн. Россійск. П. М. Строева, 1845, стр. 125—127. То же самое сказать должно и о Хронографѣ подъ № 397-мъ, доставленномъ мнѣ В. М. Ундольскимъ въ послѣдствіи, въ листѣ, разныхъ почерковъ XVII-го в., бумажномъ и оправленномъ въ кожу, начинающемся извѣстнымъ предисловіемъ: «Уювственнмъ оубо» и пр., за конемъ «о седми днехъ», и оканчивается 179-й главой «О приходѣ в мѣръ (Троицкую Лавру) пословъ Московскаго Государствъ и о ширѣ съ Королевскими людьми, Поавра ѿ дна»; слѣдующія три главы содержатъ въ себѣ коротенькія, по годамъ и мѣсяцамъ, замѣтки о царствованіи Алексея Михайловича, Феодора Алексѣевича, и Иоанна и Петра Алексѣевичей; послѣднее извѣстіе относится къ 7204 (1696), іюля 19-му, «О битіи Азовцевъ Турханъ Великому Государю уеломъ и о сдѣлѣ Азовъ». По численію 124-й главы объ отложеніи мясъ, Феодоръ Студитъ жилъ по седмомъ соборѣ «къ рѣтк (836), а до тѣхъ временъ здѣгъ лѣта какъ былъ Феодоръ Стоудитъ»; о Шиконѣ говорится, что онъ жилъ «къ лѣто рѣфи, а до сего времени здѣ фѣс лѣтъ» (1072). И въ немъ сказаніе о Кирилловомъ предложеніи книгъ совершенно согласно съ сказаніемъ предыдущихъ Хронографовъ, и онъ названъ въ немъ епископомъ Каталонскимъ. Послѣднее названіе встрѣтилось мнѣ даже въ самомъ заглавіи этого Сказанія, при недавнемъ пересмотрѣ описанія Славянскихъ и Россійскихъ рукописей библиотеки Н. Н. Царскаго, составленнаго П. М. Строевымъ (Москва 1848), въ Сборникѣ № 379 (изъ 3-хъ рукописей разныхъ почерковъ исхода XVI-го в., въ 4-ку, на 487), гдѣ, послѣ «Похвалы св. Кириллу, епископа Климента», читаемъ, на л. 439-мъ:

«Отъ Пролога. Въ той же день, иже во святыхъ отца нашего Кирила Философа, епископа Катаньскаго, учителя Словеномъ и Болгаромъ, иже преложи *Русьскую* (такъ-съ!) грамоту съ Греческія и крести Словены и Болгары». Начало: «Въ Селуньстѣмъ градѣ», и проч. Къ сожалѣнію, послѣдняя рукопись миѣ недоступна, и по тому не могу сказать, въ чемъ это сказаніе сходствуетъ, а въ чемъ разнится съ прочими, упомянутыми выше.

66. Извлеченіе это напечатано въ «Статьяхъ, касающихся древняго Словянскаго языка, В. Григоровича. Казань 1852», перепечатан. изъ «Ученыхъ Записокъ Казанскаго Университета за 1851 годъ», именно, въ статьѣ: «О трудахъ, касающихся древняго Словянскаго языка до М. Смотрицкаго» (стр. 26—52). Оно взято изъ двухъ рукописей, одной города Охрида, а другой монастыря Богородицы на горѣ Тръскавецъ, близъ Прилѣпа. Въ первой, писанной уставомъ и около половины XVI-го стол. (1547 г.), какъ показываетъ приписка, оно помѣщено на концѣ, послѣ твореній Іоанна Дамаскина (какихъ?) и Григорія Паламы въ переводѣ, а о второй отыскавшей ее ничего не говорить, кромѣ того, что она найдена «отдѣльно, въ кучѣ разныхъ лоскутковъ, лежавшихъ въ церковной паперти, и, по видимому, старѣе первой, а по тому положенной въ основаніе изданія» (своднаго); обѣ писаны уставомъ, но уставъ послѣдней «не столько крупенъ и болѣе сжатъ». Существенной разницы въ той и другой нѣтъ, кромѣ «разницы писанія нѣсколькихъ примѣровъ». Вотъ заглавіе самаго сокращенія, напечатаннаго съ возможной точностью правописанія, «противорѣчащаго самой теоріи»: «Сѣл словеса вкратцѣ изверлихъ ѿ вагы Кѡнстантїнѣ Философѣ Костенѣвскѣмѣ, бывшѣмѣ оучителѣ Срьбскѣмѣ въ дѣи блгоутившѣмѣ Стефанѣ Деспотѣ, Гидѣнѣ Срьбемѣ, и имѣхъ образъ спсѣкъ въ писанемѣ» (стр. 36—52). Уже самое заглавіе показываетъ, что сочиненіе это въ названныхъ рукописяхъ—Сербскаго разряда. Шафарикъ гдѣ-то говорить, что списокъ этого сочиненія находится еще въ одномъ Фрушкогорскомъ (въ Сремѣ, въ южной Угріи) Сербскомъ монастырѣ (кажется, Вьрдинкѣ), а въ «Разцвѣтѣ Славянской письменности въ Булгаріи» приписываетъ Костенскому Философу, кромѣ того: «Бесѣды на Евангелія, Житіе Сербскаго князя, Стефана Лазаревича» (ум. 1427), и проч. Послѣднее извѣстно ему въ рукописи XV-го вѣка. См. его «Uebersicht der vorzüglichsten schriftlichen Denkmäler älterer Zeiten bey den Serben und anderen Südslawen», въ «Anzeige=

XLIV

Blatt für Wissenschaft und Kunst № LIII», «Jahrbücher der Literatur. Wien 1831, S. 54.

67. Кроме того, спешите, на примѣръ, съ етѣмъ еще слѣдующія данныя, которыя предлагаетъ намъ «Описание рукописей Славянскихъ и Россійскихъ библиотеки И. И. Царскаго». Москва 1848 г.: а) въ Сборникѣ № 179, писанномъ полууставомъ XVI-го вѣка, въ листѣ (449 л.), на л. 351-мъ: «Въ недѣлю 19-ю. Св. Кирила Философа Слово о исходѣ души и о восходѣ на небо». Нач.: «Понеже убо тайна сія не всѣмъ откровенна бысть», и проч.; б) въ Сборникѣ № 388, того же полууст. XVI-го в., въ 4-ку (305 л.), на л. 244: «Се мудрость Кирила Философа, како училъ Варооломѣя». Нач.: «Одѣнъ въ рубѣхъ, непоработенъ, въ добрыхъ портѣхъ», и пр.

68. По харатейному списку Московской Духовной Академіи, описанному весьма подробно Н. М. Снегиревымъ уже въ «Трудахъ Общества исторіи и древностей Россійскихъ», часть V-я, кн. 1-я (Москва, 1830 г.), статья 13-ая: «Замѣчанія о Георгіи Амартолѣ», стр. 255—264. Въ дополненіе къ находящемуся въ этой статьѣ, прибавлю, съ своей стороны, слѣдующее: а) на 15-мъ листѣ находится извѣстіе «О роуьскомъ иршествини»; б) съ 150 «писано другою рукою и другими чернилами», собственно только иною рукою, но чернилы, какъ и прежнія, желты, хотя нѣсколько свѣтлѣе, а почеркъ крупнѣе и тверже (уставъ), впрочемъ, очень сходенъ съ предыдущимъ; съ 153 еще иной почеркъ, нѣсколько меньше и тоньше, чернилы черныя; съ 198 послѣднія становятся немного блѣднѣе, а съ 205, т. е., съ «Временныхъ о хрестыаньскихъ црѣхъ», уставъ, величиной съ тотъ, который съ 150 л. по 153-й, по блѣднѣе, хотя почеркомъ похожъ на черныи, съуживаясь постепенно; съ 236 по 260 одинаковъ съ прежнимъ чернымъ, который отсюда опять показывается и идетъ до конца, т. е., по 266 л., оканчиваясь во 2-мъ столбцѣ оборота 265 л., строкой 16-й, словами: «и натыи своръ въ. ѣ. и ѣ. и наты стхъ оѣ»; за тѣмъ, на остальномъ, полууставомъ, который почти стерся, съ трудомъ можно разобрать только слѣдующее: «сннии мѣтвы нмши поветыиыемъ оѣа нѣнго, могуцѣго помилкати ны къ дѣи оѣ, и к теѣ конниемъ, прослѣре оѣцѣрейцѣ, помилци ны оѣе і сѣе и стѣи дше тво. . . твннемъ стати беспорока предъ тобою и оѣверзи устыи мои, да помолотисѣ, гѣа приѣ. . .»; далѣе замѣтно нѣсколько *Глаголическихъ* буквъ, равно какъ и одна на послѣдней строкѣ. За симъ слѣдуетъ нѣсколько листовъ, переставленныхъ теперь сюда, но прежде вpletенныхъ было между

149—150-мъ л., Богъ вѣсть откуда взятыхъ, много уставнаго письма, чернилами черными, а по содержанию совершенно не принадлежащихъ къ Амартолову сочиненію. Еще замѣтить должно, что съ 151 л. другой пергаментъ, покрѣпче, равно какъ и на изображеніяхъ, встрѣчающихся на немъ въ среднихъ изложеніяхъ, краски ярче и свѣжѣе. На разгнутомъ Евангеліи одного изъ начальныхъ изображеній читается: «Рѣ гѣ азъ есмь свѣтъ всемъ миру, ходи по нити не имать ходити во тмѣ, но имать жи...» Языкъ этой рукописи Амартоловаго «Кременишка» во многомъ отличенъ отъ языка другихъ, извѣстныхъ мнѣ, рукописей его, Булгарскаго извода, сравнительно далеко темнѣе, но, съ тѣмъ вмѣстѣ, богаче особенными выраженіями и словами. Слѣдовательно, судя по этому и остаткамъ Глаголическихъ буквъ, этотъ списокъ его—*списокъ съ Глаголицы*.

69. Мѣсто это о препираніи Петра съ Синомомъ Волхвомъ, къ сожалѣнію, по отсутствію списка съ Академической рукописи Амартола, приведено мною, по необходимости, въ текстѣ изслѣдованія моего, по другому, нѣсколько позднѣйшаго извода, списку. Получивъ же теперь первый списокъ, считаю нужнымъ привести это мѣсто и по нему: «И бѣ въ Римѣ маетежъ много и сѣристаныи Петра рдди и Синомъ, яко предѣ ѡбою творахуѣтся уюдеса.... въ недни ѿ днии повелеъ Синомъ привести оуицеъ превелниъ, възгласи въ оухо иемоу, лбыи оумре оуицеъ; Петръ же помолнеаъ, лбыи възсѣри; людие же видѣше, дивнншася, гѣре: въ истиноу еже ѡживити плуе оумреннъ ваце кестъ ую; и ина худмenniи многа створиста, и словести бѣгословитни и родословитни гѣаста нежи сокою не тоуоу в Римѣ, но и въ Соурни дресле, иже Клинъ Римлянинъ, преоудрши оуицъ Петровъ и скатвратинки съдольствннши и словѣдаеъ» (стр. 151—152). Впрочемъ, сказаніе Амартола могло быть отдаленнѣйшимъ источникомъ для составителя Проложныхъ Житій Кирилла и Меодія; непосредственнымъ же—Проложное Житіе самаго Сильвестра, основанное, разумѣется, вполнѣ, или же отчасти, на Амартоловомъ повѣствованіи. Очень жалѣю, что это Житіе встрѣтилось мнѣ уже по отпечатаніи этого листа. Занимаясь наведеніемъ справокъ, я увидѣлъ, что Проложныя Житія Кирилла и Меодія суть не что иное, какъ Житіе Сильвестра, папы Римскаго, то есть, составлявшій ихъ взялъ себѣ въ образецъ Житіе послѣдняго, что сдѣлалъ, безъ сомнѣнія, по тому обстоятельству, что жизнь тѣхъ и этого представляла нѣсколько точекъ соприкосновенія, сходства. Таковы: какъ Сильвестръ былъ проповѣдникомъ слова Божія и первымъ Христіанскимъ епископомъ въ Римѣ, такъ точно и Солунскіе братья

тѣмъ же самымъ были для Славянъ. Какъ Сильвестръ держалъ прѣ-
 ніе, въ присутствіи императора Константина, съ Евреями, кончившееся
 чудомъ, посрамленіемъ и разсѣяніемъ спорщиковъ, а нѣкоторыхъ
 изъ нихъ и крещеніемъ, такъ тоже самое оба брата, съ своей сто-
 роны, выдержали во время пребыванія своего въ Козарѣхъ, гдѣ дѣй-
 ствительно Жиды, по свѣдѣтельству исторіи, имѣли сильную власть и
 значеніе, по тому что часть Козаръ, особливо самъ каганъ и его
 окружавшіе, были послѣдователями ихъ исповѣданія. Точно ли прѣ-
 ніе Кирилла кончилось одинакимъ образомъ съ прѣніемъ Сильвестро-
 вымъ, неизвѣстно; по крайности, въ одномъ сходство несомнѣнно:
 разумію, обращеніе, тамъ и сдѣсь, къ Христіанству многихъ изъ пре-
 приравшихся, а еще больше изъ присутствовавшихъ при состязаніи. Для
 повѣрки моихъ словъ приведу Проложное сказаніе о Сильвестрѣ,
 какъ я его нашелъ въ извѣстныхъ Макарьевскихъ Четь-Минеехъ,
 именно, за мѣсяць генварь, и при томъ по двумъ спискамъ: первый
 на листѣ ѳѳ (столбецъ 1 и 2) и ѳї (столбецъ 1-й), а второй на л.
 фѳе (столб. 2-й) и фѳс (столб. 1-й и 2-й). Вотъ сводное его изложе-
 ніе: «Въ тоѣ днѣ (генв. 2-го) уюдо стго Селивестрѣ и прѣніе его съ
 Жиды. По крѣпкѣи великаго Константина слоуѣ бысть въстѣи ѿ Сланиномъ и
 Жидомъ, яко затворитисѣ коуширицизмъ ихъ и Жидовскѣи црквиамъ,
 Хрѣтианомъ же во всякѣи мѣсте създати црквики въ славоу стѣхъ Троицѣ.
 И приидоша Жидове ил Селивестрѣ, да сѣи с нимъ прѣтѣ предѣ црви; и
 въ Жидовѣ .р. и .б., добрѣ оуцѣиющѣи законѣ. Прѣвѣе (въ 1-мъ списк.
 «первое») црѣ оукориши, яко прѣдѣицѣ Селивестромъ, потомъ ил Се-
 ливестрѣ и ил Хѣ хвѣлѣ (во 2-мъ сп. «хвѣлоу») глѣици; стѣ же, яко
 издѣицѣи коннѣ, вѣносныхъ моужѣ и стѣи прѣркѣи пророуенѣи (во
 2-мъ: «пророченіе»), како о Хѣи пришествѣи, акы прѣдѣицѣи ил оубѣ
 рѣцѣт (во 2-мъ: «роукѣ») вѣашеть (во 2-мъ: «вышеть») а, ѿ Слани-
 ны яко бѣсовскѣи (во 2-мъ: «бесовскѣи») рабы, Жиды же акы
 ѿплѣши (въ 1-мъ: «ѿподоша») слакы Бѣиѣл (въ 1-мъ: «вѣиѣл сла-
 вы»), и не козмогоша вси (въ 1-мъ: «всѣ») протикитисѣ ѣмоу. Замерѣи
 же (во 2-мъ тутъ и ниже: «Замерѣи») повелѣ црѣи привести колъ,
 уюдо дѣл, и реуе: азъ оубо словѣ оуцѣртвию (во 2-мъ: «оуцѣрцию») ѣго,
 ѣго же ты, Селивестре (во 2-мъ: «Селивестрѣ»), прѣио не съткориши.
 Селивестрѣ же реуе: Иасть ми повелѣно Хѣи животныхъ оуцѣрѣвати
 (во 2-мъ съ «л»), ко уѣи хвѣлоуждѣиша ил ноуѣи истѣиными илста-
 влати (проп. въ 1-мъ все это). Прикеденъ же бысть колъ (проп. во 2-мъ:
 «воль») къ црѣи, и всемоу мноужеству стѣишѣиоу (въ 1-мъ: «шоу»),
 Замерѣи илкое дѣлвольское реуе слово въ вхо быкоу, и илъ быкъ
 оуѣре. Жидове же и ѿ Сланины прѣишѣхѣ (въ 2-мъ: «прошѣлоу») оуѣи-

ти Селивестра; Селивестръ же, вше (во 2-мъ: «возше») на столѣтъ, помалше, вса мѣвати; полуанѣоу же бмѣшо (въ 1-мъ: «шоу»), реуе Селивестръ: Повсаи, црю, да ёго же сына оуморилъ, того же и жива сѣтворити. Замерѣи же реуе: Никтѣ можеть ѿ хѣкъ жиа сѣтворити. Аре ли ты сего жива сѣтвориши (въ 1-мъ: «оживии»), то имь вси крѣтися. Селивестръ рѣ: Во има ѡца и сѣа и сѣго дѣа, и имь (въ 1-мъ: «і ёмъ») бмѣа за оухо, постави жиа. Тогда повсаа црѣ Жи-домъ крѣтися, нехотаяла же неумѣт погоуби. Мнози же (въ 1-мъ: «мнозин же») боаре, видѣше юдоа, крѣтися с дома своиа, а 'Ел-линьскыа црѣки изжогли (во 2-мъ: «изжогли») ѡбнемъ, и мѣтѣа Жи-домъскла дѣла Селивестроу. Селивестръ же многы црѣки сѣзда и многы (въ 1-мъ: «гн») ѿ 'Еллинаъ крѣтикъ (въ 1-мъ: «крестивъ»), к Гѣу ѡиде.

Ясно, Забрій былъ Жидъ, какъ показываетъ его имя, во первыхъ: по своему значенію; далѣе, употребленію, на примѣръ, въ числѣ царей Израильскихъ или Самарійскихъ приводится Амартоломъ Забрій, отецъ Ахавовъ: «мно по Пале црѣкова Забринъ лѣта ѿи.»; въ спискѣ другого извода, равно какъ и въ Библии «Заврїи»; и напоследокъ, въ Проложномъ Житїи Сильвестра тѣхъ же Макарьевскихъ Четив-Миней (л. фѣе, столб. 1-й) онъ названъ прямо Евреемъ: «Сси (Сели-вестръ) сѣвершенаго рѣди ёго въсхоженїа поставленъ вмѣстѣ съблъ Стараго Рила, Мелетнадоу ѿ житїа ѡшедшоу, многымъ юдесемъ дѣ-латель бмѣа, и великѣа иже въ црѣхъ Константина къ Хѣа вѣре из-стлениъ и вѣбственымъ крѣпїемъ дшѣаньа и телеснымъ стѣтїи ѡуп-стникъ, и ёже закономъ Хѣа проповѣдашмо неказѣа, и оуица ожививъ, ёго же оуби 'Екрѣниъ Забрїи, а не може того изскресити, и мно-гимъ сѣию повнїиикъ вмѣа, во глоубоу старостѣ к Гѣу ѡиде». Въ Проложномъ Житїи Кирилла названный только еретикомъ, Забрій въ такомъ же Меодїа обращенъ уже въ Козарина, конечно, по той причинѣ, что прѣше, по Панионскому Житїю Кирилла, имѣло мѣсто въ Козарѣхъ, на основанїи коего и перенесено (съ примѣненїемъ) происходившее тамъ въ Моравїю (въ стому прибавленъ помощникъ его, Съдславъ, котораго, сказано тамъ, пожрала земля, при чемъ Забрій «разсѣдѣся», и т. д.), но по образцу Проложнаго Житїя Сильвестрова. Нельзя также не замѣтить, что и самое Житїе Сильвестра все основано, даже до выражений, на разсказѣ, помѣщенномъ въ «Вре-мевнїикѣ» Амартола, который, по сему, повторяю, должно считать первоосновой какъ его, такъ, черезъ него, и нашихъ Проложныхъ Житїй Кирилла и Меодїа. Правда, сказанїе о Прѣши Сильвестра и Чудѣ его съ юнцемъ помѣщено также во всѣхъ почти нашихъ Хро-нографахъ, но въ нихъ оно, зашло тоже изъ Амартола, и съ зна-

XLVIII

чительными переѣнами въ содержаніи, а еще больше въ выраженіяхъ, при томъ тѣхъ самыхъ, которыя встрѣчаемъ въ Проложныхъ Житіяхъ Кирилла и Меѳодія, равно какъ Житіи Сильвестра и Аматороловомъ сказаніи. Етого не могло быть, если бы Житія нашихъ Солуницевъ были составлены по одному только разсказу Хронографовъ, а не упомянутыхъ выше источниковъ.

70. *Kalendaria ecclesiae universae*, III, p. 14 sq.: «At quod Nenschenius subdit de lingua Slavorum, Chazaris communi, quam Cyrillus, dum Chersonae degeret, didicerit, deque sacris libris ibi ab eodem in eam Slavicam linguam versis, novisque ejus linguae characteribus excogitatis, hoc, inquam, nullo pacto probari posse censeo: tum quia paucorum mensium spatio, quo Cyrillus Chersonae moratus est, fieri nequit, ut et linguam illam didicerit, et in eam tot sacros libros converterit, tum quia Chazarorum lingua a Slavica erat aliena: Chazari enim Hunnico sive Turcico sermone, non Slavico utebantur.» Слѣдуютъ выписки о томъ изъ Кедрина (подъ 16 год. Пракля), Конст. Багрянороднаго (*De admin. imperio*, cap. XXXVIII), и друг. *Шлѣцерьъ*, въ Несторѣ, подлинник. Кар. X., Abschn. VI, I, S. 229, 237, Руск. перев. часть II, стр. 556 и 572. Объ языкѣ Козарь см. Френовы выписки изъ Арабскихъ писателей.

71. *Rozkvět slovanské literatury v Bulbarsku*, str. 15—16, въ Руск. 10—11; сравн. тамъ же, подлин. 7—8, перев. моего 5. Это сказаніе по сию пору извѣстно мнѣ только по двумъ спискамъ: а) рукоп. Миней на генварь, Московской Духовной Академіи, л. 677 и сл., и б) Макарьевск. Четъ-Миней на генварь же. Сдѣсь и тамъ оно помѣщено подъ 30-мъ генваря, т. е., днемъ празднованія памяти св. священномученика Климента, епископа Анкиры Галатскія. Именно, въ послѣдней (Макар. Четъ-Миней) сперва (л. 1475, столб. 2-й) Проложное Житіе его, за тѣмъ такое же Житіе епископа Павліяна (1-й же столб.), потомъ (съ столб. 2-го л. 1477 до полов. 2-го же столб. 1482 л.): «К той днь слово из пренесеніе (въ сп. Мак. «принесеніе») мощемъ преславнаго Климента, историческою и моще (Мак. «мощи») бесѣду, яко Хѣю помощю къ д. тысяцѣ. т, иѣ, и, ѣ. лѣ изыскавшихъ (Акад. «изыскавшихъ») ѣго любезно (Акад. «любезно») и верно, яко изо (Акад. «изъ») нѣ бо (Акад. проущ. «ко») ѣ Понтъ кося». Нач.: «Къ обрѣтеніе мощи (Мак. «мощи») стѣ славаго Климента и рѣдостнымъ обрѣзомъ иже нѣ ихъ высокою бесѣдою, яко оубо сытость блѣговѣрнѣ (Мак. и) дѣховнымъ и (Мак. нѣтъ «и») любящимъ (Мак. «и») послоушаніе, еще же и добрымъ званіемъ обѣтникомъ (Мак. съ «д.») являго и славаго словесе къ мысленъ велелѣпн, постретіе же и проданіе кляко рѣдосто изысканіе», и пр. Очевидно, сдѣсь, въ означенн время.

ошибка писца, т. е., вмѣсто .Ѣ. должно стоять .Ѣ., что составитъ ѣ. ѣ. ѣ. ѣ. (6369) или 861 годъ, слѣдовательно, согласно съ Паннонскимъ Житіемъ Кирилла, по которому отбытіе его къ Козарамъ случилось не задолго до прихода Великоморавскихъ пословъ въ Царьградъ. Жаль, что изложеніе въ обонхъ спискахъ этого «Слова на пренесеніе мощемъ Климента» не совсѣмъ грамматически правильно, что произошло, по всему, отъ переписчиковъ, не вездѣ хорошо выразумѣвшихъ языкъ его, указывающій собой на глубокую древность. При томъ, онъ вполнѣ сохранился только въ одномъ спискѣ Макарьевскихъ Четій—Миней, между тѣмъ какъ списку Московской Духовной Академіи недостаетъ конца, именно, со словъ: «и нѣдо встни, Клименте, давыи нѣмъ стѣи сси днѣ явленѣмъ твоихъ мощенъ», и проч. За симъ Словомъ въ Мак. Четей—Миней слѣдуетъ самое «Житіе и мѣніе стго Климента Ангѣрського», начинающееся такъ: «Къ лѣто двосотное прѣа нѣго и Гѣ Исъ Хѣ, повшестви и въ второе нѣдсатое Оулерѣиѣ прѣтѣа», и проч. Оно очень велико и очень замѣчательно своимъ языкомъ. Очевидно, что Слово это помѣщено тутъ по ошибкѣ, вмѣсто того, чтобы занять мѣсто подъ 25-мъ ноября. Какъ бы то ни было, только и содержаніе и языкъ Похвального Слова Клименту, внушаго историческую бесѣду, какъ сказано въ заглавіи, чрезвычайно замѣчательны, и по всему оно принадлежитъ одному и тому же лицу, что и «Похвала стомъ Климентѣ, патрирхѣ Римскомъ», о которой изъ надписанія ея знаемъ, что она «написана Климентомъ Епископомъ», хотя, съ другой стороны, есть доводы въ пользу написанія оной и самымъ Кирилломъ Философомъ. Но что особенно замѣчательно, такъ это правописаніе списка сего Слова, принадлежащаго Московской Духовной Академіи, указывающее, вмѣстѣ съ языкомъ, на переписку его съ *Глаголическаго* извода.

72. *Dobrowsky* Cyrill und Method u. s. w. §§. 3—4. *Ego же*, Mährische Legende von Cyrill und Method, S. 39, 98—99.

73. То есть, собственно, Княжества Блатенскаго, Коцелова, а въ обширномъ смыслѣ и Великоморавіи, такъ какъ значительная часть областей ея находилась въ Панноніи, простиравшейся по ту и по сію сторону Дуная, слѣдовательно, обѣихъ Панноній, Верхней и Нижней.

74. Память о такомъ значеніи Велеграда долго сохранялась въ устахъ не только простаго народа въ Чехахъ, Моравѣ и сосѣднихъ краяхъ, но и въ письменныхъ государственныхъ памятникахъ. Такъ въ одной грамотѣ, относящейся ко второй четверти XI-го столѣтія, данной соборной Церквю святаго Петра и при ней часовнѣ святаго Климента въ Голомуцѣ, по случаю возобновленія старинныхъ нада-

I.

ній об'ємъ Брячиславомъ 4-мъ, сыномъ Чешскаго князя, Ольдриха, читаемъ слѣдующія замѣчательныя слова, въ которыхъ онъ выражаетъ чувства, волновавшія его при видѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ нѣкогда дѣйствовали Кириллъ и Мефодій, за сто лѣтъ съ небольшимъ передъ тѣмъ, т. е., Морави и ея столярнаго града, остававшихся, по разрушеніи Ростиславовой Державы (907 г.), въ запустѣніи, по теперь освобожденныхъ имъ послѣ пораженія на голову въ нѣсколькихъ битвахъ Угорскаго короля, Стефана, отнявшаго было ихъ у Поляковъ, заусобившихъ по смерти Болеслава Храбраго (1025 г.), который недавно передъ тѣмъ, во время такихъ же усобицъ Чеховъ (послѣ Болеслава II-го), отторгъ оныя къ своимъ владѣніямъ. Освободитель Морави получилъ ее отъ отца своего въ управленіе съ именемъ Воеводы Моравскаго. «*Misericordiam sane et intimo corde sum percussus, quando uidebam loca illa sacra, ubi cepit christianitas, per eosdem Ungaros, tum paganos, devastata et diruta atque in ruderibus dissipata iacere et ecclesias in illis partibus terre nostre omnes ad unam spoliatas et profanatas existere; et deuouo pio meo tum proposito magnam spoliarum copiam ab eisdem uastatoribus et depredatoribus receptam in reedificium et restaurum predictarum ecclesiarum impendere, deponendo ipsam super altari eius, cui ablata, atque quo opifulante recepta esse dinoscuntur. Hinc est, quod ego Brachizlaus dux Morauiensis etiam ecclesie sancti Petri in Olomuci et capele, que est in honore b. Clementis constructa ibidem, eam dotis sue restitui fecimus portionem, quam ipsi ex collatione antiquorum huius terre principum concessam esse scripto et ore tenus ueraciter didicimus*» etc. См. *Bozdek Codex diplomat. et epistol. Morauiae, I, № CXXXVII, pag. 112*, взят. «ex fragmento antiquissimi codicis ecclesiae Olomucensis, quod ab ipsius detectore, professore Monse, Monsianum nominatur» (Lit. III.). Грамота эта, по мнѣнію Палацкаго (*Geschichte von Böhmen, I Bd., S. 271; Его же, Dějiny národu českého, Díl I, část. I, str. 298*), относится къ 1028, а не 1030, году, какъ полагалъ Бочекъ. А что подъ выраженіемъ ея: «*ubi cepit christianitas*» разумѣется именно Велеградъ, то стоитъ только снести съ етѣмъ,—говорить тамъ же Палацкій,—такія же слова о Велеградѣ, употребленныя тѣмъ же самымъ Брячиславомъ въ грамотѣ своей, данной, спустя два года (1030), церкви, построенной въ память побѣды надъ Уграми, въ только что основанномъ имъ городѣ, Спитигиѣвѣ (теперь селѣ на рѣкѣ Моравѣ, въ Градишскомъ краѣ), и напечатанной Бочкомъ въ слѣдъ за предыдущей, въ *Codex diplom. etc.* подъ № CXXXVIII (pag. 113—114.), сохранившейся въ одной неизданной рукописной Хроникѣ XIII-го столѣтія, составленной первымъ Моравскимъ лѣто-

писцемъ, Гильдегардомъ Градичскимъ (Hildegardus Gradicensis, 1127—1147 г.): «Brachizlaus dux Moraviensis, tradidit ad eccelsiam, quam in loco nove ciuitatis Zpitigneu, in memoriam uictorie sue super Ungarorum gente locande, honorifico opere construxerat, uniuersam dotem, que olim ecclesie b.—iuxta *Vueligrad*, ubi cepit christianitas, in loco quondam ciuitatis Deuin extitisse cernitur», etc. Сличите также о Велеградѣ *Annales Fuldenses* ap. Pertz I, 381: «Karolus dum cum exercitu sibi commisso in illam ineffabilem Rastizi munitionem et omnibus antiquissimis dissimilem venisset», etc. И сдѣсь подѣ *«munitio»* разумѣется,—говорить Палацкій,—(тамъ же I, примѣч. 87), Велеградъ, который, собственно, значитъ «велий градъ», а градъ, въ старину, какъ и теперь, у многихъ Славянъ, значитъ крѣпость, укрѣпленіе, слѣдовательно, по Латыни *magna munitio, munitus locus*. О названіи же «Deuin» сравните тѣ же *Annales Fuldens.* (I, pag. 378), въ концѣ читаемъ: «In quadam ciuitate... Douina, id est, puella» (Дѣвина, Дѣвинъ, отъ дѣва); по сю пору, замѣчаетъ Шафарикъ (*Slovanské starožitnosti*, I, str. 801, въ Рускомъ II, кн. 2, стр. 296, прим. 35), ложно примѣняли это къ Дѣвину, близъ Пресбурга находившемуся. Стало быть, столица Великоморавіи носила три названія: самое древнее, «Дѣвинъ», составлявшее собственное ея имя; второе—«Велеградъ», которое, кажется, скорѣе было прозваніе Дѣвина, то есть, велий градъ, великій градъ, или укрѣпленіе, твердыня («ineffabilis munitio, magna munitio»), какъ въ средневѣковой Латыни *Magnopolis*, Нѣмецкое *Mikilnburg* (названіе для Славянскаго города Любова, въ землѣ Бодричей), по коему и весь край прозванъ Миклинбургомъ или Мекленбургомъ (*Slovani. starož.* I, str. 902, Руск. II, кн. 3-ья, стр. 147); и, наконецъ, третье, «Градичте» (Hradisté) или наше «Городище» названіе для возникшаго уже изъ развалинъ «велия града», городка или «городища».

75. Этотъ отрывокъ изъ «Службы» сообщенъ мнѣ, лѣтъ 7-мъ тому назадъ, В. П. Григоровичемъ. Языкъ ея въ теперешнемъ своемъ видѣ, очевидно, уже Среднебулгарскій.

76. См. статью мою: «О древнѣйшемъ свидѣтельствѣ» и проч., стр. 17—18, 28—39. Какимъ образомъ очутилось это свидѣтельство, по правописанію на *Среднебулгарскомъ* языкѣ, въ сводѣ краткихъ лѣтописей *Сербскихъ* въ «Памятникахъ Югославянской письменности» или «Изборѣ Югославянскихъ достопамятностей» (Прага, 1851 года, стр. 67—68), изданныхъ Шафарикомъ, получившимъ его отъ меня еще въ 1842-мъ году, тотчасъ по возвращеніи моемъ изъ Вратиславы (Бреслава), въ которой оно было открыто мною? Кромѣ того, въ томъ видѣ, какъ оно тутъ напечатано, правописаніе не

всюду соблюдено строго, но принаровлено отчасти къ Сербскому, именно: ъ в м. ѣ, а в м. и.

77. «О древней письменности Словянъ», В. Н. Григоровича, стр. 62, 64.

78. Тамъ же, стр. 67. Я отдѣляю въ два реченія «въскрестимъ», т. е., «въскрестъ» и «имъ, относя послѣднее къ слѣдующему слову «ставляъ» (наставляъ), съ которымъ оно и составитъ одно реченіе «наставляъ», в м. «наставляъ». Подъ «въскрестъ» разуется Греческое *ἀπρανός* вмѣсто *ἀπραντος*, то есть, праздничныя или недѣльныя (*ἀπραντός*, *πρᾶβω*, *πραντός*, дѣлаю, *ἀπραντίω*, не дѣлаю, веду жизнь праздную, *otiosus sum*, гуляю; *ἀπραντός*, недѣляющий, недѣльный; *ἀπραΐα*, *οἶνιν*, праздность, бездѣйствіе), по недѣлямъ (какъ днямъ праздничнымъ, въ которые не трудятся, *не дѣлаютъ*, *ἀπραΐαι ἡμέραι*, *festae*, праздники, святки, гулянки, досугъ, дни, свободные отъ трудовъ и занятій) расположенныя чтенія Евангелій, начиная съ праздника праздникомъ, Пасхи или Свѣтлаго Воскресенія, Святой, въ противоположность чтеніямъ, расположеннымъ по Евангелистамъ. А какъ названіе Воскресенія Славянами-Христіянами, особенно Рускими, перенесено и на всякой первый день недѣли (откуда у насъ простой народъ поздравляетъ васъ «съ праздникомъ», т. е., съ Греческимъ «*ἀπραντα ἡμέρα*» во всякое воскресенье или воскресный день [старинное недѣля, какъ это и теперь еще употребляется у многихъ Славянъ въ смыслѣ воскресенія, по первому или главному дню, а не седмицы, называемой разными разн.: тыждень, т. е., тыждедьнь, тыжьдынь, тѣдьнь, цѣлое, состоящее изъ извѣстнаго числа сходныхъ, одинакихъ или *тѣхъ же дней*, и т. п.]), то отсюда наше названіе для такого Евангелія «Въскрестъ (особенно «Въскрестъ»), Къскрестіе («Къскрестіе»). Впрочемъ, если допустить чтеніе «Въскрестимъ», тогда должно подразумѣвать при немъ «уѣтениа», и форму «стакъъ» вмѣсто «ставляъ», либо «стакъ».

79. Извѣстно изъ сравнительнаго языкоученія, что буква ѣ собственно есть доегласная, образовавшаяся изъ іі приставкой а: а+іі=аіі, выражаемой въ Санскритѣ обыкновенно звукомъ е, а въ Славянскомъ различно: е, ю, ё, є, и или л, а, ї, ез, ѣ или їо, смотря по нарѣчію, времени и степени любви къ смягченію или іотациі, составляющей одну изъ главнѣйшихъ особенностей Славянскихъ языковъ. Такой способъ обращенія гласной въ доегласную называется усиленіемъ или удвоеніемъ, по Санскритски *гуной*. Сдѣсь въ «обратникъ» звукъ а составляетъ гуу, т. е., Древнебулгарское ѡ обратилось въ Среднебулгарскомъ въ а в м. и (я), какъ родственныи ему звукъ и часто переходитъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, у же

въ Церковнославянскомъ или Древнебулгарскомъ въ *а*, особенно послѣ плавныхъ и небныхъ или шипящихъ и свистящихъ: драги (вм. дрѣти), жрати (жрѣти), прати (прѣти), бесада, зрати, прирада или прирада, обитала, благодать (собственно «благодѣть»), орхъ (орѣхъ), коуръ (боури), азъ (изъ), лице (лицѣ), и множество другихъ, а не «небольшое только количество». Да и нынѣшніе Булгаре нерѣдко говорятъ, тамъ и сямъ: цалба, цана, цалѣи, исцалемъе, какъ мы: цаловать, поцалуй и т. п.

80. Смотри. «О древней письменности Словянъ»; стр. 68; сравни. выше примѣч. 77: «Св. Меѳодій названъ *обратникъ* (въ Тропарѣ ему), отъ обращенія Греческаго алфавита (и Глагольскаго?), въ Словянскій, примѣненіемъ Греческихъ буквъ къ *известнымъ* уже въ Славянскомъ языкѣ».

81. См. выше примѣчаніе 37.

82. Это въ отвѣтъ на вопросъ въ статьѣ: «О древней письменности Словянъ», стр. 68. «Сообразивъ эти обстоятельства, спрашиваю, не достоверно ли заключить могу, что Меѳодій *сталъ первый писать* Греческими буквами въ Словянскій языкъ?»

83. Стр. 66—67, строк. 13 и 33—36.

84. Первое извѣстіе объ этой рукописи сообщено было самымъ Кухарскимъ, въ письмѣ его изъ Дубровника (Рагузы), отъ 28-го августа, 1829 года, напечатанномъ въ IV-й книжкѣ Журнала Чешскаго Музея, подъ заглавіемъ: «*Literní zprávu z Dalmatska*». Исчисляя Церковнославянскія рукописи, видѣнныя въ Черногорской митрополичьей Библіотекѣ, онъ приводитъ, подъ № 16-мъ, и етогъ Сборникъ, говоря: «Рукопись бумажная, въ 4-ку, подаренная мнѣ митрополитомъ; она содержитъ въ себѣ много разныхъ предметовъ, между прочимъ и лѣтопись, въ коей читаемъ: «и Колдри хрѣтѣлины кыше», и проч.; но годъ ошибочно выставленъ, то есть, 6330 вмѣсто 6360 (стр. 127). Шафарикъ тоже упоминаетъ объ етомъ» «*Сказаній къратцѣ*», съ ссылкою на письмо Кухарскаго, въ «*Uebersicht der vorzüglichsten schriftlichen Denkmäler älterer Zeiten bey den Serben und anderen Südslawen*», помѣщенн. въ «*Anzeige-Blatt für Wissenschaft und Kunst*», № LIII, der «*Jahrbücher der Literatur*», 1831, Januar—März. Wien, S. 55. Конецъ 14 листа етой рукописи таковъ: «Петръ. Ждодл быти исповѣдло по вѣстмъ, иже глѣши, се бо твърдо развѣмъю, яко житіе, а не змненія, шрѣтсе; и та бо бвмаюца змненія, добродѣтельнаго житія покхзніе носеть. Молю оубо аще и еше нѣкъ о-стала сѣтъ, ивленн ми и та быти, яко да глѣдуюца ме въ бѣгыхъ покхзніихъ прѣниташн. Григоріе. Хотѣхъ тебе, въ хвалѣ и славахъ из-

завителя ишаго Кѣд, о мѣжи ивкоемъ вѣгогокыниѣ, именовъ Кенедѣтъ. ивѣдъ покѣдати; но зрю дѣеконое време въ сѣнѣ повѣсти не могъше довати, тѣмъ же прочее сѣа Кѣ крѣпость подлючѣ, ино научаю сѣаишиа предложивъ, съ покоемъ покемъ». За тѣмъ: «Копѣць книзь прѣвон». Книгу вторую составляетъ: «Григорѣа сѣвниаго и илѣскаго или старѣншаго Рѣла сложеса по вѣпросѣ и шѣтѣоу о жителствѣ сѣго Кенедѣта» (25 $\frac{1}{2}$ листа). Книгу третью: «Того же Григорѣа. . . повѣсть о Павлитѣ сѣионѣ града Полоискаго» (32 листа). Книгу четвертую: «Того же Григорѣа. . . книга уетирѣта. Ко еже въ рѣи рѣдѣсти сѣгрѣшеніе прѣслѣшнѣа сѣтворивъ, прѣоуѣ уѣтѣскаго рода шѣоудѣ илѣмъиѣ бысть и въ зѣтоуеніе сѣвнѣоти сее и пѣуали, юже стрѣждемъ, прѣиде» (3 листа). «Конецъ книзь вѣженшаго Григорѣа или Рѣискаго». Всѣ етѣ книги въ видѣ разговорѣвъ между Истромъ и Григоріемъ. Послѣ етого слѣдуютъ уже разныя статьи, числомъ 45, которыя съ прежними составляютъ всего 50.

85. Именно, въ сочиненіи А. Д. Черткова: «О переводѣ Манасѣиной лѣтописи на Словенскій языкъ», и проч. Москва 1842, въ «Приложеніи», стр. 158—160, съ объясненіемъ встрѣчающагося въ немъ указанія о крещеніи Руси въ 866 году.

86. По видимому «Свазміе» это съ начала есть «Лѣтописецѣ въ скорѣ» Никѣфора, патріарха Цареградскаго (о которомъ см. въ самомъ изложеніи) и его неизвѣстныхъ продолжателей; но съ 6864 (1356) года Греческіе императоры и ихъ Византія совершенно остаются въ сторонѣ, а на мѣсто ихъ являются внутреннія и вѣншія отношенія Сербскаго народа, рассказываемыя, при всей скатости, довольно обстоятельно, даже многое такое, чего не встрѣчалось мнѣ нигдѣ читать. Оно занимаетъ цѣлыхъ 19 съ половиной листовъ, изъ коихъ 15 писаны полууставомъ, а остальное мелкой скорописью.

87. Г. Кухарскому сказали, что онъ отправленъ въ Синодальную бібліотеку (?). См. *Časopis českého Muzeim.* 1829, IV.

88. Извѣстіе это привожу по Шафарыку, въ его *Slovausk. starož.* I, стр. 816, примѣч. 100.

89. Оно на 259 листахъ, разряда Русскаго.

90. Вотъ оно: «Иако (книга глаголемѣа) сирѣчь вытѣхъ ѿ Аѣдѣи родоуахъишиа, и ней же склзуетъ твореніе шести дѣси Гѣдѣ ишаго Нѣа Хѣдѣ и о Аѣдѣи и о прочихъ прѣтецѣхъ по родословію, яко же содержитъ в себѣ книга вытѣа, и отъ коего колѣниа поидоша чѣи и сѣдѣа, вхлѣдѣицы илѣдѣ Иѣаи, и колѣко кто лѣтъ или влѣдѣлѣ, и ѿ прочихъ прѣтецѣхъ мнѣотекѣрѣаго колѣ сего съ лѣтописецѣи».

91. Послѣсловіе это привожу по выпискѣ «Описанія рукописей

Румянц. Музея»; но въ ней не находимъ слѣдующихъ словъ, напечатанныхъ, однако; при переподѣ сочиненія Добровскаго «Кирилль и Мееродій», въ примѣчаніи къ отрывку изъ этого Хронографа, со-общенному переводчику самимъ А. Х. Востоковымъ: «и при ксѡсѣиномъ Митрополитѣ ксеа Роуѣа Зосимъ»; послѣ сего слѣдуетъ: «и пре ксѡсѣиномъ Архїейнѣ кемного Новагорода и Пскова кѣцѣ Ге-надїи». Такъ какъ Слово «ксѡсѣиномъ» въ томъ и другомъ на-ходится, то, вѣроятно, оно-то и было причиной пропуска со сто-роны наборщика, который вдругъ перескочилъ отъ перваго къ по-слѣднему, какъ это нерѣдко случается въ Типографіяхъ. Иногда рѣшительно невозможно бываетъ замѣтить то при выправкѣ, осо-бливо, когда смыслъ отъ того не страдаетъ, какъ въ этомъ случаѣ.

92. На оборотѣ 835 листа читаемъ вверху, на полѣ, такое за-главіе кнотоварю: «Книга изрицемла», а на 836-мъ: «Плата, или нса-са ѣ лета 726ъ» (1518).

93. Представляю его едѣсь вполнѣ:

Преложеніе грамотлиъ.

Прежде всѣхъ бы Жидѡвская грамота. С томъ сншихъ *Елдинь-стїи грамотиунци; тлусъ по снхъ Римъскла и прѡуїи и нїиїи мнози. Но мнозѣхъ же аттѣ Рвсклих; послѣ же всѣхъ Пермьскли. Оу Жи-дѡвскїа азбукы переиоу словъ нма азфъ, а оу Грусскыа азбукы перкомоу слѡгъ нма азфлвнтл, а Сурьскыа азфѣсе, а Оугорскыа азф-квдхскл, а оу Рвскїа азъ, а оу Пермьскыа азвръ, да не по единомъ глѡце оуниожитса слѡко; мнози бо свѣтъ грамоты, и многы азбукы. Свѣтъ бо писменл книжила нѣже издвнл и по пошаниъ изыцы нзыре-чъ себе, кѡ се Жидѡвскыи и *Елдиньскыи и Римскыи, в ннїѣ что до-стонтъ рѣри, или что подобїѣ ѡвѣрѣти? Кѡтѣ ѣ, кѡ нѡууѣмса ѡ писнїа, а не нлко кѡко; но ѡбѣ в писнїи снѣ ѣ, еже ѡ Адмл первозднїаго глѡ, сгѡ сынъ Снфъ, сѣ перїѣ изѡуѣнса грамотъ Жи-дѡвскїа; тлусъ ѡ Адмл до потопа преидѣ аттѣ 76 .и. снв; по по-тонѣ нѣ столѡтворенїѣ, сгдѣ рлздѣлнша изыцы, кѡ вытїѣ пишеть, да кѡ рлздѣлнша изыцы, такѡ рлздѣлнша и правн, и шьузын, и оустлн, и зѡшнн, и хнтростн нл азыкы, кѡ се глѡ ѣ изыкъ *Егїпетскъ, ѣноу земноцрїѣ достлѡса. а Персоу и Хллдѡмъ и Асїрїонъ острономїѣ, звѣздѡуетїѣ. возшкнїѣ и ѡрокнїѣ, и прѡуїа свѣтнхъ хнтростн ѡуѣскїа; Жидѡвомѣ стїахъ кннгы, номѣ тѣ нѡуѣснн свѣре, ѣю грамотою и Мѡї-сенъ потомъ пислше ѡ вытїи ксѡго мнрѣ Бытїнскїа кннгы, в ннхъ же писнїо, гѡко Бѣ сѣтворилъ нѡ и зснлю и всѣ, иже нл мен, и ѡкѣ

LVІ

и все по радѣ проуче, яко въ Кытїи пишеть; *Сланиомъ же досталася грамотникѣ, и риторикѣ, и философѣ. Но исперва *Сланин не имѣху оу себе грамоты, но Аѳинтискою грамотою поуждахуся писати свою рѣчь, и тако баша по многа лѣтъ. И бысть некто к нимъ философъ именемъ Понамидъ, иже послѣдѣ пришедъ, сътвори *Сланиомъ азбукѣ, пахуеи сице: алѫа, китл, и положи усломъ словъ .ѣі., токмо *Сланиомъ изъобрѣтено. Потомъ по неколицѣхъ лѣтѣхъ имъ книжникъ именемъ Кадонъ Миласїи, приложи имъ тѣи слова писемѣна; тѣмъ же и по многа лѣтъ .ѣію словъ свои азбукѣ, своимъ писемѣны поуждахуся написати. Потомъ же имъ грамотникъ, именемъ Снисидъ, обрѣтъ еше приложи имъ .ѣ. слова писемѣна, и оуже слагаѣтся усломъ словъ ихъ .ѣл. *Спихирїи же некто, сказатель сынъ книгамъ, сїи изъобрѣте, приложи имъ .ѣ. слова писемѣна; ти тако събрася азбукѣ Греускїа словъ усломъ .ѣд. Потомъ же по мнозѣхъ лѣтѣхъ Дїонисъ некто грамотникъ, шесть двогласныхъ изъобрѣте; по сихъ же дроугиѣ философъ .ѣ. словъ приложи, имъ книжникъ .ѣ. слова, или же усла пишеться, шестое мѣтъ, и девѣдсѣатное и девѣдсѣатное. И тако по многа лѣтъ мнози философи едѣа събрали сѣтъ азбукѣ Греускїю словъ усломъ .лї. Потомъ же многымъ лѣтомъ мимошедшимъ, бѣшимъ словкомъ обрѣтоста .ѣ. мѣтъ мудрець, иже преложили книги ѿ Индовскїаго языка на Греускїи. Коли много лѣтъ мнози философи *Сланинстїи събрали и състѣлїали грамоту Греускїю, и едѣа оуставили, мнозѣми тѣоуды и мнозѣми времени едѣа сложили, .лѣ. философъ едѣа азбукѣ съставили, а сѣдмѣдесѣ мѣтъ мудрець преложенїе преложили, перетълмїили книги, ѿ Индовскїаго языка на Греускїи преведоста. Тѣмъ мно, яко Роускїа грамота утїитїи е пѣе *Сланинскїа, сѣтъ бо еѣа мѣтъ сътвориѣ ю есть, Кирїилъ рекоу философъ, а Греускїю алѫфавитѣоу *Сланин, не бїренїи сице, съставили сѣтъ. Тае и потомъ Нермскїа грамота пѣе *Сланинскїа, ѿ Стефанъ сътвори Но Кирїилъ философъ спосеблѣше многѣмъ братѣ еѣо Мефодѣ, или грамотѣ складкити, или азбукѣ съставити, или книги преводити; Стефанѣоу никтѣ обрѣтаѣтся помощникъ, развѣе токмо едїиъ Кїи имъ, прїѣтїише и снал, помощникъ къ скорѣмъ, обрѣтїишѣ имъ зело. Аще ли кто реуетъ слово на Нермскїю грамотѣ, яко нохоула ю, гѣа, яко иѣа гѣа оустѣбїи грамота си, достоин е поинївати еѣа, и еше тѣмъ к сѣмъ реуемъ: и Греускїю грамотѣ тѣкѣ мнози поинївали: Акѣа и Сѣмѣхова уаѣ и иїи мнозїи; дїиѣ бо е готовѣго поинїити, оудѣе бо е послѣдїи пострадати, пѣе нежелїи исперва науати и сътворїти. Аще бо кто взирѣстї Греускїаго книжника, гѣа: кто вы е грамотѣ сътвориѣ, или книги преложиѣ,

и в коѣ время то са с дѣлао. то рѣдѣ ѿ нѣ ѡвѣтъ дѣти могоуть, и не мнѡзи вѣдѡють. И зѣе вѣпросиши Русьскыя грамотинки, гдѣ: кто вы ѣ грамотѣ створилъ и книги претѣжовлѣъ, то вси вѣдѡють и вкорт ѡвѣрѡють. рекоуще: стѣи Костанѣтинъ философъ, и зрицѣмъ Кирилъ, тѣ намъ грамотоу створилъ и книги преложилъ съ Греусьскаго измыл из Роусьскыи съ вратомъ си съ примѣъ с Мефодомъ, и бѣ посатди ѣйкѣ Моравьскыи. В коѣ время то баше? Къ цѣтѣ Михаилъ Греусьскаго цѣа, и къ Царьградѣ цѣтѣкованаго, при патриархѣ Фотѣи, и мѣ Корисл кѣза Болгарьскаго, и Растица княза Моравьскаго, и Костелъ княза Балтеньскаго, въ княжсѣи кѣза великаго ксел Русѣи Люрика, погана свѣа и не крѣсенл, зѣ .рѣ. мѣ до вресѣи Русьскыи земли, а ѡ създанїа ширѣ в мѣ .рѣ.тѣг.

94. «О древней письменности Словянъ», стр. 69, примѣчан. 2-ое.

95. Прокопій хвалитъ склонность етѣхъ Готовъ къ Христїанству, замѣчая, что они дѣйствительно получили себѣ епископа отъ императора Юстинїана. *Vellum Gothicum*, IV, 4. О войнѣ ихъ съ Козарами говорится въ «*Acta S. Joannis*», ap. *Boll. Jun.* 5. pag. 190 — 191, а о Готской Епархіи у Ковина «*Notitia Graecorum episcopatum*», pag. 381, 403.

96. «Древнїя письма Славянскїя», въ Ж. М. Н. П., 1848, кн. VII, Отд. II, стр. 64.

97. Въ рукописи Московской Духовной Академіи № 19-й, въ слѣдъ за Житїемъ Кирилла, помѣщено небольшое извѣстіе о Руской грамотѣ и судьбѣ ея. Очевидно, цѣль сочинителя была показать, что, не смотря на извѣстіе етого Житїа объ изобрѣтенїи азбуки Константиномъ, онъ, собственно, только перенялъ ее отъ какого-то Русина Христїянина, жившаго въ Корсуни, слѣдовательно, ето не его изобрѣтенїе, но чисто Руское, свое, и, по тому, она, собственно, грамота Руская; ею онъ написалъ книги Моравцамъ, отъ коихъ по томъ першла къ Чехамъ и къ Ляхамъ, и держалась у нихъ до самаго Войтѣха, замѣнивашаго ее Латинской. Повторяю, составленїе етого извѣстія относится ко времени вѣроисповѣдной борьбы Рускихъ съ западными соплеменниками, которымъ доказывали тѣмъ, что и они, когда-то, были Православные и, стало, писали одинаковой съ ними азбукой, вытѣсенной только насильно извѣстнымъ ревнителемъ Латинскаго обряда, Войтѣхомъ. А чтобъ еще болѣе удостовѣрить въ томъ, рука, увлеченнаго ревностью по старинѣ, не дрогнула сказанїе собственнаго своего изобрѣтенїа внести даже въ Житїе Кирилла, помѣстивъ его въ отдѣлѣ, въ которомъ говорится о пребыванїи послѣдняго въ Корсуни; цѣль была очевидна—показать, во первыхъ, что

LVIII

она, какъ я сказалъ, уже, собственно Руское дѣло; во вторыхъ, самъ Константинъ перенялъ, отнюдь же не избрѣлъ, ее; въ третьихъ, она тамъ «мелена кысть савѣмъ Кѣомъ», гдѣ «Клдимирѣ Дѣхъ стѣи издохнуѣлъ» и самую «Вѣроу прѣати». Такъ какъ извѣстiе или сказанiе это находится и въ обоихъ Псковскихъ спискахъ Палѣи, и при томъ, непосредственно соединено съ выписками изъ Кириллова Житiя, относящимися преимущественно къ азбукѣ, то отсюда можно вывести заключенiе, не изъ подобнаго ли источника сдѣлана эта вставка въ Житiе, да и сама не для Хронографовъ ли собственно составлена была, которымъ нельзя было обойтись безъ разсказа о происхожденiи нашихъ письменъ? Что это стояло совершенно въ разладѣ съ послѣдующимъ разсказомъ Кириллова Житiя, вставщикъ не заботился о томъ. Такiе люди никогда не смущаются подобными противорѣчiями: ихъ задача — сдѣлать по своему, а тамъ—разбѣрай себѣ, кто можетъ; объясняй и доказывай, сколько угодно, противное. Дѣло сдѣлано, и не стать же передѣлывать его для какой-то исторической совѣстливости. Я увѣренъ, что когда найдется списокъ Панионскаго Житiя Кирилла постарше тѣхъ, которые теперь у насъ подъ руками, въ немъ не будетъ этой *вставки*—издѣлiя нашей умной и книжной чади.

98. *Cosmae Pragensis Chronica Bohemorum*, lib. I, въ «*Scriptores regum Bohem.*, ed. Peltzel et Dobrovsky», T. I, pag. 49. Подлинность этого посланiя сюда не относится; если бы даже самъ лѣтописецъ выдумалъ его, какъ полагаетъ Добровскiй, все таки оно показываетъ намъ, что уже въ его время такими, а не иными, глазами глядѣли на отношенiе нашего стараго языка и народа къ Православному Богослуженiю, т. е., въ XI—XII вѣкѣ.

99. См. «*Évangélique slave de Reims, ou texte du sacre, fac-simile et publié par. J. B. Silvestre*». Paris 1843, 2-de livraison; другое заглавiе: «*Évangelia slavice, quibus olim in Regum Francorum oleo sacro inungendorum solemnibus uti solebat ecclesia Remensis, vulgo Texte du sacre, ad exemplaris similitudinem descripsit et edidit Silvestre*. Lutetiae Parisiorum, pag. 61—62; также: «Слзико-Силъское стѣе кѣговъкосткованiе, нмъ же Ремское, нл неже прѣже присагана при кнхуудьномъ мѣрономъзачиѣи цари Францоустѣи. Съ приближенiемъ съ бокоу того же утѣиѣи Латиньскими боуквами и съмненiемъ Остромиръка еулигсаѣи и Острожьскими утѣиѣи. Троудомъ и нмдженiемъ Вацесалка Ганьки. Къ Утѣской Празѣ, 1849», стр. 186—188.

100. Молитва эта такъ читается въ «Прологѣ о Хѣ съзвздана

Оіюу, Сіюу и прѣстоуоуіюу Діюу,
 Сюу же усть и дръжка и слъва
 Отъ всемъ творн и дхлннн,
 Въ вса кѣкы и на кѣкы, лнннъ.

Выраженія: «Шестькрылатъ слоуу къспрннннъ.

Шесткоюу нѣнн по сѣдлоу оуучнтелю,

Шенн нюу и дѣлоу послѣдоуѣ»,

показываютъ, что молитва сія, писанная, какъ видно, стихами (и напечатанная дважды при соч. Добровскаго въ Руск. перев. «Кириллъ и Меводій», стр. 109 и 151), не можетъ быть сочиненіемъ Константина Философа, напротивъ, ученика его, Константина, по догадкѣ Шафарика (Разсвѣтъ Славян. письм., стр. 20, по Руски стр. 43), епископа Прѣславскаго, которому, сверхъ названнаго творенія, принадлежатъ еще переводъ Аѳанасія Александрійскаго четырехъ словъ на Аріанъ, сдѣланный, по желанію Булгарскаго царя, Симеона, въ 906 г., и сохранившійся въ двухъ рукописяхъ XV-го в., въ Москвѣ и въ Волоколамскомъ Іосифовѣ монастырѣ, на которыя первый обратилъ вниманіе наше К. Θ. Калайдовичъ (въ Іоан. Екс. Болг., стр. 14 и 98, прим. 40, стр. 94, пр. 20). Послѣдній встрѣтилъ и я также въ Макарьевской Четвертинѣ на мѣсяцъ май. Тутъ, между «Житіемъ (2-го мая) стго Афиласіа, архіеіпа Александрскга» (листъ рѣе), и его Словами на Аріанъ: «Иже въ стѣи оіюу нашего Дѣлннн Архіеіпа Александрскга на Аріану Слово прѣвое» (1. рѣн—сѣл), столб. 1-й, читаемъ извѣстіе о времени перевода ихъ, находящееся, по увѣренію Калайдовича, въ концѣ 4-го слова по Синодальной рукописи. Такъ какъ оно чрезвычайно важно по своему содержанію, то я его и выписываю здѣсь. Изъ сличенія его съ Синодальнымъ можно замѣтить только нѣкоторыя язычныя разности: «Сіа книги бѣгоуѣннн, нхрнущннн Афиласіа, повелѣнннмъ кнѣзю нашему Колгарскга, именѣ Сімеона, преложи ихъ еіпнн Константинн въ Словенскъ азѣ ѿ Грѣцеска, к лѣ ѿ науала мира .ѣ. ѣ .лѣ. нн .л., оуѣнкъ сн Меводоу, Архіеіпа Моравы. Напсн же н Тоуѣрѣ уернорнзецѣ Доуѣрѣ, тнѣе кнѣзѣ повелѣ, на оуѣтн Тнѣа, к лѣто .ѣ. ѣ .лѣ., ннѣн. лѣ., нѣж стѣа залтнн нрннны нокла сѣтворена е тнѣ кнѣземъ. В се вѣо лѣто оуѣне равъ бѣнн сего кнѣа оіюу, въ вѣазѣ вѣрѣ живнн, н доврнсповѣдннн Гѣ ннѣо Іс Хѣ, великнн, утннн, бѣгоуѣрны госпѣ нашъ кнѣзъ Колгарскъ, именѣ Борнн, хрѣтанѣе нма емоу Мнхлнн, нннн нлнн кѣ .лѣ. днѣ, к свѣотннн вѣѣр. Сей Борнскъ Колгары крѣнннн е в лѣ .стѣхъ. бѣхѣ., во нма Оіюу и Снѣ и стго Дѣа, амннъ». Кромѣ того, Шафарикъ приписываетъ ему и «Написаніе о правѣи

и ѣрѣ», известное по Булгарской рукописи 1348 г., сдѣланной для Булгарскаго царя, Юанна Александра, и находящейся въ Московской Синодальной Библиотекѣ. Разпорѣчіе въ приведенныхъ трехъ стихахъ, относящееся къ словамъ: «оучителю, юю», вмѣсто которыхъ въ другихъ спискахъ стоитъ «оучителя его», конечно, можетъ указывать вообще на обоихъ братьевъ, конхъ Константинъ былъ равно ученикомъ; но тогда выраженіе: «Имени юю и дѣлоу послѣдоуи», будетъ противорѣчить тому, слѣдовательно, надобно признать, что здѣсь должно стоять единственное, а не двойственное, число (оучителю юго).

Твореніе это, судя по статьѣ, приложенной въ заключеніе его: «Историкни за бѣ въкратцѣя одрѣжаши аѣ отъ Адамъ до Хѣа пришествіа, и пѣки отъ Хѣа до настоящаго въ .лѣ. индикта,» переведено въ концѣ IX-го вѣка, въ правленіе Булгарскаго царя, Бориса, котораго и изображеніе приложено въ самомъ началѣ, или же въ началѣ X-го, даже въ годъ его смерти, либо вскорѣ по томъ. То обстоятельство, что при немъ выставлена подпись: «Сѣмъ Борисъ», было причиной, что на него никто не обращалъ вниманія, считая его Рускимъ княземъ Борисомъ. Въ соч. «Вѣкъ Болгарскаго Царя, Симеона» (стр. 111, прим. 123), повторивъ слова Шафарика объ изображеніи при Константиновомъ переводѣ Булгарскаго князя, Бориса, спрашиваютъ: «Не ошибка ли это: *Бориса* вмѣсто *Симеона*?» Кто видѣлъ это изображеніе и сообщилъ о немъ упомянутое извѣстіе, имѣя подлинникъ въ рукахъ своихъ болѣе года, тотъ зналъ, что писалъ; впрочемъ, извѣстіе его можетъ повѣрить всякой въ Московской Синодальной Библиотекѣ, гдѣ хранится послѣдній. Вообще, надо признаться, что сочинитель этого изслѣдованія копируетъ другихъ, но только копируетъ, и то не всегда вѣрно, самъ же или вовсе ничего не представляетъ своего, или же представляетъ все въ превратномъ видѣ: почти что ни слово, то ошибка, недоразумѣніе, даже чистая напраслима. Это очень жаль, тѣмъ болѣе, что самоувѣренный тонъ сочинителя можетъ ввести многихъ въ заблужденіе, яко бы то, что онъ говоритъ, дѣйствительно такъ. Вотъ, впрочемъ, заключеніе упомянутаго сейчасъ Историческаго лѣтоисчисленія: «Всѣхъ же лѣтъ ѿ пропатна Хѣа до Аѣва чѣа и нынѣшняго дѣкати сѣтъ .лѣ., а ѿ Аѣва до настоящаго въ .лѣ. индикта, естъ аѣ .s.ѣзъ». Я не могу вдаваться въ розысканіе правильности показаній этого лѣтоисчисленія и соглашенія разпорѣчій его съ другими современными, на примѣръ, по чему въ немъ, въ заглавіи и заключеніи, сказано «въ .лѣ. индик., при 918 и 6406, между тѣмъ какъ по другому показанію, приведенному выше, въ 6415 поставлено «Индик. .лѣ.» Наконецъ, Молитва Константина, какъ легко замѣтить, написана въ

LXII

азбучномъ порядкѣ; сличеніе ея съ другими списками было бы теперь не совѣтлѣ умѣстно, хотя и привело бы къ весьма любопытнымъ выводамъ, особливо касательно числа и послѣдовательности самыхъ буквъ. Замѣчу только, что во всѣхъ, доселѣ извѣстныхъ, спискахъ ея (которые далеко моложе Синодальнаго), довольно опущеній, между тѣмъ какъ въ этомъ послѣднемъ важнѣйшій промахъ, въ сравненіи съ ними, состоитъ: въ поставленіи и на мѣстѣ і (или даже вовсе пропускъ); далѣе, о на мѣстѣ ѿ; ю вм. ѡ; и вм. ѡ; послѣднія два и въ прочихъ спискахъ не соблюдены, а изъ двухъ ш, одно для ш, а другое для шт, вм. ѿ, котораго не было въ языкѣ Кирилла и Меодія, отъ того въ нѣкоторыхъ новѣйшихъ нашихъ (Русскихъ) спискахъ этой молитвы пишется слово «шествоую черезъ «рестикѣ»; наконецъ, выставляются: ѡ при «шени», ѡ при «мвѣ», ѡ при «и (прибавленное) хвалю», ѡ при «мже» вм. «ю(ѡ)же», и т. д. Какое правильнѣе чтеніе: Синодальнаго ли списка: «Дѣтитъ во шниѣ и Словенско плема», Волоколамскаго: «Ѣ дтитъ то во шнѣ Словенско плема», какого-то третьяго: «Ѣ дтитъ во, снѣ, Слзвенско плема», или же Иерковскихъ списковъ Палѣи: «И проситъ дары твои приати Словенскоѣ плема», теперь не могу сказать навѣрное.

101. По крайней мѣрѣ не подлежитъ уже ни какому сомнѣнію, что шное Церковнославянскій языкъ, а съ нимъ, стало быть, во многомъ и редакція въ памятникахъ, писанныхъ Глаголицей, или съ нея списанныхъ, а иное ошъ въ памятникахъ Кириллицы. Впрочемъ, и послѣдніе представляютъ довольно поучительныхъ особенностей. Чѣмъ старѣе памятникъ, тѣмъ языкъ въ нихъ чище, своеобразнѣе и естественнѣе, тѣмъ въ нихъ больше своего, кореннаго; даже многія слова, извѣстныя теперь намъ только въ Греческой одеждѣ, тогда ходили въ одеждѣ своего рукодѣля.

102. Послѣдняго по Сборнику, нынѣ Императорской Публичной Библіотекѣ принадлежащему: «Писать и похвала князю Рускомъ Володимеръ, како крестиса Володимеръ и дѣти своа крести и всю землю Рускую ѿ конца и до конца. Писано Инокомъ Мицхонъ». Это Слово, одна изъ немногихъ жемчужинъ нашей древней письменности, издано теперь въ «Извѣстіяхъ по 2-му Отдѣленію Императорской Академіи Наукъ».

103. Списокъ этотъ, судя по языку его, принадлежитъ къ изводу Южнорусскому и, сверхъ того, отличается многими опущеніями и прибавленіями.

104. Сравните съ етѣмъ исчисленіемъ народовъ Православнаго исповѣданія и Славянской грамоты исчисленіе, напечатанное мною

въ первомъ моемъ «Донесеніи Г. Министру Народнаго Просвѣщенія изза границы», помѣщенномъ въ Ж. М. Н. П. 1838 г. Что до сказанія о судьбахъ Православія, стоящаго, въ моемъ спискѣ Кириллова Житія, тотчасъ за стѣмъ послѣднимъ, какъ бы дальнѣйшее продолженіе о томъ, что же стало съ грамотой и Вѣрой, для которыхъ столько потрудился етотъ апостолъ Славяиъ, то въ немъ особенно подробно излагается отношеніе Католичества въ Западныхъ земляхъ Славянскихъ къ Католичеству, начиная съ Войтѣха до Езуитовъ. Вспомогаемые «Господаремъ земли» (Королевъ) и его панами, послѣдніе вслѣдствіи преслѣдуютъ Православныхъ, и «зл оубогимъ Ржскимъ народомъ никто не предстательствуетъ»: они (Езуиты), «не изымаючи рзширснн плоуки Ржси, възшижити и роуъ скон възносати надъ оубогою Ржскою, ѿ которыхъ насъ Къ да издвнати, какъ ѿ вискжнн ихъ Контсхх, иже приалъ издѣк и недра скоя: възиде испрвкѣ его ил глнж ѣмъ оу Пржсехъ», по тому что онъ-то «прекратилъ тѣ земли (Чехы, Мораву, Ляхы и Угры), и плоука стго Кирилл Словенскжю, которн оу Пржсехъ оувиѣнъ бысть, лбо згннжалъ, за прекратность л рхсколъ законж стго, иже иждровалъ надъ Слованы Греускннхъ законжъ, не изымаючи плоуки Ржской Слованомъ, прекратилъ ихъ не оувиѣнъ, но иждителскою и прогнннѣмъ л мордовннѣмъ ѣпнкоу і ерсѣвъ Словенскнхъ», и проч. Стало, сочинителю очень хорошо извѣстно было, что Войтѣхъ первоначально, подобно многимъ своимъ землякамъ, принадлежалъ Православному Исповѣданію, слѣдовательно, было время, когда и онъ не противился ему. Къ етой-то порѣ его жизни относится также и то обстоятельство, на которое указываетъ сочинитель статьи: «Ostatnie pojrzzenie na Polskę średnich wieków». (Pozn. 1851, str. 523—524), т. е., что Войтѣхъ «z siebie samego nauce sławiańskiej i zwyczajowi greckiemu przychylny, chrzcił poganę, z obrędem sławiańskim żył w zgodzie, kiedy sam pragnął w mnichy greckie wnieść». Дѣйствительно, въ Жизнеописаніи его, составленномъ близкимъ къ нему лицомъ (Vita sancti Adalb. per Johan. Kanaparium), умер. въ Римѣ 1004 г.; см. Monumenta Germaniae historica, t. IV scriptorum, ed. J. H. Pertz. Hanov. 1841), находимъ извѣстіе, какъ 'онъ, въ первое свое путешествіе въ Римъ, явился было, однажды, къ Пилу (ум. 1005 г.), игумену Греческаго монастыря свят. Михаила близъ Бара, прося принять его въ обитель, и какъ тотъ отвѣчалъ ему: «Recepissem te, nisi haec susceptio mihi meisque nocitura, tibi tamen minime esset profutura» (cap. XV.). Но въ послѣдствіи, когда возмужалъ и побрался Латинства въ частыхъ своихъ путешествіяхъ въ Италію и

LXIV

пробываніи въ ея монастыряхъ , Войтъхъ перемѣнился , изъ расположеннаго къ Православію сдѣлался преслѣдователемъ его , какъ показываютъ то дѣла его.

105. «Древнія письмена Славянскія», въ Ж. М. Н. П. 1838, кн. VII, Отд. II, стр. 63, 66. Извѣстіе Храбра объ употребленіи Славянами, по крещеніи своемъ, въ Греческихъ областяхъ и сосѣднихъ имъ и Италіи краяхъ Римскихъ и Греческихъ, письменъ по нуждѣ, ни мало не говорить въ пользу справедливости сказанія о существованіи перевода на Рускій языкъ нѣкоторыхъ богослужебныхъ книгъ до Кирилла и Меодія, по тому что это двѣ вещи, совершенно разныя. Въ противномъ случаѣ пришлось бы заключать изъ того обстоятельства, что нѣкоторые простые Българе, особенно торговцы, незнакомые съ Кириллицей, но, по сношеніямъ своимъ, знакомые съ Греками и ихъ азбукой, пишутъ, равнымъ образомъ, по нуждѣ, послѣдней свои счеты, грамотки и т. п., пришлось бы, говорю, заключать изъ этого обстоятельства также о существованіи перевода на языкъ Българскомъ, Греческими буквами писанномъ, или даже изданномъ, т. е., «писменъ безъ оустроенна».

106. Выраженіе «и со днѣфонгами» даетъ намъ знать, что писавшій это смыслитъ коечто и по Латини.

107. Kritischer Versuch zur Aufklärung der Byzantinischen Chronologie, mit besonderer Rücksicht auf die frühere Geschichte Russlands. S. Petersburg 1810, S. 8—12, 14, 57—58, 81, 86, 97, 114—115, 126, 165; 91—92, 96—98, 126, 143; 325—326.

108. Такъ по Нестору, по тому что онъ прежде, рассказавши, о поселеніи Славянъ въ нынѣшней Руси, равно какъ о другихъ народахъ, «иже днѣ дють Рүси», опять обращается къ Дунайскимъ Словѣнамъ, отъ которыхъ они и другіе ихъ соплеменники «разидоша се по зсми», и замѣчаетъ, въ дополненіе къ сказанному уже о нашествіи на нихъ Волѣховъ, о такомъ же нашествіи Българъ изъ Козарин или древней Скиѣи, а за ними о нашествіи третьяго инородца, *Угровъ Бѣлыхъ*, появившихся при царѣ Иракліи, которому, какъ и Обры, помогали противъ Персовъ. Послѣдніе (Обры) даютъ ему случай распространиться о такомъ же нашествіи на Русь, какъ и на Славянъ Дунайскихъ, прежде всего етъхъ Обровъ, слишкомъ сурово обращавшихся съ нѣкоторыми ихъ вѣтвями (Дулѣбамъ), по томъ Печенѣговъ, что, какъ извѣстно, было въ 6423-мъ году или 915, въ 3-е лѣто Игорева княженя, и, кромѣ того, о нашествіи *Угровъ Черныхъ*, которые, однако, только прошли мимо Кіева, еще за 17 лѣтъ до Печенѣговъ, «при Олзѣ». Ясно, лѣточислен-

тельный порядок у Нестора не соблюдень; но во всякомъ случаѣ Угры нашли было на Русь, хоть и не утвердились въ ней, а пронеслись далѣе, на югозападъ, устремились черезъ горы великія, слѣдовательно, въ Паннонію, гдѣ жили тогда Словѣни съ Волъхами, словени, когда-то, покорителями, которыхъ немедленно прогнали и сами съѣли съ Словѣнами, овладѣвши землей ихъ, прозванной, съ тѣхъ поръ по нимъ, землей Угорской. Слѣдовательно, и выше, и сдѣсь говорится объ одномъ и томъ же событіи, равно какъ и объ одномъ и томъ же народѣ, т. е., какъ покоренномъ, Славянахъ, такъ и покорителяхъ, Уграхъ, и стало, Угри Бѣліи и Угри Черніи будутъ одно и тоже. Но по чему же Несторъ въ одномъ мѣстѣ своей лѣтописи называлъ ихъ Бѣлыми, а въ другомъ—Черными? Не по тому ли, что первые дѣйствительно принадлежали въ то время, о которомъ говорится у него о нахожденіи ихъ на «Хоздрѣ, цѣря Перьснаго», къ народу, еще ни кѣмъ не покоренному, свободному, что, обыкновенно, жителямъ Востока и нами, сосѣдями ихъ, выражается цвѣтомъ бѣлымъ («Бѣлой Царь» и т. п.), а вторые, хотя, въ сущности, племя первыхъ, но съ тѣхъ поръ (съ начала VII-го вѣка) до своего движенія къ Карпатамъ, нѣсколько разъ были, говоря тѣмъ же пластическимъ языкомъ Востока и нашего народа, въ черномъ тѣлѣ, т. е., въ зависимости отъ другихъ: Обровъ или Аваровъ, Булгаръ, Козаровъ и т. д.?

109. Это сборникъ, въ 4-ку, бум., подъ названіемъ: «Поехъ или собраніе вещей боговдохновеннаго святаго отца Писліѣа. Яко же поехъ отъ разныхъ земель собирать, такъ и въ сію книжку трудолюбно собрано». Вотъ по чему, стало быть, въ старину называли Пчелой собраніе разныхъ статей въ одно мѣсто (сборникъ или сборникъ). Она писана 1679 году въ Крупичлоуѣ, при храмѣ святителя Христова, Николая, многогрѣшнымъ П. Виноградскимъ, и получена мною въ даръ отъ П. А. К. Достойно вниманію, что это Житіе Владимира заключаетъ уже въ себѣ разныя попытки опредѣлить поближе мѣстность повѣствуемаго въ немъ. Такъ, говоря объ Андрѣѣ Первозванномъ, замѣчаетъ, что онъ, «пришедши изъ горы Кіевскіи, благословилъ ихъ, и крестъ святый на нихъ, гдѣ теперь церковь святаго Симеона стоитъ, поставилъ». Далѣе, о проповѣди апостола Павла говоритъ: «Придзель лѣтописецъ, преподобный Несторъ, же и святый апостолъ Павелъ бывъ. ꙗзухи и проповѣдуи Христаво Священствѣ, къ Мисіи и Плаврику, яко въ Дланіяхъ пишеть: Мисіа зъсь и Плаврикъ Словенскъ есть земля. Потому святый апостолъ Павелъ послалъ Словяномъ ꙗзуки своего, Андроника, единого отъ семидесятъ апостолъ, который ꙗзука і крестнахъ въ Плаврику і Мисіи, то есть къ Болгарехъ,

LXVI

въ Босня и въ Морляхъ, где потомъ въ Папѣи епископомъ былъ». Стало быть, чтеніе «Папѣи» вмѣсто «Папони», довольно было распространено въ спискахъ Несторовой лѣтописи. Замѣчательно, что церковь св. Симеона уже не упоминается въ одномъ, современномъ Круничпольской Пчелѣ, Описаніи Кіева, составленномъ 1692 года въ Кіевской Приказной Избѣ. Сохранилась ли какая память объ этой церкви въ теперешнемъ Кіевѣ?

110. Въ этой книгѣ за Сборникомъ или Мѣсяцесловомъ слѣдуетъ «Правло мелебнѣ, мннхъ на ѣдннхъ, по вса днн» или «Правло Миншеское (съ фѣи по фѣи); далѣе: «Павка и приказы, до уастого сѣсемнго исповѣднѣ грѣхонъ» или «Павка ѿ исповѣди» (по фѣе); за тѣмъ: «Исповѣданіе грѣхонъ своихъ повседневно» или «Мѣтл до Исповѣди» (по фѣл); на послѣдокъ: «Послѣдованіе къ вѣтвенномъ приушренію» (фѣв) и «по Приушреніи» (фѣѳ), а въ заключеніе: «Псхаліа азбуки»; послѣдняя, къ сожалѣнію, вырвана, и по тому неизвѣстно, до какой страницы она простиралась.

111. Тоже безъ выходнаго листа, на фѣз л., идетъ отъ «Полнощницы вседневныя» до «Вопроса ѿ проценіи». Самый «Мѣсяцесловъ» простирается съ тѣѳ по оборотъ фѣѳе, между «Тропарн и Кондаки стѣя ѿ .инцы» и «Псхаліей зрачей».

112. Кромѣ того, въ немъ помѣшены: полная Хронологія до 1833 года, съ присовокупленіемъ хозяйственныхъ замѣчаній, врачебныхъ наставленій и другихъ общепользныхъ свѣденій. Изданіе 2-ое. Кто составитель этого «Памятника», не знаю, но онъ, какъ сказано на заглавномъ листѣ, «умноженъ трудами Александра Кузнецова, а изданъ иждивеніемъ братьевъ Кузнецовыхъ и А. Ерофеева, 595 стр. Въ немъ множество противорѣчій даже собственнымъ своимъ показаніямъ.

113. Особенно послѣднихъ четырехъ.

114. Можетъ быть, коечто изъ второстепенныхъ источниковъ и ускользнуло отъ моего вниманія, но не изъ первостепенныхъ, слѣдовательно, это обстоятельство ни коимъ образомъ не можетъ имѣть важнаго вліянія на произнесеніе окончательнаго сужденія при рѣшеніи разсматриваемаго вопроса, такъ какъ оно должно быть основано на прямыхъ показаніяхъ, отнюдь же не на, такъ называемыхъ, пособіяхъ: «Pluris est oculatus testis unus, quam auriti decem».

115. Въ скобкахъ: (sub sigillis, Archivi secreti apostolici Vaticani, nec non D. Marini, Tabul. Praefecti). Къ сему Бочекъ прибавляетъ еще отъ себя, отъ кого онъ получилъ списокъ етѣхъ посланій папы: «Quarum authenticum exemplar (literarum sub n. LVII) sicuti et li-

terarum sequentium sub n. LVIII et LXI (e cod. Ms. sec. XI minusculis Longobardicis in Monte Cassino pro Tabulariis S. R. E. descripto: оно не относится къ изслѣдуемому нами предмету) Clar. D. Professor, Gregorius Wolny, c. r. legato Romae intercedente, patriae nostrae procuravit. Quum authentia literarum juxta editiones hactenus emanatas saepius in dubium vocaretur, ipsas forma genuina obtutibus sisto». См. Codex diplom. et epistol. Moraviae, I, pag. 40.

116. Добровскаго: «Кириллъ и Меѳодій», въ Руск. перев., стр. 142.
117. «О древнѣйшимъ свидѣтельствѣ, что Церковно-книжный языкъ есть Славяно-Булгарскій», въ Ж. М. Н. П. 1843, кн. VI, стр. 11—13. 118. Несторъ, III, S. 186, 2; въ Руск. пер. II, стр. 476.
119. II, pag. 112—116; *Stritter*, Memor. populor. II, pag. 963.
120. Вопросъ, въ харатейномъ спискѣ этого Слова, хранящемся въ Сборникѣ Московскаго Успенскаго Собора (см. выше прим. 39) стоитъ тутъ «сѣтворѣнѣмоу», что можно бы принять за признакъ того, что списывавшій, зная изъ другихъ рукъ, гдѣ собственно избобрѣтены Славянскія письмена, не осмѣлился поставить этого слова въ двойственномъ числѣ, думая, конечно, гдѣ исправить ошибку, если бы новая ошибка его въ концѣ сего заглавія не заставляла насъ инако быть о томъ мнѣнія.
121. Стр. 85.
122. III, S. III, S. 185; Руск. III, стр. 473—474.
123. Стр. 50—51.
124. Národní zpiewanky Slowáků, sebr. od J. Kollára. V Budině 1834, str. 29.
125. Доказательства егѣ въ первый разъ высказаны нашедшимъ Паннонскія Житія, въ статьѣ его: «Кириллъ и Меѳодій», стр. 405—409; мною же подкрѣплены они сдѣсь еще новыми соображеніями.
126. Шлѣснеръ, въ Несторѣ, III, S. 184, въ Руск. II, 471.
127. Шафарикъ, Slov. starož., str. 828; Руск. пер. II, кн. 2, стр. 352.
128. Тотъ же и тамъ же.
129. «Памятники духовной литературы время Великаго Князя Ярослава 1-го. Москва 1844,» стр. 38, и «Славянорусскія сочиненія въ пергаменномъ сборникѣ И. Н. Царскаго. Моск. 1848», стр. 36, также въ «Чтеніяхъ въ Общ. ист. и древн. Росс.» того года, кн. III-я.
130. *Fraehn*, Ibn-Foszlán und and. arab. Bericht. St. Petersburg. 1823, 27, прим. 75.
131. Тамъ же, стр. 15.
132. Несторъ II, S. 172; Руск. пер. III, стр. 448.
133. «P. Dobner ein wahrer Geschichtsforscher.... legte zu unsern

, XVIII

vorliegenden Untersuchungen einen *Grund*, auf dem ich hier fortbaue». П, S. 152, Руск. пер. 412—413.

134. Въ самомъ дѣлѣ, *Шлецеръ*, сказавши, что «прежде всего, конечно, надобно опредѣлить *время*, въ которое случились сіи достопамятныя происшествія» (посольство Моравовъ въ Царьградъ, изобрѣтеніе письменъ и переводъ Свящ. Писанія на Славянскій языкъ), замѣчаетъ, что «Несторъ ничего не опредѣляетъ, кромѣ того, что Моравскіе Князья отправили посольство къ Им. Михаилу», и по томъ еще прибавляетъ: «но какъ онъ (Михаилъ) былъ убитъ въ 867 г., то этому (посольству) должно случиться, по меньшей мѣрѣ, предъ сказаннымъ годомъ» (слѣдственно, во время Рюрика). Вотъ все его рѣшеніе; дальнѣйшее же заключается въ выпискѣ яко бы Добнеровыхъ соображеній о годѣ пришествія обоихъ нашихъ апостоловъ въ Моравію, случившагося въ первыхъ мѣсяцахъ 863 г., т. е., 1) что, по Легендамъ, оба они пробыли въ Моравіи 4¼ года; 2) отозваны въ Римъ папой Николаемъ; 3) не застали его въ живыхъ.

135. Н. Г. Р. I, гл. III, стр. 66, сжатаго изд.

136. Изд. Кіевск. 1707, обор. стр. 541-й.

137. Явная опіека, вм. 1-й, по тому что папъ съ егѣмъ именовъ всего на всего было только пять: 1-й 858—867, II-й 1058 — 1061, III-й 1277 — 1280, IV-й 1288 — 1262, и V-й 1447—1455. Изъ нихъ, по Фабрицію, II-й 1059—1061, да Антипапа 1328—1330. Jo. Alb. Fabricii, Bibliographia antiquaria. Hamb. et Lips. 1713, pag. 224—225.

138. Словарь историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина Греко-Россійской Церкви, изд. 2-ое, т. II, стр: 57—58. Спб. 1827, а 1-го 1818, II, стр. 422—423.

139. Іоаннъ Ексархъ Болгарскій. Москва, 1824, гл. I, стр. 3—4.

140. Тамъ же, стр. 89.

141. Тамъ же, стр. 87.

142. Кіевъ, 1837 г., стр. 15—16.

143. Стр. 200, примѣч. 386.

144. Я не привожу сдѣсь сочиненія «О языкѣ Церковно-Славянскомъ, его началѣ, образователяхъ и историческихъ судьбахъ», громкомъ и много общающемъ по заглавію, но въ сущности составляющемъ, по собственному признанію автора, только «сборъ и сводъ отдѣльныхъ мнѣній ученыхъ, занимавшихся этимъ предметомъ, при чемъ, гдѣ было надобно и возможно, самъ дѣлалъ выводы, казавшіяся ему наиболѣе правдоподобными». Другими словами, это—компиляція, слѣдовательно, какъ не представляющая ничего самостоятельнаго, не можетъ требовать къ себѣ особеннаго

вниманія, кромѣ упоминанія дляполноты библиографической. Въ ней то хорошо только, что хорошо въ своемъ источникѣ. На стран. 28 говоритъ онъ, въ очеркѣ жизни Кирилла и Меѳодія, что «между 861 и 863 годами, Моравскіе князья, Ростиславъ, Святополкъ и Коцель, прислали къ Императору посольство и просили себѣ учителя, который научилъ бы народъ ихъ читать божественныя книги на родномъ языкѣ, и наставилъ его въ Христіанскомъ законѣ, и что въ 863 году Константинъ и Меѳодій отправились въ Моравію, гдѣ народъ принялъ ихъ съ восторгомъ.» На 30-й: «Четыре съ половиною года К. и М. оставались въ Моравіи, проповѣдывали и отправляли священнослуженіе на Славянскомъ языкѣ». И только. О годѣ же составленія писемъ нигдѣ ни слова, хоть въ оглавленіи 1-й главы и читаемъ: «Мнѣнія о томъ, кѣмъ и когда совершенъ былъ первоначальный переводъ книгъ Св. Писанія на Славянскій языкъ, и когда изобрѣтена была Кирилловская азбука». Но изъ всего, въ ней сказаннаго, выведено то лишь одно, что «Кириллъ и Меѳодій были первыми изобрѣтателями Славянской азбуки и переводчиками Св. Писанія (стр. 17), что они были первоначальными составителями настоящей Славянской грамоты, и что если бы даже до Солунскихъ братьевъ и существовала Славянская грамота и начатки переводовъ, то К. и М. конечно сдѣлали весьма важный и рѣшительный шагъ въ этомъ дѣлѣ, такъ что по всей справедливости имъ принадлежитъ титулъ первоучителей Славянскихъ (стр. 18). А годъ? о немъ обронено слово мимоходомъ только по поводу свидѣтельства папы Іоанна VIII, гдѣ сказано: «Всѣ это (изобрѣтеніе азбуки, литургія, св. Евангеліе и божественныя изреченія Ветхаго и Новаго Завета на Славянскомъ языкѣ) возымѣло начало свое только при Святополкѣ», котораго тутъ же (стр. 15) называетъ «*Божескимъ* королемъ!»

145. Geschichte der böhmischen Sprache und ältern Literatur. Ganz umgearbeitete Ausgabe. Prag 1818, 12, §. 6.

146. Josephi Dobrowsky Institutiones linguae Slavicae dialecti veteris, quae quum apud Russos, Serbos aliosque ritus Graeci, tum apud Dalmatas Glagolitas ritus Latini Slavos in libris sacris obtinet. Vindobonae MDCCCXXII, 8, pag. V, Руск. перев. Спб. 1833, стр. III. «Ad Moraviam et Pannoniam circa annum 863 evocatus Methodius, «noviter inventis Slavinis literis», ut loquitur Anonymus de Conversione Carantianorum, inducto nimirum ritu Slavico id effecit, ut populo vilescerent Missae et Evangelia ecclesiasticumque officium eorum, qui hoc latine celebrabant».

147. Cyrill und Method der Slawen Apostel. Ein historisch-kriti-

LXX

schler Versuch. Für die Abhandlungen der kön. böhm. Gesellschaft der Wissenschaften von den Jahren 1822—1823. Prag. §. 7, S. 42—43, Рус. пер. стр. 30.

148. Boriwoy's Taufe. Prag, 1803, S. 60.

149. Шафарикъ въ «Славянскихъ Древностяхъ» тоже увлекся примѣромъ Ассемани и Добровскаго, на конхъ и ссылается Отд. XI, стр. 811, прим. 74, Руск. пер. Т. II, кн. 2-я, стр. 316.

150. Собрание Словенскихъ памятниковъ внѣ Россіи. Спб. 1827, стр. 2, примѣч.

151. Slov. starož. Okr. II, čl. III, O Slowanech Bulharských, §. 29, str. 588, въ Руск. перев. Томъ II, кн. 1-я, стр. 295—296.

152. По Моравскому Сказанію (Легендѣ) о Кириллѣ и Меѳодіи, равно какъ Житію Климента Булгарскаго и свидѣтельству Диоклейскаго священника, Меѳодій сперва проповѣдывалъ въ Булгаріи у Бориса, а по томъ уже въ Вышней Моравѣ, куда пришелъ въ 863 г., если еще не прежде» (862).

153. Изъ етѣхъ другихъ, однако же, въ 85 примѣчаніи поименованъ лишь Баронъ Розенкампфъ.

154. Въ Отд. о Славянахъ Булгарскихъ, примѣч. 109, Шафарикъ замѣчаетъ: «Въ Сербскихъ лѣтописяхъ обыкновенно показывается 852, а не 855-й, годъ изобрѣтенія Славянской азбуки, что, какъ догадываюсь, произошло отъ порчи лѣточисленія». При семъ ссылка на приведенное мною мѣсто въ изложеніи.

155. Slov. starož, str. 814—823, Руск. перев. II, кн. 2-я, стр. 322 и слѣд. Въ 1834 г. появилась статья въ Нью-Йоркскомъ Журналѣ «Biblical Repertory» etc., за мѣсяцы апрѣль и июль, издававшемся Ед. Робинсономъ, въ которомъ представлено было Американцамъ и Англичанамъ извлечение, озаглавленное: «Historical view of the Slave language» etc., изъ извѣстнаго Шафарикова сочиненія, вышедшаго передъ тѣмъ за 8 лѣтъ, въ Будишѣ, въ Угрии. Сдѣсь мнѣніе сочинителя о началѣ Славянскихъ письменъ передано безъ дальѣйшей оговорки, какъ оно тогда образовалось у него. Такъ какъ статья эта напечатана была въ недоступномъ для многихъ Европейцевъ журналѣ, а отдѣльныхъ оттисковъ было сдѣлано лишь нѣсколько, то, съ одной стороны, это побудило г. E. von O., молодого Прусскаго офицера, перевести его на Нѣмецкій, съ дополненіями изъ его источника (Шафарикова сочиненія) и кое какихъ другихъ, извѣстныхъ ему, сочиненій и издать, спустя три года (1837) подъ названіемъ «Geschichtliche Uebersicht der slawischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten», а съ другою, въ 1852

году гжу Talvj (Teresia, Amalia, Luisa von Jacobi, дочь одного Нѣмецкаго ученаго, служившаго въ началѣ нашего столѣтія въ Россіи, именно, въ Петербургѣ и Харьковѣ, и вышедшую за Американца Робинсона) переизотрѣты вновь свой «Историческій взглядъ на Славянскій языкъ» (ибо онъ принадлежалъ ей) и выпустить особой книгой, съ предисловіемъ своего мужа (въ коемъ изложена исторія всего этого; она переведена на Нѣмецкій Докторомъ Б. К. Брллемъ (Brühl) и напечатана въ Лейпцигѣ (въ б. 8-ку, XII, 346, т. е., 264 для Исторіи, а остальное для Очерка Народной Славянской повѣи, какъ 4-я часть сочиненія), 1852. Въ этомъ сочиненіи высказано тоже самое мнѣніе, что и въ прежнемъ, но уже съ оговоркой: «Wahrscheinlich ging Cyrill nach seiner Rückkehr von dieser Mission an die Bekehrung der Bulgaren. Um diese Zeit, oder kurz zuvor, erfand er, nach Dobrowsky's Ansicht, die slavischen Lettern, und übersetzte während seines Aufenthaltes zu Byzanz die Evangelien. Dies ist jedoch nicht mehr als eine Annahme, welcher von anderen Gelehrten andere Annahmen entgegengestellt werden. Zwischen dem Jahre 861 und dem Jahre 863 kam eine andere Gesandtschaft vom mährischen Fürsten Rostislav an den Kaiser, welcher Fürst nicht nur um einen Lehrer zum Unterrichte seiner Unterthanen im Christenthume, sondern auch im Lesen hat. Die meisten Mähren wurden damals auch getauft. Konstantin wurde, begleitet von seinem Bruder Methodius, nach Mähren gesendet und von dem Volke daselbst mit grosser Freude aufgenommen. Sie führten die slavische Liturgie ein und predigten in slavischer Sprache», u. s. w. (S. 28).

156. Geschichte von Böhmen, Prag. 1836, I Band, S. 118—157. V Capit.

157. «И тебѣ, дорогой Францъ Палацкій, моя сердечная благодарность: подавши мнѣ главную мысль и, нѣкоторымъ образомъ, планъ этого сочиненія, ты по томъ постоянно оставался при немъ, словно своимъ, какъ совѣтникъ и помощникъ». Стр. VI, Руск. пер. VIII. Разбирая въ послѣдствіи это сочиненіе (въ Сас. česk. Muzeum), Палацкій, въ числѣ особенно удавшихся Шафарику Отдѣловъ, ставитъ и Отдѣлъ IX-й, въ которомъ заключается именно изслѣдованіе о Кириллѣ и Меѳодіи, равно какъ и Отдѣлъ III-й о Славянахъ Булгарскихъ.

158. Dějiny národu českého. I, str. 138 — 139. Geschichte von Böhmen, I Bd. S. 121. Изъ прочихъ Чешскихъ писателей: Я. Б. Малий, въ «Dějiny národu českého (V Praze, 8, VI, 190), историческомъ учебникѣ для среднихъ учебныхъ заведеній, явившемся 1849 года, и Чекановичъ въ «Stav a děje národův, na zemi uherské bydlících (díl I, v Praze, 8, VI, 124), 1851, не смотря на перемѣну мнѣнія, объявленную Шафарикомъ еще въ 1848 году, держатся, подобно Палац-

LXXXII

кому, прежняго, повторяя своими выражениями лишь сказанное другими, въ чемъ послѣдній и признается, говоря, что весь рассказъ о Кирилѣ и Меодіи взятъ имъ изъ Шафариковыхъ Древностей и Палацкаго Исторіи народа Чешскаго (стр. 117, прим. 2).

159. Стр. 149—150; 212—213. Въ этой, по объему, небольшой (всего 226 стр., въ мал. 8-ку) исторіи нашей древней Словесности, въ первый разъ обращено должное вниманіе на Рускій языкъ какъ въ изустномъ, такъ равно и книжномъ, его видѣ, что въ особенности замѣчательно въ отношеніи къ родственнымъ нарѣчіямъ, преимущественно къ Церковнославянскому. По сю пору ничего лучшаго не было сказано объ этомъ предметѣ никѣмъ въ нашихъ Исторіяхъ Словесности; говорю, въ нашихъ Исторіяхъ Словесности, а не отдѣльныхъ сочиненійхъ и статьяхъ, изъ коихъ одна изъ замѣчательнѣйшихъ принадлежитъ все же ему, т. е., «Начатки Руской Филологіи». Кіевъ 1848, 8, стр. 212. Можно съ сочинителемъ не соглашаться во многомъ, но вообще всюду проглядываетъ наблюдательный ботаникъ-филологъ, подмѣчающій часто такія, по видимому, мелочи, которыя по томъ обращаются въ основу весьма важныхъ явленій. Очень жаль, что по сю пору не видимъ продолженія обоихъ упомянутыхъ трудовъ. Не ужели и имъ суждено остановиться на 1-ой книгѣ?

160. Слѣдвіе какъ объ этомъ спискѣ, такъ равно и объ означенномъ у Шафарика именовѣ Львовскаго 1-го (въ Предисловіи къ Житію Кирилла Философа), первый сообщилъ Ярославъ (Яковъ) Головацкій въ «Русалкѣ Дитъстровой» (Будимъ, 1837, 12 д), въ короткой вѣдомости о рукописяхъ въ Библіотекѣ монастыря св. Василія Великаго въ Львовѣ, подъ № 14-мъ и 20-мъ, стр. 124 и 126. Первый списокъ помѣщенъ въ Сборникѣ, въ л., на 188 л., въ коемъ л. 165—188: «Паметь и житіе блажнаго оуцителя млшего Константина Философа, пръваго наставника Словенскомоу языку» (конецъ вырванъ), а во второмъ, на л. 366—384: «Паметь и житіе блажнаго оуцителя млшего Константина Философа, перкаго наставника родоу Россійскомоу и всемоу азыку Словенскомоу, списано изъ Библіотеки Хилиндарской Лавры Сергской».

161. Стр. 189.

162. Slovan. star., str. 274, Руск. пер. I, кн. 2, стр. 104.

163. Подлин. стр. 6, перев. стр. 4.

164. S. 86.

165. Mährische Legend., von Dobrowsky, S. 17—18.

166. То же, стр. 17.

167. Въ подкрѣпленіе этого дѣласть слѣдующее примѣчаніе:

«Martinus ille, vir maxime quidem pius, sed habitu seculari, imbecillus admodum et pedibus mutilatus ita, ut a quattuor bajulis, quocumque vellet, deferretur, qui c. 837 Croatas in fide Romana confirmavit (teste Constantino Porphyrogenito) ad illos venerat e Francia, quae inter Chrobatiam et Venetiam media est, i. e., e Carniola seu Histria».

168. Slovanka. Zur Kenntniss der alten und neuen slawischen Literatur, der Sprachkunde nach allen Mundarten, der Geschichte und Alterthümer, von J. *Dobrowsky*. Prag, 1814—1815, 2 Lieferungen, I, S. 72—73.

169. Говорю въ сущности, по тому что въ печатную «Книгу Житій Святыхъ» вошло, собственно, только Житіе Кирилла, а изъ Житія Меодія весьма мало, по крайности, въ сокращеніи; но въ рукописной Четь-Миней оба Житія волиѣ находятся, не говоря уже объ особенныхъ спискахъ того и другаго въ разныхъ сборникахъ и отдѣльно. Стыдно подумать, какъ мало мы, книжники, сами знакомы были съ стѣми двумя Житіями до обнаруженія извлеченій изъ нихъ въ 1843-мъ году, хотя надпись, выставленная на полѣ печатной Четь-Миней: «ѿ различныхъ харатейныхъ Уетій собранныя», должна была бы возбудить въ насъ любопытство отыскать стѣ харатейныя Четив въ ихъ несоображенномъ видѣ. Что намъ во сто разъ доступнѣе было и чѣмъ мы все таки воспользовались такъ поздно, въ томъ нельзя упрекать другихъ, болѣе отдаленныхъ отъ источника. При томъ, Копитаръ могъ находиться въ етомъ случаѣ подъ вліяніемъ своего первообраза, Добровскаго. Вліяніе Добровскаго на Копитара до того простиралось, что онъ ни въ чемъ не измѣнялъ ему, и даже старался найти въ немъ то, чего тотъ никогда не говорилъ, оправданіе своихъ замысловъ и тайныхъ желаній: примѣромъ тому можетъ служить ето мнѣніе, составляющее единственное отступленіе его отъ вѣрваній своего образца. Но въ етомъ обязанъ онъ быть чисто случаю, доставившему ему въ руки одну изъ древнѣйшихъ рукописей Глаголическаго письма какъ по внѣшнему своему виду, такъ и внутреннему содержанію, т. е., буквы коей чрезвычайно отличались самими уже начертаніемъ отъ буквъ Глагольскихъ памятниковъ, извѣстныхъ Добровскому, равно какъ и языкъ говорилъ далеко о древнѣйшемъ времени, нежели вѣкъ, въ коему послѣдній пріурочивалъ появленіе старѣйшаго изъ Глаголитскихъ списковъ. Отдѣлившись въ одномъ, онъ, какъ обыкновенно бываетъ въ такихъ обстоятельствахъ, не зналъ уже мѣры, и, по тому, грездя предположенія на предположенія, дошелъ, подъ конецъ, до того, что рѣшительно отдавалъ предпочтеніе Глаголицѣ передъ Кириллицей какъ по времени появленія, такъ и употребленію ея въ бо-

LXXIV

гослуженіи и т. п. Подозрительный отъ природы, онъ съ постоянной недовѣрчивостію встрѣчалъ все открытія въ области древнихъ лѣтъ, особливо неутомимо преслѣдовалъ тѣ изъ нихъ, которыя не были одобрены его образцемъ: стоитъ только припомнить жалкіе споры его съ Чешскими учеными и язвительныя выходки противъ нихъ. Впрочемъ, онъ былъ въ безпрерывныхъ походахъ противъ какого либо ученаго Славянина, даже противуцѣлаго народа; такъ извѣстны битвы его съ землякомъ его, Краинскимъ Словенцемъ, библиотекаремъ Чопомъ, описанныя, послѣднимъ въ «*Illug. Blatte*» 1833, и особо въ «*Nuovo discacciamento di lettere inutili, das ist Slowenischer ABC = Krieg*». Laibach, 1833; съ Польскимъ графомъ, Дуинскимъ-Борковскимъ, объ «*Editio princeps des St. Florianer Psalterium trilingue*», начатый въ «*Jahrbücher der österreichischen Literatur, Band 67, Jahrg. 1834*», и вызвавший отвѣтъ: «*Zur Geschichte des ältesten polnischen Psalters zu St. Florian bei Linz, genannt der Psalter der Königin Margarethe*». Wien 1835, на что отвѣтъ въ «*Anti-Tartar oder Herstellung des Thatbestandes in Sachen der Wiener Editio Princeps (1834) des ältesten Denkmals der polnischen Sprache, nämlich des polnischen Drittes des (nicht Margarethen=sondern) Elisabeth-Hedwigischen Psalterium trilingue (A. 1300—1370) zu St. Florian in Oesterreich gegen den plagiarischen Roman eines Tartaren. Als Manuscript für Freunde herausgegeben von Leberecht Hassenschelm*». Уже послѣднія слова показываютъ, какимъ духомъ дышетъ отвѣдъ, яко бы изданная въ «*Stockholm, bei A. Bonnier*», хотя на оборотъ послѣдняго листа выставлено: «*Druck von Breitkopf und Härtel*», а подъ статьей подпись «*K*», объясненная въ выходномъ листѣ, въ скобкахъ (В. Коритаръ's), а также и въ самомъ изложеніи. Онъ любилъ прибѣгать къ заугольнымъ продѣлкамъ журналовъ, являясь, однако же, въ отдѣльныхъ отгискахъ для присныхъ предназначаемыхъ, безъ всякаго покрывала. Въ «*Appendix miscellanea philologici maxime et slavistici argumenti*», къ «*Hesychii glossographi discipulus et επιτηρωλασβιστης Russus*», etc., далъ, наконецъ, полный просторъ негодванію какъ противъ старыхъ своихъ, мнимыхъ, соперниковъ, такъ равношрно и новыхъ. Завершеніе же етѣхъ бранныхъ подвиговъ своихъ сдѣлалъ онъ, по увѣренію нѣкоторыхъ, двумя, довольно объемистыми, памфлетами противъ насъ: оба преисполнены самыхъ грубыхъ и недѣльныхъ вымысловъ, самыхъ недобросовѣстныхъ искаженій и толкованій, и т. п. Замѣчательно, что въ томъ же 1844-мъ году, въ которомъ появился послѣдній изъ нихъ, и самъ онъ скончался.

170. Отдѣлъ этотъ даже названъ имъ по тому: «De linguae S. Methodii liturgicae rannonietate». Впрочемъ, та же самая мысль, прямо и непрямо, проводится и въ слѣдующихъ двухъ отдѣлахъ, изъ коихъ 14 озаглавленъ: «De theatro apostolicorum SS. fratrum Cyrilli et Methodii laborum», а 15: «De W. A. Maciejowski ad Slavorum historiam, litteraturam et legislationem commentariis lingua polonica editis Petropoli et Lipsiae 1839, 8, voll. II», также и въ другихъ отдѣлахъ, кстати и некстати.

171. Въ примѣчаніи на концѣ «Appendix» читаемъ: «coeptum imprimi mensi Martio 1839, absolutum Februario 1840», но на заглавномъ листѣ выставленъ 1839 годъ.

172. Slow. star., str. 347, Руск. I, кн. 2, стр. 252.

173. Проф. П. Н. Березинъ въ «Москвитинѣ», 1854 г., № 22, кн. 2, Отд. IV, стр. 70.

174. Миѣніе, по которому цркъ образовано точно такъ же, какъ *Βασιλική* (отъ *Βασιλεύς*, т. е., *basilica, regia, scilic. αυλη*, чертогъ, по томъ судилище, а послѣ исключительно храмъ Христіанскій), т. е., отъ црѣ, откуда цркъ, а тамъ цркъвь, показываетъ плохое знаніе приемовъ сравнительнаго языковѣднія, равно и языковъ, сличаемыхъ между собою. Въ самомъ дѣлѣ, чтобы цркъ произошло отъ црѣ, надо впередъ допустить: а) что заимствованіе послѣдняго далеко раньше въ Славянскомъ языкѣ, чѣмъ первое, по тому что при современномъ нельзя и думать о томъ; б) что Славяне, обраѣзая цркъ, засматривались при этомъ на *βαβιλική*, т. е., справлялись съ Греческой грамматикой, а это—чистая нелѣпость и поклепъ на нашихъ предковъ, которые, какъ извѣстно, такіа Греческія формы всегда передавали согласно съ свойствами своего языка всякой разъ, когда приходилось имъ усвоить себѣ Греческое слово, имѣвшее эту форму; таковы *φωβική*, *ἀριθμητική* и т. п., слѣдов., одинаково съ Латинцами; в) развѣ въ Славянскомъ языкѣ есть прилагательныя на *ы* въ женскомъ родѣ? Или статочное ли дѣію, чтобы Славяне удерживали въ етѣхъ прилагательныхъ и самый родъ ихъ, перенося такіа слова въ свой языкъ? г) наконецъ, если бы цркъ было образовано нами какъ *Βαβιλική*, то оно должно бы имѣть прежде всего форму *цвслркъ* или *цвслрськы*, подъ титлой *црськы*, *црѣкы*, *црѣкы*, такъ какъ црѣ есть дальнѣйшее и позднѣйшее стяженіе *цвслрѣ*. Покажите же намъ напередъ эту мнимую форму въ какомъ ни есть старинномъ памятникѣ, и тогда говорите уже смѣло: «Этѣ происхожденіе, но крайней мѣрѣ, скорѣе можетъ быть допущено, нежели отъ *Kirche* или *ciccu»* (Панлонскаго статья: «Филолог. замѣтки о Русскомъ языкѣ», въ Ж. М. Н. П. 1854, кн. VI, Отд. II, стр. 207, примѣч. 14).

LXXVI

175. Dobrowsky, Slovanka. Prag 1814, I, S. 248. Я не согласенъ съ Добровскимъ, чтобы Славянскія названія дней недѣльныхъ указывали «auf den christlichen Gebrauch». Что въ нихъ такого, чтобы говорило объ етомъ, кромѣ субботы?

176. Сравни. Шафарика. Славян. Древн., стр. 819, Руск. II, кн. 2, стр. 334.

177. Miklošič Vergleichende Lautlehre der slavischen Sprachen. Wien, 1852, 8, Einleit. S. VII—VIII.

178. «Pregled slovenskega slovstva» при «Slovenska slovnica», spisao Anton Janežič, V Celovcu, 1854, 8, стр. 120—129. Увлечение простирается до того, что, когда рѣчь зайдетъ о памятникѣ, изданномъ или разрабатывавшемся Словенцемъ и другимъ ученымъ Славяниномъ, послѣдній либо вовсе пропускается, либо же ставится въ тѣни, какъ это сдѣлано съ Фрейзингенскими отрывками, изданіе и объясненіе коихъ приписано одному лишь Коштару; дагѣ, сочиненія по Церковнославянскому языку Востокова равнымъ образомъ умолчаны, а первымъ во главѣ оказавшихъ услуги въ области этого языка поставленъ Миклошичъ, сочиненія коего названы первымъ руководствомъ къ изученію и вычислены въ преемственномъ порядкѣ: «Na koncu še dostavljamo knjige, po katerih se moremo s staroslovenskim jezikom popolnoma soznaiti; in te so skorej zgolj dela našega preslavnega jezikoslovca, g. prof. Miklošiča».

179. Житіе св. Вячеслава найдено г. *Востоковымъ* въ Торжественникѣ, посвящентъ заглавіе: «Книга нарицаемая Соборникъ», въ 4-ку, на 348 л., полуустав. начала XVI-го вѣка; принадлежить Румянцевскому Музею и описана подъ N. СССРXXXVI-мъ въ «Описаніи рукописей сего Музея» (стр. 692—698). На оборотѣ 54-го листа, подъ 28-мъ сентября, читаемъ: «Въ кѣ днѣ. зъвѣше стго Вячеслава князя Угесьска. Начало: «Се нѣкъ смьса пророцеское слово, еже гдше Гѣ или Ісѣ Хѣ, вѣдетъ бо рече к послѣднимъ днѣ, яко жъ мнимъ свѣд, вѣстаетъ бо братъ на брата своего и сѣтъ на оѣръ свои» Сказаніе это продолжается до 60-го листа. Оно сообщено было нашедшимъ его издателю «Московского Вѣстника», который и напечаталъ оное въ XVII-й книжкѣ этого журнала на 1827 годъ, стр. 82—94, гражданскими буквами, безъ сокращеній и титул. и съ присовокупленіемъ нѣкоторыхъ замѣчаній приславшаго. Спустя 3 года, В. В. Ганка перевелъ его на Чешскій и помѣстилъ въ Čas. česk. Mus. 1830 г., кн. IV-й, стр. 453—463, назвавъ: «Petrohradská legenda o svatém Wáclawu»; къ ней тоже присоединены небольшія примѣчанія, болѣею частью, состояція въ выпискахъ

сходныхъ мѣсть изъ Лаврентійской Легенды, писанной на пергам., въ 4-ку, по Латыни, Лонгобардскимъ мелкимъ письмомъ XI-го вѣка, въ Монтекассино (см. Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde, von G. H. Pertz. Hannover. 1825, V, S. 137). Я тоже нашелъ его въ Макарьевскихъ Четь-Минейхъ подъ тѣмъ же 28-мъ сентябрѣ (л. 1888—1993): «Къ тойже днѣ житіе блжѣннаго кнѣзя Кауеслава вѣдѣщаго. Се шитъ сѣмысьхъ прѣруское слово», и т. д. Оно потеряло уже довольно подъ веромъ списочиковъ и т. и., но во многомъ представляетъ и теперь еще довольно весьма уважительныхъ особенностей. Вообще, Житіе наше (по обомъ спискамъ) замѣчательно также нѣкоторыми подробностями убійенія, неизвѣстными Чешскимъ писателямъ, на прим., о томъ, какъ Людмила, бабка Вячеслава, отдала его, прежде всего, учиться Славянской грамотѣ; о 4-хъ сестрахъ его, изъ коихъ только объ одной говорятъ Чешскіе летописцы, «Прибиславѣ»; о челѣ убійцы (по Чешск. два, а тутъ еще одинъ); смерти нѣкогого Метны, убитаго съ нимъ вмѣстѣ въ Болеславѣ; объ имени пова, *Крестя* или *Красел*, взявшаго тѣло убитаго, положившаго предъ церковью и покрывшаго тонкой плащаницей. Его и слѣдующіе призывки показываютъ, что Сказаніе наше составлено *тотчасъ по совершеніи убійства*, даже прежде *Страхвасова* жизнеописанія его, равно какъ и упомянутой Легенды, вѣроятно, написанной Монтекассинскимъ монахомъ, Лаврентіемъ, на основаніи устнаго разсказа Войтѣха, бывшаго 989 г. въ Монтекассинѣ, любимомъ Итальянскомъ монастырѣ, и украшенной, по обычаю того времени, сильно цвѣтами краснорѣчія. Доказательства мои:

1) Названіе Богородицы просто, по обычаю Запада, *Святою Марією*, *Sancta Maria*: «И възрасте отрокъ, и яко бы оуати емоу колосъ, и призва Коротиславъ Князь Епископа етерд съ ксмыъ клѣросомъ, и вѣкшимъ литургію къ цркви Стыа Марія». Въ Мак. Четьи нѣсколько иначе: «И възрасте отрокъ, и яко бысть ошю его Кратиславъ посадити отрока на своємъ столѣ, смѣтъ въ старѣ, хашше смрти себя, и призвакъ Кратиславъ князи, иже бы тогда въ своен области, і еишы и ксѣтъ приуестъ црквишы, добрыи же и блговѣрныи еишы и потарѣи со ксмыъ клѣросомъ, ошѣтше стоую литургію къ цркви цртыа клѣца нашѣа Кцѣ и црво Дѣвы Мрїа, и кызвѣдше отрока, юстлвниш на стѣпени прѣ олтаремъ, и блгви его еишѣ, сице рекъ», и пр. (л. 1889).

2) Извѣстіе о неудовольствіи Чешскихъ вельможъ на Вячеслава за его малолѣтство и излишнюю, по ихъ мнѣнію, привязанность къ благочестивымъ занятіямъ, а оставленіе дѣлъ государственныхъ.

LXXVIII

Религія его была уже Католическая, отъ чего онъ особенно уважалъ *Божіихъ работъ*, т. е., Римское духовенство, какъ оно всегда называло себя, а, напротивъ, послѣдователей *Православія*, которое, безъ сомнѣнія, имѣло еще своихъ служителей въ Чехіи, если не преслѣдовалъ, по крайности, не отличалъ особенно. Это подтверждается благопріятнымъ отзывомъ сочинителя о Драгомирѣ, матери его, какъ извѣстно, гонительницѣ Христіанъ, полагать должно, Католическихъ. Она таковой сдѣлалась по видамъ политическимъ. Будучи дочерью Стодеранскаго князя, въ нынѣшнемъ Браниборѣ (Бранденбургѣ), Драгомира видѣла, какъ Нѣмцы, подъ предлогомъ Вѣры, старались лишити свободы земляковъ ея; что было тамъ, того могла ожидать она и сдѣсь, въ новой своей родинѣ, и что, дѣйствительно, оправдывалось вторженіемъ императ. Генриха 1-го (928), Птицелова, склонившаго къ себѣ сына ея, Вячеслава, который обязался ему платить ежегодную дань и быть въ зависимости. Такое обязательство повело за собой введеніе Западнаго духовенства въ Чеху и заставило ее съ, младшимъ сыномъ, Болеславомъ, и нѣкоторыми сильными, сдѣлать заговоръ, имѣвшій слѣдствіемъ изгнаніе ея, и потомъ опять возвращеніе. Но какъ Вячеславъ продолжалъ начатое, то и Драгомира тоже не перемѣнялась, то есть, держала восточною сторону Славянскую и, слѣдовательно, сторону послѣдователей старой Вѣры. По этому—то, повторяю, составитель Сказанія такъ отзывается о невинности Драгомиры, хотя она раздѣляла чувства Болеслава: «Иси здѣи, иже вышхъ Клуеслава мноуцили выдати матерь свою безъ вины». Слѣдовательно, Драгомира является намъ совѣтъ въ иномъ видѣ, нежели въ какомъ представляютъ ее Латинскіе источники, т. е., она не была защитницей язычества, какъ язычества; этого нельзя предполагать въ супругъ Христіанскаго князя, вышедши за котораго, разумѣется, должна была и сама отказаться отъ своего язычества, если только еще держалась его до того; нельзя допустить, говорю въ такомъ глубоко Христіанскомъ семействѣ, каково составляли потомки Боривоя; но она защищала исповѣдывавшихъ Славянское Богослуженіе, которое такъ пришлось было по сердцу всѣмъ Западнымъ и Южнымъ соплеменникамъ ея, въ высокой степени благопріятствовало самостоятельному развитію ихъ, охраняло и совершенствовало народность каждаго въ отдѣльности и всѣхъ вообще. Извѣстно, что Римская Церковь, въ увлеченіи своемъ, очень не рѣдко величала Православныхъ *язычниками*, рагані. А какъ рагані у старыхъ означало, собственно, обитателей селъ, простой народъ, долѣе и упорнѣе державшійся своего, роднаго, то и сдѣсь рагані, кромѣ обычнаго своего значенія,

могло также означать и тѣхъ, кои отстаивали старину Славяно-Христіанскую, были, какъ самъ же народъ называлъ ихъ, *старовирами*, хотя они не многимъ старѣе были Латинцевъ. Слѣдовательно, Вячеслава мать, какъ Полабка, не терпѣла Римскаго обряда, уже по тому, что онъ былъ обрядомъ угѣснителей ея прежней и новой родины, и покровительствовала обряду Славянскому, какъ вызывавшему и воспитывавшему народную самостоятельность исповѣдававшихъ его. Иначе, нельзя объяснить себѣ этого особеннаго расположенія къ ней сочинителя Житія ея сына. Скажутъ: «А поступки ея съ Людмилой?» Такъ; но тутъ она дѣйствовала не какъ соперница по вѣроисповѣданію, а какъ соперница по власти, какъ дочь независимаго князя и жена такого же князя, не хотѣвшая унизиться передъ дочерью, хоть и богатаго, но все же простаго, не владѣтельнаго, Чеха, и мало ли еще по какимъ побужденіямъ, порождающимъ и питающимъ соперничество двухъ женщинъ.

3) Названіе: «*Божій ракъ*» вл. духовенства, священства, и т. п., которое столько разъ повторяется въ Сказаніи, указываетъ также, какъ мы уже замѣтили выше, на мѣсто написанія его. Это, какъ извѣстно, обыкновенное и любимое титуло Западнаго духовенства, называющаго себя рабами Божиими. Въ Фрейзингенской рукоп. тоже подается это выраженіе, равно какъ и въ Житіи Кирілла и Мессодія по Паннонскому списку читаемъ, какъ этотъ послѣдній старался расторгнуть бракъ одного богатаго княжескаго совѣтника, женатаго на своей «*коуцетръ*» или ятровѣ. Нѣмецкіе духовные, «*Божій ракъ* творяще са, тзи разкрацахоу и, асклаюче имѣнни ради».

4) Вячеславъ былъ обѣтованъ св. *Емѣраму* (Еммераму): «*Приде дѣи сѣго Емѣрамма, къ нему же обѣщанъ сѣи Кауеслакъ, веселашеса о Коуцѣ*». Въ Макар. Чет. сдѣсь же ниже всюду: «*Аврлама*»: «*Приде же дѣи сѣго Аврлама, к нему же въ вѣлжейшій обѣтъ сконтораше, и веселашеса о Боуцѣ*». Еммерамъ былъ сперва епископомъ Французскимъ, но томъ миссіонеромъ въ Регенсбургѣ, гдѣ и скончался въ полов. VII-го (652, сент. 22) мученически, отъ того особенно чтли его въ Регенсбургской Епархіи. А какъ Чехи тогда, по духовному управленію, принадлежали къ ней, то это могло быть извѣстно только одному туземцу. Въ Регенсбургѣ находился монастырь Емѣрама, куда Болеславъ, спустя 3 года по убіеніи Вячеслава, послалъ на воспитаніе малолѣтнаго своего сына, Страхаса (Моск. В., 1827, кн. XVII, стр. 89, прим. 8).

5) Когда же погребенъ Св. Вячеславъ, «*добрми и праведнымъ владыкамъ*», то «*крови его не хотаци по три дни въ землю нти, въ*

третій же кеуєрь, всимъ выдацимъ, церкви взиде изъдъ нимъ. И дивнѣхса тоу вси, и еше надвемса Козъ, молитвами и благокрѣшею доброго Вячеслава, и болши юудо житиса». Въ Мак. Четв.: «кровь его по три дѣи не руи къ землю ни, въ .г., же дѣи кровь его потребиса, и цркви възде надъ нимъ, всимъ людемъ выдацимъ тоу и дивацнмъ, а и еше издвюреся Козъ и их мѣтвѣ бѣговъриго Вячеслава, болшо юудо вкльшоуся». Ясно, что такъ можетъ говорить только очевидецъ, современникъ: «надвемса», выражается онъ, и при томъ описываетъ только единственное чудо, совершенное тотчасъ Святымъ. Если бъ онъ писалъ нѣсколько позже, на прим., какъ Страхвасъ, и друг., то, конечно, не умолчалъ бы о многихъ другихъ чудесахъ, сотворенныхъ Вячеславомъ и рассказываемыхъ съ такой подробностью прочими его жизнеописателями. Напротивъ, онъ извѣявляетъ одну лишь надежду на будущія чудеса, большія перваго (Тамъ же, стр. 93, прим. 15).

Къ етѣмъ историческимъ доказательствамъ присоединю еще нѣсколько *язычныхъ*, лучше и неопровержимѣ всего говорящихъ о мѣстѣ и лицѣ, которому принадлежитъ этотъ памятникъ.

б) «Бѣ же нѣкто князь великъ славою, въ Уехехъ живимъ». Въ Мак. Четв.: «Бѣ же нѣкто князь великъ и славою честенъ, в Уехехъ живимъ, именемъ Кратислава». Многие Славяне употребляютъ такое означеніе страны именемъ народа; въ ней живущаго, то есть, имен. пад. множ. названія этого народа, но ни одинъ такъ часто и съ такой любовью не привязанъ къ етому, прекрасному, самостоятельному и истинно Славянскому, наименованію, какъ Чехи. И теперь Чехи плече не называютъ свою землю, да и не умѣютъ даже назвать ее, какъ *Чехы*, равнобрно Угрю—Угры, Хорвацію—Хрваты, и пр. Имен. пад. множ. числа именъ народа означиваютъ они плече: Чехи, Угржи, Хрвати, и т. п. И у насъ въ старыхъ памятникахъ, то же, на пр., у Нестора и др., даже еще въ XVII ст.: Запороги, Волохи, Мутьяны, Ногая, и т. п.

2) «Въ то же время оумре Коротислакъ Князь, и поставиш Княза Вячеслава на столѣ дѣдѣинъ». Въ Макар. Чет.: «К то же время оумре Кратиславъ вѣзь, и посадиш и вѣза Вячеслава на столѣ бѣцъ своего Кратиславля». Въ первомъ: «на столѣ дѣдѣинъ» — оборотъ, чисто Западныхъ Славянъ. Восточная вѣтвь употребляетъ въ такомъ случаѣ отнѣй, отеческій, или, какъ стоитъ во второмъ спискѣ уже, «бѣцъ своего Кратиславля», и т. д., но Западная всегда почти *dědinskýj*, *dědinnýj*, *dědinýj*, *dědinskýj* и т. п., то есть, собственно *дѣдовскій*, дѣдичный, по дѣду или послѣ дѣда доставшійся, по томъ

наслѣдственный по праву родства, по предкамъ, отцу, отсюда *dědinník, дѣдичъ*—наслѣдникъ чего по дѣдамъ, наше *отчичъ*; *dědina* — доставшееся по дѣдамъ движимое и недвижимое, особенно состоящее въ поляхъ, нивахъ, и т. п., *haereditas, fundus, proprietas*, далѣе деревня, село, какъ мѣсто жительства нашихъ дѣдовъ, перешедшее къ намъ по праву наслѣдства, и, наконецъ, вообще земля, домъ, *terra, territorium, domus*. У насъ во всемъ отвѣтствуетъ этому *отчина* и *вотчина*, и т. д. Правда, есть нѣсколько случаевъ, что это слово и у Чеховъ замѣняется словомъ *отнй* (на пр., въ Суду Любуши нѣсколько разъ, Вацерадовомъ словарѣ и, можетъ быть, еще кое-гдѣ), равно какъ и у насъ слово дѣднй таиъ и сямъ попадаетъ, на пр., у Нестора: «И живяше Володимерь по устроению отню и дѣдню»; но все это—исключенія, устарѣлые остатки прежняго, а не обыденные обороты, по которымъ только однимъ произносимъ приговоръ языку и народу.

3) «Не же ѹбо всѣа Болеславоу дѣволъ въ сердце, да илюстниша и на брата своего». Въ Мак. Чет. это неже пропущено, а сказано: «и тоже время всѣа дѣволъ, иже изилуахъ неилвида рода ѹбуа, Болеславоу лоукава въ срѣце его, и илюстни его на брата своего, яко же и охлѣнго Стополка, иже советца злое на братію свою въ срѣци своємъ, извѣи братію свою, и прѣимъ власть единъ и Роустен земли, а не вѣдоуще ширенѣа Бѣѣа, яко слоуги бѣѣа не тоуце нечь носить, но и погубель неустыкимъ; тако и тѣи зми советнищи дѣволн, иже советцѣша зла въ срѣцихъ своихъ ѣ Болеславоу на бѣженѣаго кнѣза Качеслава» (л. 1890—91). Очевидно, въ послѣднемъ это мѣсто передѣлано въ послѣдствіи, послѣ такого же убіенія Рускимъ Болеславоу (Святополкомъ) братьевъ своихъ, вызывавшаго, естественно, ссылку на прежде бывшее, слишкомъ за сто лѣтъ, въ Чехахъ. Отъ того, въ этомъ не видимъ уже слова «неже», которое составляетъ чисто Чешскій союзъ, по Церковному «иѣ, но»; теперь оиъ употребляется сокращенно, неѣ, или же неѣли, неѣли, и соответствуетъ во всемъ Южносербскому *него, негъ*. Но Церковнославянское неже, встрѣчающееся въ Остромировомъ Евангеліи, стр. 12 (Іоан. III, 19), 56 (Мат. XVIII, 13), 77 (Мат. XIX, 24), 111 (Лук. XVIII, 25), 290 (Марк. VI, 11), то же, что позднѣйшее нежели, Греч. *ἢ*, и разъ въ значеніи выше, больше (нежели), *ἢπερ*, стр. 43 (Іоан. XII, 43).

4) «Качеславъ же аздаше по гродомъ». Въ Макар. Чет. это мѣсто пропущено, по тому что выше сказано: «Кахоу же сѣснѣи цркви тогда», вм. «Кахоу же свѣснѣи цркви въ всѣхъ гродѣхъ», отъ

того «Кавеславъ ѿздаше по грдомъ», и однажды «ѣха (и) ко Болеславию грдомъ». Форма «ѿздаше» обращаетъ на себя вниманіе. Письменный языкъ Чеховъ не знаетъ ее, за то больше, чѣмъ вѣроятно, зналъ устный, простонародный, судя по тому, что сжатые гласныя и теперь еще не всюду употребляются Чехами вмѣсто широкихъ. Есть много краевъ, въ коихъ слышите: *duša, duši, duše, dušu*, и т. п., вм. нынѣшняго книжнаго и по книжному, большею частью произносимаго, *duše, duši*, и т. д., точно такъ и конц. на мягкое *ě*: *meša, meši*, а не *meše, meši*, и т. д., равно отглагольныя *na-ěe, ve*, склоняются правильно во всѣхъ падежахъ: *šestě, -tia, -tiu*, и т. д., а не *šestí*, почти всюду *í* (пронсшедшее отъ стяженія). Такъ, глаголы простолюдныя всегда скажутъ: *rijū, bijū, mažu*, вм. *rij, bij, maži*. Тѣмъ болѣе это въ употребленіи въ Моравіи, которая, гранича, съ одной стороны, съ Словаками, а съ другой съ Поляками, подкрѣпляется стѣми народами въ сохраненіи широкихъ, по старому. По тому, очень вѣроятно, когда ни будь говорили, если не въ Чехіи, по крайности, въ Моравіи, *ѿзда*, *ѿзда*, какъ теперь Поляки, *jazda*, а глаголь уже *jeździć, jeździeć, jehać*, наст. *jadę*, стар. *jačać*, Серб. и Хорут. *яхати* (верхомъ на лошади), наст. *яшемъ, equito*. Впрочемъ, это послѣднее опредѣляетъ намъ еще точнѣе родину сочинителя Житія, т. е., Мораву.

5)... «и слышкъ л.тоургію, Кавеславъ хотъ ѣхати домокъ къ Празъ». Въ Макар. Чет. опять измѣнено: И ѿслушкъ блжennyи кѣдъ Кавеславъ стоюю литургію, хотѣвъ ѣхати ѿ домъ свои ѿборзъ». Нарѣчіе домокъ, собственно, образовалось изъ дательнаго падежа од. домови, подразумѣвая, или не подразумѣвая, предлоги *къ, ко, до, въ, во*, какъ это бываетъ въ нѣкоторыхъ Славян. нарѣчійхъ, на прим., обоихъ Серболужицкихъ, нѣкогда Древнерусскомъ (у Нестора и др.), и даже въ нашемъ Сказаніи: «и не смѣ нести его къ дому свои, нѣ попоке изѣе омыкше и обокъше и, положиши посѣди церкви»; въ Макар. Чет. прибавлено уже «къ»: «ио ѿ поповъ дворя ѡмыкше и облекше и, и несоши и, и положиши и къ цркви»; или: «и еще иддемса Бозъ», и пр. Въ старину въ такихъ случаяхъ предлоги не ставились. Изъ этого же домокъ произошло, съ одной стороны, наше *домой*, тоже дательный сокращен., употребляемый, обыкновенно, въ нынѣшнихъ Серболуж. нарѣчійхъ, въ коихъ прежде, въ старинныхъ памятникахъ, встрѣчается полное оконч.-*ови (owi)*, равно какъ и въ простонародномъ Чеш., именно въ краяхъ Младоболеславскомъ, Биджовскомъ, Градецкомъ, частію Хрудымскомъ и Кърконошахъ, слѣд., на границѣ Лужицъ и Силезіи, на примѣръ, *hońiboj*, и т. п., а съ другой стороны нынѣшнее Чешское

domu, дому, въ коемъ конечное *u* опущено, а о измѣнено, по обыкн. закону, въ *u*. Но иѣкогда оно употреблялось въ полной своей формѣ, т. е., *domov*: «*Pojed', mili, ruče domov*»;—«*J vzech zmlitku v náruče, otědech s nůj domov*» (Краледв. рук.). Теперь оно также употребляется, но уже въ смыслѣ существительнаго, и означаетъ родину, отечество, жилище, обиталище, и склопается правильно: «*Dostal psání z domova*»; даже просто въ значеніи родной домъ: «*Od domova prýč bití*». Иногда дается ему еще форма средняя: *domovo, domovi*: «*z domovi vyjítí*». Какъ не замѣтить здѣсь сходства въ употребленіи слова *домъ* въ видѣ нарѣчія, безъ предлога, съ древними Греч. и Латин., въ конхъ, однако же, оно имѣеть еще обширнѣйшій объемъ. Можно сказать даже: *domi Virgílii, Ovidii, domi meae, tuae*, им. *in domo* и *domum, domum meam*, ви. *in domum*, между тѣмъ какъ въ Руск. языкѣ только въ свой домъ, туда, гдѣ живетъ, находится временно, или постоянно кто либо; но Чешскій превышаетъ и самые классическіе языки: въ немъ оно перешло въ существенное отличіе употребленія *домъ* въ существ. и нарѣчной его формахъ и заключается въ слѣд.: въ первомъ значеніи болѣе опредѣленное, стѣсненное, сжатое, болѣе вещественное, а во второмъ на оборотъ, смыслъ обширный, нестѣсняемый 4-мя стѣнами, болѣе, такъ сказать, духовный. Вы говорите: «*онъ въ домъ*», и разумѣете при семъ всегда, неизбѣжно, въ етомъ, а не другомъ, домѣ, во внутренности его; а когда говорите: «*онъ дома*», «*онъ пошелъ домой*», то не стѣсняете его извѣстнымъ домомъ, внутренностью его; напротивъ, даете знать, что онъ находится (или отправился) въ извѣстномъ только мѣстѣ своего пребыванія, такъ, что онъ можетъ и вовсе не быть въ домѣ, не имѣть его, а все же находится дома, или пойти домой, можетъ быть въ домѣ, и на дворѣ, пойти въ домъ прямо, и на дворѣ, и т. д. Словомъ, оно прекрасно выражается нашимъ оборотомъ: «*у себя, къ себѣ*». Такимъ образомъ, и здѣсь: «*хотѣ тхати домовъ*», значить *домой*; а для большаго еще опредѣленія прибавлено: «*къ Празѣ*».

б) «Колеслякъ не да سموу тхати домовъ. Молася палуевнимъ смысломъ, мола и глагола: како хоцеши отътхати: ниво цѣло имѣю. Онъ же не оторуетса брату, не тхл домовъ». Въ Макар. Чет. «оторуетса» измѣнено въ «ѡреуетса». «Оторуетса», чуждо теперь Церковно-Славянскому языку, но лучше всего можетъ быть объяснено Чешскимъ *odstrčeti*, отъ *strčiti, -kati*, корень *strk*, а того *trk*, откуда глаголь *trkati, trčiti*, Словац. *trgam*, наше *торамъ, дерямъ*, бить чѣмъ острымъ, рогами и т. п.; двигать туда и сюда;

LXXXIV

драть; торчать; висѣть; прильнуть; бѣжать прытко: «Тako zlutise (Jaroslav), v Tatary trčii».—«Davem trčiji ku braně» (Краледв. рук.). Въ этомъ смыслѣ употребляется и въ Южносерб. «Дотрчао самъ Београду».—«Камо трчиншъ? Отъ сего глагола произведенъ другой, strčeti,—kati, бить, пихать кого чѣмъ острымъ; стиснуть; толкать; бросить; всунуть кому что; свергнуть, сразить; столкнуться; спрятаться; показываться; выглядывать; напоследокъ, отбросить; отчалить. Очевидно, что во всѣхъ стѣхъ значеніяхъ постоянно присуще понятіе чего-то выдающагося, остраго изнутри, которымъ что либо отражается, не допускается, прогоняется и т. п. По этому: «омъ же не оторүеся», значить, не сталъ противъ него *торцельмъ*, не отказалъ ему, не противился», и т. п.: «Ne odstrčil modlitby mé od sebe» (Br. žal. 66, 20).

7) «Фѣи же извѣнш, а дрозѣи развѣгошса по земкамъ, а младенци извѣнш его»; и ниже: «Разсѣкоша его, и младенци его извѣнш. Тутъ «младенци» не значить паше и Церковное *младенецъ*, infans, но соответствуетъ нашему *молодецъ*, что кое-гдѣ и употребляется; *mládec*, но съ нарращеніемъ *en* еще больше уменьшено; третья форма *mládek* и *mladík*. Всѣ етѣ формы постоянно значать молодецъ въ обширномъ смыслѣ, Лат. juvenis,—nis,—nalis, adolescens, т. е.: а) уже не дѣтя, но молодой до возмужалости (30 лѣтъ), парень; б) оруженосецъ, благороднаго и неблагороднаго происхожденія; пажъ, чюра, гридень; в) неженатой: «Jest ještě mládenec»; г) дѣвственникъ; д) бояринъ на свадьбѣ; е) старой холостякъ (starý mládenec); ж) прикащикъ, сѣдлецъ; з) слуга вообще, особенно у господъ. Для нашего *младенецъ* Чехи употребляютъ слово mládě, mlad'atko, и т. п., хотя и то иногда означаетъ вообще *молодаго,—дог*. Въ старину же у нихъ и mládenec значило infans, pullus, на пр.: Svú ženu a dva mládence jsem ztratil». Prikl. z kron. rkr. 139.—«Z úst mládencov, ex ore infantium et lactantium». Ms. Ps. 8, 3;—«Orlice mládence své, aquilla pullos suos». Ms. Ps. 162. Deut. 32; послѣ, мало по малу, раздвигалось значеніе этого слова и переносилось также на другіе возрасты, что неудивительно при необыкновенной склонности Чешскаго народа къ уменьшительнымъ. Слѣдовательно, и здѣсь будетъ оно означать непосредственныхъ служителей князя, разумѣется, въ лѣтахъ юношескихъ, оруженосцевъ, пажей, въ Монтекасси. Легендъ *palatini*, придворные слуги, отвѣчающіе Церковному и у нашихъ предковъ «*отроки Княжескіе*», называвшіеся иногда *молодые*. Это-то слово заставило А. Х. Востокова сказать, что Жлтіе сіе «переводъ съ Богемскаго», что, по моему мнѣнію, совершенно на оборотъ, хотя дѣйствительно, слово это внесено въ него сочините-

лемъ изъ Чешскаго языка, слѣдов., оно показываетъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, что составитель былъ природный Чехъ и, пишучи по Церковнославянски, противу воли употреблялъ и выраженія своего языка, какъ это же самое замѣчаемъ у Сербскихъ и Русскихъ писателей въ ихъ Церковнославянскихъ сочиненiяхъ.

8)... «слоужн бо смоу гокънѣмъ и съ страхомъ». Ясно, что тутъ гокънѣмъ употреблено не въ смыслъ нашего *говнѣнѣ*, т. е., воздержанiя отъ пищи, пвтiя и т. д., но въ томъ, въ какомъ оно поставлено въ сложныхъ Церковнославянскихъ, *блгоговнѣнѣ*, — *мын*, — *говѣнѣ*; послѣднее дѣйствительно и находимъ въ Макар. Чет.: «слоужнтемъ бо въ Кбѹ со блгоговнѣмъ и со страхомъ», и въ какомъ употребляется и теперь еще въ Чешскомъ, именно: уважать, чтить, почитать; даѣе же, потакать, благопрiятствовать, сообразоваться съ чѣмъ: «*Más li dobytek, hověj tu!*» похлѣбствовать, снисходить: «*Dobrym škodí, kto zlým hověj*»; щадить, беречь: «*Stavěj, žádným nákladům ne hověj*».

Впрочемъ, «Сказанiе ето», — говорить г. Востоковъ, — «по видному, внесено въ Прологъ (сент. 28) сокращенно и съ отъѣнами». Помянутое сокращенiе встрѣчается уже въ рукописныхъ Прологахъ первой половины XV-го в., на пр., въ пергаменномъ 1442, принадлежащемъ Имп. Публичной Библ. и въ Макар. Четъ — Миней подъ тѣмъ же 28-мъ сентября, въ двухъ спискахъ: одинъ предпосланъ етому, болѣе подробному, на л. 1872 — 1873, а другой послѣ, на 1895 — 1896, подъ заглавiемъ: «Въ тои же днѣ стрѣтъ стго Вячеслава кнѣза Ушьскаго». Нач.: «Подобно есть вѣдати преже оубство и столъ стго мѣнка Вячеслава. «Сен въ снѣ Вратислава Ушьскаго кнѣза, и пр. Но полное, какъ оно тутъ есть, должно быть составлено гораздо прежде. И такъ, нѣтъ ни какого сомнѣнiя, что Житiе ето сочинено въ самой Чешской землѣ, и при томъ Чехомъ. Въ то время, въ которое оно, по изложеннымъ признакамъ, должно быть сочинено, т. е., тотчасъ по убiенiи Вячеслава, Чехи мало еще писали на своемъ языкѣ, а могли писать только или на Церковнославянскомъ, или же Латинскомъ, какъ и дѣйствительно Болеславовъ сынъ, Страхъвасъ или Христанъ, описалъ послѣ смерть своего дяди на послѣднемъ. И возможно ли, чтобы онъ, или кто другой, не упомянулъ о существованiи Чешскаго подлинника, если бъ былъ такой когда? А что никто не говоритъ о Церковнославянскомъ подлинникѣ, то это понятно само собою: тогда Латинское духовенство сильно старалось истреблять все, сколько ни будь напоминавшее ему и народу ето Писовѣданiе. Въ пользу глубокой древности Житiя сего, т. е., написанiя его въ X-мъ вѣкѣ, говорить и то обстоятельство, что сочинитель

LXXXVI

Сказанія: «О святоу моуѣеникоу Борнса и Глѣбѣ», упоминаетъ и о мученіи Вячеслава князя, на пр., слѣд. мѣсто, выписываемое Восточными: «Помышляше во себѣ божьими Борнса мѣнѣе стго Пикиты и страсти стго Вячеслава князя». (Опис. Румянц. Музея, стр. 693). Стало, Житіе его перенесено было къ намъ, потерпѣло нѣсколько передѣлокъ какъ въ сущности изложенія, такъ и самомъ вышшемъ видѣ, даже языкѣ. На этотъ послѣдній указываютъ: а) формы, чисто Рускія, замѣнившія прежнія, на пр., названіе князя Вратислава *Воротиславомъ*, а Драгомъры *Дорогомироу*, хотя въ спискѣ Макарь. Четъ-Миней: «Вратиславъ» и «Драгомъръ»; б) измѣненіе имени города, въ который Вячеславъ былъ отданъ отцемъ своимъ для ученія Латинскимъ книгамъ, *Будечъ* въ *Будучъ*, *Будичъ*. «И вѣда и баба своя, Людмила, илючити книгамъ Словенскимъ по слѣдоу поковоу, и ильвѣе развоумъ доверъ. Отсѣди же Коротиславъ въ Боудочѣ, и илуд отрѣкъ оучитиса книгамъ Латынскимъ, и илючиса доверъ». Въ Макарь. Чет.: «И вѣда его баба своя, Людмила, оучити книгамъ Словенскимъ, послѣдоу своимъ оучителю доверъ, и ильвѣе развоумъ всемъ кворѣзъ; ѿсѣди же и илѣзь Вратиславъ въ Будичѣ, и илудѣе отрѣкъ оучитиса книгамъ Латынскимъ, и илючиса доверъ». *Христанъ*... *filium suum... Wenceslaum... in lege divina litteris imbuendum tradiderat in civitatem, quae Budecz vocabatur.* Vita S. Ludmillae. Вообще, сочинитель Житія Вячеслава хвалитъ успѣхи его въ ученіи: «И възложи Богъ благодать такоу на Вячеслава Князя, и илуд оумѣти книги Латынскія яко же доверы епископъ, или поилъ, да аще а възмаше, и Греуескія книги, или Словенскія, проумѣше а кнѣзь безъ блазид. Не токмо же книги оумѣше, но крѣоу совершилъ, всемъ оубогимъ добро ткораше». Въ Макарь. Чет.: «И възложи багть сицевоу на Вячеслава кнѣзя, и илуд оумѣти книгамъ Латынскимъ или яко же епѣлъ, или сѣйинкѣ, да аще возаше (възаше) Греуескыя книги и Словенскыя, и умѣше вѣкъ совъ безъ блазид (въ рук. испорчено: «соблазид»). И не токмо книгамъ оумѣшеть, но и крѣоу совершилъ, всемъ оубогимъ добро дѣшеть». Тутъ второе и употреблено вмѣсто «или», отъ «или, или» что теперь южные Сербы часто дѣлають, особливо въ Далмаціи, да это подверждается и слѣдующимъ за и или. в) «Греуескія» стоитъ въ обонхъ, конечно, вмѣсто «Латынскія». г) «Състыже Болеславъ въ воротѣхъ», вм. «вратѣхъ», какъ въ Макарь. Четъ: «И постиже и Болеславъ во вратѣхъ. д) Господинъ, вм. господине, хотя въ Макарь. Четъ-Миней въ этомъ мѣстѣ «гдѣ»: «Вячеславъ же охрѣвса и реуе: доверъ дѣи, гдѣ, вѣрѣхъ», вмѣсто, какъ въ Румянц. спискѣ: «Добръ въ намъ, господинъ, вѣуеръ»!

Г. Востоковъ, въ «Описаніи Румянц. Музея», на стр. 454 и 456, упоминаетъ еще о двухъ Житіяхъ Вячеслава, одно въ Прологѣ первой половины года, съ сентября по февраль, въ л., 502, полуустав. XVI-го в., сентября 28: «Стръѣ сѣго Вячеслава кнѣза Уешснаго»; а другое въ Прологѣ же второй половины года, съ марта по августъ, въ л., 460 л., небрежнимъ Рускимъ полууст. конца XV-го или начала XVI-го стол., именно подъ: 4-мъ марта: «Принесете мощи сѣго Вячеслава князю». «Начало: «Бѣ князь и Уаскъ праведенъ, именемъ Вячеславъ, рождеша ѿ хрѣтиному родителю, ѿца Братислава, мѣн же Дорогомръ». Это другое Проложное сокращеніе, на перенесеніе мощей, составлено чрезвычайно коротко. Названіе Воротислава или Вратислава, отца Вячеслава *Братиславомъ*, точь въ точь, какъ въ Монтекассинской Легендѣ, Lectio II: «Quodam igitur tempore *Bratesclabus* quidam regali insigniter potiens». Изъ *Братиславъ* образовалось, по известнымъ законамъ Чешскаго благозвучія, *Břetislav*, въ старину, какъ въ Рускомъ, *Браунславъ*. Но въ этомъ же Проложномъ Сказаніи по одному списку Макарьевской Четъ-Мини правильно, по другому «Ростиславъ». Первый списокъ на л. 66, а второй 71-мъ: «Къ томъ же дѣнь (.д. марта) пренесеніе мощи сѣго Вячеслава, кнѣза Уешснаго». Въ 1-мъ начало: «Томъ бѣ кнѣзь и Уескъ праведенъ, именемъ Вячеславъ, родися ѿ хрѣтиному родителю, ѿца Вратислава, матере же Дорогомръ»; а во 2-мъ: «Бѣ кнѣзь и Уешъ праведенъ, именемъ Вячеславъ, рождеша ѿ хрѣтиному родителю, ѿца Ростислава, матере же Дорогомръ».

Что до *Церковной пѣсни*, то, по мнѣнію Юнгмана (*Historie literatury české. V Praze 1849, 2 vydání, str. 16*) и Шафарика (*Wýbor z literatury české. Díl I nı́, str. 28 — 29*), она твореніе либо Кирилла и Меѳодія, либо же непосредственныхъ учениковъ ихъ, и по тому составляетъ первый и самый древнѣйшій памятникъ введенія Христіанства въ Чешскую землю, тѣмъ болѣе, что уже Козьма завѣряетъ насъ въ томъ, что ее пѣли ужъ при посвященіи перваго Прагскаго епископа, Дитмара, 973-го года, слѣдовательно, она не могла быть произведеніемъ Войтъха. Она, какъ я сказалъ въ изложеніи, во всѣ вѣка пѣлась, и теперь поется, въ торжественные случаи, въ Чешскихъ храмахъ. Впрочемъ, старѣйшій списокъ ея, по сию пору отысканный, не восходитъ далѣе XIV-го столѣтія (1397, въ Прагской Университет. Библиотекѣ, подъ зн. XVII, F. 30). Тогда же (въ концѣ XIV в.) *Янъ изъ Голешова* считалъ уже нужнымъ написать на нее объясненіе, которое *Болемучій* напечаталъ въ «*Rosa Bohemicae*», по съ ошибками; по томъ многіе много разъ издавали ее. Шафарикъ въ

LXXXVIII

«Выборъ» помѣстил ее въ тройкомъ видѣ, предполагаемомъ Церковно-славянскомъ, далѣе, какъ уцѣлѣла въ устахъ Чешскихъ, и, на- послѣдокъ, въ Латинскомъ переводѣ. Вотъ первые два:

I.

Господи, помилуй ны!	Hospodine, pomiluj ny!
Исусу Кресте, помилуй ны!	Jesu Kriste, pomiluj ny!
Ты, Спасе всего міра,	Ty, Spase všeho míra,
Силси жь ны, и оуслыши,	Spasi ž ny, i uslyši ž,
Господи, гласы наша!	Hospodine, hlasy naše!
Дай намъ вьсѣмъ, Господи,	Daj nam všem, Hospodine,
Жизнь а мѣръ въ земи!	Žizn a mir v zemi!
Крешь, Крешь, Крешь!	Krleš, Krleš, Krleš!

Удивительно, какъ въ теченіе такого долгаго времени (почти 1,000 лѣтъ) такъ мало еще измѣнился подлинникъ отъ безпрестаннаго употребленія въ живой рѣчи Чеховъ. Вся разница только въ словѣ *Hospodine* вм. Господи, да одной фонетической особенности («*vdět*» вм. «*всѣмъ*»). Крешь же есть Греческое «*Κύριε ἑλέησον!*»

180. Собраніе Словенскихъ памятниковъ, находящихся внѣ Россіи, составленное П. Кеппеномъ. Спб., 1827, стр. 21—24.

181. Въ такъ названномъ «*Nachschrift*» къ разбору его «*Josephi Dobrowsky, Institutiones linguae Slavicae dialecti veteris*» etc. (S. 66 — 97). Этотъ «*Nachschrift*» сдѣланъ по поводу полученной имъ отъ двухъ Русскихъ путешественниковъ, П. П. Кеппена и Березина, XVII-ой части «Трудовъ Общества любителей Россійской Словесности при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ» (Москва, 1820 г.), въ которой помѣщено «Разсужденіе о Славянскомъ языкѣ», А. Х. Востокова. Представляя 10 выводовъ изъ этого изслѣдованія, и привѣтствуя въ немъ деницу настоящей Древнеславянской Филологіи на восточномъ небосклонѣ Славянскихъ земель, Копитаръ, съ своей стороны, считалъ нужнымъ сдѣлать замѣчанія на три положенія Востокова (7, 8 и 9, по собственному своему исчисленію), именно: объ окончаніяхъ *ъь* и *ьь*, о *gz* и о носовыхъ звукахъ. По поводу послѣднихъ возражаетъ, что остатки ихъ сохранились не у однихъ только Булгаръ, но также и у Хорутанцевъ, и, въ доказательство того, ссылается на 9-ть четвертокъ Сѣверо-Хорутанскаго «*Vademecum*» одного Фрейзингенскаго миссіонарія, и относитъ составленіе этого памятника, по всей вѣроятности, ко времени докирилловскому: «*Ferner, nicht allein die Bulgaren haben Reste des Rhines-*

mus, sondern auch die Karantaner, wie aus den unschätzbaren Quartseiten des nordkarantanischen Vademecums eines Freysinger Missionars erhellt. Въ примѣрѣ приводить изъ трехъ отрывковъ первый, какъ кратчайшій, сперва дословно по подлиннику, за тѣмъ Кириллицей, какъ бы тотъ же самый миссіонеръ написалъ ею это, и въ заключеніе, прибавляетъ подстрочный Латинскій переводъ; тамъ и сямъ, въ выпискахъ, дѣлаеть нѣсколько небольшихъ примѣчаній. Спуста нѣсколько лѣтъ, онъ повѣстель, въ своемъ «Glagolita Clozianus», на стр. XXXIII—XLVIII, подъ числ. XXXI-мъ, всѣ етъ отрывки, какъ «Specimen dialecti Carantanicae sec. X: Monumenta Frisingensia tria explicata et illustrata». Тутъ, прежде всего, изложена имъ исторія открытія ихъ, между прочимъ, какъ Добровскій отказался отъ объясненія, предоставляя ету честь ему, природному Хорутавцу, и какъ онъ, не имѣя досуга, не могъ того сдѣлать, между тѣмъ Кевенелъ и Востоковъ такъ хорошо это выполнили въ «Собраніи Словенскихъ памятниконъ, находящихся виѣ Россіи, изд. въ Слб. 1827 года», что ему осталось только привести списокъ съ нихъ (*διαγραφοῦ*, Facsimile), полученный имъ отъ В. А. Гумбольдта: «sed degerat otium; nosque non invitos, imo gratulantes praeverere amicissimi Russi, P. Köppen et Al. Vostokov, qui A. 1827 inter alia monumenta slavica etiam haec Frisingensia edidere Petropoli non solum sculpta omnia, sed explicata summo studio, et scientia mirabili. Ita ut nobis vix restet aliud, quam illorum rarioris apud nos editionis nostris reliquis monumentis partem maxime necessariam fideliter e nostro διαγραφῶν, adijcere» (р. XXXIV). Представивъ каждый отрывокъ, какъ онъ есть, какъ слѣдуетъ читать по его мнѣнію, далѣе, какъ нужно написать по правописанію Остромирова Евангелія Кириллицей, и, въ заключеніе, дословный Латинскій переводъ, Копитаръ приводитъ мнѣніе Добровскаго о нихъ изъ письма къ нему отъ 21-го ноября, 1826 г., свои на него замѣчанія, описываетъ внѣшній видъ ихъ, правописаніе и прибавляетъ «commentariolus», далеко во всемъ уступающій объясненіямъ Востокова, и проч. Тутъ же встрѣчаемъ и слѣдующее его мнѣніе о «Поученіи ихъ о змать св. апостола Марка»: «Nos uno fortasse argentibus illorum (Кёппена и Востокова) reperta, quod historia Frisingensi duce scriptorem codicis non dubitamus esse ipsum Frisingensem Episcopum Abrahamum, Carantanum, qui A. 957—994 sedit in Frisingensi cathedra». (Glag. Cloz., pag. XXXIV).

182. Тамъ же, стр. XLIV.

183. Первое сзаявлено такъ: «Злиовѣдшихъ о прздвннцехъ, Климента сѣла Словянскыя, сегда хотише въ стѣа дѣи апѣлѣ, ли мѣнѣтъ; ли стѣа, несоучение въ людѣмъ». Начало: «Аа есте вѣдоуѣе, брѣе.

ХС

яко днь есть праздникъ стго, нѣрка, да събертеса въ цркви на ѡтвоу, якоже рѣ въ стѣмъ свѣдѣннѣ, и пр. Второго же заглавіе: «Поученіе стго (или «сѣйна») Климента на стое въскресеніе». Начало: «Дължны есмь, братна, празднику бжннѣ устити, въздржащеса отъ всякого зла, оубвгающе ѿ всякою нечѣтоты», и пр. То съ оборота 23 по 25 безъ малаго, а ето съ обор. 26 почти до начала оборота 28 л.

184. Сборникъ етотъ въ 4-ку, писанъ четкимъ полууставомъ, видѣ переходящій въ уставъ, оправленъ вновь въ доски, покрытыя кожей, съ застежками, и заключаетъ въ себѣ, между прочимъ, еще «Антиоховы Пандекта», но не полныя.

185. Сколько могу припомнить, въ бытность мою секретаремъ Общества исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ, изданіе ето начато было уже печатаніемъ.

186. Такъ, заглавіе нашего поученія: «Поученіе изъимать аїма или мѣнка». Поученіе, стоящее въ рукоп. Сергіево-Лаврской Библіотеки передъ нимъ, озаглавлено такъ: «Злоукданна о праздницехъ Климента сѣна Словѣнска, гдѣ хоташе въ стѣмъ днѣмъ збавъ, ли мѣнкъ, ли стѣмъ поученіе къ людѣмъ». Что до имя рекъ, то вотъ примѣры его изъ сихъ двухъ поученій; изъ перваго: «да въмѣдентъ радующеса къ бесконукуноую рѣдѣсть, къ бѣсмѣртннѣи животъ, къ неиздрѣченнѣиую вѣдѣстоу, имъ же жѣлѣма бжннѣи съ мѣнкъ Хбъ, нѣма, подигноуѣса житиѣ сего сладѣи повратѣ», и пр. И ниже: «Постъ же истиннѣи сѣ естѣ, не тѣмко отъ вѣрннѣи въздржатѣса ли ѿ питѣи, изъ всякого грѣха бѣгати, акы рѣтъннѣи гоубаща дшю свою, и томити плѣтъ свою стѣмнѣи и мѣнкамъ Хб ради, ими же съ бжннѣи, нѣма, подигноуѣса. предъла плѣтъ свою на стѣтѣи и на рѣнѣи и смѣртъ помоснѣиую Хб ради, Сїѣ бжннѣи», и пр. Изъ втораго, начало: «Да естѣ въздоуѣса, бжннѣи, яко днь естѣ праздникъ стго, нѣма, да събертеса въ цркви на ѡтвоу», и проч.

187. Смотря выше примѣч. 179.

188. Slovan. starož., str. 822, Руск. II, кн. 2, стр. 340 — 341, прим. 117.

189. Для исторической послѣдовательности замѣчу, что мѣчѣніе ето Копитаръ высказалъ въ первый разъ еще въ разборѣ своемъ Добровскаго «Institutiones linguae slavicae dialecti veteris», помѣщенномъ въ «Jahrbücher der Literatur» Wien, 1822, Jahrg. XVII, Jan.—März, S. 66 — 107, и отдѣльно отпечатанномъ въ небольшомъ числѣ. Тутъ, на стран. 71 — 72 (или 7 — 8), читаемъ:

«Aber, wenn man anderseits bedenkt, dass 1) ausser den Illyriern, im Süden der Donau, und zwar in *Pannonien* dem eigentlichen Kirchensprengel Method's, der hier an die dreissig Jahre im Weingarten des Herrn arbeitete, am südlichen und östlichen Abhange der nobrischen und julischen Alpen, längs den Flüssen Save, Drave, Mur, Rab u. s. w., zwischen der Kulp und der Donau, noch jetzt auferthalt Millionen der ältesten slawischen Metanasten leben und weben, der Sprache 2) *der kirchenlawischen noch jetzt näher ist*, als die illyrische; bedenkt man 3) dass, nach den damaligen Sitzen der Südslawen, Cyrill und Method das Serbenland mit keinem Fusse berührten, sondern den Chroniken zu Folge nur durch das Land der Bulgaren reisten; dass 4) die Chroniken und Legenden nur von Bekehrung der Chasaren, Bulgaren, *Slawen in Pannonien* und Mähren sprechen; dass also 5), da nur die *Bulgaren* und die *pannonischen Slowenen* als berechnete Prätendenten übrig bleiben; aber endlich 6) ausser der grössern Sprachähnlichkeit auch noch besonders *Germanismen*, wie *oltar* (Altar), *kr'st* Christ, *kr'stili* christen (taufen), *cerky* Kirche, *pop* wohl zunächst von oberdeutschen Pfoff (Pfaffe), *mnich* Mönch, *post Faste*, *goneznu* genesen, *stol* Stuhl, *Rim* (vgl. Römer), *ocet* (acetum), *upvati* hoffen, *penez* Pfennig, *plastyr* Pflaster, *plug* Pflug u. s. w. Germanismen, die wohl in *Pannonien*, nicht aber in *Möscien* natürlich sind, *entscheidend für Method's Diöcesanen* sprechen: so lässt sich's nur aus der heutigen literarischen und politischen Zerstückelung und Unbedeutendheit derselben erklären, wie man sie, bey Lösung der Frage, in der Ferne so ganz vergessen konnte. Denn «der Historiker ist», wie schon *Thunmann* bemerkt, «oft eben so ungerecht, wie der gemeine Mensch: er verachtet den, der nicht im Glücke ist». So wäre denn *Method's Sprengel zugleich auch die wahre Heimat der von ihm zuerst zur Schriftsprache erhobenen slowenischen Sprache!* Und die heutige Sprache der Nachkommen seiner Diöcesanen in streitigen oder zweifelhaften Fällen mit Nutzen zu befragen! Denn kaum war diese Sprache durch Method zur Schrift und Kirchensprache geweiht worden, als sie nach seinem Tode vor *Wiching* u. a. Gegnern gleichsam landflüchtig werden musste, und nur bey entfernteten Verwandten Aufnahme, Schutz und Pflege fand. Kein Wunder, wenn sie in der Fremde manch Fremdes angenommen; ja, dass dessen im Ganzen nicht viel mehr geworden, ist nur aus ihrer heiligen Bestimmung und ihrem von Method und seinen Gehülfen fest aufgefasstem Typus zu begreifen. Method's heilige Bücher wurden nämlich im Ganzen mit frommer Gewissenhaftigkeit genauer abgeschrieben, als sonst bey profanen Gegenständen von sprachverwandten Abschreibern zu ge-

schehen pflegt, und nach dem Typus derselben die slowenische Literatur, mit Hintansetzung der Muttersprachen, selbst von gebornen Serben, Bulgaren, Wallachen, Russen u. s. w. fortgesetzt,—bis, durch stufenweise allgemeinere Kultur, erst seit gestern und ehigestern, die Landessprachen ihr Recht geltend machten, auch Schriftsprachen zu seyn; hier früher, dort später, nach Umständen: aber überall natürlich später, als dort, wo (wie bey den Katholiken) die Redesprache nicht erst eine heilige Kirchensprache zu beschwichtigen hatte. Man denke an die Literatur der Böhmen, Polen, Illyrier latini ritus, Krainer, Kroaten u. s. w., davon die jüngsten an dreyhundert Jahre zählen; während die Russen erst seit etwa hundert Jahren ihren Dialekt schreiben, und die Serben, die noch bis auf diese Stunde um die Rechte der Muttersprache streiten müssen, nicht so wohl gegen die alte Kirchensprache, als gegen einen Makaronismus, der entsteht, wenn Leute, die die Kirchensprache aus schlechten Grammatiken oder sonst schlecht gelernt haben, Altes und Neues durcheinander mengen, um sich doch von Unstudirten zu unterscheiden, und so Jeder seinen individuellen Makaronismus für Schriftserbisch verkauft. Ясно, что онъ въ послѣдствіи долженъ былъ отказаться отъ нѣкоторыхъ словъ, выдаваемыхъ имъ за перешедшія изъ Нѣмецкаго черезъ посредство своихъ Панцицевъ, каковы: gonesnu, stol, Rim, upvati, plastyr, plug.

190. «Nos interim rideamus *scholam historicam* Bohemiae, in qua *Palackus* se et *Schaffarikum* statuit summi *Dobrovii* successores. Videmus quidem sedentes hos *ambos* in cathedra unius *Dobrovii*, sed negamus esse *successores*, quales e. g. fuere *Aristotelis* aut *Platonis*, continuantes doctrinam magistri. Nam quid commune *vigilantissimo Dobrovio*, cum his *sonniatoribus*, quid luci cum tenebris, quid summo Critico, ne dicamus *ὄφρριπιτινῶ* cum summa et impudentissima vel *ἀντισίῃ* vel *hypocrisi*! Sunt igitur nec *vocati*, nēdum *electi*, sed *ἀντικλήτοι*, i. q. Russis самозванцы. Certe *Jacobus Grimm* (Göttingische gel. Anzeigen 1837, № 33) gravissimo iudicio, sed ut vides etiam periculo suo, nec leviori nostra invidia, alium pronunciauit veriore*m* *Dobrovii* successorem. Нинѣне illae lacrimae?» А въ Гёттингенскомъ журналѣ сказано было, что мѣсто Добровскаго у Славянъ (заграничныхъ) достойно, кажется, занять Копитаръ, что очень понятно, когда вспомнимъ, что Гриммъ, какъ Нѣмецкій ученый, незнакомъ въ такой степени съ Славянскими нарѣчіями, чтобы могъ свободно читать на нихъ, следовательно, судилъ и судить по тому лишь, что писано, или переведено на его языкъ, или другой Западноевропейскій. Копитаръ же исключительно писалъ только на Нѣмецкомъ, или Латинскомъ. Подобный промахъ не въ первый разъ встрѣчать

намъ у Западныхъ ученыхъ касательно сужденія объ нашихъ писателяхъ; отсюда не исключаются даже и тѣ, которые, по самому роду своихъ занятій, казалось, должны бы лучше насъ знать и, стало бы, судить и приуждать побѣдные вѣнны.

191. Götting. gel. Anz. 1837, № 33—36.

192. См. его «Vergleichende Lautlehre der slavischen Sprachen». Einleitung, S. VII—VIII.

193. На примѣръ, въ его «Lexicon linguae slovenicae veteris dialecti». Vindobonae 1850.

194. Vergl. Lautlehre u. s. w., S. X.

195. «Grammatik der bulgarischen Sprache». Wien, 1852. Причина, приводимая самими сочинителями, по чем, они промѣняли Кириллицу на Латиницу при изданіи грамматики своего роднаго языка, еще страннѣе, чтобъ не сказать что хуже. Признаваясь въ Предисловіи, что они «sind keine Literaten vom Fach», между тѣмъ отважились на такое пововеденіе, которое не литератору, да и литератору, если онъ истый Булгарь по роду и Вѣрѣ, никогда и въ голову не придетъ. И для чего же? «Wir haben aber hier *des allgemeinen Verständnisses* wegen die lateinische Schrift gewählt» (Vorrede, S. VI). Но развѣ есть какой смыслъ, на примѣръ, трезвому для того, чтобъ, повавини между пьяныхъ, походить на нихъ какъ можно ближе, и самому корчить пьяную рожу и кривлянья всякого рода? Пора бы ужъ давно перестать намъ обезьяничать, и качать пробиваться своимъ умомъ-разумомъ, хоть изза того, чтобъ перестали, наконецъ, честить насъ «imitatorum rescus!» Для кого, спрашиваю, изъ Булгарь (о прочихъ Славянахъ молчу уже) понятенъ будетъ, на первый разъ, слѣдующій образецъ ихъ писанія: «As sù imam sùsé rōceten pres dobrinù - tú vi, is tú hùde golèma pečèlbù za ménè, ako pridobljù dobrò-to vi sklonèvanè?» (стр. 141). И это «чудище огло, озлобю, съ трезвонной и стаей», смѣютъ еще называть намъ «angemessener, verständlicher», и прочее, тому подобное? Какъ! Знаки, составленные Кирилломъ Философомъ для выраженія звуковъ языка нашихъ предковъ, ужъ не годятся для насъ, ихъ потомковъ, и мы должны прибѣгать къ тому способу Славянъ, когда они, «поглин саште, урѣтани прѣзми уѣтѣхъ и гатадѣхъ, когда они, до посланія къ нимъ Константина Богомъ, помпловавшимъ родъ «Словѣнскъ», какъ выражается Храбръ, «Римьскыми и Граувьскыми писменны палдѣдѣхъ съ писати Словѣнскоу рѣвъ безъ оустроу?»

196. Vergl. Lautlehre u. s. w., S. VII.

197. Ср. «Radices linguae slovenicae veteris dialecti».

XCIV

Lips. MDCCCXLV; «Lexicon linguae slovenicae» etc; но въ «Formenlehre» 1850, и «Vergl. Lautlehre» 1852, такъ называемые «Quellen» приводятся въ азбучномъ порядкѣ.

198. Glagolitica, von J. Dobrowsky, 2-te Ausg. v. W. Hanka. Prag. 1822, S. 20.

199. Abhandlungen der böhmischen Gesellschaft der Wissenschaften auf das Jahr 1785. Prag, 4, 2-te Abtheilung (1786), S. 101—139.

200. Parisiis 1538, 4. Такъ называемая новопозобрѣтенная Поставомъ азбука есть просто скоронсье Сербовъ Хорватскихъ, Далматскихъ, Боснійскихъ и т. п. его времени. Ею напечатано нѣсколько книгъ въ Венеціи, упоминаемыхъ *И. Соларичемъ* въ соч. «Помилакъ книжескій о Славено-Сербскомъ въ Млеткахъ (Венеціи) печатанію», 1810, на коего ссылаются: Добровский въ «Institutiones linguae slav. vet. dial.», pag. XLIV—XLV, и Кенненъ въ «Библиограф. Листк.» 1825 г., № 21, стр. 295, и № 26, стр. 375, столб. 2-й.

201. I, Budaë, 1795. 8.

202. Versuch einer Geschichte von Krain. 2 Theile. Laibach, 1788—91, 8.

203. «Erste Linien eines Versuchs über der alten Slawen Ursprung, Sitten, Meinungen und Kenntnisse». Leipz. 1789, 8.

204. «Nach den Gesetzen der Gesellschaft durfte ich mich in keine Controvers mit ihm (Dobner) einlassen, auch Durich erinnerte mich, den alten würdigen, von ihm eben so, wie von mir geschätzten und verehrten Mann zu schonen. Ich konnte um so lieber von einer literarischen Fehde abstehen, als sich hoffen liess, Durich selbst würde einst diesen Gegenstand in seiner Bibl. slav. in's gehörige Licht setzen und ganz erschöpfen». Glag., 2-te Ausg., S. 22.

205. Въ Н. Г. Р. Карамзинъ, въ 267 примѣч. 3-й главы I-го тома (сжатого изд., стр. 69—70), представляетъ содержаніе Добнерова изслѣдованія о Глаголитикѣ и свои замѣчанія на него, которыя по тому времени очень и очень хороши.

206. Его мнѣніе найдено Добровскимъ въ дополненіи къ одной статьи его «Bibliotheca slavica antiquissimae dialecti communis et ecclesiasticae universae Slavorum gentis», vol. I, оставшейся безъ заголовка. Glagolitica. S. 42.

207. Онъ, въ сочиненіи своемъ: «In originem et historiam alphabeti slavonici Glagolitici, vulgo Hieronymiani disquisitio», Venetiis, 1766, 8, доказывалъ появленіе Глаголитскихъ письменъ задолго до Р. Х., изобрѣтенныхъ какиемъ-то Фригійцемъ

Фенизіежъ (Славянномъ, по тому что Фригійцы, по его мнѣнію, Славяне) (pag. 26), употреблявшихся, подъ именемъ руизъ, Гетами или Готами (тоже, какъ онъ полагаетъ, Славянами).

208. *Dobrowsky's Glagolitica*, S. 43.

209. Тамъ же, стр. 43.

210. *Götting. gel. Anzeigen* 1837, Nr. 33—36, въ разборъ Ковитаровой «*Glagolita Clozianus*». Шафарикъ въ «*Památky hláskolského písemnictví*»,—str. 8—14.

211. Объ этомъ сходствѣ начертанія нѣкоторыхъ руизъ съ Глагольскими еще точнѣе говорить онъ въ вышкѣ, приводимой Дюбровскимъ въ своей *Glagolitica* (S. 44—45): «*Quisquis solam varietatem literarum Runicarum, quibus glagoliticis adeo similes immo easdem esse Grubissichius maullt, apud Wormium p. 6. in tabula, collectam pensi habuerit, non adeo difficilis erit ut in eandem mecum opinionem deducatur substantiam ductuum in literis Cyrillicis et Glagoliticis eandem esse diversitate quadam ad solam reductionem linearum curvarum in rectas et subinde geminatas pertinentes*» etc. *Durich* 1, 462. *Collect. an.* 178.).

212. *Lepsius* (Rich.): «*Ueber die Anordnung und Verwandtschaft des Semitischen, Indischen, Aethiopischen, Alt-Persischen und Alt-Aegyptischen Alphabets*», въ «*Abhandlungen der königl. Akademie der Wissenschaften zu Berlin, aus dem Jahre 1835*». Berl. 1837, *Historisch-philosoph. Klasse*, S. 177—227, и отдѣльно 1836, S. 76—80.

213. Pag. 76 и слѣд. Что до Фришевой Рѣчи, то она въ 4-ку, всего 19 стр. Замѣчательно, что тутъ уже встрѣчаемъ изображеніе Глагольскихъ буквъ (въ таблицѣ къ 9-й стр.), большихъ и малыхъ, въ печати и рукописяхъ употребляемыхъ, съ означеніемъ произношенія и объясненіями разныхъ сокращеній и т. п. Это уже третья попытка представить Глагольскую азбуку отдѣльно: первая, по словамъ сочинителя, принадлежитъ Вальвазору (in «*Topographico-historica descriptione Ducatus Carniolae*» II, p. 346), который, однако, «*omisit multa, quae in genere ad Characteres Glagoliticos, in specie vero ad scriptorum typis Ungnadianis editorum, faciliorem editionem pertinent*»; вторая Стредовскому, взявшему ее у перваго «*et historiae Cyrilli et Methodii inseruit, sed nec ommissa supplevit, nec errores correxit*». При составленіи своей таблицы, Фришъ пользовался, сверхъ етѣхъ азбукъ, Новымъ Заветомъ, издан. Труберомъ, въ Тибингенѣ 1562, его же Постылой, и Молитвой Господней, напеч. Ан. Миллеромъ въ «*Centuria versionum Orationis Dominicae*» (p. 56), выписанной изъ одного рукописнаго Катихизиса, наход. въ Ве-

леди. Въ заключеніе нечисляетъ извѣстныхъ ему Глаголическія печатныя книги, которыя, кромѣ упомянутыхъ уже двухъ изданій Трубера, суть: «Praecipui Fidei christiani articuli e locis Theologicis Philippi Melancthonis. Tubingae 1562; Abecedarium, cuius titulus est: Tabla saditzu s glagolskimi sslowi tschitati», etc., безъ объясненія, говоритъ Фрншъ, произношенія и сокращеній, во съ указаніемъ числительнаго значенія буквъ, и страницей складовъ; недостаетъ также 3-хъ знаковъ, встрѣченныхъ въ Тибенгевскихъ изданіяхъ; и, наконецъ, пятая книга, соединенная, однако, съ предыдущей, Катихизисъ, перев. Стефана Консула, вышедшій тоже въ Тибенгевъ», 1561 г. (р. 17—19).

214. *Лейбницъ* тоже называетъ выдумкой, хоть безъ всякихъ подробныхъ доводовъ, приписаніе изобрѣтенія Глаголическаго письма Іерониму: «Alphabeta hodierna Europaea omnia ex latinis formata sunt, dentis duplicibus Slavonicis, uno, *Cyrillico*, altero, ut parum apte vocant (glagola enim linguam significat) *Glagolico*. Male hoc posterius nonnulli auctori S. Hieronymo gente Illyrico tribuunt, falsa persuasione linguam veterem Illyricam ex Slavonicarum gente fuisse». «Dissertatio de variis linguis» etc. Кромѣ того и другіе современные ученые, особенно занимавшіеся изслѣдованіемъ о переводѣ Св. Писанія на разные языки, точно также отзываются объ этомъ, на прим.: *Фабрицій* (въ своей «Bibliotheca Graeca», vol. VII, pag. 682): «Solet etiam Chrysostomus a quibusdam venditari auctor versionis Armenicae Bibliorum, sed quam non minus quam *Slavonicam Hieronymo* tributam *chimaeris* accensere licebit». Или: (lib. IV, p. 79): «Quae de antiqua *Slavonica* sacrorum bibliorum versione ad *Methodium* vel *Cyrillum* aut *falso* etiam ad *Hieronymum* auctorem relata plerique narrant, de industria praetereo». *Лелонгъ*, по замѣчанію Коля (pag. 62, not.), подробно прочихъ изложившій исторію явнѣйшій о происхожденіи перевода Свящ. Писанія на Славянской въ сочиненіи своемъ: «Bibliotheca sacra» (tom. I, ed. Paris. 1723, fol., Art. VI, pag. 453, Sect. I.), и доставившій ему нѣсколько данныхъ («a quo nonnulla prout opus ac visum est mutuabimur», pag. 57), въ заключеніе своихъ изслѣдованій, вынужденнымъ намѣлся повторить только слова Бальбина (см. ниже, примѣч. 236).

215. «Да простятъ мнѣ всѣ великіе и малые толкователи лѣтописей и легендъ за мою дерзость противъ историческихъ предразсудковъ. Въ меня вселмлась искусительная недовѣрчивость къ авторитетамъ писателей» (Критич. изслѣдованія объ исторіи Болгаръ, стр. 58).

216. L. *Tibero*, Comment. de temporibus suis, l. I, §. 6. «At-

que inde conjicio *Slavemos et Gothos eandem esse nationem.*» — «Nostro quoque tempore Rhagusanae matronae, cum ancillis *Slavenae* nationis succensent, *cas Gothas* appellant». — *Thom. Archid. Historia Salonitana*, c. V: «Cooperunt autem habere proprios Duces et quamvis pravi essent et feroces, tamen christiani erant, sed rudes valde, *Ariana* etiam erant *tabe* respersi. *Gothi a pluribus dicebantur* et nihilominus *Sclavi sunt* secundum proprietatem nominis». — «Dux *Gothus*, qui toti praeerat *Sclavoniae*, coadunato magno exercitu descendit.» — Cap. XV, an. 1074: «Mittere statuit (Papa Alexander) ad exstirpandum schismatis fomitem de partibus Sclavoniae. Itaque Cardinalis ad illas partes adveniens, ipsum pseudo-Episcopum (Celedam), coram *suis Gothis* durissime increpavit». Последнее объясняет все дѣло. Далматскіе Славяне Православнаго Исповѣданія для Католиковъ и ихъ писателей были и суть *schismatici Gothi*, по тому что живутъ въ тѣхъ земляхъ, въ коихъ прежде довольно долго жили Готы Аріане, вышедшіе отсюда въ Италію и столько памятные обитателямъ ея. По этой же причинѣ *Теофилактъ Симиоката* и *Фотій* величаютъ насъ Готами, равно какъ и *Дуклянецъ* (Dioleas presbyter), отнюдь же не по тому, чтобы Латинцы смѣшивали Глагольскія буквы съ Готскими. Въ смыслѣ Отцевъ Салонскаго Собора отвѣчалъ и папа Александръ III-й: «Propter Arianos inventores Litteraturae hujusmodi.» Иное дѣло мнѣнія поздѣйшихъ ученыхъ, на прим., *Грубишича*, который, съ своей точки зрѣнія, толкуетъ и самыя слова сихъ Отцевъ (pag. 40) «Itaque Slavonicae illae literae, quae Hieronymo tribuuntur, forte non immerito gothicae ab Archidiacono (Spolitano Thoma) appellantur quin si illas accurate consideremus, gothicis, seu runicis illis, quarum frequens vestigium in Septentrione, atque adeo in Italia ipsa, occurrit magna ex parte similes esse comperiuntur».

217. Изданной, подъ моимъ надзоромъ, на иждивеніи Болгарина, И. Н. Денкоглу, въ 1849-мъ году, подъ названіемъ: «Критическія изслѣдованія объ исторіи Болгарь, съ прихода Болгарь на Фракійскій полуостровъ до 968 года, или покоренія Болгаріи Великимъ княземъ Русскимъ, Святославомъ». Москва, стр. 8, 342.

218. Видно, по сему, что Венелинъ вовсе не читалъ жизнеописанія Климента, говоря, что оно умножено статьей о Кириллѣ и Меѳодіи.

219. Въ «Исторіи Болгарь», стр. 120, говоря о важности путешествія по Болгаріи для собранія остатковъ древней ея письменности, между прочимъ и Болгарской Четъ-Миней о Кириллѣ и Меѳодіи, Венелинъ прибавляетъ: «Если я не возмогу вырваться изъ моихъ обстоятельствъ, чтобы имѣть возможность достяженія сей цѣ-

XCVIII

ли, чего уже столько лѣтъ такъ сильно желаю, то, по крайней мѣрѣ, вызываю къ сему благородному путешествію всякаго, желающаго обогатить отечественную Исторію новыми приращеніями. Неужели въ XIX столѣтіи не найдется никто, который бы имѣлъ довольно любопытства для совершенія сего предпріятія? Неужели не найдется другой Румянцовъ? Извѣстно же, что онъ, по окончаніи ученія въ 1829-мъ, получивъ, въ 1830-мъ году, себѣ дипломъ на званіе лѣкаря, отправился уже въ Болгарію на счетъ нашей Академіи Наукъ. Статья, помѣлованная въ «Спискѣ рукописныхъ сочиненій Венелина», въ концѣ 2-й части «Историко-критическихъ изысканій (названія, общаго для обѣихъ частей, даннаго въ послѣдствіи), подъ ч. 34-мъ: «Славянскій алфавитъ, и опроверженіе мнѣній объ изобрѣтеніи его Кирилломъ и Меѳодіемъ», 26 стран., составляетъ только извлеченіе изъ сказаннаго имъ подробно въ «Исторіи Болгаръ», напечатаннаго, если не ошибаюсь, въ «Отч. Запискахъ», 1839 г., Томъ II, стр. 36 и слѣд., и переведеннаго на Сербскій *Д. Тиролемъ*, 1841, въ Бѣлградѣ: «Доказываніе, да су Славянски народи примили Христіанство јоштъ пре Кирила и Меѳодія», стр. 24.

220. Изд. также и отдѣльно.

221. Оно такъ и есть, по тому что о другой какой-то азбукѣ, древнѣйшей еще Глаголицы, и самыя поклонники послѣдней ничего не знаютъ, равно какъ и противники Кириллицы, если не считать Храбровы чѣрты и рѣзи, а также и тѣ знаки, которые, по Дитмару Межиборскому, находились на Ретрійскихъ вступаняхъ, относящимся сюда, такъ какъ во всѣхъ ихъ нѣтъ прямой рѣчи о знакахъ, въ смыслѣ нашихъ буквъ. Въ Дитмарѣ читаемъ: «interius . . . dii stant manufacti, singulis nominibus insculptis» (VI, 17); а о рукописаніяхъ Хорватовъ, вложенныхъ, де, въ договоръ съ папой тотчасъ послѣ крещенія (стало, прежде чѣмъ успѣли выучиться у Христіанъ какой либо грамотѣ): «ὄντι οὐ Χρῶσῶτοι, μετὰ τὸ αἰτοῦς βαπτισθῆναι, συνθέμας καὶ ἰδιόχειρα ἐποιήσαντο καὶ πρὸς τὸν ἅγιον Πέτρον τὸν ἀπόστολον ὄρκους βεβαίους καὶ ὄσφαλεις, ἵνα μηδέποτε εἰς ἄλλοτριαν χώραν ἀπέλθωσι καὶ πολεμήσωσιν ἀλλὰ μάλλον εἰρηνεύειν μετὰ πάντων τῶν βανλονίων». Chrobati siquidem post acceptum baptismum pepigerunt et *chirographis propriis* datis S. Petro apostolo iuraverunt, nunquam se alienam terram armis invasuros, sed pacem habituros cum omnibus volentibus.» *Const. Porphyr. De admin. imp.*, с. XXXI, ed. Bonn. Наконецъ, въ Любушниномъ Судѣ упоминаются «desky pravdodatné».

222. «Ni fallor, colligendum erit, *Ethicum non post initium quartii saeculi fuisse natum*; tum vero cum his bene consentiunt, quae nos-

tro loco dicit: Histriam cruentissimis illis annorum 260 — 280 bellis devastatam, usque ad diem nativitatissuae incultam remansisse. Quare haud multum aberrare credimus a veritate, si circa *annum hujus aerae trecentimum natum fuisse Ethicum contendimus*» (197).

223. «Constat autem vergente saeculo secundo haud semel Sarmatas atque Iazyges, non in Histriam dico et Pannoniam, sed in Italiam ipsam pervenisse» (p. 155).

224. «Scimus veteres scriptores notissimo more omnes fere gentes septentrionales, quae ab Histro inde usque ad Riphaeos montes et mare Caspium habitabant Scytharum nomine designasse, ita ut uno vocabulo diversissimas nationes comprehenderent. Sic nomine illo appellantur Iazyges, Sarmatae, Sclavi, Geti, Gothi, Hunni etc., qui omnes minime ad eandem stirpem pertinent. Nam, ut brevibus quaestionem difficilissimam absolvam, Scythae orientalibus nationibus adnumerandi sunt, ut Hunni et Mongoli, Iazyges vero Sarmataeque gentibus iis, quas Sclavos hodie vocitamus: has autem Histriam et Pannoniam incoluisse certum est» (pag. 153—154).

225. «Post saeculum quartum non solum Illyricum, verum etiam Dalmatia, Pannonia, atque Histria a Sclavis occupatae sunt» (pag. 156).

226. «Jam supra demonstravimus Cosinographiam Ethici intra annos 396 et 409 a Sancto Hieronymo translatae esse, neque vero eodem tempore ab Ethico conscripta est. Quod enim iam aliis ex causis veri simile est: ex ipsis translatoris verbis apparet, Cosinographiam complures annos ante illud tempus ab auctore compositam fuisse. Legimus scilicet pag. 500, v. 12: «quam ut a praecedentibus lectoribus errorem enigmatum illorum» etc., quare iam ante annum 396 liber Ethici et notus erat, et lectores sibi comparaverat» (pag. 196—197).

227. Въ 383 примѣч. говорится: «Ipsa litterarum nomina apud varias Sclavorum gentes varie pronuciari docet Grubissichius», вовсе не то, что совершенное несходство въ названіи. При томъ, Грубисичъ говоритъ только о различіи въ произношеніи названій буквъ, а не самихъ названій, которыя у всѣхъ Славянъ для Кирилловскихъ и Глагольскихъ буквъ были и есть одинаковы во всё времяна.

228. Такъ приведены имъ тутъ явные противники древности Глаголитики и составленія ея Иеронимомъ: Франкъ, Коль, Асселани, Добровский и другіе, писавшіе, одинъ за другимъ, противъ такого мнѣнія, а прежде нихъ Белларминъ (De verbo Dei, lib. II), Анс. Бандури (въ Notae ad Const. Porphyg. de adm. imp.) и Бальбинъ (Miscell. Regn. Boh., Dec. I, lib. II, c. 23).

229. Не смотря на стараніе сочинителя быть полнымъ въ этомъ, все таки пропущены имъ тутъ: Дубравскій (Dubravius. Hist. Bohem.

l. l.), Горданъ (Origg. Slav. P. I, с. 54), Стреловскій (Sacra Moraviae hist. l. II, с. 6), Коменскій (Amos Comenius, Histor. Fratr. Bohem., ed. Haf. 1702, p. 4), Лупачъ, Велеславина и др.
230. Отъ 16-го октября, 1853 года, изъ Праги.

231. «Sed de Ethico et vitâ eius alio tempore disputabimus. Res-tat enim, ut, quantum fieri potest, exponamus, quid de auctore ipso et de libris eius nobis statuendum sit. De his autem atque aliis multis, quae huc pertinent, iudicium certum edere tum demum valebimus, quum libris aliquot melioribus inspectis, sanio-rem Cosmographiae tex-tum constituerimus» (p. 197).

232. «Cosmographia» Aethici Istrici, ab Hieronymo ex Graeco in Latinum breviarium redactam, secundum codicem Lipsiensem, separato libello expressam, primum edidit *Henricus Wutke*. Accedunt duae tabulae. Lipsiae MDCCCLIII (8-а), но на оберткѣ «1854», равно какъ и въ торговлѣ только въ послѣднемъ годѣ появилось. Самому изложению (1 — 85) съ «Glosse, Randschriften der wolfenbüttler Handschrift, Lesarten und Register» (87—128), предпослано: I) «Einleitung», въ которомъ говорится: «Ueber den Inhalt und Werth der Bücher des Aethikos; Fragmente des Aethikos (VI—LXXVII); II) Ueber Aethikos (CII); III) Ueber Hieronymus, dem Bearbeiter des Aethikos (CII—CXVII); IV) Von den Handschriften und von dieser Ausgabe (—CXXXII).

233. См. выше примѣч. 96.

234. Напечатано въ Ж. М. Н. П. 1836 года, Част. XXIII, Отд. IV, стр. 17—30.

235. Изъ конехъ нѣсколько разъ «пана» вполне и сокращенно, разъ «но пана» (пана Иоаннъ VIII?); разъ «Кюрна», и разъ «твухъ-скогъ жырлжт», что прямо указываетъ на Сербя.

236. Начало Мартирологія на 3-мъ листѣ: «Incipit libellus de festiuitatibus sanctorum apostolorum et reliquorum, qui discipuli aut vicini successoresque ipsorum apostolorum fuerunt. Romae natalis beatorum apostolorum Petri et Pauli, qui passi sunt sub Nerone» etc.

237. Тутъ нѣтъ никакого противорѣчія послѣдующимъ словамъ Храбра, по коимъ Кирилъ къ Греческимъ прибавилъ еще «четыри надесать по Словянскоу азбуку», по тому что въ исчисленныхъ за тѣмъ поименно буквахъ стоитъ щ, а въ словахъ, для которыхъ нѣтъ знаковъ въ Греческой азбукѣ, приведено слово ѡ, слѣдовательно, одна изъ нихъ должна быть лишней въ Кирилловской азбукѣ. А какъ а) древнѣйшее начертаніе щ есть шт; б) щ не знаетъ

Новобулгарскій языкъ, ближайшій въ этомъ судья, и в) щ есть то же ш+х. звукъ, преимущественно любимый Рускими нарѣчіями, то и надобно допустить, что первоначально Кирилль едва ли изобрѣталъ его, т. е., на Фракійскомъ полуостровѣ, гдѣ онъ не могъ слышать его, но могъ легко прибавить оны, или брать его, Меѳодій, или же кто либо изъ сотрудниковъ и учениковъ, въ послѣдствіи, въ Великоморавской Державѣ, гдѣ этотъ звукъ уже замѣтенъ больше, меньше въ устахъ Славянскихъ народовъ, составлявшихъ ее, особливо сосѣдей ихъ, Рускихъ и Поляковъ. А какъ онъ послѣдними двумя употребляется тамъ, гдѣ первыми шт, то естественно, вмѣсто того, чтобы отыскивать для него какой либо другой знакъ, стоило только первую изъ сочетаемыхъ (ш+т), какъ характеристическую этого звука, отличить чѣмъ либо, что легче всего можно было сдѣлать, проведши среднюю черту ея нѣсколько ниже. Если же видѣть въ ней Коптскую букву, то и это Кириллу, какъ знатоку языковъ (и при томъ Египеть въ іерархическомъ отношеніи всегда состоялъ въ самыхъ тѣсныхъ связяхъ съ Царьградомъ), легко было тогда сдѣлать, тѣмъ болѣе, что Коптская азбука—та же Греческая, только приспособленная къ свойствамъ Коптовъ. Въ послѣднемъ случаѣ нужно было только изъ этой Греко-Коптской азбуки перенести ее въ Славянскую.

238. Уже Бальбинъ въ своихъ «Notae historicae in «Vitam et passionem S. Ludimillae et S. Principis Wenceslai, a Christanno scr.», думая, представляющееся тутъ, противорѣчіе, согласить такимъ образомъ: «Cariuisse omnibus omnino litteris Slavicas gentes, ad usque S. Cyrilli tempora, difficile est dicere (слѣдуетъ свѣдѣтельство о томъ изъ Гайка); nihilominus gravissima Christanni auctoritas, alteram sententiam (quae S. Cyrillum aut Methodium inventorem Slavicae litteraturae facit) reddit probabilem; idem sensit Lupacius, idem vetus illa narratio, de conversione Carentanorum, nisi quod S. Methodium ejus scripturae facit authorem. Conciliari sententiae possunt, si dicamus: quamvis antea Slavi, ac potissimum Bohemi, litteras habuerint, novam tamen et commodam scribendi rationem invenisse Sanctos Cyrillum et Methodium, ac fortasse illa erit, quam nunc Rutheni alique Slavica lingua utentes Graeci ritus sacerdotes sequuntur; quales litterarum notas in Coenobio Slavorum Pragae, pueri quondam legebamus, qualesque alicubi ex vetustis inscriptionibus attulit Pappocius (in «Diadocho»), suntque in vetustis quibusdam Bibliothecis libri ejusmodi genere scripturae constantes». По томъ упоминаеть о приписывающихъ изобрѣтене Славянскихъ письменъ Іерониму и отвергающихъ то, Кромеръ, Христанъ и другихъ, и заключаетъ: «Quid ipse potissimum sequar,

СII

nescio, in *Christiani* tamen et *Cromeri* sententiam inclino, praesertim, cum non satis constet, an S. Hieronymi temporibus (anno post Christum natum 400) Slavi Illyricum, eaque loca tenerint». См. «*Epitome historica rerum Bohemicarum*». Pragae MDCLXXVII, fol., pag. 77—78. А. *Фойтцъ*, разбирая въ своемъ изслѣдованіи («*Untersuchung über die Einführung der Buchstaben*» и. с. w.), разныя предположенія о происхожденіи Славянскихъ писемъ, такъ выразилъ это мнѣніе (§. VI, S. 177): «*Der andere Einwurf besteht darin, dass, wenn man ja den angeführten Schriftstellern (§. IV) zufolge, den beyden Aposteln der Slaven, in Ansehung der slavischen Buchstaben, etwas zugestehen müsse; solches doch keine Erfindung im eigentlichen Verstande, sondern nur eine Vermehrung, Verbesserung und bequemere Einrichtung derselben gewesen seyn.*»

239. *Фришъ*, въ упомянутомъ выше сочиненіи своемъ.

240. *Коль*, см. его мѣсто, приведенное вполнѣ выше.

241. Писатели, говорившіе о нашемъ предметѣ встали, но не вдававшіеся ни въ какія подробности и розыски, а большею частью принимавшіе одно изъ извѣстныхъ уже намъ мнѣній, сколько могу припомнить теперь, суть, изъ *Русскихъ*: М. Т. *Каченовскій*, въ статьѣ: «О Славянскомъ и въ особенности Церковномъ языкѣ», въ VII-й части «Трудовъ Общества любителей Россійской Словесности при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ». Москва, 1817, стр. 13. Онъ уже пользуется Житіемъ Меодія и Кирилла, помѣщеннымъ, въ «*Книгѣ Житій Святыхъ*», подъ 11-мъ мая, и доказываетъ, что буквы сдѣланы Кирилломъ, а переводъ Св. Писанія совершенъ на старинное Сербское нарѣчіе, которому тотъ и другой выучились еще въ Солуни и ея окрестностяхъ, сдѣдовательно, на тотъ языкъ, которому имѣли случай научиться, начавъ его (переводъ) въ Константинополь и покончивъ въ Моравіи: «*Кирилъ, составивши буквы для всѣхъ звуковъ Славянскихъ, трудился съ братомъ своимъ надъ переложеніемъ съ Греческаго языка тѣхъ самыхъ священныхъ и богослужебныхъ книгъ, которыя донынѣ употребляются Славянами православнаго восточнаго исповѣданія, обитающими въ Босніи, Сербіи, Венгріи, Булгаріи, Польшѣ, Россіи.*»—Баронъ *Розетампфъ*, въ «Обозрѣніи Кормчей книги» (Моск. 1829 г.), стр. 44: «Въ царствованіе Ваенлія Македонянина и Льва Мудраго введены были у Болгаръ Славянскія писмена».—П. П. *Гречъ*, въ «Опытѣ исторіи Русской литературы» (Спб., 1822), весьма замѣчательной по своему времени богатствомъ матеріаловъ, которымъ по сю пору ни одна изъ появившихся послѣ Исторіи нашей Словесности не могла превзойти

его Опыта, § 14, стр. 17—18: «Братья *Меодій* и *Константинъ* (въ монашествѣ наименованный Кирилломъ), жившіе около половины IX вѣка, уроженцы Греческаго города Солуня (нынѣ Салоника), *были изобрѣтателями церковныхъ буквъ Славянскихъ*. Первый изъ нихъ посланъ былъ Греческимъ Императоромъ Михаиломъ III въ страны, населенныя Славянами, и выучился тамошнему языку, а послѣдній, воспитанный при Цареградскомъ Дворѣ, былъ Священникомъ, Библіотекаремъ при Свѣтской Соборной церкви въ Константинополѣ, и Учителемъ Философій. Около 863 года, Моравскіе Князья Ростиславъ, Святополкъ и Коцель просили прислать къ нимъ изъ Константинополя Христіанскихъ учителей. Къ нимъ отправлены были братья Меодій и Константинъ. *Они изобрѣли Славянскую азбуку* (называемую въ послѣдствіи, по имени послѣдняго изъ нихъ, *Кирилловою*), составивъ оную изъ буквъ Греческихъ, къ коимъ присовокупили изображенія звуковъ, свойственныхъ языку Славянскому (в, ж, ч, ш, ц, ѣ, ы, ѝ, ю, ѡ, ѣ). Потомъ перевели они съ Греческаго языка Апостолъ, Евангеліе, Псалтырь, Октоихъ и другія нужнѣйшія для церковной службы книги на одно изъ нарѣчій Славянскаго языка, которое въ тѣ времена къ Русскому было гораздо ближе, нежели нынѣ». Спустя 18 лѣтъ, въ «Чтеніяхъ о Русскомъ языкѣ» (Спб. 1840), встрѣчаемъ то же, но уже съ нѣкоторымъ измѣненіемъ, стр. 77—78: «Славянская азбука, составлена *въ половинѣ IX вѣка*. Моравскіе князья, Ростиславъ, Святополкъ и Коцель, просили Греческаго Императора прислать къ нимъ христіанскихъ учителей. Онъ отправилъ къ нимъ двухъ братьевъ, Меодія и Константина (въ монашествѣ Кирилла), уроженцевъ Солуня, жившихъ посреди Славянъ, которые распространились съ VI вѣка въ областяхъ Имперіи. *Они не изобрѣли, а составили Славянскую азбуку*, названную, по имени послѣдняго изъ нихъ, Кирилловою. Главнымъ основаніемъ ея былъ алфавитъ Греческій, къ которому они прибавили буквы: в, ж, ч, ц, ѣ изъ армянскаго, ш и ц изъ еврейскаго и коптскаго, ѣ, ы, ѝ, ю, ѡ и ѣ. Эта азбука, съ нѣкоторыми перемѣнами, урѣзками и прибавками, существуетъ у насъ понынѣ. Ей обязаны мы возможностью выражать большую часть звуковъ голоса человѣческаго, которые, въ языкахъ, имѣющихъ азбуку латинскую, изображены быть не могутъ. Неудобства ея произошли, во-первыхъ, отъ того, что составители ея слишкомъ близко придерживались азбуки Греческой, и ввели въ нее многія буквы лишнія, на пр.: *зѣло, і, шкъ, жшциу, пси, пси;* вторыхъ, для насъ есть въ ней нѣкоторые недостатки, происшедшіе отъ того, что она составлена не для русскаго, а для другаго

нарѣчія славянскаго, близко подходившаго къ вышнему сербскому. Есть еще одна славянская азбука, *Глаголитская*, или буквнца, которой изобрѣтеніе католики приписываютъ Тероніуму, жившему въ IV вѣкѣ, но это также *Кирилловская*, только обезображенная вычурными украшеніями, которыя придуманы Западнымъ Духовенствомъ въ XIII вѣкѣ для Далматовъ: это родъ Грамматической уніи». — Н. А. Полевой, въ 1-мъ томѣ «Исторіи Русскаго народа» (Москва, 1830), въ изложеніи, стр. 95—96: «Они (Греческій Императоръ, Патріархъ Фотій и Василій, любимецъ и соправитель Михаила) рѣшились избрать проповѣдника, знающаго Славянскій языкъ, который могъ бы изъяснить Славянамъ Священное Писаніе на ихъ природномъ языкѣ, переведа оное съ Греческаго. Окрестъ Селуня, родины Василя, жило множество Славянъ, *Сербскаго поколѣнія*, и жители Селуня хорошо знали языкъ ихъ поселенцевъ. Монахи, *Кирилъ* и братъ его *Меводій*, уроженцы Селуня, мужи ученые и мудрые, отправлены были въ Моравію. Еще въ *Царыградѣ* начали они переводъ Евангелія, и увидѣли необходимость, для выраженія звуковъ Славянскаго языка, прибавить къ Греческой азбукѣ нѣсколько буквъ, упростивъ начертаніе другихъ. Событіе важное, ибо здѣсь начало *Славянской азбуки* и *Церковно-Славянскаго языка*, который, будучи въ основаніи древнимъ *Сербскимъ*, для выраженія великихъ таинствъ и велѣній Библейскаго языка, преобразенъ былъ по Греческимъ формамъ. Разумѣется, что такой языкъ не могъ быть совершенно понятенъ всѣмъ Славянамъ, говорившимъ уже отдѣльными нарѣчіями, но онъ былъ для нихъ разуимтеленъ: книги Св. Писанія приводили въ восторгъ Славянъ, и были приняты въ Булгаріи, гдѣ жители, потерявъ уже свой первобытный языкъ, говорили непорочнымъ Славянскимъ нарѣчіемъ (?). Въ примѣчаніи 68: «Булгарскій языкъ былъ самый непороченный Славянскій; но Булгары писали на Церковномъ языкѣ. Переводъ Библіи, сдѣланный для Моравовъ Кирилломъ и Меводіемъ, былъ принятъ Булгарами (ссылка на Калайдовичевъ Ю. Екс. Болг.). А въ «Дополненіи», въ статьѣ IV: «О Церковно-Славянскомъ языкѣ и составленіи Славянской азбуки,» о послѣдней говоритъ и того меньше, замѣчая только, что «писмена для Славянскихъ звуковъ изобрѣтены были въ IX вѣкѣ, когда Христіанская вѣра была введена между Славянами». Ниже: «Славянская азбука была составлена двумя Греческими проповѣдниками». Касательно же языка, на который переведено было Св. Писаніе, представляетъ два рѣшенія, изъ коихъ по первому: «Славяне въ IX-мъ вѣкѣ говорили хотя и отдѣльными нарѣчіями, но различія между оными не были еще весьма

велики. Славянскіе обитатели Греціи, Сербіи, Булгаріи весьма сходствовали въ языкахъ своихъ. На сей-то языкъ переведено Св. Писаніе, и потому языкъ Церковныхъ книгъ есть самый близкій къ первоначальному Славянскому языку, и древнѣйшій изъ всѣхъ различій Славянскихъ языковъ»; а по второму: «переводъ начатъ былъ Греческими проповѣдниками въ Царьградѣ; они знали Славянское нарѣчіе своей родины, Селуня; окрестъ Селуня жили *Сербы*, слѣд. переводъ сдѣланъ былъ на *Сербскій языкъ*. Дѣйствительно, изъ всѣхъ нынѣшнихъ Славянскихъ нарѣчій ни одно столь близко не подходитъ къ языку церковныхъ книгъ, какъ *ныльнишее Сербское (?)*, потому что Сербы точно жили окрестъ Селуня, и слѣд., Кириллъ и Меѳодій должны были знать Сербское Славянское нарѣчіе; также, что они начали переводить Св. Писаніе въ Царьградѣ, еще до отбытія на свою Паству, на все это есть историческія свидѣтельства. И такъ, въ пользу *второго рѣшенія* мы находимъ убѣдительныя доказательства; въ пользу *перваго* остаются одни предположенія. Церковный Славянскій языкъ никогда и нигдѣ не былъ народнымъ, разговорнымъ, но составленъ, или, такъ сказать, *изобрѣтенъ* Св. Кирилломъ и Меѳодіемъ для перевода Св. Писанія, при чемъ взяли они въ основаніе *древній Сербскій языкъ*, но преобразили его по Греческимъ формамъ, измѣнили, выдумали слова, слѣд., Церковный Славянскій языкъ долженъ быть почитаемъ особымъ книжнымъ языкомъ, ни къ какому нарѣчію, а также къ первоначальному языку Славянъ, вовсе не принадлежащимъ. Самая азбука Славянская была списокъ съ Греческой, гдѣ много буквъ находилось излишнихъ (какъ-то: зело, и, оу, икъ, отъ, юсъ, двойное о, я, кси, пси, фита, ужоцх), и нѣкоторыхъ недоставало (какъ-то буквы для звука ё)» (стр. 336—339).—Сочинитель «Россіи въ историческомъ, статистическомъ, географическомъ и литературномъ отношеніяхъ» (Спб. 1837.), во 2-й части «Исторіи», разбирая, въ главѣ III-й, «военныя и политическія отношенія Западныхъ Славянъ къ Франкскому Государству, во время Карла Великаго и его наслѣдниковъ до 862 года», касается, въ §. 2-мъ, Чеховъ и Моравцевъ, и замѣчаетъ (стр. 231—232), что «Ростиславъ, въ угодность волѣ народной, желая избавитися отъ вліянія ненавистныхъ *Славянамъ* Франковъ и вообще Германовъ, вознамѣрился заключить тѣсный союзъ съ Восточною Имперією и обитающими на ея границахъ *Славянами*, между которыми уже было много Христіанъ. Ростиславъ упросилъ Императора Михаила (между 861 и 863 года) прислать къ нему наставниковъ въ Христіанской Вѣрѣ, для крещенія на ода и обученія чтенію Священнаго Писанія. Въ это время прибыли въ Моравію зна-

менитые въ Исторіи Славянскаго просвѣщенія мужи, Кирилль и Меѳодій. Объ ихъ подвигахъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ, а теперь должны объявить предварительно, что мы не вѣримъ, будто до *изобрѣтенія Славянскихъ буквъ* этими проповѣдниками истинной Вѣры Моравцы были народъ безграмотный. Моравскіе князья были въ безпрерывныхъ торговыхъ и политическихъ сношеніяхъ, то съ Восточною Имперіей, то съ Франками, а потому безъ всякаго сомнѣнія и гражданственность была развита въ почетномъ сословіи народа до той степени, что они знали употребленіе письменъ и условія тогдашней Дипломатики». А въ IV-й части, главѣ 1-й, §. 2-мъ (стр. 17—20): «Ислѣдовавъ важнѣйшее, что было писано нашими Славянскими учеными на счетъ изобрѣтенія Славянской азбуки, мы думаемъ объ этомъ слѣдующее. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что у Славянъ были *руны*. При распространеніи умственныхъ потребностей и по введеніи Христіанства у Адриатическихъ Славянъ, изъ *рунь* или буквцы составили правильную *Азбуку*, которая нынѣ называется *Глаголитскою*. Изобрѣтеніе этой Азбуки приписывается Святому Іерониму (Мы не утверждаемъ, что она точно изобрѣтена Іеронимомъ, но вѣримъ, что эта Азбука *древнѣе* Кирилловской, потому именно, что очертанія буквъ ея приближаются болѣе къ письму руническому, и что Далматы, просвѣтившіеся гораздо прежде другихъ Славянъ, должныствовали имѣть прежде свои письмена.). Прежде ученые мужи не вѣрили, чтобъ эта Азбука была древнѣе изобрѣтенной Кирилломъ, а Шлецеръ бранитъ безпоощадно тѣхъ, которые осмѣлились принимать это предположеніе. По прилежномъ и хладнокровномъ изслѣдованіи дѣла, весьма многіе Славянскіе ученые возвратились къ прежней мысли, и самъ почтенный Копитаръ, одинъ изъ главнѣйшихъ противниковъ древности Глаголитскихъ письменъ, нынѣ признаетъ, что они древнѣе Азбуки, изобрѣтенной Кирилломъ (Мы вѣрили въ это прежде нежели получили новое сочиненіе Копитара, *Glagolita Clozianus etc. Vindob. 1836*). Но *Кирилль и Меѳодій, впрямую, изобрѣли для тою новую Азбуку, что Глаголитскія буквы слишкомъ кудрявы для скорописи*. Притомъ же, въ то время, эти письмена были недостаточны для предпринятаго труда, а потому *для большаго сблизженія Славянской грамоты съ Греческой, Кирилль и Меѳодій должны были составить новую Азбуку, по образцу Греческихъ буквъ, и недостающія буквы взяли изъ Греческой Азбуки и изъ древнихъ руновъ Славянскихъ или чертъ* (т. е. начертаній) *и рьзовъ* (т. е. нарѣзаній на деревѣ), о которыхъ говоритъ монахъ Храбръ. Очертаніе буквъ Славянскихъ, въ послѣдствіи измѣнилось, какъ-

то видно изъ прежнихъ рукописей, и нѣкоторыя буквы нынѣ вовсе отброшены, но основаніе осталось древнее. Константинъ жилъ около четырехъ съ половиною лѣтъ въ Моравіи, отправился въ Римъ; вступилъ въ монашескій чинъ, прозваннись Кирилломъ и скончался около 871 года. Меѳодій, возведенный въ санъ Архіепископа Моравскаго, продолжалъ трудиться надъ утвержденіемъ Христіанства, почти 30 лѣтъ, и умеръ около 899 года». На послѣдокъ (стр. 22—23): «По нашему мнѣнію, наши Церковныя книги писаны языкомъ, который былъ въ употребленіи у Славянъ, поселившихся въ Греціи, въ окрестностяхъ Селуня, а это нарѣчіе приближалось болѣе къ Булгарскому и Сербскому, т. е. къ нарѣчію Южныхъ Славянъ. Нельзя сомнѣваться, что въ древности всѣ Славянскія нарѣчія болѣе имѣли между собою сходства, но по нашему мнѣнію, они всегда (или по крайней мѣрѣ, съ незапамятныхъ временъ) различались формою рѣчи и произношеніемъ. Переведенныя книги Кирилломъ и Меѳодіемъ могли быть понимаемы тогда всѣми Славянами, но усвоить ихъ могли только Адриатическіе Славяне, Сербы, Булгары и Южныя Славяно-Руссы, которыхъ языкъ былъ весьма близокъ къ нарѣчію Греческихъ Славянъ. Мы почитаемъ Дунайскихъ Славянъ переселенцами изъ Россіи, слѣдовательно и различіе въ нарѣчіи между отдѣльными племенами не могло быть велико, въ теченіе трехъ сотъ лѣтъ, особенно при частыхъ сношеніяхъ». Вообще сочинитель, при всѣхъ промахахъ, говоритъ довольно дѣльно о многихъ Славянскихъ предметахъ, даже такое, чего у другихъ не отыщешь, да и старое является нерѣдко въ новомъ, болѣе выгодномъ для себя, видѣ, и тѣмъ наводитъ на новыя соображенія, которыя, статья можетъ, и не пришли бы безъ того.—Въ «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ» (Моск. 1851) томъ 1-мъ, главѣ IV-ой, обозрѣвая «состояніе Европейскихъ народовъ, преимущественно Славянскихъ, въ эпоху призванія князей», сочинитель, между прочимъ, замѣчаетъ (91—92), что «въ Византіи, въ IX-мъ вѣкѣ, происходитъ важное явленіе: богословскіе споры, волновавшіе ее до сихъ поръ, прекращаются: въ 842 году, въ годъ восшествія на престолъ Императора Михаила, съ котораго нашъ лѣтописецъ начинаетъ свое лѣтосчисленіе, созванъ былъ послѣдній, седьмой Вселенскій Соборъ для окончательнаго утвержденія догмата, какъ будто для того, чтобы этотъ окончательно установленный догматъ передать Славянскимъ народамъ, среди которыхъ въ то же самое время начинается распространяться христіанство; тогда же въ помощь этому распространенію является переводъ священнаго писанія на Славянскій языкъ, благодаря святой ревности Кирилла и Меѳо-

СѢИ

дія. По слѣдамъ знаменитыхъ братьевъ обратимся къ нашимъ западнымъ и южнымъ соплеменникамъ, судьбы которыхъ должны обратить на себя наше особенное вниманіе». И точно (исправивъ, во второмъ изданіи 1854 года, важную ошибку касательно времени послѣдняго Вселенскаго Собора), сочинитель, очеркнувъ состояніе и отношеніе Чеховъ съ V-го вѣка къ Германцамъ, Франкамъ, Аварамиъ, переходить къ состоянію Моравскаго государства, о которомъ основательно говорить (стр. 95—96), что «князь Моравскій долженъ былъ понимать, что для независимаго состоянія Славянскаго государства прежде всего была необходима независимая Славянская церковь, что съ Нѣмецкимъ духовенствомъ нельзя было и думать о народной и государственной независимости Славянъ, что съ Латинскимъ богослуженіемъ христіанство не могло принести пользы народу, который понималъ новую вѣру только со внѣшней, обрядовой стороны, и, разумѣется, не могъ не чуждаться ея. Вотъ почему князь Моравскій долженъ былъ обратиться къ Византійскому двору, который могъ прислать въ Моравію Славянскихъ проповѣдниковъ, учившихъ на Славянскомъ языкѣ, могшихъ устроить Славянское богослуженіе и основать независимую Славянскую церковь; близкій и недавній примѣръ Българинъ долженъ былъ указать Моравскому князю на этотъ путь; со стороны Византіи нечего была опасаться притязаній, подобныхъ Нѣмецкимъ: она была слишкомъ слаба для того,—и вотъ Ростиславъ посылаетъ въ Константинополь къ Императору Михаилу съ просьбою о Славянскихъ учителяхъ, и въ Моравію являются знаменитые братья—Кириллъ и Меѳодій, доканчиваютъ здѣсь переводъ священныхъ и богослужебныхъ книгъ и распространяютъ Славянское богослуженіе въ Моравію и Паннонію. Призывъ Кирилла и Меѳодія, полагаемый въ 862 году, совпадаетъ со временемъ основанія Русскаго государства, которому по преимуществу суждено было воспользоваться дѣломъ святыхъ братьевъ.— *Балудяцкій* (Андрей), Карпаторусъ, Мукачевскій каноникъ и въ Унгоградскомъ Лицеѣ профессоръ Исторіи и Церковнаго права, въ «Исторіи церковной Новаго завѣта (въ Вѣнѣ, 1852, изд. 3-ье), въ 1-й главѣ III-го періода (800—1517 г.), хотя основывается, большею частью, на второстепенныхъ источникахъ или пособіяхъ, однако, о началѣ Христіанства у Славянъ, предлагаетъ довольно правильное понятіе, а о судьбѣ Православной Церкви въ Угрію, Галицію и соседнихъ краяхъ, весьма любопытныя свѣдѣнія, доселѣ бывшія для насъ во многомъ неизвѣстными. Сочиненіе его написано нашимъ языкомъ и нашими буквами, съ небольшимъ оттѣнкомъ Малороссійскаго. О нашемъ предметѣ прямо утверждаетъ (стр. 168),

что «Кириллъ и Меводій Славянъ Апостолы изобрѣтенныя буквы Славянскія, которіи про то *кириллическія* называются, въ Моравію принесли, и Мораво-Чехомъ ніякій предъ тѣмъ алфавитъ неизмѣюшимъ, передали. Кромя того с. писаніе и книги Грековъ литургическія, въ Славенскій языкъ переведенніи, въ больше образцехъ переписать велѣли, по Моравіи распространили, и въ службу божію славенскій языкъ ввели, изъ которыхъ причины Славяне Моравскіи ихъ съ великою радостію и восторгомъ пріяли».—Изъ писателей прочихъ Славянъ: *Столяковичъ* (Александръ, Сербъ), въ «Исторіи Восточно-Славенскогъ богослуженія и Күріллекогъ кнѣжества кодъ Славена Западне цркве» (У Новомъ саду, 1847), такъ выражается, стр. 8—9: «Я тако мислимъ, да народъ Христіянскій и не може бити безъ художества писаня, и за то, кадъ (когда) смо доказали, да є една знаменита часть народа Србскогъ год. 640, т. е. на 200 и нѣсколько година пре (прежде) св. Күрілла и Мев. Христіянску вѣру пришила, онда смо скупа (вмѣстѣ) и то доказали, да є Срблыма художество писаня пре св. Күр. и Мев. на 200 и нѣсколько година познато было. Ясніє да изложимъ мнѣніє мое: Срблыи су пре крштєня свога имали безъ сумнѣ свою язическу азбуку, но почемъ они Христіянскій законъ приме, то одма (тотчасъ) изстребленіє такове постане главнымъ задаткомъ Грчкомє духовенству, о томє стараютємє, да шичєга не заостанє, што би покрштєній народъ Србскій на предяшнѣ свое язическо служєнє опоминяло. Тако заведена будє кодъ (у) Србля Грчка азбука. Садъ (теперь) се ны више появє, трудившисє ову за Славенско употребленіє усопособствовати, можда (можетъ быть) гдикое писмо по нужди и изъ язическе азбуке позаймивши. Овє о усавершенствованю Грчко-Славенске азбуке трудившєсє мужєвє сматрати можемо као предтєчє Св. Күрілла, *кои є истій посао (дѣло) сретню (счастливо) довршио, речєну азбуку у таково совршенство привєдши, да она и данєсѣ (нынѣ) предметъ удивленія учєни сачинява.* И за то ова азбука, о кое усавершенствованю Св. Күріллъ има найветє (наибольшія) заслугє, доциє (послѣ) у земляма, по коима є оиъ преимутьствєно проповѣдао и дѣйствовао, названа будє Күріллова азбука или Күріллица». Въ другомъ мѣстѣ «Писменама є, говорисє (стр. 14), св. Күріллъ умѣсто Грчки или Финскійски. Славенска имена надєнуо (надалѣ). Но мы завѣроятнєе држимо, да су то имена изъ старє язическо-народнє азбуке задржана». Сочинитєль держитєя мнѣнія земляка своего, Драгосавльвича и под. ему.—Извѣстній Польскій учєный, В. А. *Мацѣевскій*, въ «Исторіи первобытной Христіянскої Церкви у Славянъ», переведєнной по Руски Ор. Евєцкимъ и напе-

чатапной въ Варшавѣ, 1840, возражая Копитару, говорить (стр. 34—36): «Мы не повторимъ словъ г. Копитара, утверждающаго, что Римско-Католическое духовенство изобрѣло Глаголитскую азбуку, древнѣйшую нежели Кирилловская, которая потомъ много содѣйствовала къ усовершенствованію Славяно-Церковной азбуки (стр. IX, XI, XXXII Glag. Cloz.). Точное свидѣтельство исторіи, что церковная азбука изобрѣтена Кирилломъ и Меѳодіемъ (Epist. pap. Ioan. VIII) прежде Глаголической, какъ это всѣ утверждаютъ, и что Славяне, которые издавна были подвѣдомственны Восточно-Католической церкви, и тѣ, которые перешли на лоно ея изъ язычества, употребляли при божественной литургіи книги, писанныя одними только Кирилловскими буквами, низпровергаетъ мнѣніе г. Копитара. Славяне, обращенные въ Римско-Католическую Вѣру до Кирилла и Меѳодія въ Каринтіи и въ некоторыхъ другихъ мѣстахъ, могли употреблять при отправленіи богослуженія книги, написанныя другими какими нибудь письменами (на пр., Фрейзин. памятникъ); но чтобъ эти письмена были Глаголитскія, или чтобъ Кирилловскія отъ нихъ произошли, на это нѣтъ слѣдовъ въ исторіи и нѣтъ никакихъ историческихъ свидѣтельствъ въ подтвержденіе выше изложенныхъ предположеній. Происхожденіе Глаголитской азбуки, которая, по словамъ г. Копитара, изобрѣтена прежде Кирилловской, не восходитъ выше XI вѣка, судя по наружному ея виду и начертанію буквъ, и слѣдовательно относится, согласно съ общимъ мнѣніемъ, къ тому времени, когда, вмѣсто Кирилловской азбуки составлена новая, названная Глаголитскою. Ничего также не доказываютъ слова, которыя, по замѣчанію г. Копитара, получивъ начало въ западной Европѣ, перешли, при посредствѣ Глаголитской письменности, въ Кирилловскую и наконецъ удержались въ Старо-Церковномъ нарѣчій; потому что ясно уже доказано (Шафарикомъ, въ Славян. Древн. I, стр. подл. 814—824), что эти слова напротивъ имѣютъ корень въ Греческомъ языкѣ.—М. Вишневецкій, въ «*Historya literatury polskieje*», томъ 1-мъ (Краковъ, 1840), вѣрить въ старшинство Глаголицы передъ Кириллицей (стр. 167—172): «*Pismo glagolickie czyli bukwa, dawniejsze jest od Kurylicy czyli greckiego abecadła, które Cyryll do mowy słowiańskiej zastósował (приспособилъ), а które w Bulgaryi, Serbii, Pannonii i Morawii upowszechniło się (принялось) przedъ zaprowadzeniem Kurylicy. Słowianie pisali od prawej ręce ku lewej, podobnie jak Etruskowie i Grecy (?)*». А въ примѣч. 8-мъ повторяетъ слова Папенброха и Геншена, «*że Cyryll nie wynalazł abecadła, ale greckie zastósował do ruskiego (?)*».—Тышинскій, въ «*Rys historyczny oświecenia Słowian*» (Warsz. 1841), утверждаетъ (стр. 39), что Коп-

стантинъ, прибывши, послѣ путешествія своего къ Козарамъ, въ Булгарію, и «z narzeczem Słowian w stronie téj rozsianych z powodu pochodzenia swego, oznajomiony, zajął się był właśnie wynalazkiem dla mowy téj pisma, i przekładem na nią ksiąg śś., kiedy nowe poselstwo wnet (тогдашъ) далѣй го powołało. Roćislaw ksiązę Morawii upraszał także o missyę. Konstantyn udał się tu razem już ze swym bratem, Strachotą. Słowianie całéj téj strony rychło (быстро) przyjęli słowo, cała Serbia, Bulgarya i rozległe Morawii państwo stały się wkrótce chrześcijańskie. Przekład ksiąg śś. i wprowadzenie obrędu w jedném z narzczy słowiańskich tu też (w Morawii) ostatecznie dokonanemi zostały».—Что до иностранныхъ писателей, то въ послѣднее время можно только указать на болѣе прочихъ сноснаго въ этомъ случаѣ, извѣстнаго языковѣда, *Ейхюфа*, который такъ отзывается, въ «Histoire de la langue et de la littérature des Slaves» etc. (Paris, 1839) о нашемъ вопроств (стр. 180): «Ce fut probablement à son retour (изъ Козаръ) qu'il fut appelé (Cyrille) chez les Boulgares et les Serbes, pour lesquels il entreprit les grands travaux qui font encor bénir sa mémoire. Combinant avec art les caractères grecs avec quelques lettres empruntées à l'hébreu, à l'arménien, au copte, il composa un alhabet nouveau, propre à rendre tous les sons des idiomes slavons, et il entreprit avec cet alhabet la traduction complète des livres saints. Bientôt une autre ambassade, envoyée vers 862 par Rostislav, prince des Moraves, appela Constantin et Méthode avec ce peuple déjà converti, mais qui avait besoin d'être instruit encore dans la connaissance de la religion chrétienne. Ce fut là qu'ils se livrèrent avec zèle à l'interprétation de la Bible et à l'introduction de la liturgie, jusqu'en l'année 868, où le pape les invita à se rendre à Rome».

242. Много въ этомъ словѣ встрѣчаемъ важныхъ намековъ для дальнѣйшаго опредѣленія дѣятельности нашихъ благовѣстниковъ. На примѣръ: «Законъ же ѿ Кѣ принявшъ не своимъ племени. яко же Аврамъ, нъ изыкоу, нже не разумѣша десница своимъ, ни шюица». По видимому, это указываетъ на ихъ не Славянское происхождение; но выше: «Сни же стѣа оѣдъ и оуицела прѣсельника къста оуѣства своѣго и пришельца на землю тоужю», кажется, говорить не о родовомъ, племенномъ, происхожденіи, но лишь о колѣнномъ, больше въ землещномъ, чѣмъ народописномъ, отношеніи. При томъ выраженіе, слѣдующее ниже: не на тоужемъ основаниіи своѣ дѣло подлагающихъ, нъ изновъ писмена въобрѣжши и съвършиста въ изыкъ новъ», показываетъ, что если бы они были по всему чужды тѣмъ, для кого предприняли то, въ такомъ случаѣ, выраженіе: не на тоужемъ основаниіи» не имѣло бы сдѣсь мѣста. Или

СХІІ

же полъ нимъ разумѣть отношеніе двухъ азбукъ, той, которая доставила матеріалъ составителю, и той, которая изнова воображена была имъ, т. е., получила новый образъ отъ примѣненія письменныхъ знаковъ Греческихъ къ Славянскимъ звукамъ и прибавленія къ нимъ новыхъ, отчасти также взятыхъ изъ другихъ азбукъ, отчасти же преобразованныхъ посредствомъ соединенія тѣхъ и другихъ? Далѣе, какъ разумѣть: «закомъ же Бѣни соугоуѣво прѣложшиа»? На послѣдокъ, сходясь въ годъ смерти Кирилла: «и тако поун о Гѣ въ .҃҃.т. ѿз.» 6377, т. е., 869, съ показаніемъ Кириллова Житія по всѣмъ, извѣстнымъ мѣ, спискамъ его, Слово это не сходится однимъ годомъ въ означеніи времени кончины Меодія съ такимъ же въ Житіи его, именно: въ первомъ: «и тако поун ѿ Гѣ въ .лѣ ѿ тварн всьего мира. .҃҃. т. .҃҃. .д.»», а въ послѣднемъ: «поун въ .҃҃. днѣ мѣа апрѣлѣ, въ .҃҃. индиктѣ, въ .҃҃. и .҃҃. и .҃҃. и .҃҃. лѣ ѿ тварн всьего мира». Впрочемъ, такое разнорѣчіе только видимое, какъ показываетъ то ближайшее разсмотрѣніе, которое, однако, теперь было бы неумѣстно мѣ приводить здѣсь.

243. Slovan. starož., str. 814, Руск. II, кн. 2, стр. 324, прим. 88.

244. Блато или наше болото означаетъ не только просто топъ, плохое и тинистое мѣсто, покрытое стоячею водою, грязь, но еще, въ нѣкоторыхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ, лѣсь, особенно еловый, лиственный, боръ, растущій на немъ (Нижнелужицкое bloto, bwoto, boto, отсюда лѣсь по рѣкѣ Спревѣ или Сировѣ у селенія Буки, на мѣстѣ чрезвычайно низменномъ, простирающемся на нѣсколько верстѣ), а также, въ старину, и самую воду озерную, озеро, съ етѣми особенностями въ большемъ размѣрѣ, лужу. Въ Костромской губ. именно болотомъ называютъ лужу, а въ Смоленской крупной лѣсь (Опытъ областного Великорусск. словаря, стр. 12). Точно такъ боръ и бара, барина, въ Чешск. и Серб. сродны между собою, происходя отъ одного и того же корня; послѣднее значить лужу, болото, lacus, palus, а у Хорватовъ вообще лугъ, pratum, словомъ, всякую топкую страну, а боръ—лѣсь, растущій особенно на такихъ мѣстахъ. Слич. Нѣм. Born, Рум. и Алб. pereu.

245. *Аноним.* De conversione Bagoar. et Carant. ap. Kopitar, G la g., pag. LXXV. «Venerabilis archiepiscopus Juvavensium Adalwinus nativitatem Christi celebravit in castro Hezilonis, noviter Moseburch vocato, quod illi successit moriente patre suo privvino quem Maravi occiderunt; illo quoque die ibi officium celebravit ecclesiastici cum. Sequentisque die in proprietate Wittimarum dedicavit ecclesiam in honore S. Stephani protomartyris», etc. Копитаръ возражаетъ Добровскому касательно названія Salaburg и Moseburg: «Male dicit

Dobrovius, prius nomen fuisse *Salaburg*. Tolerabilius est alterum, quod nullo quidem teste proponit nomen, *Belgrad* sive *Velgrad*. Anonymus nonnisi Privinae civitatem appellat, tum novum edit sub Adalwino nomen Moseburg, cujus apud Fuldensium annalium continuatorem ad A. 890, latina videtur interpretatio: *urbs paludarum*. *Môs* enim *Bavaris* idem est, quod *Saxonibus Môr*, id est locus *palustris*. Тамъ же стр. LXXVII—LXXVIII. Стало, Mosburg, какъ я сказалъ, Блатноградъ, тѣмъ болѣе, что самое môs или môr идетъ отъ одного, корня съ море, Латин. mare, откуда Нѣм. Morast, Marsch. Сравни. еще «Cestopis do horní Italie a t. d., od J. Kollára», въ Пешти 1843, въ коемъ онъ, какъ очевидецъ, описалъ намъ нынѣшнее состояніе тамошняго края и говоритъ: «Okolí jest rawinatá dolina, přes niž řeka čili potok Sála ne tak teče jako raději podryvá a tratí se pod černau rašelinatou zemí (Torf). Woda říčky často cele z očí zmizí a opět, co neviděti, z trasowisk (трясинъ) pod nohami se přehybujících wykukává (появляется). Na obou březích Sály jsau mnozí roztracení a osamotnělí hájkové aneb kusy a chomáče (обрывки) lesůw na wětším díle wolšowých, které všechny zdější Mad'ari jedním slowem *Szataliget* t. j. Sál-ský háj (лѣсъ, боръ) jmenují; oni jsau pozůstatky onoho býwalého zde welikého a celistwého lesu, o němž Anonym Solnohradský píše, že hrad Priwinůw stal «in nemore et palude Salae fluminis» (pag. LXXIV). Tyto háje a stromy (деревья) zdější obywatelé pořád (безпрестанно) ještě wupalují a kolčují, aby z nich role a lauky mítí mohli» (стр. 11). О твердости и мѣстности положенія этого города замѣчаетъ и Регино подъ 880 годомъ: «Castrum munitissimum, quod Mosaburch nuncupatur, eo quod palude impenetrabili locus vallatus, difficillimum adeuntibus praebeat accessum». Дальше, излагая исторію, *Колмаръ* замѣчаетъ, что только въ 1019 году Угорскій король, Стефанъ, поставилъ снова въ этомъ мѣстѣ аббата Латинскаго обряда: «ubi ordinavimus Abbatem latinum nomine Petrum (пишетъ Стефанъ въ грам., въ «Diplomat. Феера»), въ Бенедиктинскомъ, имъ построенномъ, монастырѣ. Стало, Православное богослуженіе держалось тутъ съ 870 г. до этого короля, склоненнаго къ Латинству учителемъ и совѣтникомъ своимъ, Войгѣхомъ. До того имя его было *Woiк, Waik*, т. е., *Воикуъ*, довольно частое у Славянъ (отъ вошь, умыш., которое тоже употребляется и теперь еще, какъ собственное, даже у насъ); родные его также съ Славянскими именами: мать *Бьлюкнягини*, двоюродный братъ *Ладиславъ* или *Владиславъ*, жена его *Примислава*, другой двоюродный братъ *Wazud* или *Wazilei*—Славянская Православная форма известнаго Греческаго имени (стр. 16).

CXIV

246. Mährische Leg. S. 88.
247. Несторъ, III, Kap. X, S. 177, Руск. II, стр. 458.
248. Cyrill und Method, §. 7.
249. Slow. star., str. 814, пер. II, кн. 2, стр. 324, прим. 89.
250. *Dümmler* (Er.) Ueber die südöstlichen Marken des fränkischen Reiches unter den Karolingern» (795 — 907), въ X-ой части «Archiv für Kunde österr. Geschichts-Quellen» u. s. w., S. 34.
251. *Шафарикъ*, Slov. star., str. 814, пер. II, кн. 2, стр. 324, прим. 87.
252. *Конст. Багрянородный* Chronogr. lib. III, 28.
253. Kalendaria Ecclesiae universa II, pag. 367.
254. Mähr. Leg., S. 81.—Slow. star. I, str. 811, Руск. II, кн. 2, стр. 316, прим. 74.
255. Житіе Кирилла.
256. *Martini Fuldensis Chronicon*, въ Io. Geo. *Eccardi* Corpus historicum medii aevi, tom. I, pag. 1665.
257. См. выше, примѣч. 71.
258. Въ Макар. Четв.-Мшеѣ оно помѣщено между проложнымъ и пространымъ Житіями сего святаго.
259. Кромѣ того, всюду рѣчь, какъ участника въ обрѣщеніи: «сътворихомъ, идохомъ, покаяхомъ, поставихомъ рѣкоу тоу, иѣше съ нами и съпохвалъ; въ пещли же имъ соудремъ, зме много уасъ преде и ништо же хваса, ишлахомъ оубо оуми и оумъ ово къ Кбѹ кождоуаре, око къ стѣн тои раце илоуаре, явие яоуаре сице».
260. Разцвѣтъ Славян. письмен. въ Булгаріи, стр. 4, прим. 2.
261. *Gesenius*, Hebr. Grammat. 1842, §. 3.
262. Cyrill und Method, §. 16. Въ этомъ Добровскій собственно возражаетъ Шлецѣру, и въ заключеніе выражается словами Ассемани: «Wir unterscheiden also Assemani's wahrscheinlichen Schluss, nach welchem unser Method von dem Maler Method nicht verschieden, sondern mit ihm eine und dieselbe Person ist: «Conveniunt tempora, nomen Methodii, locus praedicationis, historici denique, qui illum primo Bulgaris, deinde Moravis praedicasse scribunt» (р. 44). Gründe genug für unsre Meinung».
263. Тамъ же, §. 14.
264. Симеонъ Логоветъ, Девъ Грамматикъ, Георгій Монахъ, Продолжатель Константина Багрянороднаго, Кедригъ и Зонара. *Stritter* II, pag. 570—572.
265. На 171-мъ листѣ; онъ писанъ крупнымъ уставомъ, въ два

столбца; мѣсяцы сентябрь, октябрь и ноябрь. Заглавіе: «Юдо сѣго Георгіа о вѣрѣ и о Болгаріи».

266. Далѣе, историческая часть сего разсказа чрезвычайно важна и совершенно нова для насъ: «и потомъ сподобн и Кѣ. да принитъ ангѣлски образъ, ѿ хъстника сего жития къ вѣшнимъ нѣрѣмъ къ Ху прѣстависа. И нече юму живу сѣцю в хернеуствѣ, и в него мѣсто сѣцю Колодимеру, сѣю иго перкому, зѣи кѣкнѣ Бѣис и Михилово из Семсонтъ, и приа столъ, сѣгнакъ братъ, и вѣста из на изукъ Оугорьскни, и полониша юмоу, во тѣ годъ и миз сѣцю въ стун тон. Кѣрландъ же и рече великии архимандритъ: нмѣ самомъ поуцѣтъ тѣ ване ѿ княза? Онъ же рече ми: Азъ, оубо. сѣла мѣсамъ нмѣлъ нѣкогсго же, ни юсемъ жылъ, идѣже князь живаше, но кѣт, в людехъ; нко нѣ разгидиш Оугри, побѣже насъ юдитѣмъ лѣуцѣмъ, и погнаша нѣ Оугри, и лѣуха ми коуь смѣети и оставати», и проч.

267. Въ «Anhang III: «Ueber das Jahr, in welchem der bulgarische Fürst Bogoris getauft ward» (S. 80—82) къ соч: «Ueber die südöstlichen Marken des fränkischen Reiches unter den Carolingern» (795—907), въ 1-мъ выпускѣ X-ой части «Archiv für Kunde österreichischer Geschichts-Quellen». Возраженія, сдѣланныя Диммлеромъ Паджи, больше чѣмъ слабы; выходками въ общихъ выраженіяхъ противъ Византійцевъ не опровергаютъ противниковъ: нужно отдѣлѣть у нихъ истину отъ лжи, которой не меньше и у другихъ лѣтописцевъ объ этомъ предметѣ.

268. Москвитянинъ 1843, кн. VI, стр. 422—423.

269. По всему вѣроятію *Гондрихъ* или *Гонрдихъ* — Гавдерикъ (Gaudericus), епископъ Велитрскій, коему приписываютъ составленіе Житія св. Климента, папы Римскаго, посвященнаго папѣ Іоанну VIII-му, въ 3-хъ книгахъ. Извѣстное сказаніе «De translatione corporis b. Clementis», по мнѣнію отца Геншена, есть только отрывокъ изъ третьей книги, содержаніе коей составляли: «miracula, prodigia, exultationis angustiae» etc. Онъ тоже является въ Римѣ со времени вступленія Адріяна на папство, который возвратилъ его изъ ссылки. — Москвитянинъ, 1843, кн. VI, стр. 423—424.

270. Творенія Св. Отцевъ въ Русскомъ переводѣ. 1853 г., кн. IV-я, стр. 663.

271. Я. С. *Бандтке*.

272. Geschichte der slawischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten. Ofen, 1826, S. 118—119

О П Е Ч А Т К И.

Напечатано:

стрп.	строк.	
11	16	<i>τὰς</i>
24	14	вѣрованіе
29	14	сославлены
30	20	<i>in</i>
42	19	<i>№ 179</i>
48	2	40
50	29	авфнѣна на
108	27	Прѣсвяю
120	17	656
121	27	влади
138	19	про сто
139	15	Кирилла
175	11	<i>auxlio</i>
197	3	къ задачѣ, своей онъ,
XXXIII	2	снизу: ѿд
LXIV	4	1838
LXIX	7	снизу: <i>Vindobo-</i> <i>ae</i>
—	3	— <i>at</i>

Читати:

<i>τὰς</i>
вѣрованіе
составлены
<i>in</i>
175
42
Авфнѣнна
Прѣсвяю
856
влади
просто
Кирилла
<i>auxilio</i>
къ задачѣ сво-
ей, онъ,
ѿ для
1848
<i>Vindobo-</i> <i>nae</i>
<i>et</i>

